Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛЕНИН

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

20

ПЕЧАТАЕТСЯ
ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ИЗДАНИЕ ПЯТОЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1973

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА при ЦК КПСС

В. И. ЛЕНИН

ТОМ
20

Ноябрь 1910 ~ ноябрь 1911

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1973

3К2

$Л\frac{0112 — 099}{079(02) — 73}$ Подписное

ПРЕДИСЛОВИЕ

В двадцатый том Полного собрания сочинений В. И. Ленина входят произведения, написанные в период с ноября 1910 по ноябрь 1911 года.

1910—1911 годы были переломными в общественно-политической жизни России. Полоса господства черносотенной реакции, наступившая после поражения революции 1905—1907 гг., подходила к концу. В массах нарастало брожение, крепло сознание необходимости борьбы с самодержавием.

Существенные изменения наблюдались в эти годы в экономике страны. После длительной депрессии, продолжавшейся до 1909 года, началось оживление в промышленности, перешедшее в 1910 году в промышленный подъем. Росла продукция важнейших отраслей промышленности, увеличилась концентрация производства и капитала. Вместе с ростом численности пролетариата возрастала и сосредоточенность его на крупных предприятиях.

Однако экономическое развитие России по-прежнему тормозилось сильными пережитками крепостничества. Все это обостряло социально-экономические противоречия, усиливало нарастание нового революционного кризиса в стране.

Не могли спасти царизм от надвигавшейся революции шаги, сделанные им на пути превращения России в буржуазную монархию, его попытки таким образом решить задачи, выдвинутые всем ходом развития страны

по капиталистическому пути. Не оправдала надежд самодержавия III Дума, где главенствовал блок октябристов и кадетов — представителей крупного помещичьего землевладения и верхов торгово-промышленного капитала. Результатом столыпинской аграрной политики было разорение, обнищание многомиллионных масс крестьянства. Неурожай 1911 года повлек за собой голод, который охватил около 30 миллионов крестьян и обострил положение в деревне.

В статьях «Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе»», «Кадеты и октябристы», «О значении кризиса», «Столыпин и революция» и др., включенных в настоящий том, Ленин дал анализ социально-экономических процессов, происходящих в стране. Обострение классовых противоречий, дальнейшее поправение либеральной буржуазии, нарастание протеста среди масс — все это говорило о том, что столыпинская политика потерпела полный крах. «Столыпин пытался, — писал Ленин, — в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути» (настоящий том, стр. 329).

Глухое брожение, которое нарастало в демократических слоях населения, в середине 1910 года стало переходить в открытую борьбу. Первым выступает против царизма рабочий класс. Уже летом появились явные признаки оживления рабочего движения — значительно возросло количество стачечников, сами стачки стали приобретать все более наступательный характер. В 1911 году число рабочих, участвовавших в стачках, составило свыше 100 тысяч, т. е. вдвое больше чем в 1910 году; в 1912 году бастовало уже более миллиона рабочих. Вслед за пролетариатом поднялось крестьянство, активно выступая против произвола помещиков и кулаков.

Ленин, находясь в эмиграции, в Париже, внимательно следил за всеми проявлениями политической активности рабочего класса, за нарастанием общедемократического подъема в России. Произведения Ленина

проникнуты глубокой верой в силы рабочего класса, в силы народных масс, снова поднимающихся на борьбу с самодержавием. «Не начало ли поворота?» — так называется его статья, написанная в ноябре 1910 года, которой открывается настоящий том. В статье «Начало демонстраций» Ленин писал: «Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции» (стр. 75).

Ленинский прогноз полностью оправдался — стачки и демонстрации 1910—1911 годов были началом нового мощного революционного подъема.

Перед партией рабочего класса стояла задача возглавить нарастающий революционный подъем, который должен был привести пролетариат в союзе с крестьянством к победе буржуазно-демократической революции в России. Новая обстановка выдвигала перед партией задачи практического руководства революционной борьбой рабочего класса против царизма — стачечным движением, митингами и демонстрациями, агитацией в массах в предстоящей избирательной кампании в IV Государственную думу. Осуществить эти задачи — широко использовать все легальные возможности для укрепления связей с массами, для борьбы за интересы масс — можно было только решительно сплотив все подлинно партийные элементы в нелегальных партийных организациях.

Между тем партия переживала тяжелый кризис. К концу 1910 года окончательно выяснилось, что решения Январского пленума ЦК не выполняются ни ликвидаторами-голосовцами, ни отзовистами-впередовцами. Фракционная газета меньшевиков-ликвидаторов «Голос Социал-Демократа» продолжала издаваться. Мартов и Дан, входившие в редакцию Центрального Органа партии газеты «Социал-Демократ», срывали работу редакции, препятствовали проведению ленинской линии. Свое преобладание в Заграничном бюро ЦК РСДРП ликвидаторы-голосовцы использовали для того, чтобы мешать большевикам наладить работу центральных учреждений партии.

В России ликвидаторы, так называемые независимцы-легалисты во главе с Потресовым, на страницах своих журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни» объявляли нелегальную партию несуществующей, а задачу ее укрепления — «реакционной утопией». Голосовцы выступали с открытой поддержкой независимцев-легалистов и тем самым окончательно скатились на позиции ликвидаторства.

Впередовцы создали антибольшевистский центр в так называемой партийной, а по существу фракционной школе в Болонье. Они заявляли, что отзовизм является «законным оттенком» в партии и проповедовали антимарксистские философские взгляды.

Троцкий открыто вступил на путь раскола партии. Он провел в группке троцкистов за границей резолюцию с призывом созвать «общепартийную» конференцию помимо и против ЦК. Фактически уже к этому времени Троцкий сколачивает антипартийный блок ликвидаторов, отзовистов, троцкистов, окончательно оформившийся в августе 1912 года и получивший название Августовского блока.

Ленин в своей заметке «О краске стыда у Иудушки Троцкого» и в статье «О положении дел в партии» характеризовал Троцкого как предателя интересов партии, а его позицию как авантюру и в смысле идейном — объединение всех врагов марксизма, и в смысле партийно-политическом — обман рабочих фразами о возможности «дружной работы» с голосовцами и впередовцами, и в смысле организационном — подготовка созыва антипартийной конференции.

Партия в этот период фактически оказалась без руководящего центра. Меньшевики-ликвидаторы, избранные в ЦК РСДРП на V (Лондонском) съезде, отказались работать в Русском бюро ЦК и даже объявили само существование ЦК вредным. В марте 1911 года в связи с арестами в России членов ЦК — большевиков Русское бюро ЦК перестало существовать.

В обстановке тяжелого кризиса, который переживала партия, только большевики во главе с Лениным сохранили верность партийному знамени, возглавили борьбу

за подлинное единство всех партийных элементов на принципиальной основе. Впоследствии, характеризуя значение этого периода в жизни партии, Ленин писал: «Два года после пленума, которые кажутся многим маловерам или дилетантам в социал-демократии, не желающим понять дьявольской трудности задачи, годами никчемных, безысходных, бессмысленных склок, распада и развала, были годами выведения на дорогу с.-д. партии из болота ликвидаторских и отзовистских шатаний» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 310—311).

В противовес беспринципному антипартийному блоку Троцкого с голосовцами и впередовцами Ленин выдвинул задачу укрепления блока большевиков с меньшевиками-партийцами.

С октября 1910 года в Париже начала выходить большевистская «Рабочая Газета», в которой принимали участие меньшевики-партийцы. Лениным был поставлен вопрос о необходимости возрождения легальной марксистской печати в России, развертывания на ее страницах борьбы за партию, против ликвидаторов, защиты идейных основ марксизма, В декабре 1910 года начали выходить — в Петербурге большевистская легальная газета «Звезда», в Москве — марксистский философский и общественно-экономический журнал «Мысль», Ленин из-за границы осуществлял идейное руководство этими органами. В них было опубликовано свыше 50 статей Ленина.

Оценка большевиками положения в партии дана Лениным во включенных в том «Открытом письме ко всем социал-демократам партийцам» от имени редакции «Рабочей Газеты», письмах в Российскую коллегию ЦК РСДРП, заявлении «В Центральный Комитет», в статье «О положении дел в партии» и др. Статья «О положении дел в партии» в целях широкого осведомления членов партии об антипартийных действиях ликвидаторов (голосовцев и независимых легалистов) и Троцкого была издана 23 или 24 декабря 1910 года (5 или 6 января 1911 года) отдельным оттиском из № 19 газеты «Социал-Демократ».

Ленин предпринимает решительные шаги по разоблачению фракционной, антипартийной политики голосовцев и впередовцев, по восстановлению центральных партийных учреждений. Большевики заявили, что они не считают больше себя связанными формальным единством с голосовцами и впередовцами, нарушившими решения Январского пленума ЦК. 22 ноября (5 декабря) 1910 года Ленин вместе с другими большевиками подал заявление в Заграничное бюро ЦК с требованием немедленного созыва пленума ЦК. Однако ликвидаторы, укрепившиеся в ЗБЦК, всячески противодействовали созыву пленума.

Полгода прошло в напряженной борьбе большевиков с ликвидаторами-голосовцами за созыв пленума. 28 мая — 4 июня (10—17 июня) 1911 года в Париже состоялось совещание членов ЦК РСДРП, находящихся за границей, созванное Лениным и другими большевиками помимо ликвидаторского ЗБЦК, сорвавшего созыв пленума. Из ленинского «Письма совещанию членов ЦК РСДРП за границей» видно, в какой напряженной обстановке оно созывалось, какую трудную борьбу по преодолению сопротивления ликвидаторов вынесли большевики. В документах, написанных перед совещанием, — «Конспекте (плане) доклада трех цекистов-беков частному совещанию девяти членов ЦК» и докладе о положении дел в партии (опубликован впервые в настоящем томе), Ленин показывает, что созыв совещания являлся единственно возможным и единственно правильным выходом из того тяжелого положения, к которому привела партию дезорганизаторская деятельность голосовцев, впередовцев и Троцкого. Задача партии, указывал Ленин, сплотить партийных рабочих в России для прямого выступления против независимцев-легалистов, для подготовки к выборам в IV Государственную думу и проведения в Думу кандидатур рабочих, сознающих опасность этого течения, начать немедленно работу по созданию Российской организационной комиссии для созыва общепартийной конференции.

В документах, связанных с работой совещания, отражена борьба Ленина за такое направление его

работы, победа которого означала бы реальные шаги к объединению и сплочению партии. Материалы совещания в настоящем томе по сравнению с предыдущими изданиями Сочинений В. И. Ленина представлены значительно полнее. Впервые публикуются в томе протокольные записи восьми выступлений Ленина по вопросам о конституировании совещания и о созыве пленума ЦК, в которых Ленин дал отпор попыткам бундовца и голосовца сорвать совещание. Впервые включены в собрание Сочинений опубликованные ранее в 1933 году в Ленинском сборнике XXV «Предложение к резолюции о созыве партийной конференции», в котором Ленин поставил вопрос о создании Российской организационной комиссии, и «Заявление» с протестом против допустимости участия голосовцев и впередовцев в Заграничной организационной комиссии по созыву конференции.

Июньское совещание членов ЦК РСДРП приняло решения, направленные на восстановление Центрального Комитета партии, осудило линию ликвидаторского Заграничного бюро ЦК и заявило о полном разрыве с ним, создало комиссию по созыву пленума ЦК, Организационную комиссию по созыву всероссийской конференции и Техническую комиссию для обслуживания партийного издательства, транспорта и т. п.

Совещание имело важное значение в жизни партии. Оценивая события в партии, происшедшие в июне — июле 1911 года, и прежде всего решения совещания, Ленин писал: «Принципиальная линия пленума (очистка рабочей партии от *буржуазных* течений ликвидаторства и отзовизма) освобождена теперь от скрывавших ее ликвидаторских центров» (стр. 301).

На основе решений июньского совещания большевики еще шире развернули работу по созданию настоящего единства всех партийных элементов, по сплочению нелегальных партийных организаций в России. Опытные партийные работники — большевики, направленные Лениным в Россию, опираясь на нелегальные партийные организации, провели работу по созданию Российской организационной комиссии (РОК), которая

подготовила созыв в 1912 году VI (Пражской) партийной конференции.

Одной из мер, принятых Лениным для укрепления партии, было создание весной 1911 года партийной школы в Лонжюмо (местечко близ Парижа) в целях подготовки партийных кадров из рабочих. Для занятий в школе съехались представители партийных организаций важнейших пролетарских центров России. Ленин был идейным руководителем школы. Им было прочитано в школе 29 лекций по политэкономии, 12 — по аграрному вопросу, 12 — по теории и практике социализма в России. В томе впервые публикуется заявление, написанное Лениным 17 (30) июля 1911 года, с протестом против действий примиренцев, срывавших финансирование школы в Лонжюмо.

Ленин, придавая первостепенное значение укреплению российских партийных организаций, в то же время, сразу после июньского совещания членов ЦК, принимает меры к сплочению большевиков за границей. 18 июня (1 июля) 1911 года он участвует в собрании II Парижской группы РСДРП и вносит написанную им резолюцию о положении дел в партии. Собрание большинством голосов приняло ленинскую резолюцию, присоединившись к решениям июньского совещания членов ЦК. В этом документе, так же как и в предисловии к брошюре «Две партии» и в статье «Разговор легалиста с противником ликвидаторства», Ленин обращает особое внимание на то, что легалисты-независимцы и голосовцы не только выступают против нелегальной партии, но становятся на путь создания новой, открытой партии, которую Ленин называет столыпинской «рабочей» партией. Никакое соглашение с деятелями этой новой партии, писал Ленин, невозможно, оно может только «затормозить восстановление РСДРП, запутать ее в новую игру с голосовцами (или их лакеями вроде Троцкого), впередовцами и т. п.» (стр. 303— 304).

Примиренчество явилось серьезным препятствием на пути к сплочению и укреплению партии. После июньского совещания членов ЦК примиренцы в ко-

миссиях, созданных совещанием, проводили фракционную политику, отказывались подчиняться решениям Российской организационной комиссии, а в своих печатных изданиях обвиняли большевиков во фракционности и нетерпимости, оправдывали антипартийные действия ликвидаторов. В статьях «Положение дел в партии», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»)», «О новой фракции примиренцев или добродетельных» Ленин раскрыл опасность примиренчества и в особенности троцкизма, проповедовавшего соглашение между всеми и всяческими фракциями. Характеризуя Троцкого, как присяжного адвоката, лакея ликвидаторов, Ленин писал: «Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства» (стр. 320). Существенной разницы между группой парижских примиренцев и троцкистами не было. Примиренцы, говорил Ленин, являются просто непоследовательными троцкистами, простыми подголосками Троцкого.

Попытки ликвидаторов подвести теоретическую основу под свое отречение от революционных задач рабочего класса, ревизия философских основ марксизма, предпринятая российскими махистами из группы «Вперед», возросший в массах в период «переваривания» уроков революции 1905—1907 годов интерес к общетеоретическим основам марксизма, — все это выдвинуло перед партией задачу углубленного внимания к вопросам теории марксизма и к коренным основам тактики рабочего движения. «Теория марксизма, *«принципиальные основы»* всего нашего миросозерцания, всей нашей партийной программы и тактики, — писал Ленин, — не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии» (стр. 58).

Защита основ марксистской теории от искажений ее оппортунизмом (ревизионизмом, реформизмом) и анархо-синдикализмом, своеобразным проявлением которых в России были ликвидаторство и отзовизм, являлась насущной задачей революционных марксистов.

Потоку ренегатских отступлений от марксизма, который лился со страниц газет и журналов западноевропейских и русских оппортунистов, Ленин противопоставил глубокий научный анализ корней оппортунизма, показал его опасность для рабочего движения.

В статьях «Марксизм и «Наша Заря»», «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве», «Полемические заметки», «Разговор легалиста с противником ликвидаторства», «О старых, но вечно новых истинах», «Манифест либеральной рабочей партии» Ленин показывает, что ликвидаторы пропагандируют буржуазно-либеральные идеи, ничего общего не имеющие с марксизмом, что они окончательно скатились на путь либеральной рабочей политики, на путь реформизма.

Источники, порождающие реформизм, Ленин особенно глубоко и всесторонне раскрыл в работе «Реформизм в русской социал-демократии». В связи с развитием капитализма и быстрым ростом рабочего движения, писал он, буржуазия перешла к новой тактике, выдвинув лозунг «реформы против революции». Ценой половинчатых уступок, небольших социальных реформ буржуазия стремится подорвать единство рабочего класса, оттянуть гибель капиталистического строя, затруднить осуществление социальной революции. В условиях России, кроме того, реформизм питался отсталостью страны, склонностью массы мелких собственников к колебаниям. Отказ ликвидаторов от лозунга гегемонии пролетариата Ленин расценивал как самый грубый вид реформизма в русской социал-демократии, а их заявления о том, что буржуазная революция закончена — как словесное прикрытие отречения от всякой революции.

В настоящем томе печатаются работы, в которых нашла отражение непримиримая борьба Ленина с реформизмом и оппортунизмом во II Интернационале. К этим произведениям относятся: «Разногласия в европейском рабочем движении», «Два мира», «Конгресс английской социал-демократической партии» и др.

Для понимания корней оппортунизма и причин, порождающих тактические разногласия в мировом рабочем движении, большое значение имеет статья «Разногласия в европейском рабочем движении». Характеризуя основные течения, отступающие от марксизма в области теории и тактики, Ленин указывает на ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от марксизма наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех капиталистических странах. Ленин разъясняет, что коренные причины отступлений от марксизма нужно искать в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран. Одна из причин возникновения разногласий в рабочем движении — вовлечение в него новых «рекрутов», новых слоев трудящихся, нередко усваивающих только отдельные стороны марксизма и подверженных влиянию буржуазного и мелкобуржуазного мировоззрения. Прямое влияние последнего на рабочее движение проявляется в том, что ревизионисты, как и анархисты, объявляют взаимоисключающими черты рабочего движения, присущие тому или другому периоду его развития. Ревизионисты, например, отрицают учение о революции как о скачке, принимают реформы, вполне совместимые с буржуазным строем, за частичное осуществление социализма. Анархисты отрицают необходимость «мелкой работы», систематической, кропотливой работы в массах, особенно использования парламентской трибуны, что на деле приводит к отказу от подготовки к будущему наступлению на капитализм. «И те и другие, — писал Ленин, — тормозят самое важное, самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании» (стр. 66—67). В зависимости от тактики буржуазии по отношению к рабочему классу происходит рост той или другой тенденции в рабочем движении: наступление, нажим на

рабочий класс вызывает рост анархо-синдикализма, а поворот буржуазии к частичным уступкам — рост правого оппортунизма.

В статье «Два мира», посвященной итогам Магдебургского съезда Германской социал-демократической партии, Ленин на конкретном примере показал роль оппортунистов в рабочем движении. Оппортунисты, писал Ленин, пропитаны верой в буржуазию, в буржуазную «законность», преклоняются перед ней, считают эту «законность» вечной, утверждая, что социализм уместится в ее рамках. Они не понимают, что вся эта «законность» разлетится вдребезги, когда дело коснется главного и основного — буржуазной собственности. Ленин указывал, что на съезде четко выявились две точки зрения — точка зрения пролетарской классовой борьбы, выраженная в выступлении Бебеля, и реформистская точка зрения, представленная Франком и др. Реформисты, пишет Ленин, используют буржуазную «законность» для так называемой положительной работы, для блоков с либералами, приносят коренные интересы рабочего движения в жертву минутным, поверхностным выгодам. Классовая борьба пролетариата, говорит Ленин, может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но неизбежно приводит к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушенным.

Разоблачению социал-шовинизма, одного из видов оппортунизма, который в условиях непрерывно возраставшей угрозы мировой империалистической войны представлял огромную опасность для рабочего движения, посвящена статья «Конгресс английской социал-демократической партии».

Изучение опыта рабочего движения помогает уяснить на конкретных примерах сущность марксистской тактики, классовое значение отступлений от марксизма, помогает успешнее бороться с этими отступлениями, — таковы выводы, которые делает Ленин в своих статьях, посвященных вскрытию корней международного оппортунизма, разоблачению его опасности.

Образцом творческого развития марксизма является статья «О некоторых особенностях исторического развития марксизма». Напомнив известное положение Энгельса о том, что марксизм является не догмой, а руководством к действию, Ленин отмечает, что тот, кто упускает из виду творческую сторону марксизма, подчеркнутую в этом положении, делает марксизм уродливым, односторонним, вынимает из него «душу живу», подрывает его коренные теоретические основания — диалектику, подрывает его связь с практическими задачами той или другой исторической эпохи.

Правильно определить задачи партии и рабочего класса России в условиях, когда бурные революционные события 1905—1907 гг. сменились периодом реакции, можно было только творчески применяя марксизм к изменившейся общественно-политической обстановке. Ленин указывает, что основные программные задачи партии не изменялись на протяжении этих лет, так как не изменялось, в основном, соотношение между классами. Но конкретные задачи и методы борьбы изменялись в соответствии с определенной социально-политической обстановкой. В зависимости от обстановки, в марксизме, как учении, являющемся живым руководством к действию, на первый план выдвигались различные его стороны. В революционные 1905 — 1907 годы на первый план выдвинулись вопросы тактики, осуществление преобразований во всех областях жизни страны. В новых условиях, в 1907—1910 годах, с наступлением периода реакции, когда массы должны были усвоить, переработать революционный опыт, когда пролетариат и его партия собирали силы для будущего наступления на самодержавие, на первый план выдвинулась борьба партии за основы марксизма, против шатаний в области теории. Это была борьба против ревизии общих философских основ марксизма, борьба против догматиков, не способных понять творческий характер марксизма, повторявших заученные лозунги, и, наконец, борьба против реформистов, прикрывавшихся марксистской фразеологией, а на деле скатывавшихся к проповеди буржуазно-либеральных идей.

Ленин призывал революционных марксистов сплотиться для защиты теоретических основ марксизма, его коренных положений, искажаемых оппортунистами.

Ленинские статьи по вопросам марксистской теории и тактики рабочего движения вооружили большевиков ясным пониманием важнейших теоретических вопросов и сыграли большую роль в борьбе революционных марксистов против оппортунизма в русском и международном рабочем движении. Не меньшее значение они имеют и на современном этапе международного рабочего и коммунистического движения. Подновленные современными ревизионистами оппортунистические теории представляют собою новую попытку подменить революционный марксизм новым якобы усовершенствованным «марксизмом». Эти теории не имеют ничего общего с марксистско-ленинским учением, извращают основные положения марксизма, отражают буржуазную идеологию в теории и на практике. Ревизионисты, повторяя избитые фразы бернштейнианцев о возхможности сотрудничества между рабочими и капиталистами, пытаются доказать, что современное капиталистическое общество развивается по линии смягчения классовых противоречий, что происходит процесс постепенного превращения капитализма в социализм. В ряде стран ревизионисты, возрождая старые теории российских ликвидаторов, выступают с требованиями замены коммунистических партий широкими неклассовыми организациями, объединяющими различные слои общества.

Ленинские статьи, направленные против оппортунизма, в которых вскрываются классовые корни ревизионизма, его опасность для рабочего движения, так же как и опасность догматического понимания марксизма, вооружают коммунистов всех стран для борьбы с извращениями марксистско-ленинского учения, за творческое применение его основных положений к современной действительности, за дальнейшее развитие марксизма.

В настоящий том входит ряд статей, написанных Лениным в связи с пятидесятилетием «крестьянской»

реформы 1861 года: «Пятидесятилетие падения крепостного права», «По поводу юбилея», ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». Эти статьи являются образцом умения использовать юбилейную дату важного исторического события для глубокого научного анализа данного события, его последствий, установления его связи с насущными задачами партии на соответствующем этапе. Ленин, устанавливая связь между буржуазным характером крепостнической «крестьянской» реформы 1861 года и столыпинской аграрной политики, делает вывод, что никакие буржуазные реформы, проводимые крепостниками, не могут предотвратить революцию, и что целью борьбы партии и рабочего класса по-прежнему остается свержение царизма.

Наряду с этим Ленин прослеживает исторически сложившиеся направления, тенденции в общественно-политической жизни России и определяет их как либеральную и демократическую. Борьба этих тенденций в конечном итоге должна была определить исход борьбы за новый общественный строй страны. Либеральная тенденция в своем развитии привела к образованию партии либерально-монархической буржуазии — кадетов. Демократическая, революционная тенденция вела свое начало от Н. Г. Чернышевского. Ленин характеризовал Чернышевского не только как наиболее последовательного выразителя демократической тенденции, не только как социалиста-утописта, но и как революционного демократа, который ясно видел крепостнический характер реформы 1861 года, холопство либералов перед власть имущими, их боязнь революции и проводил «через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (стр. 175).

Впоследствии, с развитием революционной борьбы, демократическая тенденция разделилась на две — демократическую и социалистическую. Преемником демократической тенденции были трудовики — представители мелкобуржуазной крестьянской массы. Носителем социалистической тенденции стал российский рабочий

класс, создавший марксистскую пролетарскую партию. Связывая либеральную и демократическую тенденции с двумя возможными путями развития России — путем приспособления страны к старым, крепостническим порядкам и путем коренного устранения, ломки старого, — Ленин призывал партию бороться за победу второго пути, отвечающего коренным интересам народных масс, высвобождать колеблющихся из-под влияния либералов и, непреклонно борясь со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма, вести пролетариат в союзе с крестьянством к новой революции.

Огромное значение для партии имела подготовка кадров пролетарских революционеров из среды передовых рабочих. Выдающимся представителем поколения пролетарских революционеров, прошедших под руководством Ленина школу революционной борьбы, был рабочий-большевик Иван Васильевич Бабушкин, работавший под руководством Ленина в 1895 году в петербургском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Памяти пролетарского революционера, беззаветно преданного делу рабочего класса, посвятил Ленин включенный в настоящий том некролог «Иван Васильевич Бабушкин». Ленин показывает, что именно героической, упорной работой в массах таких передовых рабочих, каким являлся Бабушкин, была создана подлинно пролетарская, революционная партия в России. «Без таких людей, — писал Ленин, — русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации» (стр. 82).

Ряд статей, включенных в настоящий том, посвящен вопросам международного рабочего движения, памяти вождей рабочего класса. Среди них — «Павел Зингер», «Речь, произнесенная от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг 20 ноября (3 декабря) 1911 г.» и др.

В статье «Памяти Коммуны» Ленин дал глубокий анализ сущности Парижской Коммуны, как первого в мире рабочего правительства, мероприятия которого были направлены против основ капиталистического строя. Героическая борьба парижских коммунаров, при-

мер рабочего правительства Коммуны подняли дух миллионов рабочих, возбудили их надежды и привлекли их симпатии на сторону социализма. «Дело Коммуны, — писал Ленин, — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно» (стр. 222).

В том включены статьи В. И. Ленина, посвященные великому русскому писателю Л. Н. Толстому; «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба» и «Л. Н. Толстой и его эпоха».

Статьи В. И. Ленина о Толстом, опубликованные в большевистских печатных органах за границей и в России, всесторонне и глубоко раскрыли всю сложность творчества Толстого, вскрыли связь его творчества с коренными вопросами русской революции. В этих статьях показана огромная сила критики Л. Н. Толстым общественных порядков царской России. Эта критика, указывал Ленин, отличалась страстностью, силой чувства, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в своем стремлении найти настоящие причины бедствий народных масс. Правдиво, во всю силу огромного таланта отразив в своих произведениях историческое своеобразие целой предреволюционной эпохи — эпохи подготовки крестьянской революции в условиях высокоразвитого капитализма, силу и слабость массового крестьянского движения, великий художник стал этим близок и дорог рабочему классу. В то же время Ленин вскрыл противоречивость взглядов Толстого, совмещавшего борьбу с крепостничеством и полицейщиной с проповедью «непротивления злу». Ленин указывал, что правильно оценить творчество Толстого можно только с точки зрения революционного рабочего класса, на деле доказавшего свою преданность народу, умение бороться с непоследовательностью буржуазной, в том числе и крестьянской демократии. Художественное наследие Толстого российский рабочий класс использовал для борьбы против крепостничества, полицейщины, для

того чтобы сплотить массы на борьбу за новый общественный порядок.

Ленин называл Толстого «зеркалом русской революции». Мировое значение Толстого, указывал Ленин, отражает мировое значение русской революции.

Ленинские статьи, посвященные Толстому, служат замечательным образцом глубокого марксистского анализа явлений литературного творчества, диалектического раскрытия их и имеют огромное, основополагающее значение для разработки марксистской эстетики.

Произведения В. И. Ленина, написанные в период нарастания нового революционного подъема, проникнуты безграничной верой в силы рабочего класса, в победу грядущей революции. Ленинское научное предвидение подтверждено историей.

* *
*

В разделе «Подготовительные материалы» помещен план лекции по курсу «Начала политической экономии», прочитанной Лениным на «Курсах социальных наук» в Париже в феврале 1911 года, и план реферата «Манифест либеральной рабочей партии», с которым Ленин выступал в Париже 14 (27) ноября 1911 года.

Институт марксизма-ленинизма
при ЦК КПСС

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА?

Настоящий номер был уже сверстан[1], когда мы получили петербургские и московские газеты от 12 ноября. Как ни недостаточны сведения легальной печати, но из них вытекает все же несомненно, что в целом ряде городов произошли студенческие сходки, манифестации, уличные шествия с протестом против смертной казни, с речами против правительства. Петербургская демонстрация 11 ноября, даже по сведениям держащих себя совершенно по-октябристски «Русских Ведомостей»[2], собрала *не менее 10 000 человек* на Невском. Та же газета сообщает, что на Петербургской стороне «у Народного дома к шествию присоединилось много рабочих. У Тучкова моста шествие остановилось. Полицейский отряд никак не мог остановить шествие, и толпа прошла с пением и флагами на Большой проспект Васильевского острова. Только у университета полиции удалось рассеять толпу».

Полиция и войска вели себя, разумеется, истинно-русски.

Откладывая до следующего номера оценку этого несомненного демократического подъема, мы не можем не сказать здесь нескольких слов об отношении разных партий к демонстрации. «Русские Ведомости», поместившие 11-го *ложное* известие, что демонстрация отменена, сообщают 12-го, будто с.-д. не приняли никакого постановления, а отдельные депутаты из них даже

высказывали свое отрицательное отношение, и лишь одни трудовики[3] в принятой резолюции сочли невозможным препятствовать демонстрации. Мы не сомневаемся, что это позорящее наших с.-д. депутатов сообщение ложно; вероятно, оно так же злостно выдумано *«Русскими Ведомостями»,* как и их вчерашнее сообщение об отмене демонстрации. «Голос Москвы»[4] сообщает 12-го, что, «за исключением с.-д., депутаты всех партий относятся отрицательно к выступлению студенчества на улицах».

Ясно, что кадетские и октябристские органы сугубо «уклоняются от истины», будучи запуганы совершенно нелепыми, смешными криками правых о том, что «пружины, готовящие демонстрацию, нажимаются из Таврического дворца».

А что кадеты[5] вели себя недостойно, это — факт. «Речь»[6] поместила 11-го, в день демонстрации, воззвание депутатов к.-д., приглашающее не устраивать демонстрации. Мотивировка и в этом воззвании и в передовице «Речи» поистине подлая: «не омрачать» скорбных дней! «устраивать манифестации, соединять их с памятью Толстого» — значит обнаруживать «отсутствие искренней любовности к священной памяти»!! и т. д. в чисто октябристском духе (сравните передовицу от 11-го в «Голосе Москвы» с почти буквально тождественными фразами).

К счастью, подлая подножка, подставленная демократии кадетами, не удалась. Демонстрация все же состоялась. И если полицейская «Россия»[7] продолжает винить во всем кадетов, ухитряясь даже в их воззвании видеть «разжигание», то в Думе[8], по словам «Голоса Москвы», и октябристы[9] и крайние правые (Шульгин) оценили *заслугу* кадетов, признали их «противниками демонстрации».

Кого весь ход русской революции не научил тому, что дело освободительного движения в России *безнадежно,* пока им руководят кадеты, пока он не умеет оберечь себя от измен кадетов, тот пусть учится снова и снова на фактах современной политики, на истории демонстрации 11-го ноября.

Первое же начало демократического подъема — начало кадетских гнусностей.

Отметим еще сообщение «Голоса Москвы», что рабочие предложили будто бы студентам устроить грандиозную демонстрацию 14-го. Доля правды тут, наверное, есть, ибо сегодня (15 (28) ноября) парижские газеты сообщают об аресте в С.-Петербурге 13-ти членов бюро профессиональных союзов за *попытку* организовать рабочую манифестацию.

«Социал-Демократ» № 18,
16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

О ДЕМОНСТРАЦИИ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МУРОМЦЕВА

(ЗАМЕТКА)

«Эта Дума, — пишет кадетская «Речь» по поводу первого заседания четвертой сессии черносотенной Думы, — в сегодняшний день окончательно и бесповоротно отрезала себя от народных настроений и национального сознания». Говорится это, конечно, по поводу отказа черносотенцев и октябристов почтить память председателя I Думы, Муромцева.

Трудно было бы рельефнее, чем в приведенной фразе, выразить всю фальшь той точки зрения, на которой стоят наши либералы по отношению к борьбе за свободу вообще и к демонстрации по поводу кончины Муромцева в частности.

Нет сомнения, что демонстрация против царского правительства, против самодержавия, против черносотенной Думы была необходима по поводу смерти Муромцева, что демонстрация состоялась, что участвовали в ней самые различные и самые широкие слои населения, самые различные партии от социал-демократии до кадетов, «прогрессистов»[10] и польских октябристов (польского коло[11]) включительно. И точно так же нет сомнения, что оценка этой демонстрации кадетами в сотый и тысячный раз показывает, насколько чужды они демократии, насколько *гибельно* для дела демократии в России ведение этого дела или хотя бы руководящее участие в этом деле наших кадетов.

Все демократы и все либералы участвовали и должны были участвовать в демонстрации по поводу смерти Муромцева, ибо в потемках режима черной Думы такая демонстрация дала возможность открытого и сравнительно широкого выражения *протеста* против самодержавия. Самодержавие царя вело отчаянную борьбу против введения представительных учреждений в России. Самодержавие подделывало и искажало созыв первого парламента в России, когда пролетариат и революционное крестьянство вырвали у него массовой борьбой необходимость такого созыва. Самодержавие глумилось и надругалось над демократией, над народом, *поскольку* голос народа, голос демократии раздавался в I Думе[12]. Самодержавие преследует теперь даже воспоминание об этом слабом выражении требований демократии в I Думе (выражение этих требований было гораздо слабее, беднее, уже, менее жизненно во время I Думы и с ее трибуны, чем осенью 1905 года с трибун, которые создала себе волна открытой массовой борьбы).

Вот почему демократия и либерализм могли и должны были сойтись на демонстрации протеста против самодержавия по всякому поводу, напоминавшему массам о революции. Но, сойдясь на общей демонстрации, они *не могли* не выразить *своего* отношения и к оценке задач демократии вообще и к истории I Думы, в частности. А первый же приступ к такой оценке показал невыносимое убожество, политическое бессилие и политическое слабоумие нашего буржуазного либерализма.

Подумайте только: черная Дума «сегодня», 15 октября 1910 года, «окончательно и бесповоротно отрезала себя» от народа! Значит, она не была до сих пор отрезана от него бесповоротно. Значит, участие в чествовании памяти Муромцева устраняло, способно было устранить «отрезанность» от «народных настроений», то есть отрезанность от демократии тех или иных из наших контрреволюционеров. Поймите же, господа, претендующие на высокое звание демократов, что вы сами, больше чем кто бы то ни было, принижаете значение

демонстрации, опошляете ее, когда ставите вопрос таким образом. «При самой невысокой морально-политической оценке III Думы, — пишет «Речь», — казалось нелепым думать, что она способна будет отклонить от себя этот элементарный долг почтить с трибуны имя того, кто с таким достоинством и блеском открыл ее (!!) и освятил». Услужили, нечего сказать: Муромцев открыл и освятил «ее», III Думу! Нечаянно кадеты сказали этими словами ту горькую правду, что измена русского либерализма и русской буржуазии революционной борьбе и восстанию конца 1905 года «открыла и освятила» эпоху контрреволюции вообще и III Думы в особенности. «Полагали, — пишет «Речь», — что кучка политических скандалистов не в состоянии будет заглушить голос приличия и такта в большинстве Думы». Вот как! вопрос шел и идет о «приличии и такте», а не о протесте против самодержавия. Вопрос ставится не так, что демократия *«отрезывается»* от контрреволюции, а так, что либерализм *объединяется* с контрреволюцией. Либерализм становится на почву контрреволюции, приглашая ее представителей, октябристов, участвовать в чествовании памяти Муромцева не для выражения протеста против самодержавия, а для выполнения «приличия и такта». Муромцев «открыл и освятил» (бывают же такие поганые слова!) первый, царем созванный, якобы парламент; вы, господа октябристы, сидите в третьем, царем созванном, якобы парламенте, — не будет ли «неприлично и бестактно» отказаться выполнить «элементарный долг». Как великолепно отражает этот совсем маленький пример, это одно только рассуждение кадетского официального органа всю идейную и политическую гнилость нашего либерализма. Его линия — *уговаривать* самодержавие, черносотенных помещиков и их союзников, октябристов, а не развивать *демократическое* сознание масс. Его удел поэтому — неизбежный и неотвратимый удел подобного буржуазного либерализма во всякой буржуазно-демократической революции — вечно оставаться рабом монархии и феодалов, вечно получать от них пинки сапогом.

Если бы у кадетских депутатов была хоть капля понимания задач демократии, они и в III Думе позаботились бы не о выполнении *октябристами* «элементарного долга», а о демонстрации перед *народом.* Не заявление председателю нужно было для этого подать (оглашение такого заявления, по § 120 наказа, зависит от усмотрения председателя), а добиться тем или иным путем постановки вопроса на обсуждение.

Если бы у кадетских писателей была хоть капля понимания задач демократии, они не упрекали бы октябристов в бестактности, а разъяснили бы, что поведение III Думы как раз и подчеркивает значение демонстрации по поводу смерти Муромцева, как раз и поднимает вопрос с *обывательски*-мещанской болтовни о «приличии и такте» на высоту *политической* оценки современного режима и роли различных партий.

Но демонстрация по поводу смерти Муромцева не могла не поднять также другого вопроса, именно вопроса об историческом значении I Думы. Нечего и говорить, что кадеты, имевшие в ней большинство и упоенные в то время надеждой на кадетское министерство, на «мирный» переход к свободе, на укрепление своей гегемонии среди демократии, превозносят Муромцева как «национального героя». Трудовики, в лице г. Жилкина, опустились до того, что, присоединяясь к этому либеральному хору, прямо чествовали Муромцева как политического «воспитателя» левых партий.

Подобная оценка I Думы кадетами и трудовиками имеет то важное значение, что показывает крайне низкий уровень политического сознания в русском «обществе». «Общество», восхищающееся политической ролью кадетов в I Думе, не вправе жаловаться на Столыпина и III Думу: оно имеет как раз такое правительство, которого заслуживает. Гегемония либерализма в русском освободительном движении неминуемо означает его слабость и неустранимость господства диких помещиков. Только отстранение либерализма пролетариатом и пролетарская гегемония *давали* победы революции и *способны* дать их еще.

Эпоха I Думы была таким периодом, когда побежденный в декабре пролетариат собирал силы для нового натиска. Революционная стачка, ослабевшая после декабря, снова могуче подняла голову; за рабочими потянулись крестьяне (крестьянские волнения охватили весной 1906 г. 40% уездов Европейской России); усилились солдатские «бунты». Перед либеральной буржуазией стояла дилемма: помочь новому *революционному* натиску масс, и тогда победа над царизмом была возможна, — или отвернуться от революции и тем облегчить победу царизму. Новый подъем массовой борьбы, новые колебания буржуазии, нерешительность и выжидание царизма — вот в чем *суть* перводумской эпохи, вот в чем *классовая основа* этой полосы в русской истории.

Кадеты, как главенствующая партия в I Думе, и Муромцев, как один из главарей этой партии, проявили полное непонимание политического положения и совершили новое предательство демократии. Они отвернулись от революции, осуждали массовую борьбу, ставили ей всевозможные препятствия и старались использовать нерешительность царизма, пугая его революцией и требуя сделки (= кадетское министерство) *от имени,* революции. Понятно, что такая тактика была по отношению к демократии *изменой,* по отношению к царизму — бессильным якобы «конституционным» бахвальством. Понятно, что царизм только выигрывал время для сосредоточения своих сил, *«играя»* в переговоры с кадетами и *готовя* разгон Думы и государственный переворот. Пролетариат и часть крестьянства поднялись на новую борьбу весной 1906 г., — их вина или их беда состояла в том, что они боролись не достаточно решительно и не в достаточном числе. Либералы весной 1906 г. упивались игрой в конституцию и переговорами с Треповым, осуждая тех, мешая делу тех, кто один только мог *сломить* Треповых.

Фарисеи буржуазии любят изречение: de mortuis aut bene aut nihil (о мертвых либо молчать, либо говорить хорошее). Пролетариату нужна *правда* и о живых политических деятелях и о мертвых, ибо те, кто действи-

тельно заслуживает имя политического деятеля, не уминают для политики, когда наступает их физическая смерть. Говорить условную ложь о Муромцеве — значит вредить делу пролетариата и делу демократии, развращать сознание масс. Говорить горькую правду про кадетов и про тех, кто давал себя вести (и проводить) кадетам, — значит чествовать *великое* в первой русской революции, значит помогать успеху второй.

«Социал-Демократ» № 18,
16 (29) ноября 1910 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ДВА МИРА

О Магдебургском съезде Германской с.-д. партии писали уже много во всех газетах, и все главные события на этом съезде, все перипетии борьбы достаточно известны[13]. Внешняя сторона борьбы ревизионистов с ортодоксами, драматические эпизоды съезда чересчур заполняли внимание читателей в ущерб уяснению принципиального значения этой борьбы, идейно-политических корней расхождения. А между тем, магдебургские прения — главным образом по вопросу о голосовании баденцев за бюджет — дали в высшей степени интересный материал, характеризующий два мира идей и две классовые тенденции *внутри* с.-д. рабочей партии Германии. Голосование за бюджет лишь одно из проявлений этого расхождения двух миров, расхождения столь глубокого, что ему несомненно предстоит выразиться по поводам гораздо более серьезным, гораздо более глубоким и важным. И теперь, когда в Германии явно для всех *надвигается* великая революционная буря, следует взглянуть на магдебургские прения, как на маленький смотр небольшой частички армии (ибо вопрос о голосовании за бюджет есть лишь небольшая частичка основных вопросов с.-д. тактики) *перед* началом кампании.

Что показал этот смотр относительно понимания своих задач разными частями пролетарской армии? Что говорит нам этот смотр о том, как будут себя вести эти разные части армии? — вот вопросы, на которых мы намерены остановиться.

Начнем с одного частного (на первый взгляд) столкновения. Вождь ревизионистов, Франк, усердно подчеркивал, как и все баденцы, что министр фон Бодман сначала отрицал «равноправие» с.-д. с другими, буржуазными, партиями, а потом как бы взял это «оскорбление» назад. Бебель в своем реферате сказал по этому поводу:

«... Если министр современного государства, представитель существующего государственного и общественного порядка, — а целью современного государства, как политического учреждения, является защита и поддержание существующего государственного и общественного строя против всех нападений со стороны социал-демократов, защита при надобности и посредством насилия, — если такой министр говорит, что он не признает равноправия социал-демократии, то он с своей точки зрения вполне прав». Франк перебивает Бебеля и кричитз «Неслыханно!». Бебель продолжает, отвечая ему: «Я нахожу это вполне естественным». Франк снова восклицает: «Неслыханно!».

Почему так возмущен был Франк? Потому, что он насквозь пропитан верой в буржуазную «законность», в буржуазное «равноправие», не понимая исторических *пределов* этой законности, не понимая, что вся эта законность *должна,* неизбежно должна разлететься вдребезги, раз дело коснется основного и главного вопроса о сохранении буржуазной собственности. Франк целиком пропитан мелкобуржуазными конституционными иллюзиями; поэтому он не понимает исторической *условности* конституционных порядков даже в такой стране, как Германия; он верит в абсолютное значение, в абсолютную силу буржуазной (вернее: буржуазно-феодальной) конституции в Германии, искренне *оскорбляясь* тем, что конституционный министр не хочет признать «равноправия» его, Франка, члена парламента, человека, действующего вполне по закону. Упиваясь этой законностью, Франк доходит до того, что забывает непримиримость буржуазии с пролетариатом, и незаметно для себя переходит на позицию тех, кто считает эту буржуазную законность вечной, кто

считает социализм умещающимся в рамках этой законности.

Бебель сводит вопрос с этих конституционных иллюзий, свойственных буржуазной демократии, на реальную почву классовой борьбы. Можно ли «оскорбляться» тем, что равноправия на почве буржуазного права не признает за нами, врагами всего буржуазного строя, защитник этого строя? Ведь одно уже допущение того, что меня может оскорблять это, показывает непрочность моих социалистических убеждений!

И Бебель старается втолковать Франку социал-демократические взгляды посредством наглядных примеров. Нас не мог «оскорбить» — говорил Бебель Франку — исключительный закон против социалистов[14]; мы были полны гнева и ненависти, «и если бы мы тогда могли, мы ринулись бы в бой, как нам того от души хотелось, мы разбили бы вдребезги все, что стояло нам поперек пути» (*бурные возгласы одобрения* — отмечает в этом месте стенографический отчет). «Мы были бы изменниками нашему делу, если бы мы не сделали этого» *(Правильно!)*. «Но мы не могли этого сделать».

Меня оскорбляет, что конституционный министр не признает равноправия социалистов, — рассуждает Франк. Вас не должно оскорблять отрицание равноправия человеком, говорит Бебель, который не очень давно душил вас, попирая все «принципы», который должен был душить вас, защищая буржуазный строй, и который должен будет завтра душить вас (этого Бебель не сказал, но он ясно намекнул на это; почему Бебель так осторожен, что ограничивается намеками, мы скажем в своем месте). Мы были бы изменниками, если бы не задушили этих врагов пролетариата, имея к тому возможность.

Два мира идей: с одиой стороны, точка зрения пролетарской классовой борьбы, которая может в известные исторические периоды идти на почве буржуазной законности, но которая *неизбежно* приводит к развязке, к прямой схватке, к дилемме: «разбить вдребезги» буржуазное государство или быть разбитым и задушен-

ным. С другой стороны, точка зрения реформиста, мелкого буржуа, который за деревьями не видит леса, за мишурой конституционной законности не видит ожесточенной классовой борьбы, в захолустье какого-нибудь маленького государства забывает великие исторические вопросы современности.

Реформисты мнят себя реальными политиками, людьми положительной работы, государственными мужами. Эти детские иллюзии выгодно поддерживать в пролетариате хозяевам буржуазного общества, но социал-демократы должны беспощадно разрушать их. Слова о равноправии — «ничего не значащие фразы», говорил Бебель. «Кто может поймать на удочку этих фраз целую социалистическую фракцию, тот государственный человек, — говорил Бебель при общем смехе партийного съезда, — но те, кто дают себя поймать, те уже совсем не государственные люди». Это не в бровь, а в глаз всевозможным оппортунистам социализма, которые дают себя поймать национал-либералам в Германии[15], кадетам в России. «Отрицатели, — говорил Бебель, — часто добивались гораздо большего, чем люди так называемой положительной работы. Резкая критика, резкая оппозиция падает всегда на благодарную почву, если эта критика справедлива, а наша, несомненно, справедлива».

Оппортунистические фразы о положительной работе означают во многих случаях работу *на либералов,* вообще работу на других, кто держит в руках власть, кто определяет направление деятельности данного государства, общества, коллектива. И Бебель прямо сделал этот вывод, заявив, что «у нас в партии не мало таких национал-либералов, которые ведут национал-либеральную политику». В пример он привел *Блоха,* небезызвестного редактора так называемого (по словам Бебеля — *так называемого)* «Социалистического Ежемесячника» («Sozialistische Monatshefte»)[16]. «Национал-либералам не место в нашей партии», — прямо заявил Бебель при общем одобрении съезда.

Посмотрите на список сотрудников «Социалистического Ежемесячника». Там *все* представители

международного оппортунизма. Там не могут нахвалиться поведением наших ликвидаторов. Разве это не два мира идей, когда вождь германской социал-демократии объявляет редактора этого органа национал-либералом?

Оппортунисты всего мира клонят к политике блока с либералами, то прямо и открыто провозглашая и осуществляя ее, то проповедуя или оправдывая избирательные соглашения с либералами, поддержку их лозунгов и т. п. Бебель еще и еще раз разоблачил всю фальшь, всю лживость этой политики, и про его слова без преувеличения можно сказать, что их должен знать и помнить всякий социал-демократ.

«Если я, как социал-демократ, вхожу в союз с буржуазными партиями, то можно ставить 1000 против 1, что в выигрыше будут не социал-демократы, а буржуазные партии, мы же окажемся в проигрыше. Это — *политический закон,* что повсюду, где правые и левые вступают в союз, левые теряют, правые выигрывают...

Если я вхожу в политический союз с *принципиально* враждебной мне партией, тогда мне приходится по необходимости приспособлять мою тактику, т. е. мои приемы борьбы, к тому, чтобы не разрывать этого союза. Я уже не смогу тогда критиковать беспощадно, не смогу бороться принципиально, ибо тогда я задену своих союзников; я буду вынужден молчать, прикрывать многое, оправдывать то, чего нельзя оправдать, затушевывать то, чего нельзя затушевывать».

Оппортунизм потому и является оппортунизмом, что он *коренные* интересы движения приносит в жертву минутным выгодам или соображениям, основанным на самом близоруком, поверхностном расчете. Франк говорил в Магдебурге с пафосом о том, что министры в Бадене «хотят нас, социал-демократов, привлечь к совместной работе»!

Не вверх надо смотреть, а вниз — говорили мы во время революции нашим оппортунистам, увлекавшимся неоднократно различными кадетскими перспективами. Бебель, имея перед собой Франков, говорил в своем заключительном слове в Магдебурге: «Массам непонятно, что есть социал-демократы, своим вотумом доверия поддерживающие правительство, которое массы

всего охотнее совсем бы устранили. У меня часто получается впечатление, что часть наших вождей перестала понимать страдания и бедствия масс *(бурное одобрение),* что им чуждо положение масс». А «повсюду в Германии в массах накопился громадный запас озлобления».

«Мы переживаем, — говорил в другом месте своей речи Бебель, — такое время, когда особенно непозволительны гнилые компромиссы. Классовые противоречия не смягчаются, а обостряются. Мы идем навстречу очень, очень серьезным временам. Что будет после предстоящих выборов? Подождем и посмотрим. Если дойдет дело до того, что в 1912 году разразится европейская война, тогда вы увидите, что нам придется пережить, на каком посту придется нам стоять. Наверное, не на том, который заняли теперь баденцы».

В то время как одни успокаиваются самодовольно на том положении вещей, которое сделалось в Германии привычным, Бебель все внимание обращает сам и советует обратить партии на неизбежно предстоящую перемену. «До сих пор все, что мы пережили, это стычки на аванпостах, мелочи», — говорил Бебель в заключительном слове. Главная борьба предстоит впереди. И с точки зрения этой главной борьбы вся тактика оппортунистов является верхом бесхарактерности и близорукости.

Говоря о грядущей борьбе, Бебель ограничивается намеками. Ни разу не говорит он прямо о том, что революция надвигается в Германии, хотя мысль его, несомненно, такова, — все указания на обострение противоречий, на трудность реформ в Пруссии, на безвыходное положение правительства и командующих классов, на рост озлобления в массах, на опасность европейской войны, на усиление экономического гнета в силу дороговизны жизни, объединения капиталистов в тресты и картели и т. д. и т. д., — все клонит явственно к тому, чтобы выяснить партии и массам неизбежность революционной борьбы.

Почему так осторожен Бебель, почему он ограничивается одними наводящими указаниями? Потому, что нарастающая революция в Германии встречает особую, своеобразную политическую ситуацию, которая

не похожа на другие предреволюционные эпохи в других странах и которая требует поэтому от вождей пролетариата решения некоторой *новой* задачи. Главная особенность этой своеобразной предреволюционной ситуации состоит в том, что грядущая революция неизбежно должна быть несравненно более глубокой, более серьезной, втягивающей более широкие массы в более трудную, упорную, долгую борьбу, чем все предыдущие революции. А в то же время эта предреволюционная ситуация отличается наибольшим (по сравнению с прежним) господством *законности,* ставшей поперек дороги тем, кто ввел эту законность. Вот в чем своеобразие положения, вот в чем трудность и новизна задачи.

Ирония истории сделала то, что господствующие классы Германии, создавшие самое сильное во всей 2-ой половине XIX века государство, укрепившие условия наиболее быстрого капиталистического прогресса и условия самой прочной конституционной законности, самым явственным образом подходят теперь к положению, когда эту законность, *их* законность *приходится* сломать, приходится — во имя сохранения господства буржуазии.

Германская с.-д. рабочая партия в течение около полувека использовала буржуазную законность образцово, создав наилучшие пролетарские организации, превосходную печать, подняв на самый высокий уровень (какой только возможен при капитализме) сознательность и сплоченность социалистического пролетарского авангарда.

Теперь близится время, когда эта полувековая полоса германской истории *должна,* в силу объективных причин должна, смениться иной полосой. Эпоха использования созданной буржуазией законности *сменяется* эпохой величайших революционных битв, причем битвы эти *по сути дела* будут разрушением *всей* буржуазной законности, *всего* буржуазного строя, *а по форме* должны начаться (и начинаются) растерянными потугами буржуазии избавиться от ею же созданной и для нее ставшей невыносимою законности! «Стреляйте первые, господа

буржуа!» — в этих словах выразил в 1894 году Энгельс своеобразие положения и своеобразие тактических задач революционного пролетариата[17].

Социалистический пролетариат ни на минуту не забудет, что ему предстоит и предстоит неизбежно революционная массовая борьба, ломающая всю и всякую законность осужденного на смерть буржуазного общества. И в то же время у партии, великолепно использовавшей полувековую законность буржуазии *против* буржуазии, нет ни малейших оснований отказываться от тех удобств в борьбе, от того плюса в сражении, что *враг запутался* в своей собственной законности, что враг вынужден «стрелять первым», вынужден рвать свою собственную законность.

Вот в чем своеобразие предреволюционной ситуации в современной Германии. Вот почему так осторожен старый Бебель, все внимание направляющий на предстоящую великую борьбу, всю силу своего громадного таланта, своего опыта, своего авторитета обрушивающий против близоруких и бесхарактерных оппортунистов, которые этой борьбы не понимают, которые не годятся для нее в вожди, которым придется, вероятно, во время революции превратиться из *вождей* в *ведомых,* а то и в отбрасываемых прочь.

В Магдебурге с этими вождями спорили, их порицали, им ставили официальный ультиматум, как представителям всего того, что накопилось в великой революционной армии ненадежного, слабого, зараженного буржуазной законностью, отупевшего от благоговейного преклонения перед этой законностью, перед всей ограниченностью *одной* из эпох рабовладения, т. е. одной из эпох буржуазного господства. Порицая оппортунистов, грозя им исключением, германский пролетариат тем самым порицал в своей могучей организации все элементы застоя, неуверенности, дряблости, неуменья порвать с психологией умирающего буржуазного общества. Порицая плохих революционеров в своей среде, передовой класс сделал один из последних смотров своим силам перед вступлением на путь социальной революции.

* *
*

В то время, как внимание всех революционных с.-д. во всем мире было устремлено на то, как германские рабочие готовятся к борьбе, выбирают момент для нее, внимательно следят за врагом и *очищают* себя от слабостей оппортунизма, — оппортунисты всего мира злорадствовали по поводу разногласий Люксембург и Каутского насчет оценки данного момента, насчет того, сейчас *или еще не сейчас,* сию минуту *или в следующую минуту* наступает и наступит один из таких поворотных пунктов, которым было 9-ое января в русской революции. Оппортунисты злорадствовали, старались разжечь эти, не имеющие первостепенного значения, разногласия и на страницах «Социалистического Ежемесячника», и в «Голосе Социал-Демократа» (Мартынов), и в «Жизни», «Возрождении»[18], и т. п. ликвидаторских органах, и в «Neue Zeit»[19] (Мартов)[*]. Мизерность этих приемов оппортунистов всех стран запечатлена в Магдебурге, где разногласия среди революционных социал-демократов Германии не играли никакой заметной роли. Оппортунисты рано стали злорадствовать. Магдебургский съезд *принял* первую часть предложенной *Розою Люксембург* резолюции, в которой прямо указывается на массовую стачку как средство борьбы.

«Социал-Демократ» № 18,
16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

---

[*] В «Neue Zeit» Мартову дана была решительная отповедь тов. Карским.

Л. Н. ТОЛСТОЙ

Умер Лев Толстой. Его мировое значение, как художника, его мировая известность, как мыслителя и проповедника, и то и другое отражает, по-своему, мировое значение русской революции.

Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества.

Толстой-художник известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием *всех,* нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот.

И Толстой не только дал художественные произведения, которые всегда будут ценимы и читаемы массами, когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов, — он сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста и негодования. Принадлежа главным образом к эпохе 1861—1904 годов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и проповедник — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость.

Одна из главных отличительных черт нашей революции состоит в том, что это была *крестьянская* буржуазная революция в эпоху очень высокого развития капитализма во всем мире и сравнительно высокого в России. Это была буржуазная революция, ибо ее непосредственной задачей было свержение царского самодержавия, царской монархии и разрушение помещичьего землевладения, а не свержение господства буржуазии. В особенности крестьянство не сознавало этой последней задачи, не сознавало ее отличия от более близких и непосредственных задач борьбы. И это была крестьянская буржуазная революция, ибо объективные условия выдвинули на первую очередь вопрос об изменении коренных условий жизни крестьянства, о ломке старого средневекового землевладения, о «расчистке земли» для капитализма, объективные условия выдвинули на арену более или менее самостоятельного исторического действия крестьянские массы.

В произведениях Толстого выразились и сила и слабость, и мощь и ограниченность именно крестьянского массового движения. Его горячий, страстный, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейски-казенной церкви передает настроенно примитивной крестьянской демократии, в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного иезуитизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отри-

цание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещичье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению. Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном[20].

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 гг. Борьба с казенной церковью совмещалась с проповедью новой, очищенной религии, то есть нового, очищенного, утонченного яда для угнетенных масс. Отрицание частной поземельной собственности вело не к сосредоточению всей борьбы на действительном враге, на помещичьем землевладении и его политическом орудии власти, т. е. монархии, а к мечтательным, расплывчатым, бессильным воздыханиям. Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в *по*реформенную, но *до*революционную эпоху.

И поэтому правильная оценка Толстого возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время первой развязки этих противоречий, во время революции, доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации, — доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии, — возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата.

Посмотрите на оценку Толстого в правительственных газетах. Они льют крокодиловы слезы, уверяя в своем уважении к «великому писателю» и в то же время защищая «святейший» синод. А святейшие отцы только что проделали особенно гнусную мерзость, подсылая попов к умирающему, чтобы надуть народ и сказать, что Толстой «раскаялся». Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки.

Посмотрите на оценку Толстого либеральными газетами. Они отделываются теми пустыми, казенно-либеральными, избито-профессорскими фразами о «голосе цивилизованного человечества», о «единодушном отклике мира», об «идеях правды, добра» и т. д., за которые так бичевал Толстой — и справедливо бичевал — буржуазную науку. Они *не могут* высказать прямо и ясно своей оценки взглядов Толстого на государство, на церковь, на частную поземельную собственность, на капитализм, — не потому, что мешает цен-

зура; наоборот, цензура помогает им выйти из затруднения! — а потому, что каждое положение в критике Толстого есть пощечина буржуазному либерализму; — потому, что одна уже безбоязненная, открытая, беспощадно-резкая *постановка* Толстым самых больных, самых проклятых вопросов нашего времени *бьет в лицо* шаблонным фразам, избитым вывертам, уклончивой, «цивилизованной» лжи нашей либеральной (и либерально-народнической) публицистики. Либералы горой за Толстого, горой против синода — и вместе с тем они за... веховцев[21], с которыми «можно спорить», но с которыми «надо» ужиться в одной партии, «надо» работать вместе в литературе и в политике. А веховцев лобызает Антоний Волынский.

Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть». Разве это не пустая фраза, которую повторяют на тысячи ладов и «Новое Время»[22] и все ему подобные? Разве это не обход тех *конкретных* вопросов демократии и социализма, которые Толстым *поставлены?* Разве это не выдвигает на первый план того, что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему, его отрицанию политики и его проповеди нравственного самоусовершенствования, а не его бурному протесту против всякого классового господства?

Умер Толстой, и отошла в прошлое дореволюционная Россия, слабость и бессилие которой выразились в философии, обрисованы в произведениях гениального художника. Но в его наследстве есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат. Он разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности — не для того, чтобы массы ограничивались самоусовершенствованием и воздыханием о божецкой жизни, а для того, чтобы они поднялись для нанесения нового удара царской монархии и помещичьему землевладению, которые в 1905 году были только слегка надломаны и которые надо уничтожить. Он разъяснит массам толстовскую

критику капитализма — не для того, чтобы массы ограничились проклятиями по адресу капитала и власти денег, а для того, чтобы они научились опираться на каждом шагу своей жизни и своей борьбы на технические и социальные завоевания капитализма, научились сплачиваться в единую миллионную армию социалистических борцов, которые свергнут капитализм и создадут новое общество без нищеты народа, без эксплуатации человека человеком.

«Социал-Демократ» № 18,
16 (29) ноября 1910 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КО ВСЕМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ ПАРТИЙЦАМ

На январском пленуме ЦК 1910 года[23] мы, как представители большевистской фракции, распустили нашу фракцию и передали принадлежащие ей суммы денег и другое имущество трем известным деятелям международной социал-демократии. Передача эта, равно как и распущение фракции, были шагами *условными.* На каких условиях мы сделали эти шаги, известно из нашего заявления на том же пленуме, заявления, пленумом принятого и опубликованного в первом же номере Центрального Органа, вышедшем после пленума.

Говоря коротко, эти условия сводились к тому, чтобы другие фракции (и в первую голову фракция *голосовцев,* т. е. меньшевиков, издающих и поддерживающих *«Голос Социал-Демократа»)* выполнили *лояльно,* т. е. честно и до конца свой долг, именно (1) борьбу с ликвидаторством и отзовизмом[24], которые признаны в единогласно принятой резолюции пленума проявлением буржуазного влияния на пролетариат, и (2) распущение своих фракций.

В настоящее время, после *годового* опыта, годового выжидания, мы вполне и окончательно убедились в том, что *ни то ни другое* условие *не выполнены* ни голосовцами ни впередовцами[25].

Результатом такого убеждения, с нашей стороны, явился, во-1-х, выпуск *«Рабочей Газеты»*[26], является, во-2-х, заявление о возврате денег и имущества, заявление, поданное нами в ЦК на днях, 5 декабря 1910 года.

После этой заявки дело стоит формально и по существу таким образом. Мы *условно* отдали все имущество и все свои силы на поддержку антиликвидаторской и антиотзовистской работы над восстановлением партии и ее полного единства. Нарушение голосовцами и впередовцами принятых ими условий разрушает наш договор. Расторгая этот нарушенный ликвидаторами и отзовистами договор, мы будем работать *попрежнему* над восстановлением партии и ее полного единства, над проведением антиликвидаторской и антиотзовистской линии, но эту работу мы должны вести *не с теми* союзниками, которые на пленуме были допущены (из доверия к их обещаниям) к участию в партийных центрах. Так как, по общему признанию и по неоднократным заявлениям делегатов национальных организаций, на пленуме и на других партийных собраниях, конференциях и т. д., именно наша, большевистская, фракция рассматривалась всегда как *наиболее ответственная* за положение дел в партии, то мы считаем своим долгом открыто изложить наши взгляды на положение дел в партии и на значение сделанных нами шагов.

Январский пленум 1910 года имел очень крупное значение в истории нашей партии. Он окончательно определил *тактическую линию* партии для эпохи контрреволюции, постановив *в развитие* декабрьских революций 1608 года[27], что и ликвидаторство и отзовизм суть проявления влияния буржуазии на пролетариат. Пленум *поставил* далее вопрос об уничтожении фракций в нашей партии, — т. е. о необходимости создания *действительного* единства рабочей социал-демократической партии, — *в связь* с определением идейно-политических задач партии в данный исторический период.

Эти два дела, сделанные пленумом в январе 1910 года, имеют, по нашему убеждению, *историческое* значение, и их результаты гораздо важнее, гораздо жизненнее, гораздо прочнее, чем кажется поверхностному наблюдателю.

Но эти результаты страшно испорчены напутанной около них *фразой.* Нет ничего столь враждебного духу социал-демократии и столь вредного, как *фраза.* А *фраза* «примиренческая» не менее вредна и не менее сбивает с толку людей, чем фраза отзовистская и ликвидаторская. Эта «примиренческая» фраза засоряет *суть* дела, ставит воздыхания и благопожелания на место учета реальных тенденций и реального соотношения сил в партии, вредит *сближению* тех, кого можно и должно сблизить, попытками *играть в объединение* с теми, кто не хочет сейчас и не может сейчас объединиться.

В течение года, прошедшего после январского пленума, эта фраза исчерпала себя и показала свои плоды. Если партия *научится* теперь, на горьком опыте героев «примиренческой» фразы научится тому, как *не* следует браться за дело «примирения» и уничтожения фракций, то протекший после пленума год окажется не потерянным втуне.

Фраза сводилась к тому, что достаточно собрать «обещания» об уничтожении фракций, достаточно скомпановать центральные учреждения из самых разнокалиберных элементов, достаточно «уравновесить» противоположные элементы, — и к уничтожению фракций будет сделан серьезный шаг.

Годовой опыт показал и не мог не показать, что метод сторонников *фразы* потерпел полное крушение. На «обещаниях» ничего построить нельзя, на соединении разнородных и несоединимых элементов базировать что-либо смешно. Все, что было *на фразе* построено в решениях и мерах пленума, все это на другой же день оказалось мыльным пузырем. И решения, и резолюции, и искусственно скомпанованные учреждения оказались *на деле* мертвыми буквами, мертвыми учреждениями. А то, что было *реального* в делах пленума, то развилось, укрепилось, показало себя на работе, нашло себе новые формы существования *вне* резолюций, *помимо* них.

Трудно себе представить какой-либо более наглядный и более назидательный урок, чем этот урок событий, имевших место в течение года после пленума, урок, преподанный людям, увлекавшимся фразой, пустыми

благопожеланиями, игрой в распределение местечек в учреждениях и т, п.

Что же было реального в делах пленума? Реально было указание *связи* между идейно-политическим *содержанием* партийной работы и уничтожением фракций. Реально было *сближение* тех фракций или течений, которые сходились не на дешевой примиренческой фразе, не на обещаниях и посулах, не на игре в распределение местечек в центрах, а *на работе,* сходились *в понимании* идейно-политических задач момента, сходились *на деле* в постановке этих задач, в решении их.

Пока об уничтожении фракций говорились велеречивые и дешевые фразы людьми, не понимавшими ни объективного источника разногласий, ни *фактической* обстановки, обеспечивавшей *на деле* независимость от партии известным литераторским группам (вроде группы г. Потресова и К^0 или группы махистских и отзовистских литераторов[28]), до тех пор фразы оставались пустыми, бессильными фразами. А с тех пор, как в двух основных и главных фракциях, наложивших свой отпечаток на *всю* историю рабочего движения во время революции и даже более того: на *всю* историю революции в России, стало нарастать, в силу изменения объективных условий, сближение *на работе,* сближение в *понимании* этих объективных условий, — никакие усилия интриганов, желающих подорвать это сближение или вызвать недоверие к нему, не смогут остановить начавшегося процесса.

Фактическое положение дел в партии, создавшееся после пленума, выяснилось за истекший год с полной ясностью. Факт — то, что голосовцы и впередовцы *подписали* резолюции о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом, на деле же *всю* свою пропаганду и агитацию, *всю* свою практическую работу вели и ведут именно в смысле поддержки и защиты ликвидаторства и отзовизма.

Этот факт показывает тем, кто имеет глаза, чтобы видеть, насколько несостоятельна политика, удовлетво-

ряющаяся бумажными резолюциями, насколько вредна фраза, расходящаяся с делом.

Далее. Факт тот, что ни голосовцы ни впередовцы *ни на минуту* не прекращали своей фракционной самостоятельности. Обе фракции существуют по-прежнему в полнейшей фактической *независимости* от партии, имея свои кассы, свои органы, свои агентуры. У отзовистов формой их фракционной организации является заграничная так называемая «школа» (на деле это — учреждение для систематического подбора агентуры и планомерного ведения организационной работы помимо партии и против партии)[29]. «Школа» дополняется отдельным издательством и транспортом. У голосовцев фракционная организация более *lose* (более «свободная», менее оформленная), причем главную роль играют абсолютно независимые от партии группа г. Потресова и К°, группа 16-ти, группа Михаила, Романа и Юрия с К°[30]. Голосовцы принимают деятельнейшее участие в этих группах, ведя против партии всю пропагандистско-агитационную и организационную работу и в то же время не отказываясь от участия в партийных центрах для систематического подрыва их значения и разложения их извнутри.

Всякий партийный социал-демократ не может не видеть, к чему приводит такое положение дел.

В области литературы — годичный опыт показал, что ЦО ведется *на деле* большевиками *плюс* плехановцы[31] *против* заседающих в редакции голосовцев. Жизнь обошла рамки, созданные примиренческой фразой: «примиренцы» по обещанию, «примиренцы» по должности, «примиренцы» по поручению ликвидаторских центров оказались сплошной *помехой работе.* Плеханов же и его единомышленники, никаких обещаний на пленуме не дававшие, никаких должностей не принимавшие, оказались *на деле проводниками* партийной линии.

Вопиющее противоречие между формой и сущностью, между фразой и делом, между явно лицемерным существованием якобы партийной коллегии (редакции ЦО) и фактической работой в ЦО помимо этой коллегии

вносит величайшее разложение в партийную жизнь. Чтобы прекратить это разложение, это низведение формально партийных учреждений до роли, вызывающей заслуженные насмешки и ликование врагов партии, надо порвать с лицемерием и открыто сказать, что есть, открыто признать ведение партийной работы *двумя* фракциями.

В области заграничного объединения не сделано за год абсолютно ничего. Группы остаются расколоты везде, где они были расколоты и раньше. Группы меньшевиков-ликвидаторов открыто превратились в группы поддержки *«Голоса».* Сближение наметилось и началось *на деле* исключительно между большевиками и плехановцами. Заграничное бюро Центрального Комитета[32] в качестве объединителя заграничной работы социал-демократов превратилось в посмешище, над которым законно издеваются и внередовцы и голосовцы, с удовольствием наблюдая, как партийный центр играет роль коллегии по делам провокаторским и по ведению никому не нужной бумажной волокиты.

В области наиболее важной, именно в работе организационной на местах в России за год не сделано абсолютно ничего в пользу партии. ЦК, который должен был *приглашать* Михаилов, Романов и Юриев на основании «обещаний», данных пленуму, усердно занимался этой благодарной и достойной революционера работой приглашения в партию тех, кто смеется над ней и продолжает вредить ей, но *за год* так и не успел никого «пригласить». А в это время антипартийные фракции *усилили* свои организации против партии: усилилась агентура и развилась фракция впередовцев, усилилась группа г. Потресова и другие ликвидаторские предприятия, продолжавшие вести проповедь против партии в ряде клубов, кооперативов и т. п., продолжавшие интриговать против партии у думской социал-демократической фракции. Роль ЦК, занимавшегося в это время «приглашением» ликвидаторов или *отпиской* по «склочным» делам голосовцев и впередовцев, есть роль прямо унизительная, и мы не должны позволить врагам партии сводить ЦК до этой роли.

Только люди, совершенно не имеющие способности думать или желающие заниматься мелкой интригой, могут еще *не видеть,* что продолжение такого состояния партийных центров *неминуемо* готовит торжество ликвидаторам и отзовистам, которые с удовольствием наблюдают, как ЦК запутался и продолжает путаться в примиренческой фразе, в *игре* на примирение с теми, кто не хочет мириться с партией.

Примиренческая фраза великолепно понята ликвидаторами и отзовистами и великолепно использована ими против партии. Герой этой фразы, Троцкий, стал вполне естественно героем и присяжным адвокатом ликвидаторов и отзовистов, с которыми он *ни в чем* не согласен теоретически и *во всем* согласен практически.

И ликвидаторы и впередовцы отлично усвоили себе, при благосклонной помощи этого адвоката, тактику: сколько угодно клясться и божиться, что они партийцы. Это повторяет *«Голос»* и платформа группы *«Вперед»,* продолжая *на деле* разлагать партию и вести всю работу в антипартийном духе. Формальное и словесное «примиренчество» стало орудием ликвидаторов из *«Голоса»* и впередовцев.

Понятно, что играть эту роль одураченных мы, как представители большевистского течения, не можем. Выждав целый год, сделав все возможное для разъяснения антипартийности впередовцев, голосовцев и Троцкого со страниц ЦО, мы *не можем брать на себя ответственности* перед партией за учреждения, которые заняты «приглашением» ликвидаторов и отпиской «по делам» впередовцев. Мы хотим не склоки, а работы.

Мы хотим совместной работы с теми, кто хочет работать и на деле доказал свою способность работать в партийном духе, т. е. в первую голову с партийцами-меньшевиками и действительно нефракционными социал-демократами. Мы не хотим отвечать за склоку с теми, кто совместно с партией работать не хочет, а хочет работать с г. Потресовым и с отзовистами.

Положение дел в России таково, что от заграничных организаций партии настоятельно требуется усиленная и дружная работа. Трехлетний период золотых дней

контрреволюции (1908—1910 гг.), видимо, приходит к концу и сменяется периодом начинающегося подъема. И летние стачки текущего года и демонстрации по поводу смерти Толстого ясно указывают на это. Организационная работа партии в России ослаблена до последней крайности, и этой слабостью пользуются самым беззастенчивым образом впередовцы и голосовцы, развивая свою антипартийную работу при помощи русских и заграничных фракционных центров.

При таких условиях тянуть далее игру в примирение с этими фракционными центрами, закрывать лицемерно глаза на их независимость, «приглашать» их представителей для совместной борьбы с их же политикой, прикрывать их перед партией приемом их членов в центры, — это значит осуждать себя на безысходную склоку. Это значит *тормозить* работу заграничных центров, и без того настолько заторможенную, что в течение года *ни одного* собрания ЦК в России не было, ни одной не только конференции, но даже частного совещания местных работников партии устроить не удалось (тогда как «школа» отзовистов и легальные органы ликвидаторов неоднократно успевали организовывать против партии всякого рода совещания, собрания агентов, корреспондентов журнала и т. п.).

Мы обязаны сложить с себя ответственность за этот *полный* застой работы запутавшихся игрой в примирение с голосовцами центров и начать немедленно самостоятельную и самую энергичную работу по сплочению ортодоксальных большевиков, партийных меньшевиков и нефракционных социал-демократов для устройства совещаний, конференций, областных бюро, групп сношений с партийной литературой и т. д. К такой работе, которая одна только способна *на деле* вывести партию из тупика и освободить центры от «ухаживания» за голосовцами, мы и зовем всех партийцев социал-демократов.

Еще от имени большевистской фракции, до пленума, весной 1909 г., мы провозгласили политику *сближения* с партийными меньшевиками, и с тех пор эта политика принесла огромные плоды, *вопреки* неудачной попытке

довериться «обещаниям» голосовцев и рассматривать их как партийцев. Все, что̀ сделано с тех пор для действительного укрепления не вперёдовской проповеди и не голосовской защиты ликвидаторства, а *линии партии,* для действительного сближения основного ядра *обеих* главных фракций, все это сделано нами *независимо* от этих неудачных попыток примирения с голосовцами. И, снимая с себя ответственность за продолжение этих попыток, мы уверены, что достигнем еще большего сближения *на работе* и посредством *«Рабочей Газеты»,* и посредством легальной литературы, и посредством заграничной деятельности групп сторонников *«Рабочей Газеты»* и сторонников Плеханова.

После пленума, поставившего с полной ясностью вопрос о фракциях и их уничтожении, поставившего этот вопрос впервые *в связи* с идейно-политической линией самих этих фракций, т. е. впервые на реальную почву учета *действительного сближения на работе,* а не пустых посулов, формальных обещаний и т. п. фразы, — после пленума и годичного испытания его результатов *нельзя* уже продолжать старой лицемерной игры в прятки.

Надо действовать открыто. Надо иметь смелость говорить, что есть. Если ЦК прямо и открыто захочет сказать партии то, что есть, это простое заявление будет в его руках орудием огромной силы, во сто крат более веским, чем какие бы то ни было резолюции, пожелания, осуждения, исключения и т. п.

Сказать то, что есть, значит признать, что попытка уничтожения *всех* фракций, к сожалению, сорвана голосовцами и впередовцами, *но сближение* основного ядра, сближение действительно партийных элементов из двух главных фракций, сближение их с партийными элементами из националов и нефракционных социал-демократов сделало шаг вперед. Если Троцкий и ему подобные адвокаты ликвидаторов и отзовистов объявляют это сближение «политически бессодержательным», то подобные речи только аттестуют всю беспринципность Троцкого, всю *реальную* враждебность его политики политике *действительного* (а не обещаниями только

ограничивающегося) уничтожения фракций. *Обещать* это уничтожение после годового испытания итогов пленума значит просто шарлатанить. Но если уничтожение фракций есть фраза, то *сближение* основных течений в двух главных фракциях есть *факт.* Никаких «блоков», никаких велеречивых обязательств, никаких посулов исчезновения разногласий из этого факта не вытекает, но из него вытекает *реальная возможность* строить партию *на деле,* опираясь на сотрудничество *части* меньшевиков и *части* большевиков.

Если ЦК захочет с полной последовательностью вступить на путь такого признания и такой работы, захочет сделать все центральные учреждения органом такого сближения, освободить их совершенно от недостойного и вредного «ухаживания» за голосовцами или «приглашения» голосовцев, дать возможность работы без склоки, то мы всей душой и всеми силами поддержим эту политику, которую мы *на деле* провели с весны 1909 года, т. е. почти уже в течение целых двух лет.

Если ЦК не захочет сделать этого неизбежного вывода из уроков пленума и его результатов, то пусть он отдаст ведение партийной работы* и работы по восстановлению единства союзу голосовцев, впередовцев и Троцкого. Это будет прямее и честнее, а мы от этого союза, доказавшего на деле свою антипартийность, устраняемся.

Мы нисколько не заблуждаемся, конечно, относительно того, что по поводу нашего шага некоторые люди (и среди них, наверняка, будут испытанные адвокаты ликвидаторов и отзовистов) поднимут крики о «расколе». Как ни нелепы, как ни лицемерны будут подобные крики, но в предупреждение неосведомленных людей на этих вероятных возражениях необходимо остановиться.

С формальной стороны, наш шаг — заявка о возврате денег, о прекращении договора, заключенного нами

* Далее в рукописи не разобрана зачеркнутая строка. *Ред.*

на строго определенных условиях, — безусловно законный. Условия нашего договора с ЦК открыто заявлены, напечатаны в ЦО, приняты *единогласно* Центральным Комитетом на пленуме. Принимая эти *условия* от имени всей партии, печатая их в ЦО партии, ЦК тем самым признал с полнейшей определенностью, что только *при выполнении* на деле этих условий он может требовать от нас определенного образа действий. Никто не сможет отрицать, что голосовцами и впередовцами условия эти, вопреки подписанной ими резолюции, не выполнены. Наше формальное право *расторгнуть* договор поэтому бесспорно. Расторгая договор, мы выступаем для самостоятельной борьбы за партийность, для самостоятельной работы по постройке партии *без тех,* кто годичным опытом доказал свое нежелание над этим работать, *с теми* меньшевиками и нефракционерами, которые доказали обратное. Если договор, прямо и точно обусловленный переходом к партийности голосовцев и впередовцев, оказался *ими* нарушен, то наше полное право и *наша обязанность* расторгнуть договор с людьми, надсмеявшимися над партией, и искать всех возможных форм сближения с людьми, поддерживающими партию.

Но еще гораздо более важным, чем формальная сторона дела, является фактическое положение вещей. С *этой* стороны особенно ярко освещается лицемерность голосовцев и впередовцев, которые и на пленуме и после пленума продолжают заявлять в печати о своей партийности. Лицемерие таких заверений, вопиющая фальшь криков о расколе со стороны *таких* людей до того очевидны, что об этом не стоит тратить много слов. Именно голосовцы и впередовцы создали сейчас же после пленума, — вернее: не переставали создавать, вопреки своим посулам на пленуме, — раскол фактический, именно они в течение всего года продолжали этот раскол, усиливали его, поддерживали *независимость* от партии группы Потресова и К^0, группы литераторов, устроителей «махистской» школы и т. д. и т. п. Допускать далее пребывание таких раскольников в партийных центрах значит окончательно губить дело партии.

Оставлять прежнее положение, когда эти раскольники пользовались своим пребыванием в партийных центрах для тормоза всякой работы, для *разложения партии извнутри* в угоду г. Потресову или вождям «махистской» школы, — значит наносить величайший и непоправимый ущерб делу партийного объединения.

Давно уже сказано: не всяк, глаголющий «господи, господи», внидет в царствие небесное. И мы, после опыта пленума, должны повторить: не всяк, глаголющий дешевые фразы о партийности, партиец на деле. Голосовцы и впередовцы партию раскололи после пленума. Это факт. Троцкий был их адвокатом в этом деле. Это тоже факт.

Чтобы остановить раскол, чтобы помешать его распространению, *нет* иного средства, как укрепить, упрочить, формально утвердить сближение тех, кто *на деле* вел партийную работу после пленума, т. е. партийцев-меньшевиков и большевиков.

Оповещая о нашем взгляде на дела в партии всех партийных меньшевиков, нефракционных партийцев социал-демократов и большевиков, а также все национальные социал-демократические организации, мы приглашаем группы большевиков в России немедленно начать сплачиваться вокруг *«Рабочей Газеты»* и приступить к подготовке тех совещаний и конференций, которые необходимы для восстановления партии и которые неизбежно, в силу данного положения вещей, должны начаться с самых скромных, неофициальных и неформальных попыток. Подробнее говорить о характере этих попыток в печати неуместно.

Мы приглашаем заграничные группы большевиков перестроиться таким образом, чтобы прекратить всякую связь с вполне доказавшими свою антипартийность впередовцами и, без помехи со стороны этих защитников отзовизма, начать систематическую работу по укреплению партии, сближению с партийцами других фракций, созданию общих клубов, лекций, рефератов и т. п., начать подготовительные шаги к действительному загра-

ничному объединению всех, не идущих за *«Впередом»* и за *«Голосом»*. Если там, где есть голосовцы, неизбежно существование двух параллельных групп, то большевикам неприлично терпеть долее в своих группах антипартийных впередовцев. Они могут себе найти приют у голосовцев.

Редакция «Рабочей Газеты»

Написано в ноябре, позднее 22 (5 декабря), 1910 г.

Впервые напечатано 21 января 1932 г. в газете «Правда» № 21

Печатается по рукописи

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ[33]

Русские рабочие почти во всех больших городах России уже откликнулись по поводу смерти Л. Н. Толстого и выразили, так или иначе, свое отношение к писателю, который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира, — к мыслителю, который с громадной силой, уверенностью, искренностью *поставил* целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства. В общем и целом это отношение выражено в напечатанной в газетах телеграмме, посланной рабочими депутатами III Думы[34].

Л. Толстой начал свою литературную деятельность при существовании крепостного права, но уже в такое время, когда оно явно доживало последние дни. Главная деятельность Толстого падает на тот период русской истории, который лежит между двумя поворотными пунктами ее, между 1861 и 1905 годами. В течение этого периода следы крепостного права, прямые переживания его насквозь проникали собой всю хозяйственную (особенно деревенскую) и всю политическую жизнь страны. И в то же время именно этот период был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху.

В чем сказывались переживания крепостного права? Больше всего и яснее всего в том, что в России, стране

по преимуществу земледельческой, земледелие было за это время в руках разоренных, обнищалых крестьян, которые вели устарелое, первобытное хозяйство на старых крепостных наделах, урезанных в пользу помещиков в 1861 году. А, с другой стороны, земледелие было в руках помещиков, которые в центральной России обрабатывали земли трудом крестьян, крестьянской сохой, крестьянской лошадью за «отрезные земли», за покосы, за водопои и т. д. В сущности, это — старая крепостническая система хозяйства. Политический строй России за это время был тоже насквозь пропитан крепостничеством. Это видно и по государственному устройству до первых приступов к изменению его в 1905 году, и по преобладающему влиянию дворян-землевладельцев на государственные дела, и по всевластию чиновников, которые тоже были главным образом — особенно высшие — из дворян-землевладельцев.

Эта старая патриархальная Россия после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря «дешевому труду» разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность.

Вот эта быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России и отразилась в произведениях Толстого-художника, в воззрениях Толстого-мыслителя.

Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина. Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы. Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его миросозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати

в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроение так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятья по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого.

Представители современного рабочего движения находят, что протестовать им есть против чего, но отчаи-

ваться не в чем. Отчаяние свойственно тем классам, которые гибнут, а класс наемных рабочих неизбежно растет, развивается и крепнет во всяком капиталистическом обществе, в том числе и в России. Отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит.

«Наш Путь» № 7, 28 ноября 1910 г.
Подпись: В. И — и н

Печатается по тексту
газеты «Наш Путь»

ПИСЬМО В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК РСДРП[35]

В заграничной жизни Российской социал-демократической рабочей партии произошли за самое последнее время события, явно свидетельствующие о том, что «объединительный кризис» партии близится к развязке. Поэтому я считаю своим долгом сообщить вам, исключительно в целях информации, — какое значение имеют последние события, какова должна быть (по всему ходу вещей) предстоящая развязка и какую позицию занимают ортодоксальные большевики.

В № 23 «Голоса» Мартов в статье «Куда пришли?» издевается над пленумом — над тем, что российская коллегия ЦК за год ни разу не собралась и что ничего для проведения решений в жизнь не сделано. Он «забывает», разумеется, добавить, что именно ликвидаторская группа гг. Потресовых и сорвала русский ЦК: известный факт отказа Михаила, Романа и Юрия и их заявление, что самое существование ЦК вредно. ЦК в России сорван. Мартов ликует по поводу этого. Что ликуют также впередовцы, об этом нечего и говорить (в № 1 сборника «Вперед» это ликование уже чувствуется). Ликуя, Мартов чересчур поспешил проболтаться. Он кричит в восторге «легальность их (большевиков или «польско-большевистский блок») убивает». Под этим он разумеет то, что *благодаря срыву* ЦК ликвидаторами *легального* партийного выхода из создавшегося положения нет. А ликвидаторам, разумеется, нет ничего приятнее, как безвыходное положение партии.

Но Мартов чересчур поспешил. У большевиков есть еще в руках архилегальное, специально предусмотренное пленумом и напечатанное (от имени пленума) в № 11 Центрального Органа средство. Это средство — заявка о возврате денег ввиду явного невыполнения голосовцами и впередовцами условия о распущении фракций и о борьбе с ликвидаторством и отзовизмом. Ибо именно на этих *условиях,* точно оговоренных, большевики передали свое имущество в ЦК.

И вот 5 декабря 1910 года (нового стиля) большевики, подписавшие условия на пленуме, подали заявку о возврате денег. По закону эта заявка *ведет к созыву пленума.* Если же, гласит решение пленума, «не удастся» (буквально!) в течение 3-х месяцев со дня заявки созвать пленум, то созывается комиссия из 5 членов ЦК: трое от националов, 1 большевик и 1 меньшевик.

Голосовцы тут сразу себя и выдали. Голосовец Игорь, член ЗБЦК, прозревая политику русских ликвидаторов, подал заявление, что он против пленума. Он-де за комиссию. Срыв легальности голосовцами тут явный, ибо созвать пленум можно и до истечения трех месяцев. После заявки нельзя даже поднимать вопроса о комиссии.

Расчет ликвидатора Игоря, служащего верную службу изменникам партии, гг. Потресову и К^0, очень простой: пленум суверенен и, следовательно, созыв его открывает возможность выхода из всего партийного кризиса. Комиссия же не суверенна, никаких прав, кроме разбора претензии о заявке (решают ее, эту претензию, трое немцев), не имеет. Значит, сорвав русский ЦК, ликвидаторы (и их заграничные слуги — голосовцы) срывают теперь всякий ЦК. Удастся ли этот второй срыв, мы еще посмотрим. Поляки в ЗБЦК[36] голосуют за пленум. Зависит теперь от латышей и бундистов[37], от коих ответа еще нет. Наш представитель в ЗБЦК[38] подал и разослал решительный протест против Игоря (и заявление Игоря и этот протест при сем прилагаются в копии).

Вопрос встал ясно. Борьба за пленум есть борьба за легальность, борьба за партию. Борьба голосовцев

против пленума есть борьба против партийного выхода из кризиса, против легальности.

Плеханов и его друзья, которых мы извещали о каждом шаге, вполне согласны с нами насчет необходимости пленума. Они тоже за пленум; проект нашего общего выступления в этом смысле обсуждается теперь, и в ближайшем будущем либо мы выступим с заявлением вместе с плехановцами, либо будет статья в Центральном Органе по этому вопросу.

Далее, 26 ноября (нового стиля) 1910 года Троцкий провел в так называемом венском партийном клубе (кружок троцкистов, заграничников, — пешки в руках Троцкого) резолюцию, которую он и издал отдельным оттиском. Прилагаю его.

Здесь открыто объявлена война «Рабочей Газете», органу большевиков и плехановцев. Доводы не новы. Заявление, что «принципиальной основы» для борьбы с голосовцами и впередовцами теперь нет — верх комизма и лицемерия. Всем известно, что голосовцы и впередовцы и не думали распускать своих фракций, что голосовцы целиком поддерживают на деле ликвидаторов, Потресова и К^0, что впередовцы устроили (на средства известного сорта) фракционную школу за границей, в которой учат махизму, учат о том, что отзовизм — «законный оттенок» (буквально из их платформы) и т. д. и т. п.

Призыв Троцкого к «дружной» работе партии с голосовцами и впередовцами есть возмутительное лицемерие и фраза. Всем известно, что за весь год после пленума голосовцы и впередовцы (при тайной поддержке Троцкого) работали «дружно» против партии. Действительно, дружную партийную работу вели целый год вместе только большевики и плехановцы и в Центральном Органе, и в «Рабочей Газете», и в Копенгагене[39], и в русских легальных органах.

Но если не новы выходки Троцкого против блока большевиков и плехановцев, то ново заключение его резолюции: венский клуб (сиречь Троцкий) организовал «общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП».

Это вот ново. Это прямое выступление на раскол. Это прямое нарушение партийной легальности и начало авантюры Троцкого, который сломает себе на ней шею. Понятно, что это раскол. Шаг Троцкого, «фонд» Троцкого поддерживают только голосовцы и впередовцы. Об участии беков и плехановцев не может быть и речи. Ликвидаторы (голосовцы) в Цюрихе уже поддержали Троцкого, — это понятно. Вполне возможно и вероятно, что «известные» «фонды» впередовцев раскроются для Троцкого. От этого авантюристический характер его затеи, вы понимаете, только усилится.

Ясно, что эта затея нарушает партийную легальность, ибо о ЦК не говорится ни слова. Созывать конференцию может лишь ЦК. Мало того, Троцкий, прогнавший от себя в августе 1910 года представителя ЦК при «Правде»[40], сам потерял тем самым всякую легальность, превратив «Правду» из органа, поддерживаемого представителем ЦК, в орган чисто фракционный.

Итак: дело обрисовалось, положение выяснилось. Впередовцы собрали «известные» «фонды» для борьбы с партией, для защиты «законного оттенка» (отзовизма). Троцкий в последнем № «Правды» (и на реферате в Цюрихе) кокетничает с впередовцами вовсю. Ликвидаторы в России сорвали русский ЦК. Ликвидаторы за границей сорвать хотят заграничный пленум, т. е. всякий ЦК. Пользуясь этим «разрушением легальности», Троцкий берется за организационный раскол, основывая «свой» фонд для «своей» конференции.

Роли распределены. Голосовцы защищают Потресова и К^0 как «законный оттенок». Впередовцы защищают отзовизм как «законный оттенок». Троцкий хочет «популярно» защищать тех и других и созвать свою конференцию (может быть на впередовские деньги). Тройственный союз (Потресов + Троцкий + Максимов) против двойственного (беки плюс плехановцы). Диспозиция окончена. Борьба начата.

Вы понимаете, почему я называю шаг Троцкого авантюрой. Это — во всех смыслах авантюра.

Это — авантюра в смысле идейном. Троцкий группирует всех врагов марксизма, объединяя Потресова и

Максимова, ненавидящих «ленинско-плехановский» (как они любят выражаться) блок. Троцкий объединяет всех, кому дорог и люб идейный распад; всех, кому нет дела до защиты марксизма; всех обывателей, не понимающих из-за чего борьба и не желающих учиться, думать, доискиваться идейных корней расхождения. В наше время разброда, распада и шатаний, Троцкий легко может оказаться «героем на час», сплотить всю пошлость вокруг себя. Но провал этой попытки будет тем грандиознее, чем откровеннее она будет сделана.

Это — авантюра в смысле партийно-политическом. Все признаки теперь, что реальное объединение с.-д. партии возможно только на почве искреннего и бесповоротного отказа от ликвидаторства и от отзовизма. Ясно, что Потресов (и голосовцы) и впередовцы ни от того, ни от другого не отреклись. Троцкий сплачивает их, жульнически обманывая себя, обманывая партию, обманывая пролетариат. На деле ничего, кроме укрепления потресовской и максимовской антипартийных групп, Троцкий не достигнет. Провал этой авантюры неизбежен.

Наконец, это — авантюра организационная. Конференция на «фонд» Троцкого без ЦК есть раскол. Пусть инициатива и останется за Троцким. Пусть ответственность и ляжет на него.

3 лозунга исчерпывают суть современного партийного положения:

1) Укрепление и всяческая поддержка союза и собирания плехановцев и большевиков для защиты марксизма, для отпора идейному распаду, для борьбы с ликвидаторством и с отзовизмом.

2) Борьба за пленум — для легального выхода из партийного кризиса.

3) Борьба с раскольнической и беспринципной авантюрой Троцкого, объединяющего Потресова и Максимова против социал-демократии.

Написано в декабре,
не позднее 15 (28), 1910 г.

Впервые напечатано в 1941 г.
в журнале
«Пролетарская Революция» № 1

Печатается по машинописной
копии

О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ

Вопрос о нашем партийном кризисе снова выдвинут на первый план заграничной с.-д. печатью, вызывая усиленные толки, недоумения и колебания в широких партийных кругах. Центральному Органу партии необходимо поэтому дать полное освещение этому вопросу. Статья Мартова в № 23 «Голоса» и выступление Троцкого, облеченное в форму отдельным листком напечатанной «резолюции» «венского клуба» от 26 ноября 1910 г., ставят вопрос о кризисе перед читателями, совершенно извращая суть дела.

За статьей Мартова и резолюцией Троцкого скрываются и определенные практические *действия* — и действия, *направленные против партии.* Статья Мартова есть лишь литературная форма, в которую облечена *предпринятая голосовцами кампания с целью срыва ЦК* нашей партии. Резолюция Троцкого, призывающая местные организации к подготовке «общепартийной конференции» помимо и против ЦК, есть выражение того же самого, что составляет цель голосовцев: *разрушить ненавистные ликвидаторам центральные учреждения,* а *с ними заодно — и партию как организацию.* Эти антипартийные действия голосовцев и Троцкого недостаточно вывести на свежую воду, с ними нужно *бороться.* Товарищи, которым дорога партия и дело ее возрождения, должны самым решительным образом высказаться против всех тех, кто из чисто фракционных и кружковых соображений и интересов стремится разрушить *партию.*

Статья Мартова «Куда пришли?» есть плохо прикрытое издевательство над решениями пленума и ликвидаторское ликование по поводу неудач партии. «Не удалось *ни разу собрать в России* небольшую по численности коллегию ЦК», — так пишет и пишет курсивом Мартов, точно захлебываясь от удовольствия, которое причиняет оглашение подобного факта всем ликвидаторам.

К сожалению, Мартов прав. Русскому ЦК не удалось собраться. Напрасно только думает Мартов обойти вопрос о том, *кто* сорвал ЦК в России. Кроме полицейских помех его созыву, была одна не полицейская, а *политическая* помеха. Это — известный отказ Михаила, Романа и Юрия явиться *хотя бы* для кооптации только на заседание ЦК; это — заявление тех же лиц, что они «самое существование ЦК находят вредным».

Нельзя оспорить того, что отказ явиться хотя бы на одно заседание для кооптации, отказ явиться по приглашению людей, работающих среди тьмы полицейских помех, есть *срыв ЦК*. Нельзя оспорить того, что этот политический акт, сопровожденный *принципиальной* мотивировкой, совершен людьми, входящими в группу «виднейших» русских сотрудников «Голоса» (письмо *16-ти* в № 19—20 «Голоса»), входящих в ликвидаторские *легальные* группы г. Потресова и К^0. Все это факты. *Группа легалистов-независимцев, врагов социал-демократии, — вот кто сорвал ЦК в России.*

Если Аксельрод уверяет (в № 23 «Голоса»), будто «кличка» ликвидатор применяется «без разбора», если он договаривается даже до такой бессмыслицы, будто мы способны называть ликвидаторами людей, лично уставших или задавленных борьбой за кусок хлеба, если он, говоря подобный младенческий вздор, *обходит молчанием* именно ту группу и те группы ликвидаторов, которые в ЦО партии *поименно* названы, то недобросовестность подобных уверток нечего и доказывать. Если Мартов и другие голосовцы якобы «спорят» в «Голосе» с ликвидаторами в России, объявляя их поступки «легкомыслием» (!!), «усовещевая» их погодить еще (Мартов о Левицком в № 23), и *в то же время* целиком *работают* вместе с ними, рука об руку с ними создают особую

фракцию за границей для борьбы с партией и для поддержки врагов партии, господ Потресовых, то перед нами лишь одно из многих проявлений политического лицемерия. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Милюков всерьез борется с веховцами, когда он «спорит» с ними, объявляет их «легкомысленными» и в то же время *работает* политически рука об руку с ними. Всякий признàет, что г. Милюков доказывает этим свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта его политической солидарности с веховцами. Ни один политически мыслящий человек не скажет, будто г. Столыпин и его правительство всерьез борется с черной сотней, когда он «спорит» с ней (в «России»), обвиняет ее в «легкомыслии», но в то же время *работает* рука об руку с ней. Всякий признàет, что г. Столыпин и царское правительство доказывают этим лишь свое лицемерие, отнюдь не опровергая факта их политической солидарности с Пуришкевичами.

Но если всякому должно быть ясно политическое лицемерие «Голоса», то *намек* Мартова, будто «легальность убивает» официальных представителей партии, *не может быть ясен* 999 из 1000 читателей, ибо намек этот нарочито туманный.

Обязанность ЦО — туман насчет партийных дел разгонять, чтобы *все* поняли, в чем суть расхождения.

Мартов имеет в виду то, что *кроме* решения ЦК *никакого* партийно-легального выхода из кризиса нет. Следовательно, *если* русским ликвидаторам удалось сорвать ЦК в России *(и если заграничным ликвидаторам удастся сорвать созыв ЦК хотя бы за границей),* то положение станет легально безвыходным. И Мартов заранее ликует: ЦК-де сорван окончательно, легального выхода *нет,* игра ликвидаторов-де — выиграна.

Мартов поторопился. То, что у г. Потресова и прочих врагов партии *на уме,* оказалось слишком рано *на языке* у Мартова.

Да, Мартов прав! Единственный выход из кризиса в партии может быть найден Центральным Комитетом. Стало быть, если ввиду полицейских и вышеуказанных политических помех ЦК не удается собрать в России, —

его надо собрать за границей. Это — *единственное* средство подойти к выходу из кризиса. И одно из партийных течений, заключивших на последнем пленуме ЦК договор относительно совместной партийной работы вне фракционных рамок, большевики сделали шаг, чтобы ускорить единственный выход из партийного кризиса. Представители большевистского течения передали имущество большевистской фракции в распоряжение партии с *условием,* что одновременно с уничтожением их, большевистского, фракционного центра будут уничтожены и фракционные центры меньшевиков (голосовцев) и отзовистов («впередовцев»). Это *условие не выполнено.* Мало того. Руководящий орган фракции голосовцев «Голос Социал-Демократа» стал заведомо покровительствовать и прикрывать тех внутренних врагов партии, с которыми пленум ЦК единогласно поручил нам бороться самым решительным образом, как с буржуазными и враждебными партии уклонениями от социал-демократии. Ввиду такого явного нарушения условий договора, заключенного на пленуме между всеми партийными течениями и группами, ввиду такой явно антипартийной политики одной из договаривавшихся сторон, — большевики сочли нужным потребовать возврата им денег, переданных ими условно партии год тому назад. 5 декабря 1910 г. ими подано соответствующее заявление об этом в Заграничное бюро Центрального Комитета. Правильно или неправильно поступили большевики в этом случае, об этом будет судить предусмотренная пленумом инстанция. Суть дела в том, что *теперь,* с момента подачи представителями большевистского течения их заявки, созыв пленума ЦК за границей является уже не только необходимостью для отыскания выхода из внутреннего кризиса в партии: он является *необходимостью,* предписанной всем течениям и группам, заключавшим 6 января 1910 г. договор, *собственным же их о том обязательством — ими же единогласно принятой резолюцией**. Созыв пленума ЦК стал не только *партийной*

* Дело в том, что на пленуме заключен, признан партийным *законом,* источником *легальности* для партии, договор ЦК с определенными представителями большевистского течения об *условной* передаче их имущества в партию. Этот договор опубликован в ЦО (№ 11), где оглашена также и вся процедура, предусмотренная пленумом в связи с этим договором. Главное, что предусмотрено в случае заявки большевиков о *нарушении условий* объединения голосовцами и впередовцами, есть *созыв пленума* (за

необходимостью, он стал юридической обязанностью. Мы видим вновь, что другого легального исхода из положения — кроме созыва пленума ЦК — быть не может...

И вот тут-то политика голосовцев сразу вскрылась.

Согласно ясному и недвусмысленному постановлению ЦК, ЗБЦК, казалось бы, не оставалось ввиду заявки большевиков ничего другого, как созвать пленум, и только если бы попытки созыва не увенчались успехом, в течение 3-х месяцев, прибегнуть к другому предусмотренному ЦК способу разрешения вопроса. Но голосовцы повели себя иначе.

12-го декабря голосовец Игорев, член ЗБЦК, подал письменное заявление, в котором объявляет, что он *против созыва пленума,* что он соглашается лишь на комиссию!

Ясно, в чем тут соль: пленум суверенен и, раз собравшись, *может* найти *легальный* выход из кризиса, из невозможного положения дел в России. Комиссия же *не* суверенна, никаких прав (кроме разбора претензии о деньгах большевиков) не имеет, *никакого легального* выхода из кризиса найти *не может.*

Вышло по пословице: не рой другому ямы, сам в нее упадешь!

Не успел Мартов любезно указать партии на ту «яму» безвыходного будто бы в легальном смысле положения, в которой ликвидаторы так рады бы были видеть официальную партию, как *в этой яме оказался голосовец Игорев!*

Ликвидаторы русские сорвали ЦК в России. Теперь ликвидаторы заграничные срывают созыв ЦК и за границей. Ликвидаторы ликуют, предвкушая величайшую радость (для Столыпина и для ликвидаторов): отсутствие *всякого* ЦК. То-то благодать для господ Потресовых, для фракции «впередовцев»!

границей). «Если по тем или другим причинам не удастся, — гласит постановление пленума, напечатанное в № 11 ЦО, — в течение 3-х месяцев с момента заявления представителями большевистского течения своего требования устроить пленум, созывается» особая комиссия.

Мы не станем останавливаться здесь на увертках голосовца Игорева и на опровержении их в контрзаявлении большевика — члена ЗБЦК*. Отметим лишь, что голосовец Игорев был настолько предупредителен, что прямо заявил о своем протесте против пленума, *даже если бы* он созывался *по общему уставу* (для этого требуется единогласие в ЗБЦК), а не по специальному постановлению на случай заявки. Голосовец Игорев находит созыв пленума делом «громоздким» и т. д. Понятно: ведь для ликвидаторов и самое существование нашей нелегальной партии чересчур «громоздко». Пленум будет преимущественно эмигрантским — таков второй «довод» голосовца Игорева. Но это не мешает голосовцам всеми силами поддерживать *чисто эмигрантский* план созыва «общепартийной» конференции Троцким помимо и против Центрального Комитета...

Голосовцы *во всяком случае* решили сорвать *всякий* ЦК!

Мы должны, далее, обратить внимание членов партии на более общий вопрос — о положении дел в РСДРП. Как и всякая революционная партия, наша партия может существовать и развиваться лишь при условии хотя бы элементарного *желания* революционеров помогать друг другу при проведении *общей* работы.

Если партийные уставы и решения («легальность» партии) служат не для того, чтобы *облегчать* эту совместную работу, а для *зацепок,* позволяющих *тормозить* ее извнутри важнейших партийных коллегий, то партийная работа превращается в недостойную комедию. Во всякой иной партии трудности созыва ЦК вызвали бы сразу десятки форм и путей обхода полицейских трудностей и изыскания новых и новых приемов работы. У нас же фракционеры *внутри* партии служат: кто — гг. Потресовым, кто прямым отзовистам и полуанархистам *вне* партии. «Легальность» превращается у таких, как голосовец Игорев, в средство *извнутри* партии вредить ей, тормозить работу, помогать гг. Потресовым

* Последний товарищ письмом в редакцию ЦО просит нас помочь ему довести до сведения партии о попытках срыва пленума голосовцами.

разрушить партию*. Подобное положение невозможно. И ему не помогут «благожелательные резолюции», над которыми законно смеется тот же Мартов. Чтобы помочь делу, надо прежде всего *понять* дело. Надо понять, почему нелепо, недостойно, смешно сочинять благожелательные резолюции о совместной работе с такими гг., как Потресовы и К⁰. Когда партия поймет, что тут две несовместимые политики, что тут вопрос о социал-демократизме и либерализме, тогда партия быстро найдет выход. Тогда мы сумеем создать «легальность» *не* для того, чтобы ликвидаторы делали *из нее* подножки партии.

Надо сознаться, что г. Потресова и его друзей, а также голосовца Игорева и его друзей следует *благодарить* за то, как успешно они облегчают партии *понимание* этого.

Выступление Троцкого, будучи *по внешности* совершенно не связано с мартовским издевательством над неудачами партии, со срывом голосовцами ЦК, на деле связано с тем и другим неразрывной связью, связью «интереса». Многие в партии не понимают еще, в чем эта связь. Венская резолюция от 26 ноября 1910 г. поможет им, наверное, понять суть дела.

Резолюция состоит из трех частей: 1) из объявления войны «Рабочей Газете» (призыв «дать *решительный отпор*» ей, как «новым фракционно-кружковым предприятиям», по выражению Троцкого); 2) из полемики против линии большевистско-плехановского «блока»; 3) из объявления, что «собрание венского клуба (т. е. Троцкий и его кружок) постановляет: организовать общепартийный фонд для подготовки и созыва конференции РСДРП».

На первой части мы вовсе не будем останавливаться. Троцкий вполне прав, когда говорит, что «Рабочая

* И когда Мартов издевается над официальными партийными учреждениями, говоря: «легальность их убивает», то он *прав постольку,* поскольку «убивают» плодотворность работы *такие* «легальные» (т. е. партийным уставом или решением пленума созданные) формы этих учреждений, которые *позволяют* тормозить работу Михаилу, Роману, Юрию, голосовцам (через Игорева) и т. д.

Газета» — «частное предприятие» и что она «не уполномочена говорить от имени партии в целом».

Напрасно только забывает Троцкий, что и он и его «Правда» *тоже* не уполномочены на это. Напрасно обходит он молчанием, — говоря, что пленум признал работу «Правды» полезной, — тот факт, что пленум назначил *представителя ЦК* в редакцию «Правды». Умолчание об этом при упоминании о решениях пленума насчет «Правды» нельзя назвать иначе, как *обманом рабочих.* И этот обман Троцкого тем более злостный, что в *августе* 1910 года Троцкий *удалил* из «Правды» представителя ЦК. После этого происшествия, после *разрыва* связи «Правды» с ЦК, газета Троцкого есть не что иное, как «частное предприятие», не сумевшее притом выполнить взятых на себя обязательств. Пока не собрался вновь ЦК, *нет* иного судьи отношения «Правды» к ЦК, как *представитель* ЦК, пленумом назначенный и *признавший поведение Троцкого антипартийным.*

Вот что вытекает из поднятого Троцким так кстати вопроса о том, кто «уполномочен говорить от имени партии в целом».

Мало того. Поскольку (и до тех пор пока) русский ЦК срывают ликвидаторы-независимцы легалисты, поскольку (и до тех пор пока) заграничный ЦК срывают голосовцы, *единственным* учреждением, уполномоченным «говорить от имени партии в целом», остается *Центральный Орган.*

И мы заявляем поэтому *от имени партии в целом,* что Троцкий ведет антипартийную политику; — что он *разрывает* партийную *легальность,* вступает на путь *авантюры* и *раскола,* когда в своей резолюции, ни звуком не поминая о ЦК (как будто бы он договорился уже с голосовцами о том, что ЦК будет сорван!), от имени *одной заграничной* группы объявляет об «*организации фонда* для созыва конференции РСДРП». Если бы усилия ликвидаторов сорвать ЦК увенчались успехом, то мы, как единственное учреждение, уполномоченное говорить от имени партии в целом, объявили бы немедленно, что *никакого* участия в «фонде» и в затее Троцкого

мы не принимаем и *общепартийной* будем считать лишь конференцию, созываемую *Центральным Органом,* а не кружком Троцкого*.

Но, пока еще вопрос о срыве ЦК не решен событиями окончательно, есть надежда на вполне *легальный* партийный исход.

Призывая членов партии к решительной борьбе за этот партийно-легальный исход, мы займемся выяснением «принципиальных основ» расхождения, которое голосовцы и Троцкий спешат довести до раскола — первые, срывая ЦК, второй — игнорируя его и «организуя фонд» для созыва «конференции РСДРП» (не шутите!) кружком Троцкого.

Троцкий пишет в своей резолюции, что борьба, которую ведут «ленинцы и плехановцы» (этой подстановкой *личностей* на место *течений* большевизма и партийного меньшевизма Троцкий хочет выразить свое пренебрежение, но выражает лишь свое непонимание), что эта борьба «лишена в настоящее время всякой принципиальной основы».

Вот к выяснению этих принципиальных основ ЦО и зовет с.-д. всея Руси: займемся именно этим интересным вопросом, пока идет «неинтересная» борьба из-за созыва пленума!

Выписываем полностью мотивы, по которым Троцкий объявляет борьбу ЦО лишенной всякой принципиальной основы:

«... Среди *всех* (курсив Троцкого) партийных течений твердо укоренилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации, объединения легальной и нелегальной работы, проведения выдержанной социал-демократической тактики, и эти основные директивы последний пленум наметил *единогласно.*

Трудность состоит сейчас, через год после пленума, не в провозглашении этих истин, а в *проведении их в жизнь.* Путь же к этому — дружная совместная работа всех частей партии: «голосовцев», «плехановцев», «ленинцев», «впередовцев», нефракционных, ибо партия духовно вышла уже из периода детства, и всем ее членам пора сознавать себя и действовать в качестве

* Что действительно общепартийная конференция, созванная ЦК партии, *необходима* возможно *скорее* — об этом не может быть спора.

революционных социал-демократов, патриотов своей партии, без дальнейших фракционных наименований. И это сотрудничество должно совершаться в общепартийных рамках, а не вокруг фракционных органов».

Вот образец того, как хорошие слова истрепываются во фразу, прикрывая величайшую неправду, величайший обман и самих тех, кто фразой упивается, и всей партии.

Ведь это же прямая и вопиющая *неправда,* будто среди *всех* партийных течений твердо укрепилось убеждение в необходимости восстановления нелегальной организации. Каждый № «Голоса» показывает, что голосовцы считают группу г. Потресова и К^0 *партийным течением* и что они не только «считают» ее таковым, но и *систематически* в ее «работе» участвуют. Не смешно ли, не позорно ли, теперь, через год после пленума, играть в прятки, обманывать себя и обманывать рабочих, отделываться словесными увертками, когда речь идет о *«проведении в жизнь»,* а не о фразах?

Да или нет? Считает ли Троцкий г. Потресова и К^0, точно названных в ЦО, «партийным течением» или нет? Этот вопрос есть именно вопрос о «проведении в жизнь» решений пленума, и ЦО *вот уже год,* как этот вопрос поставил ясно, резко, недвусмысленно, поставил так, что никакие увертки невозможны!

Троцкий пытается опять и опять отделаться умолчанием или фразой, ибо ему *нужно скрыть* от читателей и от партии *правду,* именно: что группы г. Потресова, 16-ти и т. д. абсолютно независимы от партии, вполне обособлены фракционно, не только не восстановляют нелегальную организацию, а срывают ее восстановление, *никакой* социал-демократической тактики не проводят. Троцкому нужно скрыть от партии ту правду, что голосовцы представляют из себя столь же обособленную от партии заграничную фракцию, служащую на деле русским ликвидаторам.

А «впередовцы»? Троцкий прекрасно знает, что и они *после* пленума укрепили и развили свою особую фракцию, с независимыми от партии средствами, с особой фракционной школой, в которой учат вовсе не «выдер-

жанной с.-д. тактике», а тому, что «отзовизм законный оттенок», в которой учат отзовистским взглядам на роль III Думы, взглядам, выраженным во фракционной платформе «Вперед».

Умалчивает Троцкий об этой бесспорной правде потому, что для *реальных* целей его политики правда непереносима. А реальные цели все больше выясняются и становятся очевидными даже для наименее дальновидных партийцев. Эти реальные цели — *антипартийный блок Потресовых с впередовцами,* каковой блок Троцким поддерживается и организуется. Принятие резолюций Троцкого (вроде «венской») голосовцами, кокетничанье «Правды» с впередовцами, россказни «Правды» о том, будто в России на местах действуют только впередовцы да троцкисты, рекламирование фракционной школы впередовцев «Правдой», прямая поддержка этой школы Троцким — все это факты, которых долго скрывать нельзя. Шила в мешке не утаишь.

Содержание политики Троцкого есть «дружная работа» «Правды» с фракциями гг. Потресовых и впередовцев. Роли распределены в этом блоке ясно: гг. Потресовы продолжают независимо от партии свою легалистскую работу, свое разрушение социал-демократии, «голосовцы» образуют заграничный отдел этой фракции, а Троцкий берет на себя роль адвоката, уверяющего наивную публику, что «среди *всех* партийных течений твердо укоренилась» «выдержанная с.-д. тактика». Впередовцы получают такого же адвоката, защищающего свободу их фракционной школы, прикрывающего их политику лицемерной, казенной фразой. Этот блок, конечно, поддержит «фонд» Троцкого и антипартийную конференцию, им созываемую, ибо и гг. Потресовы и впередовцы получают здесь то, что им нужно: свободу своих фракций, освящение их, прикрытие их деятельности, адвокатскую защиту ее перед рабочими.

И вот именно с точки зрения «принципиальных основ» мы не можем не признать этот блок *авантюризмом* в самом точном значении слова. Сказать, что он видит настоящих марксистов, действительных защитников

принципиальности социал-демократизма в Потресове, в отзовистах, Троцкий *не смеет.* В том и суть позиции авантюриста, что ему приходится перманентно увиливать. Ибо все и каждый видит и знает, что гг. Потресовы и отзовисты *все* имеют *свою* линию (антисоциал-демократическую линию) и *ведут* ее, тогда как дипломаты «Голоса» и «Вперед» ничем, кроме прикрытия, не служат. Самая глубокая причина того, почему новый блок *осужден* на провал, как бы велик ни был успех его перед обывательскими элементами, какие бы «фонды» ни собрал Троцкий при помощи впередовских и потресовских «источников», заключается в том, что этот блок *беспринципен.* Теория марксизма, *«принципиальные основы»* всего нашего миросозерцания, всей нашей партийной программы и тактики не случайно, а неизбежно выдвинулись теперь на одно из первых мест во всей жизни партии. Не случайно, а неизбежно было то, что после неудачи революции во *всех* классах общества, среди самых широких народных *масс* пробудился интерес к глубоким основам всего миросозерцания вплоть до вопросов религии и философии, вплоть до *принципов* нашего, марксистского учения *в целом.* Не случайно, а неизбежно массы, втянутые революцией в острую борьбу из-за вопросов тактики, предъявили в эпоху отсутствия открытых выступлений запросы к знанию *общетеоретическому. Основы марксизма* надо заново разъяснять этим массам, защита теории марксизма опять выдвигается на очередь. Если Троцкий объявляет сближение партийных меньшевиков с большевиками «политически бессодержательным» и «неустойчивым», то это лишь показывает глубину его невежества, это лишь обрисовывает его собственную полную бессодержательность. Именно принципиальные основы марксизма восторжествовали в борьбе большевиков с «впередовскими» несоциал-демократическими идеями, в борьбе партийных меньшевиков с гг. Потресовыми и голосовцами. Именно это сближение на вопросе о *принципиальных основах* марксизма и было *реальной базой* действительно дружной работы партийных меньшевиков с большевиками за целый год после пленума. Это —

факт, а не слова, не обещания, не «благожелательные резолюции». И каковы бы ни были разногласия меньшевизма с большевизмом в прошлом и будущем (только авантюристы способны привлекать толпу *посулами* об исчезновении разногласий, о «ликвидировании» их той или иной резолюцией), этот исторический факт вычеркнуть нельзя. Только внутреннее развитие *самих* главных фракций, только *их собственная* идейная эволюция может дать залог уничтожения фракций на деле, путем их сближения, путем испытания их на общей работе. И это началось после пленума. Дружной работы Потресова с впередовцами и с Троцким мы *еще не* видели, а видели только кружковую дипломатию, игру в слова, солидарность в увертках. Дружную работу партийных меньшевиков с большевиками партия в течение года видела, и всякий, кто способен ценить *марксизм,* всякий, кому дороги «принципиальные основы» социал-демократизма, не усомнится ни на минуту в том, что девять десятых рабочих *обеих* фракций будут на стороне *этого* сближения.

Блок Троцкого с Потресовым и впередовцами есть авантюра именно с точки зрения «принципиальных основ». Не менее верно это с точки зрения *партийно-политических* задач. Эти задачи действительно указаны пленумом *единогласно,* но они вовсе не сводятся к той банальной фразе: объединение легальной и нелегальной работы (ведь и кадеты «объединяют» легальную «Речь» с нелегальным «кадетским» ЦК), которую выбирает Троцкий нарочно, чтобы угодить гг. Потресовым и впередовцам, ничего не имеющим против пустых фраз и банальностей.

«Историческая обстановка с.-д. движения в эпоху буржуазной контрреволюции, — гласит резолюция пленума, — неизбежно порождает, как проявление буржуазного влияния на пролетариат, с одной стороны, отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии и т. д.; с другой стороны, отрицание думской работы с.-д. и использования легальных возможностей, непонимание важности того и другого, неумение приспособить революционно-социал-демократическую тактику к своеобразным историческим условиям современного момента и т. д.».

После *годичного опыта* нельзя уклоняться от прямого ответа на вопрос о *реальном* значении этих указаний. Нельзя забывать, что на пленуме *все* националы (к которым примкнул тогда вечно примыкающий ко *всякому* большинству того или иного момента Троцкий) письменно заявили, что *«по существу* было бы желательно назвать ликвидаторством указанное в резолюции течение, с которым необходимо бороться».

Годичный опыт после пленума показал на деле, что именно группы Потресова, именно фракция впередовцев и *воплощают* это буржуазное влияние на пролетариат. *Обход* этого очевидного факта и есть авантюризм, ибо никто еще до сих пор не решался сказать прямо, что у Потресовых и К^0 *нет* линии ликвидаторства, что признание отзовизма «законным оттенком» *соответствует* линии партии. Мы недаром прожили год после пленума. Мы стали богаче опытом. Мы увидали *на деле* проявление отмеченных тогда тенденций. Мы увидали *фракции,* воплотившие эти тенденции. И *словами* о «дружной работе» этих *антипартийных* фракций в якобы «партийном» духе нельзя уже теперь обмануть сколько-нибудь широкие слои рабочих.

Наконец, в-3-х, политика Троцкого есть авантюра в смысле *организационном,* ибо, как мы уже указали, она рвет партийную легальность и, организуя конференцию от имени одной заграничной группы (или от имени блока *двух* антипартийных фракций, голосовцев и впередовцев), она прямо вступает на путь раскола. Будучи уполномочены говорить от имени партии в целом, мы обязаны до конца отстаивать партийную легальность. Но мы вовсе не хотим, чтобы члены партии из-за форм «легальности» не видели *сути* дела. Напротив, именно на *суть* дела, сводящуюся к *блоку* голосовцев и впередовцев, охраняющему полную свободу ликвидаторской деятельности гг. Потресовым и отзовистского разрушения партии, мы обращаем *главное* внимание социал-демократов.

К решительной борьбе за партийную легальность, к борьбе с антипартийным блоком во имя принципиальных основ марксизма и очистки социал-демократизма

от либерализма и анархизма и призываем мы всех социал-демократов.

P. S. Выпуск вышенапечатанной статьи отдельным оттиском (что сделано было на основании голосования большинства редакции — двух представителей большевистского течения и представителя польской организации) вызвал со стороны двух других членов редакции — голосовцев — протест, выпущенный отдельным листком. В этом листке авторы его не касаются содержания статьи: «О *положении дел в партии»* по существу, а обвиняют большинство редакции: 1) в нарушении формальных прав их, двух соредакторов, 2) в совершении «полицейского доноса». Мы считаем самым правильным — раз спор происходит не в плоскости принципов и тактики, а в области организационной склоки и личных нападок, перенести его всецело в Центральный Комитет. Думаем, что, и не дожидаясь решения ЦК по этому вопросу, все *партийные* товарищи сумеют по достоинству оценить методы «полемики» двух членов редакции, Мартова и Дана.

Написано в декабре,
не позднее 15 (28), 1910 г.

Напечатано 23 или 24 декабря
1910 г. (5 или 6 января 1911 г.)
отдельным оттиском из № 19
газеты «Социал-Демократ»;
вторично статья с постскриптумом
напечатана 13 (26) января 1911 г.
в Приложении к № 19—20 газеты
«Социал-Демократ»

Печатается по тексту оттиска,
сверенному с текстом Приложения

РАЗНОГЛАСИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

I

Основные тактические разногласия в современном рабочем движении Европы и Америки сводятся к борьбе с двумя крупными направлениями, отступающими от марксизма, который фактически стал господствующей теорией в этом движении. Эти два направления — ревизионизм (оппортунизм, реформизм) и анархизм (анархо-синдикализм, анархо-социализм). Оба эти отступления от господствующей в рабочем движении марксистской теории и марксистской тактики наблюдаются в различных формах и с различными оттенками во всех цивилизованных странах на протяжении более чем полувековой истории массового рабочего движения.

Уже из одного этого факта явствует, что нельзя объяснять этих отступлений ни случайностями, ни ошибками отдельных лиц или групп, ни даже влиянием национальных особенностей или традиций и т. п. Должны быть коренные причины, лежащие в экономическом строе и в характере развития всех капиталистических стран и постоянно порождающие эти отступления. Вышедшая в прошлом году небольшая книжка голландского марксиста Антона Паннекука: «Тактические разногласия в рабочем движении» (Anton Pannekoek. «Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung». Hamburg, Erdmann Dubber, 1909) представляет из себя интересную попытку научного исследования этих причин. В дальнейшем изложении мы познако-

№ 1.

ЗВѢЗДА

Современный Міръ

ЗНАНІЕ

За ОДИНЪ рубль

Наша задача.

Первая страница газеты «Звезда» № 1, 16 декабря 1910 г.,
в которой была напечатана статья В. И. Ленина
«Разногласия в европейском рабочем движении»
Уменьшено

мим читателя с выводами Паннекука, которые нельзя не признать вполне правильными.

Одной из наиболее глубоких причин, порождающих периодически разногласия насчет тактики, является самый факт роста рабочего движения. Если не мерить этого движения по мерке какого-нибудь фантастического идеала, а рассматривать его, как практическое движение обыкновенных людей, то станет ясным, что привлечение новых и новых «рекрутов», втягивание новых слоев трудящейся массы неизбежно должно сопровождаться шатаниями в области теории и тактики, повторениями старых ошибок, временным возвратом к устарелым взглядам и к устарелым приемам и т. д. На «обучение» рекрутов рабочее движение каждой страны тратит периодически большие или меньшие запасы энергии, внимания, времени.

Далее. Быстрота развития капитализма неодинакова в разных странах и в разных областях народного хозяйства. Марксизм всего легче, всего быстрее, полнее и прочнее усваивается рабочим классом и его идеологами в условиях наибольшего развития крупной промышленности. Отсталые или отстающие в своем развитии экономические отношения постоянно ведут к появлению таких сторонников рабочего движения, которые усваивают себе лишь некоторые стороны марксизма, лишь отдельные части нового миросозерцания или отдельные лозунги, требования, не будучи в состоянии решительно порвать со всеми традициями буржуазного миросозерцания вообще и буржуазно-демократического миросозерцания в частности.

Затем, постоянным источником разногласий является диалектический характер общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий. Капитализм прогрессивен, ибо уничтожает старые способы производства и развивает производительные силы, и в то же время, на известной ступени развития, он задерживает рост производительных сил. Он развивает, организует, дисциплинирует рабочих, — и он давит, угнетает, ведет к вырождению, нищете и т. д. Капитализм сам создает своего могильщика, сам творит

элементы нового строя, и в то же время, без «скачка», эти отдельные элементы ничего не изменяют в общем положении вещей, не затрагивают господства капитала. Эти противоречия живой жизни, живой истории капитализма и рабочего движения умеет охватить марксизм, как теория диалектического материализма. Но понятно само собою, что массы учатся из жизни, а не из книжки, и поэтому отдельные лица или группы постоянно преувеличивают, возводят в одностороннюю теорию, в одностороннюю систему тактики то одну, то другую черту капиталистического развития, то один, то другой «урок» этого развития.

Буржуазные идеологи, либералы и демократы, не понимая марксизма, не понимая современного рабочего движения, постоянно перескакивают от одной беспомощной крайности к другой. То они объясняют все дело тем, что злые люди «натравливают» класс на класс, — то утешают себя тем, что рабочая партия есть «мирная партия реформ». Прямым продуктом этого буржуазного миросозерцания и его влияния надо считать и анархо-синдикализм и реформизм, хватающиеся за *одну* сторону рабочего движения, возводящие односторонность в теорию, объявляющие взаимно исключающими такие тенденции или такие черты этого движения, которые составляют специфическую особенность того или иного периода, тех или иных условий деятельности рабочего класса. А действительная жизнь, действительная история *включает* в себя эти различные тенденции, подобно тому, как жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию и быстрые скачки, перерывы постепенности.

Ревизионисты считают фразами все рассуждения о «скачках» и о принципиальной противоположности рабочего движения всему старому обществу. Они принимают реформы за частичное осуществление социализма. Анархо-синдикалист отвергает «мелкую работу», особенно использование парламентской трибуны. На деле эта последняя тактика сводится к поджиданию «великих дней» при неумении собирать силы, создающие великие события. И те и другие тормозят самое важное,

самое насущное дело: сплочение рабочих в крупные, сильные, хорошо функционирующие, умеющие при *всяких* условиях хорошо функционировать, организации, проникнутые духом классовой борьбы, ясно сознающие свои цели, воспитываемые в действительно марксистском миросозерцании.

Здесь мы позволим себе маленькое отступление и заметим в скобках, во избежание возможных недоразумений, что Паннекук иллюстрирует свой анализ *исключительно* примерами из западноевропейской истории, особенно Германии и Франции, *совершенно не* имея в виду России. Если иногда кажется, что он намекает на Россию, то это зависит лишь от того, что основные тенденции, порождающие определенные отступления от марксистской тактики, проявляются и у нас, несмотря на громадные культурные, бытовые и историко-экономические отличия России от Запада.

Наконец, чрезвычайно важной причиной, порождающей разногласия среди участников рабочего движения, являются изменения в тактике правящих классов вообще, буржуазии в особенности. Будь тактика буржуазии всегда однообразна или хотя бы всегда однородна, — рабочий класс быстро научился бы отвечать на нее столь же однообразной или однородной тактикой. На деле буржуазия во всех странах неизбежно вырабатывает две системы управления, два метода борьбы за свои интересы и отстаивания своего господства, причем эти два метода то сменяют друг друга, то переплетаются вместе в различных сочетаниях. Это, во-первых, метод насилия, метод отказа от всяких уступок рабочему движению, метод поддержки всех старых и отживших учреждений, метод непримиримого отрицания реформ. Такова сущность консервативной политики, которая все больше перестает быть в Западной Европе политикой землевладельческих классов, все больше становится одной из разновидностей общебуржуазной политики. Второй метод — метод «либерализма», шагов в сторону развития политических прав, в сторону реформ, уступок и т. д.

Буржуазия переходит от одного метода к другому не по злостному расчету отдельных лиц и не по случайности, а в силу коренной противоречивости ее собственного положения. Нормальное кациталистическое общество не может успешно развиваться без упроченного представительского строя, без известных политических прав населения, которое не может не отличаться сравнительно высокой требовательностью в «культурном» отношении. Эту требовательность по части известного минимума культурности порождают условия самого капиталистического способа производства с его высокой техникой, сложностью, гибкостью, подвижностью, быстротой развития всемирной конкуренции и т. д. Колебания в тактике буржуазии, переходы от системы насилия к системе якобы уступок свойственны, вследствие этого, истории всех европейских стран за последние полвека, причем разные страны преимущественно развивают применение того или иного метода в течение определенных периодов. Например, Англия в 60-х, 70-х годах XIX века была классической страной «либеральной» буржуазной политики, Германия 70-х и 80-х годов держалась метода насилия и т. п.

Когда в Германии царил этот метод, односторонним отзвуком этой одной из систем буржуазного управления был рост анархо-синдикализма, или, по-тогдашнему, анархизма в рабочем движении («молодые» в начале 90-х годов[41], Иоган Мост в начале 80-х). Когда в 1890 году наступил поворот к «уступкам», этот поворот, как и всегда, оказался еще более опасным для рабочего движения, порождая столь же односторонний отзвук буржуазного «реформаторства»: оппортунизм в рабочем движении. «Позитивная, реальная цель либеральной политики буржуазии, — говорит Паннекук, — есть введение в заблуждение рабочих, внесение раскола в их среду, превращение их политики в бессильный придаток бессильного, всегда бессильного и эфемерного якобы реформаторства».

Нередко буржуазия на известное время достигает своей цели посредством «либеральной» политики, которая представляет из себя, по справедливому замечанию

Паннекука, «более хитрую» политику. Часть рабочих, часть их представителей подчас дает себя обмануть кажущимися уступками. Ревизионисты провозглашают «устарелым» учение о классовой борьбе или начинают вести политику, на деле осуществляющую отречение от нее. Зигзаги буржуазной тактики вызывают усиление ревизионизма в рабочем движении и нередко доводят разногласия внутри него до прямого раскола.

Все причины указанного рода вызывают разногласия относительно тактики внутри рабочего движения, внутри пролетарской среды. Но китайской стены между пролетариатом и соприкасающимися с ним слоями мелкой буржуазии, в том числе и крестьянства, нет и быть не может. Понятно, что переходы отдельных лиц, групп и слоев от мелкой буржуазии к пролетариату не могут не порождать, с своей стороны, колебаний в тактике этого последнего.

Опыт рабочего движения различных стран помогает уяснить на конкретных вопросах практики сущность марксистской тактики, помогает более молодым странам яснее различать истинное классовое значение отступлений от марксизма и успешнее бороться с этими отступлениями.

«Звезда» № 1, 16 декабря 1910 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА

Толстой с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая *уже* ненавидит хозяев современной жизни, но которая *еще* не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними.

История и исход великой русской революции показали, что именно таковой была та масса, которая оказалась *между* сознательным, социалистическим пролетариатом и решительными защитниками старого режима. Эта масса, — главным образом, крестьянство, — показала в революции, как велика в ней ненависть к старому, как живо ощущает она все тягости современного режима, как велико в ней стихийное стремление освободиться от них и найти лучшую жизнь.

И в то же время эта масса показала в революции, что в своей ненависти она недостаточно сознательна, в своей борьбе непоследовательна, в своих поисках лучшей жизни ограничена узкими пределами.

Великое народное море, взволновавшееся до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого.

Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в *учении* Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения. Это нужно понять, чтобы идти вперед.

Этому-то движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы.

Только тогда добьется русский народ освобождения, когда поймет, что не у Толстого надо ему учиться добиваться лучшей жизни, а у того класса, значения которого не понимал Толстой и который единственно способен разрушить ненавистный Толстому старый мир, — у пролетариата.

«Рабочая Газета» № 2,
18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ

После трех лет революции, с 1905 по 1907 год, Россия пережила три года контрреволюции, с 1908 по 1910 год, три года черной Думы, разгула насилия и бесправия, натиска капиталистов на рабочих, отнятия тех завоеваний, которые рабочими были сделаны. Царское самодержавие, только надломанное, но не уничтоженное в 1905 году, собралось с силами, соединилось с помещиками и капиталистами в III Думе и снова ввело в России старые порядки. Еще сильнее стал гнет капиталистов над рабочими, еще наглее беззакония и произвол чиновников в городе и особенно в деревне, еще свирепее расправа с борцами за свободу, еще чаще смертные казни. Царское правительство, помещики и капиталисты бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию, — точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов.

Но бывают такие враги, которых можно в нескольких сражениях разбить, можно придавить на время, но *нельзя* уничтожить. Полная победа революции вполне возможна, и такая победа совершенно уничтожила бы царскую монархию, смела бы с лица земли крепостников-помещиков, передала бы все их земли без выкупа крестьянам, заменила бы чиновничье управление демократическим самоуправлением и политической свободой. Такие преобразования не только возможны, они *необходимы* в каждой стране в XX веке,

они совершены уже во *всех* европейских государствах более или менее полно, ценой более или менее долгой и упорной борьбы.

Но *никакие,* даже самые полные победы реакции, *никакое* торжество контрреволюции *не может* уничтожить врагов царского самодержавия, врагов помещичьего и капиталистического гнета, потому что враги эти — миллионы рабочих, которые все более скопляются в городах и на крупных фабриках, заводах, железных дорогах. Враги эти — разоряемое крестьянство, которому еще во много раз тяжеле живется теперь, при соединении земских начальников и богатых крестьян для грабежа *по закону,* для отнятия крестьянской земли *с согласия* помещичьей Думы, *под защитой* всех помещичьих и военных властей. Таких врагов, как рабочий класс, как крестьянская беднота, уничтожить нельзя.

И мы видим теперь, как после трех лет самого бесшабашного разгула контрреволюции *народные массы,* больше всего угнетенные, придавленные, забитые, запуганные всякого вида преследованиями, снова начинают поднимать голову, снова просыпаются и начинают приниматься за борьбу. Три года казней, преследований, диких расправ уничтожили десятки тысяч одних «врагов» самодержавия, заперев в тюрьмы и услав в ссылку сотни тысяч других, запугали еще сотни и сотни тысяч третьих. Но миллионы и десятки миллионов теперь уже не те, чем они были до революции. Эти миллионы *никогда* еще в истории России не переживали таких назидательных, наглядных уроков, такой открытой борьбы классов. Что в этих миллионах и десятках миллионов началось новое глубокое, глухое брожение, — это видно из летних стачек текущего года и из недавних демонстраций.

Рабочие стачки в России и во время подготовки революции и во время самой революции были самым распространенным средством борьбы пролетариата, этого передового класса, который один только является до конца революционным классом в современном обществе. Экономические и политические стачки, то чередуясь друг с другом, то переплетаясь в одно неразрывное

целое, сплачивали массы рабочих против класса капиталистов и самодержавного правительства, вносили брожение во все общество, поднимали на борьбу крестьянство.

Когда в 1895 году начались непрерывные массовые стачки, это было началом полосы подготовки народной революции. Когда в январе 1905 года в один месяц число стачечников перешло за 400 тысяч, это было началом самой революции. Все три года революции число стачечников, постепенно падая (почти 3 миллиона в 1905 г., 1 миллион в 1906, $^{3}/_{4}$ миллиона в 1907 г.), было так высоко, как никогда еще не было ни в одной стране в мире.

Когда в 1908 году число стачечников резко упало сразу (176 тысяч) и еще резче в 1909 г. (64 тысячи), это означало конец первой революции или вернее первой полосы революции.

И вот, с лета текущего года начинается опять подъем. Число экономических стачечников *возрастает* и возрастает очень сильно. Полоса *полного* господства черносотенной реакции кончилась. Начинается полоса нового подъема. Пролетариат, *отступавший* — хотя и с большими перерывами — с 1905 по 1909 год, собирается с силами и начинает переходить в *наступление.* Оживление в некоторых отраслях промышленности сейчас же ведет к оживлению пролетарской борьбы.

Пролетариат начал. Другие, буржуазные, демократические классы и слои населения, продолжают. Смерть умеренно-либерального, чуждого демократии, председателя I Думы, Муромцева, вызывает первое робкое начало манифестаций. Смерть Льва Толстого вызывает — впервые после долгого перерыва — *уличные демонстрации* с участием преимущественно студенчества, но отчасти также и рабочих. Прекращение работы целым рядом фабрик и заводов в день похорон Толстого показывает начало, хотя и очень скромное, демонстративных забастовок.

В самое последнее время зверства царских тюремщиков, истязавших в Вологде и Зерентуе наших товарищей каторжан, преследуемых за их геройскую борьбу в революции, подняли еще выше брожение среди сту-

дентов. Повсюду в России происходят сходки и митинги, полиция силой врывается в университеты, избивает учащихся, арестует их, преследует газеты за малейшее правдивое слово о волнениях и всем этим только усиливает волнения.

Пролетариат начал. Демократическая молодежь продолжает. Русский народ просыпается к новой борьбе, идет навстречу новой революции.

Первое же начало борьбы показало нам опять, что живы те силы, которые поколебали царскую власть в 1905 г. и которые разрушат ее в этой грядущей революции. Первое же начало борьбы показало нам опять значение *массового* движения. Никакие преследования, никакие расправы не могут остановить движения, раз поднялись *массы,* раз начали шевелиться миллионы. Преследования только разжигают борьбу, втягивают в нее новые и новые ряды борцов. Никакие покушения террористов не помогут угнетенным массам, и никакие силы на земле не остановят масс, когда они поднимутся.

Теперь они начали подниматься. Этот подъем, может быть, пойдет быстро, — может быть, пойдет медленно и с перерывами, но он во всяком случае идет к революции. Русский пролетариат шел впереди всех в 1905 году. Вспоминая это славное прошлое, он должен напрячь теперь все усилия, чтобы восстановить, укрепить, развить свою организацию, свою партию, Российскую социал-демократическую рабочую партию. Наша партия переживает ныне трудные дни, но она непобедима, как непобедим пролетариат.

За работу же, товарищи! Беритесь везде и повсюду за постройку организаций, за создание и укрепление рабочих с.-д. партийных ячеек, за развитие экономической и политической агитации. В первой русской революции пролетариат научил народные массы бороться за свободу, во второй революции он должен привести их к победе!

«Рабочая Газета» № 2,
18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ДЕРЕВНЕ?

В газетах ведутся споры по поводу новой книги бывшего министра земледелия Ермолова о «современной пожарной эпидемии в России». Либеральная печать отметила, что пожары в деревне после революции не ослабели, а усилились. Реакционные газеты подхватили крики и вопли Ермолова о «безнаказанности поджигателей», о «терроре в деревне» и т. д. Число пожаров в деревне возросло в чрезвычайных размерах: например, в Тамбовской губернии с 1904 по 1907 г. — *вдвое,* в Орловской — *в $2^1/_2$ раза,* в Воронежской — *в 3 раза.* «Сколько-нибудь состоятельные крестьяне, — пишет лакействующее перед правительством «Новое Время», — желают идти на хутора, пытаются заводить новую культуру, но точно в неприятельской стране они испытывают партизанскую осаду со стороны одичавшей деревенской вольницы. Их жгут и травят, травят и жгут, «хоть бросай все и беги, куда глаза глядят»».

Неприятное признание приходится делать сторонникам царского правительства! Для нас, социал-демократов, новые данные не безынтересны, как лишнее подтверждение лжи правительства и жалкого бессилия либеральной политики.

Революция 1905 г. вполне показала, что старые порядки в русской деревне осуждены историей бесповоротно. Никакая сила в мире не сможет укрепить

эти порядки. Как переделать их? Крестьянские массы ответили на это своими восстаниями 1905 года, ответили через своих депутатов I и II Думы[42]. Помещичьи земли должны быть отобраны у помещиков безвозмездно. Когда 30 000 помещиков (с Николаем Романовым во главе) имеют *70 миллионов* десятин земли, а 10 миллионов крестьянских дворов почти такое же количество, ничего иного кроме кабалы, безысходной нищеты, разорения и застоя во всем народном хозяйстве получиться не может. И социал-демократическая рабочая партия звала крестьян на революционную борьбу. Рабочие всей России своими массовыми стачками 1905 года объединяли и направляли крестьянскую борьбу. План либералов «помирить» крестьян с помещиками на «выкупе по справедливой оценке» был пустой, жалкой, предательской уверткой.

Как хочет переделать старые деревенские порядки столыпинское правительство? Оно хочет ускорить полное разорение крестьян, сохранить помещичьи земли, помочь ничтожной кучке богатых крестьян «выйти на хутора», оттягать как можно больше общинной земли. Правительство поняло, что вся масса крестьян против него, и оно старается найти себе союзников из крестьянских богатеев.

Чтобы осуществить правительственную «реформу», нужны «20 лет покоя», сказал однажды сам Столыпин. «Покоем» он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над *десятками миллионов,* без подавления малейших проявлений их самостоятельности, столыпинская «реформа» проводиться не может. «Покоя» не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не создал и создать не может: вот та неприятная истина, которую напомнила царским слугам книга бывшего министра о деревенских пожарах.

У крестьян нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как

массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти. Подготовка сил пролетариата для такой борьбы, создание, развитие, укрепление пролетарских организаций, — вот в чем очередная задача РСДРП.

«Рабочая Газета» № 2,
18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН

(НЕКРОЛОГ)

Мы живем в проклятых условиях, когда возможна такая вещь: крупный партийный работник, гордость партии, товарищ, всю свою жизнь беззаветно отдавший рабочему делу, пропадает без вести. И самые близкие люди, как жена и мать, самые близкие товарищи годами не знают, что сталось с ним: мается ли он где на каторге, погиб ли в какой тюрьме или умер геройской смертью в схватке с врагом. Так было с Иваном Васильевичем, расстрелянным Ренненкампфом. Узнали мы об его смерти лишь совсем недавно.

Имя Ивана Васильевича близко и дорого не одному социал-демократу. Все, знавшие его, любили и уважали его за его энергию, отсутствие фразы, глубокую выдержанную революционность и горячую преданность делу. Петербургский рабочий, он в 1895 г., с группой других сознательных товарищей, энергично ведет работу за Невской заставой среди рабочих Семянниковского, Александровского, Стеклянного заводов, образовывает кружки, устраивает библиотеки и сам все время страстно учится.

Все мысли его направлены на то, как бы расширить работу. Он принимает деятельное участие в составлении *первого агитационного листка,* выпущенного в С.-Петербурге осенью 1894 года, листка к семянниковским рабочим, и самолично распространяет его. Когда в С.-Петербурге образовывается «Союз борьбы за освобождение рабочего класса»[43], Иван Васильевич

становится одним из активнейших его членов и работает в нем вплоть до своего ареста. Идея создания за границей политической газеты, которая послужила бы делу объединения и укрепления с.-д. партии, обсуждалась вместе с ним его старыми товарищами по петербургской работе — основателями «Искры»[44] — и встретила с его стороны самую горячую поддержку. Пока Иван Васильевич остается на воле, «Искра» не терпит недостатка в чисто рабочих корреспонденциях. Просмотрите первые 20 номеров «Искры», все эти корреспонденции из Шуи, Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и др. мест центра России: почти все они проходили через руки Ивана Васильевича, старавшегося установить самую тесную связь между «Искрой» и рабочими. Иван Васильевич был самым усердным корреспондентом «Искры» и горячим ее сторонником. Из центрального района Бабушкин перебирается на юг, в Екатеринослав, где его арестуют и сажают в тюрьму в Александровске. Из Александровска он бежит вместе с другим товарищем, перепилив решетку окна. Не зная ни одного иностранного языка, он пробирается в Лондон, где тогда была редакция «Искры». Много переговорено было там, много вопросов обсуждено совместно. Но Ивану Васильевичу не привелось быть на втором съезде партии... тюрьма и ссылка выбили его надолго из строя. Поднимавшаяся революционная волна выдвигала новых работников, новых партийных деятелей, а Бабушкин жил в это время на далеком севере, в Верхоянске, оторванный от партийной жизни. Времени он даром не терял, учился, готовился к борьбе, занимался с рабочими, товарищами по ссылке, старался сделать их сознательными социал-демократами и большевиками. В 1905 г. подоспела амнистия, и Бабушкин двинулся в Россию. Но и в Сибири в это время кипела борьба, и там нужны были такие люди, как Бабушкин. Он вступил в Иркутский комитет и с головой ринулся в работу. Приходилось выступать на собраниях, вести социал-демократическую агитацию и организовывать восстание. В то время, как Бабушкин с пятью другими товарищами — имена их не дошли до нас — вез в

Читу[*] большой транспорт оружия в отдельном вагоне, поезд был настигнут карательной экспедицией Ренненкампфа[**], и все шестеро, безо всякого суда, были немедленно же расстреляны на краю вырытой на скорую руку общей могилы. Умерли они, как герои. Об их смерти рассказали солдаты-очевидцы и железнодорожники, бывшие на этом же поезде. Бабушкин пал жертвой зверской расправы царского опричника, но, умирая, он знал, что дело, которому он отдал всю свою жизнь, не умрет, что его будут делать десятки, сотни тысяч, миллионы других рук, что за это дело будут умирать другие товарищи рабочие, что они будут бороться до тех пор, пока не победят...

*   *
*

Есть люди, которые сочинили и распространяют басню о том, что Российская социал-демократическая рабочая партия есть партия «интеллигентская», что рабочие от нее оторваны, что рабочие в России — социал-демократы без социал-демократии, что так было в особенности до революции и в значительной мере во время революции. Либералы распространяют эту ложь из ненависти к той революционной борьбе масс, которой руководила в 1905 г. РСДРП, а из социалистов перенимает эту лживую теорию кое-кто по неразумию или легкомыслию. Биография Ивана Васильевича Бабушкина, десятилетняя социал-демократическая работа этого *рабочего-искровца* служит наглядным опровержением либеральной лжи. И. В. Бабушкин — один из тех рабочих-передовиков, которые за *10 лет* до революции начали создавать *рабочую* социал-демократическую партию. Без неустанной, геройски-упорной работы *таких* передовиков в пролетарских массах РСДРП не просуществовала бы не только десяти лет, но и десяти месяцев. Только благодаря деятельности *таких* передовиков, только благодаря их поддержке, РСДРП выросла к 1905 г. в партию, которая *неразрывно слилась*

[*] Впоследствии установлено, что оружие везли из Читы. *Ред.*
[**] Позднее установлено, что это была карательная экспедиция А. Н. Меллер-Закомельского. *Ред.*

с пролетариатом в великие октябрьские и декабрьские дни, которая сохранила эту связь в лице *рабочих депутатов* не только II, но и III, черносотенной, Думы.

Либералы (кадеты) хотят превратить в народного героя недавно умершего председателя I Думы, С. А. Муромцева. Мы, социал-демократы, не должны пропускать случая, чтобы выразить презрение и ненависть царскому правительству, которое преследовало даже таких умеренных и безобидных чиновников, как Муромцев. Муромцев был только либеральным чиновником. Он не был даже демократом. Он боялся революционной борьбы масс. Он ждал свободы для России не от такой борьбы, а от доброй воли царского самодержавия, от *соглашения* с этим злейшим и беспощадным врагом русского народа. В таких людях смешно видеть народных героев русской революции.

А такие народные герои есть. Это — люди, подобные Бабушкину. Это — люди, которые не год и не два, а целые 10 лет перед революцией посвятили себя целиком борьбе за освобождение рабочего класса. Это — люди, которые не растратили себя на бесполезные террористические предприятия одиночек, а действовали упорно, неуклонно среди пролетарских масс, помогая развитию *их* сознания, *их* организации, *их* революционной самодеятельности. Это — люди, которые встали во главе вооруженной массовой борьбы против царского самодержавия, когда кризис наступил, когда революция разразилась, когда миллионы и миллионы пришли в движение. Все, что отвоевано было у царского самодержавия, отвоевано *исключительно* борьбой масс, руководимых такими людьми, как Бабушкин.

Без таких людей русский народ остался бы навсегда народом рабов, народом холопов. С такими людьми русский народ завоюет себе полное освобождение от всякой эксплуатации.

Прошла уж пятая годовщина декабрьского восстания 1905 года. Будем чествовать эту годовщину, вспоминая рабочих-передовиков, которые пали в борьбе с врагом. Мы обращаемся с просьбой к товарищам рабочим соби-

рать и присылать нам воспоминания о тогдашней борьбе и дополнительные сведения о Бабушкине, а также о других социал-демократических рабочих, павших в восстании 1905 г. Мы намерены издать брошюру с жизнеописанием таких рабочих. Такая брошюра будет лучшим ответом всяким маловерам и умалителям Российской социал-демократической рабочей партии. Такая брошюра будет лучшим чтением для молодых рабочих, которые будут учиться по ней, как надо жить и действовать всякому сознательному рабочему.

«Рабочая Газета» № 2,
18 (31) декабря 1910 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА

Наше учение — говорил Энгельс про себя и про своего знаменитого друга — не догма, а руководство для действия. В этом классическом положении с замечательной силой и выразительностью подчеркнута та сторона марксизма, которая сплошь да рядом упускается из виду. А упуская ее из виду, мы делаем марксизм односторонним, уродливым, мертвым, мы вынимаем из него его душу живу, мы подрываем его коренные теоретические основания — диалектику, учение о всестороннем и полном противоречий историческом развитии; мы подрываем его связь с определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории.

И именно в наше время среди тех, кого интересуют судьбы марксизма в России, особенно часто встречаются люди, которые упускают из виду как раз эту его сторону. А между тем всякому ясно, что в последние годы Россия пережила такие крутые переломы, которые с необычайной быстротой и необычайно резко меняли обстановку, социально-политическую обстановку, определяющую ближайшим и непосредственным образом условия действия, а следовательно, и задачи действия. Я говорю, конечно, не об общих и основных задачах, которые не меняются при поворотах истории, раз не меняется основное соотношение между классами. Совершенно очевидно, что это общее направление экономической (и не только экономической) эволюции

России, равно как и основное соотношение между различными классами русского общества, не изменилось за последние, скажем, шесть лет.

Но задачи ближайшего и непосредственного действия изменялись за это время очень резко, как изменялась конкретная социально-политическая обстановка, — а *следовательно,* и в марксизме, как живой доктрине, *не могли не* выдвигаться на первый план *различные* стороны его.

Чтобы пояснить эту мысль, взглянем на то, каково было изменение конкретной социально-политической обстановки за последнее шестилетие. Перед нами сразу выделяются два трехлетия, на которые распадается этот период: одно, заканчивающееся, примерно, летом 1907 года, другое — летом 1910 года. Первое трехлетие характеризуется, с чисто теоретической точки зрения, быстрыми изменениями основных черт государственного строя России, причем ход этих изменений был очень неровен, амплитуда колебаний в обе стороны очень велика. Социально-экономической базой этих изменений «надстройки» было столь открытое, внушительное, массовидное выступление *всех* классов русского общества на *самых различных* поприщах (думская, внедумская деятельность, печать, союзы, собрания и т. д.), какое не часто наблюдается в истории.

Наоборот, второе трехлетие характеризуется — повторяем, что мы ограничиваемся на этот раз чисто теоретической «социологической» точкой зрения — такой медленной эволюцией, которая почти равняется застою. Никаких, сколько-нибудь заметных, изменений в государственном строе. Никаких или почти никаких открытых и разносторонних выступлений *классов* на большинстве тех «арен», на которых развертывались эти выступления в предыдущий период.

Сходство обоих периодов состоит в том, что эволюция России оставалась в течение и того и другого — прежней, капиталистической эволюцией. Противоречие такой экономической эволюции с существованием целого ряда феодальных, средневековых учреждений не устранялось, оставалось тоже прежним, будучи не сглаживаемо,

а скорее обостряемо проникновением некоторого частичного буржуазного содержания в те или иные отдельные учреждения.

Различие того и другого периода состоит в том, что во время первого периода на авансцене исторического действия стоял вопрос о том, как именно сложится результат вышеуказанных быстрых и неровных изменений. Содержание этих изменений не могло не быть буржуазным, в силу капиталистического характера эволюции России, но есть буржуазия и буржуазия. Средняя и крупная буржуазия, стоящая на позиции более или менее умеренного либерализма, по самому своему классовому положению боялась изменений резких и добивалась сохранения значительных остатков старых учреждений и в аграрном строе и в политической «надстройке». Деревенская мелкая буржуазия, переплетаясь с живущим «трудом рук своих» крестьянством, не могла не стремиться к *иного рода* буржуазным преобразованиям, оставляющим гораздо менее места всяческой средневековой старине. Наемные рабочие, поскольку они сознательно относились к происходящему вокруг них, не могли не выработать себе определенного отношения к этому столкновению двух различных тенденций, которые обе остались в рамках буржуазного строя, но определяли совершенно различные формы его, совершенно различную быстроту его развития, различную ширину захвата его прогрессивных влияний.

Таким образом, эпоха миновавшего трехлетия не случайно, а необходимо выдвинула на первый план в марксизме те вопросы, которые принято называть вопросами тактики. Нет ничего ошибочнее того мнения, будто споры и расхождения из-за этих вопросов были «интеллигентскими» спорами, были «борьбой за влияние на незрелый пролетариат», выражали «приспособление интеллигенции к пролетариату», как думают всяких родов веховцы. Напротив, именно потому, что данный класс достиг зрелости, он не мог остаться равнодушным к столкновению двух различных тенденций всего буржуазного развития России, и идеологи этого класса

не могли не дать теоретических формулировок, соответствующих (непосредственно или косвенно, в прямом или обратном отражении) этим различным тенденциям.

Во второе трехлетие столкновение различных тенденций буржуазного развития России *не* стояло на очереди дня, ибо *обе* эти тенденции были придавлены «зубром», отодвинуты назад, загнаны внутрь, заглушены на некоторое время. Средневековые зубры не только заполнили авансцену, но и наполнили сердца самых широких слоев буржуазного общества настроением веховским, духом уныния, отреченства. Не столкновение двух способов преобразования старого, а потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и т. п., — вот что оказалось на поверхности.

И эта поразительно резкая смена не была ни случайностью, ни результатом одного только «внешнего» давления. Предыдущая эпоха так глубоко всколыхнула слои населения, в течение поколений, в течение веков, стоявшие в стороне от политических вопросов, чуждые им, что «переоценка всех ценностей», новая работа над основными проблемами, новый интерес к теории, к азбуке, к учению с азов возник естественно и неизбежно. Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно.

Диалектика исторического развития оказалась такова, что в первый период на очереди дня стояло осуществление непосредственных преобразований во всех областях жизни страны, а во второй — переработка опыта, усвоение его более широкими слоями, проникновение его, если можно так выразиться, в подпочву, в отсталые ряды разных классов.

Именно потому, что марксизм не мертвая догма, не какое-либо законченное, готовое, неизменное учение, а живое руководство к действию, именно поэтому он не мог не отразить на себе поразительно-резкой смены условий общественной жизни. Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом, — серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов. Повторение заученных, но непонятых, непродуманных «лозунгов» повело к широкому распространению пустой фразы, на деле сводившейся к совершенно немарксистским, мелкобуржуазным течениям, вроде откровенного или стыдливого «отзовизма» или признания отзовизма «законным оттенком» марксизма.

С другой стороны, дух веховщины, дух отреченства, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности». Марксистской здесь осталась уже одна только фразеология, облекающая насквозь пронизанные либеральным духом рассуждения о «иерархии» и «гегемонии» и т. п.

В задачу настоящей статьи не может входить, конечно, рассмотрение этих рассуждений. Достаточно указать на них, чтобы иллюстрировать сказанное выше о глубине переживаемого марксизмом кризиса, о связи его со всей общественно-экономической обстановкой пере-

живаемого периода. От вопросов, поднятых этим кризисом, нельзя отмахнуться. Нет ничего вреднее, беспринципнее, как попытки отделаться от них посредством фразы. Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов, сознавших глубину кризиса и необходимость борьбы с ним, для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его, искажаемых с самых противоположных сторон путем распространения буржуазного влияния на разных «попутчиков» марксизма.

Предыдущее трехлетие подняло к сознательному участию в общественной жизни такие широкие слои, которые нередко теперь впервые начинают знакомиться настоящим образом с марксизмом. Буржуазная пресса создает на этот счет гораздо более заблуждений, чем прежде, и распространяет их шире. Распад среди марксизма особенно опасен при таких условиях. Поэтому понять причины неизбежности этого распада в переживаемое время и сплотиться для последовательной борьбы с ним является, в самом прямом и точном смысле слова, задачей эпохи для марксистов.

«Звезда» № 2, 23 декабря 1910 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ГЕРОИ «ОГОВОРОЧКИ»

Только что полученная нами десятая книжка журнала г. Потресова и К^0, «Нашей Зари»[45], дает такие поразительные образчики беззаботности, а вернее: беспринципности в оценке Льва Толстого, на которых необходимо немедленно, хотя бы и вкратце, остановиться.

Вот статья нового ратника потресовской рати, В. Базарова. Редакция не согласна с «отдельными положениями» этой статьи, не указывая, конечно, каковы эти положения. Так ведь много удобнее для прикрытия путаницы! Что касается до нас, то мы затрудняемся указать такие положения этой статьи, которыми мог бы не возмутиться человек, хоть капельку дорожащий марксизмом. «Наша интеллигенция, — пишет В. Базаров, — разбитая и раскисшая, обратившаяся в какую-то бесформенную умственную и нравственную слякоть, достигшая последней грани духовного разложения, единодушно признала Толстого — *всего* Толстого — своей совестью». Это — неправда. Это — фраза. Наша интеллигенция вообще, и интеллигенция «Нашей Зари» в частности, очень похожа на «раскисшую», но никакого «единодушия» в оценке Толстого она не проявила и не могла проявить, никогда *всего* Толстого правильно не оценивала и не могла оценить. И именно отсутствие единодушия прикрывается сугубо лицемерной, вполне достойной *«Нового Времени»,* фразой о «совести». Базаров не борется со «слякотью», а поощряет слякоть.

Базарову «хочется напомнить о некоторых несправедливостях (!!) по отношению к Толстому, в которых повинны русские интеллигенты вообще, а мы, радикалы разных толков, в особенности». Тут правды только то, что Базаров, Потресов и К^0 суть именно «радикалы разных толков», настолько зависимые от всеобщей «слякоти», что во время самого непростительного замалчивания коренных непоследовательностей и слабостей миросозерцания Толстого они петушком, петушком бегут за «всеми», крича о «несправедливости» к Толстому. Они не хотят опьянять себя «тем особенно распространенным среди нас наркотиком, который Толстой называет «озлоблением спора»», — это как раз такие речи, такие напевы, которые требуются обывателями, с бесконечным презрением отворачивающимися от спора из-за каких бы то ни было целиком и последовательно отстаиваемых принципов.

«Главная сила Толстого в том и состоит, что он, пройдя через все ступени типичного для современных образованных людей разложения, сумел найти синтез...». Неправда. Именно синтеза ни в философских основах своего миросозерцания, ни в своем общественно-политическом учении Толстой не сумел, вернее: не мог найти. «Толстой впервые (!) объективировал, т. е. создал не только для себя, но и для других, ту *чисто человеческую* (курсив везде самого Базарова) религию, о которой Конт, Фейербах и другие представители современной культуры могли только субъективно (!) мечтать» и т. д., и т. д.

Этакие речи хуже, чем обычная обывательщина. Это — принаряживание «слякоти» фальшивыми цветами, способное только ввести в обман людей. Более полувека тому назад Фейербах, не умея «найти синтеза» в своем миросозерцании, представлявшем во многих отношениях «последнее слово» немецкой классической философии, запутался в тех «субъективных мечтах», отрицательное значение которых давно уже было оценено действительно передовыми «представителями современной культуры». Объявить теперь, что Толстой «впервые объективировал» эти «субъективные мечтания», значит уходить в лагерь

поворачивающих вспять, значит льстить обывательщине, значит подпевать веховщине.

«Само собою разумеется, основанное Толстым движение (!?) должно претерпеть глубокие перемены, если ему действительно суждено сыграть великую всемирно-историческую роль: идеализация патриархально-крестьянского быта, тяготение к натуральному хозяйству и многие другие утопические черты толстовства, которые в настоящее время выпячиваются (!) на первый план и кажутся самым существенным, в действительности являются как раз субъективными элементами, не связанными необходимой связью с основой толстовской «религии»».

Итак, «субъективные мечты» Фейербаха Толстой «объективировал», а то, что Толстой отразил и в своих гениальных художественных произведениях и в своем полном противоречий учении, отмеченные Базаровым экономические особенности России прошлого века, это «как раз субъективные элементы» в его учении. Вот что называется попасть пальцем в небо. Но и то сказать: для «интеллигенции, разбитой и раскисшей» (и т. д., как выше цитировано), нет ничего приятнее, желательнее, милее, нет ничего более потворствующего ее раскислости, чем это возвеличение «объективированных» Толстым «субъективных мечтаний» Фейербаха и это *отвлечение* внимания от тех конкретных историко-экономических и политических вопросов, которые «в настоящее время выпячиваются на первый план»!

Понятно, что Базарову особенно не нравится «резкая критика», которую вызвало учение о непротивлении злу «со стороны радикальной интеллигенции». Для Базарова «ясно, что о пассивности и квиетизме тут говорить не приходится». Поясняя свою мысль, Базаров ссылается на известную сказку об «Иване Дураке» и предлагает читателю «представить себе, что солдат посылает на дураков не тараканский царь, а их собственный поумневший повелитель Иван, что при помощи этих солдат, набранных из самих же дураков и, следовательно, близких к ним по всему своему душевному складу, Иван хочет принудить своих подданных к выполнению каких-либо неправедных требований. Совершенно очевидно, что дуракам, почти безоружным и не знакомым с ратным строем, нечего и мечтать о физи-

ческой победе над войском Ивана. Даже при условии самого энергичного «сопротивления с насилием» дураки могут победить Ивана не физическим, а только моральным воздействием, т. е. только путем так называемой «деморализации» солдат Иванова войска»... «Сопротивление дураков с насилием достигает того же результата (но только хуже и с большими жертвами), как и сопротивление без насилия»... «Непротивление злу насилием или, общее, гармония средства и цели (!!) отнюдь не является идеей, свойственной только внеобщественным моральным проповедникам. Идея эта есть необходимая составная часть всякого цельного миросозерцания».

Так рассуждает новый ратник потресовской рати. Разбирать его рассуждения мы здесь не можем, да, пожалуй, достаточно на первый раз просто воспроизвести из них главное и добавить три слова: это — чистейшая веховщина.

Из заключительных аккордов кантаты на тему о том, что уши выше лба не растут: «Незачем изображать нашу слабость в виде силы, в виде превосходства над «квиетизмом» и «ограниченной рассудочностью» (а над непоследовательностью рассуждений?) Толстого. Этого не следует говорить не только потому, что это противоречит истине, но и потому также, что это мешает нам учиться у величайшего человека нашего времени».

Так. Так. Не к чему только сердиться, господа, и отвечать смешной бравадой и бранью (как г. Потресов в №№ 8—9 «Нашей Зари»), если вас благословляют, одобряют и лобызают Изгоевы. От этих лобызаний и старым и новым ратникам потресовской рати не очиститься.

Генеральный штаб этой рати снабдил «дипломатической» оговорочкой статью Базарова. Но немногим лучше помещенная без всяких оговорочек передовица г. Неведомского. «Вобрав в себя, — пишет сей вития современной интеллигенции, — и воплотив в законченном виде основные аспирации и стремления великой эпохи падения рабства в России, Лев Толстой оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — *начала совести»*.

Бум, бум, бум... Вобрав в себя и воплотив в законченном виде основные манеры декламации, свойственные либерально-буржуазной публицистике, М. Неведомский оказался и чистейшим, законченнейшим воплощением общечеловеческого идеологического начала — начала празднословия.

Еще одно, последнее сказанье:

«Все эти европейские поклонники Толстого, все эти Анатоли Франсы разных наименований, и палаты депутатов, недавно голосовавшие огромным большинством против отмены смертной казни, а теперь почтившие вставанием великого *цельного* человека, все это царство промежуточности, половинчатости, оговорочности — какой величавой, какой мощной, вылитой из единого чистого металла, фигурой стоит перед ними этот Толстой, это живое воплощение единого принципа».

Уф! Говорит красно — и все ведь это неправда. Не из единого, не из чистого и не из металла отлита фигура Толстого. И «все эти» буржуазные поклонники *как раз* не за «цельность», как раз за отступление от цельности «почтили вставанием» его память.

Одно только хорошее словечко нечаянно сболтнул г. Неведомский. Это словечко — оговорочность — так же хорошо аттестует господ из «Нашей Зари», как аттестует *их* вышеприведенная характеристика интеллигенции у В. Базарова. Перед нами сплошь и целиком — герои «оговорочки». Потресов оговаривается, что не согласен с махистами, хотя и защищает их. Редакция оговаривается, что не согласна с «отдельными положениями» Базарова, хотя всякому ясно, что дело тут не в отдельных положениях. Потресов оговаривается, что его оклеветал Изгоев. Мартов оговаривается, что он не вполне согласен с Потресовым и Левицким, хотя именно им он служит верную политическую службу. Все они вместе оговариваются, что не согласны с Череваниным, хотя больше одобряют его *вторую* ликвидаторскую книжку, усугубляющую «дух» первого его детища. Череванин оговаривается, что не согласен с Масловым. Маслов оговаривается, что не согласен с Каутским.

Все они вместе согласны только в том, что они не согласны с Плехановым и что он клеветнически обвиняет

их в ликвидаторстве, сам будто бы не будучи в состоянии объяснить своего теперешнего сближения с его вчерашними противниками.

Нет ничего проще, чем объяснение этого сближения, непонятного для людей оговорочных. Когда у нас был локомотив, мы расходились самым сильным образом относительно того, соответствует ли крепости сего локомотива, запасам топлива и т. д. быстрота, скажем, в 25 или в 50 верст в час. Спор об этом, как о всяком горячо волнующем вопросе, велся со страстью и нередко с озлоблением. Спор этот — решительно по каждому вопросу, по которому он возникал, — у всех на виду, всем открыт, договорен до конца, не замазан никакими «оговорочками». И никому из нас не приходит в голову брать что-либо назад или хныкать по поводу «озлобления спора». Но когда локомотиву случилось потерпеть поломку, когда он лежит в болоте, окруженный «оговорочными» интеллигентами, подло хихикающими по поводу того, что «и ликвидировать нечего», ибо локомотива уже нет, тогда нас, вчерашних «озлобленных спорщиков», сближает одно общее дело. Ни от чего не отрекаясь, ничего не забывая, никаких обещаний об исчезновении разногласий не делая, мы общее дело делаем вместе. Мы все внимание и все усилия направляем на то, чтобы локомотив поднять, чтобы его обновить, укрепить, усилить, поставить на рельсы — о скорости движения и о повороте тех или иных стрелок успеем поспорить в свое время. Задача дня в наше трудное время — создать нечто, способное дать отпор «оговорочным» людям и «раскислым интеллигентам», поддерживающим прямо и косвенно царящую «слякоть». Задача дня — копать, хотя бы при самых тяжелых условиях, руду, добывать железо, отливать сталь марксистского миросозерцания и надстроек, сему миросозерцанию соответствующих.

«Мысль» № 1, декабрь 1910 г.
Подпись: В. И.

Печатается по тексту
журнала «Мысль»

О КРАСКЕ СТЫДА У ИУДУШКИ ТРОЦКОГО

Иудушка Троцкий распинался на пленуме против ликвидаторства и отзовизма. Клялся и божился, что он партиен. Получал субсидию.

После пленума ослабел ЦК, усилились впередовцы — обзавелись деньгами. Укрепились ликвидаторы, плевавшие в «Нашей Заре» перед Столыпиным в лицо нелегальной партии.

Иудушка удалил из «Правды» представителя ЦК и стал писать в «Vorwärts»[46] ликвидаторские статьи. Вопреки прямому решению назначенной пленумом Школьной комиссии[47], которая постановила, что ни один партийный лектор не должен ехать во фракционную школу впередовцев, Иудушка Троцкий туда поехал и обсуждал план конференции с впередовцами. План этот опубликован теперь группой «Вперед» в листке.

И сей Иудушка бьет себя в грудь и кричит о своей партийности, уверяя, что он отнюдь перед впередовцами и ликвидаторами не пресмыкался.

Такова краска стыда у Иудушки Троцкого.

Написано в январе,
позднее 2 (15), 1911 г.

Впервые напечатано 21 января
1932 г. в газете «Правда» № 21

Печатается по рукописи

КАРЬЕРА РУССКОГО ТЕРРОРИСТА

Таким подзаголовком снабдил представитель партии с.-р.[48] г. Рубанович свою статью о смерти Караулова в французской социалистической газете «L'Humanité»[49]. Карьера, действительно, поучительна.

После 1-го марта 1881 г. Караулов приехал в Париж и предложил главарю «Народной воли»[50] поручить ему восстановление организации. Редактор «Вестника Народной Воли»[51], будущий ренегат Тихомиров, дал ему полномочия. Караулов вернулся в Россию с Лопатиным, Сухомлиным и др. В 1884 г. его арестуют в Киеве и по суду приговаривают к 4 годам каторги, тогда как коллеги его получают смертный приговор или пожизненную каторгу.

Чем объяснить это «странное, — по словам г. Рубановича, — снисхождение». Говорят, — сообщает г. Рубанович, — что председатель военного суда был поражен сходством Караулова с его трагически умершим сыном. Но «существуют другие объяснения этого странного снисхождения», — добавляет г. Рубанович, не говоря, каковы эти другие объяснения*.

Зато новейшая «карьера» Караулова не возбуждает никаких сомнений. В 1905 году он выступал настолько открыто против революционеров, что избиратели провалили его на выборах и в I и во II Думу. «Если передо

* Речь идет, по-видимому, о высказываемых подозрениях, что Караулов дал «откровенные показания».

мной будет два лагеря, — сказал на одном митинге Караулов (по сообщению «Биржевых Ведомостей»[52]), — в одном — правительственные войска, в другом — революционеры с пресловутым лозунгом диктатуры пролетариата, то я, не задумываясь, пойду с первыми против вторых». Неудивительно, что Витте хлопотал о восстановлении прав такого человека. Неудивительно, что Караулов встал в III Думе на одно из первых мест среди самых подлых, контрреволюционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах.

Удивительно, что находятся люди, способные считать себя сочувствующими демократии, которые теперь, по случаю смерти Караулова, чествуют его как «демократа», «борца» и т. п.

Удивительно, что г. Рубанович, представитель партии с.-р., может писать во французском социалистическом органе: «многое простится перешедшему в лагерь умеренных бывшему эсеру за то, что он сумел затронуть лучшие струны» (речь идет о том заседании Думы, когда правые назвали Караулова каторжником, а он ответил, что гордится этим).

За эффектную *фразу* «прощать» карьеру ренегата — это в духе эсеров. Ренегаты бывают во всех революционных партиях, во всех странах, и всегда находятся среди них мастера на эффекты. Но чтобы революционеры, представители «революционных» партий, заявляли публично: «многое простится» ренегату за ловкий выкрик, — это бывает не часто. Для этого надо, чтобы в якобы «революционной» партии был громадный процент *либералов с бомбой.* Для этого надо, чтобы эти, оставшиеся без бомбы, либералы могли уживаться в «революционных» партиях, совсем беззаботных в деле отстаивания революционных принципов, революционных заветов, революционных чести и долга.

Есть и другой, более глубокий урок, который вытекает из «карьеры русского террориста». Это — урок классовой борьбы, это — иллюстрация того, что только революционные *классы* могут быть теперь в России опорой хоть сколько-нибудь серьезных революционных партий. Не один Караулов, а *масса* буржуазной интел-

лигенции, бывшей недавно демократической и даже революционной, повернула теперь *вспять* от демократии и от революции. Это не случайность, а неизбежный результат развития классового сознания русской буржуазии, увидавшей *на опыте,* как близок момент, когда «лагерь» монархии и лагерь революции встанут друг против друга, — увидавшей на опыте, *какой* выбор приходится при этом делать ей, буржуазии.

Кто хочет учиться на великих уроках русской революции, тот должен понять, что только развитие классового сознания пролетариата, только организация *этого* класса, только очищение его партии от мелкобуржуазных «попутчиков», от свойственных им беспринципности, шатаний и слабости *может* привести снова и наверное приведет снова к победам народа над монархией Романовых.

«Социал-Демократ» № 19—20,
13 (26) января 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА

Эпоха, к которой принадлежит Л. Толстой и которая замечательно рельефно отразилась как в его гениальных художественных произведениях, так и в его учении, есть эпоха после 1861 и до 1905 года. Правда, литературная деятельность Толстого началась раньше и окончилась позже, чем начался и окончился этот период, но Л. Толстой вполне сложился, как художник и как мыслитель, именно в этот период, переходный характер которого породил *все* отличительные черты и произведений Толстого и «толстовщины».

Устами К. Левина в «Анне Карениной» Л. Толстой чрезвычайно ярко выразил, в чем состоял перевал русской истории за эти полвека.

«... Разговоры об урожае, найме рабочих и т. п., которые, Левин знал, принято считать чем-то очень низким,.. теперь для Левина казались одни важными. «Это, может быть, неважно было при крепостном праве, или неважно в Англии. В обоих случаях самые условия определены; но у нас теперь, когда все это переворотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть единственный важный вопрос в России», — думал Левин» (Соч., т. X, стр. 137).

«У нас теперь все это переворотилось и только укладывается», — трудно себе представить более меткую характеристику периода 1861—1905 годов. То, что «переворотилось», хорошо известно, или, по крайней мере, вполне знакомо всякому русскому. Это — крепостное право и весь «старый порядок», ему соответ-

ствующий. То, что «только укладывается», совершенно незнакомо, чуждо, непонятно самой широкой массе населения. Для Толстого этот «только укладывающийся» буржуазный строй рисуется смутно в виде пугала — Англии. Именно: пугала, ибо всякую попытку выяснить себе основные черты общественного строя в этой «Англии», связь этого строя с господством капитала, с ролью денег, с появлением и развитием обмена, Толстой отвергает, так сказать, принципиально. Подобно народникам, он не хочет видеть, он закрывает глаза, отвертывается от мысли о том, что «укладывается» в России никакой иной, как буржуазный строй.

Справедливо, что если не «единственно важным», то важнейшим с точки зрения ближайших задач всей общественно-политической деятельности в России для периода 1861—1905 годов (да и для нашего времени) был вопрос, «как уложится» этот строй, буржуазный строй, принимающий весьма разнообразные формы в «Англии», Германии, Америке, Франции и т. д. Но для Толстого такая определенная, конкретно-историческая постановка вопроса есть нечто совершенно чуждое. Он рассуждает отвлеченно, он допускает только точку зрения «вечных» начал нравственности,, вечных истин религии, не сознавая того, что эта точка зрения есть лишь идеологическое отражение старого («переворотившегося») строя, строя крепостного, строя жизни восточных народов.

В «Люцерне» (писано в 1857 году) Л. Толстой объявляет, что признание «цивилизации» благом есть «воображаемое знание», которое «уничтожает инстинктивные, блаженнейшие первобытные потребности добра в человеческой натуре». «Один, только один есть у нас непогрешимый руководитель, — восклицает Толстой, — Всемирный Дух, проникающий нас» (Соч., II, 125).

В «Рабстве нашего времени» (писано в 1900 году) Толстой, повторяя еще усерднее эти апелляции к Всемирному Духу, объявляет «мнимой наукой» политическую экономию за то, что она берет за «образец» «маленькую, находящуюся в самом исключительном положении, Англию», — вместо того, чтобы брать за

образец «положение людей всего мира за все историческое время». Каков этот «весь мир», это нам открывает статья «Прогресс и определение образования» (1862 г.). Взгляд «историков», будто прогресс есть «общий закон для человечества», Толстой побивает ссылкой на «весь так называемый Восток» (IV, 162). «Общего закона движения вперед человечества нет, — заявляет Толстой, — как то нам доказывают неподвижные восточные народы».

Вот именно идеологией восточного строя, азиатского строя и является толстовщина в ее реальном историческом содержании. Отсюда и аскетизм, и непротивление злу насилием, и глубокие нотки пессимизма, и убеждение, что «все — ничто, все — материальное ничто» («О смысле жизни», стр. 52), и вера в «Дух», «начало всего», по отношению к каковому началу человек есть лишь «работник», «приставленный к делу спасения своей души», и т. д. Толстой верен этой идеологии и в «Крейцеровой сонате», когда он говорит: «эмансипация женщины не на курсах и не в палатах, а в спальне», — и в статье 1862 года, объявляющей, что университеты готовят только «раздраженных, больных либералов», которые «совсем не нужны народу», «бесцельно оторваны от прежней среды», «не находят себе места в жизни» и т. п. (IV, 136—137).

Пессимизм, непротивленство, апелляция к «Духу» есть идеология, неизбежно появляющаяся в такую эпоху, когда весь старый строй «переворотился» и когда масса, воспитанная в этом старом строе, с молоком матери впитавшая в себя начала, привычки, традиции, верования этого строя, не видит и не может видеть, *каков* «укладывающийся» новый строй, *какие* общественные силы и как именно его «укладывают», какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки».

Период 1862—1904 годов был именно такой эпохой ломки в России, когда старое бесповоротно, у всех на глазах рушилось, а новое только укладывалось, причем общественные силы, эту укладку творящие,

впервые показали себя на деле, в широком общенациональном масштабе, в массовидном, открытом действии на самых различных поприщах лишь в 1905 году. А за событиями 1905 года в России последовали аналогичные события в целом ряде государств того самого «Востока», на «неподвижность» которого ссылался Толстой в 1862 году. 1905 год был началом конца «восточной» неподвижности. Именно поэтому этот год принес о собой исторический конец толстовщине, конец всей той эпохе, которая могла и должна была породить учение Толстого — не как индивидуальное нечто, не как каприз или оригинальничанье, а как идеологию условий жизни, в которых действительно находились миллионы и миллионы в течение известного времени.

Учение Толстого безусловно утопично и, по своему содержанию, реакционно в самом точном и в самом глубоком значении этого слова. Но отсюда вовсе не следует ни того, чтобы это учение не было социалистическим, ни того, чтобы в нем не было критических элементов, способных доставлять ценный материал для просвещения передовых классов.

Есть социализм и социализм. Во всех странах с капиталистическим способом производства есть социализм, выражающий идеологию класса, идущего на смену буржуазии, и есть социализм, соответствующий идеологии классов, которым идет на смену буржуазия. Феодальный социализм есть, например, социализм последнего рода, и характер *такого* социализма давно, свыше 60 лет тому назад, оценен был Марксом наряду с оценкой других видов социализма[53].

Далее. Критические элементы свойственны утопическому учению Л. Толстого так же, как они свойственны многим утопическим системам. Но не надо забывать глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме «стоит в обратном отношении к историческому развитию». Чем больше развивается, чем более определенный характер принимает деятельность тех общественных сил, которые «укладывают» новую Россию и несут избавление от современных социальных бедствий, тем быстрее

критически-утопический социализм «лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания».

Четверть века тому назад критические элементы учения Толстого могли на практике приносить иногда пользу некоторым слоям населения *вопреки* реакционным и утопическим чертам толстовства. В течение последнего, скажем, десятилетия это не могло быть так, потому что историческое развитие шагнуло не мало вперед с 80-х годов до конца прошлого века. А в наши дни, *после* того, как ряд указанных выше событий положил конец «восточной» неподвижности, в наши дни, когда такое громадное распространение получили сознательно-реакционные, в узкоклассовом, в корыстно-классовом смысле реакционные идеи «веховцев» среди либеральной буржуазии, — когда эти идеи заразили даже часть почитай-что марксистов, создав «ликвидаторское» течение, — в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляций к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред.

«Звезда» № 6, 22 января 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Относительно нашей заявки существуют (и распространяются умышленно ликвидаторами-голосовцами) ложные слухи, которым мы считаем долгом противопоставить краткое изложение сути дела и наших взглядов.

Формально дело стоит так, что на пленуме I. 1910 заключен *договор* фракции с партией. По договору, наша фракция обязалась распуститься, *если* распустятся остальные фракции. Условие не соблюдено. *Мы восстановляем свою свободу борьбы* с либералами и анархистами, поощряемыми вождем «примиренцев», Троцким. Вопрос о деньгах играет для нас *второстепенную* роль, хотя, конечно, отдавать деньги *фракции* блоку ликвидаторов + анархисты + Троцкий мы не собираемся, отнюдь не отказываясь от своего права разоблачить перед международной социал-демократией этот блок, его финансовые «основы» (пресловутые «фонды» впередовцев, оберегаемые от разоблачения Троцким и голосовцами) *и т. д.*[*]

По существу, мы *снимаем с себя ответственность* за то *содействие* разложению партии, которое оказала «примиренческая» (т. е. потакающая голосовцам-либералам

[*] Право представлять фракцию дано нашей *шестерке* plenum'a. Из шести голосов мы имеем *четыре:* три в Париже и один по доверенности (письменной) Мешковского. Если бы Мешковский вздумал отречься, мы *опросим* остальных *выбранных в Лондоне* членов ЦК большевиков и кандидатов[54], опросим также большевиков, заявивших себя влиятельной работой.

и впередовцам-анархистам) политика. Мы предупредили партию официально и открыто *еще до № 12* ЦО, заявив в листке *««Голос» ликвидаторов против партии»* о заговоре против партии*.

Если кое-кому эти слова показались преувеличением, то события вполне и буквально нас подтвердили. Ликвидаторы-либералы *извне* партии укрепились, создали фракцию, вполне враждебную («Наша Заря», «Возрождение», «Дело Жизни»[55]) социал-демократии и *готовую* сорвать дело партии на выборах в IV Думу. Голосовцы *помогали* гг. Потресовым и К⁰ разлагать партию, *портя и тормозя* работу извнутри центральных учреждений. Заграничное бюро ЦК — единственный постоянный практический орган — попал в руки *ликвидаторов* благодаря частью бессилию Бунда и латышей, частью прямой помощи голосовцам со стороны ликвидаторских элементов этих национальных организаций. ЗБЦК не только ничего не сделал для объединения *партийцев* за границей, не только ничем не помог борьбе с голосовцами и впередовцами, но *прикрывал* антипартийные «фонды» анархистов и шаги либералов.

Впередовцы, благодаря «примиренческой» поддержке Троцкого и «Голоса», укрепились во фракцию с транспортом, *агентурой,* усилившись *во много раз* после пленума I. 1910.

То, что вполне ясно наметилось уже на пленуме (защита, например, анархистской школы Троцким + голосовцы), развилось до конца. Блок либералов и анархистов при помощи примиренцев бесстыдно разрушает остатки партии извне и помогает разлагать ее извнутри. Игра в формалистику с «приглашением» голосовцев и троцкистов в центры обессиливает вконец и без того ослабленных партийцев.

Слагая с себя ответственность за эту игру, мы будем *помимо нее* вести нашу *партийную* линию сближения с плехановцами и *беспощадной* борьбы с блоком. Само собою разумеется, что мы *всячески* поддержим *все* шаги ЦК, если ему удастся собраться в России, восстановить

---

* См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 202—210. *Ред.*

центральный аппарат в России, создать партийную организационную базу (вместо ликвидаторского ЗБЦК) за границей и *начать работу* против либералов и анархистов.

В заключение два слова о *расколе,* которым пугают «примиренцы». Раскол *de facto* сейчас уже полный, ибо потресовцы и впередовцы *вполне* откололись и *никто* не вернет их к партийной *линии.* Если ЦК решительно осудит их как либералов и анархистов, раскола *de jure* не будет, ибо *своей* линии они защищать не могут. Если центры перестанут играть в «приглашение» либералов слуг Потресова (голосовцев) и впередовцев, то раскола *de jure* не будет, и рабочие покинут окончательно и впередовцев и потресовцев. *Иная* политика сделает раскол затяжным, ободрив потресовцев и впередовцев. Что касается до нас, то мы от этой «иной» политики, как *уполномоченные представители большевистского течения,* за которыми руководящее значение признал пленум I. 1910, вполне отстраняемся.

Представители большевистского течения, подписавшие на пленуме договор с ЦК и имеющие полномочия (по доверенности от Мешковского) его расторгнуть.

Написано позднее 22 января (4 февраля) 1911 г.

Впервые напечатано в 1933 г. в Ленинском сборнике XXV

Печатается по рукописи

МАРКСИЗМ И «НАША ЗАРЯ»[56]

В № 4 «Звезды»[57] было справедливо отмечено в обзоре печати, что ликвидаторство, а в связи с ним оценка вопроса о гегемонии, интересует в настоящее время марксистские круги, и что полемика по этому важному вопросу, в интересах плодотворности, должна быть принципиальной, «а не личной и злостной полемикой «Нашей Зари»».

Вполне разделяя это мнение, я обойду полным молчанием выходки этого журнала по поводу того, будто понять можно лишь *о ком,* а не *о чем,* идет речь («Наша Заря» № 11—12, стр. 47). Я возьму прямо журнал «Наша Заря» *за год* — это будет как раз кстати по поводу годового юбилея этого органа — и постараюсь рассмотреть, *о чем* идет в нем речь.

Первый номер «Нашей Зари» вышел в январе 1910 г. Уже во втором, февральском, номере г. Потресов провозгласил, что к числу *«пустяков»* относится и спор махистов с марксистами и вопрос о ликвидаторстве. «Ибо может ли существовать, спрошу я у читателя, — писал г. Потресов, — в лето 1909-ое, не как фантом в больном воображении, а как подлинная реальность, течение ликвидационное, течение, ликвидирующее то, что уже не подлежит ликвидации, чего на самом деле уже нет как организованного целого?» (с. 61).

Г. Потресов этой неудачной попыткой обойти вопрос дал наилучшее, неожиданное, по геростратовской смелости, подтверждение тому взгляду, который он соби-

рался опровергнуть. Именно в январе и феврале 1910 года г. Потресов не мог не знать, что с его оценкой фактического положения вещей не согласятся его противники. Значит, попытаться отделаться тем, что-де «нет», «на нет и суда нет», невозможно. Вопрос не в том, равняется ли на практике нулю одна десятая или одна двадцатая, или одна сотая, или какая угодно другая дробь. Вопрос в том, *есть ли течение,* считающее эту дробь ненужностью. Вопрос в том, есть ли принципиальное расхождение о значении дроби, об отношении к ней, об увеличении ее и т. д. Отвечая по сути дела на *этот именно* вопрос тем, что «нет», «ноль», «ноль и есть ноль», г. Потресов вполне выразил отрицаемое им ликвидаторское течение. В его выходке была только сугубая «злостность» (по меткому выражению обзора печати № 4 «Звезды»), был только недостаток прямоты, публицистической ясности. Но именно потому, что вопрос идет не о лицах, а о течении, на помощь Петербургу пришла Москва. Московское «Возрождение» в № 5 от 30 марта 1910 г., сочувственно цитируя г. Потресова, писало: «Ликвидировать нечего, и, прибавим мы от себя, — мечта о восстановлении этой иерархии — в ее старом» и т. д. «виде просто вредная, реакционная утопия» (стр. 51).

Совершенно очевидно, что речь идет как раз не о старом *виде,* а о старой *сущности.* Совершенно очевидно также, что вопрос о «ликвидировании» нераздельно связан с вопросом о «восстановлении». «Возрождение» сделало маленький шаг вперед против г. Потресова, чуточку яснее, прямее, честнее выразило *ту же* мысль. Тут не лица, тут течение. Лица могут отличаться не прямотой, а увертливостью, течения же обнаруживают себя самыми различными случаями, видами, формами.

Вот, например, г. Базаров был некогда большевиком и, может быть, продолжает считать себя таковым — в наше время курьезы бывают всякие. А в апрельской книжке «Нашей Зари» он так удачно, так счастливо (для Потресова) опровергал г. Потресова, что объявил буквально «одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений» «пресловутый вопрос о гегемонии»

(стр. 87). Заметьте: г. Базаров называет этот вопрос «пресловутым», т. е. уже поднятым, уже известным в апреле 1910 года! Отмечаем этот факт — он крайне важен. Отмечаем, что заявление г. Базарова, будто о «гегемонии не будет и помину» (стр. 88), при условии, что мелкая буржуазия городов и деревень «будет достаточно радикально настроена против политических привилегий» и т. д., «но проникнута резким националистическим духом», — есть на деле полное непонимание идеи гегемонии и отречение от нее. Именно борьба с «национализмом», именно очистка от него «настроений», предположенных Базаровым, и есть дело «гегемона». Успешность этого дела не измеряется немедленными, непосредственными, сегодняшними результатами. Бывают времена, когда результаты отпора национализму, отпора болотному духу, отпора ликвидаторству, которое, кстати сказать, есть такое же проявление влияния буржуазии на пролетариат, как и национализм, захватывающий иногда часть рабочих, — бывают времена, когда эти результаты сказываются лишь спустя годы, спустя долгие, иногда, годы. Бывает, что годами чуть тлеет искорка, которую мелкая буржуазия считает, объявляет, провозглашает несуществующей, ликвидированной, умершей и т. д. и которая на деле живет, дает отпор духу уныния и отреченства, проявляет себя после долгого периода. Оппортунизм всегда и везде на свете цепляется за минуту, за момент, за сегодня, не умея понять связи между «вчера» и «завтра». Марксизм *требует* ясного сознания этой связи, сознания не на словах, а на деле. Марксизм находится поэтому в непримиримом противоречии с ликвидаторским течением вообще, с отрицанием гегемонии — в частности.

За Петербургом — Москва. За меньшевиком г. Потресовым — бывший большевик г. Базаров. За Базаровым — г. В. Левицкий, более прямой, более честный противник, чем г. Потресов. В июльской книжке «Нашей Зари» г. В. Левицкий пишет: «Если прежняя (форма сплочения сознательных рабочих) была гегемоном в общенациональной борьбе за политическую свободу, то будущая будет *классовой* (курсив г. Левицкого)

партией вступающих в свое историческое движение масс» (стр. 103).

В одной этой фразе замечательно удачно выражен, сконцентрирован, запечатлен *дух* всех писаний гг. Левицких, Потресовых, Базаровых, всего «Возрождения», всей «Нашей Зари» и всего «Дела Жизни». Сотнями цитат можно было бы дополнить, заменить, развить, пояснить приведенную цитату из В. Левицкого. Это — такая же «классическая» фраза, как знаменитое бернштейновское «движение — все, конечная цель — ничто»[58] или как прокоповичевское (из «Credo» 1899 г.): рабочим — экономическая, либералам — политическая борьба[59].

Г. Левицкий теоретически неправ, когда *противополагает* гегемонию — классовой партии. Одного этого противопоставления достаточно, чтобы сказать: не марксизм, а либерализм составляет ту партию, которой *на деле* следует «Наша Заря». Только теоретики либерализма во всем мире (вспомните хоть Зомбарта и Брентано) понимают *классовую* рабочую партию так, как ее «понимает» Левицкий. С точки зрения марксизма, класс, отрицающий идею гегемонии или непонимающий ее, есть не класс или еще не класс, а *цех* или сумма различных цехов.

Но, будучи неверен марксизму, г. Левицкий вполне верен «Нашей Заре», *то есть* течению ликвидаторскому. Он сказал святую истину о сущности *этого* течения. В прошлом (для сторонников этого течения) была «гегемония», в будущем ее не будет, не должно быть; а в настоящем? В настоящем есть тот *бесформенный* агломерат, который составляет круг писателей и друзей-читателей «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни» и который *сейчас,* в лето 1911-ое, занят как раз проповедью необходимости, обязательности, полезности, закономерности *перехода* от *прошлой* гегемонии к *будущей* брентановски-классовой (можно сказать с равным правом: струвенски или изгоевски-классовой) партии[60]. Что бесформенность есть один из принципов ликвидаторства, это прямо сказали его противники еще в 1908 году, *за год* до «Нашей Зари». Если г. Маевский в декабре 1910 года спрашивает, что такое

ликвидаторство, то пусть он обратится к ответу, данному официально ровнехонько два года тому назад[61]. Он увидит в этом ответе характеристику, точнейшую и полнейшую, «Нашей Зари», возникшей год спустя после этого отзыва. Как это возможно? Это возможно было потому, что речь шла и идет не о лицах, а о течении, которое в 1907 году намечалось (см. хотя бы в конце брошюры самого г. Череванина о событиях весны 1907 г.[62]), в 1908 году явно выразилось, в конце 1908 года оценено его противниками, в 1910 году создало себе открытый печатный орган и органы.

Сказать: в прошлом гегемония, *а* в будущем должна быть «классовая партия», значит наглядно показать связь ликвидаторства с отречением от гегемонии и разрыв этого течения с марксизмом. Марксизм говорит: так как в прошлом «гегемония», то, следовательно, из суммы профессий, специальностей, цехов вырос класс, ибо именно сознание идеи гегемонии, именно воплощение ее в жизнь своею деятельностью превращает сумму цехов в класс. А раз доросли до «класса», никакие внешние условия, никакие тяжести, никакое сведение целого к дроби, никакое ликование веховцев, никакое малодушие оппортунистов не в силах задушить этого ростка. Пусть его не «видно» на поверхности (гг. Потресовы не видят или делают вид, что не видят его, *потому что* не хотят видеть), но он жив, он живет, он сохраняет и в настоящем «прошлое», он его переносит в будущее. Так как гегемония была в прошлом, то поэтому марксисты *обязаны,* вопреки всем и всяким отреченцам, отстоять ее идею в настоящем и будущем, — каковая идеологическая задача вполне соответствует тем материальным условиям, которые из цехов создали класс, продолжают создавать, расширять, укреплять класс, укрепляют его отпор всем «проявлениям влияния буржуазии».

Журнал же «Наша Заря» за целый год как раз и концентрирует в себе проявление влияния буржуазии на пролетариат. Ликвидаторство не только существует, как течение среди людей, желающих быть сторонниками данного класса. Оно представляет из себя лишь

один из ручейков того широкого, общего нескольким классам «попятного» потока, который свойственен всему трехлетию 1908—1910 годов и, возможно, будет свойственен еще нескольким годам. В настоящей статье я должен был ограничиться характеристикой этого ручейка по цитатам из №№ 2—7 «Нашей Зари». В следующих статьях я надеюсь остановиться на №№ 10, 11 и 12 этого журнала, а также на более подробном доказательстве той мысли, что ручеек ликвидаторства есть лишь часть потока веховщины.

Написано позднее 22 января (4 февраля) 1911 г.

Напечатано 22 апреля 1911 г. в № 3 журнала «Современная Жизнь» (Баку)
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту журнала

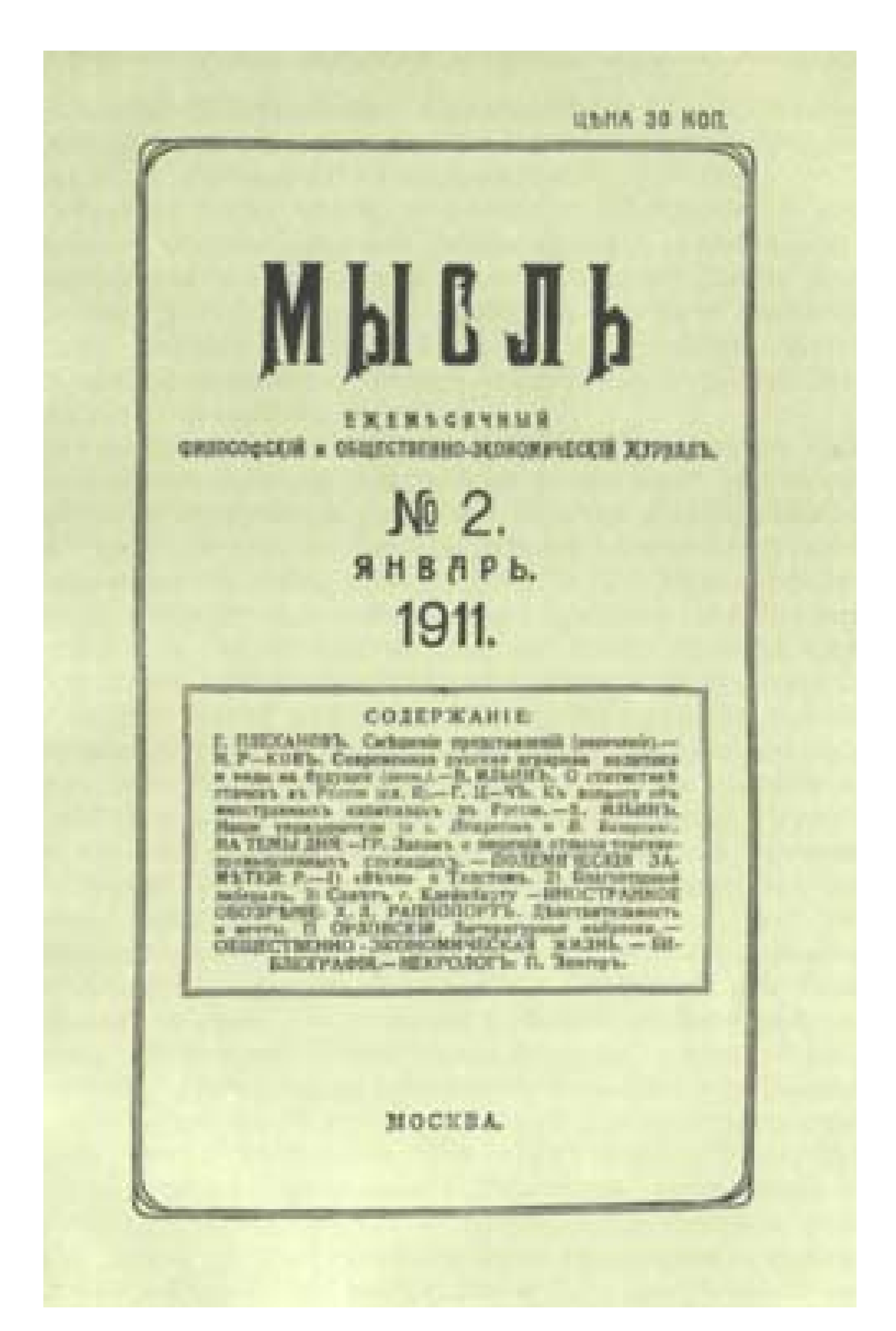
НАШИ УПРАЗДНИТЕЛИ

(О г. ПОТРЕСОВЕ И В. БАЗАРОВЕ)

Бывают такие литературные выступления, все значение которых состоит в их геростратовском характере. Самое дюжинное литературное произведение, вроде, например, известных «Предпосылок» Эд. Бернштейна, получает выдающееся политическое значение, становится манифестом внутримарксистского течения, по всей линии отходящего от марксизма. Такое же выдающееся значение по своему геростратовскому характеру имеют, несомненно, статья г. Потресова о пустяках в февральском номере «Нашей Зари» за прошлый год и ответ В. Базарова в апрельской книжке «Нашей Зари». Конечно, затронутые этими статьями вопросы далеко не так глубоки, не так широки, не имеют того международного значения, как вопросы, поднятые (вернее: выдвинутые вслед за буржуазией) Бернштейном, но для нас, русских, в период 1908—1909—1910—? годов, это — вопросы громадной, кардинальной важности. Поэтому статьи г. Потресова и В. Базарова *не* устарели, и говорить о них необходимо, обязательно.

I

Любитель искусственных, вычурных, вымученных словечек г. Потресов посвящает свою статью «современной драме наших общественно-политических направлений». На самом деле ровнехонько ничего драматического он не указал и не мог указать в той послереволюционной



ЦѢНА 30 КОП.

МЫСЛЬ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ
ФИЛОСОФСКІЙ и ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 2.
ЯНВАРЬ.
1911.

СОДЕРЖАНІЕ:

[illegible]

МОСКВА.

Обложка журнала «Мысль» № 2, январь 1911 г., в котором были напечатаны вторая глава статьи В. И. Ленина «О статистике стачек в России» и начало статьи «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)»
Уменьшено

эволюции либерализма, народничества и марксизма, о которой взялся говорить. Зато комического в рассуждениях г. Потресова не оберешься.

«Именно либерализм, — пишет г. Потресов, — как идейное течение, являет собой картину величайшего разложения и величайшей беспомощности. Взять хотя бы эту углубляющуюся трещину, которая залегла между либерализмом практическим и либерализмом теоретизирующим», — между «эмпиризмом» «Речи» Милюкова и теориями веховцев.

— Полноте-ка, любезнейший! Углубляющаяся трещина залегла между тем, что вы и подобные вам полулибералы говорили и думали о кадетах в 1905—1906— 1907 годах, и тем, что вы вынуждены признать, путаясь и противореча себе, в 1909—1910 годах. Противоречие между «эмпиризмом» либеральных практиков и теориями господ à la Струве вполне ясно сказалось даже раньше 1905 года: припомните-ка, как сбивалось буквально на каждой своей попытке «теоретизировать» тогдашнее «Освобождение»[63]. Если вы *теперь* начинаете соображать, что либерализм «оказался» будто бы «разорванным» (это опять и опять словесный выверт, пустая фраза, ибо веховцы как раз не разорвали с «Речью» и обратно, а ужились, и уживаются, и уживутся отлично), «бесплодным», «висящим в воздухе», что это лишь «наименее устойчивая» (sic![*]) «часть буржуазной демократии», «недурной податель избирательных бюллетеней» и проч., — то ваши крики о «драме» либерализма знаменуют лишь трагикомедию краха ваших иллюзий. Либерализм «оказался» наименее устойчивой частью буржуазной демократии как раз не в настоящее время, не в трехлетие 1908—1910 годов, а именно в предыдущее трехлетие. «Наименее устойчивы» те квазисоциалисты, которые преподносят публике горчицу после ужина. Отличительным признаком предыдущего трехлетия, по разбираемому г. Потресовым вопросу, является «висящий в воздухе» либерализм, «бесплодный» «податель избирательных бюллетеней»

[*] — так! *Ред.*

и т. д. *Тогда* признание такого характера либерализма было политической задачей дня, предостережение масс было злободневной обязанностью не только социалистов, но и последовательных демократов. В марте 1906 года, а не в феврале 1910, важно было предостережение насчет того, что либерализм кадетов висит в воздухе, что он бесплоден, что объективные условия сводят к ничтожеству, к комедии «недурных подателей избирательных бюллетеней», что кадетские победы — неустойчивый зигзаг между «серьезным» конституционализмом (читай: якобы конституционализмом) Шиповых или Гучковых и борьбой за демократию тех элементов, которые *не* висят в воздухе и *не* ограничиваются влюбленным созерцанием избирательных бюллетеней. Припомните-ка, любезнейший, кто говорил эту правду о либералах вовремя, в марте 1906 года?[64]

Отличительным признаком, своеобразной чертой нашего трехлетия (1908—1910) является вовсе не «бесплодность» «висящего в воздухе» и т. д. либерализма. Наоборот. В классовом бессилии либерализма, в его боязни перед демократией, в его политическом убожестве ничего не изменилось, но это бессилие достигло апогея тогда, когда были возможности проявить силу, когда были налицо условия, давшие либералам полное преобладание на известной хотя бы арене действия. Вот, когда кадеты имели большинство в I, например, Думе, тогда они могли использовать это большинство для службы демократии и для торможения дела демократии, для содействия демократии (хотя бы в маленьком деле, скажем, в организации местных земельных комитетов) и для нанесения ударов в спину демократии. Вот для этого периода *характерно,* что кадеты «висели в воздухе», что «недурной податель избирательных бюллетеней» оказался сочинителем наказов для будущей октябристской Думы, и только.

В следующее же трехлетие кадеты, оставаясь тем, что они есть, чем они всегда были, кадеты *менее* «висят в воздухе», чем прежде. Вы похожи, г. Потресов, как

раз на того героя народного эпоса, который не совсем вовремя выкрикивает свои пожелания и свои мнения. Веховцы 1909 года *меньше* «висят в воздухе», чем Муромцев 1906 года, ибо веховцы приносят *серьезную* пользу, служат *деловую* службу такому классу, который имеет большую силу в народном хозяйстве России, именно землевладельцам и капиталистам. Веховцы помогают этим достопочтенным людям собирать арсенал оружий для идейно-политической борьбы с демократией и социализмом: это — такое дело, которое *не может быть* разрушено никаким разгоном Думы, никакими вообще политическими треволнениями на данной общественно-экономической почве. Пока существует класс землевладельцев-помещиков и капиталистов, будут существовать и их публицистические приказчики: Изгоевы, Струве, Франки и К^0. А вот «дело» Муромцевых и перводумских кадетов вообще могло быть «разрушено» (ибо дела-то у них не было, а были слова, развращающие народ, а не служащие народу) разгоном Думы.

Кадеты в третьей Думе — та же партия, с той же идеологией, с той же политикой, в значительной степени с тем же личным составом, что в первой Думе. И именно поэтому кадеты в третьей Думе гораздо меньше «висят в воздухе», чем в первой. Вы этого не понимаете, любезный г. Потресов? Напрасно же вы брались рассуждать о «современной драме наших общественно-политических направлений»! Я вам даже скажу по секрету, что и впредь, в течение, вероятно, довольно значительного времени, политическая деятельность кадетов не будет «бесплодна» — не только благодаря реакционной «сильноплодности» веховцев, но и благодаря тому, что, пока есть у демократии политические караси, будет чем жить и щукам либерализма. Пока есть такая неустойчивость в социализме, такая дряблость в демократии, которая иллюстрируется очень наглядно фигурами à la Потресов, до тех пор искусства «эмпириков» либерализма всегда хватит для уловления этих карасей. Не горюйте, кадеты: вам есть чем жить, пока живы Потресовы!

II

Говоря о народничестве, г. Потресов еще менее сводит концы с концами. Кадетов он называет «бывшими демократами» и даже «бывшими либералами». Про крестьянство он говорит: «вошедшее в политическую жизнь крестьянство (по мнению г. Потресова оно еще не вошло в эту жизнь) начало бы совершенно новую главу истории — историю крестьянской демократии — и тем самым поставило бы крест над старой, интеллигентской, народнической».

Итак, кадеты — бывшие демократы, а крестьянство — будущие. Где же настоящие? Или демократии, массовой демократии не было в России 1905—1907 годов? нет в России 1908—1910 годов? Настоящее припрятано Потресовым посредством различных «обходных», обходящих суть вопроса, фраз, ибо прямое и простое признание несомненного настоящего бьет в лицо всей ликвидаторской философии гг. Потресовых. Это простое и прямое признание вполне бесспорного теперь исторического факта состоит в том, что кадеты *никогда* в России сколько-нибудь массовой демократии не представляли, никогда демократической политики не вели, а крестьянство — то самое «многомиллионное крестьянство», о котором говорит и г. Потресов, эту буржуазную демократию (со всеми ограниченностями буржуазной демократии) представляло и представляет. Г. Потресов увиливает по этому *коренному* вопросу, чтобы спасти именно ликвидаторскую философию. Не спасете!

Стараясь обойти прошлое и настоящее крестьянской демократии, г. Потресов опять попадает впросак, уверенно говоря о будущем. Опять опоздали, любезнейший! Вы сами говорите о «возможных последствиях закона 9 ноября» — значит, сами признаете возможность (конечно, чисто абстрактную) его успеха[65]. А при таком успехе *«новая* глава истории» может быть главой не только из истории *крестьянской* демократии, а также из истории крестьянских *аграриев.*

Развитие крестьянского хозяйства в России, а следовательно, и крестьянского землевладения и крестьян-

ской политики, не может идти иначе, как капиталистически. Народническая аграрная программа в ее сути, в виде, например, известной платформы 104-х (I и II Думы)[66], не только не противоречит этому капиталистическому развитию, а, напротив, означает создание условий для самого широкого и самого быстрого капиталистического развития. Современная аграрная программа означает, наоборот, самое медленное, самое узкое, наиболее отягченное следами крепостничества капиталистическое развитие. Объективные, историко-экономические условия не решили еще того, которая из этих программ в последнем счете определит форму буржуазных аграрных отношений новой России.

Таковы те простые факты, которые приходится запутывать представителям ликвидаторства.

«Неизменным при всех переменах, — пишет г. Потресов о переменах в интеллигентской, народнической демократии, — осталось одно: в интеллигентскую идеологию на крестьянской подкладке конкретное крестьянство не внесло до сих пор (!) своего корректива».

Это — чисто веховская и насквозь лживая фраза. В 1905 г. на открытой исторической сцене было самое «конкретное» и самое рядовое, массовое крестьянство, внесшее *целый ряд* «коррективов» в «интеллигентскую идеологию» народников и народнических партий. Не все эти коррективы *поняты* народниками, но крестьянство их *внесло.* В 1906 и 1907 гг. самое «конкретное» крестьянство создало трудовые группы и проект 104-х, внеся этим *ряд коррективов,* частью отмеченных даже народниками. Общепризнано, например, что «конкретное» крестьянство обнаружило свои *хозяйские* стремления и вместо «общины» одобрило личное и товарищеское землевладение.

Веховцы, очищая либерализм от демократии и превращая его систематически в прислужника денежного мешка, выполняют правильно свое историческое назначение, когда объявляют движение 1905—1907 годов интеллигентским и уверяют, что конкретное крестьянство

не внесло своего корректива в интеллигентскую идеологию. Трагикомедия ликвидаторства в том и состоит, что оно не замечает, как его утверждения превратились в простой перепев идей веховцев.

III

Это превращение становится еще более очевидным, когда г. Потресов переходит к рассуждениям о марксизме. Интеллигенция — пишет он — «заслоняла собой... своим партийно-кружковым строительством пролетариат». Вы не сможете отрицать того факта, что в самый широкий оборот, и через «Вехи» и через всю либеральную печать, эта идея пущена буржуазией, использована ею против пролетариата. Аксельрод писал в том самом фельетоне, в котором он выдвигал эту идею, о «проказнице-истории», которая могла бы доставить буржуазной демократии вождя из школы марксизма. Проказница-история воспользовалась той ямой, которую Аксельрод любезно грозился вырыть для большевиков, чтобы поместить в этой яме самого Аксельрода!

Если вы перейдете к объективным историческим фактам, то *все* они, вся эпоха 1905—1907 годов, хотя бы даже выборы во II Думу (если взять для примера факт не из самых крупных, но из самых простых), *доказали бесповоротно,* что «партийно-кружковое строительство» не «заслоняло» пролетария, а *непосредственно перешло* в партийное и профессионально-союзное строительство *широких масс* пролетариата.

Но перейдем к главному, к «гвоздю» геростратовского выступления г. Потресова. Он утверждает, что марксистская мысль «дурманит себя гашишем пустяков» — борьба с махизмом и борьба с ликвидаторством, — «дебатируя обо всем, о чем угодно, но только не о том, что является нервом такого общественно-политического направления, как марксистское, но только не о вопросах экономики и не о вопросах политики». Сколько их, этих вопросов, восклицает г. Потресов. «Как идет экономическое развитие России, какие перемещения сил производит оно под сурдинку реакции, что тво-

рится в деревне и в городе, какие изменения несет это развитие в социальный состав рабочего класса России и проч. и проч.? Где ответы или приступ к ответу на эти вопросы, где экономическая школа русского марксизма?»

Ответ, и уже во всяком случае приступ к ответу, дан той самой «иерархией», существование которой г. Потресов злостно и лицемерно отрицает. Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861 — 1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а следовательно, *не устраняя их,* эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем. В этом — своеобразие этой невеселой, серой, тяжелой, но оказавшейся неизбежною, полосы. Из этого своеобразия ее экономических и политических особенностей вытекает своеобразие идейных группировок внутри марксизма. Те, кто признает новые приемы подготовки к старому решению старых проблем, сближаются на общей деловой почве, на общей задаче данного периода, хотя их продолжает разделять вопрос о том, как во время предыдущего периода следовало применять в тот или иной момент или двигать вперед старое решение. Те, кто отрицает (или не понимает) новых приемов подготовки или того, что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают *на деле* почву марксизма, те оказываются *на деле* в плену у либералов (как Потресов, Левицкий

и т. д.) или у идеалистов и синдикалистов (как В. Базаров и др.).

Находясь в плену у чужих людей и чужих идей, и Потресов, и Базаров вместе с их единомышленниками неизбежно запутываются и попадают в самое комичное, самое фальшивое положение. Г. Потресов, бия себя в грудь, кричит: *«где* этот *приступ* и каков этот *ответ?».* Мартов, так же хорошо зная этот ответ, пытается уверить публику, будто этот ответ признает «буржуазию у власти»: обычный прием либералов использовать вынужденное временное молчание противника! И нас с оскорбленным видом спрашивают при этом: что такое ликвидаторство? Да вот именно этот прием, почтеннейшие, когда люди, претендующие на принадлежность к «целому», пользуясь его ослабленностью, уверяют публику, что «ответа» нет (тогда как «ответ» дан именно «целым»), есть уже один из приемов ликвидаторства (если не ренегатства).

Ликвидаторство есть «фантом в больном воображении», пишет г. Потресов, ибо нельзя ликвидировать то, «что уже не поддается ликвидации, чего на самом деле уже нет, как организованного целого».

Я лишен возможности полностью передать читателю мой взгляд на эти строки; чтобы приблизительно передать его, спрошу читателя: как называется человек, у которого ближайшие единомышленники и коллеги принимают выгодные для них предложения «целого» (именно как «целого») и который на другой день в печати заявляет: «целого» нет?

По этому пункту точка.

Встает вопрос принципиальный: может ли взгляд на необходимость старого решения старых проблем меняться в зависимости от *степени* распада — даже, если хотите, от исчезновения — «целого»? Всякий понимает, что нет. Если объективные условия, если коренные экономические и политические черты современной эпохи требуют старого решения, то, чем сильнее распад, чем меньше осталось от «целого», тем больше надо заботиться, тем горячее публицисту надо говорить о необходимости «целого». Следует признать

новые приемы подготовки, как мы уже указали, но кто должен применять их? Ясно, что «целое». Ясно, что задачи публициста для тех, кто понял значение переживаемого периода, его основные политические особенности, диаметрально противоположны *всей* линии господ Потресовых. Не может быть и речи о том, чтобы кто-либо вздумал серьезно отрицать связь вышеизложенного мной «ответа» (на вопрос об экономике и политике данного момента) с антиликвидаторством.

От общепринципиальной постановки вопроса перейдем к конкретно-исторической. В период 1908—1910 годов вполне обрисовалось то течение в марксизме, которое проповедует необходимость старого решения, ведет соответственную линию. Обрисовалось и другое течение, *все эти три года* противодействовавшее признанию «старого решения» и созданию старых основных форм целого. Отрицать этот факт смешно. Обрисовалось и третье течение, все эти три года не понимавшее новых форм подготовки, значения деятельности извнутри III Думы и т. д. Такие люди превратили признание старого решения в фразу, заученную, но непонятую, повторяемую по привычке, а не *применяемую* сознательно, продуманно к изменившейся обстановке (изменившейся хотя бы в области думской работы, но, конечно, не только в этой области).

Связь ликвидаторства с всеобщим обывательским настроением «усталости» очевидна. «Уставшие» (особенно уставшие от ничегонеделанья) не заботятся о выработке себе точного ответа на вопрос об экономической и политической оценке текущего момента; они все несогласны с оценкой, данной выше и формально *общепризнанной,* как оценка от имени целого, но они все боятся и думать о том, чтобы противопоставить *свою* точную оценку, хотя бы оценку сотрудников ликвидаторской «Нашей Зари», «Жизни» и т. п. «Уставшие» твердят: старого нет, старое нежизнеспособно, омертвело и т. д. и т. п., но утруждать себя ответом, чисто политическим, точно формулированным ответом на обязательный (для всякого честного публициста обязательный) вопрос: что же именно нужно вместо старого,

нужно ли восстановлять «не подлежащее (якобы) ликвидации, как уже ликвидированное» (по Потресову), утрудить себя этим они не намереваются. Три года они ругают старое, поносят его — особенно с таких подмосток, на которые вход защитникам старого воспрещается, и, нежно обнимаясь с Изгоевыми*, восклицают: какие это пустяки, какой фантом разговоры о ликвидаторстве!

Про *таких* «уставших», про г. Потресова и К^0, *нельзя* повторить известного стиха: «они не предали, они устали свой крест нести; покинул их дух гнева и печали на полпути»[68].

Такие «уставшие», которые входят на трибуну публициста и с нее оправдывают свою «усталость» от старого, свое нежелание над старым работать, являются именно людьми, которые не только «устали», но и предали.

IV

К числу «пустяков» отнесена также г. Потресовым философская борьба материалистов, марксистов, с махистами, т. е. с идеалистами. Г. Потресов глубоко возмущен «вакханалией (— «друг мой, Аркадий Николаевич, не говори красиво!»[69]) этого философствования» и, называя при этом со стороны материалистов Плеханова и меня, характеризует нас как *«вчерашних политиков»*. Над этим выражением я долго смеялся. Поистине, хвастовство тут настолько явно и так забавно, что нашему зайцу следовало бы дать клочок медвежьего ушка. Плеханов и т. д. — «вчерашние политики»! *Сегодняшний* политик, очевидно, Потресов и его «молодцы». Мило и откровенно.

Когда Аркадию Николаевичу случается, в виде исключения, сказать словечко без выверта и без ужимок, он себя сам побивает великолепнейшим образом. Понатужьтесь-ка, Аркадий Николаевич, попробуйте *подумать:* вы отрицаете ликвидаторство, как *политическое* направление, отличающее *не*меньшевизм от

---

* См. его статью в «*Р у с с к о й   М ы с л и*»[67], 1910 г., о веховце-Потресове. Ох таких объятий г. Потресову *н и к о г д а* не очиститься.

большевизма, а Потресова и К^0 от Плеханова и большевиков *вместе взятых.* И рядом с этим отрицанием вы называете Плеханова и имярека «вчерашними политиками». Посмотрите же, до чего вы неловки: ведь мы *вместе* с Плехановым можем быть названы вчерашними политиками *как раз* в том смысле, что для нас вчерашняя организация, как форма вчерашнего (по своим *основам* вчерашнего) движения, является обязательной и сегодня. Нас резко разделили с Плехановым и продолжают разделять вопросы о том, какие шаги следовало в тот или иной момент делать *этой* вчерашней организации на основе *этого* вчерашнего движения, но нас сближает борьба с людьми, которые *сегодня* отрицают именно *основы* вчерашнего движения (сюда относится и вопрос о гегемонии, к которому я сейчас перейду), именно *основы* вчерашней организации.

Ну что, Аркадий Николаевич, вы и теперь не понимаете, что такое ликвидаторство? Вы и теперь думаете, что нас с Плехановым сблизил какой-нибудь маккиавелистический план[70] или злопыхательное желание «борьбой на два фронта» *заменить* «преодоление» ликвидаторства?

Но вернемся к «вакханалии философствования».

«Мы знаем, — пишет г. Потресов, — какой глубокой бороздой прошла в свое время через сознание германской социал-демократии борьба Энгельса с Дюрингом и как самые, казалось, абстрактные тезисы имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса...» Самые абстрактные тезисы имели живое конкретное значение! Опять фраза и ничего более, как фраза. Попробуйте объяснить, если «вы знаете», какое «живое конкретное значение» имел тот *тезис* Энгельса, что философские рассуждения Дюринга о времени и пространстве ошибочны! В том-то и беда ваша, что вы *заучили,* как школьник: «спор Энгельса с Дюрингом имел великое значение», но не *продумали,* что это значит, и потому повторяете заученное в неверной, уродливо-неверной форме. Нельзя сказать, что «самые абстрактные тезисы (Энгельса против Дюринга) имели на деле живое конкретное значение для движения немецкого рабочего класса». Самые

абстрактные тезисы Энгельса имели то значение, что разъясняли идеологам рабочего класса, в чем ошибочность отступлений от материализма к позитивизму и идеализму. Вот если бы вы дали такое, то есть философски сколько-нибудь определенное, изложение взглядов Энгельса вместо звонких, но пустых фраз о «глубокой борозде», «живом конкретном значении самых абстрактных тезисов», то вы сразу увидали бы, что ссылка на спор Энгельса с Дюрингом говорит *против* вас[71].

«... Мы знаем, — продолжает г. Потресов, — в истории формирования русского марксизма роль борьбы с субъективной социологией...»

А не роль позитивистских и идеалистических учепий Лаврова и Михайловского в ошибках субъективной социологии? Ведь у вас, Аркадий Николаевич, что ни выстрел, то мимо. Если брать историческую параллель, то надо выделить и точно указать то, что сходно в различных событиях, ибо иначе вместо исторического сравнения получится бросание слов на ветер. Если брать взятую вами историческую параллель, то надо спросить: возможно ли было «формирование» *русского* марксизма *без* выяснения Бельтовым основ философского материализма и их значения для опровержения Лаврова и Михайловского?[72] Ответ на этот вопрос может быть только один, и этот ответ — если делать вывод из исторической параллели применительно к спору с махистами — говорит *против* г. Потресова.

«... Но именно потому, что мы знаем все это» (ну, конечно! мы видели теперь, что это значит, когда г. Потресов пишет: «мы знаем все это»), «мы и хотим, чтобы была, наконец, установлена живая реальная связь между занимающим нас философским спором и марксистским общественно-политическим течением, его задачами и запросами. А пока что...» — следует ссылка на письмо Каутского, на то, что махизм — Privatsache (частное дело), что спор о нем — «фата-моргана» и т. д.

Ссылка на Каутского есть образец обывательского суждения. Не в том дело, что Каутский «беспринципен», как острит (по-изгоевски острит) г. Потресов, а в том, что Каутский *не знает,* как обстоит дело с русским

махизмом, и не претендует на знание этого. Каутский в своем письме признает Плеханова знатоком марксизма, выражает свое убеждение в непримиримости идеализма с марксизмом, и мнение, что махизм не идеализм (или: не всякий махизм — идеализм). Что Каутский *ошибается* в последнем пункте и особенно насчет русского махизма, это несомненно. Ошибка его вполне извинительна, ибо махизма в целом он *не изучал,* писал частное письмо с явной целью предостеречь от преувеличения разногласий. *Русскому* писателю-марксисту при таких условиях ссылаться на Каутского значит проявлять чисто обывательскую леность мысли и трусость в борьбе. Каутский *мог надеяться* в 1908 году, когда он писал свое письмо, что махизм в известном толковании «примирим» с *материализмом,* но в России 1909—1910 годов ссылаться по этому вопросу на Каутского значит *браться* за примирение русских махистов с материалистами. Разве г. Потресов или кто другой берутся за это серьезно?

Каутский не беспринципен, а вот Потресов и К^0, желающие объявить махизм «частным делом», *образец беспринципности* среди современного русского марксизма. Каутский был вполне искренен и ни капли не был беспринципен, когда он в 1908 году, не читая русских махистов, советовал *им* искать мира с Плехановым, как знатоком марксизма, как материалистом, ибо за материализм и против идеализма Каутский высказывался всегда и высказался в том же письме. А у гг. Потресовых и К^0, прячущихся за Каутского в 1909—1910 годах, нет *ни грана* искренности, *ни капли* уважения к принципиальности.

Вы не видите, г. Потресов, живой реальной связи между философским спором и марксистским течением? Позвольте же мне, вчерашнему политику, почтительнейше указать вам на следующие хотя бы обстоятельства и соображения: 1) Спор о том, что такое философский материализм, почему ошибочны, чем опасны и реакционны уклонения от него, *всегда* связан «живой реальной связью» с «марксистским общественно-политическим течением» — иначе это последнее было бы

не марксистским, не общественно-политическим и не течением. Отрицать «реальность» этой связи могут только ограниченные «реальные политики» реформизма или анархизма. 2) При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные исторические периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма. В Германии до 1848 года особенно выдвигалось философское формирование марксизма, в 1848 году — политические идеи марксизма, в 50-ые и 60-ые годы — экономическое учение Маркса. В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия. Это не значит, что позволительно когда бы то ни было игнорировать одну из сторон марксизма; это значит только, что не от субъективных желаний, а от совокупности исторических условий зависит *преобладание интереса* к той или другой стороне. 3) Время общественной и политической реакции, время «перевариванья» богатых уроков революции является не случайно тем временем, когда основные теоретические, и в том числе философские, вопросы для всякого *живого* направления выдвигаются на одно из первых мест. 4) В передовых течениях русской мысли нет такой великой философской традиции, какая связана у французов с энциклопедистами XVIII века, у немцев с эпохой классической философии от Канта до Гегеля и Фейербаха. Поэтому философская «разборка» именно для передового класса России была необходима, и нет ничего странного в том, что эта запоздавшая «разборка» наступила после того, как этот передовой класс вполне созрел во время недавних великих событий для своей самостоятельной исторической роли. 5) Эта философская «разборка» подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку, например, новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш»

(по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т. е. русское, значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал. 6) Белоусов назвал недавно III Думу богомольной Думой. Он верно схватил классовую особенность III Думы в этом отношении и справедливо заклеймил ханжество кадетов.

Не случайно, но в силу *необходимости* вся наша реакция вообще, либеральная (веховская, кадетская) реакция в частности, «бросились» на религию. Одной палки, одного кнута мало; палка все-таки надломана. *Веховцы* помогают передовой буржуазии обзавестись новейшей идейной палкой, духовной палкой. Махизм, как разновидность идеализма, *объективно* является орудием реакции, проводником реакции. Борьба с махизмом «внизу» не случайна, а неизбежна, поэтому в такой исторический период (1908—1910 годы), когда «наверху» мы видим не только «богомольную Думу» октябристов и Пуришкевичей, но и богомольных кадетов, богомольную либеральную буржуазию.

Г. Потресов «оговорился», что он «богостроительства» «сейчас не касается». Вот этим-то и отличается беспринципный и обывательский публицист Потресов от Каутского. Каутский *ни* о богостроительстве махистов, *ни* о богомольных веховцах и *не знал* и потому *моз* говорить, что не всякий махизм — идеализм. Потресов это знает и, *«не касаясь»* главного (для того, кто смотрит *узко*-«публицистически», главного), лицемерит. Объявляя борьбу с махизмом «частным делом», г. Потресов и иже с ним становятся в «общественно-политическом» смысле пособниками веховцев.

V

Переходя от г. Потресова к Базарову, мы должны заметить прежде всего, что, по вопросу о философском споре возражая первому, мы тем самым ответили и второму. Надо добавить только одно: терпимость

В. Базарова к г. Потресову, стремление его найти у Потресова «долю правды» вполне понятны, ибо г. Потресов (как и все ликвидаторы), отгораживаясь словесно и формально от махизма, *по сути дела* уступает ему самое существенное. Махизм, как течение и как группа с «платформой», ничего иного и не решается требовать, как признания его разрыва с марксизмом за «частное дело»! Не случайно поэтому, что Потресов и Базаров строят друг другу глазки. Группа ликвидаторских литераторов и группа махистских литераторов *действительно солидарны* в том, чтобы в наше время распада охранять «свободу распада» от сторонников марксизма, от защитников теоретических основ марксизма. И эта солидарность *не* ограничивается вопросами философскими, как показывает *даже* В. Базаров своей статьей.

Говорю: даже, ибо именно Базаров отличался всегда наиболее вдумчивым отношением к серьезным вопросам политики. Об этом надо упомянуть, чтобы оценить значение невероятных шатаний такого человека, не только затем, чтобы подчеркнуть полезнейшую деятельность в прошлом литератора, погнавшегося за лаврами Герострата.

Геростратовским является, например, заявление Базарова: «Одним из крупнейших и пустяковейших недоразумений наших дней я считаю пресловутый вопрос о «гегемонии»». Над махистами из нашей среды тяготеет точно какой-то рок: одни охраняют «свободу распада», объявляя законным оттенком отзовизм, другие, понимающие глупость и вред отзовизма, прямо протягивают руку ликвидаторам в политике. Именно ликвидаторы и в «Нашей Заре», и в «Жизни», и в «Общественном движении»[73] ведут прямую и косвенную войну с идеей гегемонии. Констатируем с сожалением, что Базаров *ушел в их лагерь.*

Каковы доводы его по существу? Пять лет назад гегемония была фактом. «В настоящее время, по вполне понятным причинам, эта гегемония не только исчезла, но и превратилась в свою полную противоположность». Доказательство: «в наши дни лягание марксизма есть

непременное условие популярности в демократических кругах общества». Пример — Чуковский.

Читаешь — и глазам не веришь: Базаров, желавший быть марксистом, превращается в бывшего человека, способного брать под ручку гг. Потресовых.

Бога вы не боитесь, В. А. Базаров. Чуковские и прочие либералы, а также тьма демократов-трудовиков «лягали» марксизм всегда, с 1906 года сугубо, а «гегемония» не была «фактом» в 1906 году? Высуньтесь из либерально-литераторского чуланчика, взгляните хоть на отношение третьедумских депутатов-крестьян к рабочим депутатам. Простое сопоставление бесспорных фактов об их политическом поведении за три года, даже простое сравнение их формул перехода и формул кадетских, не говоря уже о сопоставлении политических заявлений в Думе с условиями жизни широких слоев населения за это время, — доказывает самым неопровержимым образом, что гегемония и сейчас факт. Гегемония рабочего класса есть его (и его представителей) политическое воздействие на другие элементы населения в смысле очищения их демократизма (когда есть демократизм) от недемократических примесей, в смысле критики ограниченности и близорукости всякого буржуазного демократизма, в смысле борьбы с «кадетовщиной» (если назвать так идейно-развращающее содержание речей и политики либералов) и т. д., и т. д. Нет ничего более характерного для нашего времени, как то, что Базаров *мог* написать такие невероятные вещи, и что группа журналистов, тоже считающих себя друзьями рабочих и сторонниками марксизма, милостиво похлопала за это его по плечу!

«Как будет обстоять дело к моменту грядущего подъема, предсказать совершенно немыслимо, — уверяет Базаров читателей ликвидаторского журнала. — Если духовный облик городской и деревенской демократии будет приблизительно тот же, как 5 лет тому назад, то гегемония марксизма снова станет фактом... Но нет решительно ничего невозможного в предположении, что физиономия демократии существенно изменится. Представим себе, например, что мелкая буржуазия русских деревень и городов будет достаточно радикально настроена против политических привилегий господствующих классов,

достаточно сплочена и активна, но проникнута резким националистическим духом. Так как марксисты не могут идти ни на какие компромиссы с национализмом или антисемитизмом, то, очевидно, при указанных условиях о гегемонии не будет и помину».

Это не только неверно, но чудовищно нелепо. Если вражда к привилегиям будет соединена у известных слоев с национализмом, то разве разъяснение того, что такое соединение мешает устранению привилегий, не есть дело гегемона? Разве может быть борьба с привилегиями *не* соединена с борьбой страдающих от национализма мелких буржуа против выигрывающих от национализма мелких буржуа? Всякая борьба всякой мелкой буржуазии против всяких привилегий *всегда* несет на себе следы мелкобуржуазной ограниченности, половинчатости, а борьба с этими качествами и есть дело «гегемона». Базаров рассуждает по-кадетски, по-веховски. Вернее: Базаров ушел в лагерь Потресовых и К^0, давно уже так рассуждающих.

То, чего нет на поверхности, не существует вовсе. То, чего не видят Чуковские и Потресовы, нереально. Вот каковы посылки рассуждения Базарова, бьющие в лицо марксизму. Марксизм учит нас, что мелкобуржуазные массы неизбежно, пока существует капитализм, будут страдать от антидемократических привилегий (такие привилегии теоретически «не обязательны» при *чистом* капитализме, но его *очищение* будет длиться до его смерти), страдать от экономического угнетения. Поэтому, пока существует капитализм, *вечной* является задача «гегемона» разъяснять источник этих привилегий и этого угнетения, показывать их классовые корни, давать пример борьбы против них, вскрывать лживость либеральных методов борьбы и т. д., и т. д.

Так думают марксисты. Так смотрят они на задачи «гегемона» в том лагере, условия жизни которого не позволяют мириться с привилегиями, в лагере не только пролетариев, но и полупролетарских и мелкобуржуазных масс. А Чуковские думают, что, раз этот лагерь оттеснен, придавлен, загнан в подполье, значит «исчезла гегемония», значит «вопрос о гегемонии стал пустяковейшим недоразумением».

Когда я вижу Базарова, говорящего эти позорные вещи, под ручку с Потресовыми, Левицкими и К^0, уверяющими рабочий класс, что ему нужна не гегемония, *а* классовая партия, когда я вижу, с другой стороны, Плеханова, поднявшего (по презрительному выражению великолепного Потресова) «гвалт» при малейших признаках серьезных колебаний из-за вопроса о гегемонии, я говорю себе: большевики оказались бы именно такими изуверами фракционной буквы, которыми изображали их враги, если бы они поколебались при таком положении хоть минуту, если бы они усомнились хоть на секунду в том, что их долг, долг всех традиций большевизма, всего духа его учения и его политики — протянуть руку Плеханову, выразить ему полное товарищеское сочувствие. Нас разделяли и разделяют вопросы о том, как следовало тогда-то и тогда-то действовать «гегемонам», но мы — товарищи во время распада, в борьбе с людьми, для которых вопрос о гегемонии есть «пустяковейшее недоразумение». А Потресовы, Базаровы и проч. — для нас чужие люди, не менее чужие, чем Чуковские.

Пусть примут это к сведению те добряки, которые находят, что политика сближения с Плехановым есть «фракционная», узкая политика, которые желают «расширить» ее до примирения с Потресовыми, Базаровыми и проч., которые никак не хотят понять, почему мы подобное «примиренчество» считаем либо безнадежной глупостью, либо мизерным интриганством.

«Мысль» №№ 2 и 3,
январь и февраль 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
журнала «Мысль»

КАДЕТЫ О «ДВУХ ЛАГЕРЯХ» И О «РАЗУМНОМ КОМПРОМИССЕ»

Ответ, который дала «Речь» министерскому официозу по вопросу о «лозунге» для выборов в IV Думу и о современной политической группировке, представляет из себя интересное и знаменательное явление.

«Речь» соглашается с «Русскими Ведомостями», что «выборы в IV Думу пойдут только между двумя лагерями: прогрессистами и правыми». «Подавать голоса придется не за партии, не за отдельных кандидатов, а за упрочение в России конституционного строя или против него». (Чрезвычайно мило это слово: «упрочение»!) «Политический смысл этого лозунга... — объективное признание того бесспорного факта, что правительственный курс вновь объединил всю оппозицию, правее и левее кадетов». Кадеты будут «центром этой политически-разнородной группы», причем, входя в нее, они «так же мало откажутся от своей прежней программы и тактики, как отказывались социал-демократы от своей программы и тактики, входя в доoктябрьские союзы» (передовица, 21 января).

«Господа, можем мы ответить всем официозам и официалам, не кто иной, как вы сами нас объединили... Теперь в России чем дальше, тем больше политические течения сливаются в два больших лагеря, за и против конституции... Наша задача теперь одна, опять одна, как до 17 октября...» (там же).

Следует отличать, при оценке этих рассуждений, вопрос об условиях выборов в IV Думу от вопроса

о социально-политическом значении обсуждаемых перемен («лозунга» и группировок). Условия выборов вообще и в провинции особенно, наверное, вынудят «оппозицию» пользоваться неопределенным беспартийным термином: «прогрессисты» в еще более широких размерах, чем прежде. Отказ в легализации даже таких партий, как кадеты, неминуемо поведет к этому, и недоумения министерского официоза на этот счет, разумеется, одно сплошное лицемерие. В больших городах, как признают сами кадеты, в той же хотя бы передовице, будут выставлены самостоятельные кандидаты «более левых», по выражению *«Русских Ведомостей»,* «групп». Уже отсюда видно, что о *двух* лагерях говорить не приходится.

Далее, про существование рабочей курии, выделенной современными избирательными законами, *«Речь»* пожелала совсем забыть. Наконец, относительно выборов в деревне (крестьянской) придется сказать, что даже *слово* «прогрессисты» будет здесь, несомненно, избегаться, но *реальным* «центром» «политически-разнородных» или политически-неопределенных групп будут, наверное, не кадеты.

К чему же сводится разговор о *двух* лагерях? К тому, что кадетам благоугодно, говоря о современном политическом положении, ограничить свой кругозор *только* теми элементами, из которых складывается третье-думское большинство. Только ту ничтожную долю населения, которая представлена этими элементами, господа кадеты и соблаговоляют признавать за политические «лагери». До сих пор *основное* деление в этом небольшом третьеиюньском уголке было: правые, октябристы, кадеты. (Известно, что физиономия III Думы определялась, в последнем счете, двумя большинствами: право-октябристским и октябристско-кадетским.) Теперь будет (по предсказанию *«Русских Ведомостей»,* с которыми согласна *«Речь»)* деление *этих трех* элементов на два «лагеря»! правые и прогрессисты.

Мы вполне признаем, что в основе этих либеральных предсказаний лежат не одни либеральные пожелания, но и объективные факты: изменения в политическом

положении и политическом настроении русской буржуазии. Непозволительно только было бы забывать о том, что о *двух* лагерях можно говорить, лишь ограничивая свое поле наблюдения большинством третьей Думы. Непозволительно забывать, что *реальное* значение всех этих разговоров ограничивается тенденцией к сближению, слиянию, соединению «лагерей» октябристского и кадетского в «лагерь» прогрессистский (разумеется, при молчаливо подразумеваемом отпадении большей или меньшей части октябристского лагеря в лагерь правый). Когда кадеты говорят: «нас» объединили, «наша» задача опять одна и т. п., то эти слова: «мы», «нас», «наша» *реально* означают октябристов и кадетов, не более того.

На чем же «их» объединили? какова «их» задача? каков «их» лозунг для выборов в IV Думу? «Упрочение конституции», — *отвечают «Русские Ведомости» и «Речь».* Этот ответ только кажется определенным, а на самом деле он ровно ничего не определяет, сводясь к тому же, совершенно бессодержательному, указанию на какую-то неопределенную «среднюю» между октябристами и кадетами. Ибо и Милюков, и Гучков согласны в том, что «у нас, слава богу, есть конституция», но сойтись они мечтают на «упрочении» не того, что у «нас» *есть,* а того, чего у нас нет. Мечтанием, и притом не очень осмысленным мечтанием, является также и то, чтобы Милюков и Гучков, кадеты и октябристы сегодня, «прогрессисты» завтра, могли сойтись на определении содержания желаемой конституции. Не сошлись бы они ни на правовых формулах, выражающих конституцию, ни на определении того, какие реальные интересы каких реальных классов должна удовлетворять и охранять эта конституция. Поэтому *действительное* значение этого общего лозунга сводится к тому, что, будучи сближаемы *«отрицательной* задачей: задачей борьбы с общим противником» (выражение «Речи» из той же передовицы), октябристы и кадеты не могут определить своих положительных задач, не могут найти в среде своих лагерей тех сил, которые обладали бы способностью сдвинуться с мертвой точки.

Это признание того, что точка действительно получилась мертвая, что сдвинуться с нее нужно, нужно и октябристам и кадетам, что сдвинутые с нее те и другие совершенно бессильны, взятые сами по себе, — выразилось особенно рельефно в рассуждении *«Речи»* по одному частному поводу о «разумном компромиссе».

«И если в течение думских споров о петербургской канализации, — читаем в передовице *«Речи»* от 20 января, — нездоровая подпочва спора немного затушевалась, если оказалось даже для центра (т. е. для октябристов) возможным примкнуть к тому разумному компромиссу, который предложен был фракцией народной свободы и принят городским самоуправлением, — то вмешательство П. А. Столыпина грубо сорвало покров (а вы хотели бы, господа кадеты, чтобы больные вопросы оставались под покровом?) и вскрыло все ту же старую, давно всем опротивевшую подоплеку *политической* борьбы государства с самоуправлением».

Либеральная буржуазия в виде совсем, совсем невинной особы, которая мечтает о «разумных компромиссах» на деловой, не политической, почве, а представители «неконституционных», старых начал — в роли политических воспитателей, срывающих покровы, вскрывающих классовую подпочву! Разумный компромисс состоит в том — вздыхает либерал — чтобы удовлетворялось то, на чем сошлись кадеты, октябристы и беспартийные тузы капитала (петербургское городское самоуправление). Ничего нет разумного в том, чтобы мы вам уступали, отвечает правительство; разумно только то, чтобы вы нам уступали.

Маленький вопрос об оздоровлении Петербурга, о распределении ролей и прав между самоуправлением и самодержавием, подал повод к разъяснению истин, имеющих не маленькое значение. Что «разумнее», в самом деле, пожелания, мечтания, требования всей буржуазии или власть хотя бы, скажем, Совета объединенного дворянства[74]?

Для *«Речи»,* как и для всей кадетской партии, критерий «разумности» компромисса состоит в том, что его одобрили деловые люди, дельцы, тузы, сами октябристы,

сами воротилы петербургского городского самоуправления. Но *реальная* действительность, — как бы ее ни прихорашивали покровами вроде фразы: «у нас, слава богу, есть конституция», — срывает эти компромиссы и эти покровы достаточно грубо.

Итог: вы нас объединили, говорит *«Речь»* министерскому официозу. — Кого «нас»? — Оказывается, октябристов и кадетов. — На чем объединили? — На общей задаче: упрочение конституции. — А что следует понимать под конституцией и ее упрочением? — Разумный компромисс между октябристами и кадетами. — В чем критерий разумности подобных компромиссов? — В одобрении их худшими представителями русского «колупаевского» капитализма[75] вроде петербургских думцев. — А каков практический результат этих разумных компромиссов? — Тот, что П. А. Столыпин, или Государственный совет, или Толмачев и т. д., и т. д. эти компромиссы «грубо срывают»... О, деловые политики!..

... А что, не будет ли на выборах в IV Думу третьего лагеря, характеризующегося сознанием того, как неразумна, смешна, наивна кадетская политика «разумного компромисса»? Как вы думаете об этом, господа из *«Речи»* и из *«Русских Ведомостей»?*

«Звезда» №8, 5 февраля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА

19-го февраля 1911 г. исполняется 50 лет со дня падения крепостного права в России. Повсюду готовятся чествовать этот юбилей. Царское правительство принимает все меры, чтобы в церквах и в школах, в казармах и на публичных чтениях проповедовались исключительно черносотенные взгляды на так называемое «освобождение» крестьян. Из Петербурга спешно рассылаются по всей России циркуляры о том, чтобы все и всяческие учреждения не выписывали для распространения в народе никаких других книг и брошюр, кроме издаваемых «Национальным клубом», т. е. одной из самых реакционных третьедумских партий. Усердные губернаторы в некоторых местах уже дошли до того, что распускают основанные помимо полицейского «руководства» (например, земские) комитеты по чествованию юбилея крестьянской «реформы», — распускают за недостаточную готовность вести это чествование так, как требует правительство черной сотни.

Правительство беспокоится. Оно видит, что как бы ни был забит, запуган, бессознателен и темен тот или иной рабочий или крестьянин, а все же простое вспоминание о том, что полвека тому назад была объявлена отмена крепостного права, не может не шевелить, не волновать народ, придавленный помещичьей, барской Думой, страдающий сильнее, чем прежде, от самодурства, насилия и гнета помещиков-крепостников с их полицией и чиновниками.

В государствах Западной Европы последние остатки крепостного права были уничтожены революциями 1789 года во Франции, 1848 в большинстве остальных стран. В России в 1861 году народ, сотни лет бывший в рабстве у помещиков, не в состоянии был подняться на широкую, открытую, сознательную борьбу за свободу. Крестьянские восстания того времени остались одинокими, раздробленными, стихийными «бунтами», и их легко подавляли. Отмена крепостного права была проведена не восставшим народом, а правительством, которое после поражения в крымской войне[76] увидело полную невозможность сохранения крепостных порядков.

Крестьян «освобождали» в России сами помещики, помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти «освободители» *так* повели дело, что крестьяне вышли «на свободу» ободранные до нищеты, вышли из рабства у помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам.

Русских крестьян господа благородные помещики «освобождали» так, что *свыше пятой доли* крестьянской земли было отрезано в пользу помещиков. За свои, потом и кровью политые, крестьянские земли крестьяне были обязаны платить *выкуп,* то есть *дань* вчерашним рабовладельцам. Сотни миллионов рублей этой дани крепостникам выплатили крестьяне, разоряясь все более и более. Помещики не только награбили себе крестьянской земли, не только отвели крестьянам худшую, иногда совсем негодную землю, но сплошь да рядом понаделали ловушек, то есть так размежевали землю, что у крестьян не осталось то выпасов, то лугов, то леса, то водопоя. Крестьяне *в большинстве* губерний коренной России остались и после отмены крепостного права в прежней, безысходной кабале у помещиков. Крестьяне остались и после освобождения «низшим» сословием, податным быдлом, черной костью, над которой измывалось поставленное помещиками начальство, выколачивало подати, пороло розгами, рукоприкладствовало и охальничало.

Ни в одной стране в мире крестьянство не переживало и после «освобождения» такого разорения, такой

нищеты, таких унижений и такого надругательства, как в России.

Но падение крепостного права встряхнуло весь народ, разбудило его от векового сна, научило его самого искать выхода, самого вести борьбу за полную свободу.

После падения крепостного права в России все быстрее и быстрее развивались города, росли фабрики и заводы, строились железные дороги. На смену крепостной России шла Россия капиталистическая. На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы. В крупных городах, на фабриках и заводах все увеличивалось число рабочих. Постепенно стали складываться соединения рабочих для совместной борьбы с капиталистами и с правительством. Ведя эту борьбу, русский рабочий класс помогал миллионам крестьянства подняться, выпрямиться, сбросить с себя привычки крепостных рабов.

В 1861 году крестьяне способны были только на «бунты». В течение десятилетий после 1861 года русские революционеры, геройски стремясь поднять народ на борьбу, оставались одинокими и гибли под ударами самодержавия. К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе, в долголетней работе пропаганды, агитации, организации, которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства *на революцию.*

Царское самодержавие было надломано революцией 1905 года. Эта революция впервые создала в России из толпы мужиков, придавленных проклятой памяти крепостным рабством, народ, начинающий понимать свои права, начинающий чувствовать свою силу. Революция 1905 года впервые показала царскому правительству, русским помещикам, русской буржуазии, что миллионы и десятки миллионов становятся *гражданами,* становятся *борцами,* не позволяют помыкать собою как быдлом, как чернью. А действительное

освобождение масс от гнета и произвола нигде и никогда на свете не достигалось не чем иным, кроме как самостоятельной, геройской, сознательной борьбой самих этих масс.

Революция 1905 года только надломила, но не уничтожила самодержавие. Оно мстит теперь народу. Помещичья Дума еще сильнее гнетет и давит. Недовольство и возмущение опять растут повсюду. За первым шагом будет второй. За началом борьбы будет продолжение. За революцией 1905 года идет новая, вторая революция. Об ней напоминает, к ней зовет юбилей падения крепостного права.

Нам нужно «второе 19-ое февраля», хныкают либералы. Неправда. Так говорят лишь буржуазные трусы. Второе «19-ое февраля» невозможно после 1905 года. Нельзя «освобождать сверху» народ, который научился (и *учится* — на опыте помещичьей, III Думы учится) бороться снизу. Нельзя «освобождать сверху» народ, во главе которого хоть раз выступал революционный пролетариат.

Черносотенцы понимают это и потому боятся юбилея 1861 года. «61-ый год, — писал верный сторожевой пес царской черной сотни, Меньшикову газете «Новое Время», — 61-ый год *не сумел предупредить девятьсот пятого»*.

Черносотенная Дума и бешенство царского правительства в преследовании его врагов не предупреждает, а ускоряет новую революцию. Тяжелый опыт 1908— 1910 годов учит народ новой борьбе. За летними (1910 года) стачками рабочих начались зимние стачки студентов. Новая борьба нарастает, — может быть, медленнее, чем мы бы хотели, но верно, неизбежно нарастает.

Революционная социал-демократия, очищая себя от маловеров, отвернувшихся от революции и нелегальной партии рабочего класса, собирает свои ряды и сплачивается для грядущих великих битв.

«Рабочая Газета» № 3,
8 (21) февраля 1911 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

ПАВЕЛ ЗИНГЕР

УМЕР 18 (31) ЯНВАРЯ 1911 г.

5-го февраля текущего года немецкая социал-демократия хоронила одного из старейших своих вождей, Павла Зингера. Все рабочее население Берлина — многие сотни тысяч — по призыву партии явились на похоронное шествие, пришли почтить память того, кто отдал все свои силы, всю свою жизнь на служение делу освобождения рабочего класса. Никогда трехмиллионный Берлин не видал такого скопления народу: не менее миллиона человек были участниками и зрителями шествия. Никогда ни один из сильных мира сего не удостаивался таких похорон. Можно приказать десяткам тысяч солдат выстроиться по улицам при проводах праха какого-нибудь короля или знаменитого избиениями внешних и внутренних врагов генерала, но нельзя поднять население громадного города, если в сердцах всей миллионной трудящейся массы нет горячей привязанности к *своему* вождю, к делу *революционной* борьбы самой этой массы против гнета правительства и буржуазии.

Павел Зингер сам принадлежал к буржуазии, происходил из купеческой семьи, довольно долго был богатым фабрикантом. Он примыкал, в начале своей политической деятельности, к буржуазной демократии. Но в отличие от массы буржуазных демократов и либералов, забывающих очень быстро свою любовь к свободе из-за страха перед успехами рабочего движения, Зингер был горячим, искренним, до конца последовательным

и бесстрашным демократом. Колебания, трусость, измены буржуазной демократии не увлекали его, а вызывали в нем отпор, создавали все более твердое убеждение в том, что только партия революционного рабочего класса способна довести до конца великую борьбу за свободу.

В 60-х годах прошлого века, когда немецкая либеральная буржуазия трусливо отворачивалась от нараставшей в Германии революции, торгуясь с правительством помещиков, примиряясь с королевским всевластием, Зингер решительно повернул к социализму. В 1870 г., когда вся буржуазия была опьянена победами над Францией и когда широкие массы населения дали увлечь себя подлой, человеконенавистнической, «либеральной» проповеди национализма и шовинизма, Зингер подписал протест против отнятия у Франции Эльзаса и Лотарингии. В 1878 году, когда буржуазия помогала реакционному, помещичьему («юнкерскому», как говорят немцы) министру Бисмарку провести исключительный закон против социалистов, распустить рабочие союзы, закрыть рабочие газеты, обрушить тысячи преследований на сознательный пролетариат, — Зингер окончательно вошел в социал-демократическую партию.

И с тех пор история жизни Зингера неразрывно связана с историей Германской с.-д. рабочей партии. Он беззаветно отдался трудному делу революционного строительства. Он отдал партии все свои силы, все свое богатство, все свои недюжинные организаторские способности, все таланты практика и руководителя. Зингер был из числа тех немногих — можно сказать: из числа тех исключительно редких выходцев из буржуазии, которых долгая история либерализма, история измен, трусости, сделок с правительством, угодничества буржуазных политиканов не расслабляет, не развращает, *а закаляет,* превращает в *революционеров* до мозга костей. Редки *такие* выходцы из буржуазии, примыкающие к социализму, и *только* таким редким, долголетней борьбой искушенным, людям должен доверять пролетариат, если он хочет выковать себе рабочую

партию, способную ниспровергнуть современное буржуазное рабство. Зингер был беспощадным врагом оппортунизма в рядах немецкой рабочей партии и до конца дней своих оставался непоколебимо верен непримиримой, революционно-социал-демократической политике.

Зингер не был ни теоретиком, ни публицистом, ни блестящим оратором. Он был прежде всего и больше всего *практиком*-организатором *нелегальной* партии во время исключительного закона, гласным городской (Берлинской) думы и парламентарием после отмены этого закона. И этот практик, у которого большая часть времени уходила на мелкую, будничную, технически-парламентскую и всяческую «деловую» работу, был велик тем, что он не делал себе кумира из мелочей, не поддавался столь обычному и столь пошлому стремлению отмахиваться от резкой и принципиальной борьбы во имя якобы этой «деловой» или «положительной» работы. Напротив, Зингер, всю жизнь посвятивший этой работе, всякий раз, когда вставал вопрос о коренном характере революционной партии рабочего класса, о конечных целях ее, о блоках (союзах) с буржуазией, об уступках монархизму и т. д., — всегда был во главе самых твердых и самых решительных борцов со всеми проявлениями оппортунизма. Во время исключительного закона против социалистов Зингер вместе с Энгельсом, Либкнехтом и Бебелем боролся на два фронта: и против «молодых», полуанархистов, отрицавших парламентскую борьбу, и против умеренных «легалистов во что бы то ни стало». В позднейшее время Зингер столь же решительно боролся с ревизионистами.

Он заслужил ту ненависть буржуазии, которая проводила его в могилу. Буржуазные ненавистники Зингера (немецкие либералы и наши кадеты) злорадно указывают на то, что с его смертью сходит в могилу один из последних представителей «героического» периода немецкой социал-демократии, то есть того периода, когда так сильна, свежа, непосредственна была у вожаков вера в революцию, отстаиванье принципиально-

революционной политики. На смену Зингеру — говорят эти либералы — идут умеренные, аккуратные вожаки «ревизионисты», люди скромных претензий и мелких расчетов. Слов нет, рост рабочей партии нередко привлекает многих оппортунистов в ряды ее. Слов нет, выходцы из буржуазии в наше время гораздо чаще несут пролетариату свою робость, узость мысли или любовь к фразе, чем твердость революционных убеждений. Но пусть не ликуют враги раньше времени! Рабочая *масса* и в Германии, и в других странах все больше сплачивается в *армию революции,* и эта армия развернет свои силы в недалеком будущем, ибо революция нарастает и в Германии, и в других странах.

Умирают старые революционные вожди — растет и крепнет молодая армия революционного пролетариата.

«Рабочая Газета» № 3,
8 (21) февраля 1911 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

ЗАМЕТКИ

МЕНЬШИКОВ, ГРОМОВОЙ, ИЗГОЕВ

Выступление 66-ти московских промышленников[77], представляющих по подсчету какой-то московской газеты капитал в полмиллиарда рублей, подало повод к ряду чрезвычайно ценных и характерных статей в различных органах печати. Помимо того, что эти статьи освещают необычайно ярко политическое положение в данную минуту, они дают интересный материал по многим основным и принципиальным вопросам, касающимся всей эволюции России в XX веке.

Вот г. Меньшиков в «Новом Времени», излагающий точку зрения правых партий и правительства:

«Как все эти Рябушинские, Морозовы и прочие не понимают, что в случае переворота они все будут повешены, а в лучшем случае станут нищими?» «Эту энергическую фразу» г. Меньшиков приводит, по его словам («Новое Время» № 12549), «из письма студента одного весьма революционного института». И от себя уже автор добавляет: «Несмотря на грозное предостережение 1905 года, верхние классы России, включая купечество, чрезвычайно плохо разбираются в надвигающейся катастрофе». «Да, гг. Рябушинские, Морозовы и прочие, им подобные! Несмотря на ваш флирт с революцией и все аттестаты либерализма, которые вы спешите выслуживать, именно вам первым придется пасть жертвой готовящегося переворота. Вас повесят первых — не за какие-нибудь преступления, а за то, что вам кажется добродетелью, — просто за обладание

тем полумиллиардом, которым вы так кичитесь». «Либеральная буржуазия, включая среднее дворянство, чиновничество и купечество, беспечно идет к краю революционной пропасти вместе со своими титулами, чинами и капиталами». «Если либеральные подзуживатели бунта наконец дождутся, когда их потащат на виселицу, — пусть они припомнят, как была мягка к ним старая государственная власть, как она их предупредительно выслушивала, как ухаживала за ними и как мало заявляла претензий на их пустые головы. Пусть именно в тот черный для них час сравнят благодеяния радикального режима со старым, патриархальным».

Это пишет неофициальный официоз правительства 17-го февраля, в тот самый день, когда официальный официоз, «Россия», из кожи лезет вон, чтобы доказать, при помощи «Голоса Москвы», что «выходка» 66-ти «не может считаться выражением мнения московского купечества». «Дворянский съезд — организация, — пишет «Россия», — а 66 купцов, которые сами говорят о себе, что они действовали, как частные лица, но являются организацией».

Неудобно иметь два официоза! Один другого побивает. Один доказывает, что «выходку» 66-ти нельзя рассматривать, как выражение мнения даже московского хотя бы купечества. А другой доказывает, что «выходка» имеет гораздо более широкое значение, служа выражением мнения не только московского и не только купечества, а всей российской *либеральной буржуазии* вообще. Г. Меньшиков берется, от имени «старой государственной власти», предостеречь эту либеральную буржуазию: не об тебе ли мы печемся?

Наверно нет ни единой страны в Европе, где бы в течение XIX века сотни раз не раздавался этот призыв «старой государственной власти», а также дворянства и реакционной публицистики, адресуемый к либеральной буржуазии, призыв «не подзуживать»... И никогда призывы не помогали, хотя «либеральная буржуазия» не только *не хотела* «подзуживать», а, напротив, с такой же энергией и искренностью боролась с «подзуживателями», с какой 66 купцов осуждают забастовки.

Как осуждения, так и призыв бессильны, раз дело идет о всех условиях жизни общества, заставляющих тот или иной класс чувствовать невыносимость положения и говорить об этом. Г. Меньшиков правильно выражает интересы и точку зрения правительства и дворянства, пугая либеральную буржуазию революцией и упрекая ее за легкомыслие. 66 купцов правильно выражают интересы и точку зрения либеральной буржуазии, упрекая правительство и осуждая «забастовщиков». Но взаимные упреки — только симптом, неопровержимо свидетельствующий о крупных «недостатках механизма», о том, что, несмотря на все желание «старой государственной власти» удовлетворить буржуазию, сделать шаг в ее сторону, создать для нее очень влиятельное местечко в Думе, несмотря на сильнейшее и искреннейшее желание буржуазии устроиться, ужиться, поладить, приспособиться, — «приспособления» все же не выходит! Вот в чем суть, вот где канва, а взаимные упреки — одни узоры.

Г. Громобой в «Голосе Москвы» посылает необходимое предостережение «правительству» (№ 38 от 17 февраля, статья «Необходимое предостережение»). «Никакие проявления «твердой» власти, — пишет он, — никакие волевые импульсы не дадут родине покоя, пока не будут идти рука об руку со слишком затянувшимися реформами». (Не очень грамотно пишет г. Громобой, но смысл его речи все же вполне ясен.) «И смута, как последствие затянувшегося кризиса, не может быть объявляема как «force majeure» для неплатежа по векселям». (Неудобное сравнение, г. публицист октябристских коммерсантов: во-первых, векселя-то ведь неподписанные; а, во-вторых, ежели бы даже они были подписаны, где тот коммерческий суд, куда вы Могли бы обратиться, и кто тот судебный пристав и прочие, могущие произвести взыскание? Подумайте-ка, г. Громобой, и вы увидите, что не только октябристская, но и кадетская партия есть партия бронзовых векселей в политике.) «В таком случае она будет лишь усиливаться... за студенческими волнениями пойдет многое, уже пережитое. Поведете корабль назад — увидите

пройденный путь». «Была бита ставка на слабых, может оказаться побитой и ставка на сильных. Власти нечего будет предъявить. Ее расчеты на успокоение могут рассеяться, как дым, при условиях каких угодно выборов». (Г. Громобой имеет в виду выборы в IV Думу.) «Если начнут проходить караваны оппозиции через те скалы, где носились лишь туманы власти, если оттолкнувшая от себя умеренные элементы власть останется в одиночестве, — то выборы станут горьким ее поражением, и весь порядок будет потрясен оттого, что он не порядок правовой».

Меньшиков упрекает буржуазию в том, что она «подзуживает» «революцию», — буржуазия упрекает Меньшиковых в том, что они «ведут к усилению смуты». «Старая, но вечно новая история».

Ренегат Изгоев в кадетской «Речи» пытается, по поводу той же темы, подвести некоторые социологические итоги, — не соображая, как неосторожно браться за это занятие кадетам вообще, ренегатам в частности. В статье «Сопоставление» (от 14 февраля) он сравнивает съезд объединенного дворянства с выступлением 66-ти московских купцов. «Объединенное дворянство, — пишет он, — упало до Пуришкевича, московские промышленники заговорили языком государственности». В прошлом, — продолжает г. Изгоев, — «дворянство оказывало народу серьезные культурные услуги», но «культурной работой занималось только меньшинство, а большинство его травило». «Но таков, вообще, исторический закон, что прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса».

Очень, очень хорошо: «таков, вообще, исторический закон». Так пишет кадетская «Речь» устами г. Изгоева. Однако присматриваясь ближе, мы с удивлением узнали, что «общие исторические законы» не простирают своего действия за пределы феодального дворянства и либеральной буржуазии. В самом деле. Припомним «Вехи», в которых писал тот же г. Изгоев и с которыми полемизировали виднейшие кадеты таким образом, что касались частностей и не трогали основного, главного, существенного. Существенное в «Вехах»,

разделяемое всеми кадетами и тысячи раз высказывавшееся гг. Милюковыми и $К^0$, состоит в том, что остальные классы России, кроме реакционного дворянства и либеральной буржуазии, проявили себя (в первом десятилетии настоящего века) действиями своего меньшинства, поддавшегося «угару», увлеченного «интеллигентскими» «вожаками», неспособного возвыситься до «государственной» точки зрения. «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, — писал г. Изгоев в «Вехах», — что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков кадетов и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России». Это говорится, как всякий понимает, про крестьянских депутатов, трудовиков и про рабочих депутатов.

Итак, «вообще исторический закон» состоит в том, что «прогрессивно действует лишь меньшинство данного класса». Если действует меньшинство буржуазии, то это прогрессивное меньшинство, оправдываемое «общим историческим законом». «Моральный авторитет распространяется на весь класс, если только меньшинство получает возможность работать», поучает нас г. Изгоев. Но если действует меньшинство крестьян или рабочих, то это отнюдь не соответствует «историческому закону», это отнюдь не «прогрессивное меньшинство данного класса», это меньшинство отнюдь не имеет «морального авторитета», чтобы говорить от имени «целого» класса, — ничего подобного, это меньшинство, сбитое с толку «интеллигентщиной», антигосударственное, антиисторичное, обеспочвенное и так далее, как в «Вехах» прописано.

Кадетам вообще, веховцам в частности, рискованно пускаться в обобщения потому, что всякий их приступ к обобщениям неизбежно разоблачает полнейшее внутреннее родство кадетских и меньшиковских рассуждений.

«Россия» и «Земщина»[78] рассуждают: 66 купцов, это — меньшинство, отнюдь не представляющее класса, не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению

и переустройству России», и вовсе даже это не купцы, а совращенные «интеллигенты» и т. д., и т. п.

Изгоевы и Милюковы рассуждают: трудовики и рабочие депутаты в наших, к примеру скажем, Государственных думах, это — меньшинство, отнюдь не представляющее своих классов (т. е. девять десятых населения), сбитое с толку «интеллигентщиной», не проявляющее ни знаний, ни способности «к управлению и переустройству России» и т. д., и т. п.

Откуда это полнейшее внутреннее родство рассуждений «России» и «Земщины», с одной стороны, «Речи» и «Русских Ведомостей», с другой? Оттуда, что, при всем различии представляемых ими классов, и те и другие группы органов представляют классы, *уже* неспособные ни к какому существенному, самостоятельному, творческому, решающему *прогрессивному* историческому действию. Оттуда, что не только первая, но и вторая группа органов, не только реакционеры, но и либералы, представляют класс, *боящийся* исторической самодеятельности других, более широких слоев, групп и масс населения, других — более многочисленных — классов.

Г. Изгоев, в качестве ренегата «из марксистов», наверное, усмотрит здесь вопиющее противоречие: с одной стороны, признавать капиталистическое развитие России, а следовательно, имманентную тенденцию этого развития к максимально-полному и максимально-чистому господству буржуазии и в экономической, и в политической сфере, а с другой стороны, объявлять *уже* неспособной к самостоятельному, творческому, историческому действию либеральную буржуазию!

«Противоречие» это есть противоречие живой жизни, а не противоречие неправильного рассуждения. Неизбежность буржуазного господства нисколько не означает того, что либеральная буржуазия *способна* на такие проявления исторической самодеятельности, которые могли бы вызволить ее из «неволи» пуришкевичевской. Во-первых, история вовсе не идет таким простым и гладким путем, чтобы всякое исторически назревшее преобразование означало *тем самым* достаточную зре-

лость и силу для проведения этого преобразования тем именно классом, которому оно в первую голову выгодно. Во-вторых, кроме либеральной буржуазии есть еще другая буржуазия, например, все крестьянство, взятое в массе, есть не что иное, как демократическая буржуазия. В-третьих, история Европы показывает нам, что бывали буржуазные по своему общественному содержанию преобразования, осуществлявшиеся элементами вовсе не из буржуазии. В-четвертых, история России за последние полвека показывает нам то же самое...

Когда идеологи и вожди либерализма начинают рассуждать так, как рассуждают веховцы, Карауловы, Маклаковы, Милюковы, *это означает,* что ряд исторических условий вызвал во всей либеральной буржуазии такое «устремление вспять», такую боязнь движения вперед, что это движение пройдет помимо нее, через нее, вопреки ее опасениям. А такая перебранка, как взаимное обвинение Меньшикова Громобоем и Громобоя Меньшиковым[*] в «усилении смуты», является лишь симптомом того, что это историческое движение вперед всеми начинает ощущаться...

«Современное общество, — пишет в той же статье г. Изгоев, — построенное в глубине своей на начале личной собственности, есть общество классовое и иным пока быть не может. Место падающего класса стремится всегда занять другой класс».

Какой он вумный, — думает г. Милюков, читая подобные тирады в своей «Речи». — А приятно все же иметь кадета, который в 25 лет был социал-демократом, а в 35 «поумнел» и раскаялся в заблуждениях.

Неосторожное это занятие для вас, г. Изгоев, пускаться в обобщения. Современное общество есть общество классовое, очень хорошо. А может ли быть в классовом обществе внеклассовая партия? По всей вероятности, вы догадываетесь, что нет. Так зачем же вы совершаете такую неловкость, что ораторствуете о «классовом обществе» в органе такой партии, которая как раз видит свою гордость и заслугу в том (а по мнению тех, кто не только на словах и не только для

[*] Дворян либеральными купцами и либеральных купцов дворянами.

фельетонной болтовни признает современное общество классовым, — проявляет свое лицемерие или свою близорукость *тем,* —) — что объявляет себя партией внеклассовой?

Когда вы поворачиваете свое лицо к объединенному дворянству и к либеральному московскому купечеству, тогда вы кричите о том, что современное общество есть классовое общество. А когда вам приходится, когда неприятные (ах, ужасно какие неприятные!) события заставляют вас повернуться хоть на короткое время лицом к крестьянству или к рабочим, тогда вы начинаете громить узкую, омертвелую, окостенелую, безнравственную, материалистическую, безбожную, ненаучную «доктрину» о классовой борьбе. Ох, не браться бы вам лучше, г. Изгоев, за социологические обобщения. Ой, не ходи, Грицю, та на вечерніцю!

«... Место падающего класса стремится всегда занять другой класс...»

Не всегда, г. Изгоев. Бывает так, что оба класса, и падающий и «стремящийся», изрядно уже прогнили — один больше, другой меньше, конечно, но все же оба изрядно прогнили. Бывает так, что, чувствуя эту свою гнилость, «стремящийся» вперед класс *боится* сделать шаг вперед, а ежели делает, то обязательно при этом торопится сделать два шага назад. Бывает такая либеральная буржуазия (например, в Германии и особенно в Пруссии так было), которая боится «занять место» падающего класса, а *все* усилия направляет на то, чтобы «разделить место» или, вернее, получить местечко хотя бы в лакейской, — но только не *занимать* место «падающего», только не доводить падающего до «падения». Бывает так, г. Изгоев.

В такие исторические эпохи, когда это случается, либералы могут принести (и приносят) величайший вред всему общественному развитию, если им удается выдать себя за демократов, ибо разница между теми и другими, либералами и демократами, как раз в том, что первые боятся «занять место», а вторые не боятся этого. И те и другие осуществляют исторически назревшее буржуаз-

ное преобразование, но одни боятся осуществить его, тормозят его своей боязнью, другие — разделяя нередко массу иллюзий насчет последствий буржуазного преобразования — вкладывают все свои силы и всю душу в его осуществление.

Чтобы иллюстрировать эти общие социологические рассуждения, позволю себе привести один пример либерала, который не стремится, а боится «занять место» падающего класса, и который поэтому (сознательно или бессознательно, все равно) злейшим образом обманывает население, называя себя «демократом». Либерал этот — член III Думы помещик А. Е. Березовский 1-ый, кадет, который во время аграрных прений (в 1908 году) произнес в Думе следующую речь, одобренную лидером партии г. Милюковым, назвавшим речь «прекрасной». Напомнить эту речь, смеем думать, не лишне ввиду близких выборов.

«... По моему глубокому убеждению, — говорил г. Березовский 27 октября 1908 года в Государственной думе, защищая земельный проект, — этот проект гораздо более полезен и для владельцев земли, и я это говорю, господа, зная земледелие, сам занимаясь им всю жизнь и владея землей... Не надо выхватывать голый факт принудительного отчуждения, возмущаться им, говорить, что это насилие, а надо посмотреть, во что выливается это предложение, что предлагали, например, в своем проекте 42 члена I Государственной думы. В нем заключалось только признание необходимости в первую очередь подвергнуть отчуждению те земли, которые не эксплуатируются самими владельцами, которые обрабатываются крестьянским инвентарем и, наконец, которые сдаются в аренду. Затем партия народной свободы поддерживала образование комиссий на местах, которые, поработав известное время, может быть, даже ряд лет, должны выяснить, какие земли подлежат отчуждению, какие не подлежат и сколько нужно крестьянам земли для их удовлетворения. Эти комиссии конструировались бы так, что в них была бы половина крестьян и половина некрестьян, и мне кажется, что в этой общей конкретной обстановке на местах выяснилось бы, как следует, и количество подходящей для отчуждения земли, и количество земли, необходимой для крестьян, и, наконец, сами крестьяне убедились бы, в какой мере могут быть удовлетворены их справедливые требования и в какой степени неверны и неосновательны часто их желания получить много земли. Затем этот материал возвратился бы в Думу, которая бы его переработала, далее материал этот пошел бы в Государственный совет и, наконец, дошел бы до высочайшей

санкции. Вот, собственно, порядок, которого почему-то устрашилось правительство, распустило Думу и привело нас к настоящему положению вещей. Результатом этой планомерной работы, несомненно, было бы удовлетворение истинных нужд населения, связанное с ним успокоение и сохранение культурных хозяйств, которых никогда партия народной свободы разрушать без крайней необходимости не желала» (Стенографические отчеты, стр. 398).

Если г. Изгоев, принадлежащий к той же партии, что и г. Березовский, пишет в статье «Сопоставление»: «Россия — страна демократическая и никакой олигархии терпеть не может, ни новой, ни старой», то нам вполне ясен теперь смысл подобных речей. Россия отнюдь не демократическая страна, и никогда ни в каком случае демократической страной сделаться не сможет, пока сколько-нибудь широкие круги населения такую партию, как кадеты, считают демократической. Это — горькая правда, в тысячу раз более нужная народу, чем та сладкая ложь, которую говорят представители половинчатой, бесхарактерной, беспринципной либеральной олигархии, господа кадеты. Напоминать эту горькую правду тем более необходимо, чем больше выдвигаются на очередь дня такие «пререкания», как пререкания Меньшиковых с 66 и с Громобоем.

«Звезда» № 11, 26 февраля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК

Считаем своим долгом, ввиду возможности и вероятности созыва ЦК в России, изложить свои взгляды на некоторые важные вопросы, затрагивающие наше положение как ответственных лиц перед партией.

1. На пленуме января 1910 г. мы, как ответственные представители большевистского течения, заключили договор с ЦК, напечатанный в № 11 ЦО. Наша заявка, поданная тремя должностными лицами, имеющими доверенность от Мешковского, формально является расторжением этого договора, будучи вызвана *невыполнением* точно указанных условий этого договора голосовцами и впередовцами. Понятно само собою, что вынужденные фактическим отсутствием ЦК и началом раскола за границей подать эту заявку, мы охотно возьмем ее назад или согласимся на пересмотр договора, если Центральному Комитету удастся собраться и восстановить нарушенную указанными фракциями партийную работу и партийную линию.

2. Эта партийная линия ясно определена пленумом и ее тщетно пытаются запутать голосовцы, Троцкий и К^0. Эта линия состоит в признании *буржуазной* теорией, губительно влияющей на пролетариат, и ликвидаторства и отзовизма. Оба эти течения, после пленума и в нарушение его решений, развились и оформились а антипартийные фракции потресовцев и голосовцев, с одной стороны, впередовцев, с другой. На партийную,

указанную пленумом, дорогу встали из меньшевиков только так называемые партийцы или плехановцы, т. е. *решительно* поведшие и ведущие борьбу с потресовцами и голосовцами.

3. Поэтому мы, как представители большевистского течения, решительно протестуем против нападок *голосовцев* на *Иннокентия* за то, что он летом 1910 г. отказывался признать кандидатами для кооптации тех меньшевиков, которые оставались голосовцами или не доказали вполне своими делами своей партийности. Поступая так, *Иннокентий* — главный представитель отличного от нашего оттенка в большевизме — действовал правильно, и мы имеем *письменные* доказательства того, что он, именно как представитель особого оттенка, при свидетелях из P. S. D.*, определял указанным образом объединяющие *всех* большевиков принципы партийности.

4. Попытка голосовцев из-за границы, от имени заграничной, раскольнически действующей фракции, предлагать «своих» кандидатов в ЦК для кооптации есть вопиющее издевательство. Если на пленуме могли быть люди, искренне верившие в обещание меньшевиков бороться с ликвидаторами, то год спустя вполне уже ясно, что голосовцам доверять в этом вопросе нельзя. Мы решительно протестуем против постановки на голоса кандидатур заграничной фракции ликвидаторов и требуем опроса *русских* плехановцев, которые *несомненно* могут дать кандидатов из меньшевиков-партийцев.

5. Раскольнические шаги голосовцев, впередовцев и Троцкого вполне признаны теперь не только большевиками и поляками (в ЦО), но и плехановцами (см. резолюцию парижских плехановцев). Мы констатируем, что *первый* решительный шаг к расколу — объявление о созыве конференции и о «фонде» для нее помимо ЦК — сделан Троцким 26. XI. 1910; наша заявка (5. XII. 1910) была вынужденным ответом на это. Впередовская школа стала одним из центров этого раскола:

* — польской социал-демократии. *Ред.*

Троцкий участвовал в ней *вопреки* прямому постановлению партийной Школьной комиссии. Голосовцы *печатно* обвинили нас в «дезорганизации» этой школы. Считая своим долгом *дезорганизовать* антипартийные заграничные фракции, мы требуем назначения *следственной* комиссии о «фондах» этой школы *и об содействии ей Троцким и голосовцами.* Крича об экспроприаторских делах, окончательно ликвидированных нами на пленуме, голосовцы не только шантажируют, но и *прикрывают* этими криками свое *моральное* (и не только моральное) содействие *нарушителям* резолюции пленума.

6. Плехановец Ольгин раскрыл такой факт, что Дан прямо объяснял желание голосовцев перенести ЦК в Россию вероятностью (или неизбежностью) его провала. Партийный суд должен будет высказаться об этом. Кто следил за политикой голосовцев за год, не усомнится в том, что они *на деле* срывали и тормозили ЦК. Лондонские кандидаты голосовцы не только живы, но ведут *политическую* работу в *антипартийном* духе *и в рабочих союзах и в печати.* Не являясь на собрание ЦК, они подтверждают этим свое ликвидаторство. Поэтому мы обязаны предостеречь русских товарищей из ЦК, действующих при отчаянно трудных условиях (ибо они *все* известны полиции), что им грозит в партии и внутренний враг. Нельзя обойтись хоть без какой-нибудь заграничной базы, если не рисковать тем, что *один* провал сможет развязать руки раскольнически действующим потресовцам. Нельзя оставить за границей ЗБЦК, *теперь* поведшее политику *помощи* впередовцам, голосовцам и Троцкому. Нельзя верить на слово обещаниям или «подписке» резолюций: надо, если хотеть быть *реальным* политиком и не обольщаться одними формальностями, смотреть на *идейно-политические течения,* вырастающие из рабочего движения и из контрреволюционных влияний на него.

Эти течения росли и выросли с 1908 года, сблизив плехановцев с беками, создав блок сторонников и прикрывателей распада, голосовцев, впередовцев и

Троцкого. Ближайшее будущее нашей партии (на это нельзя закрывать глаза) неизбежно определится борьбой именно по этой линии, — не воля лиц и групп, а объективные условия эпохи, указанные в резолюции пленума, вызывают такую борьбу.

Представители большевистского течения, заключившие в январе 1910 г. договор с ЦК (трое и по доверенности четвертого, Мешковского)[79].

Написано в феврале 1911 г.

Впервые напечатано в 1931 г. в Ленинском сборнике XVIII

Печатается по рукописи

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ

Пятидесятилетие так называемой крестьянской реформы возбуждает много интересных вопросов. Из них мы можем здесь коснуться лишь некоторых экономических и исторических вопросов, оставляя до другого случая темы публицистические в более узком смысле слова.

Лет 10—15 тому назад, когда на широкую публику впервые были вынесены споры между народниками и марксистами, расхождение в оценке так называемой крестьянской реформы неоднократно всплывало на одно из первых мест в этом споре. Для теоретиков народничества, — например, известного г. В. В. или Николая —она, — основы крестьянской реформы 1861 г. представляли из себя нечто принципиально отличное от капитализма и принципиально враждебное ему. Они говорили о том, что Положение 19 февраля узаконяло «наделение производителя средствами производства», давало санкцию «народному производству» *в отличие* от капиталистического. В Положении 19 февраля усматривался залог *не*капиталистической эволюции России.

Этой теории марксисты противопоставляли уже тогда принципиально иной взгляд. Положение 19 февраля есть один из *эпизодов* смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим). Никаких иных историко-экономических элементов, по этому взгляду, в Положении *нет.*

«Наделение производителя средствами производства» есть пустая прекраснодушная фраза, затушевывающая тот простой факт, что крестьяне, будучи мелкими производителями в земледелии, превращались из производителей с преимущественно натуральным хозяйством в товаропроизводителей. Насколько сильно или слабо было при этом развито именно товарное производство в крестьянском хозяйстве разных местностей России той эпохи — это вопрос иной. Но несомненно, что именно в обстановку товарного производства, а не какого-либо иного, вступал «освобождаемый» крестьянин. «Свободный труд» *взамен*[*] крепостного труда означал таким образом не что иное, как свободный труд наемного рабочего или мелкого самостоятельного производителя в условиях товарного производства, т. е. в буржуазных общественно-экономических отношениях. *Выкуп* еще рельефнее подчеркивает такой характер реформы, ибо выкуп дает толчок денежному хозяйству, т. е. увеличение зависимости крестьянина от рынка.

Народники видели в освобождении крестьян с землей принцип *не*капиталистический, «начало» того, что они называли «народным производством». В освобождении крестьян без земли они видели принцип капиталистический. Такой взгляд народники (особенно г. Николай —он) основывали *на учении Маркса,* ссылаясь на то, что освобождение работника от средств производства есть основное условие капиталистического способа производства. Оригинальное явление: марксизм был, уже начиная с 80-х годов (если не раньше), такой бесспорной, фактически господствующей силой среди передовых общественных учений Западной Европы, что в России теории, враждебные марксизму, не могли долгое время выступать открыто против марксизма. Эти теории софистицировали, фальсифицировали (зачастую бессознательно) марксизм, эти теории как бы становились сами на почву марксизма и «по Марксу» пытались опровергнуть приложение

[*] Поскольку *на деле* такая *замена* осуществлялась, — мы увидим ниже, что эта замена шла гораздо сложнее, чем могло бы казаться с первого взгляда.

к России теории Маркса! Народническая теория г. Николая —она претендовала на звание «марксистской» (1880—1890 годы), а впоследствии либерально-буржуазная теория гг. Струве, Тугана-Барановского и К^{0} начинала с *«почти»* полного признания Маркса, развивая свои взгляды, проводя свой либерализм под оболочкой «дальнейшего критического развития» марксизма. На этой своеобразной черте развития русских общественных теорий с конца XIX века (и вплоть до современного оппортунизма — ликвидаторства, цепляющегося за марксистскую *терминологию* для прикрытия антимарксистского содержания) нам придется, вероятно, останавливаться неоднократно.

В данную минуту нас интересует народническая оценка «великой реформы». В корне ошибочен тот взгляд, что стремление обезземелить крестьян в 1861 году было капиталистическим стремлением, а стремление наделить их землей — антикапиталистическим, социалистическим (лучшие из народников в термине «народное производство» видели навязанный *цензурными* препонами псевдоним социализма). Такой взгляд грешит вопиющей антиисторичностью, перенесением «готовой» формулы Маркса («формулы», применимой лишь к высокоразвитому товарному производству) на *крепостническую* почву. В действительности обезземеление крестьян в 1861 году означало в большинстве случаев создание не свободного рабочего в капиталистическом производстве, а *кабального* (т. е. фактически полукрепостного или даже почти крепостного) *арендатора* той же «барской», помещичьей земли. В действительности «наделы» 1861 года означали в большинстве случаев создание не свободного самостоятельного земледельца, а *прикрепление к земле* кабального арендатора, фактически вынужденного отбывать ту же барщину в форме обработки своим инвентарем помещичьей земли за выпас, за выгон, за луга, за необходимую пахотную землю и т. п.

Поскольку крестьянин действительно, а не номинально только, освобождался от крепостных отношений (суть их: «отработочная рента», т. е. работа наделенного

землей крестьянина на помещика), постольку он вступал в обстановку буржуазных общественных отношений. Но это *действительное* освобождение от крепостнических отношений шло гораздо сложнее, чем народники думали. Борьба сторонников обезземеления и сторонников «наделения» выражала *тогда* зачастую лишь борьбу двух *крепостнических* лагерей, спор о том, выгоднее ли для помещика иметь арендатора (или «отработочного» крестьянина) вовсе без земли *или* «с наделом», т. е. прикрепленного к месту, привязанного клочком земли, с которого нельзя жить и на котором приходится искать «заработков» (= идти в кабалу помещику).

И, с другой стороны, несомненно, что, чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, тем значительнее был бы внутренний рынок, тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли.

Ошибка народников состояла в том, что они брали вопрос утопично, абстрактно, вне отношения к конкретной исторической обстановке. Они объявляли «надел» базой самостоятельного мелкого земледелия: *поскольку* это верно, постольку «наделенный землей» крестьянин становился товаропроизводителем, попадал в условия буржуазные. *На деле* же слишком часто «надел» был так мал, так обременен чрезмерными платежами, так неудачно для крестьянина и «удачно» для помещика отмежеван, что «надельный» крестьянин неминуемо попадал в положение безысходной кабалы, оставался фактически в крепостнических отношениях, отрабатывал ту же барщину (под видом аренды за отработки и т. п.).

Таким образом, в народничестве таилась двоякая тенденция, которую марксисты и характеризовали тогда же, говоря о либерально-народнических взглядах, либерально-народнической оценке и т. д. Поскольку народники прикрашивали реформу 1861 года, забывая

о том, что «наделение» реально означало в массе случаев обеспечение помещичьих хозяйств дешевыми и прикрепленными к месту рабочими руками, дешевым кабальным трудом, постольку они опускались (часто не сознавая этого) до точки зрения либерализма, до точки зрения либерального буржуа или даже либерального помещика; — постольку они объективно становились защитниками такого типа капиталистической эволюции, которая всего более отягощена помещичьими традициями, всего более связана с крепостническим прошлым, всего медленнее, всего тяжелее от него освобождается.

Поскольку же народники, не впадая в идеализацию реформы 1861 года, горячо и искренне отстаивали наименьшие платежи и наибольшие, без *всякого* ограничения, «наделы», при наибольшей культурной, правовой и прочей самостоятельности крестьянина, постольку они были буржуазными демократами. Их единственным недостатком было то, что их демократизм был далеко не всегда последователен и решителен, причем буржуазный характер его оставался ими несознанным. У нас, между прочим будь сказано, даже и по сю пору самые «левые» социал-народники понимают нередко слово «буржуазный» в указанном сочетании, как нечто вроде... «политики», тогда как на самом деле термин буржуазная демократия есть единственно точная, с точки зрения марксизма, научная характеристика.

Эта двоякая, либеральная и демократическая, тенденция в народничестве вполне ясно *наметилась* уже в эпоху реформы 1861 года. Мы не можем здесь останавливаться подробнее на анализе этих тенденций, в частности на связи утопического социализма со второй из них, и ограничимся простым указанием на различие идейно-политических направлений, скажем, Кавелина, с одной стороны, и Чернышевского, с другой.

Если бросить общий взгляд на изменение всего уклада российского государства в 1861 году, то необходимо признать, что это изменение было шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию.

Это верно не только с экономической, но и с политической точки зрения. Достаточно вспомнить характер реформы в области суда, управления, местного самоуправления и т. п. реформ, последовавших за крестьянской реформой 1861 года, — чтобы убедиться в правильности этого положения. Можно спорить о том, велик или мал, быстр или медленен был этот «шаг», но *направление,* в котором этот *шаг* последовал, так ясно и так выяснено всеми последующими событиями, что о нем едва ли может быть два мнения. Подчеркнуть же это *направление* тем более необходимо, чем чаще приходится слышать в наше время непродуманные суждения о том, будто «шаги» по пути превращения в буржуазную монархию делаются Россией чуть ли не в самые последние годы.

Из двух указанных тенденций народничества демократическая, опирающаяся на сознательность и самодеятельность непомещичьих, нечиновничьих и небуржуазных кругов, была крайне слаба в 1861 году. Поэтому дело и не пошло дальше самого маленького «шага» по пути превращения в буржуазную монархию. Но эта слабая тенденция существовала уже тогда. Она проявлялась и впоследствии, то сильнее, то слабее, как в сфере общественных идей, так и в сфере общественного движения *всей* пореформенной эпохи. Эта тенденция росла с каждым десятилетием этой эпохи, питаемая каждым шагом экономической эволюции страны, а следовательно, и совокупностью социальных, правовых, культурных условий.

Через 44 года после крестьянской реформы и та и другая тенденция, которые в 1861 году только наметились, нашли себе довольно полное и открытое выражение на самых различных поприщах общественной жизни, в различных перипетиях общественного движения, в деятельности широких масс населения и крупных политических партий. Кадеты и трудовики, — понимая тот и другой термин в самом широком смысле, — прямые потомки и преемники, непосредственные проводники обеих тенденций, обрисовавшихся уже полвека тому назад. Связь между 1861 годом и событиями,

разыгравшимися 44 года спустя, несомненна и очевидна. И то обстоятельство, что в течение полувека обе тенденции выжили, окрепли, развились, выросли, свидетельствует, бесспорно, о силе этих тенденций, о том, что корни их лежат глубоко во всей экономической структуре России.

Нововременский писатель Меньшиков выразил эту связь крестьянской реформы с событиями недавнего прошлого в следующей своеобразной тираде: «61-ый год не сумел предупредить девятьсот пятого, — стало быть, что же кричать о *величии* реформы, столь жалко провалившейся?» («Новое Время» № 12512 от 11 января, «Ненужный юбилей»).

Меньшиков нечаянно затронул этими словами крайне интересный научно-исторический вопрос, во-первых, о соотношении реформы и революции вообще, а во-вторых, о связи, зависимости, родстве общественно-исторических направлений, стремлений, тенденций 1861 и 1905—1907 годов.

Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам во всех исторических рассуждениях. Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае. Реформа 1861 года осталась только реформой в силу крайней слабости, бессознательности, распыленности тех общественных элементов, интересы которых требовали преобразования.

От этого так сильны были крепостнические черты в этой реформе, от этого так много в ней бюрократически уродливого, от этого так безмерны были те бедствия, которые причинила она крестьянству. Крестьянство наше страдало гораздо больше от недостаточного развития капитализма, чем от капитализма.

Но эта реформа, оставшаяся реформой в силу слабости известных общественных элементов, создала, несмотря на все препятствия и препоны, условия для

дальнейшего развития этих элементов, — условия, расширившие ту базу, на которой старое противоречие разыгрывалось, расширившие круг тех групп, слоев, классов населения, которые могли сознательно принять участие в «разыгрывании» этих противоречий. Поэтому вышло так, что представители сознательно враждебной либерализму демократической тенденции в реформе 1861 года, казавшиеся тогда (и долгое время спустя) беспочвенными одиночками, *оказались* на деле неизмеримо более «почвенными», — оказались тогда, когда созрели противоречия, бывшие в 1861 году в состоянии почти зародышевом. Участники реформы 1861 года, смотревшие* на нее с реформистской точки зрения, оказались более «почвенны», чем либеральные реформисты. История навсегда сохранит память о первых, как о передовых людях эпохи, — о вторых, как о людях половинчатых, бесхарактерных, бессильных перед силами старого и отжившего.

Народники проповедовали всегда в своих теориях, начиная с 1861 года (а их предшественники еще раньше, до 1861 года) и затем в течение более полувека, *иной, т. е. некапиталистический,* путь для России. История вполне опровергла эту их ошибку. История вполне доказала, — и события 1905—1907 годов, выступления разных классов русского общества в то время особенно наглядно подтвердили, — что Россия развивается капиталистически и что иного пути ее развития быть не может. Но плох был бы тот марксист, который из этой же истории полувека не научился бы до сих пор тому, в чем состояло *реальное* значение этих облеченных в ошибочную идеологию полувековых стремлений осуществить «иной» путь для отечества.

Сравнение 1861 года с 1905—1907 годами яснее ясного показывает, что это *реальное* историческое значение народнической идеологии состояло в противоположении *двух* путей *капиталистического* развития: одного пути, приспособляющего новую, капиталистическую Россию

* Возможно, здесь допущена опечатка; по смыслу следовало бы: «не смотревшие». *Ред.*

к старой, подчиняющего первую второй, замедляющего ход развития, — и другого пути, заменяющего старое новым, устраняющего полностью отжившие помехи новому, ускоряющего ход развития. Программы кадетов и трудовиков, как программы либеральная и демократическая — при своей непоследовательности, иногда запутанности и бессознательности *обеих* программ — рельефно выразили это развитие *реальных* путей, которые находятся оба *в рамках* капитализма, которые проводятся в жизнь неуклонно в течение более полувека.

И теперешняя эпоха особенно настоятельно требует от нас отчетливого понимания условий того и иного пути, ясного представления о двух тенденциях 1861 года и об их дальнейшем развитии. Мы переживаем дальнейший сдвиг всего уклада российского государства, *еще один* шаг по пути превращения в буржуазную монархию. Этот новый шаг, столь же неуверенный, столь же колеблющийся, столь же неудачный, столь же несостоятельный, как прежде, ставит перед нами старые вопросы. Какой из двух путей капиталистического развития России окончательно определит ее буржуазный уклад, этого история еще не решила: не исчерпали еще себя те объективные силы, от которых зависит решение. Нельзя предусмотреть, каково будет это решение наперед до опыта всех трений, столкновений, конфликтов, которые составляют жизнь общества. Нельзя предусмотреть наперед, какова будет равнодействующая тех двух тенденций, которые дают себя знать с 1861 года. Но можно — и должно — добиться ясного сознания той и другой тенденции, добиться того, чтобы марксисты (и в этом одна из их задач, как «гегемонов» в хаосе распада, разброда, маловерия и преклонения перед минутным успехом) внесли свою деятельность — в эту равнодействующую — не в виде минуса (вроде ликвидаторства и вообще всякого беспомощного ковылянья за тем или иным упадочным настроением), а в виде плюса, в виде отстаиванья интересов всей эволюции в целом, ее коренных и самых существенных интересов.

Представители демократической тенденции идут к своей цели, постоянно колеблясь и попадая в зависимость от либерализма. Противодействие этим колебаниям, разрушение этой зависимости — одна из важнейших исторических задач марксизма в России.

«Мысль» № 3, февраль 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
журнала «Мысль»

«КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА» И ПРОЛЕТАРСКИ-КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Юбилей, которого так опасалась монархия господ Романовых и по поводу которого так прекраснодушно умилялись российские либералы, отпразднован. Царское правительство отпраздновало его тем, что усиленно сбывало «в народ» черносотенные юбилейные брошюры «Национального клуба», усиленно арестовывало всех «подозрительных», запрещало собрания, в которых можно было ожидать речей хоть сколько-нибудь похожих на демократические, штрафовало и душило газеты, преследовало «крамольные» кинематографы.

Либералы отпраздновали юбилей тем, что пролили паки и паки слезу о необходимости «второго 19-го февраля» («Вестник Европы»[80]), выразили свои верноподданнические чувства (царский портрет на первом месте в «Речи»), поговорили о своем гражданском унынии, о непрочности отечественной «конституции», о «гибельной ломке» «исконных земельных начал» столыпинской аграрной политикой и т. д., и т. п.

Николай II в рескрипте Столыпину заявил, что как раз завершением «великой реформы» 19 февраля 1861 года является столыпинская аграрная политика, т. е. отдача крестьянской земли на поток и разграбление кучке мироедов, кулаков, зажиточных мужиков и отдача деревни под начало крепостникам-помещикам.

И надо признаться, что Николай Кровавый, первый помещик России, ближе к исторической истине, чем

наши прекраснодушные либералы. Первый помещик и главный крепостник понял — вернее: усвоил себе из поучений Совета объединенного дворянства — ту истину классовой борьбы, что «реформы», проводимые крепостниками, не могут не быть крепостническими по всему своему облику, не могут не сопровождаться режимом всяческого насилия. Наши кадеты, и наши либералы вообще, боятся революционного движения масс, которое одно только способно стереть с лица земли крепостников-помещиков и их всевластие в русском государстве; и эта боязнь мешает им понять ту истину, что, пока крепостники не свергнуты, никакие реформы — и особенно аграрные реформы — невозможны иначе, как в крепостническом виде, крепостнического характера и способа проведения. Бояться революции, мечтать о реформе и хныкать о том, что «реформы» на деле проводятся крепостниками по-крепостнически, есть верх низости и скудоумия. Гораздо больше прав и гораздо лучше обучает русский народ уму-разуму Николай II, наглядно «дающий» на выбор: крепостнические «реформы» или свергающая крепостников народная революция.

19-ое февраля 1861 года было крепостнической реформой, которую наши либералы могут подкрашивать и изображать «мирной» реформой только потому, что революционное *движение* в России было тогда слабо до ничтожества, а революционного *класса* среди угнетенных масс вовсе еще не было. Указ 9 ноября 1906 г. и закон 14 июня 1910 года суть крепостнические реформы такого же буржуазного, — как и реформа 61-го года, — содержания, но либералы *не могут* представить ее «мирной» реформой, не могут так легко начать подкрашивать ее (хотя они и начинают уже, например, в «Русской Мысли» это делать), ибо можно забыть одиночек революционеров 1861 года, но нельзя забыть революции 1905 года. В 1905 году родился на Руси революционный *класс* — пролетариат, который сумел поднять и крестьянскую массу на революционное движение. А когда революционный класс родился в какой-либо стране, он не может быть подавлен никакими преследованиями,

он может погибнуть лишь с гибелью всей страны, он может умереть лишь победивши.

Припомним основные черты крестьянской реформы 61-го года. Пресловутое «освобождение» было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними. По случаю «освобождения» от крестьянской земли отрезали в черноземных губерниях *свыше* $^{1}/_{5}$ части. В некоторых губерниях отрезали, отняли у крестьян до $^{1}/_{3}$ и даже до $^{2}/_{5}$ крестьянской земли. По случаю «освобождения» крестьянские земли отмежевывали от помещичьих так, что крестьяне переселялись на «песочек», а помещичьи земли клинком вгонялись в крестьянские, чтобы легче было благородным дворянам кабалить крестьян и сдавать им землю за ростовщические цены. По случаю «освобождения» крестьян заставили «выкупать» их собственные земли, причем содрали *вдвое и втрое* выше действительной цены на землю. Вся вообще «эпоха реформ» 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве.

«Великая реформа» была крепостнической реформой и не могла быть иной, ибо ее проводили крепостники. Какая же сила заставила их взяться за реформу? Сила экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма. Помещики-крепостники не могли помешать росту товарного обмена России с Европой, не могли удержать старых, рушившихся форм хозяйства. Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России. Крестьянские «бунты», возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить *сверху,* чем ждать, пока свергнут *снизу.*

«Крестьянская реформа» была проводимой крепостниками буржуазной реформой. Это был шаг по пути превращения России в буржуазную монархию. Содержание крестьянской реформы было буржуазное, и это

содержание выступало наружу тем сильнее, чем *меньше* урезывались крестьянские земли, чем *полнее* отделялись они от помещичьих, чем *ниже* был размер дани крепостникам (т. е. «выкупа»), чем *свободнее* от влияния и от давления крепостников устраивались крестьяне той или иной местности. *Поскольку* крестьянин вырывался из-под власти крепостника, *постольку* он становился под власть денег, попадал в условия товарного производства, оказывался в зависимости от нарождавшегося капитала. И после 61-го года развитие капитализма в России пошло с такой быстротой, что в несколько десятилетий совершались превращения, занявшие в некоторых старых странах Европы целые века.

Пресловутая борьба крепостников и либералов, столь раздутая и разукрашенная нашими либеральными и либерально-народническими историками, была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков,* борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок.* Либералы так же, как и крепостники, стояли на почве признания собственности и власти помещиков, осуждая с негодованием всякие революционные мысли об *уничтожении* этой собственности, о *полном свержении* этой власти.

Эти революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. И если века рабства настолько забили и притупили крестьянские массы, что они были неспособны во время реформы ни на что, кроме раздробленных, единичных восстаний, скорее даже «бунтов», не освещенных никаким политическим сознанием, то были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства и понимавшие всю узость, все убожество пресловутой «крестьянской реформы», весь ее крепостнический характер. Во главе этих, крайне немногочисленных тогда, революционеров стоял Н. Г. Чернышевский.

19-ое февраля 1861 года знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи. Либералы 1860-х годов и Чернышевский суть представители двух исторических тенденций, двух исторических сил, которые с тех пор и вплоть до

нашего времени определяют исход борьбы за новую Россию. Вот почему в день пятидесятилетия 19-го февраля сознательный пролетариат должен отдать себе возможно более ясный отчет в том, какова была сущность обеих тенденций и каково их взаимоотношение.

Либералы хотели «освободить» Россию «сверху», не разрушая ни монархии царя, ни землевладения и власти помещиков, побуждая их только к «уступкам» духу времени. Либералы были и остаются идеологами буржуазии, которая не может мириться с крепостничеством, но которая боится революции, боится движения масс, способного свергнуть монархию и уничтожить власть помещиков. Либералы ограничиваются поэтому «борьбой за реформы», «борьбой за права», т. е. дележом власти между крепостниками и буржуазией. Никаких иных «реформ», кроме проводимых крепостниками, никаких иных «прав», кроме ограниченных произволом крепостников, *не может* получиться при таком соотношении сил.

Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей. «Крестьянскую реформу» 61-го года, которую либералы сначала подкрашивали, а потом даже прославляли, он назвал *мерзостью,* ибо он ясно видел ее крепостнический характер, ясно видел, что крестьян обдирают гг. либеральные освободители, как липку. Либералов 60-х годов Чернышевский назвал *«болтунами, хвастунами и дурачьем»*[81], ибо он ясно видел их боязнь перед революцией, их бесхарактерность и холопство перед власть имущими.

Эти две исторические тенденции развивались в течение полувека, прошедшего после 19-го февраля, и расходились все яснее, определеннее и решительнее. Росли силы либерально-монархической буржуазии, проповедовавшей удовлетворение «культурной» работой и чуравшейся революционного подполья. Росли силы демократии и социализма — сначала смешанных воедино в утопической идеологии и в интеллигентской борьбе народовольцев и революционных народников, а с 90-х годов прошлого века начавших расходиться по мере перехода от революционной борьбы террористов и одиночек-пропагандистов к борьбе самих революционных классов.

Десятилетие перед революцией, с 1895 по 1904 год, показывает нам уже открытые выступления и неуклонный рост пролетарской массы, рост стачечной борьбы, рост социал-демократической рабочей агитации, организации, партии. За социалистическим авангардом пролетариата начинало выступать на массовую борьбу, особенно с 1902 года, и революционно-демократическое крестьянство.

В революции 1905 года те две тенденции, которые в 61-м году только наметились в жизни, только-только обрисовались в литературе, развились, выросли, нашли себе выражение в движении *масс,* в борьбе *партий* на самых различных поприщах, в печати, на митингах, в союзах, в стачках, в восстании, в Государственных думах.

Либерально-монархическая буржуазия создала партии кадетов и октябристов, сначала уживавшиеся в одном земско-либеральном движении (до лета 1905 года), потом определившиеся, как отдельные партии, которые сильно конкурировали (и конкурируют) друг с другом, выдвигая вперед одна преимущественно либеральное, другая преимущественно монархическое свое *«лицо»,* но которые сходились всегда в самом существенном, в порицании революционеров, в надругательствах над декабрьским восстанием, в преклонении перед «конституционным» фиговым листком абсолютизма, как перед знаменем. Обе партии стояли и

стоят на «строго конституционной» почве, т. е. ограничиваются теми рамками деятельности, которые могла создать черная сотня царя и крепостников, не отдавая своей власти, не выпуская из рук своего самодержавия, не жертвуя ни копейкой из своих «веками освященных» рабовладельческих доходов, ни малейшей привилегией из своих «благоприобретенных» прав.

Тенденции демократическая и социалистическая отделились от либеральной и размежевались друг от друга. Пролетариат организовался и выступал отдельно от крестьянства, сплотившись вокруг своей рабочей с.-д. партии. Крестьянство было организовано в революции несравненно слабее, его выступления были во много и много раз раздробленнее, слабее, его сознательность стояла на гораздо более низкой ступени, и монархические (а также неразрывно связанные с ними конституционные) иллюзии нередко парализовали его энергию, ставили его в зависимость от либералов, а иногда от черносотенцев, порождали пустую мечтательность о «божьей земле» вместо натиска на дворян-землевладельцев с целью полного уничтожения этого класса. Но все же, в общем и целом, крестьянство, как масса, боролось именно с помещиками, выступало революционно, и во всех Думах — даже в третьей, с ее изуродованным в пользу крепостников представительством — оно создало трудовые группы, представлявшие, несмотря на их частые колебания, настоящую демократию. Кадеты и трудовики 1905—1907 годов выразили в массовом движении и политически оформили позицию и тенденции буржуазии, с одной стороны, либерально-монархической, а с другой стороны, революционно-демократической.

1861 год породил 1905. Крепостнический характер первой «великой» буржуазной реформы затруднил развитие, обрек крестьян на тысячи худших и горших мучений, но не изменил направление развития, не предотвратил буржуазной революции 1905 года. Реформа 61-го года отсрочила развязку, открыв известный клапан, дав некоторый прирост капитализму, но она не устранила неизбежной развязки, которая к 1905 году

разыгралась на поприще несравненно более широком, в натиске масс на самодержавие царя и крепостников-помещиков. Реформа, проведенная крепостниками в эпоху полной неразвитости угнетенных масс, породила революцию к тому времени, когда созрели революционные элементы в этих массах.

Третья Дума и столыпинская аграрная политика есть вторая буржуазная реформа, проводимая крепостниками. Если 19-ое февраля 61-го года было первым шагом *по пути* превращения чисто крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, то эпоха 1908— 1910 годов показывает нам второй и более серьезный шаг *по тому же пути.* Прошло почти $4^1/_2$ года со времени издания указа 9-го ноября 1906 года, прошло свыше $3^1/_2$ лет с 3-го июня 1907 года, и теперь уже не только кадетская, но в значительной степени и октябристская буржуазия убеждается в «неудаче» 3-июньской «конституции» и 3-июньской аграрной политики. «Наиправейший из кадетов» — как справедливо назван был недавно полуоктябрист г. Маклаков — имел полное право сказать 25 февраля в Государственной думе от имени и кадетов и октябристов, что «недовольны в настоящее время те центральные элементы страны, которые более всего хотят прочного мира, которые боятся новой вспышки революционной волны». Общий лозунг один: «все говорят, — продолжал г. Маклаков, — что если мы будем идти дальше по тому пути, по которому нас ведут, то нас приведут ко второй революции».

Общий лозунг кадетско-октябристской буржуазии весной 1911 года подтверждает правильность той оценки положения вещей, которую дала наша партия в резолюции декабрьской конференции 1908 года. «Основные факторы экономической и политической жизни, — гласит эта резолюция, — вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно».

Недавно наемный писака черносотенного царского правительства Меньшиков объявил в «Новом Времени»,

что реформа 19-го февраля «жалко провалилась», ибо «61-й год не сумел предупредить девятьсот пятого». Теперь наемные адвокаты и парламентарии либеральной буржуазии объявляют о провале «реформ» 9. XI. 1906 г. и 3. VI. 1907 г., ибо эти «реформы» *ведут* ко второй революции.

Оба заявления, как и вся история либерального и революционного движения в 1861—1905 годах, дают интереснейший материал для выяснения важнейшего вопроса об отношении реформы к революции, о роли реформистов и революционеров в общественной борьбе.

Противники революции, кто с ненавистью и скрежетом зубовным, кто с горестью и унынием, признают «реформы» 61-го и 1907—1910 годов неудачными, потому что они не предупреждают революции. Социал-демократия, представительница единственного до конца революционного класса наших дней, отвечает на это признание: революционеры играли величайшую историческую роль в общественной борьбе и во всех социальных кризисах *даже тогда,* когда эти кризисы непосредственно вели только к половинчатым реформам. Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования; реформы — побочный продукт революционной борьбы.

Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, по-видимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов.

Революционный класс 1905—1907 годов, социалистический пролетариат, потерпел, по-видимому, полное поражение. И либеральные монархисты, и ликвидаторы из числа тоже-марксистов прокричали все уши о том, как он зашел будто бы «слишком далеко», дошел до «эксцессов», как он поддался увлечению «стихийной классовой борьбы», как он дал обольстить себя губительной идее «гегемонии пролетариата» и т. д., и т. п. На деле «вина» пролетариата была только в том, что он недостаточно далеко зашел, но эта «вина» оправдывается

тогдашним состоянием его сил и искупается неустанной революционно-социал-демократической работой во времена и злейшей реакции, непреклонной борьбой со всеми проявлениями реформизма и оппортунизма. На деле все, что отвоевано у врагов, все, что прочно в завоеваниях, отвоевано и держится только в той мере, в какой сильна и жива революционная борьба на всех поприщах пролетарской работы. На деле только пролетариат отстаивал до конца последовательный демократизм, разоблачая всю шаткость либерализма, вырывая из-под его влияния крестьянство, поднимаясь с геройской смелостью на вооруженное восстание.

Никто не в силах предсказать, насколько осуществятся действительно демократические преобразования России в эпоху ее буржуазных революций, но не подлежит ни тени сомнения, что *только* революционная борьба пролетариата определит степень и успех преобразований. Между крепостническими «реформами» в буржуазном духе и демократической революцией, руководимой пролетариатом, могут быть только бессильные, бесхарактерные, безыдейные колебания либерализма и оппортунистического реформизма.

Бросая общий взгляд на историю последнего полувека в России, на 1861 и 1905 годы, мы можем только с еще большим убеждением повторить слова нашей партийной резолюции: «целью нашей борьбы является по-прежнему свержение царизма, завоевание политической власти пролетариатом, опирающимся на революционные слои крестьянства и совершающим буржуазно-демократический переворот путем созыва всенародного учредительного собрания и создания демократической республики»[82].

«Социал-Демократ» № 21—22,
19 марта (1 апреля) 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

РАЗРУШИТЕЛИ ПАРТИИ В РОЛИ «РАЗРУШИТЕЛЕЙ ЛЕГЕНД»

Ровно год тому назад Центральный Орган нашей партии опубликовал следующее кардинальной важности письмо Русского бюро ЦК к Заграничному бюро ЦК:

«... Мы (т. е. Русское бюро ЦК) обратились к тт. Михаилу, Роману и Юрию с предложением вступить в работу, но получили от них ответ, гласящий, что они считают не только решения пленума вредными, но находят вредным самое существование ЦК. На этом основании они отказываются даже явиться на одно заседание для кооптации»[*].

Дело было как нельзя более ясно. В лице Михаила, Романа и Юрия мы имеем дело с открытыми ренегатами, считающими «дипломатию» и виляние в духе «Голоса» излишней и *откровенно* заявляющими о своем разрыве с нашей партией. Столкнулись две «тактики»: одна — Мартова, Дана и К^0, — заключающаяся в том, чтобы извнутри разлагать «старую» партию, держать старую партию в болезненном состоянии, пока укрепятся столыпинские «социал-демократы» — ликвидаторы; другая — Потресова, Левицкого, Михаила, Романа, Юрия и К^0, — исходящая из того положения, что игра подсиживания старой партии извнутри не стоит-де свеч и что надо идти *сейчас же* на открытый разрыв с РСДРП.

[*] См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 208. *Ред.*

Опубликование заявления гг. Михаила, Романа и Юрия страшно портило игру их друзьям и покровителям из «Голоса Социал-Демократа». Но делать было нечего: Дану, Мартову и К^0 пришлось заметать следы и дальше, «с одной стороны», солидаризируясь с тремя упомянутыми ренегатами, а «с другой стороны» — легонечко от них «отмежевываясь». У Мартова хватило даже храбрости на то, чтобы *через 10 месяцев* после опубликования отречения трех его друзей от партии (в предпоследнем, 23-м номере «Голоса») упрекнуть трех господ в «легкомыслии»...

Но вот колесо «истории» (истории ликвидаторства) сделало еще один оборот. Ряд обстоятельств — главным образом, отпор ликвидаторству со стороны некоторых с.-д. групп, выступающих на открытой арене, — побудил господ Потресовых, Левицких, Михаилов, Романов и К^0 поубавить прыти и приблизиться к «мудрой» и более осторожной «тактике» заметания следов à la Дан и Мартов. Это сделало возможным и появление — *через год!* — «опровержения» вышеприведенного документа.

Нечего говорить о том, что появившееся в «Голосе» (под громким заглавием: «Разрушенная легенда») «опровержение» — *лживо насквозь.* Оказывается, что упомянутые три ренегата «официально» отказались от вступления в ЦК или участия хотя бы на одном собрании для кооптации только «по личным мотивам». И лишь «затем, в *частной* (ну совершенно «частной») беседе поделились с ним (т. е. представителем ЦК[83]) рядом соображений (уже политического характера), вынуждающих нас (т. е. Романа, Михаила и Юрия) отнестись отрицательно к сделанному нам предложению».

Итак, — пункт 1-ый «опровержения»: заявление, на которое ссылался ЦО, было сделано лишь «в частной беседе», после того как официальный мундир был снят. Не правда ли, как радикально меняет дело это чрезвычайно «смягчающее вину обстоятельство»?..

Но что же сказали господа Михаил, Роман и Юрий, *по их собственным словам,* в этой «частной беседе»? Они не сказали, что решения ЦК вредны, они, видите

ли, только позволили себе заметить, что «путь, продиктованный пленумом, не усиливает, а ослабляет позицию ЦК», что то использование легальных возможностей, которое рекомендовал партии ЦК, «сводилось и сводится к разрушению легальных рабочих организаций», что уже первый шаг, сделанный на этом пути ЦК (опубликование резолюции о партийной конференции), «дал правительству прикрытие» для разрушения рабочих организаций. Не правда ли, это — совсем не то, что утверждение представителя ЦК, по словам которого три ликвидатора из лондонских кандидатов «считают вмешательство ЦК в стихийный процесс группировки с.-д. сил в легальных организациях подобным вырыванию плода из чрева матери на втором месяце беременности»? «Опровергли», нечего сказать!

Далее, они вовсе не говорили, что существование ЦК вредно, боже упаси! Они только — совершенно «частным» образом, конечно, — выразили то мнение, что гораздо лучше было бы, если бы вместо ЦК существовала бы «инициативная группа», у которой «никто не спрашивал бы паспорта» (т. е. *партийного* паспорта), как в свое время его (т. е. «паспорта») никто не спрашивал у группы «Искры» и «Зари»[*84]. — Главное обвинение «опровергнуто» Михаилом, Романом и Юрием почти так же удачно, как недавно «опроверг» их коллега Игорев те обвинения в заговоре против ЦК и партии, которые были предъявлены этому Игореву товарищами меньшевиками-партийцами, Плехановым и А. Московским... Нужен, видите ли, не ЦК, а такая «инициативная группа», как «группа «Искры» и «Зари»». Ну, разумеется, группа «Искры» и «Зари» была группой революционно-социал-демократической, а гг. Михаилам, Романам и Юриям нужна инициативная группа ликвидаторская. Но сейчас не в этом дело. А дело в том, что три союзника Мартова и Дана — *по их собственным словам* — предлагали заменить ЦК частной инициативной группой, у которой никто не мог бы спросить презренного «паспорта» и у которой по

[*] См. «Голос», приложение к № 24, стр. 3.

части «ликвидации» была бы своя рука владыка. «Опровергли»!..

Одним из «гвоздей» «опровержения» Романа, Михаила и Юрия является еще рассказ о том, что представитель ЦК, приглашая их явиться «хотя бы на одно собрание» коллегии, соблазнял их тем, что он (т. е. представитель ЦК) и другие «русские большевики» полны желания «эмансипироваться от руководящего влияния ленинского кружка». Это *передаваемое тремя ликвидаторами* заявление русского большевика особенно смакует редакция «Голоса», надеясь кого-то и что-то этим оправдать. Господа «голосовцы», однако, явно запутались и сами говорят *против* себя. Ведь, помилуйте, почтенные редакторы «Голоса». *Допустим,* что большевик, являвшийся к вашим друзьям от имени ЦК, был противником того, что вы называете «ленинским кружком». *Тем хуже для вас.* Ибо ведь именно этот самый большевик и написал то письмо об отречении трех ваших друзей от партии, которое мы напечатали в № 12 ЦО. Если этот большевик не сторонник так называемого вами «ленинского кружка», тем беспристрастнее должно быть в ваших глазах его показание. *Допустим,* что приглашавшие вас цекисты были противниками «ленинского кружка»[*], — тем больше должна бы быть с вашей же точки зрения вина трех ликвидаторов, не пожелавших даже при таких благоприятных для них условиях войти в ЦК. — Что случилось с господами «голосовцами»? Они обыкновенно заметают следы... ловче. Совсем ведь вышло некругло у вас, господа! Глупее, чем даже «опровержения» столыпинского «Осведомительного бюро».

Не повезло вам с вашим «опровержением», господа «голосовцы», точно так же, как не повезло с вашими последними «склочными» листками. Вы захотели «дока-

[*] Другому из «русских большевиков» цекистов голосовцы шлют следующий упрек; он, видите ли, поставил «препятствия кооптации в ЦК голосовцев, заявив, что большевистские члены ЦК... допустят кооптацию лишь таких кандидатов, которые предварительно подпишут отречение от «ликвидаторства»». Цекист, которому шлют такой ужасный упрек голосовцы, сейчас *не может* сам ответить гг. ликвидаторам[85]. Поэтому мы скажем за него: *если* бы то, что вы сообщаете о нем, было верно, то он с партийной точки зрения был бы совершенно прав и действовал бы вполне в духе пленума.

зать слишком многое» — доказать, будто бы с.-д. все партийцы — и потому не доказали ничего. Подумайте хоть чуточку: вчера вы выпустили листок 58-ми (сколько из этих 58 лицемеров и сколько одураченных?), в котором изображаете своих противников («ленинский кружок») чудовищами из чудовищ, «бандой» и т. п. А назавтра вы же (редакция «Голоса») выпускаете листок с «программой реформ», в котором заявляете: все будет отлично, если нам (т. е. голосовцам) дадут во всех центральных учреждениях партии равенство с этими чудовищами, с людьми, совершившими ряд «преступлений» и пр., и т. п. Когда же вы действуете «для блага партии», когда стараетесь ради самих себя, господа? — в первом или во втором случае? — Об этих... благоуханных листках «Голоса», равно как и о его приложениях, в которых «все пошло в дело», вплоть до женевских отзовистов, называющих себя «идейным кружком *большевиков»,* не стоило бы упоминать, если бы они не бросали такого яркого света на всю политику голосовцев...

Старайтесь, господа «разрушители легенд», старайтесь! Одну легенду вы действительно помогаете нам разрушить: легенду о том, будто у вас осталось еще что бы то ни было общего с революционной социал-демократией.

«Социал-Демократ» № 21—22,
19 марта (1 апреля) 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ, ПЕРСПЕКТИВАХ И ЛИКВИДАТОРСТВЕ

Вопросы, указанные в заглавии, занимают по важности одно из первых, если не первое место в системе взглядов марксиста, желающего разбираться в окружающей его действительности. Период 1908—1910 годов представляет из себя, несомненно, нечто своеобразное. Социальная структура общества и власти характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах, понимая под этим, конечно, не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономического и политического развития, — те тенденции, равнодействующая которых определяет ближайшее будущее страны, те тенденции, которые определяют задачи, направление и характер деятельности всякого сознательного общественного деятеля. А этот последний вопрос, о задачах, направлении и характере деятельности, ближайшим образом связан с вопросом о ликвидаторстве.

Неудивительно поэтому, что марксисты уже в 1908 году, как только выяснилось или стало выясняться, что перед нами некоторый новый, своеобразный период русской истории, поставили на очередь дня именно вопросы о социальной структуре власти, о перспективах и ликвидаторстве, указали неразрывную связь этих вопросов, подвергли их систематическому обсуждению. Далее, они не ограничились одним обсуждением —

это было бы как раз литературщиной в плохом смысле слова, это было бы возможно только в дискуссионном кружке интеллигентов, не сознающих своей ответственности и беззаботных по части политики, — нет, они выработали точную формулировку результатов обсуждения, такую, которой бы мог руководиться не только член данного литературного кружка, не только человек, так или иначе связанный с известной интеллигентской категорией, а любой, всякий и каждый сознательный представитель класса, считающий марксизм своей идеологией. К концу 1908 года эта необходимая работа была закончена.

Каковы главные результаты этой работы, я уже говорил в № 2 нашего журнала[86]. Позволю себе привести оттуда несколько строк, чтобы сделать понятным дальнейшее изложение.

«Развитие русского государственного строя за последние три века показывает нам, что он изменял свой классовый характер в одном определенном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не похожа на чиновничьи-дворянскую монархию XVIII века. Монархия первой половины XIX века — не то, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—1910 гг. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать направлением к буржуазной монархии. В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны. Не решая старых проблем, не будучи в состоянии решить их, а следовательно, *не устраняя их,* эта новая полоса требует применения новых приемов подготовки к старому решению старых проблем» (№ 2, стр. 43). И несколькими строками ниже: «Те, кто отрицает, или не понимает... что перед нами стоят старые проблемы, что мы идем навстречу старому их решению, те покидают *на деле* почву марксизма, те оказываются *на деле* в плену у либералов (как г. Потресов, г. Левицкий и т. д.)» (стр. 44)[*].

[*] См. настоящий том, стр. 121—122. *Ред.*

Как бы кто ни относился к кругу идей, выраженному в этих положениях, но едва ли можно отрицать теснейшую связь и взаимозависимость отдельных частей в этой оценке данного периода. Возьмите, например, указ 9 ноября 1906 г. (закон 14 июня 1910 года): совершенно неоспоримо, что он имеет ярко выраженный буржуазный характер, знаменуя принципиальный поворот в той аграрной политике, которую давно вели «верхи» по отношению к общине и надельному землевладению. Но чтобы этот принципиальный поворот *уже* решил вопрос, *уже* создал новые базы капиталистического крестьянского хозяйства, *уже* устранил старые проблемы, этого до сих пор не решались утверждать даже самые беспринципные и податливые дуновениям ветра люди вроде кадетов. Связь закона 14 июня 1910 г. с системой выборов в III Думу и ее социальным составом очевидна: иначе, как союзом центральной власти с феодальными (употребим это не вполне точное, общеевропейское, выражение) помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии, нельзя было бы осуществить этого закона, провести ряд мер для его введения в жизнь. Перед нами, значит, своеобразная ступень *всей* капиталистической эволюции страны. Устраняет ли эта ступень сохранение «власти и доходов» — говоря в социологическом смысле — за землевладельцами феодального типа? Нет, не устраняет. Происшедшие изменения и в этой, как во всех других областях, не устраняют *основных* черт старого режима, старого взаимоотношения социальных сил. Отсюда понятна коренная задача сознательного общественного деятеля: учесть эти новые изменения, «использовать» их, охватить их — если можно так выразиться — и в то же время не отдаться беспомощно течению, не выбросить вон старого багажа, сохранить основное и в формах деятельности, а не только в теории, в программе, в принципах политики.

Спрашивается, как же отнеслись к этому оформленному ответу на «проклятые вопросы», к этому прямому и ясному изложению определенных взглядов те «идейные руководители», которые группируются вокруг изданий типа «Возрождения», «Жизни», «Дела Жизни»,

«Нашей Зари» и т. п., гг. Потресов и Мартов, Дан и Аксельрод, Левицкий и Мартынов? Они отнеслись именно не как политики, не как «идейные руководители», не как ответственные публицисты, а как литераторская категория, как кружок интеллигентов, как вольные стрелки вольных групп пишущей братии. Они снисходительно похихикали — в качестве людей, умеющих ценить моду и дух времени, установившиеся в либеральных салонах, — над этой устарелой, отжившей, чудаческой тягой к оформленным ответам на проклятые вопросы. К чему эта оформленность, когда можно писать где угодно, о чем угодно, что угодно, как угодно? Когда гг. Милюковы и гг. Струве дают прекрасные образчики всех выгод, удобств и преимуществ, вытекающих из уклонения от прямых ответов, точных изложений взглядов, оформленных professions de foi* и т. д.? Когда Иваны Непомнящие (и в особенности Иваны, не любящие вспоминать про былую оформленность) в самых широких кругах «общества» пользуются почетом и уважением?

Так за все три года мы и не видели со стороны всей этой литераторской компании ни малейшей попытки противопоставить *свой* оформленный ответ на «проклятые вопросы». Иносказаний и гипотез пустых было сколько угодно, а прямого ответа ни одного. Отличительной, характерной чертой рассматриваемой компании явилась любовь к *бесформенности,* т. е. именно к такому признаку, который самым определенным, самым точным и недвусмысленным образом был *тогда же,* когда давался прямой ответ на проклятые вопросы, признан составным элементом понятия *ликвидаторства.* Бесформенным образом плыть по течению, умиляться своей бесформенностью, «ставить крест» над тем, что противоположно бесформенному настоящему, это и есть одна из основных черт ликвидаторства. Оппортунисты всегда и везде пассивно отдаются течению, довольствуются ответами «от случая к случаю», от съезда (пьяного) к съезду (фабричному)[87], удовлетворяются

* — программ. *Ред.*

объединением от одного «общества» (хотя бы и самого почтенного и полезного: профессионального, потребительного, культурного, общества трезвости и т. п.) к другому обществу и т. д. Ликвидаторство есть совокупность тенденций, свойственных всякому оппортунизму вообще и проявляющихся в определенных конкретных формах в один из периодов русской истории в одном из наших социально-политических направлений.

История сохранила только два точных отзыва ликвидаторов на изложенный выше «прямой ответ» (на проклятые вопросы). Первый отзыв: прилагательное буржуазный следовало бы заменить прилагательным плутократический. — Такая замена была бы, однако, совершенно неправильна. Эпоха 1861 —1904 годов показывает нам в самых различных областях жизни рост влияния, а нередко и преобладающее влияние плутократии. В эпоху 1908—1910 гг. мы видим, *в отличие* от «плутократии», результаты того, как буржуазия, сознавая себя классом, учитывая уроки, данные предыдущим трехлетием ее классовому самосознанию, создает идеологию, принципиально враждебную и социализму (притом не общеевропейскому, не социализму вообще, а именно русскому) и демократии. Мало того. Буржуазия организована в общенациональном масштабе, т. е. именно как класс, известная часть которого постоянно представлена (и очень влиятельно представлена) в III Думе. Наконец, и в аграрной политике 1908—1910 годов есть система, проводящая определенный план буржуазного аграрного строя. Этот план «не вытанцовывается» до сих пор, это несомненно, но эта неудача есть неудача *одной* из буржуазных систем при несомненной «удаче» *плутократии* в деревне: то есть плутократия деревенская от аграрной политики 1908—1910 годов наверняка выигрывает, но тот буржуазный уклад, для которого много жертв приносится, все еще не может «уложиться». Одним словом, предложение термина «плутократический» во всех отношениях неудачно, и настолько неудачно, что сами ликвидаторы, видимо, предпочитают забыть об этом предложении.

Другой отзыв: вышеизложенный ответ неправилен-де потому, что сводится к совету «переть туда, где были раз»... неудачи[88]. Этот краткий, но энергичный отзыв ценен тем, что в рельефной форме выразил итоги всех литературных выступлений ликвидаторов, начиная с потресовского «Общественного движения» и кончая г. Левицким в «Нашей Заре». Содержание этого отзыва — чисто отрицательное; он ограничивается осуждением стремлений «переть туда», не давая никаких положительных указаний насчет того, *куда* «переть» следует. Плывите, дескать, как плывется, как «все» плывут, а обобщениями насчет того, к чему это приводит и приводить должно, заниматься не стоит.

Но как ни хотелось бы оппортунистам успокоиться от всяких обобщений, избежать «неприятных» разговоров о прямом ответе на «проклятые вопросы», а это оказывается все же невозможным. Гони природу в дверь — она влетит в окно. Ирония истории устроила так, что те самые ликвидаторы, которые любят называть себя «передовыми», чуждыми «консерватизма» людьми и которые в 1908 году презрительно морщили нос по поводу указаний на необходимость прямого ответа, оказались вынужденными — *почти полтора года спустя,* летом 1910 года, посчитаться с этими указаниями. И вынудили их к тому события в их собственном лагере. Совсем было отмахнулись от прямого ответа, затребованного в каких-то там презренных, отживших, омертвелых, никчемных, зловредных «гиблых местах», — как вдруг, полтора года спустя, возникает среди самих ликвидаторов «течение», требующее тоже прямого ответа и дерзновенно дающее прямой ответ!

В роли «дерзновенного» выступил, как и следовало ожидать, Ю. Ларин, но на этот раз уже не один. Ларин, как известно, enfant terrible* оппортунизма. Он отличается тем громадным, с точки зрения оппортунистов, недостатком, что воспринимает серьезно, искренне, вдумчиво намечающиеся у них тенденции, старается связать их в нечто целое, додумать до конца, получить

* — бестактный ребенок. *Ред.*

прямые ответы, сделать практические выводы. Те, кто знакомы с книгой Ларина о широкой рабочей партии, — книга эта вышла года 3—4 тому назад, — помнят, наверное, как он задушил в своих горячих объятиях пресловутую аксельродовскую идею рабочего съезда.

С марта 1910 года Ларин начал печатать ряд статей в «Возрождении» по вопросу именно о социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве. К нему присоединился г. Пилецкий. Оба писателя, с горячностью неофитов взявшись за эти вопросы, на которые в своем, ликвидаторском, лагере они тщетно искали прямого ответа, пошли рубить сплеча. О крепостничестве-де в современной России нечего и говорить, власть *уже* переродилась в буржуазную. «И первый и второй элементы, — говорит Ларин, выделяя пресловутый «третий элемент», — могут спать спокойно: октябрь 1905 г. не стоит на очереди» («Возрождение» № 9—10, стр. 20). «Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорей, чем послереволюционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции, просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов. Впоследствии борьба разных слоев господствующих классов между собой, после того как укоренится общественный строй буржуазных отношений, принудит их и у нас, как везде, раздвигать рамки избирательного права...» (там же, стр. 26). «Процесс приобщения России к капиталистическому миру... находит себе завершение и в политической области. Это завершение — невозможность на переживаемой нами стадии *общенационального* революционного движения, имевшего место в 1905 г.» (с. 27).

«Раз власть, таким образом» (по выводам Ларина), «вовсе не находится «почти целиком» в руках земельных феодалов, то и борьба за власть «капиталистов от земли и завода» против феодалов — не может превратиться в борьбу общенациональную против наличной власти» (№ 11, с. 9)... «Строить свои тактические линии в расчете на предстоящий «общенациональный подъем»,

значило бы обрекать себя на бесплодное ожидание» (там же, с. 11). «Сидеть между двух стульев нельзя. Если ничто не изменилось в социальном характере власти, тогда и задачи, и формы деятельности *должны* оказаться прежними, тогда остается только «бороться с ликвидаторами». Если же кто хочет идти дальше, *строить новое* в замену, в продолжение и в возвеличение развалившегося, ставшего негодным, старого, — тот пусть последовательно отдаст себе отчет в *условиях стройки»* (там же, с. 14).

Ну, разве не наивен этот Ларин? Требует, чтобы оппортунисты были «последовательны», чтобы они «не сидели между двух стульев»!

Редакция «Возрождения» растерялась. В № 9—10, заявляя о несогласии с Лариным, она пишет: «свежесть мысли» (у Ларина), *но* «статьи Ю. Ларина не убедили нас». В № 11, видимо от имени редакции, выступил против Ларина В. Миров, признавший, что в лице Ларина и Пилецкого «налицо определенное *течение,* теоретически еще мало разработанное, но говорящее очень ясным языком» (величайший недостаток, с точки зрения оппортунистов!). «Ларин затронул попутно, — писал г. Миров, — и совершенно неожиданно» (вот как! всегда этот беспокойный Ларин с «очень ясным языком» причиняет неприятности своим друзьям!) «и другой вопрос о ликвидаторстве. Нам кажется, что тесной связи между формами партийного строительства и природой русского правительства нет, и мы оставляем за собой право отдельно поговорить об этом» (с. 22, № от 7-го июля 1910 г.).

«Отдельно поговорил» от имени этого «мы» уже Л. Мартов в № 1 «Жизни» (30 августа 1910 г.), который заявил, что «может лишь присоединиться» (с. 4) к В. Мирову и к редакции против Ларина. Таким образом, последнее слово во всей этой дискуссии среди ликвидаторов было сказано Л. Мартовым.

Присмотримся же к этому последнему слову ликвидаторства.

Мартов берется за дело, как и всегда, очень бойко и очень... «ловко». Он начинает с того, что «буржуазию

у власти или властвующую буржуазию у нас начали тщательно искать немедленно после 3. VI. 1907». «3-июньский режим есть режим господства российской торгово-промышленной буржуазии. Эта схема одинаково принималась и указанной группой писателей-меньшевиков (Ларин, Пилецкий) и их антиподами, правоверными большевиками, которые в 1908 году» писали «о нарождении в России буржуазной монархии».

Ну, разве же это не перл «ловкости»? Ларин упрекает Мартова в сиденье между двух стульев, признавая прямо, без виляньи и хитростей, что надо бороться с ликвидаторами, если не перестроить заново того ответа на проклятые вопросы, который дан «правоверными».

А Мартов «ловко» кувыркается в воздухе и пытается уверить читателей (в августе 1910 года совершенно не имевших возможности выслушать другую сторону), что «эту схему» *«одинаково принимали»* и Ларин, и «правоверные»!!

Эта ловкость есть буренинская или меньшиковская ловкость[89], ибо более беззастенчивого... отступления от истины нельзя себе и представить.

«В литературных дискуссиях обыкновенно забывают, кто собственно «начал»», — пишет, между прочим, Мартов там же. Справедливо, что это бывает в *литераторских* дискуссиях, когда нет и речи о выработке точного, оформленного ответа на проклятые вопросы. Но мы имеем дело *именно* не с литераторской и *не с литературной только «дискуссией»,* как это великолепно, досконально, доподлинно и непосредственно известно Л. Мартову, вводящему читателей «Жизни» в заблуждение. Мартов прекрасно знает, каков данный и поддерживаемый «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, что именно с этим ответом и борется Ларин, называя его «окостеневшим шаблоном», «построением воздушных замков» и т. д. Мартов прекрасно знает, что *он сам* и все его единомышленники и коллеги отвергали данный «правоверными» оформленный ответ. Мартов прекрасно знает, «кто собственно начал»; кто

начал (и кончил) выработку точного ответа и кто ограничился хихиканьем и выражением несогласия, не дав и не давая *никакого* ответа.

Нельзя себе представить более возмутительной, более недобросовестной проделки, чем эта проделка Л. Мартова! Ларин своей прямотой и откровенностью больно задел дипломатов ликвидаторства, признав (хотя и через $1^{1}/_{2}$ года), что без точного ответа не обойтись. Правда глаза колет. И Л. Мартов пытается обмануть читателя, представив дело так, будто Ларин принимает «одинаковую схему» с правоверными, — хотя в действительности та и другая схема *противоположны:* из ларинской *вытекает* оправдание ликвидаторства, из «правоверной» — осуждение ликвидаторства.

Чтобы прикрыть свою проделку, Мартов выхватывает из «схемы» *одно* словечко, искажая ту связь, в которой оно стоит (прием, у Буренина и Меньшикова разработанный до совершенства). Правоверные, уверяет Мартов, писали о «нарождении в России буржуазной монархии», — Ларин пишет о том, что о крепостничестве в России нечего и говорить, что власть уже буржуазна, — *«значит»,* схемы Ларина и правоверных *«одинаковы»!!* Фокус кончен. Читатель, верящий Мартову, одурачен.

На самом же деле «схема», а вернее: ответ правоверных гласит, что старая власть в России *«делает еще шаг по пути превращения* в буржуазную монархию», причем отстаивается именно такой путь капиталистического развития, который *«сохранял бы* за землевладельцами *именно феодального типа* их власть и их доходы», — что в результате этого положения вещей *«основные* факторы экономической и политической жизни, вызвавшие» первый кризис начала XX века, *«продолжают действовать».*

Ларин говорит: власть *уже* буржуазна, поэтому о «сохранении власти» за феодалами говорят лишь сторонники «окостеневшего шаблона», поэтому «основные факторы» прежнего подъема *не* продолжают действовать, поэтому строить надо нечто новое «в замену «ставшего негодным старого»».

«Правоверные» говорят: власть делает *еще* шаг *по пути* превращения в буржуазную (не власть вообще, а) монархию, причем реальная власть остается, сохраняется в руках феодалов, так что «основные факторы» прежних тенденций, прежнего типа эволюции «продолжают действовать», и поэтому говорящие о «ставшем негодным старом» суть ликвидаторы, *на деле* плененные либералами.

Противоположность обеих схем, обоих ответов ясна. Перед нами два различных *цельных* ответа, приводящих к различным выводам.

Мартов фокусничает à la Буренин, ссылаясь на то, что в *обоих* ответах *«говорится»*-де о «нарождении буржуазной монархии». С таким же правом можно бы сослаться на то, что оба ответа признают продолжающееся капиталистическое развитие России! *На почве* общего признания (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) капиталистического развития *идет спор* о высоте, форме, условиях его. А Мартов напутывает спорное, чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии! На почве *общего* признания (всеми марксистами и всеми желающими быть марксистами) развития старой власти *по пути превращения в буржуазную монархию* идет спор о степени, форме, условиях, ходе этого превращения, а Мартов запутывает спорное (продолжают ли действовать прежние факторы? допустимо ли отречение от старых форм? и т. д.), чтобы бесспорное выдать за предмет дискуссии!

Что власть в России XIX и XX веков вообще развивается «по пути превращения в буржуазную монархию», этого не отрицает Ларин, как не отрицал этого до сих пор *ни один* вменяемый человек, желающий быть марксистом. Предложение заменить прилагательное буржуазный словом плутократический неверно оценивает *степень* превращения, но *принципиально* не решается оспаривать, что действительный «путь», путь реальной эволюции *состоит* именно в этом превращении. Пусть попробует он утверждать, что монархия 1861—1904 годов (т. е., несомненно, менее капиталистическая по сравнению с современной) *не* представляет по сравне-

нию с эпохой николаевской, крепостной *одного* из шагов «по пути превращения в буржуазную монархию»!

Мартов не только не пробует утверждать этого, а, напротив, «присоединяется» к В. Мирову, который, возражая Ларину, ссылается именно на буржуазный характер виттевских реформ, а также реформ 60-х годов[90]!

Пусть судит теперь читатель о «ловкости» Мирова и Мартова. Сначала они повторяют против Ларина те доводы, которые *полтора года* тому назад приведены были «правоверными» против ближайших друзей, единомышленников и коллег Мартова и Мирова, — а потом они уверяют читателя, что «схемы» Ларина и «правоверных» одинаковы.

Это не только образец литературщины против политики (ибо политика требует оформленных прямых ответов, а литераторы часто ограничиваются говорением кругом да около), это образец принижения литературы до буренинщины.

Приведя цитированные выше слова Ларина о том, что «если ничего не изменилось и т. д., то остается только бороться с ликвидаторами», Мартов отвечает ему:

«Мы до сих пор думали, что наши задачи определяются социальной структурой общества, в котором мы действуем, а формы нашей деятельности определяются, во-1-х, этими задачами, а во-2-х, *политическими условиями.* Социальная природа власти поэтому *непосредственного* (курсив Мартова) отношения к определению наших задач и форм деятельности не имеет».

Это не ответ, а пустая уклончивая фраза. Мартов опять пытается запутать вопрос, перенести спор не туда, где он ведется. Вопрос не в том, *непосредственно* или *посредственно* связана социальная природа власти с задачами и формами деятельности. Пусть эта связь *посредственная,* — дело от этого нисколько не меняется, раз признается тесная и неразрывная связь. А Мартов не решается *ни слова* сказать против признания тесной и неразрывной связи. Его ссылка на «политические условия» есть бросание песку в глаза

читателю. Противополагать «социальную природу власти» «политическим условиям» так же бессмысленно, как если бы я противопоставил изготовляемые людьми калоши мокроступам. Мокроступы, это и есть калоши. А иных калош, кроме изготовляемых людьми, не бывает. Природа власти, это и есть политические условия, А иной природы власти, кроме социальной, не бывает.

В итоге мы получаем то, что Мартов «поговорил» кругом да около и уклонился от ответа Ларину. А уклонился он потому, что ответить ему нечего. Ларин вполне прав в том, что взгляд на «социальный характер власти» (на экономическую природу ее, если говорить точнее) связан тесно и неразрывно со взглядами на «задачи и формы деятельности». И у Ларина, и у «правоверных» эта связь сознана и проведена. У Мартова (и его домочадцев) связи во взглядах нет. Поэтому Мартов вынужден увертываться и отделываться «мокроступами».

Слушайте дальше:

«Более или менее ясно у этих меньшевиков (Мартов ссылается, в виде *примера,* на Когана, «Образование» 1907 г.) мелькала мысль о постепенном, так сказать, органическом «врастании» рабочего класса в ту «законную страну»*, которая получила начатки конституционного режима: о постепенном распространении третьеиюньских привилегий буржуазии» (а не «плутократии»? а?) «на широкие круги демократии. Если б таковою была действительная принципиальная основа современного «ликвидаторства» в кавычках или современного «легализма», то мы бы имели перед собою действительную ликвидацию наших традиций, действительный легализм, возведенный в принцип, принципиальный разрыв со всем нашим прошлым. С таким ликвидаторством мы должны были бы вести серьезную борьбу... Неужто суждено нам увидеть реформистов, *вползающих* в режим обновленной толмачевщины?» И к этому месту примечание Мартова: «Ларина я в реформистских тенденциях, разумеется (!!), не подозреваю».

---

* Может быть, не всем читателям понятен этот галлицизм, представляющийся мне крайне неудачным. «Законная страна», это — буквальный перевод французского выражения pays légal, под которым разумеются те классы или группы, слои населения, которые имеют представительство в парламенте и пользуются в отличие от массы народа конституционными привилегиями. Между прочим, характерно для оценки шатаний Мартова. Он не хочет признать, что Россия 1908—1910 гг. сделала «еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию». Но он признает, что «буржуазия» (а не «плутократия») «получила» 3.VI.1907 «начатки конституционного режима». Пойми, кто может!

Эта длинная выписка была нам необходима, чтобы показать читателю «манеру» Мартова со всей наглядностью. Он признает, что у Когана (меньшевика, систематически сотрудничающего в ответственных «трудах» вместе с Мартовым) «более или менее ясно мелькает» реформизм. Он признает, что *если бы* реформизм был принципиальной основой ликвидаторства, то это был бы «разрыв с прошлым». Он бросает звонкую, кричащую, эффектную фразу против «реформистов, вползающих» и т. д. И он заканчивает,.. чем бы вы думали? — уверением, что Ларина он, *разумеется,* «не подозревает» в реформистских «тенденциях»!!

Ведь это точь-в-точь речь Эдуарда Бернштейна, Жана Жореса или Рамсея Макдональда. Они все «признают», что у некоторых «крайних» «мелькает»... нечто нехорошее, реформизм, либерализм. Они все признают, что *если бы* либерализм был «принципиальной основой» *их* политики, то это был бы «разрыв с прошлым». Они все бросают звонкие, кричащие, эффектные фразы против «либералов, пресмыкающихся» и т. д. И они все заканчивают... уверениями, что у Лариных,.. виноват, у их более откровенных, более «правых» товарищей, единомышленников, друзей, коллег, сотрудников, они «не подозревают» либерально-буржуазных тенденций.

В том-то и гвоздь, что Ларин дал в цитированных статьях изложение «системы» взглядов самого несомненного, самого доподлинного реформизма! Отрицать это — значит идти против очевидности, значит отнимать всякий смысл у понятия реформизма. А если вы будете «опровергать» Ларина, «осуждать» «принципиальный» реформизм, бросать звонкие фразы против «вползающих», и тут же рядом, невступно, уверять, что Ларина вы «не подозреваете» в реформизме, так ведь этим вы вполне разоблачаете себя. Ведь этим вы вполне доказываете, что для вас ссылка на «принципиальную» вашу вражду к «принципиальному реформизму» есть та божба, которой торгаш сопровождает свои уверения: «верьте, как на духу скажу, себе дороже».

Верьте, как на духу скажу: принципиальный реформизм я осуждаю, *но* Ларина в реформизме не «подозреваю» (отвратительный народ, в самом деле, эти *подозрительные* правоверы!) и с Лариным вполне схожусь в ликвидаторской практике.

Такова «развернутая формула» современного российского оппортунизма.

Вот вам применение этой формулы *самим* Мартовым, которого наивные (или непонимающие глубины *новой* перегруппировки) люди до сих пор считают «несомненным» неликвидатором:

«Тактика, которая намечается в деятельности так называемых «ликвидаторов», — пишет на стр. 9—10 Мартов, — есть «тактика, ставящая в центре открытое рабочее движение, стремящаяся к его расширению во всех возможных направлениях и ищущая *внутри* (курсив Мартова) этого открытого рабочего движения — и только там» — (заметьте: и только там!) — «элементов для возрождения партийного бытия».

Это говорит Л. Мартов. А это и есть реформизм, *вползающий* в режим обновленной толмачевщины. Курсив: «вползающий» я заимствовал у того же Мартова, ибо важно то, что он, Мартов, в цитированных сейчас словах *на деле* проповедует *именно* вползание. Сколько бы вы ни поставили рядом с такой проповедью клятв и зареканий против «принципиального реформизма», *дело* от этого не изменяется. На деле, сказав: «и только там», сказав: «в центре», Мартов именно реформистскую линию (в особой обстановке России 1908—1910 годов) ведет, а божбе, обещаниям, заверениям, клятвам пусть верят политические младенцы.

«... Споры Маркса с Виллихом-Шаппером в начале 1850-х годов вертелись как раз (!!) около вопроса о значении тайных обществ и о возможности *из них* руководить политической борьбой... Бланкисты (во Франции 60-х гг.) «готовились» к этим событиям (к краху бонапартизма), устраивая тайные общества и закупоривая в них одиночек рабочих; французская же секция марксистов... шла в рабочие организации, основывала их, «боролась за легальность» всеми средствами...»

Как раз не из той оперы ни тот, ни другой пример. Между Марксом и Виллихом в 50-х годах, между блан-

кистами[91] и марксистами в 60-х годах спор шел *вовсе не о том,* следует ли «только» в «мирных, терпимых» (Мартов, с. 10, № 1 «Жизни») организациях искать «элементов для возрождения партийного бытия». Мартов это прекрасно знает и напрасно пытается ввести читателей в заблуждение. Оба *эти* спора велись *не* о «возрождении» рабочей партии, ибо нельзя было тогда и спорить о возрождении того, чего *до тех* пор не было вовсе. Оба спора велись именно о том, нужна ли вообще *рабочая* партия, опирающаяся на *рабочее* движение, *классовая* партия. Именно это отрицали и Виллих, и бланкисты 60-х годов, как прекрасно знает Мартов, напрасно пытающийся разговорами о том, что теперь бесспорно, *заслонить* то, что *теперь* спорно. *Не только* в 50-х и в 60-х годах Маркс не стоял *никогда* на той точке зрения, чтобы *«только»* в мирных и терпимых организациях искать элементов для возрождения или для рождения партийного бытия, а *даже в конце 70-х годов,* на неизмеримо более высокой ступени развития капитализма и развития буржуазной монархии, Маркс и Энгельс подняли *беспощадную* войну против немецких оппортунистов, ликвидировавших недавнее прошлое немецкого «партийного бытия», оплакивавших «крайности», говоривших о «более цивилизованных» формах движения («европеизации», на языке современных русских ликвидаторов), защищавших ту мысль, что *«только»* в «мирных и терпимых» организациях следует «искать элементов возрождения» и т. д.

«Резюмирую, — пишет Мартов. — Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом и что русский рабочий класс созрел для того, чтоб, подобно рабочим передовых стран Запада, ухватить этот режим за Ахиллесову пяту этих противоречий».

Этих слов Мартова («вполне достаточно») — *вполне достаточно,* чтобы и нам сделать свое резюме. «Вполне достаточным» находит Мартов то, что признают и кадеты, и часть октябристов. Именно *«Речь»* поставила

в январе 1911 года вопрос так, как в августе 1910 и предлагал его ставить Мартов: противоречивое-де сочетание конституционализма с антиконституциональностью; два лагеря — за конституцию и против нее. Для Мартова «вполне достаточно» то, что *вполне достаточно* для *«Речи».* Марксизма тут нет и *грана.* Марксизм тут весь выветрился и заменился либерализмом. Для марксиста *ни в каком случае не* «достаточно» того, что у нас есть «противоречивое сочетание». Марксизм начинается лишь там, где начинается сознание, понимание того, что эта истина недостаточна, что она заключает в себе ложку правды и бочку неправды, что она затушевывает глубину противоречий, прикрашивает действительность, отрицает единственно возможные средства выхода из положения.

«Противоречивое сочетание» старого режима с конституционализмом есть не только в современной России, но и в современной Германии и даже в современной Англии (палата лордов; независимость короны от народных представителей в делах внешней политики и т. д.). Спрашивается, какую позицию *реально* (т. е. независимо от добрых пожеланий и благонамеренных речей) занимает тот политик, который заявляет, что для русского «вполне достаточно» признать то, что верно и по отношению к Германии и по отношению к Англии? Такой политик *реально* занимает позицию *либерала,* кадета. Даже сколько-нибудь последовательный буржуазный демократ не может стоять и не стоит у нас на такой позиции. *Последнее слово* Мартова, его заключительная, резюмирующая всю дискуссию у ликвидаторов *формула* дает замечательно точное, поразительно ясное, исчерпывающе полное выражение *либеральных* взглядов, провозимых под якобы марксистским флагом.

Когда либералы — и не только кадеты, но также и часть октябристов — говорят: *вполне достаточно* для теоретического обоснования и политического оправдания нашей деятельности признать внутренне противоречивое сочетание старого режима с конституционализмом, то либералы остаются вполне верны себе. Они дают в этих словах действительно точную либеральную

формулу, формулу либеральной политики 1908—1910 (если не 1906—1910) годов. Марксист же лишь тогда и постольку обнаруживает свой марксизм, когда разъясняет *недостаточность и лживость* этой формулы, устраняющей то специфическое, что отличает принципиально, коренным образом «противоречия» русские от английских и германских. «Вполне достаточно принять, что конституционализму очень многое у нас противоречит», говорит либерал. «Совершенно недостаточно такое признание, отвечает марксист. Необходимо сознать, что нет налицо элементарной, основной, кардинальной, существенной, необходимой базы *для* «конституционализма» *вообще.* Коренная ошибка либерализма состоит как раз в признании того, что эта база есть, тогда как ее нет, и эта ошибка объясняет бессилие либерализма и объясняется бессилием буржуазного прекраснодушия».

Переводя эту политическую антиномию на язык экономический, можно формулировать ее так. Либерал полагает, что путь экономического (капиталистического) развития уже дан, определен, закончен, что речь идет об очистке помех, противоречий с *этого* пути. Марксист полагает, что этот данный путь капиталистического развития не выводит до сих пор из тупика, *несмотря* на такие несомненные буржуазные прогрессы экономической эволюции, как 9-ое ноября 1906 г. (или 14. VI. 1910), как III Дума и пр., и что есть *иной* путь *тоже* капиталистического развития, путь, способный вывести на столбовую дорогу, путь, на который надо указывать, который надо разъяснять, подготовлять, отстаивать, проводить в жизнь, несмотря на все колебания, на все маловерие и малодушие либерализма.

Мартов полемизирует с Лариным так, как будто бы он был гораздо «левее» Ларина. И многие наивные люди дают себя обмануть, говоря: конечно, Потресов, Левицкий, Ларин ликвидаторы, конечно, они крайние правые, ну, вроде наших Руане, но Мартов, Мартов-то не ликвидатор! А на деле эффектные фразы Мартова против Ларина, против вползающих реформаторов есть лишь отвод глаз, ибо в своем *выводе,* в своем

последнем слове, в своем резюме Мартов *как раз* подкрепляет Ларина. Мартов нисколько не «левее» Ларина, он только дипломатичнее, беспринципнее, чем Ларин, хитрее прячется за пестрыми лоскутками якобы «марксистских» словечек. Вывод Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивое сочетание — есть именно то *подтверждение* ликвидаторства (и либерализма), которое Ларину требуется. Но Ларин хочет этот вывод оправдать, доказать, додумать до конца, сделать принципиальным. И Мартов говорит Ларину, как Фольмар, Ауэр и другие «старые воробьи» оппортунизма говорили молодому оппортунисту Эдуарду Бернштейну: «Милый Ларин... то-бишь: милый Эдя (уменьшительное от Эдуард), ты — осел! Это надо делать, но об этом нельзя говорить». «Милый Ларин, для нас с вами «вполне достаточно» ликвидаторской практики, «вполне достаточно» либерального признания противоречивости старого режима с конституционализмом, но — ради бога — не идите дальше, не «углубляйте», не ищите принципиальной ясности и цельности, не стройте оценки «текущего момента», *ибо это нас с вами разоблачает.* Будем делать, но не будем говорить».

Мартов учит Ларина быть оппортунистом.

Нельзя сидеть между двух стульев, говорит Ларин Мартову, требуя принципиального объяснения и оправдания дорогого им обоим ликвидаторства.

— Ну, какой же вы после этого оппортунист, отвечает Мартов, если вы не умеете сидеть между двух стульев? Какой же вы после этого оппортунист, если вы добиваетесь точного, прямого и ясного принципиального оправдания практики? Настоящий оппортунист должен именно сидеть между двух стульев, должен именно защищать «тактику-процесс» (вспомните Мартынова и Кричевского эпохи 1901 года), должен плыть по течению, заметая следы, обходя всякую принципиальность. Умеет же теперь Бернштейн (после уроков Фольмара, Ауэра и т. д.) быть ревизионистом, *не предлагая* никаких изменений *правоверной* эрфуртской profession de foi[92]. И мы с вами должны уметь быть ликвидаторами, *не предлагая* никаких изменений

правоверного формального ответа (1908 года) на «проклятые вопросы» текущего момента[93]. Чтобы быть настоящим оппортунистом, дорогой и милый Ларин, надо на деле, в своей практике, в характере своей работы *вползать,* а на словах, перед публикой, в речах, в печати не только не искать теорий, оправдывающих *вползание,* а, напротив, погромче кричать против вползающих, поусерднее божиться и клясться, что мы не вползающие.

Ларин замолчал. В глубине души он не мог, вероятно, не признать, что Мартов дипломат более искусный, оппортунист более тонкий.

Еще с одной стороны следует подойти к заключительной формуле Мартова: «вполне достаточно» признать противоречивость сочетания старого режима с конституционализмом. Сравните эту формулу с *знаменитой* формулой В. Левицкого: *«Не* гегемония, *а* классовая партия» («Наша Заря» № 7). В этой формуле Левицкий (— Ларин «Нашей Зари») только прямее, откровеннее, принципиальнее выразил то, что запутал, затушевал, задрапировал вычурными словами Потресов, *подчищая* и переделывая свою статью *против* гегемонии под влиянием ультиматумов Плеханова.

Формула Мартова и формула Левицкого — две стороны одной медали. Разъяснение этого обстоятельства для Мартова, который делает вид, что не понимает связи идеи гегемонии с вопросом о ликвидаторстве, составит предмет следующей статьи.

P. S. Настоящая статья была уже сдана в набор, когда мы получили № 2 «Дела Жизни» с окончанием статьи Ю. Ларина: «Направо — и кругом». Реформизм, в котором Л. Мартов, «разумеется, не подозревает» Ю. Ларина, с прежней ясностью излагается Лариным в новом ликвидаторском журнале. Ограничимся пока приведением *сути* реформистской программы:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, него ждать от завтрашнего дня, какие задачи

себе поставить, — вот что означает неопределенно-выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесплодное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях жизни; для собирания и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельностью; для воспитания и накопления таким путем социалистического сознания вообще; для уменья ориентироваться (разбираться) — и постоять за себя! — в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически-неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении — в частности» (стр. 18).

Эта тирада точно выражает весь дух и весь смысл ларинской «программы» и *всех* ликвидаторских писаний «Нашей Зари», «Возрождения», «Дела Жизни» и проч., вплоть до разобранного нами «вполне достаточно» Л. Мартова. Эта тирада — чистейший и полнейший реформизм. Мы не можем теперь остановиться на этой тираде; мы не можем здесь разбирать ее так подробно, как она того заслуживает. Ограничимся поэтому кратким замечанием. Левые кадеты, беспартийные социалисты, мелкобуржуазные демократы (вроде «энесов»[94]) и реформисты из числа людей, желающих быть марксистами, проповедуют рабочим программу: собирайте свои силы, воспитывайтесь, обучайтесь, защищайте свои интересы *просто-таки,* чтобы постоять за себя при предстоящем конституционном обновлении. Подобная программа столь же урезывает, суживает, кастрирует политические задачи рабочего класса в 1908— 1911 гг., как «экономисты» кастрировали эти задачи в 1896—1901 гг. Старые «экономисты», обманывая себя, и других, любили ссылаться на Бельгию (преобладание реформизма у бельгийцев недавно выяснили превосходные работы де-Мана и Брукера; к этим работам мы вернемся); ново-экономисты, т. е. ликвидаторы, любят ссылаться на мирное получение конституции Австрией в 1867 году. И старые «экономисты» и наши ликвидаторы выбирают такие примеры, случаи, эпи-

зоды из истории рабочего движения и демократии в Европе, когда рабочие бывали в силу тех или иных причин слабы, бессознательны, зависимы от буржуазии, — и подобные примеры выставляют как образец для России. И «экономисты», и ликвидаторы — проводники буржуазного влияния на пролетариат.

«Мысль» № 4, март 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
журнала «Мысль»

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В № 2 «Нашей Зари» г. Б. Богданов в статье: «Итоги ремесленного съезда» формулирует свои выводы следующим образом:

«Стремление порвать со старым подпольем и войти в полосу действительно открытой общественной и политической деятельности — вот то новое, что характеризует и новейшую полосу нашего рабочего движения» (с. 73). «В момент обострения общественной жизни, накануне дополнительных выборов в Москве, общих выборов в IV Гос. думу, особенно остро чувствуется отсутствие влияния политически-организованной части пролетариата. Вся работа, за последние годы проделанная организованными рабочими, идет по пути возрождения этой самостоятельной политической силы. И сознательно или невольно — но все участники этого движения становятся агентами возрождающейся партии пролетариата. И задача организованной его части не столько форсировать это движение, не столько преждевременно оформлять его и фиксировать, сколько действовать в направлении развития этого движения, придавать ему возможно больший размах, вовлекая в него возможно более широкие массы и энергично порывая с бездельем подполья, с его одурманивающей обстановкой» (с. 74—75).

До сих пор подобные вопли об «одурманивающей» обстановке и подобные истерические крики и призывы «порвать» с ней мы встречали только в газетах типа «Нового Времени» да разве еще в писаниях озлобленных ренегатов либерализма вроде г. Струве и К^{0}. До сих пор сколько-нибудь порядочная, честная политическая пресса считала за правило: не нападать с известных подмостков на то, чего нельзя защищать на тех же

подмостках. Компания ликвидаторов, к которой принадлежат гг. Б. Богданов, Левицкий, Потресов и т. д., вот уже второй год успешно «преодолевает» этот устарелый демократический предрассудок, систематически избирая для своих призывов «энергично порвать» и т. д. именно такие и только такие подмостки, на которых ликвидаторам обеспечена по данному вопросу монополия. Нам остается только регистрировать эту «забронированную» войну с «одурманивающей обстановкой» и выставлять воителей — к позорному столбу.

Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы совершают подтасовку, когда указывают на стремление рабочих выступать открыто и делают *свой* вывод о стремлении *рабочих* порвать с «одурманивающей обстановкой». Подтасовка рассчитана на то, что рассказать факты, известные этим гг. Б. Богдановым и свидетельствующие о *негодовании* выступающих открыто на разных съездах рабочих *против* предлагающих «порвать» *интеллигентов,* мы, противники ликвидаторства, не можем. Рабочие в начале 1911 года так же энергично стремятся — к великой чести их будь сказано — к открытой политической деятельности, как стремились они к ней, например, в начале 1905 года, но ни тогда, ни теперь *рабочие* против «одурманивающей обстановки» не восставали, «порвать» с ней не хотели и не хотят. О стремлении «энергично порвать» правильно будет говорить лишь как о стремлении ренегатствующих интеллигентов.

В самом деле, пусть читатель вдумается хорошенько в следующий факт. Группа литераторов усиленно говорит — особенно с января 1910 года — о *«стремлении порвать со старым»* и *«войти в полосу действительно открытой политической деятельности».* Эта группа выпустила за указанное только время свыше 20-ти номеров *своих* журналов («Наша Заря», «Возрождение», «Жизнь», «Дело Жизни»), не говоря об отдельных книгах, брошюрах и статьях в журналах и газетах, не имеющих специфически ликвидаторского характера. Спрашивается, как же это могло случиться, что литераторы, столь энергично работавшие на публицистическом поприще и столь убежденно говорящие о необходимости

«энергично порвать со старым» и «войти в полосу действительно открытой политической деятельности», до сих пор *сами,* в составе *своей группы,* не решились, не имели смелости «энергично порвать» со «старым» и «войти в полосу действительно открытой политической деятельности», с программой, платформой, тактикой, «энергично разрывающими» с «одурманивающей обстановкой»??

Что это за комедия? Что это за лицемерие? Говорить о «возрождении политической силы», громить при этом «одурманивающую обстановку», требовать *разрыва* со старым, проповедовать «действительно открытую политическую деятельность» — и в то же время *никакой* программой, *никакой* платформой, *никакой* тактикой, *никакой* организацией этого старого не заменять! Отчего у наших, желающих быть марксистами, легалистов нет даже такой политической честности, как у гг. Пешехоновых и прочих публицистов «Русского Богатства»[95], которые еще гораздо раньше (с 1905— 1906 г.) заговорили на тему об одурманивающей обстановке и о необходимости «войти в полосу действительно открытой политической деятельности» и которые *делали так, как говорили,* действительно «энергично порывали со старым», действительно выступали с «открытой» программой, платформой, тактикой, организацией?

Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости. Гг. Пешехоновы и К^0 сильны среди народников и потому выступают действительно «открыто». Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы и К^0 слабы среди марксистов, встречают на каждом шагу отпор со стороны сознательных рабочих, и потому они лицемерят, прячутся, не смеют *выступить открыто* с программой и тактикой «действительно открытой политической деятельности».

Гг. Пешехоновы и К^0 настолько сильны среди народников, что они везут свой товар под своим собственным флагом. Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы, Мартовы настолько слабы среди марксистов, что они вынуждены провозить свой товар под чужим флагом. В интеллигентском журнальчике («Наша Заря») они храбрятся

и покрикивают: «иерархии» нет, «энергично порвать со старым», «войти в полосу действительно открытой политической деятельности». А перед рабочими наш ликвидатор поступает по пословице: «на молодца сам — овца».

Перед рабочими наши герои, восторженно поклоняющиеся «открытой политической деятельности», действуют как раз *не открыто,* не предлагая *никакой* открытой программы, тактики, организации. Отсюда — мудрая дипломатия подводящего «итоги» ремесленному съезду г. Б. Богданова, который советует «не форсировать» движения к действительно открытой политической деятельности, не «оформлять его преждевременно». Похоже на то, что г. Б. Богданов пробовал *оформлять* перед рабочими свои ликвидаторские планы, да ожегся. Ренегатствующий интеллигент встретил отпор среди рабочих, которые и в своих ошибках поступают более прямо, требуют прямого ответа («порвать со старым? выступайте же открыто и честно с вашим новым!»). И г. Б. Богданов, как крыловская лиса, утешает себя: зелен виноград! не надо преждевременно оформлять — со старым порвать, но порвать так, чтобы среди рабочих махать флагом этого старого, — с новым не спешить.

Вы скажете: это значит сидеть между двух стульев. Но в этом как раз и состоит сущность всякого оппортунизма. В этом как раз и проявляется натура современного буржуазного интеллигента, *играющего* в марксизм. Г-н Струве играл в марксизм в 1894—1898 годах. Гг. Б. Богдановы, Левицкие, Потресовы играют в марксизм в 1908—1911 годах. «Экономисты» того времени и ликвидаторы наших дней — проводники одного и того же буржуазного влияния на пролетариат.

«Мысль» № 4, март 1911 г.

Печатается по тексту журнала «Мысль»

КАДЕТЫ И ОКТЯБРИСТЫ

Пресловутый «министерский кризис» и выбор нового председателя Государственной думы[96] дал еще и еще раз материал по вопросу о социальной природе и политическом значении кадетской и октябристской партий. Русская, с позволения сказать, либеральная буржуазия обрисовала себя в сотый и тысячный раз. Из ежедневных газет и из предыдущего номера «Звезды» читатель знает уже, какова эта обрисовка. Подведение некоторых итогов будет, однако, не лишним, ввиду того, что наиболее распространенная у нас кадетская пресса охотно «громит» октябристов, но неохотно останавливается на *итогах* своего собственного поведения.

Припомним поведение партии «народной свободы» во время выборов нового председателя Государственной думы. 21-го марта «Речь» спешит сообщить: «Фракция народной свободы постановила голосовать за М. Алексеенко, если его кандидатура будет выставлена на пост председателя Государственной думы. Если же будет выдвинута кандидатура Родзянко, то фракция будет голосовать против него». Конституционные «демократы» предлагают свои услуги «левым» октябристам. Мало того. Передовица «Речи» того же числа провозглашает Алексеенку «всеми уважаемым» и старается встать на точку зрения *всей* Государственной думы: если-де правые поддержат кандидатуру большинства октябристов (т. е. кандидатуру Алексеенки), то, быть может,

Государственная дума «вернется к тому единодушию», с которым встретили вначале кандидатуру Хомякова. «Это единодушие показало бы, что *вся* Дума в целом понимает исключительную важность момента».

Так писала «Речь». «Вся Дума в целом», не более и не менее. Почаще надо бы вспоминать это при выборах в IV Думу!

Кадеты прекрасно знают, что правые принципиально отстаивают бесправие Думы, что националисты оправдывают и защищают Столыпина и нарушение 87-й статьи. И все же, ради одного голосования за Алексеенку, кадеты готовы забыть все и объявить единодушной *«всю* Думу в целом», хотя они также прекрасно знают, что рабочие депутаты *ни в каком случае* «единодушием» III Думы подкупить себя не дадут, как не дали и при выборе Хомякова.

Дело ясное: рабочие депутаты и трудовики для кадетов не в счет. Без них, но с правыми, с Марковым 2-м и Пуришкевичем, III Дума есть «*вся* Дума в целом». *Так выходит у «Речи».* И такое рассуждение ее правильно проводит грань, которую столь часто и столь многие понимали превратно: это — грань между феодалами и буржуазией (даже самой «либеральной», т. е. кадетской) с одной стороны, и крестьянами и рабочими, т. е. демократией, с другой. Без демократии, но с правыми мы — «вся Дума в целом», говорят кадеты. Это значит, что, претендуя на звание демократов, кадеты обманывают народ. Это значит, что для кадетов феодалы и буржуазия суть «мы», а все дальнейшее не считается.

Маленький вопрос о выборе нового председателя Государственной думы еще и еще раз напомнил очень немаловажную истину, что кадеты *не* демократы, а либерально-умеренные буржуа, вожделеющие «единодушия» «всей» палаты зубров и октябристов. *Конкуренция* с октябристами — вот характер кадетской «борьбы» с ними. Кадеты борются с октябристами, это несомненно. Но они борются с ними не как представители класса, не как представители более широких слоев населения, не ради смещения той старой власти, к которой

приспособляются октябристы, а как их *конкуренты,* желающие приспособиться к *той же* власти, служить интересам *того же* класса, оберегать от требовательности более широких слоев населения (демократии вообще и пролетарской демократии в особенности). Несколько иначе приспособиться к той же власти — вот чего добиваются кадеты, вот в чем сущность их политики, политики либеральных буржуа. И эта конкуренция с октябристами, борьба за *их* место придает особую «остроту» кадетской борьбе. Этим объясняется *особая вражда* правых и октябристов к кадетам, вражда особого рода: «те» (демократы) уничтожат, «эти» (кадеты) отодвинут с первого на второе место; первая перспектива вызывает принципиально непримиримую войну не на живот, а на смерть; вторая перспектива вызывает *местническую* борьбу, состязание в интригах, соревнование в приемах уловления того же, землевладельческо-буржуазного, большинства или снискания доверия той же старой власти.

Картина III Думы в день выборов нового председателя наглядно показала эту разницу.

Кадетский регистратор событий «в парламентских кругах» продолжает восхвалять в «Речи» 23-го марта Алексеенку: «человек вполне независимый» (это — октябрист-то, смаковавший третье июня!) «и с большим чувством собственного достоинства» и т. д., и т. д.

Вот какова кадетская мерка строгой законности: не опротестовывать третьего июня и протестовать против 14-го марта. Это напоминает американскую поговорку: если вы украдете кусок хлеба, вас посадят в тюрьму, а если вы украдете железную дорогу, вас назначат сенатором.

Г-н Литовцев, ведущий в «Речи» отдел «В парламентских кругах», писал 23-го марта, что для левых октябристов и кадетов «добрая половина дня прошла в тревоге: а вдруг возьмет да согласится» (Родзянко, делавший вид, что он отказывается).

Как же тут не быть *острой* борьбе кадетов с их противниками, когда вопрос вертится в такой близкой, непосредственно ощутимой для *всей* III Думы

плоскости: «а вдруг Родзянко возьмет да согласится»!

Родзянко взял да согласился. Картина выборов получилась такая, что правые и националисты смеялись весело, хлопали восторженно. «Левые» октябристы и *кадеты* молчали упорно, систематически молчали: они проиграли состязание на том поприще, на которое сами встали; они не могли радоваться; они *должны были* молчать. Кадеты «в виде протеста» голоснули за националиста Волконского. Демократы и только демократы заявили громко, прямо и ясно, что они в выборах нового председателя III Думы не участвуют, что они *никакой* ответственности за «всю совокупную деятельность III Думы» (слова Войлошникова) не несут.

В день выборов, в 86-м заседании Думы, на состязании конкурентов *говорили* только глава III Думы, Родзянко, и Булат с Войлошниковым. Остальные молчали.

Войлошников справедливо указал, от имени всех своих коллег по фракции, что кадеты «по особенностям своей политической позиции всегда возлагали всю надежду на внутридумские комбинации», и посмеялся над ними, как над легковерными либералами.

Политическая позиция кадетов и ее особенности зависят от классовой природы этой партии. Это — антидемократическая либерально-буржуазная партия. Поэтому они и «возлагают всегда всю свою надежду на внутридумские комбинации». Это верно в двояком смысле: во-первых, в смысле противоположения внутридумского внедумскому, во-вторых, в смысле «комбинации» тех социальных элементов, тех классов, которые «всю» III Думу представляют.

Только рабочие депутаты и трудовики по поводу выборов Родзянко, ознаменовавших победу националистов, выступили с заявлениями, рассчитанными *не* на «внутридумские» комбинации, с заявлениями, характеризующими отношение демократии вообще и пролетарской демократии в особенности, ко *всей* третьей Думе,

к 3-му июня, к октябристам и к кадетам вместе. Это заявление — хорошее напутствие Родзянке и всему «его» большинству, хорошее предостережение «ответственной», перед третьей Думой и перед третьеиюньцами ответственной, либеральной «оппозиции» со стороны политических партий, «ответственных» перед кое-кем другим.

«Звезда» № 16, 2 апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ПАМЯТИ КОММУНЫ

Сорок лет прошло со времени провозглашения Парижской Коммуны. По установившемуся обычаю французский пролетариат митингами и демонстрациями почтил память деятелей революции 18 марта 1871 года; а в конце мая он снова понесет венки на могилы расстрелянных коммунаров, жертв страшной «майской недели», и на их могилах снова поклянется бороться, не покладая рук, вплоть до полного торжества их идей, до полного исполнения завещанного ими дела.

Почему же пролетариат, не только французский, но и всего мира, чтит в деятелях Парижской Коммуны своих предшественников? И в чем заключается наследство Коммуны?

Коммуна возникла стихийно, ее никто сознательно и планомерно не подготовлял. Неудачная война с Германией, мучения во время осады, безработица среди пролетариата и разорение среди мелкой буржуазии; негодование массы против высших классов и против начальства, проявившего полную неспособность, смутное брожение в среде рабочего класса, недовольного своим положением и стремившегося к иному социальному укладу; реакционный состав Национального собрания, заставлявший опасаться за судьбу республики, — все это и многое другое соединилось для того, чтобы толкнуть парижское население к революции 18 марта, неожиданно передавшей власть в руки национальной

гвардии, в руки рабочего класса и примкнувшей к нему мелкой буржуазии.

Это было невиданным в истории событием. До тех пор власть обыкновенно находилась в руках помещиков и капиталистов, т. е. их доверенных лиц, составлявших так называемое правительство. После же революции 18 марта, когда правительство г. Тьера бежало из Парижа со своими войсками, полицией и чиновниками, — народ остался господином положения, и власть перешла к пролетариату. Но в современном обществе пролетариат, порабощенный капиталом экономически, не может господствовать политически, не разбивши своих цепей, которые приковывают его к капиталу. И вот почему движение Коммуны должно было неизбежно получить социалистическую окраску, т. е. начать стремиться к ниспровержению господства буржуазии, господства капитала, к разрушению самых *основ* современного общественного строя.

Вначале это движение было крайне смешанным и неопределенным. К нему примкнули и патриоты, надеявшиеся, что Коммуна возобновит войну с немцами и доведет ее до благополучного конца. Его поддержали и мелкие лавочники, которым грозило разорение, если не будет отсрочен платеж по векселям и уплата за квартиру (этой отсрочки правительство не хотело им дать, но зато дала Коммуна). Наконец, первое время ему отчасти сочувствовали и буржуазные республиканцы, опасавшиеся, что реакционное Национальное собрание («деревенщина», дикие помещики) восстановит монархию. Но главную роль в этом движении играли, конечно, рабочие (особенно парижские ремесленники), среди которых в последние годы Второй империи велась деятельная социалистическая пропаганда и многие из которых принадлежали даже к Интернационалу[97].

Только рабочие остались до конца верны Коммуне« Буржуазные республиканцы и мелкие буржуа скоро отстали от нее: одних напугал революционно-социалистический, пролетарский характер движения; другие отстали от него, когда увидели, что оно обречено на неминуемое поражение. Только французские проле-

тарии без страха и устали поддерживали *свое* правительство, только они сражались и умирали за него, то есть за дело освобождения рабочего класса, за лучшее будущее для всех трудящихся.

Покинутая вчерашними союзниками и никем не поддержанная, Коммуна неизбежно должна была потерпеть поражение. Вся буржуазия Франции, все помещики, биржевики, фабриканты, все крупные и мелкие воры, все эксплуататоры соединились против нее. Этой буржуазной коалиции, поддержанной Бисмарком (который отпустил из немецкого плена 100 000 французских солдат для покорения революционного Парижа), удалось восстановить темных крестьян и мелкую провинциальную буржуазию против парижского пролетариата и окружить половину Парижа железным кольцом (вторая половина была обложена немецкой армией). В некоторых крупных городах Франции (Марселе, Лионе, Сент-Этьене, Дижоне и пр.) рабочие также сделали попытки захватить власть, провозгласить Коммуну и пойти на выручку Парижа, но эти попытки быстро закончились неудачей. И Париж, первый поднявший знамя пролетарского восстания, предоставлен был собственным силам и обречен на верную гибель.

Для победоносной социальной революции нужна наличность, по крайней мере, двух условий: высокое развитие производительных сил и подготовленность пролетариата. Но в 1871 г. оба эти условия отсутствовали. Французский капитализм был еще мало развит, и Франция была тогда по преимуществу страной мелкой буржуазии (ремесленников, крестьян, лавочников и пр.). С другой стороны, не было налицо рабочей партии, не было подготовки и долгой выучки рабочего класса, который в массе даже не совсем ясно еще представлял себе свои задачи и способы их осуществления. Не было ни серьезной политической организации пролетариата, ни широких профессиональных союзов и кооперативных товариществ...

Но главное, чего не хватало Коммуне, так это времени, свободы оглядеться и взяться за осуществление

своей программы. Не успела она приступить к делу, как засевшее в Версале правительство, поддержанное всей буржуазией, открыло против Парижа военные действия. И Коммуне пришлось прежде всего подумать о самообороне. И вплоть до самого конца, наступившего 21—28 мая, ей ни о чем другом серьезно подумать не было времени.

Впрочем, несмотря на столь неблагоприятные условия, несмотря на кратковременность своего существования, Коммуна успела принять несколько мер, достаточно характеризующих ее истинный смысл и цели. Коммуна заменила постоянную армию, это слепое орудие в руках господствующих классов, всеобщим вооружением народа; она провозгласила отделение церкви от государства, уничтожила бюджет культов (т. е. государственное жалованье попам), придала народному образованию чисто светский характер — и этим нанесла сильный удар жандармам в рясах. В чисто социальной области она успела сделать немного, но это немногое все-таки достаточно ярко вскрывает ее характер, как народного, рабочего правительства: запрещен был ночной труд в булочных; отменена система штрафов, этого узаконенного ограбления рабочих; наконец, издан знаменитый декрет (указ), в силу которого все фабрики, заводы и мастерские, покинутые или приостановленные своими хозяевами, передавались рабочим артелям для возобновления производства. И как бы для того, чтобы подчеркнуть свой характер истинно-демократического, пролетарского правительства, Коммуна постановила, что вознаграждение всех чинов администрации и правительства не должно превышать нормальной рабочей платы и ни в коем случае не быть выше 6000 франков (менее 200 рублей в месяц) в год.

Все эти меры достаточно ясно говорили о том, что Коммуна составляет смертельную угрозу для старого мира, основанного на порабощении и эксплуатации. Поэтому буржуазное общество не могло спать спокойно, пока на парижской городской Думе развевалось красное знамя пролетариата. И когда, наконец, организо-

ванной правительственной силе удалось взять верх над плохо организованной силой революции, бонапартовские генералы, побитые немцами и храбрые против побежденных земляков, эти французские Ренненкампфы и Меллер-Закомельские устроили такую резню, какой Париж еще не видал. Около 30 000 парижан было убито озверевшей солдатчиной, около 45 000 арестовано и многие из них впоследствии казнены, тысячи сосланы на каторгу и на поселение. В общем, Париж потерял около 100 000 сынов, в том числе лучших рабочих всех профессий.

Буржуазия была довольна. «Теперь с социализмом покончено надолго!», — говорил ее вождь, кровожадный карлик Тьер после кровавой бани, которую он со своими генералами задал парижскому пролетариату. Но напрасно каркали эти буржуазные вороны. Через каких-нибудь шесть лет после подавления Коммуны, когда многие борцы ее еще томились на каторге и в ссылке, во Франции уже начиналось новое рабочее движение. Новое социалистическое поколение, обогащенное опытом своих предшественников, но отнюдь не обескураженное их поражением, подхватило знамя, выпавшее из рук борцов Коммуны, и понесло его уверенно и смело вперед при кликах: «да здравствует социальная революция! да здравствует Коммуна!». А еще через пару-другую лет новая рабочая партия и поднятая ею в стране агитация заставила господствующие классы отпустить на свободу пленных коммунаров, еще оставшихся в руках правительства.

Память борцов Коммуны чтится не только французскими рабочими, но и пролетариатом всего мира. Ибо Коммуна боролась не за какую-нибудь местную или узконациональную задачу, а за освобождение всего трудящегося человечества, всех униженных и оскорбленных. Как передовой боец за социальную революцию, Коммуна снискала симпатии всюду, где страдает и борется пролетариат. Картина ее жизни и смерти, вид рабочего правительства, захватившего и державшего в своих руках в течение свыше двух месяцев столицу мира, зрелище геройской борьбы пролетариата

и его страдания после поражения, — все это подняло дух миллионов рабочих, возбудило их надежды и привлекло их симпатии на сторону социализма. Гром парижских пушек разбудил спавшие глубоким сном самые отсталые слои пролетариата и всюду дал толчок к усилению революционно-социалистической пропаганды. Вот почему дело Коммуны не умерло; оно до сих пор живет в каждом из нас.

Дело Коммуны — это дело социальной революции, дело полного политического и экономического освобождения трудящихся, это дело всесветного пролетариата. И в этом смысле оно бессмертно.

«Рабочая Газета» № 4—5,
15 (28) апреля 1911 г.

Печатается по тексту
«Рабочей Газеты»

О ЗНАЧЕНИИ КРИЗИСА

Пресловутый министерский и политический кризис, о котором столько писали и пишут газеты, поднимает более глубокие вопросы, чем думают шумящие всего более либералы. Говорят: кризис ставит вопрос о нарушении конституции. На самом же деле кризис ставит вопрос о неправильном представлении октябристов и кадетов относительно конституции, о коренном заблуждении обеих партий на этот счет. Чем шире распространяется это заблуждение, тем настойчивее необходимо разъяснять его. Чем больше стараются кадеты под шумок своих обвинений октябризма провести неправильные идеи о «конституционном» будто бы характере кризиса, общие октябристам и кадетам, тем важнее выяснять эту вскрывшуюся теперь общность.

Припомним недавние рассуждения «Речи» и «Русских Ведомостей» о лозунге выборов в IV Думу. За конституцию или против нее — так встанет и стоит уже вопрос, уверяли оба главных кадетских органа.

Посмотрите теперь на рассуждения октябристов. Вот характерная статья г. Громобоя в «Голосе Москвы» (от 30 марта): «Разрытый муравейник». Октябристский публицист убеждает тех, добросовестных, по его мнению, защитников г. Столыпина, которых «пугает переход в оппозицию», доказывая, что они «делают ошибочные шаги». «Для конституционалистов, — восклицает г. Громобой, — грех нарушения конституции настолько

тяжек, что никакие другие гири не перетянут его». Что можно сказать по существу? спрашивает г. Громобой и отвечает:

«Опять кремневое ружье, национализм, волевые импульсы, государственная необходимость? увы, все это уже слышали, слышали и обещания, не оправдавшиеся затем».

Политика Столыпина была для октябристов заманчивым (как и для писателей из «Вех», всего глубже понявших и всего ярче выразивших дух кадетизма) «обещанием». «Обещание», по признанию октябристов, не оправдалось.

Что это значит?

Па самом деле политика Столыпина была не обещанием, а политической и экономической реальностью последнего четырехлетия (если не пятилетия) русской жизни. И 3 июня 1907 года и 9 ноября 1906 (14 июня 1910 г.) — не обещания, а реальности. Организованные в национальном масштабе представители дворянского крупного землевладения и верхов торгово-промышленного капитала проводили, осуществляли эту реальность. И если теперь голос октябристского, московского (а, значит, и всероссийского) капитала говорит: «не оправдалось», то этим подводится итог определенной полосе политической истории, определенной системе попыток «оправдать» требования эпохи, требования капиталистического развития России посредством III Государственной думы, посредством столыпинской аграрной политики и так далее. Со всей добросовестностью, со всем усердием, не щадя живота, не щадя даже мошны, октябристский капитал помогал этим попыткам и теперь вынужден признать: не оправдалось.

Значит, дело вовсе не в нарушении обещаний, не в «нарушении конституции», — ибо смешно отрывать 14-ое марта 1911 года от 3-го июня 1907 года, — а в неисполнимости требований эпохи путем того, что октябристы и кадеты называют «конституцией».

Неисполнимы эти требования времени путем «конституции», дававшей большинство кадетам (I и II Думы),

неисполнимы путем «конституции», сделавшей решающею партию октябристов (III Дума). И когда октябристы теперь говорят: «не оправдалось», то значение этого признания, значение вынудившего это признание кризиса состоит в сугубом, повторном, окончательном крахе конституционных иллюзий и кадетизма, и октябризма.

Демократия сдвинула старое с места. Кадеты, порицая демократию за «эксцессы», сулились реализовать новое путем мирной «конституции». Не оправдалось. Новое стал реализовывать г. Столыпин таким образом, чтобы измененные формы могли укрепить старое, чтобы организация зубров-помещиков и столпов капитала укрепила старое, чтобы частная поземельная собственность на место общины создала новый слой защитников старого. Октябристы трудились вместе с г. Столыпиным годы и годы над этой задачей, «не угрожаемые» временно подавленной демократией.

Не оправдалось.

Оправдались слова тех, кто говорил о тщете и вреде конституционных иллюзий в такие эпохи быстрых и коренных перемен, как эпоха начала XX века в России.

Трехлетие октябристской III Думы, октябристской «конституции», октябристского «мирного и любовного жития» со Столыпиным не прошло бесследно: шагнуло вперед экономическое развитие страны, развились, развернулись, показали себя (и исчерпали себя) «правые» — все и всяческие «правые»—политические партии.

Аграрная политика третьей Думы показала себя *на деле* в массе деревень и захолустий России, встряхнула застоявшиеся веками брожения, грубо вскрыла и обострила наличные противоречия, обнаглила кулака и просветила его антиподов. Не даром прошла третья Дума. Не даром прошли и первые две Думы, давшие так много хороших, добрых, невинных и бессильных пожеланий. В оболочке «конституционного» кризиса 1911 года обнаружился несравненно более глубокий, чем прежде, крах конституционных иллюзий 1906— 1910 годов.

И кадеты, и октябристы сходились, по сути дела, в том, что базировали свою политику на этих иллюзиях. Это были иллюзии либеральной буржуазии, иллюзии центра — различие «левого» центра (кадетов) и «правого» центра (октябристов) несущественно, раз тот и другой, в силу объективных условий, осуждены были на крах. Старое сдвинуто с места. Ни левый, ни правый центр нового не реализовали. Кто и как будет осуществлять это неотстранимое, исторически неизбежное новое, — вопрос открытый. Значение «конституционного» кризиса в том, что господа положения, октябристы, признали этот вопрос *вновь* «открытым», подписав: «не оправдалось» даже под своими, самыми, казалось, «солидными», купечески-солидными, торгашески-трезвыми, московски-скромными чаяниями. Значение «конституционного» кризиса в том, что вся узость, все убожество, все бессилие поставленного кадетами лозунга (кто за конституцию, кто против конституции) вскрылось на опыте господ октябристов.

Демократия доказывает недостаточность этого лозунга. Октябризм подтвердил эти доказательства опытом еще одной полосы русской истории. Кадетам не удастся оттащить ее назад, к прежним наивным конституционным иллюзиям.

«Правоверные октябристы, — пишет г. Громобой, — нервничают, заявляют о выходе из бюро, не знают, что делать со своими товарищами по конституционализму. Напрасные волнения. Им надо быть спокойными сознанием, что за них истина и что эта истина настолько азбучна, настолько общепризнана, что для защиты ее не требуется Коперников и Галилеев. Им надо спокойно делать свое дело, — признать незаконными незаконные действия и непременно, не идя ни на какие компромиссы, отвергнуть незаконный закон».

Иллюзия, г. Громобой! Без «Коперников и Галилеев» не обойдется. У вас «не оправдалось», без этих не обойдется.

«... Глядя на весь этот разрытый, копошащийся муравейник — услужливую печать, услужливых ораторов, услужливых депутатов (кончайте, г. Громобой: услужливую, холопскую буржуазию), можно только, по человечеству жалея их, кротко

напомнить, что П. А. Столыпину уже служить нельзя, — можно только ирислуживаться».

Но П. А. Столыпин не единица, а тип, не одиночка, а «сам-друг» с Советом объединенного дворянства. Господа октябристы попробовали ужиться с ним по-новому, при Думе, при «конституции», при буржуазной политике толмачевского разорения общины, и если эта попытка не удалась, то дело вовсе не в Столыпине.

«... Да ведь вся сила народных представителей в их связи с народом, а если они (правые октябристы) самым фактом такой поддержки (поддержки Столыпина и столыпинского нарушения конституции) утрачивают свое «лицо», то какая им цена после этого?»

До чего мы дожили! Октябристы говорят о «связи с народом», как «силе народных представителей»! Это смешно, конечно! Но это не более смешно, чем кадетские речи в I и II Думах о «связи с народом» наряду с их же речами, скажем, против местных земельных комитетов. Слова, смешные в устах кадетов и октябристов, сами по себе вовсе не смешны, а значительны. Еще и еще раз выражают они — против воли тех, кто говорит теперь эти слова, выражают крах конституционных иллюзий, как полезный плод «конституционного» кризиса.

«Звезда» № 18, 16 апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

КОНГРЕСС АНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Праздниками пасхи (16 апреля нов. ст.) воспользовались многие европейские социалистические партии для устройства своих конгрессов: французская, бельгийская, голландская (оппортунистическая часть ее), английская социал-демократическая, английская «Независимая рабочая»[98]. На некоторых вопросах, обсуждавшихся съездами двух последних партий, мы намерены остановить внимание читателя.

Тридцать первый годичный съезд английской социал-демократической партии (S. D. P.) состоялся в Ковентри. Самым интересным вопросом был вопрос о «вооружениях и внешней политике». Известно, что в последние годы и Англия и Германия вооружаются чрезвычайно усиленно. Конкуренция этих стран на мировом рынке все более и более обостряется. Военное столкновение надвигается все более грозно. Буржуазная шовинистическая пресса обеих стран бросает в народные массы миллионы и миллионы зажигательных статей с натравливанием на «врага», с воплями о неминуемой опасности «германского нашествия» или «английского нападения», с криками о необходимости усиленных вооружений. Социалисты Англии и Германии, а также Франции (которую Англия особенно охотно втянула бы в войну, чтобы иметь континентальную и сухопутную армию против Германии) посвящают много внимания грозящей войне, всеми силами борясь против буржуазного шовинизма и против вооружений,

всячески стараясь разъяснить самым отсталым слоям пролетариата и мелкой буржуазии, какие бедствия несет с собой война, служащая интересам исключительно одной буржуазии.

Печальным исключением среди социалистов были некоторые выдающиеся вожди английской с.-д. партии и среди них Гайндман. Он дал себя запугать криками буржуазной английской прессы о «немецкой опасности» и дошел до защиты того, что Англия поставлена в необходимость вооружаться для обороны, что Англии нужен сильный флот, что Вильгельм — нападающая сторона.

Правда, отпор и сильный отпор был дан Гайндману извнутри самой с.-д. партии. Ряд резолюций местных групп высказался решительно против него.

Съезду — или, употребляя английское выражение, не соответствующее по значению русскому, «конференции» — в Ковентри пришлось решать спорный вопрос. Решительно враждебную всякому шовинизму точку зрения представляла резолюция группы в Хэкни (Hackney — округ на северо-востоке Лондона). Центральный орган с.-д. партии, «Justice»[99] в своем отчете о съезде приводит только конец этой («длинной», дескать) резолюции, требующей решительной борьбы против всякого увеличения вооружений, против всякой колониальной и финансовой агрессивной политики« Зельда Каган, защищавшая эту резолюцию, подчеркивала, что именно Англия ведет последние 40 лет агрессивную политику, что Германия ничего не выиграла бы от превращения Англии в свою провинцию, что подобная опасность не существует. «Английский флот существует для сохранения империи. Никогда еще с.-д. партия не делала столь серьезной, столь тяжелой ошибки, как теперь, когда партию отождествляют с шовинистами, пугающими войной; в силу этой ошибки, — говорила Каган, — английские с.-д. поставили себя вне международного движения».

На защиту Гайндмана выступил весь ЦК («исполнительный комитет») партии и — со стыдом приходится сказать это — Г. Квелч в том числе. «Поправка», предложенная им, говорила не больше и не меньше,

как следующее: «конференция в настоящее время считает непосредственной целью содержание достаточного (adequate) флота для национальной защиты»!.. Рядом с этим, конечно, повторяются и все «хорошие и старые слова» — и о борьбе с империалистской политикой, и о войне с капитализмом и т. д. Но все это, разумеется, отравлено *ложкой дегтя:* буржуазно-уклончивой и в то же время чисто буржуазной, шовинистической, фразой, признающей необходимость «достаточного» флота. И это в 1911 году, когда английский морской бюджет яснее ясного показал тенденцию роста необъятного, — и это в стране, флот которой «защищает и охраняет» «империю», т. е. в том числе Индию, где почти 300 миллионов населения отданы на грабеж и насилия английской бюрократии, где «просвещенные» английские государственные люди вроде либерала и «радикала» Морли (Morley) *ссылают* за политические преступления, *порют* за политические преступления туземцев!

Какими жалкими софизмами пришлось оперировать Квелчу, видно хотя бы из следующих мест его речи (по отчету в «Justice», который защищает Гайндмана)!.. «Если мы признаем национальную автономию, мы должны иметь национальную защиту, — а такая защита должна быть достаточной, иначе она бесполезна. Мы — враги империализма, все равно английского или германского; мелкие национальности под прусским господством ненавидят ее деспотизм, и маленькие нации, угрожаемые ею, смотрят на британский флот и на германскую социал-демократию, как на свою единственную надежду...»

Вот как быстро катятся вниз люди, попавшие на наклонную плоскость оппортунизма! Британский флот, помогающий порабощать Индию (не очень-то «маленькую» национальность), ставится *рядом* с германской социал-демократией в качестве защитника свободы народов... Права была З. Каган, что никогда еще английская социал-демократия так не срамила себя. Никогда не обнаруживался так ярко ее сектантский характер, давно отмеченный и осужденный

Энгельсом[100], как в этой *легкости перехода* даже людей вроде Квелча на сторону шовинистов.

При голосовании голоса разделились поровну: 28 за «исполнительный комитет» и 28 против. Чтобы одержать печальную победу, Гайндман и Квелч должны были применить голосование по группам. Оно дало им 47 голосов против 33.

В с.-д. партии нашлись люди, которые подняли самый решительный голос протеста против шовинизма в своих рядах, нашлось очень сильное меньшинство для серьезной борьбы. В «Независимой рабочей партии» дела обстоят хуже: там оппортунизм не в диковину. Там вопрос о том, должны ли социалисты и рабочие поддерживать вооружения, обсуждают совсем спокойно в «дискуссионных» статьях официального органа партии «The Labour Leader»[101] (№ 16 от 21 апреля 1911 г.).

Лондонский корреспондент «Vorwärts'a» справедливо заметил, что лучшей критикой позиции с.-д. партии явилась статья в *ультрашовинистической* газете «Daily Mail»[102], *восхваляющая* мудрость с.-д. вождей. «Отрадно видеть, — так начинается статья английской шовинистической газеты, — отрадно видеть, что, как ни нелепы некоторые идеи с.-д. партии в нашей стране, как ни невозможны некоторые ее идеалы, существует, по крайней мере, один, имеющий серьезное значение, вопрос, в котором эта партия руководится разумом и здравым человеческим смыслом».

Действительно отрадным явлением на съезде «Независимой рабочей партии» в Бирмингаме было то, что из рядов ее раздались твердые и решительные голоса протеста против той оппортунистической политики, политики зависимости от либералов, которую ведет эта партия вообще и глава партии, Рамсей Макдональд, в особенности. В ответ на упреки за то, что рабочие депутаты мало говорят в палате общин о социализме, Р. Макдональд отвечал с девственной оппортунистической наивностью, что «пропагандистские речи» в парламенте малоуместны. «Великая функция палаты общин состоит, — заявил Макдональд, — в том, чтобы превращать в законодательство тот социализм, который

проповедуем мы в стране». Об отличии буржуазной социальной реформы от социализма оратор забыл! От буржуазного парламента он готов ждать социализма...

Леонард Холл (Hall) указал в своей речи, что «в 1892 году Независимая рабочая партия была создана с специальной целью дискредитировать политику «Избирательной лиги труда» («Labour Electoral League»), которая была просто крылом либерализма, чтобы бороться с этой политикой и уничтожить ее. Мы похоронили труп (уничтожив эту Лигу), но дух, видимо, ожил в современной «Рабочей партии». Именно политику Лиги и проводил в своих речах, письмах, книгах лидер этой партии».

Другой член I. L. P.*, член парламента Джордж Ленсбери (Lansbury) выступил с резкой критикой политики парламентской «рабочей» группы за ее зависимость от либералов, за ее боязнь «повредить» либеральному правительству. «Я чувствовал себя не раз, — говорил Ленсбери, — настолько пристыженным поведением рабочих депутатов, что подумывал о сложении мандата. Либералы стараются занять все время палаты мелкими вопросами, и рабочие депутаты не умеют отвоевать себе самостоятельности». «Я не знаю такого случая, — говорил Ленсбери, — когда бы и либералы и тори не выдвигали какого-нибудь «важного» вопроса, чтобы отодвинуть вопрос о нищете масс, о бедности. Я сижу в палате общин, и передо мной стоят образы рабочих, мужчин и женщин, которые изо дня в день трудились в трущобах Боу и Бромли (округа в Лондоне, в Истенде, кварталы нищеты), проводя меня в парламент. Они работали, выбирая меня, потому что они думали, что я не похож на либералов и на тори. Они послали меня, чтобы я поставил вопрос о бедности, бедности, бедности... Я призываю вас — обращался оратор к съезду — образовать крепкую партию в палате общин, партию, абсолютно чуждую всякой уступчивости к либералам и к тори. Мы должны не щадить либералов больше, чем консерваторов (тори), когда либералы

* — Independent Labour Party — Независимой рабочей партии. *Ред.*

поступают дурно. Рабочие, которые трудятся и бедствуют, ничего не ждут ни от либералов, ни от тори; их единственная надежда, их единственное спасение — их собственные организованные усилия... Надо, чтобы мы показали рабочим лондонских трущоб, что даже в парламенте мы верны тому, что мы говорим вне парламента, именно, что либералы и тори враги народа, что социализм его единственная надежда».

Речь Ленсбери прерывалась громом рукоплесканий съезда, который устроил оратору настоящую овацию, когда он кончил. В Германии такие речи обыденны. В Англии они — новинка. И когда начинают раздаваться такие речи, когда рабочие делегаты съезда «Независимой (очень часто, к сожалению, от социализма независимой, от либералов зависимой) рабочей партии» рукоплещут таким речам, тогда мы вправе заключить, что дух пролетарской борьбы и *в Англии* берет верх над дипломатией оппортунистов парламентариев вроде Макдональда. (Этот Макдональд, скажем в скобках, послал недавно итальянским реформистам, готовым вступить в буржуазное министерство, выражение своего полного сочувствия и своей нелюбви к «сухой теории».)

Речи Холла, Ленсбери и др. не изменили политики «Независимой рабочей партии». Во главе этой партии остался Макдональд, и политика ее будет по-прежнему оппортунистическая. Буржуазные влияния на пролетариат сильны — особенно в демократических странах. Но эти речи не проходят бесследно, они подрывают влияние буржуазии и оппортунистов. Когда англичане заведут ежедневную газету (об этом думают вплотную *обе* партии), — такие и только такие речи найдут доступ к уму и сердцу рабочего класса. Либералы всех стран, и России в том числе, ликуют и смеются теперь при виде господства оппортунизма в английском рабочем движении. Но — «хорошо посмеется тот, кто посмеется последним».

«Звезда» № 18, 16 апреля 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

РАЗГОВОР ЛЕГАЛИСТА С ПРОТИВНИКОМ ЛИКВИДАТОРСТВА[103]

Легалист. Мне кажется, что крайнее обострение в социал-демократической печати борьбы и споров с ликвидаторами чересчур распалило страсти и несколько затемнило суть расхождения.

Антиликвидатор. Не наоборот ли? Не вызвано ли обострение борьбы глубиной идейного расхождения? Или вы тоже перешли в лагерь «колеблющихся» — иначе «примиренцев» — пытающихся заполнять пропасть пустыми фразами и широковещательными банальностями?

Легалист. О, нет, «примирять» я вовсе не склонен. Напротив. Моя мысль состоит в том, что ликвидаторы недостаточно сознательны и потому недостаточно решительны. Они всё еще бредут ощупью, растут, если можно так выразиться, стихийно. Они всё еще боятся додумать свои мысли. Отсюда — их непоследовательность, сбивчивость, шаткость, которую противники принимают за лицемерие, за мошеннические приемы борьбы с нелегальной партией и т. п. Получается потасовка, и широкая публика, ради которой ведется спор, перестает понимать в чем дело. Если бы у ликвидаторов было поменьше искуснейших дипломатов и побольше веры в себя, то они быстрее бы доказали свою правоту и разбили бы вас наголову.

Антиликвидатор. Страшен сон, но... интересно бы послушать ваши доказательства.

Легалист. Ликвидаторы, по моему убеждению, правы. Они должны подхватить брошенную против них кличку

легалистов. Мы подхватим ее и мы покажем, что именно легалисты дают единственно верный, с точки зрения марксизма, ответ на проклятые вопросы современного рабочего движения в России. Признаете вы или нет, что переживаемая нами эпоха представляет из себя некоторый своеобразный этап экономического и политического развития России?

Антиликвидатор. Признаю.

Легалист. Признаете только словесно, как и ваши пресловутые «декабрьские» (1908 года) резолюции. Если вдуматься серьезно в такое признание, то оно означает, что открытое существование, скажем, социал-демократической фракции в III Думе не случайность, а неразрывная составная часть «текущего момента». Вся совокупность политических условий данного времени, вся совокупность условий рабочего движения такова, что возможна и необходима открытая *легальная* думская социал-демократическая фракция, возможна и необходима открытая *легальная* рабочая социал-демократическая партия.

Антиликвидатор. Не рискованный ли это скачок от думской социал-демократической фракции к рабочей социал-демократической партии?

Легалист. Нисколько не рискованный. Все дело только в том, что формы существования социал-демократии в III Думе даны нам извне, нам пришлось только принять их, войти, так сказать, в готовое помещение, а формы существования легальной рабочей партии надо самим найти. Тут нужна инициатива, борьба за новые формы. Те, кого вы презрительно зовете ликвидаторами, начали эту борьбу, вступили на новый путь — но, к сожалению, только одной ногой. К сожалению, они всё еще робеют, оглядываются назад, ограничиваются полумерами. В начале нового пути это неизбежно, пусть так, но за началом последует продолжение. И нерешительность первых шагов отпадет, и ошибки будут исправлены.

Антиликвидатор. Прекрасно. Не потрудитесь ли объяснить, каковы эти ошибки и в чем будет состоять исправление?

Легалист. С удовольствием объясню. Нельзя предсказать, какова именно будет завтрашняя легальная рабочая партия, но нельзя не видеть общего направления в развитии рабочего движения. Признавая это направление за данное, я смело могу нарисовать картину легальной партии, зная, что действительность не будет в точности такова, но она будет *такого рода.* И чтобы рисовать вам эту картину, мне вовсе нет надобности пускаться в «сочинительство». Мне надо только присмотреться к урокам жизни, к опыту работы в новых, послереволюционных, условиях. Мне достаточно подытожить этот опыт, отбросить частности, взять основную нить. Существует легальное рабочее представительство в Думе. Существует легальная социал-демократическая фракция. Ее травят, за ней следят шпики, ей не разрешают собраний, у нее отнимают сведущих людей, ее распылят, может быть, завтра по тюрьмам и местам ссылки — легальная партия вовсе не исключает, как думают ваши близорукие сторонники, судебных и полицейских преследований« Но легальная фракция существует, несмотря на преследования. Существуют легальные рабочие союзы, клубы, легальные марксистские журналы и еженедельники, — их травят еще больше, закрывают, душат штрафами, их редакторы за месяц редакторства расплачиваются, может быть, полутора месяцами тюрьмы, союзы постоянно распускаются, а все же они существуют. Вдумайтесь в этот факт. Одно дело отсутствие легальных рабочих союзов, легальной марксистской прессы, легальных социал-демократических депутатов. Так было до 1905 г. Другое дело — существование их, *несмотря* на непрерывные преследования, несмотря на постоянные закрытия. Так обстоит дело после 1907 г. В этом и состоит новизна положения. За это «новое» и надо уметь ухватиться, чтобы его расширить, укрепить, упрочить.

Антиликвидатор. Вы начали с обещания быть более смелым, более последовательным легалистом, чем те, которые выступали до сих пор, но пока вы всё еще только повторяете слова, давно уже сказанные всеми ликвидаторами.

Легалист. Я уже сказал, что картина последовательного, убежденного легализма вытекает сама собою из внимательного наблюдения за опытом жизни. На деле уже существуют все отдельные элементы легальной рабочей социал-демократической партии. Надо сказать громко и прямо то, что есть. Надо признать безбоязненно, что не сегодня-завтра эти разрозненные элементы соберутся вместе, должны собраться вместе, и такая партия возникнет. Ее нужно основать, и она будет основана. Ее будут преследовать, но она будет существовать, — за годами отсутствия легальной рабочей партии наступят годы непрочного, перерываемого массой преследований, существования легальной рабочей партии, — а за ними придут годы чисто европейской легальной социал-демократической партии в России. Годы существования легальной социал-демократической партии уже наступили, она уже *реальнее,* чем ваше на девяносто девять сотых разрушенное подполье. Чтобы окончательно сплотить легалистов, чтобы сделать их деятельность более уверенной, систематичной, выдержанной, надо не бояться сказать, что есть, не бояться назвать эту реальность настоящим именем, не бояться выбросить лозунг, поднять знамя. Пусть его вырвут суды и полиция из наших рук, пусть его вырвут десятки раз, — его *нельзя* уничтожить, его нельзя вырвать надолго, ибо оно обобщает то, что есть, что растет, что не может не расти.

Антиликвидатор. К делу, к делу. А то я вам напомню поговорку: хорошо поет, где-то сядет. Вы обещали говорить прямо. Нуте-ка прямей, поконкретней: что будет написано на вашем знамени?

Легалист. Я к этому как раз и вел. Мы учреждаем легальное общество содействия рабочему движению. Принципиальная база этого общества — марксизм. Цель общества — преобразование общественных условий жизни на началах марксизма, уничтожение классов, уничтожение анархии в производстве и т. д. Ближайшая цель легальной партии, т. е. нашего общества, — полная демократизация государственного и общественного строя; содействие решению аграрного вопроса

в демократическом направлении, на основах марксистских взглядов; самое широкое рабочее законодательство. Наконец, средства деятельности нового общества — все законные средства пропаганды, агитации и организации.

Антиликвидатор. Не предполагаете ли вы, что наше правительство разрешит регистрацию такого общества?

Легалист. Не беспокойтесь, я вовсе не так наивен, чтобы предполагать это. Конечно, наше общество не будет зарегистровано, но нелегальным его нельзя будет признать, а в этом-то и состоит наша задача. В каждой губернии один рабочий за другим будет составлять устав подобного общества и вносить его на утверждение властей. Это будет последовательная, непреклонная борьба за легальность. Учредителей и членов такого общества нельзя будет преследовать за «страшные» пункты программы нашей теперешней якобы партии, ибо РСДРП есть в данное время лишь якобы партия, и «страшные» пункты ее программы, вроде республики, диктатуры пролетариата — не говоря уже о «страшных» пунктах многочисленных резолюций о вооруженном восстании и т. п. — никого не пугают, никакого значения не имеют, никакой роли не играют, если не считать той *«роли»,* которая посылает на каторгу людей, *на деле* ничего противозаконного не совершающих. Вот в этом-то и соль, в этом и состоит трагикомедия теперешнего партийного положения. Мертвое хватает живое. Устаревшие, отвергнутые на деле жизнью, вышедшие из употребления, сданные фактически в архив «пункты» разных резолюций и старой партийной программы служат службу только нашим врагам, помогают только душить нас, не принося решительно никакой, ну, абсолютно никакой пользы современному реальному движению, той *действительной* социал-демократической работе, которая теперь *ведется,* ведется и в III Думе, и в легальных журналах и газетах, и в легальных союзах, и на легальных съездах и т. д., и т. п. Вот почему для нас, легалистов, *суть* вопроса вовсе не в избавлении от наиболее

опасных преследований и кар (как готовы будут заключить ваши, извините за выражение, натасканные на травлю ликвидаторов сторонники), а в *принципиальном* значении открытого рабочего движения, во-первых, и использования противоречий современного режима, во-вторых. Да, да, господин старовер, принципы марксизма состоят вовсе не в сумме заученных слов, не в обязательных раз навсегда «правоверных» формулах, а в содействии широкому рабочему движению, в содействии организации и самодеятельности масс. Пусть будут *«недоговорены»* те или другие слова — я прекрасно знаю, что вы и ваши сторонники специализируетесь на «договариваньи» недосказанного думской социал-демократической фракцией, легальным журналом и т. д. — пусть будут *«недоговоренные»* слова, но зато будет двинуто вперед дело. Более широкие слои рабочих будут втянуты в движение. Будет сделан решительный шаг к обобщению открытых выступлений. Всякий сознательный рабочий будет хватать угнетающий его режим *как раз* за то противоречие, которое наиболее ему свойственно, наиболее для него в данное время характерно, за противоречие между формальным признанием законности и фактическим отказом в ней, между «допущением» думской социал-демократической фракции и попытками «не пущать» социал-демократической партии, между признанием рабочих союзов в официальных заявлениях и преследованием их в жизни. Ухватывать угнетающий пролетариат режим за противоречия этого режима — в этом и состоит *живая душа* марксизма, а не в закостенелых формулах. В этом и заключается одна из главных, скажу более: одна из основных причин успехов германской социал-демократии, что она умела всегда жертвовать *формулой* в интересах движения. Она сумела после 1871 года создать партию, в программе которой стояло признание только «законных» средств политической деятельности. Она сумела развить самое сильное в мире социал-демократическое движение с такой социал-демократической программой, которая гораздо *«легальнее»,* чем наша, ибо в ней нет и никогда не было республики.

А вы — вы готовы явить миру образец «образцово-радикальной» социал-демократической программы при образцово-радикальном *отсутствии* массовой социал-демократической организации, массового социал-демократического движения.

Антиликвидатор. До сих пор из вашего плана получается на деле только «массовое движение» входящих и исходящих бумаг в присутствиях по делам об обществах и союзах, если в каждой губернии каждый сознательный рабочий будет переписывать и вносить на утверждение ваш проект легального марксистского «общества». Так как вы сами говорите, что это общество не разрешат, то никакого открытого движения и даже никакого «открытого» общества нигде, кроме как в вашей легалистской фантазии, не открывается. Но прежде чем подробно отвечать вам, я бы хотел еще спросить, представляете ли вы себе это легальное марксистское «общество» существующим *вместо* старой, т. е. теперешней, партии или *вместе* с ней?

Легалист. Вот-вот. Вы затронули очень интересный вопрос! Тут-то и лежит одна из печальных ошибок официальных вождей ликвидаторства. Они боятся сделать крупный шаг вперед по несомненно верному пути — и в то же время делают ряд крайне рискованных, вовсе ненужных для дела, шагов в сторону и именно в сторону оппортунизма. А я бы сказал: можно быть легалистом, не будучи ликвидатором. Должно быть легалистом, не будучи оппортунистом. Необходимо признать легальные *формы* движения, необходимо признать их не наполовину, не на словах только, а всерьез и на деле, т. е. учредить немедленно легальную марксистскую рабочую партию, но отказываться от революции есть недопустимый оппортунизм, а такой отказ проглядывает у очень и очень многих, если не у большинства наших ликвидаторов. Отказ от гегемонии есть оппортунизм, который я решительно осуждаю. Нам не нужно ни от чего отказываться, ничего ликвидировать. Новая, легальная партия должна существовать вместе *со старой, наряду* с ней. Они будут взаимно пополнять друг друга.

Вы улыбаетесь? Но тут нет ничего смешного. Вы скажете: «двойная бухгалтерия». А я спрошу вас: разве совместное существование легальной и нелегальной печати не представляет из себя явления, вполне аналогичного моему плану, вернее: моему выводу изо всех уроков современного опыта? Если до 1905 года нельзя было писать эмигрантам в легальной печати, если тогда закрывали органы за помещение эмигрантских статей хотя бы под псевдонимом, то разве не характерно для нашей противоречивой эпохи, что всем известные эмигранты *под своим именем* пишут и в нелегальной и в *легальной* печати? С этой «двойной бухгалтерией» вы миритесь! От нее никакой «смуты» не получается. Только рутина, ничего более как рутина мешает вам понять, что эта «двойная бухгалтерия» предписывается всеми условиями нашей эпохи, что надо овладеть ее противоречиями, уметь встать на ту почву, — *и* на ту почву, — на которой разыгрываются крупнейшие события современности. «Сочетание нелегальной и легальной работы» вы все признаете на *словах.* Признайте же его на деле. Сказав А, не бойтесь сказать Б. Признав основной тезис в тактике и организации вообще, не бойтесь признать его в организации *партии.* Порвите же, наконец, решительно, серьезно, искренне с этим нелепым анархическим предрассудком против легальности.

Антиликвидатор. Вот в том-то и несчастье ваше, что вы играете в легальность, вы «легальничаете», тогда как немцы опирались на легальность, действительно существующую. Пример с легальной и нелегальной печатью особенно ярко говорит против вас. Когда нелегальный эсдек идет в легальную печать писать там о том, о чем писать в легальной печати разрешается, он не играет в легальность, а действительно пользуется действительно существующей в тех или иных узких рамках легальностью. Ваша же легальная рабочая партия, или марксистское общество (как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, от которых *по сути дела* вы ровно ничем не отличаетесь) есть легалистская фантазия, не более того, ибо вы сами

признаете, что никто их не разрешит, что *на деле* существовать легально эти якобы «легальные» общества не будут. Как у анархо-синдикалистов царит «революционная гимнастика», так у вас получается «гимнастика легалистская». Если у кадетов легально существует легально несуществующая партия, то причина лежит не в том, что кадеты овладели противоречивой формой, а в том, что *содержание* их работы ничего революционного в себе не заключает, никакой демократической организационной деятельности в массах не содержит. Содержание их работы есть либерально-монархическое, и самодержавие может разрешить, может терпеть такую политическую деятельность. Деятельность же марксистов среди рабочего класса самодержавие терпеть не может, и пытаться помочь делу переряживанием наивно. А ваше «легальное общество», как и «открытая рабочая партия» ликвидаторов, есть именно общество *псевдонимное,* есть игра в ряженых, ибо на деле вы рассчитываете на социал-демократов. Неясные, расплывчатые формулировки, которые вы выбираете для определения цели, платформы, тактики вашего «общества», есть прикрытие словесное, защита бумажная, есть та же легалистская гимнастика. Выступать в Думе, создавать *легальные* профессиональные союзы, действовать на легальных съездах наша партия должна, отрицание этого есть анархизм или интеллигентский нигилизм, и в признании *такого* рода деятельности заключается учет новых условий новой эпохи. Но *легальности* для политической деятельности быть еще не может (кроме, как для интеллигентских оппортунистов), ибо не завоеваны условия для такой легальности, а «вползать» в нее мечта тщетная. У немцев к 1871 году вполне создалась такая легальность, вполне завершилось буржуазное преобразование страны, вполне исчезли условия для непосредственно-революционного движения: в этих *объективных* условиях, а не в искусстве германских эсдеков, лежит причина того, почему *могла* создаться *действительно* легальная, а не играющая в легальность, не занимающаяся «легалистской гимнастикой», социал-демократическая партия.

Списать у такой легальной партии те или иные легальные пункты программы, резолюции и т. п., и перенести такую «легальность» в Россию — наивная мечта, пустая забава, ибо вы не можете *перенести* в Россию германского завершения буржуазной революции, германской истории исчерпавшего себя демократизма, германской «революции сверху» 60-х годов[104], германской *фактической* легальности. Есть такие монархические страны, в которых легально существуют республиканские партии, и какова будет на деле русская легальность, когда завершатся буржуазные революции в России, когда сложится у нас столь же буржуазный уклад, как в Европе, это мы увидим после грядущих битв, это определится результатами этих битв. А современная задача социал-демократии — уметь готовиться и готовить массы к революции в особых условиях эпохи третьеиюньского режима.

Легальная партия рабочего класса, открытая рабочая партия в этих условиях — пустая фраза, в подкладке которой лежит *легализация...* группы оппортунистов-легалистов. *Такая* легализация «народных социалистов» есть факт. *Такая* легализация группы наших легальных, ликвидаторских журналистов есть факт. Не случайно, а необходимо, не по «ошибке» тех или иных ликвидаторов, а по социальному составу всех интеллигентски-ликвидаторских групп, к ним тяготеют и должны тяготеть оппортунистические элементы, питающие идеи об отречении от революции, об отказе от гегемонии. Отделить легалиста от этих людей можно *в благопожелании,* — на деле они не отделимы. Объективные условия переживаемой эпохи таковы, что легализация «энесов», легализация группы ликвидаторских литераторов возможны и неизбежны, а легализация рабочей партии — одни слова.

Нелегальная партия рабочего класса существует, и даже крайнее, самое крайнее ослабление ее и распад большинства ее организаций в наши дни не подрывает ее существования. Кружки и группы снова и снова возрождают революционное подполье. Вопрос сводится к тому, какая организованная сила, какая идейная

традиция, какая партия способна влиять и будет влиять на открытые выступления рабочих депутатов в Думе, рабочих профессиональных союзов, рабочих клубов, рабочих делегатов разных легальных съездов: революционная — пролетарская партия, РСДРП, или оппортунистическая группа ликвидаторских литераторов. Вот *реальное* содержание «борьбы с ликвидаторством», вот объективная подпочва, создающая в этом конфликте пропасть между тем и другим противником. И никакие добрые желания, никакие словесные различения между легализмом и ликвидаторством не заполнят этой пропасти.

«Дискуссионный Листок» № 3,
29 апреля (12 мая) 1911 г.
Подпись: Б. В. Куприанов

Печатается по тексту
«Дискуссионного Листка»

«СОЖАЛЕНИЕ» И «СТЫД»

Всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметают прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего. Возьмите, например, такой наиболее обычный и наименее сложный кризис в области экономических явлений, каким является всякая стачка. Ничто так не обнаруживает действительных отношений между классами, действительную природу современного общества, подчинение силе *голода* громаднейшей массы населения, апелляцию имущего меньшинства к организованному насилию для поддержания своего господства. Возьмите торговые и промышленные кризисы: ничто не опровергает так наглядно всевозможные речи апологетов и апостолов «гармонии интересов», ничто не обнаруживает так рельефно весь механизм современного, капиталистического, уклада, всю «анархию производства», всю раздробленность производителей, всю войну каждого против всех и всех против каждого. Возьмите, наконец, такой кризис, как война: все политические и социальные учреждения подвергаются проверке и испытанию «огнем и мечом». Сила и слабость учреждений и порядков любого народа определяется исходом войны и последствиями ее. Сущность международных отношений при капитализме: открытый грабеж слабого — вскрывается с полной ясностью.

Значение нашего пресловутого «парламентского» кризиса состоит тоже в том, что он вскрыл *глубокие*

противоречия всего общественного и политического уклада России. К сожалению, большинство участников и действующих лиц кризиса — частью сознательно, частью по недомыслию, или подчиняясь рутине и традиции — не только не ставят своей целью *объяснить* кризис, указать его настоящие причины и значение, а, напротив, изо всех сил затемняют его фразой, фразой и фразой. «Большой день» в III Думе, день прений со Столыпиным, 27 апреля, был большим днем «парламентского» празднословия. Но, как ни неумеренны были потоки фраз самого Столыпина, его друзей и его противников, а все же *затопить* сути дела им не удалось. И чем больше органы ежедневной нашей печати отвлекают внимание читателя повторением либеральных фраз, деталями и юридическими формальностями, тем уместнее будет бросить еще раз общий взгляд на раскрывшуюся 27 апреля картину кризиса.

Основной мотив речи Столыпина — защита «прав короны» от всякого «умаления». «Значение 87 статьи, — говорил Столыпин, — определяет права короны и не может быть умалено без создания нежелательного прецедента». Столыпин восстает против «опорочения права верховной власти применять ст. 87 при чрезвычайных обстоятельствах, возникших до роспуска палат». «Это право неопровержимо, — заявил Столыпин, — оно зиждется, основано на жизненных условиях», «Всякое другое толкование этого права неприемлемо, оно нарушало бы смысл и разум закона, оно сводило бы и право монарха применять чрезвычайные указы на нет».

Все это очень ясно и все это не фраза. Вопрос ставится цинично — «реалистически». Корона и попытки умаления... Если возникает спор, кому в последнем счете истолковывать смысл права, то решает этот спор сила. Все это очень ясно и все это не фраза.

Напротив, чистейшей фразой и жонглерством, юридическими фикциями были «пылкие, горячие, страстные, убежденные» упреки Маклакова: «к великому сожалению и к великому стыду» (отчет *«Речи»* 28 апреля, стр. 4) я услышал-де несколько ссылок на корону.

Маклаков от имени всего так называемого «конституционного центра» (т. е. от имени кадетов и октябристов) защищает обычную фикцию конституционной монархии. Но кадетская или кадетско-октябристская «защита» сводится к пустой фразе. При чем тут сожаление и стыд, когда вопрос идет о силе? Желающая иметь конституцию буржуазия сожалеет о том, что корона не дает конституции, и «стыдится» этого. Корона «стыдится» того, чтобы ей могли навязать конституцию, рассматривая ее, как «умаление», «сожалея» о всех и всяческих, о каких бы то ни было, толкованиях какого бы то ни было закона, направленного к «умалению».

Две стороны. Два толкования права. Сожаления и стыд с обеих сторон. Разница лишь та, что одна сторона *только* «сожалеет и стыдится»; другая же сторона *не говорит* ни о сожалении, ни о стыде, а говорит о том, что умаление «неприемлемо».

Не ясно ли, что на самом деле «стыдиться» такого положения вещей, стыдиться своего бессилия надо именно господам Маклаковым, надо именно всей нашей кадетской и октябристской буржуазии? Уполномоченный Совета объединенного дворянства цинично говорит о цинично созданном им кризисе, бросает вызов, кидает меч на весы. А либеральная буржуазия, точно купчишка, запуганный городничим, трусливо пятится и, пятясь, бормочет: я сожалею, мне стыдно... что вы меня так третируете!

«Я скажу, — распинается Маклаков, — что я конституционалист больше председателя Совета министров (воображаю, как смеялся про себя и у себя дома Столыпин по поводу этих слов: не в том дело, чтобы провозглашать себя конституционалистом, любезный, а в том, у *кого сила* определить, есть ли конституция и какова эта конституция!), но монархист не меньше его». (Столыпин улыбается еще более удовлетворенно: то-то, сначала погрозил, а потом прощения просит! Ну и вояка же этот Маклаков.) «Я считаю безумием создавать монархию там, где нет для нее корней, но точно так же безумием отрицать ее там, где ее исторические корни крепки...».

Сначала погрозив, потом попросив прощения, теперь начинает приводить аргумент *в пользу* Столыпина. О, великолепный парламентарий либерализма! О, несравненный вождь «конституционного» (lucus a non lucendo*: «конституционного» по случаю отсутствия конституции) центра, кадетско-октябристского центра!

«Председатель Совета министров, — гремит наш трибун «народной свободы» (читай: нашего исторического народного рабства), — еще может остаться у власти, его удержит у ней и боязнь той революции, которую его же агенты творят (г о л о с а с п р а в а : «стыдно»; ш у м)... удержит и опасность создавать прецедент»!!

Повесть о том, как Иван Иванович стыдил Ивана Никифорыча, а Иван Никифорыч стыдил Ивана Ивановича. Стыдно не соблюдать обычных норм конституционализма, говорит Иван Иваныч Ивану Никифорычу. Стыдно грозить революцией, которой сам боишься, в которую не веришь, которой не помогаешь, — говорит Иван Никифорыч Ивану Иванычу.

Как вы думаете, читатель, который из двух спорящих больше «пристыдил» другого?

Представитель «конституционного центра» Львов 1-й говорит после Гегечкори, который вполне правильно разъяснял, что либеральная пресса *неверно* представляет кризис в качестве «конституционного», что кадеты «устами своих ораторов поддерживали преступную иллюзию о конституционном центре», что для конституции недостает еще кое-какого движения (неловко было лишь у Гегечкори в конце речи упоминание об «анархии»: не то слово надо бы здесь сказать).

По речи Львова 1-го можно было одно время подумать, что даже некоторые помещики кое-что поняли из разъяснений Гегечкори. «То, что произошло, — говорит Львов 1-й, — действительно показывает, что у нас конституции нет, парламентаризма нет, но у нас и основных законов нет и вообще никакого организованного строя нет (вот тебе раз! а существование

* — непереводимое ироническое выражение, буквально означающее: «слово роща происходит от слова не светить» (на латинском языке слово «роща» созвучно слову «свет»). *Ред.*

помещиков разве не означает организованного помещичьего строя? язык ваш — враг ваш, господа из «конституционного центра»), а есть лишь произвол (это как раз и есть один из основных и существеннейших признаков организованного помещичьего строя) и демагогия».

Под демагогией «прогрессивный» помещик Николай Николаевич Львов 1-й разумеет нечто самое такое неприятное. Слушайте дальше:

«И этой демагогией пользуются люди, стоящие у власти, для того, чтобы увеличить свое собственное влияние и свою власть. Этой демагогией будут пользоваться другие, которые хотят эту власть захватить»... (брр... какое возмутительное, какое безнравственное стремление! вот уже русские либеральные буржуа, как небо от земли далеки от такого стремления. Это только на гнилом Западе безнравственная буржуазия стремится к захвату власти и породила даже превратные учения, будто только буржуазная власть обеспечивает буржуазную конституцию. Мы, русские либералы, просвещены моральной, идеалистической проповедью Струве, Бердяева и К^0, мы думаем поэтому, что власть должна остаться у Толмачевых, а наказы об истинно конституционном употреблении этой власти должны писаться Маклаковыми)... «для которых демагогия гораздо более близкий инструмент. Бойтесь этой демагогии, ибо ей будет все принесено в жертву: и ваше достоинство, и ваше достояние, и ваша честь, и гражданственность России».

Хорошо говорит «прогрессист» Николай Николаевич Львов 1-й. Насчет «достояния» он даже довольно ясно говорит: например, если вчера у помещика было 10 000 десятин, а сегодня осталось 50 десятин, то это означает, что 9950 десятин «принесены в жертву» «демагогии». Это понятно. Это не фразы. Но вот насчет «достоинства» и «чести» дело не так ясно; хочет ли наш прогрессист сказать, что помещик может быть «достойным» и «честным» человеком лишь при обладании 10 000 десятин земли и что он обязательно станет недостойным и бесчестным, если потеряет из них

9950 десятин? Или Львов 1-й хочет сказать, что достоинство и честь будут принесены в жертву демагогии, если не будет справедливой оценки, — ну, примерно, рублей, эдак, в 500 за десятину?

Насчет «гражданственности России» «прогрессист» Львов 1-й совсем не свел концов с концами. Если он сказал правду, что у нас нет ни конституции, ни парламентаризма, ни основных законов, — то, значит, у нас нет и гражданственности, а то, чего нет, нельзя и принести в жертву. Если Львов 1-й сказал правду, то, значит, наша гражданственность принесена в жертву нашему «организованному (помещичьему) строю». Не обмолвился ли наш «прогрессист»? не хотел ли он сказать, что наш организованный помещичий строй будет принесен в жертву гражданственности России? не хотел ли он именно такой, гипотетический, оборот событий назвать демагогией? не хотел ли он сказать, когда он говорил: «бойтесь этой демагогии», что большинство третьей Думы должно бояться этого гипотетического оборота событий?

Повесть о том, как Иван Иваныч обвинял в демагогии Ивана Никифорыча, а Иван Никифорыч Ивана Иваныча. Вы демагог, сказал Иван Иваныч Ивану Никифорычу, ибо вы стоите у власти и пользуетесь этим для увеличения своего собственного влияния и своей власти, причем ссылаетесь на национальные интересы населения. Нет, вы — демагог, сказал Иван Никифорыч Ивану Иванычу, ибо вы кричите громко в публичном месте, будто у нас только произвол и нет ни конституции, ни основных законов, причем намекаете довольно невежливо на какое-то принесение в жертву нашего достояния.

Кто кого изобличил в конце концов в демагогии, — неизвестно. Но известно, что, когда два вора дерутся, от этого всегда бывает некоторая польза.

«Звезда» № 21, 7 мая 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

СОВЕЩАНИЕ ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП[105]

28 МАЯ — 4 ИЮНЯ (10—17 ИЮНЯ) 1911 г.

*Впервые напечатано в 1933 г.
в Ленинском сборнике XXV;
часть документов публикуется
впервые*

*Печатается по рукописям
и протокольной записи*

1
ПИСЬМО СОВЕЩАНИЮ ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП ЗА ГРАНИЦЕЙ

Бумажка Игорева от 1. VI. 1911 показывает еще и еще раз ту возмутительную *игру* с созывом ЦК, — ту политику затягивания и срывания его, которую давно уже, в течение ряда месяцев, разоблачает ЦО нашей партии.

Совершенно лживо утверждение Игорева, будто Юдин и Костров составляют сейчас временное бюро или хотя бы часть его. В то время, как Макар и Линдов (после Иннокентия) в течение *долгих месяцев* *составляли* организацию бюро, *подбирали* агентов, *устраивали* ряд объездов по делам центральной организации, организовывали совещания с агентами и кандидатами на кооптацию (Макар с Кацапом и др., с Милютиным и др.), сносились с общепартийным центром думской с.-д. работы, с столичными с.-д. кружками при выборах (Москва) и т. д. и т. д.

Никакой подобной работы ни Юдин, ни Костров не делали. Ни один из них *ровно ничего,* абсолютно ничего в такого рода деятельности не дали.

О «кооптации» Юдина и Кострова в бюро *пи одно* официальное учреждение партии за границей (ни ЦО ни ЗБЦК) *ни единого* формального сообщения не получало.

После провала Макара и Линдова, в течение *свыше 2-х месяцев* ни единой бумажки, ни единого письма, ни звука о Юдине и Кострове, об их работе

в бюро никто не слышал. Не только никто не признавал Юдина и Кострова за бюро (как признали *все* и без споров Макара и Линдова), но даже и не просили Юдин и Костров ни о копейке денег, даже не сообщали в ЗБЦК (как сообщали Макар и Линдов) о составлении ими бюро.

Мы утверждаем, что при таком положении дела ссылка Игорева на то, что Костров и Юдин составляют «бюро», есть *издевка* над партией, *введение в обман* партии. И мы разоблачим этот обман.

Далее. Всякие попытки теперь, после опыта Инока, Макара и др., после разоблачений Ольгина[106] и т. д. восстановлять ЦК в России из старых лондонских цекистов мы считаем прямой *работой на Столыпина.* Мы предостерегаем партию от тех, кто ловит несведущих людей на удочку, посылая цекистов в условия *невозможные,* на задачу *неосуществимую,* прямо *в пасть полиции.*

Наконец, что касается *незаявленного* Игоревым в ЗБЦК, но сообщаемого им в бумаге от 1. VI. 1911 *«плана»* созвать пленум *через месяц,* то мы обращаем внимание партии на новую *интригу* ликвидаторов в деле созыва ЦК.

Через месяц не созыв ЦК, а только *«своз»* фиктивных цекистов возможен — вот в чем суть этой интриги голосовцев!

Беки потеряли *на центральной работе* после пленума *четырех* членов ЦК (Мешковский + Иннокентий + Макар + Линдов). Меки — *ни одного,* ибо ни один не работал!!

И вот теперь голосовцы смеют предлагать *месячный* срок, рассчитывая свезти господ вроде «Петра», *ни единого раза* за целые полтора года (после пленума) не сделавшего абсолютно ничего для работы, *ни разу* даже не являвшегося в бюро. Голосовцы знают, что за месячный срок *«созыв»* беков, находящихся в ссылке по суду или административной, *не возможен!!*

Они посылали ЦК в Россию, *«чтобы он там провалился»!*

Они дождались провала *всех* беков.

Они сохранили всех не работавших *и фиктивных* меков.

Они хотят назначить месячный срок, чтобы фиктивные цекисты вроде Петра могли быть *подвезены,* и чтобы работавшие беки *н е м о г л и* быть даже оповещены!

Напрасно думают, что эта *игра* ликвидаторов с созывом пленума останется неразоблаченной перед партией!

Написано между 19 и 23 мая (1 и 5 июня) 1911 г.

Печатается по рукописи

2
КОНСПЕКТ (ПЛАН)ДОКЛАДА ТРЕХ ЦЕКИСТОВ БЕКОВ ЧАСТНОМУ СОВЕЩАНИЮ ДЕВЯТИ ЧЛЕНОВ ЦК

1. История попыток восстановления ЦК в России.

Два периода:

(а) I. 1910 — VIII. (или IX.) 1910.

Два члена ЦК беки арестованы при попытках созвать ЦК. *Много раз* назначались ими собрания ЦК. *Ни разу* ни Михаил + Юрий + Роман, *ни один* мек вообще не явились.

(б) Конец 1910 — весна 1911 года.

Новое бюро создано 2-мя членами ЦК беками. *Никакого* участия в их *работе* (сношения с агентами, с думской фракцией, с московскими социал-демократами при выборах и т. п.) *ни один* мек не принял.

Чтобы «голоснуть», *один* мек (Костров) один или 2 раза явился в бюро!

Оба бека арестованы.

Итог: *все* беки, члены ЦК, взяты *за* центральную работу и *на этой* работе.

Из меков часть (Михаил + Юрий + Роман) отказались от *всякого* участия, один (Петр) не принял за $1^1/_2$ года *ни* малейшего участия, один (Костров) за $1^1/_2$ года дважды явился (в 1911 году!) в бюро, не приняв никакого участия в центральной работе. После провала беков, за $2^1/_2$ месяца этот мек *ни одного* шагу не сделал, *ни одного письма* даже не написал о том, что он восстановляет ЦК.

Поэтому заявление Игорева, что этот мек + бундовец составляют теперь *бюро* (формально даже не заявленное

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Конспект (план) доклада трех цекистов беков частному совещанию девяти членов ЦК». — 1911 г.
Уменьшено

в ЗБЦК и *никем* не признанное!), мы считаем прямо издевкой.

2. Возможно ли теперь восстановление заграничного пленума?

Юридически: налицо 9 человек из 15. *Формально* они могут (а) провозгласить себя пленумом. Будучи бесспорным формально, такой шаг, *вероятно,* возможен лишь перевесом одного голоса, т. е. решением 5, из этих 9, против 4. *На деле* значение такого формально безупречного шага ничтожно: не подлежит сомнению, что *роли* ЦК выполнить *невозможно* при таких условиях.

(б). Формально возможно также, что эти наличные 9 членов ЦК станут свозить из России имеющих права кандидатов. Что это будет означать на деле? Меки могут «свезти» либо своих ликвидаторов (Михаила + Юрия + Романа и т. п.), которых за членов ЦК после известного выступления Михаила + Юрия + Романа ни один из честных партийцев не признает; — либо двух цекистов, бывших на пленуме в I. 1910 и с тех пор, за $1^1/_2$ года, никакой центральной работы не делавших. Срок, в течение которого можно их свезти, неопределенен.

Беки могут свезти еще двух своих кандидатов в дополнение к 3-м наличным бекам. Чтобы свезти этих кандидатов, нужны месяцы и месяцы работы для сношения с ссыльными, организации побегов, устройства средств жизни для семей и т. д. и т. п. Сколько месяцев понадобится для этой «работы», сказать невозможно.

Реальное значение для партии этой неопределенна долгой работы своза «формальных» кандидатов, неспособных теперь на деле вести в России центральной работы, будет не только нолем. Оно будет хуже ноля, ибо *заслонит* от местных партийных групп печальную, требующую энергичной инициативы, действительность *игрой* в распределение мест наверху.

После $1^1/_2$ лет безуспешного восстановления ЦК угощать партию еще и еще «завтраками»: завтра будет «у вас» ЦК — это значило бы издеваться над партией. Мы в таком издевательстве участвовать не намерены.

3. Нечего и говорить, что попытки собрать теперь кандидатов в России, чтобы восстановить там ЦК, могут исходить лишь от сторонников Столыпина. Полиция знает *всех* кандидатов и караулит их, как доказали провалы Иннокентия и Макара дважды и трижды. Это — во-первых и в главных. А во-вторых, настоящая цель такого созыва — кооптация россиян неосуществима теперь, ибо нет налицо кандидатов (взяты вместе с Макаром последний раз) и невозможно требуемое уставом единогласие при кооптации меков, ибо ни один большевик (об этом заявил уже Инок Сверчкову) ни одного ликвидатора (голосовца тож) не пустит.

4. *Реальное* положение партии сейчас таково, что на местах почти везде имеются совершенно неформальные, крайне маленькие и мелкие, нерегулярно собирающиеся, партийные рабочие группки и ячейки. Везде они воюют с ликвидаторами-легалистами в союзах, клубах и т. д. Между собой они не связаны. Литературу видят крайне редко. Среди рабочих пользуются престижем. Сплачиваются в этих группках беки + плехановцы и отчасти те из «впередовцев», которые читали «впередовскую» литературу или слышали впередовских ораторов, но не втянулись еще в созданную за границей обособленную фракцию впередовцев.

Некоторое, хотя небольшое, влияние среди части питерских рабочих эта антипартийная фракция несомненно имеет. Доказано вполне, что никакому ЦК она не подчиняется и по мере сил работе с.-д. мешает (до сих пор она не призвала прямо к выборам в IV Думу и продолжает заигрывать с отзовистами).

Несравненно более серьезную антипартийную и антисоциал-демократическую силу представляет фракция *независимых легалистов* («Наша Заря» + «Дело Жизни» + «Голос С.-Д.»). Доказано вполне, что никакому ЦК они не подчиняются, издеваясь публично над его решениями. Проводить резолюции пленума («не принижать» значения нелегальной партии и т. д.) они *не могут,* ибо не хотят. Они не могут не вести *обратной* линии.

Ни один добросовестный с.-д. не может усомниться в том, что «независимые легалисты» ведут подготовку выборов в IV Думу и проведут эти выборы *помимо и против* партии.

Задача партийцев ясна: не допускать дольше ни малейшей оттяжки, не откладывать *прямого* выступления против независимых легалистов ни на день, открыто и решительно призвать партийные рабочие кружки в России к тому, чтобы начать готовиться к выборам и *на выборах* предупреждать рабочих против «независимых легалистов», бороться с ними, проводить *только* сознавших опасность этого течения, *только* вполне партийных рабочих.

Такова задача дня нашей партии. Всякое уклонение от этой постановки реально поставленного жизнью (и независимыми легалистами) вопроса, всякие увертки, оттяжки, попытки повторить игру с «обещаниями» и «уверениями» легалистов грозят партии величайшей опасностью.

5. Практический вывод наш: собранию 9-ти следует предложить непременно и немедленно обратиться к партии с воззванием, излагающим правдиво и полно неуспех созыва ЦК в России, зовущим местные кружки к инициативе и созданию областных, а затем центральной *организационной комиссии* и к решительной, прямой, непреклонной борьбе с «независимыми легалистами».

Подкреплять этот призыв формальным вотумом пленума ЦК следует лишь в том случае, если не пять членов ЦК из девяти, а громадное большинство из девятки согласится признать себя пленумом и встать на путь решительной борьбы с группой (фракцией) независимых легалистов. Само собою понятно, что такая борьба несовместима с участием этих легалистов в центральных учреждениях, которые они срывали, тормозили, обессиливали и «держали в болезненном состоянии» полтора года.

Написано между 19 и 23 мая (1 и 5 июня) 1911 г.

Печатается по рукописи

3
ДОКЛАД О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ [107]

После пленума ЦК в январе 1910 г. большевики прилагали все усилия для пополнения состава ЦК и возобновления его деятельности. Члены ЦК Макар и Иннокентий вошли в сношения с местными партийными организациями и партийцами — деятелями открытого рабочего движения, наметили совместно с ними кандидатов для кооптации в ЦК и т. д. Но попытки большевиков цекистов окончились арестом обоих. Со стороны голосовцев они никакой помощи в работе в России не встретили. Представители меньшевиков, выбранные на Лондонском съезде, Михаил, Юрий, Роман, теперь перешедшие в ряды независимых легалистов, не только отказались от работы в ЦК, но заявили, что самое существование его считают для рабочего движения вредным.

После перерыва в несколько месяцев, в 1910 г., бежавший из ссылки т. Макар и т. Вяземский вновь основывают бюро для созыва ЦК*. В их работе принимал участие член бюро бундовец Юдин. На протяжении 6 месяцев они вновь вступают в сношения с местными организациями, намечают кандидатов в ЦК, посылают агентов, совместно с думской фракцией принимают участие в организации избирательной кампании на дополнительных выборах в Москве.

* Это временное бюро было признано как национальными организациями, так и ЗБЦК и ЦО нашей партии.

Из представителей меньшевиков им удалось войти в сношения только с т. Костровым, который один или два раза приезжал лишь для того, чтобы использовать свое право голосования, если дело дойдет до созыва ЦК.

После 6-месячной деятельности цекисты большевики были арестованы вместе с несколькими кандидатами для кооптации в ЦК, товарищем секретарем и рядом других лиц, имевших какое-либо отношение к деятельности бюро. В письме, посланном из тюрьмы после ареста, тт. цекисты констатируют, что жандармы на протяжении ряда месяцев систематически за ними следили и были осведомлены обо всех их шагах, а равно, что провокация в связи с подготовкой созыва ЦК в России — несомненна. После провала двух членов бюро (Макара и Вяземского) оставшиеся на воле цекисты — Юдин и Костров на протяжении $2^{1}/_{2}$ месяцев *никакой деятельности* не проявили, никаких даже писем ни в ЗБЦК ни в ЦО не посылали.

В результате $1^{1}/_{2}$-летней работы над восстановлением ЦК в России 4 его члена большевика (Мешковский, Иннокентий, Макар, Вяземский) находятся в ссылка или в тюрьме. Из жандармских дознаний и целого ряда арестов с несомненностью выяснилось, что *все* лондонские кандидаты и члены ЦК властям самым доскональным образом известны и за ними организовано тщательное наблюдение. Делать новые попытки созыва ЦК в России при всех этих условиях значило бы идти на верный провал без какой-либо надежды на успех.

Единственно возможным выходом из создавшегося положения был бы созыв заграничного пленума. За границей находятся 9 человек, имеющих право принимать участие в пленуме[108]. Это составит более половины полного его состава (15 человек). Юридически они могут, а по существу дела должны объявить себя пленумом.

Предложение отложить конституирование пленума до созыва остальных его членов означало бы дальнейшую проволочку на целый ряд месяцев.

За исключением Михаила, Юрия и Романа, открыто заявивших о своем разрыве с ЦК и о своих симпатиях

ликвидации партии, меньшевики могут «свезти» Кострова и Петра. Большевики могут свезти Мешковского, Иннокентия, Рожкова и Саммера. Сколько месяцев понадобится для этого, сказать невозможно.

Реальное значение для партии этой неопределенно долгой «работы своза» формальных кандидатов равняется, после пережитого опыта, нолю. Оно хуже ноля, так как заслоняет от местных организаций и групп печальную, требующую энергичной инициативы, действительность игрой в распределение мест наверху. После $1^1/_2$ лет безуспешных попыток восстановления деятельности ЦК угощать партию новыми бесконечными оттяжками — это значит издеваться над партией. Мы в таком издевательстве участвовать не намерены.

Реальное положение партии сейчас таково, что на местах почти везде имеются маленькие, нерегулярно собирающиеся партийные рабочие группы и ячейки. Везде среди рабочих они пользуются крупным престижем. Везде они воюют с ликвидаторами-легалистами в союзах, клубах и т. д. Между собой они пока не связаны. Литературу видят крайне редко. Сплачиваются в этих группах рабочих большевики и меньшевики — партийцы и отчасти те из «впередовцев», которые не втянулись в созданную за границей обособленную «впередовскую» фракцию.

Все время после пленума группа «Вперед» использовала для того, чтобы из-за границы укреплять и обособлять свою фракцию организационно. Ее представители вышли из редакции «Дискуссионного Листка»[109] и Школьной комиссии при ЦК. Решений последнего пленума группа «Вперед» не исполнила и наоборот по мере сил общепартийной работе с.-д. мешала. В легальной и нелегальной партийной литературе давно уже начата подготовка к предстоящим выборам. А между тем группа «Вперед» в этом чрезвычайно важном для партии политическом выступлении не только не оказывает помощи партии, но даже не сказала прямо, стоит ли она вообще за участие в выборах в IV Думу или высказывается против участия в них. Даже в самых последних своих литературных выступ-

лениях заграничные руководители группы «Вперед» продолжают заигрывать с отзовистами.

Несравненно более серьезную антипартийную и антисоциал-демократическую силу представляет фракция *независимых легалистов* («Наша Заря», «Дело Жизни» и те голосовцы, которые, как Дан, Мартов и $К^0$, их прикрывают). Доказано вполне, что никакому ЦК они не подчиняются, издеваясь публично над его решениями. Проводить резолюции последнего пленума («Не принижать значения нелегальной партии» и т. д.) *они не могут* и не хотят. Они не могут не вести *обратной* линии.

Ни один с.-д. не может усомниться в том, что от «независимых легалистов» можно ожидать того, что они поведут самостоятельную избирательную кампанию в IV Думу *помимо и против* партии.

Задача с.-д. партийцев ясна: необходимо открыто и решительно призвать партийные рабочие кружки в России к тому, чтобы начать немедленно готовиться к выборам. Необходимо в качестве с.-д. кандидатов выставлять *только* вполне партийных людей, только товарищей, сознавших опасность ликвидаторского течения. Нельзя откладывать *прямого* выступления против независимых легалистов ни на день, необходимо немедленно предупредить рабочих насчет той опасности, которая грозит с.-д. партии на выборах со стороны независимых легалистов.

Такова задача дня нашей партии. Всякое уклонение от этой постановки реально поставленного жизнью (и независимыми легалистами) вопроса, всякие оттяжки, попытки повторить игру с «обещаниями» и «уверениями» легалистов грозят партии величайшей опасностью.

Практический вывод наш: собрание 9-ти должно непременно и немедленно обратиться к партии с воззванием, излагающим правдиво и полно неуспех созыва ЦК в России, зовущим местные кружки к инициативе и созданию местных и областных комитетов, к созданию и поддержке центральной организационной комиссии, к созданию и поддержке литературных с.-д. органов

(в которых, как и в издающейся при участии и поддержке с.-д. думской фракции «Звезде», не должно быть места ликвидаторам), к решительной, непреклонной борьбе с «независимыми легалистами» и к сближению на работе представителей действительно партийных элементов без различия течений. В том случае, если не только 5 членов ЦК из 9-ти, а солидное большинство из девятки согласится признать себя пленумом ЦК, — это собрание ЦК должно немедленно произвести кооптацию новых членов, создать организационную комиссию по созыву конференции и заняться практической подготовкой к выборам в IV Думу. В организационную комиссию и в ЦК должны быть немедленно введены представители меньшевиков-партийцев. Собрание ЦК должно встать на путь решительной борьбы с фракцией независимцев-легалистов. И само собою понятно, что такая борьба не совместима с участием независимых легалистов в центральных учреждениях партии, которые они срывали, тормозили, обессиливали и «держали в болезненном состоянии» полтора года.

Написано между 19 и 23 мая
(1 и 5 июня) 1911 г.

Печатается впервые,
по копии, написанной рукой
Ф. Э. Дзержинского

4
ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О КОНСТИТУИРОВАНИИ СОВЕЩАНИЯ

28 МАЯ (10 ИЮНЯ)

1[110]

Если партия $1^1/_2$ года страдает от оттягивания пленума, то национальные организации должны были уже давно выбрать представителей. Тов. латыш поставил вопрос совсем иначе, чем бундовец. Он сказал, что хотя он и не выбран, но ввиду условий созыва пленума он счел себя обязанным принять участие с тем, что потом он представит доклад в ЦК Латышского края, с тем, что решения войдут в силу для Латышского края только по утверждении ЦК Латышского края.

2

Здесь действительно дурачат товарищей[111]. Мы знаем, что Макар и Линдов кое-что делали, сносились с организациями, назначали агентов, сносились с кандидатом. Они провалились. С тех пор никаких известий ни от одного из оставшихся мы не получали. Они даже не известили ни ЦО, ни ЗБЦК. Никакой работы не было. Дальше обманывать партию Русским бюро и Русским ЦК невозможно. Созыв ЦК в России — это фраза, которая помогает Столыпину.

В заявлении Ионова сказано, что он пошлет свое приглашение в ЦК Бунда[112]. Когда же он перешлет? Сколько с того времени прошло? Почему нет ответа? Ионов пишет, что не имея полномочий, он не может явиться на собрание цекистов. Почему же здесь Либер? Предлагаю вынести резолюцию по поводу ответа Ионова, так как из него ясно, что ведется интрига.

3

Подведем итоги тому, что было сказано о бюро. Оказалось, что речь идет об оставшихся членах бюро. О работе сказано, что никакой работы не было. Тов. Адрианов, видный меньшевик, если бы он работал, то мекам об этом неизбежно было известно. Даже его тесные единомышленники ничего об этом не знают. Дальнейшая игра на то, что где-то есть бюро, есть обман партии. Бер не мог снестись с ЦК Бунда вследствие провалов. Как же быть партии? Она не может ждать. Тут обязательна инициатива.

4

Бер кричит о законе и в то же время решительно боролся в ЗБЦК против закона и в пользу ликвидаторов[113]. Такое поведение заставляет меня подозревать искренность его заявлений и ожидать с его стороны новых попыток к срыву общепартийных учреждений.

Печатается впервые,
по протокольной записи

5
ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КОНСТИТУИРОВАНИИ

Собрание, констатируя, что все члены ЦК, живущие за границей, приглашены на данное собрание и явились все, кроме одного, рассматривает себя как совещание цекистов, находящихся за границей, и ставит в свой порядок дня вопрос о воссоздании ЦК в связи с общим положением партии.

Написано 28 мая (10 июня) 1911 г.

Печатается по рукописи

6
ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О СОЗЫВЕ ПЛЕНУМА ЦК

30 МАЯ (12 ИЮНЯ)

1[114]

Констатирую, что в течение $^1/_2$ года учреждение низшее (ЗБЦК) нарушало постановления и отказывалось созвать учреждение высшее. Я вынужден констатировать это, дабы предостеречь от какого-либо доверия тому учреждению, которое уже $^1/_2$ года пытается закрыть перед партией путь к возобновлению ее центрального учреждения.

2

Я указываю, что с весны еще 1910 года у нас есть письмо от Инока, что за чекистами была слежка. Мы боролись всеми средствами против русской авантюры[115]. Макар возобновил дело в 1910 году и посылка денег сразу обнаружила безнадежность этой попытки. Сразу было видно, что созывать ЦК в России — значит посылать в тюрьму. С весны 1908 года до пленума 1910 года ни одного раза ЦК в России не собрался. История созыва в России показывает невозможность этой задачи. Нельзя было посылать ЦК в Россию, кроме как в тюрьму.

3[116]

За $1^1/_2$ года на центральной работе провалились 4 большевика. Ни один меньшевик не арестован, так как работали над созданием столыпинской партии.

Писем нам не писали и прекращали переписку из-за конспирации. Меньшевики не только не работали над созданием ЦК, но отказались даже явиться для кооптации (Михаил, Роман и Юрий), Петр не был и на пороге бюро, Костров жил рядом. Неопровержимый факт, что работали только беки.

4

Относительно Любича у нас есть письмо от Инока с указанием на его согласие работать. Относительно Петра у нас есть только сведения, что он не появился даже на пороге бюро. Член ЦК, ясное дело, должен ехать для работы в ЦК. Мартынов — эмигрант = Богданову, Никите. Если приглашать его, то нужно пригласить их и Виктора. Михаил, Юрий и Роман ни в каком отношении к ЦК не стоят. Это люди, которые строят столыпинскую рабочую партию, занимаются деятельностью, решительно осужденной Январским пленумом. Как с творцами столыпинской рабочей партии, так и с теми, которые им помогают, мы ничего общего не имеем.

Печатается впервые,
по протокольной записи

7
ПРЕДЛОЖЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О СОЗЫВЕ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Организационная комиссия[117] привлекает к работе по созыву конференции представителей местных организаций в России и влиятельных, занятых деятельностью среди масс, товарищей с тем, чтобы они, по возможности немедленно, составили русскую коллегию, выполняющую всю практическую работу по созыву конференции, под общим контролем Организационной комиссии — в смысле исполнения директив, указанных в резолюциях и в письме пленума.

Написано 1 (14) июня 1911 г. *Печатается по рукописи*

8
ЗАЯВЛЕНИЕ[118]

Голосуя за резолюцию в целом[119] ради того, чтобы сблизить по возможности все без исключения партийные элементы, мы решительно протестуем против допустимости приглашения в Организационную комиссию заграничных голосовцев и впередовцев, т. е. представителей антипартийных, сложившихся за границей в особые фракции, групп, доказавших в течение полутора года после пленума, что они способны действовать только *против* партии, только *тормозя* ее работу, только помогая независимой легалистской рабочей партии или отзовистам.

Н. Ленин

Написано 1 (14) июня 1911 г. *Печатается по рукописи*

К ИТОГАМ ДУМСКОЙ СЕССИИ

«ВМЕСТЕ ДЕЛАЛИ»

В «историческом» заседании Думы 27 апреля г. Тесленко возражал г. Столыпину, между прочим, следующим образом:

«Председатель Совета министров говорил Государственной думе, — да, гг., я приду к вам на помощь в самом непродолжительном времени. Вот вы, наверное, устроите так со старообрядческим законом, что перед перерывом придется его отклонить, и тогда во время перерыва он будет проведен. Мне даже почудился в этом какой-то этакий фамильярный тон, какой-то такой тон, как будто бы здесь нам говорят: да мы с вами вместе это делали. И, гг., простите, если я невольно вспомнил ту сцену из «Ревизора», где городничий говорит: «А! вы на меня жаловаться?! А вспомните, как мы вместе с вами делали то-то и то-то». И, гг., я полагаю, что, может быть, те, кто раньше рассчитывал на эту помощь, кто, может быть, вперед на нее рассчитывает, я думаю, они должны были почувствовать себя неловко и, может быть, они подумали, и хорошо, если они подумали: избави нас бог от таких друзей, а с врагами мы справимся».

Г-н Тесленко, как отмечал стенографический отчет, снискал себе за эти тирады «рукоплескания слева» — очевидно, из рядов фракции народной свободы. Кадеты усмотрели тут удачную иронию над октябристами. Но в этом случае, как и во многих других, они хлопали, не вдумавшись в глубокий смысл слов, вырвавшихся у их оратора. Они хлопали, думая, что эти слова колют только октябристов, компрометируют только этого их особенно ненавистного конкурента. Они не поняли, что удачное словечко г-на Тесленко, если серьезно разобрать его значение, есть правда, которая

колет глаза и октябристам и кадетам. На этой правде стоит остановиться, потому что она касается одного из самых важных вопросов политической истории России за последние пять-шесть лет — и каких лет.

«Мы с вами вместе это делали» — хорошо сказано, г. Тесленко. Но, может быть, вернее будет выражаться: хорошо *повторено* то, что много раз говорилось на «левых» «митингах», к которым обыкновенно так пренебрежительно относятся господа кадеты. «Мы с вами вместе это делали» — эти слова относятся вовсе не к одним только законопроектам третьей Думы, вовсе не к одной только пресловутой «вермишели». Они относятся ко *всему тому,* что «делали» с конца 1905 года «вместе» и гг. Столыпины и вся русская либеральная или либеральничавшая буржуазия. «Фамильярный тон» у г. Столыпина не только «почудился» кадетскому оратору: этот тон действительно свойственен всем речам Столыпина, всей политике Столыпиных по отношению к буржуазии (дающей, между прочим, в лице октябристских и кадетских депутатов, большинство депутатов третьей Думы).

Фамильярный тон — переходящий при всяком серьезном обороте событий в грубое третирование и даже насилие — вызывается тем, что не одни октябристы, но и кадеты только для красного словца, исключительно ради хлопка (это великолепно знают Столыпины) бросают такие фразы: «избави нас бог от таких друзей» (т. е. от Столыпиных), «а с врагами» (т. е., должно быть, и с правой реакцией и с левой... как бы это помягче сказать?.. «требовательностью») «мы сами справимся».

Не будь эти фразы только фразой, Россия была бы уже вполне и бесповоротно избавлена «от таких друзей». Но соль как раз в том, что кадеты бросают подобные фразы только в разгар «оппозиционных» выступлений — оппозиционно выступать с общегосударственной трибуны нельзя без какого-нибудь, хотя бы самого легкого, налета демократизма. Вот и срываются демократические заявления, которые так полезно сопоставлять с *делами* тех же кадетов. Историческая роль играющей в демократизм (или грозящей

врагу справа демократизмом) буржуазии в том и состоит, что кое для кого из народных низов эта словесная «игра» служит иногда серьезную службу, пробуждает искреннюю и глубокую демократическую мысль. «Когда наверху играют на скрипке, внизу является желание потанцевать». Латинская пословица говорит: littera scripta manet — написанное не пропадает. И сказанное не всегда пропадает, даже если оно только ради фразы и эффекта сказано.

Отсюда не следует, конечно, что лицемерную фразу кадетов позволительно принимать за чистую монету, позволительно объявлять или считать демократизмом. Но отсюда следует, что всякой лицемерной фразой кадетов в духе демократизма надо пользоваться, во-первых, для того, чтобы показать расхождение слова с делом у говорящего, а во-вторых, для того, чтобы показать настоящее, жизненное, непосредственное значение демократизма для тех «низов», до которых долетают эффектные фразы ораторов Таврического дворца.

Лицемерными приведенные выше рассуждения г-на Тесленко являются не потому, чтобы г. Тесленко лично лицемерил: он мог просто увлечься потоком своего оппозиционного красноречия. Лицемерие здесь в том, что *слова* представителя партии к.-д. расходятся с *делами* этой партии во все серьезные моменты новейшей русской истории.

Припомните события в августе 1905 года. Что делал в это время предшественник г. Столыпина? Налаживал булыгинскую Думу[120] и выборы в нее. Что делал г. Тесленко и его единомышленники? Налаживали, в пределах своих сил и соответственно своей «специальности» общественной работы, те же выборы. «Мы с вами вместе это делали», вправе сказать г. Булыгин (и г. Столыпин) г-ну Тесленко. И г. Тесленко «делал вместе» именно потому, что побаивался остаться без тех из своих «друзей», о которых он теперь так величественно, так рыцарски-храбро говорит: «избави нас бог от таких друзей»...

Припомните события четверть года спустя после издания закона о булыгинской Думе. Что делал тогда

предшественник г. Столыпина? Он сопротивлялся, например, почтово-телеграфному движению и многочисленным разветвлениям аналогичных движений. Г. Тесленко или, по крайней мере, его партия в лице гг. Струве, Караулова и других, сопротивлялась тому же самому движению по-своему. «Мы с вами вместе это делали», вправе сказать г. Витте (и г. Столыпин) гг. Тесленко. То же самое было 1-го мая 1906 года по отношению к рабочему празднику, немного позже по отношению к «местным земельным комитетам», в 1907 году систематически и неуклонно по отношению к рабочим и крестьянским депутатам второй Думы и т. д. и т. п.

Известный кадетский писатель г. Изгоев в «Вехах» подвел правильный итог этой многолетней политике своей партии, написав: «Надо иметь, наконец, смелость сознаться, что в наших Государственных думах огромное большинство депутатов, за исключением трех-четырех десятков кадетов и октябристов, не обнаружило знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России».

«Смелое сознание» г-на Изгоева смело потому, что, отбросив все аппарансы и всякую дипломатию, автор обмолвился тут *правдой.* Кадеты действительно руководились «в наших Государственных думах» тем помещичьим, буржуазным, либерально-монархическим «знанием», которым нельзя было удовлетворить «огромное большинство депутатов», особенно слева. И уж, конечно, разумеется само собой, что Столыпин боролся с этими последними депутатами, опираясь именно на «знания» (на интересы и точку зрения, вернее сказать) «трех-четырех десятков кадетов и октябристов». «Мы с вами вместе это делали», боролись с неумелостью, неопытностью, невежественностью крестьян и рабочих, — вправе сказать г. Столыпин всей кадетской партии.

Главный итог думской сессии за текущий год состоит в том, что чрезмерная «фамильярность» Столыпина с большинством III Думы — и притом именно с буржуазным, октябристско-кадетским большинством ее — показалась невтерпеж даже этому долготерпеливому

большинству. Старая власть фамильярно третирует буржуазию, которая чувствует очень хорошо свое значение в новых, в современных экономических условиях и вздыхает по самостоятельности, даже по власти. Эпизод с 87 статьей обнаружил эту фамильярность так резко и задел при этом кое-кого из сильных мира сего так невежливо, что самые долготерпеливые люди начали ворчать. Но дальше воркотни они не в силах идти. Они связаны по рукам и по ногам, и потому не могут идти дальше. Они связаны тем, что в течение всех последних лет, в самые важные моменты русской истории они боязливо отворачивались от широкого народного движения, враждебно сторонились от демократии — от настоящей, живой, действовавшей, массовой демократии — нападали на нее с тылу, как нападал на нее Столыпин. И, связанные этим, октябристы и кадеты терпят теперь казнь по заслугам; по сути дела им *нечего* возразить, когда фамильярно третирующий их Столыпин говорит им: если я враг демократии, то и вы, любезные, испугались ее, «мы с вами вместе это делали».

«Звезда» № 24, 28 мая 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

О СТАРЫХ, НО ВЕЧНО НОВЫХ ИСТИНАХ

Происшествия, вызвавшие отсутствие рабочих делегатов на II съезде фабричных врачей в Москве, известны читателям из газет[121]. Мы не можем здесь останавливаться на подробном изложении этих происшествий и освещении их значения. Отметим лишь поучительные рассуждения *«Речи»* от 14-го апреля, т. е. в день открытия съезда — в передовой статье, писанной накануне этих происшествий.

«К сожалению, — писал орган партии к.-д., — этому участию (участию представителей рабочих) ставятся внешние препятствия. Хорошо известно, какая судьба постигает некоторых слишком пламенных ораторов. В результате представителям рабочих хочется говорить о трудности для них сосредоточиться на специальных вопросах, о невозможности организовать правильное представительство на съезде, о препятствиях, чинимых их организациям, и о многом таком, что опять-таки далеко от программы съезда и обсуждение чего отвлекает от намеченных вопросов, а иногда и ведет к нежелательным последствиям. Сгущенной атмосферой объясняется и та нетерпимость, которую представители рабочих проявляли к «буржуазным» ораторам, ко всем мероприятиям правительства и к возможности сотрудничества с представителями других общественных групп».

Вся эта тирада — характерный образец бессильных воздыханий, бессилие которых объясняется не случайным составом или какими-либо особенностями данной либеральной партии, данного вопроса и т. п., а гораздо более глубокими причинами: объективными условиями, в которые поставлена либеральная буржуазия вообще

в России XX века. Либеральная буржуазия вздыхает по таким «порядкам», когда бы она могла иметь перед собой рабочих, несклонных «ораторствовать слишком пламенно», достаточно «терпимых» к буржуазии, к идее *сотрудничества с буржуазией,* «ко *всем* мероприятиям правительства». Она вздыхает по таким порядкам, когда бы эти скромные «сотрудничающие» с нею рабочие могли «сосредоточиться на специальных вопросах» социальной политики, скромно соглашаясь штопать тришкин кафтан буржуазного попечения о «меньшом брате». Одним словом, русские либералы вздыхают по таким, приблизительно, порядкам, которые мы видим теперь в Англии или Франции *в отличие* от Пруссии. В Англии и во Франции буржуазия господствует полновластно и почти (за малыми исключениями) непосредственно, тогда как в Пруссии первенство за феодалами, за юнкерами, за монархическим милитаризмом. В Англии и во Франции буржуазия особенно часто, свободно и широко пользуется методом привлечения на свою сторону выходцев из пролетариата или изменников его делу (Джон Бернс, Бриан) в качестве «сотрудников», спокойно «сосредоточивающихся на специальных вопросах» и обучающих рабочий класс «терпимости» к господству капитала.

Не подлежит ни малейшему сомнению, что английские и французские порядки гораздо демократичнее прусских, гораздо благоприятнее для борьбы рабочего класса, гораздо выше стоят по степени отмирания учреждений средневековой старины, заслоняющих от него его главного и настоящего противника. Не подлежит поэтому ни малейшему сомнению, что в интересах русских рабочих поддержка всех стремлений к пересозданию нашей родины по типу более англо-французскому, чем прусскому. Но этим бесспорным выводом нельзя ограничиваться, как это слишком часто делают. Спорный вопрос или спорные (с демократами разного толка) вопросы здесь только и начинаются.

Поддержка стремлений нужна, но, чтобы поддерживать слабого и качающегося, надо опирать его на

что-либо более твердое, надо рассеивать иллюзии, мешающие видеть слабость, мешающие понять причины слабости. Тот, кто укрепляет такие иллюзии, кто присоединяется к бессильным воздыханиям бессильных, непоследовательных, шатких сторонников демократии, тот не поддерживает стремлений к буржуазному демократизму, а обессиливает эти стремления. Буржуазия в Англии и во Франции в свое время, в половине XVII века или в конце XVIII, не вздыхала по случаю «нетерпимости» меньшого брата, не строила кислых гримас по поводу «слишком пламенных ораторов» из числа этого меньшого брата, а сама поставляла ораторов (и не только ораторов) *самых* пламенных, будивших чувство презрения к проповеди «терпимости», к бессильным *воздыханиям,* к колебаниям и нерешительности. И из числа этих пламенных ораторов находились люди, в течение веков и веков оставшиеся светочами, учителями, несмотря на всю историческую ограниченность, зачастую наивность их тогдашних представлений о средствах избавления от всяческих бедствий.

Немецкая буржуазия тоже вздыхала, подобно русской, по поводу того, что у «меньшого брата» ораторы «слишком пламенные», — и в истории человечества она явила образец низости, подлости, лакейства, награжденного пинками «юнкерских» сапогов. Различие той и другой буржуазии объясняется, конечно, не «свойствами» разных «рас», а высотой экономического и политического развития, заставлявшего буржуазию бояться «меньшого брата», — заставлявшего буржуазию бессильно колебаться между осуждениями насилий феодализма и осуждением «нетерпимости» рабочих.

Старые все это истины. Но они вечно новы и остаются новыми, когда приходится читать в издании людей, желающих быть марксистами, такие строки:

«Неудача движения 1905—1906 гг. была обусловлена не «крайностями» левых, ибо эти «крайности» сами, в свою очередь, обусловливались совокупностью целого ряда причин, не «предательством» буржуазии, которая повсюду на Западе «предавала»

в соответственную минуту, а отсутствием оформленной буржуазной партии, которая могла бы встать у кормила правления на место пережившей себя власти бюрократии и которая была бы сильна экономически и достаточно демократична, чтобы иметь за собой поддержку народа». И несколькими строками ниже: «... слабость городской буржуазной демократии, которая должна была бы стать политическим центром притяжения для демократического крестьянства...» («Наша Заря» № 3, стр. 62, статья г. В. Левицкого).

Г-н В. Левицкий больше додумал до конца свое отрицание идеи «гегемонии» («центром притяжения *должна была бы стать* городская буржуазная демократия», а не иной кто!) или смелее, определеннее договаривает их до конца, чем г. Потресов, подчищавший свою статью в «Общественном движении» под влиянием ультиматумов Плеханова.

Г-н В. Левицкий рассуждает вполне как либерал. Он — непоследовательный либерал, сколько бы марксистских слов им ни употреблялось. У него нет никакого представления о том, что «центром притяжения для демократического крестьянства» *должна была бы стать* совсем иная социальная категория, чем городская буржуазная демократия. Он забывает, что это «долженствование» *было* действительностью в течение крупных исторических периодов и Англии, и Франции, и России, — причем в последней стране периоды эти были крупны по значению, но малы по времени, а в первых двух странах большей частью демократическое, ультрадемократическое, «слишком пламенное» плебейство объединяло разнородные элементы «низов».

Г-н В. Левицкий забывает, что эти «низы» даже в те короткие периоды, когда им случалось в истории играть роль «центров притяжения для демократического крестьянства», когда им удавалось *вырвать* эту роль из рук либеральной буржуазии, оказывали решающее влияние на то, *какую степень* демократизма получала страна в последующие десятилетия так называемого спокойного развития. Эти «низы» в короткие периоды *своей* гегемонии воспитывали свою буржуазию, переделывали ее так, что она потом старалась

пятиться назад, но *не могла* в этом попятном движении зайти дальше, скажем, второй палаты во Франции или отступлений от демократизма выборов и т. д., и т. п.

Вот эта, историческим опытом *всех* европейских стран подтверждаемая, идея о том, что в эпохи буржуазных преобразований (или вернее: буржуазных революций) буржуазная демократия каждой страны оформливается так или иначе, принимает тот или иной вид, воспитывается в той или иной традиции, признает тот или другой минимум демократизма, смотря по тому, насколько *гегемония* переходит в решающие моменты национальной истории *не* к буржуазии, *а* к «низам», к «плебейству» XVIII века, к пролетариату XIX и XX веков, эта идея г-ну В. Левицкому чужда. Эта идея гегемонии и составляет одно из коренных положений марксизма, разрыв с которыми (или даже равнодушие к которым) у ликвидаторов является глубочайшим источником целого ряда непримиримых принципиальных разногласий с противниками ликвидаторства.

Каждая капиталистическая страна переживает эпоху буржуазных революций, когда складывается та или иная степень демократизма, тот или иной уклад конституционализма или парламентаризма, та или иная степень самостоятельности, независимости, свободолюбия и инициативности «низов» вообще, пролетариата в частности, та или иная традиция во всей государственной и общественной жизни. Какова будет эта степень демократизма и эта традиция, — зависит именно от того, будет ли гегемония в *решающие* моменты принадлежать буржуазии или ее антиподу, будет ли первая или последний (опять-таки в эти решающие моменты) «центром притяжения для демократического крестьянства» и для всех вообще демократических промежуточных групп и слоев.

Г-н В. Левицкий мастер на блестящие формулировки, сразу резко и ясно вскрывающие идейные основы ликвидаторства. Такова его знаменитая формула: «*не* гегемония, *а* классовая партия», означающая

в переводе на русский язык: не марксизм, а брентанизм (социал-либерализм). Столь же знаменитыми станут, наверное, две отмеченные здесь формулы: «центром притяжения для демократического крестьянства *должна была бы стать* городская буржуазная демократия» и «неудача обусловлена отсутствием оформленной буржуазной партии».

«Звезда» № 26, 11 июня 1911 г.
Подпись: В. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

РЕЗОЛЮЦИЯ II ПАРИЖСКОЙ ГРУППЫ РСДРП О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ [122]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Печатаемая ниже резолюция II Парижской группы РСДРП — группа эта состоит главным образом из большевиков, небольшого числа «впередовцев» и «примиренцев» — намечает основные положения платформы всех большевиков. В такое время, когда обостряется внутрипартийная борьба, особенно важно изложение взглядов *по существу* на коренные вопросы программы, тактики, организации. Люди, подобные Троцкому с его надутыми фразами о РСДРП и с его раболепством пред ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДРП, являются ныне «болезнью времени». Они хотят делать карьеру на дешевенькой проповеди «соглашения» — со всеми, с кем угодно, вплоть до г. Потресова и отзовистов! — причем, по необходимости, хранят полное молчание о политических условиях этого удивительного якобы «соглашения». На деле это — проповедники *капитуляции* пред ликвидаторами, строителями столыпинской рабочей партии.

Все большевики должны сплотиться теперь теснее, укрепить свою фракцию, определить точнее и яснее партийную линию этой фракции, — в отличие от фракций, скрывающих так или иначе свое «лицо», — собрать разрозненные силы и идти в бой за РСДРПартию, очищенную от проводников буржуазного влияния на пролетариат.

Н. Ленин

I

Собрание II Парижской группы РСДРП, обсудив положение дел в РСДРП вообще и последние проявления разгоревшейся заграничной борьбы между социал-демократами и желающими причислять себя к социал-демократии,

считает необходимым прежде всего напомнить основное принципиальное положение, единогласно утвержденное последним (в январе 1910 г.) пленумом ЦК и определяющее характер действительно социал-демократической работы. Это основное положение гласит, что «отрицание нелегальной с.-д. партии, принижение ее роли и значения, попытки укоротить программные и тактические задачи и лозунги революционной социал-демократии» представляют из себя *проявление буржуазного влияния на пролетариат.* Лишь сознание опасности этого уклонения, равно как и всякого «отзовистского» или оправдывающего отзовизм идейно-политического течения, лишь работа, *на деле* преодолевающая эти уклонения, является *социал-демократической* работой.

Собрание констатирует далее, что заграничная редакция «Голоса Социал-Демократа» и группа ее сторонников, голосовцев, вопреки указанной единогласной резолюции пленума, вопреки торжественному обещанию представителей «Голоса» на пленуме *отречься* от ликвидаторства и бороться с ним, — в течение всех более чем полутора лет после пленума проводила именно эту *буржуазную* политику ликвидаторства, поддерживала, оправдывала и защищала такие органы русских, независимых от социал-демократии и от социализма, легалистов, как «Наша Заря», «Возрождение», «Дело Жизни» и пр. Деятели этих органов, как неоднократно признавал от имени партии ЦО ее, как признавали и партийные меньшевики с т. Плехановым во главе, *не имеют ничего общего с РСДРП.* Деятели этих органов не только принижают роль и значение нелегальной с.-д. партии, но прямо отрицают ее, ренегатски поносят «подполье», отрицают революционный характер деятельности и революционные

задачи современного рабочего движения в России, обманывают рабочих, распространяя либерально-буржуазные идеи о «конституционном» характере назревающего кризиса, выбрасывают (а не только укорачивают) такие исконные лозунги революционного марксизма, как признание *гегемонии* рабочего класса в борьбе за социализм и за демократическую революцию. Проповедуя и строя так называемую ими легальную или «открытую» рабочую партию, эти люди на самом деле суть строители *столыпинской «рабочей» партии* и проводники буржуазного влияния на пролетариат, ибо в действительности проповедь этих людей полна буржуазным содержанием, а «открытая» рабочая партия при Столыпине означает не что иное, как открытое ренегатство людей, отрекающихся от задачи революционной борьбы масс с царским самодержавием, III Думой и всей столыпинщиной.

Собрание констатирует, что Заграничное бюро ЦК, долженствовавшее быть техническим его органом, подпало всецело под влияние ликвидаторов[*].

Не исполнив в течение полутора года ни одного данного ему ЦК поручения (например, по объединению заграничных групп на основе признания и проведения решений пленума, или помощи местным организациям, или поручения добиться закрытия «Голоса» и прекращения фракционной обособленности группы «Вперед»), Заграничное бюро прямо содействовало врагам социал-демократии, ликвидаторам.

В насмешку над партией, большинство ЗБЦК систематически *срывало,* начиная с декабря 1910 г., созыв пленума (обязательный по уставу). Семь недель Заграничное бюро Центрального Комитета потратило на одно «голосование» вопроса о пленуме при первом заявленном большевиками требовании созвать этот пленум. В результате 7-недельного голосования ЗБЦК признало, что требование пленума со стороны большевиков

[*] Голосовец Игорев (достаточно разоблаченный и заклейменный партийным меньшевиком Плехановым) и бундовец Либер, ведущий прямую пропаганду в защиту г. Потресова и других деятелей столыпинской рабочей партии, являются руководителями этого ЗБЦК.

«законно», но — вместе с тем пленум практически *сорвало,* как сорвало его и во второй раз в конце мая 1911 года. Фактическая роль *такого* Заграничного бюро Центрального Комитета состояла в помощи из-за границы и извнутри центральных учреждений партии таким вождям легалистов и деятелям столыпинской рабочей партии, как Михаил, Юрий и Роман, объявившим вредным самое существование ЦК (№№ 12 и 21—22 Центрального Органа партии *«Социал-Демократ»**). Собрание констатирует, что занятие партийных должностей ликвидаторами есть прямой *обман* партии, ибо решения пленума ясно и недвусмысленно говорят о допущении на эти должности *таких* меньшевиков, которые *добросовестно* исполнят свое обещание об отречении от ликвидаторства и борьбе с ним**.

Собрание находит поэтому, что полный разрыв большевиков с ЗБЦК, как учреждением, поставившим себя вне закона и вне партии, явился безусловно необходимым, и что совещание членов ЦК (см. его «Извещение»), представлявшее громадное большинство действительно работающих в России партийных с.-д. организаций, групп и кружков, вполне правильно признало, что «ЗБЦК стало на путь антипартийной фракционной политики, нарушая при этом ясные и точные постановления пленума 1910 года».

Собрание постановляет отказаться от каких бы то ни было сношений с ЗБЦК и оказать поддержку решениям совещания членов ЦК, наметившим ряд минимально-необходимых мероприятий для парализования тормозящей всю партийную работу деятельности ликвидаторов, для созыва партийной конференции и восстановления силами местных работников нелегальных организаций и ячеек партии. Собрание призывает всех

* См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 208 и настоящий том, стр. 181 — 185. *Ред.*

** Что касается до таких приемов борьбы заграничных ликвидаторов против РСДРП, как политический шантаж и поставка информации в охранку, — чем занялся г-н Мартов при помощи редакции «Голоса», — то собрание клеймит презрением подобные произведения, на которые достаточно указать, чтобы вызвать отвращение к ним у всех порядочных людей.

партийных товарищей на местах *немедленно* (согласно решению совещания) взяться за подготовку конференции и выборы на нее, вступая для этого в регулярные сношения с Организационной комиссией, с ЦО и «Рабочей Газетой».

II

Собрание обращает внимание с.-д. рабочих без различия фракций на то, что заграничные вожди группы «Вперед» и редактор «Правды» Троцкий ведут политику поддержки ликвидаторов и союза с ними против партии и против ее решений. Эта политика должна встретить тем более решительный отпор, что она, глубоко вредя интересам пролетариата, решительно расходится с деятельностью тех *русских* нелегальных с.-д. групп, которые, будучи связаны с «Правдой» или «Вперетом», относятся безусловно лояльно к решениям партии и повсюду отстаивают в упорной борьбе против ликвидаторов нелегальную РСДРП с революционной программой.

Собрание в особенности предостерегает социал-демократических рабочих от того *обмана,* который систематически практикуют голосовцы, изображая всех деятелей легального движения противниками старой партии и сторонниками новой потресовской «открытой» партии. Так, в последнем листке, выпущенном «Голосом» от 25. VI. (с извещением о «совещании» деятелей легального движения), редакция «Голоса» *скрыла,* что совещание *отвергло* предложение ликвидаторов бойкотировать одну легальную газету за ее антиликвидаторское направление[123]. Так, редакция «Голоса» *скрыла,* что в том же совещании были *отклонены* открыто-легалистские и явно ренегатские резолюции, которые были предложены сторонниками «Голоса». Даже бундист, один из участников совещания, должен был там признать антипартийный характер предложений «потресовцев». Ряд деятелей открытого движения *уже* вступил на путь решительной борьбы со столыпинской «рабочей» партией. А при дружных усилиях всех партийцев число таких деятелей несомненно увеличится.

III

В такое время, когда обостряется борьба социал-демократов с проводниками буржуазного влияния на пролетариат, все беспринципные элементы всегда направляют усилия к тому, чтобы заслонить великие принципиальные вопросы дешевенькой сенсацией и скандальчиком, которые так усердно преподносятся заграничными голосовцами падкой до испорченной духовной пищи аудитории ликвидаторских собраний.

В такое время более, чем когда-либо, обязанность революционных марксистов напоминать всем и каждому *старые, забытые* ликвидаторами истины, составляющие основу нашей с.-д. работы.

Собрание напоминает поэтому всем членам РСДРП *о программе* нашей партии, — программе, которая в эпоху усиления международного оппортунизма и назревания решительной борьбы его с революционной социал-демократией дала точную, ясную, непреклонно-твердую формулировку революционной *конечной цели* социализма, осуществимой лишь путем диктатуры пролетариата, — и революционных ближайших целей российской социал-демократии, свержения царизма и завоевания демократической республики. *Вся* проповедь наших легалистов и наших голосовцев показывает, что *на деле* они не только не разделяют, не проводят в жизнь нашей программы, а прямо защищают *реформизм* — это признали также партийные меньшевики (см. «Дневник Социал-Демократа» Плеханова[124] и № 3 «Дискуссионного Листка»), — прямо отрекаются от революционных ближайших целей РСДРП.

Собрание напоминает всем членам РСДРП, что для того, чтобы быть партийцем *на деле,* недостаточно *называть* себя так, недостаточно вести пропаганду «*в духе*» программы РСДРП, — необходимо еще вести *всю* практическую работу в согласии с *тактическими* решениями партии. В нашу контрреволюционную эпоху, во время всеобщего ренегатства, отречения, уныния, — среди буржуазной интеллигенции особенно, — тактические решения партии одни только

формулируют оценку переживаемого момента, оценку практической линии поведения с точки зрения принципов революционного марксизма. У действительной РСДРП, — а не той, именем которой для прикрытия ликвидаторства пользуются голосовцы, — *нет* иного партийного определения задач социал-демократии в переживаемую нами эпоху, кроме *тактических резолюций декабря 1908 г.*

Ликвидаторы, а частью и «впередовцы», замалчивают эти резолюции или ограничиваются беглыми замечаниями и выкриками *против* них именно потому, что они чувствуют в этих резолюциях ту *линию* работы, которая в корне отвергает и оппортунистические и полуанархистские шатания, — которая поднимает знамя революции вопреки всем и всяческого рода контрреволюционным течениям, — которая *объясняет* экономические и политические особенности переживаемого момента, как новой полосы в буржуазном развитии России, — полосы, ведущей к революции, долженствующей решить старые задачи. Партиец тот, кто *на деле* ведет тактическую линию партии. А тактика партии, тактика РСДРП, есть та и только та, которая изложена в декабрьских резолюциях 1908 года, сочетающих верность революционному знамени с учетом новых условий нашей эпохи. Прямым и непосредственным выводом, естественным продолжением и завершением декабрьских резолюций 1908 года, осуждающих ликвидаторство и безусловно требующих признания думской работы с.-д., а также использования легальных возможностей, являются резолюции *январского пленума 1910 года,* направленные против *проводников буржуазного влияния на пролетариат.* В наше время разброда и развала нередко встречаются люди, которые ссылкой на великий принцип единства пролетарской армии оправдывают беспринципные или мизерно-дипломатические попытки «объединения» или «сближения» с *проводниками буржуазного влияния на пролетариат.* Собрание самым категорическим образом осуждает и отвергает все такие попытки, от кого бы они ни исходили, и заявляет, что великое дело объединения и

укрепления борющейся армии революционного пролетариата не может быть выполнено без полного размежевания, без беспощадной борьбы с теми, кто проводит буржуазное влияние на пролетариат.

Партиец тот, кто действительно помогает *строить* организацию, соответствующую с.-д. принципам. У партии, у РСДРП нет другого, *партийного,* определения характера и задач организационной работы, кроме того, которое дано в резолюции по организационному вопросу декабря 1908 г., в резолюции январского пленума 1910 г. по тому же вопросу, в письме ЦК, изданном тотчас после пленума[125]. *Лишь* всесторонняя помощь воссозданию и укреплению *нелегальной* организации есть *партийная* работа, и лишь нелегальная РСДРП может и должна окружать *себя* сетью легальных организаций, *использовать* всевозможные легальные организации, *направлять* в духе наших революционных принципов всю работу таких организаций. Кто не ведет на деле такой работы, кто участвует в контрреволюционном вообще и либеральном в частности походе против «подполья», против нелегальной работы — тот *обманывает* рабочих, когда говорит о своей принадлежности к РСДРП.

Близятся выборы в IV Думу. Чем острее кризис заграничных партийных верхов, тем настоятельнее необходимость в инициативе местных с.-д. работников, тем строже должны они настаивать и *настоять* на том, чтобы работа выборов велась *действительно* партийным путем каждой группой, каждой ячейкой, каждым кружком рабочих. Кто до сих пор считает «отзовизм» «законным течением в нашей партии», тот всуе приемлет имя РСДРП. *Нельзя* вести партийной работы выборов в IV Думу, не отмежевываясь самым решительным образом от таких людей. Кто до сих пор толкует о выборах в IV Думу силами и средствами «легальных организаций», силами и средствами «открытой рабочей партии», кто не считается при этом на деле, не проводит в жизнь решений РСДРП о нелегальной организации, о тактике, изложенной в резолюциях партии, — тот всуе приемлет имя РСДРП. Кто ведет работу по выборам, считаясь

не с решениями РСДРП, а со статьями «Нашей Зари», «Голоса Социал-Демократа», «Дела Жизни», тот — строитель столыпинской «рабочей» партии, а не революционной с.-д. партии пролетариата.

На предстоящих выборах в IV Думу наша партия прежде всего преследует задачи социалистического просвещения масс и интересы массовой агитации в пользу осуществления революционно-демократического переворота силами пролетариата и революционной буржуазной демократии (прежде всего — революционного крестьянства).

В интересах этой пропаганды и агитации наша партия должна организовать *самостоятельное* выступление с.-д. на выборах и выставить своих партийных кандидатов не только в рабочей курии, но и повсюду среди городских и деревенских избирателей.

Вся агитация партии на выборах должна вестись на два фронта, т. е.: *и* против правительства и открыто поддерживающих его партий, *и* против к.-д. партии контрреволюционного либерализма.

Кандидатами партии могут выступать только люди, на деле проводящие всецело политику РСДРП, верные не только ее программе, но и ее тактическим резолюциям, и борющиеся против новой столыпинской «рабочей» партии.

По вопросу об избирательных соглашениях должны остаться в силе основные принципиальные указания Лондонского съезда партии и партийной конференции июля 1907 года[126].

Выборы в IV Думу должны быть проведены партийными группами рабочих, проведены в духе партийных решений и в строгом соответствии с ними.

Написано в июне,
не позднее 18 (1 июля), 1911 г.;
предисловие — не ранее 18 июня
(1 июля) 1911 г.

Напечатано в июле 1911 г.
отдельной листовкой

Печатается по тексту листовки

ЗАЯВЛЕНИЕ[127]

Как члены совещания мы, нижеподписавшиеся, узнав о решении Технической комиссии[128] не выдавать денег школе[129], заявляем, что считаем это решение прямо противозаконным и вносим на голосование членов совещания следующее предложение: *Члены совещания постановляют выдать из наличных денег (или из держательских) необходимую для школы — по решению партийной Школьной комиссии (на разъезд и на жизнь не позже 1. IX. 1911) — сумму.*

Н. Ленин

30. VII. 11.

Печатается впервые, по рукописи

ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДВЕ ПАРТИИ»

Брошюра тов. Каменева представляет из себя систематическую сводку материала, относящегося к той борьбе с ликвидаторством, которую вел в контрреволюционную эпоху большевизм, а за ним и вся РСДРП. Вполне естественно, что выяснению принципиального расхождения социал-демократии с ликвидаторством посвящено у т. Каменева наибольшее место, как всего больше останавливались на этом в 1908—1911 гг. «Пролетарий»[130] и ЦО партии «Социал-Демократ».

Тов. Каменев вполне доказал, что группа ликвидаторов *на деле* есть особая партия, не РСДРПартия. Его доказательства суммируют опыт преимущественно 1909—1911 годов, — опыт, подтвердивший декабрьскую резолюцию 1908 года. В этой резолюции, предложенной и проведенной от имени РСДРП большевиками, было уже заявлено, что ликвидаторы *стремятся «заменить»* РСДРП «бесформенным» легальным объединением. Теперь это бесформенное легальное объединение гг. Потресова, Ларина, Левицкого и К^0 (с хвостом из гг. Мартова и голосовцев за границей) уже вполне показало себя. Это — не имеющая ничего общего с РСДРП группа литераторов, ведущая не социал-демократическую, а либеральную рабочую политику. Это — деятели *столыпинской* «рабочей» партии.

Переход от марксизма к либерализму и притом самый быстрый, иногда самый «неожиданный» переход — специфическая особенность России конца XIX и начала XX века. «Экономисты» и «Credo» — г. Струве и К^0 —

гг. ликвидаторы, это всё ступеньки одной лестницы, этапы одной эволюции, проявления одинаковой тенденции. Рабочая партия в России начала складываться незадолго до революции 1905 г.; эта партия перестраивается — отчасти строится заново, на более солидном фундаменте — в эпоху контрреволюции. Буржуазная интеллигенция, влекомая к революции сознанием того, что Россия не пережила еще эпохи демократических переворотов, примыкает к пролетариату группа за группой — и группа за группой отходит снова от него, убедившись на опыте, что революционный марксизм ей не по плечу, что ее настоящее место *вне* с.-д. партии. Таковы и наши ликвидаторы, из которых часть уже вполне ясно, прямо и откровенно говорит о создаваемой ими *новой* партии.

И отзовизм, и ликвидаторство, будучи сходны тем, что оба представляют несоциал-демократические, буржуазные течения, различаются существенно судьбой своего политического развития. Отзовизм вовремя был обессилен большевизмом и не дошел до попыток создать свою партию; он остался теперь ничтожной заграничной группкой, деятельность которой свелась к помощи ликвидаторам в интригах и борьбе против РСДРП. Напротив, ликвидаторство центр свой (в политическом смысле прежде всего, в организационном впоследствии) имеет в России; оно создало *особую,* хотя и бесформенную (пока бесформенную) партию — вот почему тов. Каменеву пришлось так обстоятельно говорить о ликвидаторстве и лишь вскользь об отзовизме.

Среди сторонников РСДРП людей, способных искренне защищать ликвидаторство, немного*. Но

* Понятно, что об искренности заграничных голосовцев говорить было бы смешно. Это — специалисты по части шантажа и клеветы, руководимой гг. Мартовыми. Решение Каутского, Меринга и Цеткиной отдать спорные деньги не в ЗБЦК, *а* в Техническую комиссию (см. листок Организационной комиссии от 1 августа 1911 г.) есть полное признание правоты тов. Александрова и всех большевиков *(вполне* солидарных с Александровым), есть полное осуждение грязного клеветничества гг. Мартова, Дана, Мартынова и Аксельрода. Обращаем также внимание читателей на напечатанное в «Приложении» письмо т. Виктора[131], показывающее, до каких мерзких приемов опускается в борьбе с политическими противниками г. Мартов и его пособники.

не мало еще, к сожалению, людей, искренне враждебных ликвидаторству и *не понимающих* условий борьбы с ним. Конечно, говорят такие люди, ликвидаторство есть буржуазное течение среди с.-д., но отчего бы не бороться с ним в рядах единой партии, как борются с бернштейниадой немцы? Отчего бы не попытать «соглашения» с ликвидаторами?

Наши «соглашатели» не понимают очень важной и очень простой вещи: ликвидаторы не только оппортунисты (подобно Бернштейну и К^0), они, кроме того, строят *особую* партию, они объявили своим лозунгом *несуществование* РСДРП, они *ни в чем* не считаются с решениями РСДРП. Вот в чем отличие от «Европы», ссылаться на которую могут лишь непродумавшие вопроса или незнающие русских условий люди. В Европе ни одного оппортуниста, который бы сделал против своей партии, против ее решений десятую долю того, что сделали и делают гг. Потресовы, Игоревы, Беры, Мартовы, Даны и К^0, не потерпели бы ни одного месяца в рядах партии. В Европе партии открытые, и сразу видно, принадлежит ли человек к организации, подчиняется ли ей.

У нас партия нелегальна. Нельзя «видеть» и нельзя (если не быть помощником охранки) открыто говорить о том, принадлежат ли к организации X, Y, Z. Но что гг. Потресовы и К^0 к организации *не* принадлежат и на *все* ее решения *плюют* — совершенно так же, как и голосовцы — это факт. Как же можно «соглашаться» с гг. Потресовыми, доказавшими, что *для них* партия *не существует?* — с гг. Мартовыми и Данами, доказавшими то же самое? *О чем* можно соглашаться с ликвидаторами, кроме как об уничтожении РСДРП?

Пусть попробуют «соглашатели» указать *условия* соглашения с ликвидаторами, *средства* контроля за выполнением условий, *факты,* доказывающие выполнение их. Ни того, ни другого, ни третьего указать *нельзя.* А потому не подлежит сомнению, что речи о «соглашении» — пустые и неумные речи. Помогают эти речи только интригам заграничных кружков (вроде кружков впередовцев, голосовцев, троцкистов), вполне

доказавших, что на решения партии они плюют, *ни в чем* не ограничивая своей «свободы» в поддержке ликвидаторов.

А в России нелегальные кружки рабочих отмежевались и с каждым днем все больше отмежевываются от ликвидаторов, строя медленно и трудно революционную РСДРП. Помогать этим кружкам, проводить на деле решения РСДРП, отказаться от игры в соглашения с заграничными пустышками (голосовцы — сильнейшая из заграничных групп, и это сплошь пустышка) — такова задача сторонников *С.-Д.* Рабочей Партии. Борьба за партию есть партийность. Разговоры о «соглашении» со строящими несоциал-демократическую партию ликвидаторами есть преступление против долга партийности.

Н. Ленин

2 августа 1911.

P. S. Необходимо добавить, что данный в «Приложении» разбор «обвинений» против Большевистского Центра представляет наше коллективное мнение и обработан на основании материалов и документов, имеющихся в распоряжении БЦ, — а также на основании сведений товарищей из БЦ, лично ведших те или другие дела последнего.

Н. Ленин

Написано 20 июля (2 августа) 1911 г.

Напечатано в августе 1911 г. в брошюре, изданной в Париже редакцией «Рабочей Газеты»

Печатается по тексту брошюры

ВСТАВКА К БРОШЮРЕ «ДВЕ ПАРТИИ»

Между партией революционного пролетариата и партией легалистов-независимцев *нужно выбирать.* Всякий кружок, всякая группа РСДРП должны сказать это рабочим и провести это в жизнь.

Мы знаем, что есть люди, которые, признавая необходимой борьбу с ликвидаторством, восстают против полного размежевания и продолжают (даже теперь!) говорить о «примирении» или о «соглашении». И к таким людям принадлежат не только «верные слуги» Троцкого, которого уже немногие берут всерьез. Примиренцы и соглашатели делают глубокую ошибку: $1^1/_2$ года доказали *на деле,* что *никаких* обязательств легалисты *не выполняют.* Как же можно говорить о соглашении с людьми, не выполняющими никаких обязательств?? Не смешно ли говорить о соглашении, когда говорящий не может указать *ни* условий соглашений *ни* средств обеспечить исполнение каких бы то ни было условий??

Написано в июле, позднее 20 (2 августа), 1911 г.

Напечатано в августе 1911 г. в брошюре, изданной в Париже редакцией «Рабочей Газеты»

Печатается по рукописи

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПАРТИИ

Наша партия пришла, несомненно, к одному из критических пунктов ее развития. Все большевики должны напрячь силы, чтобы до конца выяснить свою принципиальную линию, сплотиться и опять, как прежде, вывести партию на дорогу.

За границей только что (в июне и июле 1911 года) произошли события, означающие кризис партийных центров. События эти, рассказанные и освещенные в ряде листков всех почти фракций и течений, сводятся к тому, что ликвидаторы (через Заграничное бюро Центрального Комитета) окончательно сорвали созыв пленума. Большевики порвали с этим, поставившим себя вне закона, ЗБЦК и в блоке с «примиренцами» и поляками создали «Техническую комиссию» и «Организационную комиссию» для созыва конференции.

Каково принципиальное значение этих событий?

Разрыв с ликвидаторами, которые порвали с РСДРП, но тормозили всю ее работу извнутри центров (вроде ЗБЦК), означает устранение этого тормоза и возможность взяться дружно за восстановление нелегальной и действительно революционной социал-демократической партии. Это первое и главное. Второе: разрыв с нарушившим все партийные законы ЗБЦК (и последовавший за этим выход из редакции Центрального Органа Мартова и Дана, не принимавших с февраля 1910 года *никакого* участия в ЦО) означает исправление той ошибки пленума (в январе 1910 года), благодаря

которой в центрах оказались не партийные меньшевики, а голосовцы, т. е. ликвидаторы. Принципиальная линия пленума (очистка рабочей партии от *буржуазных* течений ликвидаторства и отзовизма) освобождена теперь от скрывавших ее ликвидаторских центров.

К счастью, лицемерные вопли голосовцев и Троцкого в защиту ЗБЦК нашли себе оценку у третейских судей. Трое немецких с.-д. (Меринг, Каутский и Цеткина) должны были решить вопрос о большевистских деньгах, *условно* отданных в ЦК, но они решили, *предварительно,* до конференции, отдать деньги не в ЗБЦК, а в Техническую комиссию. Это решение равняется признанию третейским судом *неправоты* ЗБЦК.

Как держатся остальные фракции за границей? Троцкий, конечно, горой за ликвидаторов, впередовцы *тоже* (это еще не сказано ими в печати, но известно из официальных переговоров их с Организационной комиссией). Плеханов «выжидает», проповедуя пока (см. резолюцию плехановцев) соглашение с ЗБЦК.

ЗБЦК пытается взяться само за созыв конференции при помощи Троцкого, «Вперёда» и К^0. Выйдет ли что из подобного «союза» — неизвестно. Принципиальный крах тут неизбежен. Ничего даже похожего на партийную работу из этого блока *не может* выйти. Ничего, кроме интриги для *прикрытия* антипартийной и антисоциал-демократической деятельности группы г. Потресова, Михаила, Юрия, Романа и К^0, «блок», организуемый бывшим ЗБЦК, не означает.

Задача большевиков теперь сплотиться, дать отпор всем врагам социал-демократии, показать пример всем колеблющимся и помочь нелегальной РСДРП встать на ноги.

Говорят: это — раскол. Лицемерие этих криков господ из ЗБЦК признали даже немцы, чуждые русским делам. Брошюра Мартова по-немецки, доставленная держателям, вызвала у Клары Цеткиной отзыв: «Поганое произведение».

В России нет раскола нелегальных организаций, нет параллельных с.-д. организаций. Есть партийцы и отделившиеся, обособившиеся ликвидаторы. Заграничные

группы голосовцев, Троцкого, Бунда, «Вперeда» и т. п. хотят прикрыть отделение ликвидаторов, помочь им прятаться под знаменем РСДРП, помочь им срывать восстановление РСДРП. Наше дело — во что бы то ни стало дать отпор ликвидаторам и, *вопреки их противодействию,* воссоздать РСДРП. Называть воссоздание и укрепление нелегальной партии, вопреки противодействию отпавших легалистов, «расколом» — значит издеваться над истиной и (бессознательно или лицемерно) тянуть руку ликвидаторов. Говорят, большевики хотят фракции. На этом пункте отделились теперь (в Париже) в особую *фракцию* «примиренцы». Не желая «фракционности», они создали новую фракцию (с особым представительством в Технической комиссии и Организационной комиссии — это и есть основной признак фракции, внутренняя дисциплина «примиренцев» среди себя).

Как стоит вопрос о фракционности? Большевики в январе 1910 года распустили свою фракцию *под условием,* что все фракции распустятся тоже. Условие, как все знают, не выполнено. И «Голос», и «Вперед», и Троцкий и К^0 — *усилили* свою фракционную обособленность. И мы, большевики, 5 декабря 1910 г. открыто заявили, что условие *нарушено,* что наш договор о распущении фракций *расторгнут,* и потребовали обратно деньги своей фракции.

Не только антипартийные течения, но и плехановцы остались фракцией; у них свой орган («Дневник»), *своя* платформа, свои фракционные кандидаты в центры, своя внутренняя дисциплина фракции.

Какая пустая фраза, при таком положении дел, крики против «фракционности», и притом со стороны людей, только что образовавших свою фракцию. Пора же понять, что крики против фракционности — *отвод глаз* от вопроса действительно важного, от вопроса о *партийном* или *противопартийном содержании* работы разных фракций. Мы, большевики, составили ТК и ОК в блоке с фракциями «примиренцев» и поляков. Поляки *за* «примиренцев», мы в меньшинстве, мы не отвечаем за примиренческие ошибки ТК и ОК. Вся история «при-

миренчества» (которую мы расскажем в печати, как только примиренцы *заставят* нас это сделать) *вопиет* об ошибочности его. Большевики должны понять это, чтобы не повторять больше этих ошибок.

«Примиренцы» *не поняли* идейных корней размежевания с ликвидаторами, поэтому оставили им ряд *лазеек* и зачастую были (невольно) игрушкой в руках ликвидаторов. «Примиренцы» провели на пленуме января 1910 г. (вместе с поляками) идиотский пункт резолюции: «Впервые» и т. д. (см. «Дискуссионный Листок» № 2 у Ленина[132], «Дневник» Плеханова, признавшего этот пункт пухлым, интегралистским, т. е. вздорным). Примиренцы доверились голосовцам; «Голос» за это *публично* позорил примиренцев своими жирными поцелуями.

Примиренцы доверились Троцкому, который явно и вполне повернул к ликвидаторам. Примиренцы в России (имея больше года Бюро ЦК, т. е. *всю* власть и *все* деньги) торговались с ликвидаторами, приглашали их, «ждали» их и *потому* не сделали *ничего.*

Теперь, войдя в ТК и ОК, примиренцы подошли к распутью: с одной стороны, *факт* разрыва с ЗБЦК есть признание и исправление примиренческих ошибок. С другой стороны, образование отдельной фракции против большевиков и союз с наименее устойчивыми поляками есть шаг к продолжению старых ошибок.

Наш долг предупредить всех большевиков об этой опасности и призвать их к сплочению всех сил и к *борьбе* за конференцию. Все и вся должно быть мобилизовано для этой борьбы. Большевики должны победить, чтобы вывести партию на дорогу.

Две ошибки пережили большевики как течение после революции: 1) отзовизм-впередовство и 2) примиренчество (шатание в сторону ликвидаторов). Пора избавиться от обеих.

Мы, большевики, решили твердо: *ни за что* не повторять *(и не дать* повторять) примиренческой ошибки *теперь.* Это значило бы затормозить восстановление РСДРП, запутать ее в новую игру с голосовцами (или

их лакеями вроде Троцкого), впередовцами и т. п., а время критическое, медлить нельзя.

Все большевики должны сплотиться, провести быстро и *во что бы то ни стало* конференцию, на ней победить или уйти к открытой, ясной, принципиальной оппозиции. На дорогу может вывести партию только большевизм, чуждый шатаний и влево и вправо.

Написано в июле 1911 г.

Впервые напечатано в 1956 г. в журнале «Коммунист» № 5

Печатается по машинописной копии

РЕФОРМИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Громадный прогресс капитализма за последние десятилетия и быстрый рост рабочего движения во всех цивилизованных странах внесли большой сдвиг в прежнее отношение буржуазии к пролетариату. Вместо открытой, принципиальной, прямой борьбы со всеми основными положениями социализма во имя полной неприкосновенности частной собственности и свободы конкуренции, — буржуазия Европы и Америки, в лице своих идеологов и политических деятелей, все чаще выступает с защитой так называемых социальных реформ против идеи социальной революции. Не либерализм против социализма, а реформизм против социалистической революции — вот формула современной «передовой», образованной буржуазии. И чем выше развитие капитализма в данной стране, чем чище господство буржуазии, чем больше политической свободы, тем шире область применения «новейшего» буржуазного лозунга: реформы *против* революции, частичное штопанье гибнущего режима в интересах разделения и ослабления рабочего класса, в интересах удержания власти буржуазии *против* революционного ниспровержения этой власти.

С точки зрения всемирного развития социализма в указанном сдвиге нельзя не видеть крупного шага вперед. Сначала социализм боролся за существование, и против него стояла верящая в свои силы буржуазия, смело и последовательно защищавшая либерализм, как

цельную систему экономических и политических воззрений. Социализм вырос, он уже отстоял во всем цивилизованном мире свое право на существование, он борется теперь *за власть,* и буржуазия, разлагающаяся, видящая неизбежность гибели, напрягает все силы, чтобы ценою половинчатых и лицемерных уступок оттянуть эту гибель, сохранить за собой власть и при новых условиях.

Обострение борьбы реформизма с революционной социал-демократией *внутри* рабочего движения есть совершенно неизбежный результат указанных изменений во всей экономической и политической обстановке всех цивилизованных стран мира. Рост рабочего движения неизбежно привлекает в число его сторонников известное количество мелкобуржуазных элементов, порабощенных буржуазной идеологией, с трудом освобождающихся от нее, постоянно впадающих в нее снова и снова. Социальную революцию пролетариата нельзя себе и представить без этой борьбы, без ясной принципиальной размежевки социалистической «Горы» и социалистической «Жиронды»[133] *перед* этой революцией, — без полного разрыва оппортунистических, мелкобуржуазных, и пролетарских, революционных, элементов новой исторической силы *во время* этой революции.

В России дело не меняется по существу, но усложняется, затушевывается, модифицируется вследствие того, что мы отстали от Европы (и даже от передовой части Азии), мы переживаем еще эпоху буржуазных революций. От этого русский реформизм отличается особенно упорным характером, представляет из себя болезнь более, так сказать, злокачественную, приносит гораздо больше вреда делу пролетариата и делу революции. У нас реформизм течет одновременно из двух источников. Во-первых, Россия гораздо более мелкобуржуазная страна, чем страны западноевропейские. У нас поэтому особенно часто появляются люди, группы, течения, отличающиеся тем противоречивым, нетвердым, колеблющимся отношением к социализму (то «пылкая любовь», то подлая измена), которое свойственно всякой мелкой буржуазии. У нас, во-2-х, массы мелкой бур-

жуазии всего легче, всего быстрее падают духом и поддаются ренегатскому настроению при каждой неудаче *одной* из фаз нашей буржуазной революции, всего скорее отрекаются от задачи полного демократического переворота, очищающего Россию целиком от всех пережитков средневековья и крепостничества.

Не будем останавливаться подробно на первом источнике. Напомним только, что не найдется, наверное, пи единой страны в мире, где бы так быстро происходили «повороты» от сочувствия социализму к сочувствию контрреволюционному либерализму, как у наших господ Струве, Изгоевых, Карауловых и т. д., и т. п. А ведь эти господа — не исключения, не одиночки, а представители широко распространенных течений! Прекраснодушные люди, которых много вне рядов социал-демократии, но не мало также внутри ее, и которые любят говорить проповеди против «чрезмерной» полемики, «страсти к размежеваниям» и т. д., обнаруживают полное непонимание того, какие исторические условия порождают в России «чрезмерную» «страсть» к скачкам от социализма к либерализму.

Перейдем ко второму источнику реформизма в России.

Буржуазная революция у нас не закончена. Самодержавие *пытается* по-новому решить завещанные ею и навязываемые всем объективным ходом экономического развития задачи, *но оно не может их решить.* Ни новый шаг по пути превращения старого царизма в подновленную буржуазную монархию, ни организация в национальном масштабе дворян и верхов буржуазии (III Дума), ни буржуазная аграрная политика, проводимая земскими начальниками, — все эти «крайние» меры, все эти «последние» усилия царизма на *последней* оставшейся ему арене, арене приспособления к буржуазному развитию, оказываются недостаточными. Не выходит и так! Не только японцев не может догнать «обновляемая» *таким* способом Россия, но даже и от Китая, пожалуй, она начинает отставать. Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач остается неизбежным. Он назревает снова, мы идем опять навстречу к нему, идем по-новому,

не так, как прежде, не тем темпом, не в старых только формах, но идем несомненно.

Задачи пролетариата вытекают из такого положения с полнейшей, неуклонной определенностью. Как единственный до конца революционный класс современного общества, он должен быть руководителем, гегемоном в борьбе всего народа за полный демократический переворот, в борьбе *всех* трудящихся и эксплуатируемых против угнетателей и эксплуататоров. Пролетариат революционен лишь постольку, поскольку он сознает и проводит в жизнь эту идею гегемонии. Пролетарий, сознавший эту задачу, есть раб, восставший против рабства. Пролетарий, не сознающий идеи гегемонии своего класса, или отрекающийся от этой идеи, есть раб, не понимающий своего рабского положения; в лучшем случае это — раб, борющийся за улучшение своего рабского положения, *а не* за свержение рабства.

Понятно отсюда, что знаменитая формула одного из молодых главарей нашего реформизма, г. Левицкого из «Нашей Зари», объявившего, что русская социал-демократия должна быть «*не* гегемонией, *а* классовой партией», есть формула самого последовательного реформизма. Мало того. Это — формула полного ренегатства. Сказать: «*не* гегемония, *а* классовая партия» значит перейти на сторону буржуазии, на сторону либерала, который говорит рабу нашей эпохи, наемному рабочему: борись за улучшение своего положения как раба, но считай вредной утопией мысль о свержении рабства! Сравните знаменитую формулу Бернштейна: «движение — все, конечная цель — ничто» с формулой Левицкого, и вы увидите, что это — варианты одной и той же идеи. В обоих случаях это признание *только* реформ и отрицание революции. Формула Бернштейна шире, ибо она имеет в виду социалистическую революцию (= конечную цель с.-д. как партии буржуазного общества). Формула Левицкого уже, ибо, будучи отречением от революции вообще, она специально рассчитана на отречение от того, что было всего более ненавистно либералам в 1905—1907 гг., именно, что пролетариат *вырвал* у либералов руководство народными массами

(и особенно крестьянством) в борьбе за полный демократический переворот.

Проповедовать рабочим, что им нужна «не гегемония, *а* классовая партия», значит предавать либералам дело пролетариата, значит проповедовать замену *социал-демократической* рабочей политики *либеральной* рабочей политикой.

Но отречение от идеи гегемонии есть самый грубый вид реформизма в русской социал-демократии, и потому не все ликвидаторы решаются высказывать прямо свои мысли в столь определенной форме. Некоторые из них (вроде г. Мартова) пытаются даже, в насмешку над истиной, отрицать связь между отказом от гегемонии и ликвидаторством.

Более «тонкой» попыткой «обосновать» реформистские взгляды является такое рассуждение: буржуазная революция в России закончена; после 1905 года второй буржуазной революции, второй общенациональной борьбы за демократический переворот быть не может; России предстоит поэтому *не* революционный, а «конституционный» кризис, и рабочему классу остается лишь позаботиться об отстаивании своих прав и интересов на почве этого «конституционного кризиса». Так рассуждает ликвидатор Ю. Ларин в «Деле Жизни» (а раньше в «Возрождении»).

«Октябрь 1905 г. не стоит на очереди, — писал г. Ларин. — Упразднив Думу, восстановили бы ее еще скорее, чем послереволюционная Австрия, упразднившая конституцию в 1851 г., чтобы вновь признать ее в 1860 г., через 9 лет, без всякой революции» (это заметьте!), «просто в силу интересов перестроившей на капиталистическую ногу свое хозяйство влиятельнейшей части господствующих классов». «На переживаемой нами стадии невозможно общенациональное революционное движение, имевшее место в 1905 г.».

Все эти рассуждения г. Ларина представляют из себя не что иное, как распространенный пересказ слов г. Дана, сказанных им на декабрьской конференции РСДРП в 1908 г. Против резолюции, говорящей, что *«основные* факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 г., *продолжают*

действовать», что нарастает снова кризис именно *революционный,* а не «конституционный», — против этой резолюции редактор «Голоса» ликвидаторов воскликнул: «они» (т. е. РСДРП) «хотят переть туда, где были раз разбиты».

Опять «переть» к революции, работать неустанно, и в изменившейся обстановке, над проповедью революции, над подготовкой сил рабочего класса к революции, — вот в чем главное преступление РСДРП, вот в чем *вина* революционного пролетариата с точки зрения реформистов. Не к чему «переть туда, где были раз разбиты» — вот мудрость ренегатов и людей, падающих духом после всякого поражения.

Но революционный пролетариат в странах более старых и более «опытных», чем Россия, умел дважды, трижды и четырежды «переть туда, где был раз разбит», умел (как во Франции) *четыре раза* с 1789 по 1871 год совершать революции, подниматься снова и снова на борьбу после самых тяжелых поражений и завоевать себе республику, в которой он стоит лицом к лицу перед своим *последним* врагом — передовой буржуазией; — республику, которая одна только может быть формой государства, соответствующей условиям окончательной борьбы за победу социализма.

Таково различие между социалистами и либералами, т. е. сторонниками буржуазии. Социалисты учат, что революция неизбежна и что пролетариат должен использовать *все* противоречия в общественной жизни, всякую слабость его врагов или промежуточных слоев для подготовки новой революционной борьбы, для повторения революции на более широкой арене, при условиях большей развитости населения. Буржуазия и либералы учат, что революции не нужны и вредны рабочим, которые не должны «переть» к революции, а должны, как пай-мальчики, скромненько работать над реформами.

Поэтому реформисты — пленники буржуазных идей — и ссылаются *постоянно,* для отвлечения русских рабочих *от* социализма, на пример *именно* Австрии (а также Пруссии) 60-х годов. Почему излюблены ими

эти примеры? Ю. Ларин выболтал тайну: потому, что в этих странах, после «неудачной» революции 1848 г., буржуазное преобразование страны было завершено *«без всякой революции»*.

Вот в чем гвоздь! Вот что наполняет радостью сердца. Значит, возможно буржуазное преобразование *без* революции!! а если так, то к чему же нам, русским, утруждать себя мыслью о революции? почему и нам не предоставить помещикам и фабрикантам произвести «без всякой революции» буржуазного преобразования России!?

Слабость пролетариата в Пруссии и Австрии была причиной того, что он не мог помешать аграриям и буржуазии совершить преобразование *вопреки* интересам рабочих, *в самой невыгодной* для рабочих форме, с сохранением и монархии, и привилегий дворянства, и бесправия в деревне, и массы других остатков средневековья.

Русские реформисты — после того, как наш пролетариат в 1905 г. проявил силу, невиданную еще ни в одной буржуазной революции Запада, — берут примеры слабости рабочего класса в других странах, 40 и 50 лет тому назад, чтобы оправдать *свое* ренегатство, чтобы «обосновать» *свою* ренегатскую проповедь!

Ссылка на Австрию и Пруссию 60-х годов, излюбленная нашими реформистами, есть лучший пример, доказывающий теоретическую несостоятельность их рассуждений и их практически-политический переход на сторону буржуазии.

В самом деле, если Австрия восстановляла упраздненную после поражения революции 1848 г. конституцию, если в Пруссии наступила «эра кризиса» в 60-х годах, то что это доказывает? Прежде всего, что буржуазное преобразование этих стран не было завершено. Говорить, что в России власть *уже* переродилась в буржуазную (как говорит Ларин), что о крепостническом характере власти у нас теперь нечего и говорить (см. у того же Ларина) — и вместе с тем ссылаться на Австрию и Пруссию значит побивать самого себя!

Вообще говоря, отрицать, что буржуазное преобразование России не закончено, было бы смешно: даже политика буржуазных партий к.-д. и октябристов доказывает это яснее ясного, и Ларин сам (как увидим ниже) сдает свою позицию. Несомненно, что монархия делает еще шаг по пути приспособления к буржуазному развитию, как мы уже сказали и как признала резолюция партии (декабрь 1908 г.), — но еще более несомненно, что *даже* это приспособление, *даже* буржуазная реакция, и III Дума, и аграрный закон 9. XI. 1906 (14. VI. 1910) *не* решают задач буржуазного преобразования России.

Пойдем дальше. Почему «кризисы» в Австрии и в Пруссии в 60-х гг. *оказались* «конституционными», а не революционными кризисами? Потому, что ряд особых обстоятельств облегчил трудное положение монархии («революция сверху» в Германии, объединение ее «железом и кровью»), потому, что пролетариат названных стран был тогда еще крайне, крайне слаб и неразвит, а либеральная буржуазия отличалась такой же подлой трусостью и изменами, как и русские кадеты.

Чтобы иллюстрировать оценку такого положения вещей самими немецкими с.-д., из числа переживших эту эпоху, приведем некоторые отзывы Бебеля, выпустившего в прошлом году первую часть своих «Воспоминаний». Про 1862 год, год «конституционного» кризиса в Пруссии, Бисмарк рассказывал, — как стало известно впоследствии, — что король находился тогда в самом угнетенном состоянии и плакался ему, Бисмарку, по поводу грозящего им обоим эшафота. Бисмарк пристыдил труса и убедил его не бояться борьбы.

«Эти события показывают, — говорит Бебель по этому поводу, — чего могли бы достигнуть либералы, если бы они умели использовать положение. Но они боялись уже рабочих, стоящих позади них. Слова Бисмарка: «если меня доведут до крайности, я подниму Ахерон»» (т. е. подниму на народное движение низы, массы) «нагнали на либералов бесконечный страх».

Вождь германских с.-д., полвека спустя после «конституционного» кризиса, который «без всякой револю-

ции» завершил преобразование его страны в буржуазно-юнкерскую монархию, указывает на *революционность* тогдашнего положения, не использованного либералами из боязни рабочих. Вожди русских реформистов говорят русским рабочим: если немецкая буржуазия была так подла, что струсила перед струсившим королем, то почему же нам *тоже* не попробовать повторить эту прекрасную тактику немецкой буржуазии? Бебель обвиняет буржуазию, ее эксплуататорскую боязнь народного движения, — за то, что «конституционный» кризис не был ею «использован» для революции. Ларин и К⁰ обвиняют русских рабочих в том, что они стремились к гегемонии (т. е. к вовлечению масс в революцию вопреки либералам), и советуют им организоваться *«не* для революции», *а* «для защиты своих интересов при предстоящем конституционном обновлении России». Гнилые взгляды гнилого немецкого либерализма преподносятся ликвидаторами русским рабочим под видом взглядов «социал-демократических»! Ну, как же не назвать таких с.-д. столыпинскими социал-демократами? Оценивая «конституционный» кризис 60-х годов в Пруссии, Бебель не ограничивается указанием на то, что, боясь рабочих, буржуазия боялась борьбы с монархией. Он указывает также на то, что делалось тогда в рабочей среде. «Невыносимость политического положения, — говорит он, — становившаяся все более и более ясной для рабочих, отражалась, естественно, на их настроении. Все требовали перемен. Но так как не было налицо руководящих элементов, вполне сознательных, ясно видящих цель, к которой надо стремиться, и пользующихся доверием, так как не было крепкой организации, сплачивающей силы, то настроение пропало даром (verpuffte). Никогда движение, великолепное по своей сущности (in Kern vortreffliche), не оканчивалось более безрезультатно. Все собрания были переполнены, и кто говорил всех резче, тот становился героем дня. Это настроение господствовало в особенности в Лейпцигском рабочем обществе самообразования». На собрании в 5000 человек в Лейпциге 8 мая 1866 г. была единогласно принята резолюция

Либкнехта и Бебеля, требовавшая созыва на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования парламента, поддерживаемого всеобщим народным вооружением, и высказывавшая «ожидание, что немецкий народ будет выбирать в депутаты лишь таких людей, которые отвергают всякую наследственную центральную власть». Резолюция Либкнехта и Бебеля была, следовательно, вполне определенного республиканского и революционного характера.

Итак, *вождь германских с.-д.* во время «конституционного» кризиса проводит на массовых собраниях резолюции республиканского и революционного характера. Полвека спустя, вспоминая свою юность, рассказывая новому поколению о делах давно минувших дней, он всего более подчеркивает сожаление о том, что не было налицо достаточно сознательных и понимающих революционные задачи руководящих элементов *(т. е. не было революционной с.-д. партии, понимающей задачи гегемонии),* что не было сильной организации, что «пропало даром» революционное настроение. А вожди русских реформистов, с глубокомыслием Иванушек, ссылаются на Австрию и Пруссию 60-х гг., в доказательство того, что возможно вот обойтись «без всякой революции»! И эти филистерские душонки, поддавшиеся контрреволюционному угару, идейно порабощенные либерализмом, смеют еще позорить имя РСДРП!

Разумеется, среди реформистов, разрывающих с социализмом, есть люди, которые искренний оппортунизм Ларина заменяют дипломатией вокруг да около важнейших принципиальных вопросов рабочего движения. Такие люди запутывают суть дела, засоряют идейные споры, загрязняют их, как например, г. Мартов, пытавшийся утверждать в легальной печати (т. е. защищенный Столыпиным от прямого выступления членов РСДРП), будто Ларин и «правоверные большевики в резолюциях 1908 г.» дают *одинаковую* «схему». Это — простое извращение истины, достойное автора грязных произведений. Тот же Мартов, якобы споря с Лариным, заявлял печатно, что «он, разумеется, не подозревает Ларина в реформистских тенденциях». Излагающего

чисто реформистские взгляды Ларина Мартов *не подозревает* в реформизме!! — образец уловок дипломатов реформизма*. Тот же Мартов, которого некоторые простачки принимают за более «левого», более надежного революционера, чем Ларина, резюмировал следующим образом свои «разногласия» с Лариным:

«Резюмирую. Для теоретического обоснования и политического оправдания того, что сейчас делают оставшиеся верными марксизму меньшевики, вполне достаточно того факта, что современный режим представляет собой внутренне противоречивое сочетание абсолютизма с конституционализмом и что русский рабочий класс созрел для того, чтобы, подобно рабочим передовых стран Запада, ухватить этот режим за Ахиллесову пяту этих противоречий».

Как ни увертывался Мартов, но первая же попытка подвести резюме привела к тому, что все увертки рушились сами собой. Приведенные нами слова есть полное отречение от социализма и подмена его либерализмом« «Вполне достаточным» объявляет Мартов то, что достаточно *только* для либералов, *только* для буржуазии. Пролетарий, который находит «вполне достаточным» признать противоречивость сочетания абсолютизма с конституционализмом, стоит на точке зрения *либеральной рабочей* политики. Он *не* социалист, он *не* понял задач своего *класса,* состоящих в том, чтобы против абсолютизма во всех его формах поднять массы народа, массы трудящихся и эксплуатируемых на *самостоятельное* вмешательство в исторические судьбы страны вопреки шатаниям или противодействию буржуазии. А самостоятельное историческое действие масс, вырывающихся из-под гегемонии буржуазии, превращает «конституционный» кризис в *революцию.* Буржуазия (особенно после 1905 г.) боится революции и ненавидит ее, пролетариат воспитывает народные массы в преданности идее революции, разъясняет ее задачи, подготовляет массы к новым и новым революционным битвам. Наступает ли революция, когда, в какой обстановке,

* Ср. верные замечания о реформизме Ларина и увертках Мартова у партийного меньшевика Дневницкого в № 3 «Дискуссионного Листка» (приложение к ЦО нашей партии).

это не зависит от воли того или другого класса, но революционная работа в массах не пропадает бесследно никогда. Только такая работа есть деятельность, готовящая массы к победе социализма. Эти азбучные, элементарные истины социализма забывают гг. Ларины и Мартовы.

Первый из них, выражая взгляды русской ликвидаторской группы, которая совсем порвала с РСДРП, не стесняется прямо договаривать до конца свой реформизм. Вот его слова из «Дела Жизни» (1911, № 2), которые заслуживают того, чтобы их запомнил всякий, дорожащий принципами социал-демократии:

«Состояние растерянности и неопределенности, когда люди просто не знают, чего ждать от завтрашнего дня, какие задачи себе поставить, — вот что означает неопределенно выжидательное настроение, смутные надежды не то на повторение революции, не то на «там видно будет». Очередной задачей является не бесцельное ожидание у моря погоды, а проникновение широких кругов руководящей идеей о том, что в наступившем новом историческом периоде русской жизни рабочий класс должен организоваться не «для революции», не «в ожидании революции», а просто-таки»... (заметьте это: *просто-таки...)* «для твердой и планомерной защиты своих особых интересов во всех областях: жизни; для собирания и обучения своих сил этой разносторонней и сложной деятельностью; для воспитания и накопления таким путем социалистического сознаиия вообще; для уменья ориентироваться (разбираться) — и постоять за себя! — в сложных взаимоотношениях общественных классов России при предстоящем, после экономически-неизбежного самоисчерпания феодальной реакции, конституционном ее обновлении, в частности».

Вот это — законченный, откровенный, самодовольный реформист в чистом виде. Война идее революции, «надежде» на революцию (реформисту эти «надежды.) кажутся *смутными,* ибо он не понимает глубины современных экономических и политических противоречий), война всякой деятельности, состоящей в организации сил и подготовлении умов для революции, война в легальной печати, защищаемой Столыпиным от прямого выступления революционных с.-д., война от имени группы легалистов, порвавших целиком с РСДРП, — вот она, программа и тактика созидаемой гг. Потресовым, Левицким, Лариным и К^0 столыпинской рабочей

партии. Действительная программа, действительная тактика этих людей в приведенной цитате выражены точно — в отличие от их лицемерных казенных заверений, что они *«тоже* с.-д.», что они «тоже» принадлежат к «непримиримому Интернационалу». Эти заверения — показные слова. Эта программа, целиком заменяющая социализм либеральной рабочей политикой — их дела, их реальная общественная суть.

И взгляните на смешные противоречия, в которых запутываются реформисты. Если буржуазная революция в России закончена (как говорил Ларин), тогда на очередь выдвигается социалистическая революция. Это ясно само собою, это очевидно для всякого, кто причисляет себя к социалистам не ради обмана рабочих популярной кличкой. *Тогда* мы должны организоваться *именно* «для революции» (социалистической), именно «в ожидании» ее, именно ради «надежды» (не смутной, а основанной на точных и возрастающих данных науки, «надежды»-*уверенности*) *на социалистическую* революцию.

Но в том-то и гвоздь, что для реформиста болтовня о законченной буржуазной революции (как для Мартова болтовня об Ахиллесовой пяте и т. п.) лишь словесное прикрытие *отречения от всякой революции.* От буржуазно-демократической революции он отрекается под тем предлогом, что она закончена, — или под тем, что «вполне достаточно» признать противоречие между абсолютизмом и конституционализмом, — а от социалистической революции он отрекается под тем предлогом, что нам «пока» надо «просто-таки» организоваться для участия в «предстоящем конституционном обновлении России»!

Но если вы, почтенный кадет, рядящийся в социалистические перья, признаете неизбежным «предстоящее конституционное обновление» России, то вы побиваете себя, признавая тем самым *незаконченность* буржуазно-демократической революции у нас. Вы выдаете паки и паки свою буржуазную природу, толкуя о неизбежном *«самоисчерпании* феодальной реакции» и оплевывая пролетарскую идею об *уничтожении* не одной только

феодальной *реакции,* а *всех* остатков феодализма путем *народного* революционного движения.

Вопреки либеральной проповеди наших героев столыпинской рабочей партии — русский пролетариат *всю* свою тяжелую, трудную, будничную, мелкую, невидную работу, на которую осудила его эпоха контрреволюции, будет пропитывать всегда и неизменно духом преданности революции демократической и революции социалистической, он будет организовываться и собирать силы для революции, он будет давать беспощадный отпор изменникам и ренегатам, он будет руководиться не «смутной надеждой», а научно обоснованной уверенностью в повторении революции.

«Социал-Демократ» № 23,
14 (1) сентября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ

(ПОСВЯЩАЕТСЯ НАШИМ «ПРИМИРИТЕЛЯМ» И «СОГЛАШАТЕЛЯМ»)

Корреспонденция тов. К.[134] заслуживает величайшего внимания всех, кто дорожит нашей партией. Лучшее разоблачение «голосовской» политики (и голосовской дипломатии), лучшее опровержение взглядов и надежд наших «примирителей и соглашателей» трудно себе представить.

Исключителен ли случай, описанный тов. К.? Нет, это *типичный* случай деятелей столыпинской рабочей партии, ибо мы прекрасно знаем, что *ряд* литераторов «Нашей Зари», «Дела Жизни» и т. п. *уже не первый год* систематически проводит *именно эти* ликвидаторские идеи. Не всегда эти ликвидаторы попадают к рабочим партийцам, очень редко об их позорных выступлениях партия получает такие точные сообщения, за которые мы должны быть благодарны т-щу К., но *всегда и повсюду* проповедь *группы* независимцев-легалистов ведется именно в таком духе. Сомневаться в этом факте, раз налицо есть журналы типа «Нашей Зари» и «Дела Жизни», невозможно. Замалчивать этот факт выгодно только особенно трусливым и особенно подлым защитникам ликвидаторов.

Сопоставьте с этим фактом те приемы, которые пускают в ход люди вроде Троцкого, кричащие о «соглашении» и о своей вражде к ликвидаторству. Приемы эти известны слишком хорошо: погромче кричать, что мы-де «ни большевики, ни меньшевики, а революционные с.-д.», усердно божиться и клясться, что мы враги

ликвидаторства и горой стоим за нелегальную РСДРП, *изо всех сил ругать тех, кто разоблачает ликвидаторов гг. Потресова и К^0,* называть антиликвидаторов «раздувающими» вопрос, *ни слова не говорить* против определенных ликвидаторов гг. Потресова, Мартова, Левицкого, Дана, Ларина и т. д.

Реальное значение подобных приемов очевидно. Посредством *фразы* прикрываются *действительные* ликвидаторы и делаются всяческие попытки *мешать* работе антиликвидаторов. Точь-в-точь подобную политику, проводило известное в истории РСДРП своей беспринципностью «Рабочее Дело»[135]: оно божилось и клялось, что мы-де вовсе не «экономисты», что мы вполне за политическую борьбу, а на деле *прикрывало* «Рабочую Мысль»[136] и «экономистов», всю борьбу направляя на тех, кто разоблачал «экономистов» и опровергал их.

Отсюда ясно, что Троцкий и подобные ему «троцкисты и соглашатели» вреднее всякого ликвидатора, ибо убежденные ликвидаторы прямо излагают свои взгляды, и рабочим легко разобрать их ошибочность, а гг. Троцкие *обманывают* рабочих, *прикрывают* зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих, политику прикрывания ликвидаторства. Полная свобода действий для г. Потресова и К^0 в России, прикрывание их дел «революционной» фразой за границей — вот суть политики «троцкизма».

Отсюда ясно, далее, что всякое «соглашение» с голосовцами, обходящее вопрос о ликвидаторском центре в России, т. е. о деятелях «Нашей Зари» и «Дела Жизни», было бы не чем иным, как продолжением того же обмана рабочих, того же прикрывания зла. Голосовцы вполне доказали со времени Январского пленума 1910 г., что они способны «подписать» любые резолюции, ни капли «не стесняя свободы» своей ликвидаторской деятельности никакими резолюциями. За границей подписывать резолюции о том, что всякое принижение значения нелегальной партии есть проявление буржуазного влияния на пролетариат, а в России помогать гг. Потресо-

вым, Лариным, Левицким, не только не участвующим в нелегальной работе, но издевающимся над ней и разрушающим нелегальную партию.

В настоящее время Троцкий вместе с бундовцами типа г. Либера (— крайнего ликвидатора, публично защищавшего г. Потресова на рефератах и теперь, чтобы замять этот факт, разжигающего склоку и дрязги), вместе с латышами типа Шварца и т. п. сочиняют именно подобное «соглашение» с голосовцами. Пусть же никто не обманывается на этот счет: их соглашение будет соглашением о прикрытии ликвидаторов.

P. S. Эти строки были уже набраны, когда в печати появилось известие о «соглашении» голосовцев с Троцким, бундовцем и ликвидатором-латышом. Наши слова вполне подтвердились: это — соглашение о *прикрытии* ликвидаторов в России, соглашение прислужников г. Потресова и К⁰.

«Социал-Демократ» № 23,
14 (1) сентября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» К ЗАЯВЛЕНИЮ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ ПЛЕНУМА ЦК РСДРП [137]

Редакция ЦО уже давно, с декабря 1910 года, предупредила партию, что голосовцы *срывают* пленум[*]. Теперь факт налицо: голосовцы сорвали сначала русский, потом заграничный пленум.

Русский пленум сорван господами Михаилом, Юрием и Романом. Своим «талантливым опровержением» они лишь подтвердили тот факт, что их на заседание ЦК звали, звали хотя бы лишь для кооптации, звали не злые «фракционные», «ленинские» большевики, а *примиренцы,* и все же эти господа отказались. Их отказ и сорвал русский ЦК, ибо *все* большевики-цекисты пленума, поехавшие в Россию (а поехали *все* практики), оказались «изъятыми», раньше чем они успели созвать полный состав после отказа этой тройки.

Сколько бы фраз, заверений, клятв ни говорили теперь голосовцы, сколько бы ни пытались руготней, склокой, шантажом замять и засорить вопрос, факт остается фактом. «Троица» *главных* вождей легалистов, Михаил + Юрий + Роман, ближайшие коллеги гг. Потресовых и прочих героев столыпинской рабочей партии, *сорвали* ЦК в России.

Теперь голосовцы сорвали ЦК и за границей. Большевики требовали его созыва в декабре 1910 г. — ликвидаторское ЗБЦК *отказало,* ссылаясь на Русское бюро

---

[*] См. настоящий том, стр. 47—61. *Ред.*

ЦК (ссылка была фальшива, ибо заграничный пленум *не* исключал русского).

Второй раз, после провала, большевики потребовали созыва заграничного пленума в *апреле — мае 1911 г.* Второй *отказ ЗБЦК,* ссылавшегося на то, что половина «Русского бюро» *цела.*

С тех пор прошло 4—5 месяцев, лживость ссылок ЗБЦК *разоблачена вполне:* ни единого письма от «половины» «бюро», ни единого шага этой половины, ни единого проблеска жизни *за треть года!!* Либеры, Игоревы и Шварцы обманули партию: ссылаясь на *несуществующее* бюро в России, они *отказывались* созвать ЦК за границей. А июньское совещание цекистов доказало, что *девять* членов ЦК *находились* за границей.

Кто способен думать, не давая оглушать себя криком, руготней, склокой, шантажом, тот не может не видеть, что ЦК окончательно сорван голосовцами.

Голосовцы сделали все, что могли, чтобы уничтожить партию. Партия сделает все, чтобы уничтожить голосовцев.

«Социал-Демократ» № 23,
14 (1) сентября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ

Умерщвление обер-вешателя Столыпина совпало с тем моментом, когда целый ряд признаков стал свидетельствовать об окончании первой полосы в истории русской контрреволюции. Поэтому событие 1-го сентября, очень маловажное само по себе, вновь ставит на очередь вопрос первой важности о содержании и значении нашей контрреволюции. Среди хора реакционеров, лакейски воспевающих Столыпина или копающихся в истории интриг черносотенной шайки, командующей Россией, — среди хора либералов, качающих головой по поводу «дикого и безумного» выстрела (к либералам относятся, конечно, и бывшие с.-д. из «Дела Жизни», употребившие приведенное в кавычках избитое выражение), слышатся отдельные ноты действительно серьезного принципиального содержания. Делаются попытки взглянуть на «столыпинский период» русской истории, как на нечто целое.

Столыпин был главой правительства контрреволюции около пяти лет, с 1906 по 1911 г. Это — действительно своеобразный и богатый поучительными событиями период. Его можно охарактеризовать с внешней стороны, как период подготовки и осуществления государственного переворота 3-го июня 1907 г. Именно летом 1906 г., когда Столыпин в роли министра внутренних дел выступил перед I Думой, началась подготовка этого переворота, который показал теперь уже все свои плоды во всех областях нашей общественной жизни. Спра-

шивается, на какие общественные силы опирались деятели этого переворота или какие силы направляли этих деятелей? Каково было социально-экономическое содержание «третьеиюньского» периода? — Личная «карьера» Столыпина дает поучительный материал и интересные иллюстрации по этому вопросу.

Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве, — «прославляет» себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии), — организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашевский погром), — становится министром внутренних дел в 1906 г. и председателем Совета министров со времени разгона первой Государственной думы. Такова, в самых кратких чертах, политическая биография Столыпина. И эта биография главы контрреволюционного правительства есть в то же время биография того класса, который проделал нашу контрреволюцию и у которого Столыпин был не более, как уполномоченным или приказчиком. Этот класс — русское благородное дворянство, с первым дворянином и крупнейшим помещиком Николаем Романовым во главе. Этот класс — те тридцать тысяч крепостников-землевладельцев, в руках которых находятся 70 миллионов десятин земли в Европейской России, т. е. столько же, сколько имеют десять миллионов крестьянских дворов. Земельные латифундии в руках этого класса — основа той крепостнической эксплуатации, которая под разными видами и названиями (отработки, кабала и т. д.) царит в исконно русском центре России. «Малоземелье» русского крестьянина (если употребить излюбленное либеральное и народническое выражение) есть не что иное, как оборотная сторона *многоземелья,* этого класса. Аграрный вопрос, стоявший в центре нашей революции 1905 г., сводился к тому, сохранится ли помещичье землевладение — в таком случае *неизбежно* сохранение на долгие и долгие годы нищенского, убогого, голодного, забитого и задавленного крестьянства, как массы населения, — или масса населения сумеет завоевать себе сколько-нибудь

человеческие, сколько-нибудь похожие на европейские свободные условия жизни, — а это было *неосуществимо* без революционного уничтожения помещичьего землевладения и неразрывно связанной с ним помещичьей монархии.

Политическая биография Столыпина есть точное отражение и выражение условий жизни царской монархии. Столыпин не мог поступить иначе, чем он поступал, при том положении, в котором оказалась при революции монархия. Монархия *не могла* поступать иначе, когда с полной определенностью выяснилось, и выяснилось на опыте, и *до* Думы, в 1905 г., и *при* Думе, в 1906 г., что громадная, подавляющая масса населения уже сознала непримиримость своих интересов с сохранением класса помещиков и стремится к уничтожению этого класса. Нет ничего более поверхностного и более фальшивого, как уверения кадетских писателей, что нападки на монархию были у нас проявлением «интеллигентского» революционаризма. Напротив, объективные условия были таковы, что борьба крестьян с помещичьим землевладением неизбежно ставила вопрос о жизни или смерти нашей помещичьей монархии. Царизму *пришлось* вести борьбу не на живот, а на смерть, *пришлось* искать иных средств защиты, кроме совершенно Обессилевшей бюрократии и ослабленной военными поражениями и внутренним распадом армии. Единственное, что оставалось царской монархии в таком положении, была организация черносотенных элементов населения и устройство погромов. Высокоморальное негодование, с которым говорят о погромах наши либералы, не может не производить на всякого революционера впечатления чего-то донельзя жалкого и трусливого, — особенно, когда это высокоморальное осуждение погромов соединяется с полным допущением мысли о переговорах и соглашениях с погромщиками. Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, *русская* монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами: не высокоморальные осуждения, а всестороннее и

беззаветное содействие революции, организация революции для *свержения* такой монархии есть единственно достойный, единственно разумный для всякого социалиста и для всякого демократа прием борьбы с погромами.

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские».

И вожди нашей либеральной буржуазии, высокоморально осуждающие погромы, вступали в переговоры с погромщиками, признавая за ними не только право на существование, но и гегемонию в деле устройства новой России и управления ею! Умерщвление Столыпина послужило поводом к целому ряду интересных разоблачений и признаний, касающихся этого вопроса. Вот, например, письма Витте и Гучкова о переговорах первого с «общественными деятелями» (читай: с вождями умеренно-либеральной монархической буржуазии) о составлении министерства после 17 октября 1905 г. В переговорах с Витте — эти переговоры, видимо, были продолжительны, ибо Гучков пишет о «томительных днях длящихся переговоров», — участвовали Шипов, Трубецкой, Урусов, М. Стахович, т. е. будущие деятели *и* кадетской, *и* «мирнообновленческой», *и* октябристской партий. Разошлись, оказывается, из-за Дурново, которого «либералы» не допускали в роли министра внутренних дел, а Витте ультимативно отстаивал. При этом Урусов, кадетское светило в I Думе, явился «горячим защитником кандидатуры Дурново». Когда князь Оболенский выдвинул кандидатуру Столыпина, «кое-кто подтвердил, кое-кто отозвался незнанием». «Определенно помню, — пишет Гучков, — отрицательного отзыва, о котором пишет гр. Витте, *никто не делал»*.

Теперь кадетская печать, желающая подчеркнуть свой «демократизм» (не шутите!) особенно, может быть, ввиду выборов по 1-ой курии в Петербурге, где кадет

боролся с октябристом, пытается кольнуть Гучкова по поводу тогдашних переговоров. «Как часто гг. октябристы под предводительством Гучкова, — пишет «Речь» от 28 сентября, — в угоду начальству оказывались коллегами единомышленников г. Дурново! Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!» Передовица «Русских Ведомостей» от того же числа повторяет на разные лады тот же самый кадетский упрек октябристам.

Позвольте, однако, гг. кадеты: какое право вы-то имеете упрекать октябристов, если в тех же самых переговорах участвовали и *ваши* люди, даже защищавшие Дурново? Разве кроме Урусова *все* кадеты не были тогда, в ноябре 1905 года, в положении людей, «обращенных взорами к начальству» и «спиной к общественному мнению»? Милые бранятся — только тешатся; не принципиальная борьба, а конкуренция одинаково беспринципных партий — вот что *приходится* сказать по поводу теперешних попреков кадетов октябристам в связи с «переговорами» конца 1905 года. Препирательство подобного рода служит только для затушевывания действительно важного, исторически бесспорного факта, что *все* оттенки либеральной буржуазии, от октябристов вплоть до кадетов, были *«обращены взорами к начальству»* и поворачивались «спиной» к *демократии* с тех пор, как наша революция приняла действительно народный характер, т. е. стала демократической по составу ее активных участников. Столыпинский период русской контрреволюции тем и характеризуется, что либеральная буржуазия отворачивалась от демократии, что Столыпин *мог* поэтому *обращаться* за содействием, за сочувствием, за советом то к одному, то к другому представителю этой буржуазии. Не будь такого положения вещей, Столыпин не мог бы осуществлять гегемонию Совета объединенного дворянства над буржуазией, настроенной контрреволюционно, при содействии, сочувствии, активной или пассивной поддержке этой буржуазии.

Эта сторона дела заслуживает особенного внимания, ибо именно ее упускает из виду — или намеренно игно-

рирует — наша либеральная печать и такие органы либеральной рабочей политики, как «Дело Жизни». Столыпин — не только представитель диктатуры крепостников-помещиков; ограничиться подобной характеристикой значит ровно ничего не понять в своеобразии и в значении «столыпинского периода». Столыпин — министр такой эпохи, когда во *всей* либеральной буржуазии, вплоть до кадетской, господствовало контрреволюционное настроение, когда крепостники *могли* опираться и опирались на такое настроение, *могли* обращаться и обращались с «предложениями» (руки и сердца) к вождям этой буржуазии, *могли* видеть даже в наиболее «левых» из таких вождей «оппозицию его величества», *могли* ссылаться и ссылались на поворот идейных вождей либерализма в их сторону, в сторону реакции, в сторону борьбы с демократией и оплевания демократии. Столыпин — министр такой эпохи, когда крепостники-помещики изо всех сил, самым ускоренным темпом повели по отношению к крестьянскому аграрному быту *буржуазную* политику, распростившись со всеми романтическими иллюзиями и надеждами на «патриархальность» мужичка, *ища* себе союзников из новых, буржуазных элементов России вообще и деревенской России в частности. Столыпин пытался в старые мехи влить новое вино, старое самодержавие переделать в буржуазную монархию, и крах столыпинской политики есть крах царизма на этом последнем, *последнем мыслимом* для царизма пути. Помещичья монархия Александра III пыталась опираться на «патриархальную» деревню и на «патриархальность» вообще в русской жизни; революция разбила вконец *такую* политику. Помещичья монархия Николая II после революции пыталась опираться на контрреволюционное настроение буржуазии и на буржуазную аграрную политику, проводимую теми же помещиками; крах этих попыток, несомненный теперь даже для кадетов, даже для октябристов, есть крах *последней возможной* для царизма политики.

Диктатура крепостника-помещика не была направлена при Столыпине против всего народа, включая сюда

и все «третье сословие», всю буржуазию. Нет, эта диктатура была поставлена в лучшие для нее условия, когда октябристская буржуазия служила ей не за страх, а за совесть; когда помещики и буржуазия имели представительное учреждение, в котором было обеспечено большинство их блоку, и была оформлена возможность переговоров и сговоров с короной; когда гг. Струве и прочие веховцы с истерическим надрывом обливали помоями революцию и создавали идеологию, радовавшую сердце Антония Волынского; когда г. Милюков провозглашал кадетскую оппозицию «оппозицией его величества» (его величества крепостника-последыша). И тем не менее, несмотря на эти более благоприятные для гг. Романовых условия, несмотря на эти самые благоприятные условия, какие только мыслимы с точки зрения соотношения общественных сил в капиталистической России XX века, несмотря на это, политика Столыпина потерпела крах; Столыпин умерщвлен был тогда, когда стучится в дверь новый могильщик — вернее, собирающий новые силы могильщик — царского самодержавия.

*   *
*

Отношения Столыпина к вождям буржуазии, и обратно, характеризуются особенно рельефно эпохой I Думы. «Время с мая по июль 1906 года, — пишет «Речь», — было решающим в карьере Столыпина». В чем же был центр тяжести этого времени?

«Центр тяжести того времени, — заявляет официальный орган кадетской партии, — заключался, конечно, не в думских выступлениях».

Не правда ли, вот поистине ценное признание! Сколько копий было сломано с кадетами в то время из-за вопроса о том, можно ли видеть «центр тяжести» той эпохи в «думских выступлениях»! Сколько сердитой брани, сколько высокомерных доктринерских поучений было тогда в кадетской печати по адресу социал-демократов, утверждавших весной и летом 1906 года, что

не в думских выступлениях заключается центр тяжести того времени! Сколько попреков всему русскому «обществу» бросала тогда «Речь» и «Дума» за то, что общество мечтает о «конвенте» и недостаточно восторгается кадетскими победами на «парламентской» перводумской арене! Прошло пять лет, приходится дать общую оценку перводумской эпохе, и кадеты с такой легкостью, точно они меняют перчатки, провозглашают: «центр тяжести того времени заключался, конечно, не в думских выступлениях». Конечно, нет, господа! В чем же был центр тяжести?

«... За кулисами, — читаем в «Речи», — шла острая борьба между представителями двух течений. Одно рекомендовало искать соглашения с народным представительством, не отступая и перед составлением «кадетского министерства». Другое требовало резкого шага, роспуска Государственной думы и изменения избирательного закона. Такую программу проводил Совет объединенного дворянства, опиравшийся на могущественные влияния... Столыпин некоторое время колебался. Есть указания, что он два раза через Крыжановского предлагал Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства, при участии Столыпина в качестве министра внутренних дел. Но в то же время Столыпин, несомненно, находился в сношениях с Советом объединенного дворянства».

Так пишут историю гг. образованные, ученые, начитанные вожди либералов! Выходит, что «центр тяжести» был *не* в выступлениях, *а* в борьбе двух течений внутри черносотенной царской камарильи! Политику «натиска» сразу и без оттяжек вел Совет объединенного дворянства — т. е. не лица, не Николай Романов, не «одно течение» в *«сферах»,* а *определенный класс.* Своих соперников *справа* кадеты видят ясно, трезво. Но то, что было *слева* от кадетов, исчезло из их поля зрения. Историю делали «сферы», Совет объединенного дворянства и кадеты — простонародье, *конечно,* в делании истории не участвовало! Определенному классу (дворянству) противостояла надклассовая партия «народной свободы», а сферы (т. е. царь-батюшка) колебались.

Ну можно ли себе представить более корыстную классовую слепоту? большее искажение истории и забвение азбучных истин исторической науки? более

жалкую путаницу, смешение класса, партии и личностей?

Хуже всякого слепого тот, кто *не хочет* видеть демократии и ее сил.

Центр тяжести перводумской эпохи заключался, *конечно,* не в думских выступлениях. Он заключался во внедумской борьбе классов, борьбе помещиков-крепостников и *их* монархии с народной массой, рабочими и крестьянами. Революционное движение масс именно в это время снова стало подниматься: и стачки вообще, и политические стачки, и крестьянские волнения, и военные бунты грозно поднялись весной и летом 1906 г. *Вот почему,* господа кадетские историки, «сферы» колебались: борьба течений внутри царской шайки шла из-за того, можно ли *сразу* совершить государственный переворот при данной силе революции или надо еще *выждать,* еще поводить за нос буржуазию.

Помещиков (Романова, Столыпина и К^0) первая Дума вполне убедила в том, что мира у них с крестьянской массой и рабочими быть не может. И это их убеждение соответствовало объективной действительности. Оставалось решить второстепенный вопрос: когда и как, сразу или постепенно изменить избирательный закон. Буржуазия колебалась, но все ее поведение — даже кадетской буржуазии — показывало, что она во сто раз больше боится революции, чем реакции. Поэтому помещики и соблаговоляли привлекать вождей буржуазии (Муромцева, Гейдена, Гучкова и К^0) к совещаниям, нельзя ли *вместе* составить министерство. И буржуазия *вся,* вплоть до кадетов, шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией, — но буржуазия с конца 1905 года никогда ни одной своей партии не посылала на совещание с вождями революции о том, *как* свергнуть самодержавие и монархию.

Вот основной урок «столыпинского» периода русской истории. Царизм привлекал буржуазию на совещания, когда революция еще казалась силой — и постепенно отбрасывал прочь, пинком солдатского сапога, *всех* вождей буржуазии, сначала Муромцева и Милюкова,

потом Гейдена и Львова, наконец, Гучкова, когда революция переставала оказывать давление снизу. Различие между Милюковыми, Львовыми и Гучковыми совершенно несущественно — вопрос очереди, в которой эти вожди буржуазии подставляли свои щеки под... «поцелуи» Романова — Пуришкевича — Столыпина и получали таковые... «поцелуи».

Столыпин сошел со сцены как раз тогда, когда черносотенная монархия взяла все, что можно было в ее пользу взять от контрреволюционных настроений всей русской буржуазии. Теперь эта буржуазия, отвергнутая, оплеванная, загадившая сама себя отречением от демократии, от борьбы масс, от революции, стоит в растерянности и недоумении, видя симптомы нарастания новой революции. Столыпин дал русскому народу хороший урок: идти к свободе через свержение царской монархии, под руководством пролетариата, или — идти в рабство к Пуришкевичам, Марковым, Толмачевым, под идейным и политическим руководством Милюковых и Гучковых.

«Социал-Демократ» № 24,
18 (31) октября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

О НОВОЙ ФРАКЦИИ ПРИМИРЕНЦЕВ ИЛИ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ

«Информационный Бюллетень» Заграничной технической комиссии[138] (№ 1 от 11 августа 1911 г.) и вышедший почти одновременно, тоже в Париже, листок «Ко всем членам РСДРП», подписанный «Группа большевиков-партийцев», представляют из себя одинаковые по содержанию выступления против «официального большевизма» или, по другому выражению, против «большевиков-ленинцев». Выступления эти очень сердитые,— в них больше сердитых восклицаний и декламации, чем содержания, — но тем не менее на них следует остановиться, ибо затрагиваются здесь важнейшие вопросы нашей партии. И мне тем естественнее будет взяться за оценку новой фракции, что я, во-1-х, писал как раз по тем же самым вопросам и как раз от имени *всех* большевиков *ровно* $1^1/_2$ *года* тому назад (см. «Дискуссионный Листок» № 2)[*], а во-2-х, я вполне сознаю свою ответственность за «официальный большевизм». Что касается до выражения «ленинцы», то оно просто есть неудачное покушение на колкость — дескать, только о сторонниках *одного* лица идет здесь речь! — на деле все прекрасно знают, что вопрос отнюдь не идет о разделяющих мои лично взгляды на те или иные стороны большевизма.

Авторы листка, подписываясь «партийные большевики», называют себя еще «нефракционными большеви-

[*] См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 252—304. *Ред.*

ками», оговариваясь, что их «здесь» (т. е. в Париже) «довольно неудачно» называют примиренцами. На деле именно такое название, установившееся уже более чем $1^1/_4$ года тому назад и не только в Париже, не только за границей, но и в России, является единственно правильно передающим политическую сущность новой фракции, как убедится читатель из дальнейшего изложения.

Примиренчество есть сумма настроений, стремлений, взглядов, связанных *неразрывно* с самой *сутью* исторической задачи, поставленной перед РСДРП в эпоху контрреволюции 1908—1911 гг. Поэтому целый ряд с.-д. в этот период «впадал» в примиренчество, исходя из самых различных посылок. Последовательнее всех выразил примиренчество Троцкий, который едва ли не один пытался подвести теоретический фундамент под это направление. Фундамент это такой: фракции и фракционность были борьбой интеллигенции «за влияние на незрелый пролетариат». Пролетариат зреет, и фракционность сама собой гибнет. Не изменение в отношениях между классами, не эволюция коренных идей двух главных фракций лежит в основе процесса слияния фракций, а дело зависит от соблюдения или несоблюдения соглашений между *всеми* «интеллигентскими» фракциями. Троцкий упорно и проповедует — уже давно, колеблясь при этом то больше в сторону большевиков, то больше в сторону меньшевиков — такое соглашение (или компромисс) между *всеми* и всяческими фракциями.

Обратный взгляд (см. №№ 2 и 3 «Дискуссионного Листка»*) состоит в том, что фракции порождены отношением между классами в русской революции. Большевики и меньшевики только формулировали ответы на вопросы, поставленные перед пролетариатом объективной действительностью 1905—1907 годов. Поэтому лишь внутренняя эволюция *этих* фракций, «сильных» фракций, сильных глубиной своих корней, сильных соответствием их идей с известными сторонами объективной

* См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 258—259, 372—373. *Ред.*

действительности, — исключительно внутренняя эволюция именно этих фракций способна обеспечить *реальное* слияние фракций, т. е. создание действительно вполне единой партии пролетарского, марксистского, социализма в России. Отсюда практический вывод: только сближение на работе этих двух сильных фракций и только в меру их очищения от несоциал-демократических течений ликвидаторства и отзовизма есть политика действительно партийная, действительно осуществляющая единство — путем нелегким, негладким, далеко не моментально, но реально, в отличие от тьмы шарлатанских посулов насчет легкого, гладкого, моментального слияния «всех» фракций.

Эти два взгляда наметились еще до пленума, когда я в беседах выдвинул лозунг: «сближение двух сильных фракций, а не хныканье о распущении фракций», — о чем поведал публике тотчас после пленума «Голос Социал-Демократа». Эти два взгляда я прямо, определенно и систематически изложил в *мае 1910 года,* т. е. $1^1/_2$ года тому назад и притом на «общепартийной» арене в «Дискуссионном Листке» (№ 2). Если «примиренцы», с которыми мы спорили на эти темы с ноября 1909 года, не собрались до сих пор *ни разу* ответить на эту статью, *ни разу* не попытались вообще разобрать этот вопрос сколько-нибудь систематически, изложить свои взгляды сколько-нибудь открыто и цельно, то вина в этом всецело ложится на них. Они называют свое фракционное выступление в листке от имени особой группы «гласным ответом»: этот гласный ответ людей, остававшихся *безгласными* больше года, *не* есть ответ на вопрос, как он давно поднят, как он давно обсужден, как он давно разрешен в двух принципиально различных направлениях, а есть самая безнадежная путаница, самое безбожное смешение двух непримиримых ответов. Нет ни единого положения, которое авторы листка не выставляли бы без того, чтобы тут же не побить его. Нет ни единого положения, о котором якобы большевики (на деле *не*последовательные троцкисты) не дали бы перепева ошибок Троцкого.

В самом деле, взгляните на основные мысли листка.

Кто такие его авторы? Они говорят, что большевики, «не разделяющие организационных взглядов официального большевизма». Как будто бы «оппозиция» *только* по организационному вопросу, не правда ли? Читайте следующую фразу: «... Именно организационные вопросы, вопросы строительства и восстановления партии, выдвигаются на первый план теперь, как и $1^1/_2$ года тому назад». Это прямо неверно и это есть как раз та принципиальная ошибка Троцкого, которую я разоблачил $1^1/_2$ года тому назад. На пленуме организационный вопрос *мог* казаться первостепенным лишь потому и постольку, поскольку *отказ всех* течений от ликвидаторства *принимался* за реальность вследствие того, что и голосовцы, и впередовцы «подписали», «утешая» партию, резолюции *против* ликвидаторства и против отзовизма. Ошибка Троцкого в том и состояла, что он продолжал выдавать эту *кажимость* за реальность *после* того, как «Наша Заря» с февраля 1910 окончательно выкинула знамя ликвидаторства, а впередовцы в своей пресловутой N-ой школе — знамя защиты отзовизма. На пленуме принятие кажимости за реальность *могло* быть результатом самообмана. После пленума, с весны 1910 г., Троцкий *обманывал* рабочих самым беспринципным и бессовестным образом, уверяя, что препятствия объединению главным образом (если не только) организационные. Этот обман продолжают в 1911 г. примиренцы парижские, ибо говорить теперь, что организационные вопросы стоят на первом плане, есть насмешка над истиной. На деле на первом плане стоит теперь вопрос отнюдь не организационный, а вопрос о всей программе, всей тактике, всем характере партии, вернее о *двух* партиях, о *социал-демократической* рабочей партии и о *столыпинской* рабочей партии гг. Потресовых, Смирновых, Лариных, Левицких и $К^0$. Примиренцы парижские точно проспали $1^1/_2$ года после пленума, в течение которых *вся* борьба с ликвидаторами передвинулась *и* у нас, *и* у партийных меньшевиков с вопросов организационных на вопросы о *бытии с.-д.* — а не либеральной — рабочей партии. Спорить

теперь, скажем, с господами из «Нашей Зари» об организационных вопросах, об отношении легальной и нелегальной организации, значило бы ломать комедию, ибо эти господа вполне могут признать *такую* «нелегальную» организацию, как «Голос», прислуживающий ликвидаторам! Давно уже сказано, что такую нелегальную организацию, которая бы служила монархическому либерализму, признают и практикуют наши кадеты. Примиренцы называют себя большевиками, чтобы $1^1/_2$ года спустя повторять разоблаченные большевиками (и притом с специальным заявлением, что это делается от имени *всего* большевизма!) ошибки Троцкого. Ну разве это не злоупотребление установившимися партийными кличками? Разве не обязаны мы после этого заявить всем и каждому, что примиренцы отнюдь не большевики, что они не имеют ничего общего с большевизмом, что они просто непоследовательные троцкисты?

Читайте несколько дальше: «Можно не согласиться с тем, как понимал официальный большевизм и большинство редакции ЦО задачу борьбы с ликвидаторством...». Неужели можно серьезно утверждать, что «задача борьбы с ликвидаторством» есть задача организационная? Примиренцы сами заявляют, что расходятся с большевиками *не только* по организационным вопросам! В чем же именно? Они молчат. Их «гласный ответ» продолжает быть ответом безгласных... или беззаботных?.. людей. В течение $1^1/_2$ лет они не собрались *ни единого разу* поправить «официальный большевизм» или изложить *свое* понимание задачи борьбы с ликвидаторством! А борьбу эту официальный большевизм ведет ровно три года, с августа 1908 года. Сопоставляя эти общеизвестные даты, мы невольно ищем объяснения странной «безгласности» примиренцев, и эти поиски невольно приводят на память Троцкого и Ионова, уверявших, что они *тоже* против ликвидаторов, но *иначе* понимают задачу борьбы с ними. Смешно ведь это, товарищи: через три года после начала борьбы заявлять, что вы иначе ее понимаете. *Такое* инакопонимание как две капли воды похоже на полное непонимание!

Пойдем дальше. Гвоздь теперешнего партийного кризиса, несомненно, сводится к вопросу: полное отделение нашей партии, РСДРП, от ликвидаторов (голосовцев в том числе) или продолжение политики соглашения с ними. Едва ли найдется хоть один с.-д., сколько-нибудь знакомый с делом, который стал бы отрицать, что в этом вопросе *суть* всего теперешнего партийного положения. Какой же ответ дают на него примиренцы?

«Нам говорят, — пишут они в листке, — что этим (поддержкой совещания) мы нарушаем партийные формы и производим раскол. Мы не думаем этого (sic![*]). Но если бы это было так, мы бы этого не боялись». (Следует указание на срыв пленума Заграничным бюро ЦК, на то, что «на ЦК ведут азартную игру», что «партийные формы стали наполняться фракционным содержанием» и т. д.)

Этот ответ, поистине, можно назвать «классическим» образчиком идейной и политической беспомощности! Подумайте только: выдвинуто-де обвинение в расколе. И вот новая фракция, претендуя на указание пути партии, объявляет печатно и публично: «мы не думаем этого» (т. е. не думаете, что раскол есть и будет?), «но»... но «мы бы не побоялись этого».

Ручаться можно, что в истории политических партий *такого* примера путаницы не найти. Если вы «не думаете», что раскол есть и будет, объясните же это! объясните, *почему* можно работать с ликвидаторами! скажите прямо, что с ними *можно* — а значит и должно — работать.

Наши примиренцы не только не говорят этого, а говорят обратное. В редакционной статье № 1 «Бюллетеня» (примечание прямо оговаривает, что против этой статьи был большевик, сторонник большевистской платформы = резолюции II Парижской группы) мы читаем:

«... Факт, что совместная работа с ликвидаторами в России невозможна», а несколько раньше признано, что между голосовцами и ликвидаторами «становится все труднее провести даже тончайшую грань».

---

[*] — так! *Ред.*

Пойми, кто может! С одной стороны, официальнейшее заявление от имени Технической комиссии (в которой примиренцы с поддерживающими их теперь поляками составляют большинство против нас, большевиков), что *совместная работа невозможна.* По-русски это и называется объявлением раскола. Никакого другого смысла слово раскол не имеет. С другой стороны, тот же № 1 «Бюллетеня» вещает, что Техническая комиссия была создана «не для раскола, а в целях предотвращения его», и те же примиренцы пишут, что они «не думают этого» (что раскол есть и будет).

Можно ли представить себе большую путаницу?

Если совместная работа *невозможна,* то это объяснимо для с.-д., это может быть оправдано в глазах с.-д. *либо* вопиющим нарушением партийных решений и обязательств известной группой лиц (и тогда раскол неизбежен с *этой* группой лиц), *либо* коренным принципиальным расхождением, направляющим *всю* работу известного течения *прочь* от социал-демократизма (и тогда раскол неизбежен с целым течением). У нас налицо, как известно, оба эти случая: с ликвидаторским *течением* объявил невозможным работать пленум 1910 года, а с голосовской *группой,* нарушившей все обязательства и перешедшей окончательно к ликвидаторам, раскол совершается теперь.

Кто сознательно говорит: «совместная работа невозможна», кто продумал сколько-нибудь это заявление и понял его принципиальные основы, тот неизбежно направил бы все внимание и все усилия на то, чтобы выяснить эти основы перед самой широкой массой и избавить ее возможно скорее и полнее от пустых и вредных попыток продолжать *какие бы то ни было* сношения с тем, с кем работать *невозможно,* А кто делает это заявление и в то же время добавляет: «мы не думаем», что будет раскол, «но мы не побоимся этого», тот обнаруживает этим путаным и робким языком, что он *боится самого себя,* боится сделанного им шага, боится созданного положения! Именно такое впечатление не может не производить листок примиренцев, которые в чем-то хотят оправдаться, перед кем-то хотят

выставить себя «добрыми», кому-то подмигивают... Мы сейчас увидим, какое значение имеет их перемигивание с «Впередом» и «Правдой». Мы должны сначала покончить с тем, как понимают примиренцы «итог периоду, протекшему со времени пленума», итог, который подвело совещание цекистов.

Необходимо, в самом деле, *понять* этот итог, понять, почему он стал неизбежным, — иначе наше участие в событиях будет стихийное, беспомощное, случайное. Посмотрите же на это *понимание* у примиренцев. Как отвечают они на вопрос, почему из дел пленума, из решений его, объединительных по преимуществу, вытек раскол между ЗБЦК (=ликвидаторами) и антиликвидаторами? Ответ на этот вопрос у наших непоследовательных троцкистов просто списан у Троцкого и Ионова, и мне приходится повторять сказанное в мае прошлого года против этих последовательных примиренцев*.

Ответ примиренцев: виновата фракционность, фракционность меньшевиков, впередовцев, «Правды» — мы перечисляем фракционные группы в порядке листка — и, наконец, «официальных представителей большевизма», которые «пожалуй превзошли все эти группы в фракционных стремлениях». *Нефракционными* авторы листка прямо и определенно называют только самих себя, парижских примиренцев. Все порочны — мы добродетельны. Никаких идейных причин, вызывающих разбираемое явление, примиренцы не приводят. Ни на какие организационные или какие бы то ни было иные особенности групп, вызвавшие это явление, они не указывают. Ничего, ровнехонько ничего не дают в *объяснение,* кроме ссылки на фракционность = порок, нефракционность = добродетель. Разница между примиренцами в Париже и Троцким только та, что первые считают Троцкого фракционным, а себя нет, второй же наоборот.

Не могу не сознаться, эта постановка вопроса, когда в объяснение политических явлений приводятся *только* порочность одних и добродетельность других, всегда

* См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 252—304. *Ред.*

напоминает мне те афишированно-благообразные физиономии, при виде которых невольно приходит мысль: «а вероятно, это — шулер».

Подумайте над следующим сопоставлением: наши примиренцы нефракционны, добродетельны. Мы, большевики, превзошли все группы в фракционных стремлениях, т. е. мы самые порочные. *Поэтому* добродетельная фракция поддержала наиболее порочную, большевистскую, в борьбе с ЗБЦК!! Некругло выходит у вас, товарищи! Вы запутываетесь все больше и больше с каждым заявлением, которое вы делаете.

Вы делаете себя смешными, перебрасываясь с Троцким — точно мячиком играя — взаимными обвинениями в фракционности: вы не даете себе труда *подумать,* что такое фракция? Попробуйте дать определение, и мы вам предсказываем, что вы запутаетесь еще больше, ибо вы сами — фракция, колеблющаяся, беспринципная, не понявшая того, что было на пленуме и после пленума, фракция.

Фракция есть организация внутри партии, объединенная не местом работы, не языком или другими объективными условиями, а особой платформой взглядов на партийные вопросы. Авторы листка — фракция, ибо листок есть их платформа (весьма плохая, но бывают фракции с неверными платформами). Они — фракция, ибо они, как и всякая организация, связаны внутренней дисциплиной: их представителя в Техническую комиссию и Организационную комиссию назначает их группа по большинству голосов, она же составляет и издает листок-платформу *и так далее.* Таковы объективные факты, осуждающие на *лицемерие* крики против фракционности. И Троцкий, и «непоследовательные троцкисты» уверяют, что у них нет фракции, *ибо...* «единственная» цель сплочения (во фракцию) есть уничтожение фракций, проповедь слияния их и т. д., но все подобные уверения есть лишь самовосхваление и трусливая игра в прятки, по той простой причине, что *факт* существования фракции не затрагивается какой угодно (хотя бы архидобродетельной) *целью* фракции. *Всякая* фракция убеждена в том, что

ее платформа и политика есть *лучший* путь к уничтожению фракций, ибо идеалом существование фракций никто не считает. Разница только та, что фракции с ясной, последовательной, цельной платформой *прямо* защищают *свою* платформу, а фракции беспринципные *прячутся* за дешевые крики о своей добродетельности, о своей нефракционности.

В чем причина существования фракций в РСДРП? В том, что они — продолжение раскола 1903—1905 годов. Они — результат слабости местных организаций, *бессильных* помешать превращению литераторских групп, выражающих новые течения и теченьица, в новые «фракции», т. е. в организации, ставящие внутреннюю дисциплину на первый план. В чем залог уничтожения фракций? *Только* в полном изживании раскола времен революции (а к этому ведет *исключительно* очищение от ликвидаторства и отзовизма двух главных фракций), в создании такой сильной пролетарской организации, которая может заставить меньшинство подчиняться большинству. Пока такой организации нет, *только* соглашение всех фракций *могло бы* ускорить процесс их исчезновения. Отсюда ясна и идейная заслуга пленума и его *примиренческая ошибка:* заслуга — отметение идей ликвидаторства и отзовизма; ошибка — соглашение с людьми и группами без разбору, без соответствия их обещаний («резолюцию подписали») и их дел. Идейное сближение на почве борьбы с ликвидаторством и отзовизмом идет вперед — вопреки всем препятствиям и трудностям. Примиренческая ошибка пленума* привела вполне неизбежно к краху его примиренческих решений, т. е. к краху *союза* с голосовцами. Разрыв большевиков (а потом и совещания цекистов) с ЗБЦК есть *исправление* примиренческой ошибки пленума: сближение фракций, *борющихся с* ликвидаторством и отзовизмом, пойдет теперь *помимо* форм пленума, ибо эти формы не соответствовали содержанию. Все примиренчество вообще и примиренчество

---

* Ср. «Дискуссионный Листок» № 2. (См. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 252—304. *Ред.)*

пленума потерпело крах, ибо содержание работы *разъединяло* ликвидаторов и социал-демократов, и никакие формы, никакая дипломатия и игра примиренцев *не могли* осилить этого разъединительного процесса.

С этой — и только с этой точки зрения, развитой мною в мае 1910 г. — *все,* происшедшее после пленума, становится понятным, неизбежным, вытекающим не из «порочности» одних, «добродетельности» других, а из объективного хода событий, обособляющего ликвидаторское *течение* и отметающего промежуточные группы и группки.

Примиренцы вынуждены, чтобы затушевать этот бесспорный политический факт полного *краха* примиренчества, доходить до прямого извращения фактов. Слушайте: «Фракционная политика большевиков-ленинцев принесла тем бòльший вред, что они имели большинство в главнейших партийных учреждениях, благодаря чему их фракционная политика давала оправдание другим течениям в их собственной организационной обособленности и вооружала их против официальных партийных учреждений».

Эта тирада есть не что иное, как трусливое и запоздалое *«оправдание»...* ликвидаторства, ибо именно представители этого течения всегда ссылались на «фракционность» большевиков. Это оправдание запоздало, ибо *долгом* всякого партийца на деле (в отличие от людей, пользующихся лозунгом партийности как рекламой) было выступить *тогда, когда* началась эта «фракционность», а не $1^1/_2$ года спустя! Примиренцы — защитники ликвидаторства *не могли* выступить и не выступили раньше, ибо у них *нет фактов.* Они пользуются теперешним «смутным временем», чтобы выдвигать голословные фразы ликвидаторов. Факты же говорят ясно и недвусмысленно: тотчас после пленума, в феврале 1910 г., г. Потресов выкинул знамя ликвидаторства. Тотчас же, в феврале или марте, предали партию гг. Михаил, Роман, Юрий. Тотчас же голосовцы подняли агитацию за «Голос» (см. об этом в «Дневнике» Плеханова *на другой день* после пленума) и возобновили «Голос». Тотчас же впередовцы начали строить

свою «школу». Напротив, *первый* фракционный шаг большевиков есть основание «Рабочей Газеты» в *сентябре* 1910 года, *после* разрыва Троцкого с представителями ЦК.

Зачем понадобилось примиренцам это извращение общеизвестных фактов? Чтобы мигнуть ликвидаторам, чтобы подслужиться им. С одной стороны, «совместная работа с ликвидаторами невозможна». С другой, их «*оправдывает*» фракционность большевиков!! Мы спрашиваем любого не зараженного заграничной дипломатией социал-демократа: какого политического доверия заслуживают люди, путающиеся в таких противоречиях? Они заслужили тех поцелуев, которыми публично награждал их «Голос», и только.

Нашей «фракционностью» называют примиренцы *беспощадность* нашей полемики (за что они тысячи раз словесно порицали нас на общих собраниях в Париже) и беспощадность *разоблачения* ликвидаторов (они были *против* разоблачения Михаила, Юрия и Романа). Примиренцы все время защищали и прикрывали ликвидаторов, *не смея* высказать открыто своей защиты ни единого раза ни в «Дискуссионном Листке», ни в едином печатном, публичном воззвании. И теперь свое бессилие, свою трусость они бросают под колеса партии, начавшей решительно отмежевываться от ликвидаторов. Ликвидаторы говорят: ликвидаторства нет, его «раздули» большевики (см. резолюцию кавказских ликвидаторов[139] и речи Троцкого). Примиренцы говорят: с ликвидаторами работать невозможно, *но... но* «оправдание» им дает фракционность большевиков. Неужели не ясно, что действительный смысл этого смешного противоречия субъективных суждений один, и только один: трусливая защита ликвидаторства, стремление из-за угла подставить ножку большевикам и оказать поддержку ликвидаторам?

Но это еще далеко не все. Худшее и злейшее извращение фактов есть утверждение, будто бы мы имели «большинство» «в *главнейших партийных учреждениях».* Эта вопиющая неправда имеет только одну цель: прикрыть *политический* крах примиренчества. Ибо на

деле *ни в едином* «главнейшем партийном учреждении» большевики после пленума большинства *не имели,* а имели его как раз примиренцы. Пусть найдется человек, который попробует оспорить следующие факты, «Главнейших партийных учреждений» *после* пленума было только три: 1) бюро ЦК в России — преимущественно *примиренцы**; 2) ЗБЦК — с января 1910 г. по ноябрь 1910 г. в нем большевиков представлял *примиренец;* так как *официально* на примиренческой точке зрения стояли и бундовец и латыш, то большинство, значит, 11 месяцев после пленума было *примиренческое;* 3) редакция ЦО — в ней два «большевика-фракционера» противостояли двум голосовцам: большинства *не было* без поляка.

Зачем понадобилась примиренцам прямая неправда? А именно затем, чтобы спрятать голову под крыло, чтобы прикрыть *политический* крах примиренчества. Примиренчество господствовало на пленуме, оно имело *большинство* во всех главнейших практических центрах партии после пленума, и оно потерпело за полтора года *полный крах:* оно никого не «примирило», ровно ничего нигде не создало, оно беспомощно колебалось из стороны в сторону, вполне заслужив за это поцелуи голосовцев.

И в особенности полный крах постиг примиренцев *в России* — это тем важнее подчеркнуть, чем усерднее демагогические ссылки парижских примиренцев на Россию. Россия — примиренческая, в противовес загранице, таков основной мотив примиренцев. Сличите эти *слова* с *фактами* — и вы поймете, что это самая пустая и самая дешевенькая демагогия. Факты говорят, что в Русском бюро ЦК *больше года* после пленума были *только* примиренцы, только они делали официальные доклады о пленуме, официально совещались с легалистами, только они назначали агентов и посылали их в разные учреждения, только они распоряжались всеми деньгами, которые из ЗБЦК посылались беспре-

* Конечно, примиренец примиренцу рознь. И далеко не все бывшие члены Русского бюро могут (и желают) брать на свою ответственность все благоглупости парижских примиренцев — простых подголосков Троцкого.

кословно, только они вели переговоры с «российскими», подававшими надежды по части путаницы (т. е. по части примиренчества), литераторами и т. п.

И результат?

Результат — ноль. Ни единого листка, ни единого выступления, ни одного органа, ни одного «примирения». А у большевиков-«фракционеров» (чтобы не говорить о том, о чем говорит открыто лишь помогающий охранке г. Мартов) — заграничная «Рабочая Газета», вставшая на ноги через два номера. Примиренчество = ноль, слова, пустые пожелания (и подножки большевизму на основе этих «примирительных» пожеланий); большевизм «официальный» делами доказал свое полное преобладание именно в России.

Что же это — случайность? результат арестов? но аресты могли «щадить» *не работавших* в партии ликвидаторов, большевиков же и примиренцев они косили одинаково.

Нет, это не случайность и не результат удачи или успеха *лиц.* Это — результат краха политического *направления,* фальшивого в своих исходных пунктах. Фальшива в примиренчестве *основа* — стремление построить единство партии пролетариата на союзе *всех,* в том числе и антисоциал-демократических, непролетарских фракций, фальшива беспринципность его «объединительного» прожектерства, приводящего к пуфу, фальшивы фразы против «фракций» (при образовании *на деле* новой фракции), — фразы, бессильные распустить фракции антипартийные и ослабляющие фракцию большевиков, проведшую $^{9}/_{10}$ борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства дает нам в изобилии Троцкий. Припомните хотя бы (беру один из новейших примеров), как он хвалил парижскую «Рабочую Жизнь»[140], руководимую парижскими примиренцами и голосовцами поровну. Вот восторг-то! писал Троцкий, «ни большевик, ни меньшевик, а революционный социал-демократ». Бедный герой фразы не заметил мелочи: революционен только тот с.-д., кто понял *вред* антиреволюционного якобы социал-

демократизма в данной стране, в данное время, т. е. вред ликвидаторства и отзовизма в России 1908—1911 годов, кто *умеет* бороться с подобными *не*социал-демократическими течениями. Целуя «Рабочую Жизнь» — никакой борьбы с *не*революционными социал-демократами в России не ведшую — Троцкий только *разоблачал* план ликвидаторов, коим он служит верой и правдой: *равенство* в ЦО означает прекращение *борьбы* с ликвидаторами; ликвидаторы на деле имеют полную свободу борьбы с партией, а партию *пусть свяжет* по рукам и по ногам «равенство» голосовцев и партийцев в ЦО (и в ЦК). Победа ликвидаторов была бы тогда вполне обеспечена, и только лакеи ликвидаторов могли проводить или защищать такой план.

Примеры беспринципного «объединительного» прожектерства, обещающего мир и благодать без долгой, упорной, отчаянной борьбы с ликвидаторами, мы видели на пленуме у Ионова, Иннокентиева и др. примиренцев. Мы видели такой же пример в листке наших примиренцев, оправдывающих ликвидаторство «фракционностью» большевизма. Еще пример: их речи об «изоляции» большевиков «от *других течений («Вперед», «Правда»), стоящих на почве нелегальной с.-д. партии»*.

Курсив этой замечательной тирады принадлежит нам. В этой тираде — как солнце в малой капле вод — отразилась вся беспринципность примиренчества — основа его политического бессилия.

Во-первых, представляют ли «Правда» и «Вперед» *с.-д. течения?* Нет, не представляют, ибо «Вперед» представляет течение *несоциал-демократическое* (отзовизм и махизм), а «Правда» представляет группку, *ни по одному* важному принципиальному вопросу революции и контрреволюции *не давшую* самостоятельных и цельных ответов. А *течением* можно назвать только такую сумму политических идей, которые определились на *всех* важнейших вопросах *и* революции (ибо мы от нее слишком мало отошли и от нее во всех отношениях зависим), *и* контрреволюции, и которые кроме того доказали свое право на существование, как течение, распространением среди широких слоев рабочего класса.

И меньшевизм, и большевизм — с.-д. течения, это доказано опытом революции, историей 8-летнего рабочего движения. Группок, никакого *течения* не представляющих, за это время была масса, как было их много и раньше. Смешивать течение с группками значит осуждать себя в партийной политике на *интриганство.* Ибо появление беспринципных группок, их эфемерное существование, их потуги сказать «свое слово», их «сношения» друг с другом, как особых держав, это и есть база заграничного *интриганства,* от которого нет и не может быть спасения ни в чем, кроме строгой, выдержанной, опытом долгой истории рабочего движения проверяемой принципиальности.

Во-вторых, — и здесь мы сразу наблюдаем практическое превращение беспринципности примиренцев в интриганство — листок парижан говорит прямую и заведомую неправду, когда заявляет: «отзовизм уже не находит себе открытых сторонников и защитников в нашей партии». Это неправда, как известно всем и каждому. Эту неправду документально опровергает № 3 «Вперед» *(май 1911),* где *открыто* говорится, что отзовизм есть *«вполне законное течение* в нашей партии» (с. 78). Или наши премудрые примиренцы станут утверждать, что такое заявление *не защита* отзовизма?

Вот, когда люди не могут оправдать принципиально своего сближения с той или иной группкой, им остается только политика маленькой лжи, мелкой лести, кивков и подмигиваний, т. е. именно того, что в сумме и дает понятие интриганства. «Вперед» хвалит примиренцев — примиренцы хвалят «Вперед» и облыжно успокаивают партию насчет отзовизма. А в результате торги и переторжки о местах и местечках с *защитниками* отзовизма, с *нарушителями всех* решений пленума. Тайком помогают ликвидаторам, тайком помогают отзовистам — вот судьба примиренчества, вот в чем бессильное и жалкое интриганство.

В-третьих. «Совместная работа с ликвидаторами в России невозможна». Эту истину должны были признать и примиренцы. Спрашивается, признают ли эту истину группки *«Вперед»* и *«Правда»?* Не только не признают,

а прямо заявляют *обратное,* прямо требуют «совместной работы» с ликвидаторами, прямо *ведут ее* (см. хоть отчет 2-ой впередовской школы). Спрашивается, есть ли хоть тень принципиальности *и честности* в провозглашении политики сближения с группами, дающими *прямо обратные* ответы на *основные* вопросы? — ибо вопрос о ликвидаторстве прямой и единогласной резолюцией пленума признан одним из основных вопросов. Ясно, что нет, что тут перед нами идейная пропасть, а попытки построить через нее словесный мост, дипломатический мост, неизбежно, независимо от самых благих намерений Ивана Иваныча и Ивана Никифоровича, осуждают их на интриганство.

И пока нам не покажут и не докажут на основании солидных данных и обзора важнейших вопросов, что *«Вперед»* и *«Правда»* представляют *с.-д. течения* (а никто даже не пытался за $1^1/_2$ года после пленума доказать это и нельзя этого доказать), до тех пор мы не устанем разъяснять рабочим весь вред тех беспринципных уловок, тех интриганских уловок, к которым сводится проповедуемое примиренцами сближение с «Впередом» и «Правдой». *Изоляция* от этих *не*социал-демократических и беспринципных, помогающих ликвидаторам, группок есть *первая обязанность* революционных с.-д. Обращаться к русским рабочим, связанным с «Впередом» и «Правдой», через головы этих группок против этих группок — такова политика, которую большевизм вел, ведет и проведет через все препятствия.

Я сказал, что примиренчество потерпело уже за $1^1/_2$ года своего *господства* в центрах партии полный политический крах. Обычный ответ на это: да, но это потому, что вы, фракционеры, нам мешали (см. письмо примиренцев — *а не* большевиков — Германа и Аркадия в «Правде» № 20).

Вот в том и состоит *политический* крах направления и группки, что ей *все* «мешает», против нее *все* обращается, — ибо она неверно учла это «все», ибо она базой себе взяла пустые слова, вздохи, сожаление, хныканье.

А нам, господа, *все и вся* помогали, и в этом залог нашего успеха. Нам помогали гг. Потресовы, Ларины,

Левицкие, ибо они *не могли* раскрыть рта, не подтверждая *наших* суждений о ликвидаторстве. Нам помогали гг. Мартовы и Даны, ибо они *заставили* всех согласиться с нашим суждением, что голосовцы и ликвидаторы едино суть. Нам помогал Плеханов *в той самой мере,* в которой он разоблачал ликвидаторов, указывал в резолюциях пленума оставленные *(примиренцами)* «лазейки для ликвидаторов», высмеивал *(проведенные примиренцами против нас)* «пухлые» и «интегралистские» места в этих резолюциях. Нам помогали русские примиренцы, «приглашавшие» Михаила, Юрия и Романа с ругательными выходками против Ленина (см. «Голос») и тем подтверждавшие, что отказ ликвидаторов *не* зависел от злокозненности «фракционеров». Отчего же это так вышло, любезные примиренцы, что вам все мешали, несмотря на вашу добродетель, а нам все помогали, несмотря на нашу фракционную порочность?

Оттого, что политика вашей группки держалась только на фразе — зачастую очень благожелательной и благонамеренной — но пустой фразе. А действительное приближение единства создается *только* сближением *сильных* фракций, сильных своей идейной цельностью и влиянием на *массы,* проверенным опытом революции.

Фразой остаются и посейчас ваши восклицания против фракционности, ибо *вы сами фракция,* и притом одна из худших, ненадежнейших, беспринципных фракций. Фраза — ваше громогласное, широковещательное заявление (в «Информационном Бюллетене») — «ни сантима фракциям». Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы тратить *«сантимы»* на издание листка — платформы новой группки? Если бы вы это говорили серьезно, могли бы вы молчать при виде *фракционных* органов «Рабочая Газета» и «Дневник Социал-Демократа»? — могли бы вы не требовать их закрытия публично?* Если бы вы потребовали это, поставили

* Справедливость требует сказать, что парижские примиренцы, выпустившие теперь свой листок, были *против* образования «Рабочей Газеты» *и ушли с первого собрания,* на которое пригласила их редакция ее. Жалеем, что они не помогли нам (помогли в разоблачении пустоты примиренчества) открытым выступлением против «Рабочей Газеты».

такое условие серьезно, вас бы просто осмеяли. Если же вы, прекрасно чувствуя это, остаетесь при одних томных воздыханиях, разве это не доказывает паки и паки, что ваше примиренчество висит в воздухе?

Разоружение фракций возможно лишь на почве взаимности — иначе оно есть реакционный лозунг, глубоко вредный делу пролетариата, демагогический лозунг, ибо он только *облегчает* непримиримую борьбу ликвидаторов против партии. Кто выдвигает теперь этот лозунг, *после* неудачи его применения пленумом, *после* срыва слияния (фракций) фракциями голосовцев и впередовцев, кто делает это, даже не пытаясь, не смея повторить условие взаимности, ясно поставить его, определить средства контроля за *реальным* его выполнением, тот просто опьяняет себя звуками сладких слов.

Большевики, сплачивайтесь, вы — единственный оплот последовательной и решительной борьбы с ликвидаторством и отзовизмом.

Ведите испытанную на деле, подтвержденную опытом политику сближения с *анти*-ликвидаторским меньшевизмом, вот наш лозунг. Вот политика, которая не сулит молочных рек и кисельных берегов неосуществимого в эпоху распада и разложения «всеобщего мира», но которая двигает на деле вперед сближение на работе *течений,* представляющих *все,* что есть сильного, здорового, жизнеспособного в *пролетарском* движении.

Роль примиренцев в эпоху контрреволюции может быть охарактеризована такой картиной. Большевики с великим трудом двигают вверх по крутой горе наш партийный воз. Ликвидаторы-голосовцы изо всех сил тащат его назад, под гору. *На возу* сидит примиренец. Вид у него умильный, умильный; лицо — сладенькое, сладенькое, совсем как у Иисуса Христа. Вся фигура — воплощенная добродетель. И, скромно опустив очи долу, воздевая руки горе, примиренец восклицает: «благодарю тебя, господи, что я не похож на *этих* — кивок по адресу большевиков и меньшевиков — злокозненных фракционеров, мешающих всякому движению вперед». А воз двигается понемногу вперед, и на возу

сидит примиренец. Когда большевики-фракционеры *разбили* ликвидаторский ЗБЦК и расчистили этим почву для постройки нового дома, для блока (или хотя бы временного союза) *партийных* фракций, тогда в этот дом вошли (ругая большевиков-фракционеров) примиренцы и окропили новоселье... святой водицей сладеньких речей о нефракционности!

Что стало бы из исторически-памятного дела старой «Искры», если бы она вместо последовательной, непримиримой принципиальной кампании против «экономизма» и «струвизма» пошла на какой-либо блок, союз или «слияние» *всех* групп и группок, которых было тогда за границей не меньше, чем теперь?

А между тем различия между нашей эпохой и эпохой старой «Искры» во много раз усиливают вред беспринципного и фразистого примиренчества.

Первое различие — то, что мы поднялись гораздо выше в развитии капитализма и буржуазии, в ясности классовой борьбы в России. Для *либеральной* рабочей политики господ Потресовых, Левицких, Лариных и К^0 *есть* уже (и *впервые* в России есть) известная объективная почва. Столыпинский либерализм кадетов и столыпинская рабочая партия уже складываются. Тем вреднее на деле примиренческие фразы и интриги с заграничными группками, поддерживающими ликвидаторов.

Второе различие — неизмеримо более высокая ступень развития пролетариата, его сознательности и классовой сплоченности. Тем вреднее *искусственная* поддержка примиренцами эфемерных заграничных группок («Вперед», «Правда» *и т. д.),* не создавших и не могущих создать никакого *течения* в социал-демократии.

Третье различие: в эпоху «Искры» были нелегальные организации «экономистов» в России, которые приходилось разбивать, раскалывать, чтобы объединить против них революционных с.-д. Теперь параллельных нелегальных организаций *нет,* речь идет лишь о борьбе с обособившимися *легальными* группами. И этот процесс обособления (признать его вынуждены даже

примиренцы) они *тормозят* своей политической *игрой* с заграничными фракциями, *не желающими* и не способными работать по линии такого размежевания.

Большевизм «перенес» отзовистскую болезнь, революционную фразу, игру в «левизну», шатание от социал-демократизма влево. Отзовисты выступили как фракция, когда *уже* нельзя было «отозвать» думских с.-д.

Большевизм перенесет и «примиренческую» болезнь, шатание в сторону ликвидаторства (ибо *на деле* примиренцы всегда были игрушкой в руках ликвидаторов). Примиренцы тоже безнадежно опоздали, выступив как фракция тогда, когда $1^1/_2$ года *господства* примиренчества после пленума уже исчерпали себя и примирять стало некого.

P. S. Настоящий фельетон был написан больше месяца тому назад. Он критикует «теорию» примиренцев. Что касается до «практики» примиренцев, нашедшей себе выражение в безысходной, нелепой, никчемной, постыдной склоке, которая царит в № 2 «Бюллетеня» примиренцев и поляков, — то об этом не стоит терять ни одного слова.

«Социал-Демократ» № 24,
18 (31) октября 1911 г.
Подпись: Н. Ленин

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ

В будущем году предстоят выборы в IV Гос. думу. Социал-демократия должна *немедленно* открыть избирательную кампанию. «Оживление» среди *всех* партий ввиду предстоящих выборов уже заметно. Первая полоса периода контрреволюции явно кончилась: прошлогодние демонстрации, студенческое движение, голод в деревне и — последнее по счету, но не по важности! — стачечная волна, — все это указывает определенно на начало поворота, начало новой полосы периода контрреволюции. Усиленная пропаганда, агитация к организация стоят на очереди дня, и естественной, неизбежной, злободневной «зацепкой» в такой работе являются предстоящие выборы. (Заметим в скобках, что те, кто подобно группке «впередовцев» среди с.-д. до сих пор колеблется насчет этих элементарных, вполне подтвержденных жизнью, опытом, партией истин, кто полагает, что «отзовизм» есть «законный оттенок» («Вперед» № 3, *май 1911 г.*, *с. 78),* — те просто вычеркивают себя из числа сколько-нибудь серьезных направлений или течений в социал-демократии.)

Сначала — несколько замечаний об организации, постановке, ведении избирательной кампании. Чтобы *немедленно* начать ее, необходима немедленная *инициативная* деятельность нелегальных партийных *ячеек* РСДРП во всех концах страны, во всех и всяческих легальных и полулегальных организациях, на всех крупных фабриках и заводах, среди всех слоев и групп

населения. Надо смотреть неприглядной действительности прямо в лицо. Вполне оформленных партийных организаций в массе мест нет вовсе. Есть преданный социал-демократии рабочий авангард. Есть отдельные лица, есть небольшие группы. Поэтому инициативное образование ячеек (— слово, хорошо выражающее ту мысль, что внешние условия предписывают небольшие, очень гибкие, группы, кружки и организации) должно быть первой задачей *всех* социал-демократов, хотя бы двух-трех, могущих как-никак «зацепиться», собрать те или иные связи, начать хотя бы самую скромную, но систематическую работу.

При теперешнем положении дел нашей партии нет ничего опаснее тактики «ожидания» такой поры, когда сложится влиятельный русский центр. Всем социал-демократам известно, что работа по его созданию *ведется,* что *все возможное* для этого сделано теми, на ком прежде всего лежит такая обязанность, но всем с.-д. должно быть известно также, что полицейские трудности неимоверны — нельзя падать духом при первой, второй и третьей неудаче! — всем должно быть известно, что, когда такой центр образуется, ему долго придется налаживать прочную сеть связи со всеми местами, ему порядочное время придется ограничиваться лишь общеполитическим руководством. Откладывать образование инициативных местных *ячеек* РСДРП, строго партийных, нелегальных, начинающих тотчас же подготовительную работу к выборам, делающих тотчас же всевозможные шаги для развития пропаганды и агитации (нелегальные типографии, листки, легальные органы, группки «легальных» с.-д. партийцев, транспортные связи *и т. д., и т. п.),* — откладывать это дело значило бы губить работу.

Для социал-демократии, которая ценит выборы больше всего, как дело политического просвещения народа, основным вопросом является, конечно, вопрос об идейно-политическом содержании всей пропаганды и агитации, связанной с выборами. Это и есть вопрос об избирательной платформе. Для всякой партии, сколько-нибудь заслуживающей этого имени, плат-

форма задолго до момента выборов есть уже нечто данное, не нарочито придуманное «для выборов», а вытекающее неизбежно из всех *дел* партии, из всей постановки ее работы, из всего направления ее в данный исторический период. И для РСДРП платформа уже дана, платформа уже есть налицо, она определена естественно и неизбежно принципами партии и той тактикой, которую партия *уже* установила, *уже* провела и ведет во всю ту эпоху политической жизни народа, которой выборы подводят всегда «итог» в известном отношении. Платформа РСДРП есть *итог* той работы, которую революционный марксизм и оставшиеся верными ему слои передовых рабочих проделали в эпоху 1908—1911 годов, в эпоху разгула контрреволюции, в эпоху «третьеиюньского» «столыпинского» режима.

Три главных слагаемых входят в этот итог: 1) программа партии; 2) ее тактика; 3) ее оценка господствующих или наиболее распространенных или наиболее вредных для демократии и для социализма идейно-политических течений данного времени. Без программы партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий. Без тактической линии, основанной на оценке переживаемого политического момента и дающей точные ответы на «проклятые вопросы» современности, возможен кружок теоретиков, но не действующая политическая величина. Без оценки «активных», злободневных или «модных» идейно-политических течений программа и тактика способны выродиться в мертвые «пункты», проведение которых в жизнь, применение к тысячам детальных, конкретных и конкретнейших вопросов практики немыслимо с пониманием сути дела, с пониманием того, «что к чему».

Что касается до идейно-политических течений, характерных для периода 1908—1911 гг. и особенно важных для понимания задач социал-демократии, то на первое место выдвигается здесь «веховство», как идеология *контрреволюционной либеральной* буржуазии (идеология, вполне соответствующая политике к.-д. партии,

что бы ни говорили ее дипломаты) и *ликвидаторство,* как проявление тех же упадочных и буржуазных влияний в среде, соприкасающейся с рабочим движением. Назад от демократии, подальше от движения масс, подальше от революции — таков лейтмотив царящих в «обществе» направлений политической мысли. Подальше от нелегальной партии, задач гегемонии пролетариата в освободительной борьбе, от задачи отстаивания революции — таков лейтмотив «веховства» среди марксистов, свившего себе гнездо в органах «Наша Заря» и «Дело Жизни». Что бы ни говорили узкие практицисты или люди, устало отворачивающиеся от тяжелой борьбы за революционный марксизм в нашу тяжелую эпоху, — нет *ни одного* вопроса «практики», *ни одного* вопроса нелегальной и легальной работы с.-д. в любой из областей ее работы, на который можно бы было дать точный и полный ответ пропагандисту и агитатору без понимания всей глубины и всего значения указанных «направлений мысли» столыпинского периода.

Избирательную платформу социал-демократии очень часто бывает полезно, а иногда и необходимо, завершить выставлением краткого общего лозунга, пароля выборов, выдвигающего самые коренные вопросы ближайшей политической практики, дающего самый удобный, самый близкий повод и материал для развертывания всесторонней социалистической проповеди. Для нашей эпохи таким паролем, таким общим лозунгом могли бы быть лишь следующие три пункта: 1) республика, 2) конфискация всей помещичьей земли, 3) 8-часовой рабочий день.

Первый пункт содержит квинтэссенцию требований политической свободы. Ограничиться этим последним термином для выражения нашей партийной позиции по вопросам этого рода, или каким-либо другим, вроде «демократизаций» и т. п., было бы неправильно по той причине, что мы должны учитывать в пропаганде и агитации опыт революции. Разгон двух Дум, организация погромов, поддержка черносотенных банд и помилование черносотенных героев, «ляховские» под-

виги в Персии[141], государственный переворот 3 июня, ряд дальнейших «маленьких coups d'état»[*] на этой почве (87 статья и пр.) — таков далеко не полный перечень деяний нашей монархии Романова — Пуришкевича — Столыпина и К[0]. Могут быть и бывали исторические условия, когда монархия оказывалась в состоянии уживаться с серьезными демократическими реформами вроде, например, всеобщего избирательного права. Монархия вообще не единообразное и неизменное, а очень гибкое и способное приспособляться к различным классовым отношениям господства, учреждение. Но из этих бесспорных абстрактных соображений делать выводы относительно конкретной русской монархии XX века значит издеваться над требованиями исторической критики и изменять делу демократии.

Наше положение и история нашей государственной власти — особенно за последнее десятилетие — показывают нам наглядно, что именно царская монархия есть средоточие той банды черносотенных помещиков (от них же первый — Романов), которая сделала из России страшилище не только для Европы, но теперь и для Азии, — банды, которая довела ныне произвол, грабежи и казнокрадства чиновников, систематические насилия над «простонародьем», истязания и пытки по отношению к политическим противникам и т. д., до размеров совершенно исключительных. При таком *конкретном* обличье, конкретной экономической основе и политической физиономии *нашей* монархии ставить в центре борьбы за политическую свободу требование, например, всеобщего избирательного права было бы не столько оппортунизмом, сколько вообще бессмыслицей. Если речь идет о выборе центрального пункта требований, как общего лозунга выборной кампании, то надо же располагать различные демократические требования в сколько-нибудь правдоподобной перспективе и соразмерности; нельзя же, в самом деле, не вызывая смеха у людей грамотных и не порождая путаницы в умах безграмотных, добиваться признания приличного

[*] — государственных переворотов. *Ред.*

отношения к женщинам и неудобства употреблять «нецензурные» речения от Пуришкевича, терпимости от Илиодора, бескорыстия и честности от Гурко и Рейнбота, законности и правового режима от Толмачева и Думбадзе, демократических реформ от Николая Романова!

Поставьте вопрос с точки зрения, так сказать, общеисторической. Бесспорно (для всех, кроме Ларина и горстки ликвидаторов), что буржуазная революция в России не закончена. Россия идет к *революционному* кризису. Мы должны доказывать необходимость революции, проповедовать законность и «полезность» ее. Если так, следует вести агитацию за политическую свободу таким образом, чтобы ставить вопрос во всей его широте, чтобы указывать цель победоносному, а не останавливающемуся на полпути (как в 1905 г.) движению, давать лозунг, способный вызвать энтузиазм в массе исстрадавшихся от русской жизни, изболевших от позора быть русскими, стремящихся к действительно свободной, действительно обновленной России. — Поставьте вопрос с точки зрения пропагандистски-практической. Нельзя же не разъяснять даже самому темному мужику, что управлять государством должна «Дума», более свободно и всенародно выбираемая, чем первая. А как же сделать, чтобы «Думу» нельзя было разогнать? Нельзя этого сделать, не разрушив царской монархии.

Возразят, может быть: выставлять лозунг республики, как пароль всей избирательной кампании, значит исключать возможность легально вести ее, значит несерьезно относиться к признанию важности и необходимости легальной работы. Такое возражение было бы софизмом, достойным ликвидаторов. Нельзя говорить легально о республике (за исключением думской трибуны, с которой можно и должно, оставаясь *вполне* на почве легальности, вести республиканскую пропаганду), — но можно писать и говорить в защиту демократизма *так,* чтобы не делать ни малейшей поблажки идеям примиримости демократизма с монархией, — *так,* чтобы опровергать и высмеивать либеральных а

народнических монархистов, — *так,* чтобы читатель и слушатель уяснили себе связь именно монархии, как монархии, с бесправием и произволом в России. О, русский человек прошел многовековую школу рабства: он умеет читать между строк и договаривать не сказанное оратором. «Не говори: не могу, а говори: не хочу» — вот как следует отвечать легальным деятелям социал-демократии, которые стали бы ссылаться на «невозможность» постановки требования республики в центре нашей пропаганды и агитации.

О важности требования конфискации всей помещичьей земли вряд ли есть надобность особенно распространяться. В такое время, когда в русских деревнях стоит неумолчный стон от столыпинской «реформы», идет борьба в самых ожесточенных формах между «новыми помещиками», стражниками и массой населения, нарастает — по свидетельству самых консервативных и враждебных революции людей — невиданная раньше злоба, в такое время *в центре* всей демократической избирательной платформы должно стоять указанное требование. Заметим только, что именно указанное требование ясно отделит последовательную пролетарскую демократию не только от помещичьего либерализма кадетов, но и от тех интеллигентски-чиновничьих разговоров о «нормах», «нормах потребительских», «нормах производительных», об «уравнительном распределении» и прочем вздоре, которые любят народники и над которыми смеются все толковые крестьяне. Нам не к чему говорить, «сколько земли нужно мужичку»: русскому народу нужно конфисковать *всю* помещичью землю, чтобы скинуть с себя ярмо крепостнического гнета во *всей* экономической и политической жизни страны. Без такой меры Россия никогда не будет свободной, русский крестьянин никогда не будет хоть сколько-нибудь сытым и грамотным.

Еще менее необходимы комментарии к 3-му пункту: 8-часовой рабочий день. Контрреволюция с бешенством отнимает у рабочих завоевания пятого года, и тем сильнее становится в рабочей среде борьба за улучшение

условий труда и жизни; во главе этих улучшений стоит 8-часовой рабочий день.

Подводя итог, можно выразить двумя словами суть и жизненный нерв социал-демократической избирательной платформы: *за революцию!* Лев Толстой сказал незадолго до своей смерти, и сказал с характерным для худших сторон «толстовщины» сожалением, что русский народ необыкновенно быстро «научился делать революцию». Мы жалеем только о том, что русский народ не доучился этой науке, без которой он целые века может остаться рабом у Пуришкевичей. Но правда то, что русский пролетариат, в своем стремлении к полному социалистическому преобразованию общества, дал русскому народу вообще и русским крестьянам в особенности незаменимые *уроки* в этой науке. Никакие виселицы Столыпина, никакие потуги «веховцев» не заставят забыть этих уроков. Урок дан. Урок усваивается. Урок будет повторен.

Программа РСДРП, наша старая программа революционной социал-демократии, есть основа нашей избирательной платформы. Наша программа дает точную формулировку наших социалистических задач, конечной цели социализма, и притом такую формулировку, которая заострена в особенности против оппортунизма и реформизма. В такую эпоху, когда реформизм во многих странах, и у нас в том числе, поднимает голову, — и когда, с другой стороны, множатся признаки, указывающие, что в самых передовых странах подходит к концу период так называемого «мирного парламентаризма», начинается период революционного брожения масс, — в такую эпоху наша старая программа приобретает еще бòльшее (если возможна тут сравнительная степень) значение. По отношению к России программа РСДРП ставит партии ближайшую цель: «свержение самодержавия царя и замену его демократической республикой». Специальные отделы программы, посвященные вопросам государственного управления, финансам, рабочему законодательству, аграрному вопросу, дают точный и определенный руководящий материал для *всей* разносторонней работы любого пропагандиста

и агитатора, для конкретизации нашей избирательной платформы при выступлениях перед той или иной аудиторией, по тому или иному поводу, с той или иной темой. Тактика РСДРП эпохи 1908—1911 годов определена *декабрьскими резолюциями 1908 года.* Подтвержденные январским пленумом 1910 года, проверенные *опытом* всего «столыпинского» периода, эти резолюции дают точную оценку момента и вытекающих из него задач. Старое самодержавие по-прежнему остается главным врагом, по-прежнему повторяется неизбежность революционного кризиса, к которому снова идет Россия. Но обстановка уже не старая, самодержавие сделало «шаг по пути превращения в буржуазную монархию», оно пытается укрепить поместное землевладение крепостников новой, буржуазной аграрной политикой; оно налаживает союзы крепостников и буржуазии в черно-желтой Думе; оно использует широкое контрреволюционное (= «веховское») настроение в либеральной буржуазии. Капитализм сделал несколько шагов вперед, классовые противоречия обострились, раскол между демократическими элементами и «веховским» либерализмом кадетов стал яснее, деятельность социал-демократии охватывает новые области (Дума и «легальные возможности»), давая возможность, вопреки контрреволюции, расширять сферу действия пропаганды и агитации даже при сильном «разгроме» нелегальных организаций. Старые революционные задачи, старые, испытанные методы революционной массовой борьбы — вот что отстаивает наша партия в эпоху распада и развала, когда приходится зачастую «начинать с начала», приходится не только по-старому, но и по-новому, новыми приемами, в измененной обстановке вести подготовительную работу, собирая силы к эпохе новых битв.

«Социал-Демократ» № 24,
18 (31) октября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ

Номера 6, 7 и 8 «Нашей Зари» посвящены, главным образом, избирательной кампании и избирательной платформе. Сущность взглядов ликвидаторов прикрывается, в статьях на эту тему, необыкновенным количеством непомерно пухлых, вымученных, высокопарных фраз о «боевой мобилизации пролетариата», о «широкой и открытой мобилизации масс», о «массовых политических организациях самодеятельных рабочих», о «самоуправляющихся коллективах», «самосознательных рабочих» и т. д., и т. п. Юрий Чацкий договорился даже до того, что платформу надо не только «продумать», но и «прочувствовать»... Фразы эти, приводящие, наверное, в восторг гимназистов и гимназисток, оглушают читателя и «напускают туману», в котором нетрудно уже провезти контрабанду.

Вот, например, г. Юрий Чацкий воспевает значение платформы и важность единой платформы. «Крупнейшее значение, — пишет он, — мы придаем санкции (платформы) думской с.-д. фракции, при том, однако, непременном условии, что последняя не пойдет по линии наименьшего сопротивления, санкционировав платформу, навязанную ей заграничными кружками».

Так и напечатано. И это не черносотенный орган, натравляющий на «жида» и на эмигранта, а «социал-демократический»! Как низко должны были пасть эти господа, чтобы, вместо разъяснения принципиальной

разницы *их* платформы и платформы «заграничных кружков», кричать против заграницы!

Юрий Чацкий так неловок при этом, что выбалтывает, от имени какого кружка ведет он свою ликвидаторскую линию: «элементом возможной централизации, — пишет он, — является группа с.-д. (??) работников, тесно связанных с открытым рабочим движением (через «Нашу Зарю», а?) и приобретающих все большую устойчивость»... (и все больший либеральный облик)... «мы имеем в виду в особенности Петербург»...

Прямо бы надо говорить, господа! Недостойно и неумно играть в прятки: «элементом централизации», попросту центром (ликвидаторства) вы считаете — и законно — группку сотрудников петербургской «Нашей Зари». Шила в мешке не утаишь.

Л. Мартов пытается утаить шило, пересказывая легальные положения с.-д. программы как основы избирательной платформы. Он говорит при этом хорошие слова, что не надо ни от чего «отказываться», ничего «урезывать». Это на стр. 48 № 7—8. А на стр. 54-ой, в заключительном абзаце статьи, читаем:

«Вся избирательная кампания должна нами (? «Нашей Зарей» и «Делом Жизни», очевидно) вестись под знаменем (sic![*]) борьбы пролетариата за свободу своего политического самоопределения, борьбы за право иметь свою классовую партию и свободно развивать свою деятельность, за участие в политической жизни в качестве самостоятельной организованной силы. Этому принципу должны быть подчинены как содержание избирательной агитации, так и методы избирательной тактики и организационной предвыборной работы».

Великолепное изложение *либеральной* рабочей платформы! Рабочий социал-демократ «ведет кампанию под знаменем» борьбы за свободу *всего народа,* за демократическую республику. Рабочий либерал борется «за право иметь свою классовую (в брентановском, социал-либеральном смысле) партию». Подчинять такому принципу, это и значит изменять делу демократии. И либеральные буржуа и ловкие дельцы правительства только

[*] — так! *Ред.*

того и хотят, чтобы рабочие боролись за свободу «своего политического самоопределения», а не за свободу всей страны — Мартов дал пересказ формулы Левицкого: *«не* гегемония, *а* классовая партия»! Мартов дал лозунг чистейшего «неоэкономизма». «Экономисты» говорили: рабочим экономическая, либералам политическая борьба. «Неоэкономисты», ликвидаторы, говорят: все содержание избирательной агитации подчинить принципу; борьба рабочих за право иметь свою классовую партию.

Сознает ли Мартов смысл своих слов? Сознает ли он, что они означают отречение пролетариата от революции: «господа либералы, в 1905 году мы против вас поднимали на революцию массы вообще, крестьян в частности, мы боролись за свободу народа вопреки либеральным потугам остановить дело при полусвободе; отныне мы не будем «увлекаться» и будем бороться за свободу своей классовой партии». Ничего иного «веховские», контрреволюционные либералы (ср. писания Изгоева в особенности) и не требуют от рабочих. Права рабочих иметь свою классовую партию либералы не отрицают. Они отрицают «право» пролетариата, единственного до конца революционного класса, поднимать *низы* на борьбу вопреки либералам и даже против либералов.

Посулив не «отказываться» и «не урезывать», Мартов именно так *урезал* с.-д. платформу, чтобы она вполне удовлетворяла Ларина, Потресова, Прокоповича, Изгоева.

Посмотрите, как Мартов критикует тактическую резолюцию партии (декабря 1908 года). «Неудачная формула», — говорит он о «шаге цо пути превращения в буржуазную монархию», — ибо «в ней исчезает реальность сделанного *назад* шага к разделу власти между носителями абсолютизма и землевладельческим дворянством», «в ней отсутствует момент решительного столкновения классов» — очевидно, буржуа либералов с крепостниками! О том, что либеральные буржуа в 1905—1907 годах *убоялись* «решительного столкновения» с феодалами, предпочитая «решительно столкнуться» с рабочими и крестьянами, Мартов забывает

(как забывают об этом либералы, обвиняющие рабочих в «эксцессах»). Мартов видит «шаг назад» самодержавия к крепостникам (в резолюции партии *точно* указан этот шаг: «сохранить за крепостниками их власть и их доходы»). Но Мартов не *видит* «шага назад», сделанного либеральными буржуа *от* демократии к «порядку», к монархии, к сближению с помещиками. Мартов не видит *связи* «шага по пути» к буржуазной монархии *с* контрреволюционностью, с веховством либеральной буржуазии. Не видит потому, что он сам «веховец — среди марксистов». По-либеральному мечтая о «решительном столкновении» либеральных буржуа с крепостниками, он выбрасывает за борт историческую реальность *революционного* столкновения рабочих и крестьян с крепостниками, *несмотря* на колебания либералов, несмотря даже на переход их в партию порядка.

Итог и здесь все тот же: резолюцию партии Мартов отвергает с точки зрения *либеральной* рабочей политики, не противопоставляя, к сожалению, никакой *своей* тактической резолюции (хотя необходимость базировать тактику на оценке «исторического смысла третьеиюньского периода» Мартов вынужден признать!).

Вполне понятно поэтому, что Мартов пишет: «... стремлением рабочей партии должно быть... побудить имущие классы сделать тот или иной шаг в сторону демократизации законодательства и расширения конституционных гарантий...». Всякий либерал считает вполне законным стремление рабочих «побудить *имущие классы»* к тем или иным шагам — условие либерала: чтобы рабочие не смели побуждать *неимущих* к «шагам», *не нравящимся* либералам. Вся политика английских либералов, так глубоко развративших английских рабочих, сводится к тому, чтобы предоставлять рабочим «побуждать имущие классы» и *не позволять рабочим* отвоевывать себе гегемонию в общенародном движении.

Вполне понятна также ненависть Чацкого, Мартова, Дана к «левоблокистской» тактике. Под ней они понимают не «левый блок» на выборах, а общую тактику, установленную Лондонским съездом: *вырывать*

крестьян (и мелких буржуа вообще) из-под влияния кадетов; *заставлять* народнические группы *делать выбор* между к.-д. и с.-д. Отказ от этой тактики есть *отречение от демократии:* не видеть этого *теперь,* после «столыпинского периода», после подвигов «столыпинского либерализма к.-д.» (лондонский лозунг Милюкова: «оппозиция его величества»![142]), *после «Вех»* могут только столыпинские социал-демократы.

Не нужно делать себе иллюзий: избирательных платформ у нас *две,* — это факт. От него нельзя отговориться фразой, сетованиями, пожеланиями. Одна — изложенная выше, основанная на решениях партии. Другая — потресовско-ларинская, развитая и дополненная Левицким, Юрием Чацким и К^0 и подмалеванная Мартовым. Эта последняя, *якобы социал-демократическая,* платформа есть на деле *платформа либеральной рабочей политики.*

Кто не понял разницы, непримиримой разницы этих *двух* платформ рабочей политики, тот не может *сознательно* вести избирательную кампанию. Того ждут на каждом шагу разочарования, «недоразумения», комические или трагические ошибки.

«Социал-Демократ» № 24,
18 (31) октября 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ИТОГ

Полемика Витте и Гучкова усердно подхвачена и «Речью» и «Русскими Ведомостями» в целях выборной агитации. Характер полемики виден ясно из следующей тирады «Речи»:

«Как часто гг. октябристы под предводительством Гучкова, в угоду начальству, оказывались коллегами единомышленников г. Дурново! Как часто, обращенные взорами к начальству, они оказывались спиной к общественному мнению!».

Это говорится по поводу того, что Витте в октябре — ноябре 1905 г. совещался о составлении министерства с гг. Урусовым, Трубецким, Гучковым, М. Стаховичем, причем последние трое решительно не соглашались на кандидатуру Дурново в министры внутренних дел.

Упрекая октябристов, гг. кадеты обнаруживают, однако, удивительную забывчивость по отношению к своему собственному прошлому. «Октябристы оказывались коллегами единомышленников Дурново». Это справедливо. И это доказывает, несомненно, что о демократизме октябристов смешно было бы говорить. Но октябристы не претендуют на демократизм. А кадеты называют себя «конституционными демократами». Но разве эти «демократы», например, в лице Урусова, который защищал кандидатуру Дурново на совещаниях с Витте, не оказывались «коллегами единомышленников Дурново»? Разве в обеих первых Думах кадеты, как партия, не оказывались «обращенными взорами к начальству и спиной к общественному мнению»?

Нельзя же забывать или извращать общеизвестные факты. Припомните историю с местными земельными комитетами в I Думе. Кадеты были против *именно* «в угоду начальству». Кадеты по этому (одному из важнейших для эпохи I Думы политических вопросов) несомненно «обращали взоры к начальству» и «оказывались спиной к общественному мнению». Ибо трудовики и рабочие депутаты, представлявшие $^{9}/_{10}$ населения России, были тогда *за* местные земельные комитеты. Десятки раз по другим вопросам наблюдалось такое же соотношение партий и в I и во II Думах.

Трудно представить себе, как могли бы кадеты оспорить эти факты. Неужели можно утверждать, что они не расходились с трудовиками и рабочими депутатами в обеих первых Думах, что они не оказывались при этом рука об руку с Гейденами, октябристами и начальством? Что трудовики и рабочие депутаты не представляли громадное большинство населения в силу избирательной системы? Или общественным мнением наши «демократы» назовут мнение «образованного» (с точки зрения казенных дипломов) «общества», а не мнение большинства населения?

Если оценивать исторически период, когда Столыпин был премьером, т. е. пятилетие 1906—1911 годов, то невозможно отрицать того, что и октябристы и кадеты *не были* демократами. А так как только кадеты претендуют на это звание, то именно здесь самообман кадетов и обман ими «общественного мнения», мнения масс, в особенности ощутителен, в особенности вреден.

Мы не хотим сказать, конечно, что октябристы и кадеты «одна реакционная масса», что октябристы не менее либеральны, чем кадеты. Мы хотим сказать им, что одно дело либерализм, другое дело демократия. Либералам естественно считать «общественным мнением» мнение буржуазии, а не мнение крестьян и рабочих. Демократ не может стоять на такой точке зрения и, какие бы иллюзии он ни питал подчас насчет интересов и стремлений массы, демократ *верит* в массу, в *действие* масс, в законность настроений, в целесообразность методов борьбы массы.

Это отличие либерализма от демократии приходится напоминать тем настойчивее, чем больше злоупотребляют именем демократа. Выборы во всех буржуазных странах служат для буржуазных партий целям рекламы. Для рабочего класса выборы и выборная борьба должны служить целям политического просвещения, уяснения *действительной* природы партий. О политических партиях нельзя судить по их названиям, заявлениям, программам, а надо судить по их *делам.*

Но полемика Витте с Гучковым, затронувшая вопрос о начале министерской карьеры Столыпина (Гучков свидетельствует, между прочим, что против кандидатуры Столыпина *осенью 1905 г.* не возражал *никто* из «общественных деятелей»), поднимает еще другие, гораздо более важные и интересные вопросы.

Первый раз, когда была выдвинута (осенью 1905 г.) кандидатура Столыпина на пост министра внутренних дел, ее выдвинули на совещании Витте с представителями либеральной буржуазии. Даже в эпоху I Думы Столыпин, как министр внутренних дел, «два раза через Крыжановского предлагал Муромцеву обсудить возможность кадетского министерства», — так пишет газета «Речь» в редакционной статье от 6-го сентября, добавляя осторожно-уклончивое: «Есть указания», что Столыпин поступал таким образом. Достаточно припомнить, что прежде кадеты отделывались молчанием или бранью в ответ на подобные «указания». Теперь они сами приводят эти указания, очевидно, давая тем самым подтверждение их верности.

Пойдем далее. После разгрома I Думы, когда Столыпин стал премьером, были адресованы прямые предложения войти в министерство Гейдену, Львову, М. Стаховичу. После неудачи этой «комбинации», — «во время первого междудумья Столыпин завязал тесные политические сношения с Гучковым», и эти сношения продолжались, как известно, до 1911 года.

Что же мы видим в итоге? Кандидатура Столыпина на пост министра обсуждается с представителями буржуазии, и в течение всей своей министерской карьеры, с 1906 по 1911 год, Столыпин делает «предложения»

одним представителям буржуазии за другими, завязывая или пытаясь завязать политические сношения сначала с кадетами, потом с мирнообновленцами[143] и, наконец, с октябристами. Сначала Столыпина, как кандидата в министры, «предлагают» «общественным деятелям», т. е. вождям буржуазии, а потом Столыпин, уже как министр, *в течение всей своей карьеры,* делает «предложения» Муромцевым, Гейденам, Гучковым. Столыпин кончает свою карьеру (известно, что отставка Столыпина была уже предрешена), когда *исчерпывается* весь круг всяческих партий и оттенков буржуазии, которым можно было делать «предложения».

Вывод, следующий из этих фактов, ясен. Если кадеты и октябристы пререкаются теперь между собою насчет того, кто из них более холопски держался на переговорах о министрах или с министрами, Урусов или Гучков, Муромцев или Гейден, Милюков или Стахович и т. д., и т. п., то подобные пререкания мелки и служат только к отвлечению внимания публики от серьезного политического вопроса. А этот серьезный вопрос явно сводится к тому, чтобы понять условия и значение той особой эпохи в истории русского государственного строя, когда министры вынуждены были делать систематические «предложения» вождям буржуазии, когда министры *могли* находить хотя бы некоторую общую почву с этими вождями, общую почву для ведения и возобновления переговоров. Не то важно, кто хуже держался при этом, Карп или Сидор — важно то, что, во-1-х, старопомещичий класс не мог уже командовать без «предложений» вождям буржуазии; важно то, во-2-х, что нашлась *общая почва* для переговоров у дикого помещика и у буржуа, и почвой этой была *контрреволюционность.*

Столыпин не просто министр помещиков, переживших 1905 год; нет, это вместе с тем министр эпохи контрреволюционных настроений в буржуазии, которой помещики должны были делать предложения и могли их делать вследствие общей вражды к «пятому году». Эти настроения буржуазии — если даже говорить сейчас только о кадетах, о самой левой из «либеральных»

партий — выразились и в проповеди «Вех», облививших помоями демократию и движение масс, и в «лондонском» лозунге Милюкова, и в многочисленных лампадных речах Караулова, и в речи по аграрному вопросу Березовского 1-го и т. д.

Вот эту сторону дела слишком склонны забывать все наши либералы, вся либеральная печать, вплоть до либеральных рабочих политиков. А между тем именно эта сторона дела самая важная, объясняющая нам историческое отличие тех условий, при которых помещики становились губернаторами и министрами в XIX или в начале XX века и *после 1905 года.* Пререкаясь с Гучковым, кадетская «Речь» пишет («Речь» 30 сентября): «русское общество помнит хорошо формуляр октябризма».

О, да! Либеральное общество помнит хорошо мелкую перебранку «своих людей», Урусовых и Милюковых с Гейденами, Львовыми, Гучковыми. Но русская демократия вообще — и рабочая демократия в особенности — *помнит хорошо* «формуляр» *всей* либеральной буржуазии, вплоть до кадетов; она помнит хорошо, что великий сдвиг 1905 года заставил помещиков и помещичью бюрократию искать поддержки у буржуазии, а эта буржуазия использовала свое положение замечательно достойно. Она целиком соглашалась с помещиками в том, что местные земельные комитеты не нужны и вредны, она расходилась с ними в необыкновенно важном, поистине принципиальном вопросе: Дурново *или* Столыпин!

«Звезда» № 26, 23 октября 1911 г.
Подпись: В. Ф.

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

ДВА ЦЕНТРА

Начало последней сессии третьей Думы сразу же поставило вопрос об итогах работы этого учреждения. Один из важнейших итогов мы можем формулировать словами «Речи».

«Мы имеем, — писал недавно ее передовик, — ряд голосований, фактически воспроизводящих господство в Думе «левого центра»... Действительная деятельность Думы, соприкасающаяся с живыми запросами и требованиями жизни, идет с самого начала сессии неизменно и систематическим курсом — несуществующего, конечно, — левого центра».

И, как бы ловя «самого» премьера, газета ликующе восклицает: «Г-н Коковцов не постеснялся (в первом своем выступлении) трижды заявить о своей полной солидарности с доводами (кадета) Степанова».

Факт бесспорный: «левый центр» налицо. Вопрос только, о «жизни» или о застое свидетельствует наличность этого факта?

В III Думе с самого начала были два большинства. Марксисты еще в конце 1907 года, до начала «работ» этой Думы, выставили центральным пунктом своей оценки момента и оценки III Думы признание «двух большинств» и характеристику обоих.

Первое большинство — черносотенно-правооктябристское, второе — октябристско-кадетское. Избирательный закон в III Думу так и подстроен, чтобы получились эти два большинства. Напрасно наши либералы притворяются, будто они не видят этого.

Не случайность и не какой-нибудь хитрый расчет отдельных лиц, а весь ход классовой борьбы 1905— 1907 годов сделал неизбежным для правительства вступление на этот именно путь. События показали, что «ставить ставку» на массу населения невозможно. Прежде, до «событий», иллюзия казенной «народной политики» еще могла держаться; события ее разбили. Ставку пришлось открыто, голо, цинично поставить на один командующий класс, класс Пуришкевичей и Марковых, и на сочувствие или испуг буржуазии. У одних разрядов буржуазии преобладало стремление к систематической поддержке (октябристы), у других — сочувствие к так называемому порядку или испуг (кадеты), — это различие серьезной роли не играло.

Указанный сдвиг *всей* русской политической системы наметился еще в тех беседах, которые вели с конца 1905 года Витте, Трепов, Столыпин с Урусовым, Трубецким, Гучковым, Муромцевым, Милюковым. Окончательно определился и отлился в государственно-учредительные формы этот сдвиг в третьей Думе с ее двумя большинствами.

О том, зачем нужно данному политическому строю первое большинство, излишпе говорить. Но обыкновенно забывают, что и второе, октябристско-кадетское, большинство для него необходимо: без «буржуазного истца» правительство не могло бы быть тем, что оно есть; без сговора с буржуазией оно не в состоянии существовать; без попыток примирить Пуришкевичей и Марковых с буржуазным строем и буржуазным развитием России ни министерство финансов, ни все министерства вместе — жить не могут.

И теперь, если «левый центр» оказывается неудовлетворенным, несмотря на свою скромность, то это свидетельствует, конечно, о растущем убеждении *всей* буржуазии в тщете ее жертв на алтарь Пуришкевичей.

Но «живые запросы и требования жизни» могут получить удовлетворение не от этих воздыханий и жалоб «левого центра», а только при условии сознания всей демократией причин бессилия и жалкого положения центра. Ибо весь центр, и левый в том числе, стоит

на почве контрреволюционной: они стонут от Пуришкевичей, но они *не хотят и не могут* обойтись без Пуришкевичей. Вот почему участь их горькая, вот почему ни одной победы, ни одной даже частички победы нет за этим левым центром.

«Левый центр», о котором говорит «Речь», есть смерть, а не жизнь, ибо весь этот центр — в решительные моменты русской истории испугался демократии и отвернулся от нее. А дело демократии есть живое дело, самое живое дело в России.

Живые запросы и требования жизни пролагают себе дорогу в таких областях, которые далеки от заполняющего внимание кадетов «левого центра». Вдумчивый читатель не мог не заметить, конечно, при чтении, например, думских отчетов о прениях по поводу «охраны», — что постановка вопроса в речах Покровского 2-го и особенно Гегечкори, как небо от земли, как жизнь от смерти, отличалась от постановки вопроса у Родичева и его компании.

«Звезда» № 28, 5 ноября 1911 г.

Печатается по тексту газеты «Звезда»

СТАРОЕ И НОВОЕ

(ИЗ ЗАМЕТОК ГАЗЕТНОГО ЧИТАТЕЛЯ)

Возьмешь в руки газеты — и сразу атмосфера «старой» России надвигается со всех сторон. Дело об армавирском погроме. Избиение с ведома и согласия властей, западня, устроенная начальством, «кем-то внушенное и предписанное» (слова гражданского истца) «избиение русской интеллигенции в широком смысле этого слова». Старая, но вечно новая действительность русской жизни, — горькая насмешка над «конституционными» иллюзиями.

Горькая, но полезная насмешка! Ибо ясно, — и молодому поколению России все более становится ясно, — что никакие осуждения, никакие резолюции тут не помогут. Тут дело идет о всей политической системе в целом, тут историческая правда пробивает себе дорогу сквозь дымку мечтательного обмана, будто возможно влить вино новое в мехи старые.

Голод... Продажа скота, продажа девушек, толпы нищих, тиф, голодная смерть. «У населения есть только одна привилегия — умирать тихо и незаметно», — пишет один корреспондент.

«Земцы, говоря попросту, перепугались того, что они очутятся со своими имениями среди голодных, озлобленных, потерявших всякую веру на какой-нибудь просвет, людей» (из Казанской губернии).

На что, казалось бы, благонадежно нынешнее земство, а между ним и правительством идет спор из-за размеров ссуд. Просят 6 миллионов рублей (Казанская

губерния) — казна дает 1 миллион. Просили 600 тысяч (Самара) — переведено 25 тысяч рублей.

По-старому!

В Холмском уезде Псковской губернии на земском собрании против земской агрономии, — для хуторян только! — выступили даже земские начальники. На Кубани состоялся съезд станичных атаманов — все единодушно высказались против принятого III Думой плана укрепления наделов в личную собственность.

В Царицыне уездный съезд постановил не предавать суду старосту, истязавшего женщину («в целях разыскания преступника»). Губернское присутствие отменило постановление.

Под Петербургом рабочие надели мешок на управляющего фабрикой г. Яковлева и поволокли к Неве« Стражники разогнали рабочих. 18 арестовано.

Трудно удивляться тому, что даже газете *«Речь»* приходится констатировать, при таких картинках жизни, «большую общественную приниженность». А г. Кондурушкин сетует в письмах из Самары о голоде*: «оно, это русское общество, представляется мне мягким, как резина, как тесто. Можно смять его и тискать словом и делом. Но отошел — и опять затянуло все по-старому».

«Он, этот русский обыватель и интеллигент, богатый и бедный, спокоен. Бот, когда начнут от голода «пухнуть», он возрадуется, со слезами заликует. Ему непременно надо со слезами идти на помощь, с чувствами «благородными». Ему при этом предстоит прекрасный случай о душе своей позаботиться. А без чувств, без слез и работа не работа, и помощь не в помощь. Без слез-то своих он и дела значительным не сочтет и с места не тронется. Нет, ты его сначала растрогай, заставь плакать и в чистый платочек высморкаться. А суровый расчет, здоровое и трезвое сознание *государственной необходимости* — это скучно, тут нет мягкого настроения».

Да, да, проповедь «суровости» очень не бесполезна в мире «теста» и «резины». Только наш либерал не замечает, *с какой стороны* ведет он такую проповедь, «здоровое и трезвое сознание государственной необходи-

* Охваченный «тоской общерусского неуюта».

мости», — вы это не у Меньшикова ли списали, г. Кондурушкин? Ведь именно на почве «теста» и «резины», именно на почве мягкого и слезливого настроения только и возможны подобные речи о государственности. Именно потому, что есть тестообразные люди, чувствуют себя уверенно глашатаи «здоровой и трезвой государственности».

«Русское общество мягко, как резина», — *по-старому* говорит г. Кондурушкин. Есть общество и общество. Было время, когда слово «общество» все обнимало, все покрывало, выражало разнородные, просыпающиеся к сознательности, элементы населения или просто так называемых «образованных» людей.

Но именно в этом отношении дела обстоят уже в России не по-старому. Когда можно было говорить только об обществе, тогда лучшие люди его проповедовали суровую борьбу, а не «здоровое и трезвое сознание государственной необходимости».

А теперь об «обществе» вообще говорить нельзя. В старой России обнаружились различия новых сил. Старые бедствия, по-старому, в виде голода и т. д., надвигающиеся на Россию, обостряющие старые вопросы, требуют учета того, как обнаружили себя эти новые силы в первое десятилетие XX века.

«Общество» мягко и слезливо благодаря бессилию и нерешительности того класса, к которому оно тяготеет и на $^{9}/_{10}$ принадлежит. Проповедь «сурового расчета, трезвого и здорового сознания государственной необходимости» есть только оправдание господства «начальства» над этим дряблым обществом.

А истекшее десятилетие показало элементы населения, к «обществу» не принадлежащие, мягкостью и слезливостью не отличающиеся...

В России все «по-старому» — наверху, но есть кое-что новое — внизу. Кому «тоска общерусского неуюта» поможет увидать, нащупать, найти это твердое, не слезливое, не тестообразное новое, тот сумеет найти дорогу, ведущую к избавлению от старого.

А у кого сетования на эту тоску перемешиваются с речами о «здоровом и трезвом сознании государственной

необходимости», тот едва ли не останется навеки составной частью «теста», дающего себя «мять и тискать». Таких людей как раз во имя «здоровой и трезвой» государственности «мнут и тискают», — и поделом.

Если из ста лиц, подвергаемых таковой операции, один из «общества» потвердеет, результат будет полезный. Без размежевки добра не будет.

«Звезда» № 28, 5 ноября 1911 г.
Подпись: В. Ф.

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ II ДУМЫ

ИЗЛОЖЕНИЕ ВСЕГО ДЕЛА[144]

Прошло уже четыре года с тех пор, как вся социал-демократическая фракция второй Думы, жертва гнусного заговора нашего правительства, была предана суду и, подобно тяжким преступникам, сослана на каторгу. Русский пролетариат прекрасно понимал, что обвинение против его представителей основано на подлоге; но это было время разгула реакции, и к тому же приговор был вынесен при закрытых дверях, так что налицо не было достаточных доказательств преступления, совершенного царизмом. Лишь совсем недавно убедительные факты, в которых признался агент охранки Бродский, представили в полном свете отвратительные махинации наших властей.

Вот как все это произошло:

Несмотря на весьма урезанное избирательное право, русский пролетариат послал во вторую Думу 55 социал-демократов.

Эта социал-демократическая фракция была не только многочисленной, но весьма выдающейся и в идейном отношении. Рожденная революцией, она носила на себе ее печать, и ее выступления, в которых все еще слышались отзвуки великой борьбы, охватившей всю страну, подвергали глубокой и хорошо обоснованной критике не только вносимые на рассмотрение Думы законопроекты, но также и всю царскую и капиталистическую систему правления в целом.

Вооруженная непобедимым оружием современного социализма, эта социал-демократическая фракция из всех фракций левой была самой революционной, самой последовательной и наиболее проникнутой классовым сознанием. Она увлекала их за собой и налагала на Думу свой революционный отпечаток. Наши власти считали фракцию последним очагом революции, ее последним символом, живым доказательством мощного влияния социал-демократии на пролетарские массы, и вследствие этого она была постоянной угрозой для реакции, последним препятствием в ее триумфальном шествии. Поэтому правительство считало необходимым не только избавиться от чересчур революционной Думы, но, кроме того, ограничить до минимума избирательное право пролетариата и демократически настроенного крестьянства, воспрепятствовать тому, чтобы в будущем могла быть выбрана подобная Дума. Самым лучшим средством осуществления этого государственного переворота было избавиться от социалистической фракции, скомпрометировав ее в глазах страны: отрубить голову, чтобы таким образом умертвить все тело.

Однако для этого нужен был предлог: например, возможность обвинить фракцию в каком-нибудь тяжком политическом преступлении. Изобретательность полиции и охранки быстро помогла отыскать такой предлог. Решили скомпрометировать социалистическую парламентскую фракцию, обвинив ее в тесной связи с социал-демократической боевой организацией и с социал-демократической военной организацией. С этой целью генерал Герасимов, начальник охранки (все эти данные взяты из 1-го номера газеты «Будущее» («L'Avenir»), выходящей под редакцией Бурцева в Париже, 50, boulevard Saint-Jacques[145]), предложил своему агенту Бродскому вступить в означенные организации. Бродскому удалось проникнуть туда сперва в качестве рядового члена, затем он стал секретарем. У некоторых членов военной организации явилась мысль послать в социалистическую парламентскую фракцию делегацию солдат. Охранка решила использовать это в своих целях, и Бродский, сумевший завоевать доверие военной

организации, взялся осуществить этот план. Было выбрано несколько солдат, составили наказ с солдатскими требованиями и, не предупредив даже социалистическую фракцию, назначили день, когда делегация должна была посетить фракцию в ее официальном помещении. Так как солдатам нельзя было пойти туда в своей военной форме, то их заставили переодеться, причем это было сделано на квартире одного агента охранки, где они надели платье, купленное и приготовленное для них охранкой. Согласно гнусному плану Герасимова, Бродский должен был одновременно с солдатами явиться в помещение социалистической фракции и принести туда революционные документы, чтобы таким образом еще больше скомпрометировать наших депутатов. Далее было условлено, что Бродского арестуют вместе с другими, а потом, с помощью охранки, которая должна была предоставить ему возможность совершить мнимый побег, он должен был очутиться на свободе. Но Бродский явился слишком поздно, и когда он хотел проникнуть с компрометирующими документами в помещение фракции, там уже начался обыск, и его туда не пропустили.

Такова была инсценировка, самым тщательным образом подготовленная охранкой и давшая возможность реакции не только осудить и отправить на каторгу представителей пролетариата, но, кроме того, распустить вторую Думу и совершить свой государственный переворот 3 (16) июня 1907 г. Действительно, правительство объявило в своем манифесте от того же числа (этот манифест, как все царские манифесты, поражает своим бесстыдным лицемерием), что оно вынуждено распустить Думу, так как, вместо того чтобы оказывать поддержку и помогать правительству в его стремлении снова водворить спокойствие в стране, Дума, наоборот, действовала против всех предложений и намерений правительства и, между прочим, не хотела скреплять своей подписью репрессивные мероприятия против революционных элементов страны. И более того (я привожу текст дословно): «свершилось деяние, неслыханное в летописях истории. Судебною властью

был раскрыт заговор целой части Государственной думы против государства и царской власти. Когда же правительство наше потребовало временного, до окончания суда, устранения обвиняемых в преступлении этом пятидесяти пяти членов Думы и заключения наиболее уличаемых из них под стражу, то Государственная дума не исполнила немедленно законного требования властей, не допускавшего никакого отлагательства». Между прочим, доказательства преступления царя были известны не одному только правительству и его ближайшим друзьям. Наши милые конституционные демократы, все время без устали болтающие о законности, справедливости, правде и т. д. и т. д., украсившие свою партию высокопарным названием «партия народной свободы», точно так же в продолжение четырех лет знали все державшиеся в тайне гнусные подробности этого грязного дела. В продолжение четырех долгих лет они в качестве безучастных свидетелей взирали на то, как вопреки всякому праву были осуждены наши депутаты, как они страдали в каторжных тюрьмах, как некоторые из них умирали и сходили с ума, и... осторожно молчали. А между тем они имели полную возможность высказаться, так как у них были депутаты в Думе и в их распоряжении было много ежедневных газет. Зажатые между реакцией и революцией, они больше всего боялись революции. Поэтому они кокетничали с правительством и прикрывали его в продолжение четырех долгих лет своим молчанием, превратившись таким образом в соучастников его преступления. Лишь в самое последнее время (заседание Думы от 17 октября 1911 г.) в ходе обсуждения запроса об охранке один из них, депутат Тесленко, наконец, решился выболтать так тщательно хранимую тайну. Вот часть его выступления (текст дается дословно по официальному стенографическому отчету): «Когда зашла речь о том, чтобы возбудить преследование против 53 членов второй Государственной думы, была образована в ней комиссия. В эту комиссию были принесены все документы, которые должны были свидетельствовать о том, что 53 члена Государственной думы

составили заговор с целью учредить в России, путем вооруженного восстания, республику. Комиссия при второй Государственной думе — я был ее докладчиком — пришла к убеждению, к единодушному убеждению, что дело идет не о заговоре, учиненном социал-демократами против государства, а о заговоре, учиненном петербургским охранным отделением против второй Государственной думы. Когда доклад комиссии, основанный на документах, был готов, накануне того дня, когда все эти данные должны были быть сказаны с этой трибуны, Государственная дума была распущена и нельзя было сказать о том, с этой трибуны, что было раскрыто. Когда начался процесс, подсудимые, эти 53 члена Государственной думы, требовали, чтобы дело слушалось при открытых дверях и чтобы общественное мнение узнало, что преступники не они, а преступники петербургское охранное отделение, двери были закрыты, и общество никогда этого не узнало».

Таковы факты. В течение четырех лет наши депутаты томятся закованные в кандалы, в отвратительных русских тюрьмах, суровость и жестокость которых вам, конечно, известны. Многие там уже умерли. Один из депутатов лишился рассудка, у многих других вследствие невыносимых условий жизни уже подорвано здоровье, и они могут не сегодня-завтра погибнуть. Русский пролетариат не может больше спокойно смотреть, как его представители, единственное преступление которых состоит лишь в том, что они сумели непреклонно бороться за его интересы, гибнут в царских тюрьмах. Он тем более не может спокойно смотреть на это, что ставшие известными благодаря признанию Бродского факты с юридической точки зрения дают полное основание требовать пересмотра дела. И в России уже началась кампания за освобождение наших депутатов.

Рабочая газета «Звезда», выходящая в Петербурге, посвящает этому вопросу значительную часть своего номера от 29 октября 1911 года. Она обращается с воззванием к печати, к депутатам-либералам и к депутатам левой, к обществам и союзам и главным образом к пролетариату. «Нет и не может быть, — восклицает

газета, — спокойствия, душевного равновесия там, где каждый должен слышать ежечасно и ежеминутно этот кандальный лязг замурованных, лишенных свободы и всех гражданских и политических прав людей только потому, что эти люди имели смелость перед лицом всей страны исполнить свой долг человека и гражданина. Общественная совесть не может и не должна быть спокойна после раскрытия ужасающей правды. Какие бы ни были трудности, — их надо преодолеть и требовать пересмотра судебного процесса над социал-демократическими депутатами второй Государственной думы!.. Но в первую очередь пролетариат должен сказать свое мощное слово: ведь это его представителей облыжно осудили, и в настоящий момент они томятся в каторжных тюрьмах».

Начиная эту борьбу, русский пролетариат обращается к социалистам всех стран с просьбой оказать ему поддержку и вместе с ним громко заявить на весь мир о своем возмущении жестокостями и гнусностями нашего, в настоящий момент господствующего абсолютизма, который, прикрываясь маской жалкого лицемерия, превосходит даже варварство и некультурность азиатских правительств.

Во Франции товарищ Шарль Дюма уже начал кампанию и в статье, напечатанной в газете «L'Avenir», предложил оказать энергичную поддержку русскому пролетариату в эту трудную минуту. Пусть социалисты всех стран последуют этому примеру; пусть они в парламентах, в своей печати, на своих народных собраниях, повсюду выразят свое негодование и потребуют пересмотра дела социал-демократической фракции второй Думы.

Написано в ноябре,
позднее 6 (19), 1911 г.

Напечатано на немецком,
французском и английском языках
в декабре 1911 г. в «Bulletin
Périodique du Bureau Socialiste
International» № 8
Подпись: N. Lenine

Впервые на русском языке
напечатано в 1940 г. в журнале
«Пролетарская Революция» № 4

Печатается по тексту «Bulletin»
Перевод с немецкого

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТ ИМЕНИ РСДРП НА ПОХОРОНАХ ПОЛЯ И ЛАУРЫ ЛАФАРГ

20 НОЯБРЯ (3 ДЕКАБРЯ) 1911 г.

Товарищи!

Я беру слово, чтобы от имени РСДРП выразить чувство глубокой горести по поводу смерти Поля и Лауры Лафарг. Сознательные рабочие и все социал-демократы России еще в период подготовки русской революции научились глубоко уважать Лафарга, как одного из самых талантливых и глубоких распространителей идей марксизма, столь блестяще подтвержденных опытом борьбы классов в русской революции и контрреволюции. Под знаменем этих идей сплотился передовой отряд русских рабочих, нанес своей организованной массовой борьбой удар абсолютизму и отстаивал и отстаивает дело социализма, дело революции, дело демократии вопреки всем изменам, шатаниям и колебаниям либеральной буржуазии.

В лице Лафарга соединялись — в умах русских с.-д. рабочих — две эпохи: та эпоха, когда революционная молодежь Франции с французскими рабочими шла, во имя республиканских идей, на приступ против империи, — и та эпоха, когда французский пролетариат, под руководством марксистов, вел выдержанную классовую борьбу против всего буржуазного строя, готовясь к последней борьбе с буржуазией за социализм.

Нам, русским социал-демократам, испытывающим весь гнет абсолютизма, пропитанного азиатским варварством, и имевшим счастье из сочинений Лафарга и

его друзей почерпнуть непосредственное знакомство с революционным опытом и революционной мыслью европейских рабочих, нам в особенности наглядно видно теперь, как быстро близится время торжества того дела, отстаиванию которого Лафарг посвятил свою жизнь. Русская революция открыла эпоху демократических революций во всей Азии, и 800 миллионов людей входят теперь участниками в демократическое движение всего цивилизованного мира. А в Европе все больше множатся признаки, что близится к концу эпоха господства так называемого мирного буржуазного парламентаризма, чтобы уступить место эпохе революционных битв организованного и воспитанного в духе идей марксизма пролетариата, который свергнет господство буржуазии и установит коммунистический строй.

«Социал-Демократ» № 25,
8 (21) декабря 1911 г.

Печатается по тексту
газеты «Социал-Демократ»

ГАЙНДМАН О МАРКСЕ

Недавно вышли в свет объемистые мемуары одного из основателей и вождей английской «социал-демократической партии» Генри Майерса Гайндмана. Книга почти в пятьсот страниц называется: «Записки о полной приключений жизни»* и представляет из себя живо написанные воспоминания о политической деятельности автора и о «знаменитых» людях, с которыми он был знаком. Книга Гайндмана дает много интересного материала для характеристики английского социализма и для оценки некоторых важнейших вопросов всего международного рабочего движения.

Мы думаем поэтому, что будет своевременно посвятить несколько статеек книге Гайндмана особенно ввиду «выступления» правокадетских «Русских Ведомостей» (от 14 октября) с статьей либерала Дионео, дающего замечательный образчик либерального освещения или, вернее, затемнения этих вопросов.

Начнем с воспоминаний Гайндмана о Марксе. Г. Гайндман познакомился с ним только в 1880 году, будучи, видимо, очень мало осведомлен об его учении и о социализме вообще. Характерно для английских отношений, что Гайндман, родившийся в 1842 году, был до тех пор неопределенного цвета «демократом» со связями и симпатиями в консервативной партии

* «The Record of an Adventurous Life», by Henry Mayers Hyndman. London (Macmillan and C°). 1911.

(тори). К социализму Гайндман повернул после чтения «Капитала» (во французском переводе) во время одной из своих многочисленных поездок в Америку между 1874 и 1880 гг.

Отправляясь, в сопровождении Карла Гирша, знакомиться с Марксом, Гайндман мысленно сравнивал его с... Мадзини!

В какой плоскости ставил эти сравнения Гайндман, видно из того, что влияние Мадзини на окружающих он называет «личным и индивидуально-этическим», а влияние Маркса «почти всецело интеллектуальным и научным». К Марксу Гайндман шел, как к «великому аналитическому гению», стремясь учиться у него, — в Мадзини его привлекал характер, «возвышенный образ мыслей и поведения». Маркс был, «неоспоримо, более могучим умом». Гайндман, неоспоримо, весьма плохо понимал в 1880 году (да не совсем понял и теперь — об этом ниже) различие между буржуазным демократом и социалистом.

«Когда я увидал Маркса, — пишет Гайндман, — мое первое впечатление было: сильный, лохматый, неукротимый старик, который готов — ятобы не сказать: стремится — вступить в конфликт и настроен с некоторой подозрительностью, как будто бы ему предстояло сейчас же выдержать нападение. Но он поздоровался со мной любезно, и столь же любезны были его первые слова. Я сказал, что мне доставляет большое удовольствие и честь пожать руку автора «Капитала», он ответил, что с удовольствием читал мои статьи об Индии* и лестно отзывался о них в своих корреспонденциях в газеты».

«Когда Маркс говорил с бешеным негодованием о политике либеральной партии, в особенности по отношению к Ирландии, — маленькие, глубоко сидящие глаза старого борца загорались, тяжелые брови хмурились, широкий большой нос и лицо приходили в движение, и с уст лились рекой горячие, бурные обвинения, которые показали мне и всю страстность его темперамента и превосходное знание английского языка.

---

* Гайндман до своего недавнего поворота к шовинизму был решительным врагом английского империализма и вел с 1878 года благородную кампанию разоблачений против тех позорных насилий, бесчинств, грабежей, надругательств (вплоть до сечения политических «преступников»), которыми прославили себя издавна англичане всех партий в Индии — вплоть до «образованного» и «радикального» писателя Джона Морли (Morley).

Контраст был поразительный между его манерой говорить, когда его так глубоко волновал гнев, и всем его обличьем, когда он излагал свои взгляды на экономические события известного периода. Без всякого заметного усилия он переходил от роли пророка и могучего трибуна к роли спокойного философа, и я сразу почувствовал, что пройдет много долгих лет, пока я перестану чувствовать себя перед ним в области этих последних вопросов, как ученик перед учителем.

Меня поразило, когда я читал *«Капитал»* и в особенности мелкие сочинения его, о Парижской Коммуне и «18 брюмера», как он умел соединять самое точное и холодное исследование экономических причин и социальных последствий с самой горячей ненавистью к классам и даже к отдельным лицам, вроде Наполеона III или Тьера, которые, по его же собственной теории, были не более, как мухами на колесах Джаггернаутовой колесницы капиталистического развития. Не надо забывать, что Маркс был еврей, и мне казалось, что он соединял в себе, в своем характере, в своей фигуре — с его внушительным лбом, большими навислыми бровями, пылкими, сверкающими глазами, широким чувственным носом и подвижным ртом, с лицом, обросшим со всех сторон лохматыми волосами, — праведный гнев великих пророков его расы и холодный аналитический ум Спинозы и еврейских ученых. Это было необыкновенное сочетание различных способностей, подобного которому я не встречал ни в одном человеке.

Когда мы с Гиршем вышли от Маркса и я находился под глубоким впечатлением личности этого великого человека, Гирш спросил меня, что я думаю о Марксе. «Я думаю, — отвечал я, — что это Аристотель XIX века». И однако, сказав это, я сейчас же заметил, что такое определение не охватывает всего «предмета». Взять прежде всего то, что невозможно себе представить Маркса соединяющим функции царедворца по отношению к Александру Македонскому с глубокими научными работами, так могущественно повлиявшими на ряд поколений. А кроме того, Маркс никогда не отделял себя так полно — вопреки тому, что много раз о нем говорили, — от непосредственных человеческих интересов, чтобы рассматривать факты и их обстановку в том холодном, сухом освещении, которое характерно для величайшего философа древности. Не может быть никакого сомнения, что у Маркса ненависть к окружавшей его системе эксплуатации и наемного рабства была не только интеллектуальная и философская, но и страстно-личная.

Помню, однажды я сказал Марксу, что, становясь старше, я становлюсь, мне кажется, более терпимым. «Более терпимым? — отвечал Маркс — *более* терпимым?» Было ясно, что он более терпимым не становится. Я думаю, что именно эта глубокая ненависть Маркса к существующему порядку вещей и его уничтожающая критика своих противников помешала многим из числа образованных людей зажиточного класса оценить все значение его великих произведений и сделала такими героями

в их глазах третьестепенных полузнаек и логомахов вроде Бем-Баверка только из-за того, что они извращали Маркса и пытались «опровергнуть» его. Мы привыкли теперь, особенно в Англии, бороться всегда с большими мягкими шарами на концах рапир. Яростные нападения Маркса с обнаженной шпагой на его противников кажутся неприличными нашим джентльменски лицемерным ученым дуэлянтам, и они не в состоянии поверить, что такой беспощадный полемист и неистовый враг капитала и капиталистов был на самом деле самым глубоким мыслителем нашей эпохи».

В 1880 году Маркс был почти незнаком английской публике. Здоровье его в то время уже заметно слабело, усиленные занятия (до 16 часов в сутки и больше умственного труда!) подорвали его организм, доктора запретили ему заниматься по вечерам, и я пользовался — рассказывает Гайндман — его часами досуга для бесед с ним с конца 1880 до начала 1881 года.

«Наша манера беседовать была довольно оригинальная, Маркс имел привычку ходить быстро взад и вперед по комнате, когда он оживлялся спором, — как будто бы он гулял по палубе морского судна. Я приобрел за время своих долгих путешествий (в Америку, Австралию и т, д.) такую же привычку шагать взад и вперед, когда голова чем-нибудь особенно занята. И вот, можно было наблюдать такую сцену, что учитель и ученик шагают по два и по три часа вдоль и поперек комнаты вокруг стола, обсуждая вопросы современной эпохи и дела минувших дней».

Какова была позиция Маркса по различным вопросам, которые он обсуждал с Гайндманом, этого последний не передает сколько-нибудь обстоятельно *ни по одному вопросу.* Из изложенного выше видно, что Гайндман сосредоточивается больше всего и почти исключительно на *анекдотической* стороне дела: это соответствует всему остальному содержанию его книги. Автобиография Гайндмана есть биография английского буржуазного филистера, который, будучи лучшим из лучших в своем классе, пробивает себе в конце концов дорогу к социализму, никогда не отделываясь полностью от буржуазных традиций, буржуазных взглядов и предрассудков.

Повторяя филистерские попреки Марксу и Энгельсу, что они будто бы были «самодержцами» в «якобы демо-

кратическом» Интернационале, что они не понимали практики, не знали людей и т. д., Гайндман ни разу ни одного из этих попреков не пробует оценить на основании точного, конкретного изложения обстановки соответственных моментов.

Получается анекдот, а не исторический анализ марксиста. Маркс и Энгельс боролись с делом германского с.-д. объединения (с лассальянцами[146]), а объединение было нужно! Это все, что говорит Гайндман. О том, что Маркс и Энгельс были тысячу раз принципиально правы против Лассаля и лассальянцев, у Гайндмана ни слова. Гайндман этого вопроса даже не ставит. О том, не был ли «демократизм» (организационный) в эпоху Интернационала прикрытием буржуазных сект, разлагавших строительство пролетарской социал-демократии, Гайндман себя даже не спрашивает.

От этого и история разрыва Гайндмана с Марксом рассказана так, что кроме сплетни (в духе господ Дионео) ровно ничего не выходит. Энгельс, видите ли, был человек «придирчивый, подозрительный, ревнивый», жена Маркса будто бы говорила жене Гайндмана, что Энгельс был «злым гением» (!!) Маркса; Энгельс, которого Гайндман никогда даже не встречал (вопреки тому, что написал г. Дионео в *«Русских Ведомостях»*), был склонен «в отношениях с теми людьми, кому он помогал (деньгами; Энгельс был очень богат, Маркс очень беден), извлекать полную меновую стоимость из своих денежек»; Энгельс будто бы и поссорил Маркса с Гайндманом, боясь, что Гайндман, бывший тогда богатым человеком, займет место Энгельса как богатого друга при Марксе!!

Господам либералам, конечно, доставляет удовольствие переписывать именно подобные невыразимые пошлости. Познакомиться хотя бы с теми письмами к Зорге (Маркса и Энгельса)[147], которые указывает сам Гайндман, и *разобраться* в том, где нужно, это, разумеется, совсем не в интересах либеральных писак! Об этом они не заботятся! А между тем справка с этими письмами, сличение их с «мемуарами» Гайндмана сразу решает дело.

В 1881 году Гайндман выпустил брошюру «Англия для всех», где он переходит к социализму, оставаясь очень и очень путаным буржуазным демократом. Брошюра написана для возникшей тогда «Демократической федерации» (не социалистической), в которой была масса антисоциалистических элементов. И вот Гайндман, пересказывая и переписывая «Капитал» в двух главах своей брошюры, *не называя Маркса,* говорит в предисловии глухо о некоем «великом мыслителе и оригинальном писателе», которому он многим обязан и т. д. Из-за этого же «поссорил» меня с Марксом Энгельс, — рассказывает Гайндман, — приводящий в то же время одно письмо Маркса к нему (от 8 декабря 1880 года)[148], где Маркс пишет, что, по словам Гайндмана, он, Гайндман, «не разделяет взглядов моей (Маркса) партии, что касается Англии».

Ясно, в чем было разногласие, непонятое, не замеченное, не оцененное Гайндманом: в том, что Гайндман был тогда (как прямо и пишет Маркс к Зорге от 15 декабря 1881 года) «прекраснодушным мелкобуржуазным писателем», «наполовину буржуа, наполовину пролетарий». Ясно, что если человек, который знакомится с Марксом, сближается с ним, называет себя учеником его, основывает потом «демократическую» федерацию и пишет для нее брошюру с искажением марксизма и с умолчанием о Марксе, то Маркс не мог этого оставить без «бешеного» протеста. И, очевидно, протест был, ибо Маркс в том же письме к Зорге приводит выдержки из извинительных писем Гайндмана, оправдывавшегося тем, что «англичане не любят учиться у инородцев», что «имя Маркса так ненавистно» (!!) и т. п. (Сам Гайндман сообщает, что он уничтожил почти все письма Маркса к нему, так что с этой стороны ждать раскрытия истины нечего.)

Не правда ли, хороши извинения! И вот, когда вопрос о тогдашних разногласиях Гайндмана с Марксом выясняется с полной определенностью, когда вся даже теперешняя книжка Гайндмана доказывает, что в его взглядах много филистерского и буржуазного (например, какими доводами защищает Гайндман смертную

казнь для уголовных!), что преподносят в объяснение разрыва с Марксом — «интриги» Энгельса, сорок лет ведшего одну с Марксом принципиальную линию. Да если бы вся остальная книга Гайндмана была даже сплошной бочкой меда, этой одной ложки дегтя было бы достаточно...

Прехарактерно вскрываются тогдашние разногласия Маркса с Гайндманом из того, что последний передает об оценке Марксом Генри Джорджа. Оценка эта известна из письма Маркса к Зорге от 20 июня 1881 года. Гайндман защищал Г. Джорджа перед Марксом такими доводами, что-де «Джордж научит большему своим вдалбливанием ошибки, чем другие люди научат полным изложением истины».

«Маркс, — пишет Гайндман, — и слышать не хочет о допустимости подобных доводов. Распространение ошибки никогда не могло быть полезно народу, таково было его мнение. «Оставлять ошибку неопровергнутой значит поощрять интеллектуальную нечестность. На десятерых, которые пойдут дальше Джорджа, придется, может быть, сотня таких, которые останутся со взглядами Джорджа, а эта опасность слишком велика, чтобы рисковать ею»». Так говорил Маркс!!

А Гайндман сообщает нам, что, с одной стороны, он и посейчас отстаивает свое прежнее мнение о Джордже, а, с другой стороны, Джордж-де был мальчуганом с копеечной свечой, который дурачился рядом с человеком, имевшим электрический прожектор.

Сравнение прекрасное, только ... только рискованно было со стороны Гайндмана приводить это прекрасное сравнение рядом с своей мизерной сплетней насчет Энгельса.

«Звезда» № 31, 26 ноября 1911 г.
Подпись: Вл. Ильин

Печатается по тексту
газеты «Звезда»

МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ [149]

I

Именно такого названия заслуживает статья Н. Р—кова в № 9—10 журнала «Наша Заря».

Как ни тяжело марксистам терять в лице Н. Р—кова человека, послужившего рабочей партии в годы подъема с преданностью и энергией, интересы дела должны стоять выше каких бы то ни было личных или фракционных отношений, каких бы то ни было «хороших» воспоминаний. Интересы дела заставляют признать, что манифест нового ликвидатора приносит большую пользу прямотой, ясностью, законченностью его взглядов. Н. Р—ков позволяет и заставляет поставить важнейший и коренной вопрос о «двух партиях» *вне* какого бы то ни было «конфликтного» материала, на чисто идейную почву, в значительной степени даже вне деления на большевиков и меньшевиков. После Р—кова нельзя говорить о ликвидаторстве *только по-прежнему,* ибо вопрос окончательно поднят им на более высокую почву. И после Р—кова нельзя *только говорить* о ликвидаторстве, ибо перед нами самый цельный, какой только можно себе представить, проект непосредственных практических действий.

Н. Р—ков начинает с изложения «основной объективной задачи в России», переходит затем к оценке революции, далее разбирает текущий момент, говоря ясно

Россійская Соц.-Дем. Рабочая Партія

(Группа Рабочей Газеты)

Въ понедѣльникъ 27-го ноября с. г.

SALLE de l'ALCAZAR, 190, avenue de Choisy

СОСТОИТСЯ РЕФЕРАТЪ

Н. ЛЕНИНА

„МАНИФЕСТЪ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТІИ“

НАЧАЛО РОВНО ВЪ 9 ЧАС. ВЕЧЕРА

БИЛЕТЫ 3, 1 ФР. И 50 САНТ.

Объявление о реферате В. И. Ленина «Манифест либеральной рабочей партии», прочитанном 14 (27) ноября 1911 г. в Париже

Уменьшено

и точно о каждом классе, и заканчивает вполне отчетливым описанием всей физиономии нового «открытого политического рабочего общества», которое необходимо-де немедленно основать и «фактически осуществить». Одним словом, Р—ков начинает с самого начала и доходит последовательно до самого конца, как и полагается поступать человеку, сколько-нибудь сознающему серьезную политическую ответственность за свои речи и за свои действия. И надо отдать справедливость Р—кову: он последовательнейшим образом, от начала и до конца, подменяет марксизм либерализмом.

Возьмите исходную точку его рассуждений. Он считает «совершенно несомненным и бесспорным», что «основная объективная задача России в настоящий момент есть окончательное завершение смены грубо-хищнического, полукрепостнического хозяйствования культурным капитализмом». Спорно же, по его мнению, то, достигла ли Россия положения, при котором, «хотя и не исключена возможность общественных бурь, но в недалеком будущем эти бури не являются необходимыми, неизбежными».

Мы считаем совершенно несомненным и бесспорным, что это — чисто либеральная постановка вопроса. Либералы ограничиваются тем, быть ли «культурному капитализму» или нет, быть ли «бурям» или нет. Марксист не позволяет ограничиваться этим, требуя разбора того, *какие классы, или слои классов,* в освобождающемся буржуазном обществе ведут ту или иную, конкретно определенную, линию этого освобождения, создания, например, тех или иных политических форм так называемого «культурного капитализма». Марксисты и во время «бурь» и во время заведомого отсутствия бури ведут принципиально отличную от либерализма линию создания истинно демократических, а не вообще «культурных» форм жизни. Мы все стремимся к «культурному капитализму», говорят, корча из себя надклассовую партию, либералы. Мы не то должны понимать под «культурой», о чем толкуют либералы, — говорят рабочим и всей демократии марксисты.

Еще более рельефное типично-«профессорское» извращение марксизма преподносит нам Р—ков, критикуя «поверхностных наблюдателей», которым «кажется, что наша революция не удалась». «Слабонервная интеллигенция, — пишет Р—ков, — всегда и везде предавалась хныканью и нытью, затем моральной прострации, ренегатству, мистицизму». «Вдумчивый же наблюдатель» знает, что «в неистовствах реакции часто выражаются глубочайшие социальные перемены», что «в эпоху реакции слагаются и зреют новые социальные группы и силы».

Так рассуждает Р—ков. Он сумел поставить вопрос о «ренегатстве» до такой степени филистерски (хотя и с учеными словами), что связь контрреволюционных настроений в России с положением и интересами *определенных* классов исчезла совершенно. Ни один веховец, т. е. самый ярый контрреволюционный либерал, не станет спорить против того, что во время реакции зреют новые силы, ни один сотрудник ликвидаторского пятитомника, от которого отвернулись лучшие из меньшевиков, не откажется подписаться под этим. Конкретное обличье и классовый характер нашей контрреволюции улетучились у нашего историка, остались избитые и пустейшие фразы о слабонервности одних интеллигентов и о вдумчивой наблюдательности других. Важнейший для марксиста вопрос, как наша революция показала различные методы действия и различные стремления разных классов и почему это вызвало «ренегатское» отношение к борьбе за «культуру» других буржуазных классов, остался незамеченным Р—ковым.

Перейдем к главному: к оценке момента у Р—кова, опирающейся на оценку положения всех классов. Начиная с «представителей нашего крупного землевладения», автор говорит: «Недавно они в массе своей были (были!) настоящими крепостниками, типическими дворянами-помещиками. Теперь немного осталось этих, последних, могикан. Они маленькой кучкой группируются еще вокруг гг. Пуришкевича и Маркова 2-го и бессильно (!) брызжут слюной, отравленной ядом

отчаяния... Большинство наших крупных землевладельцев — дворян и недворян, — представленное в Думе националистами и правыми октябристами, постепенно и неуклонно перерождается в сельскохозяйственную буржуазию».

Такова «оценка момента» у Р—кова. Нечего и говорить, что эта оценка есть насмешка над действительностью. На деле «кучка, группирующаяся вокруг гг. Пуришкевича и Маркова 2-го», не бессильна, а всесильна. Именно ее власть и ее доходы обеспечиваются современными общественными и политическими учреждениями России, именно ее воля решает в последнем счете, именно она составляет элемент, определяющий все направление деятельности и весь характер так называемой бюрократии снизу доверху. Все это до такой степени общеизвестно, факты господства в России именно этой кучки так ярки и повседневны, что нужно поистине бесконечное либеральное самоуслаждение, чтобы забыть их. Ошибка Р—кова состоит в том, что он до смешного преувеличил «перерождение» крепостнического хозяйства в буржуазное, это во-первых, а во-вторых, позабыл «мелочь», — как раз такую «мелочь», которая отличает марксиста от либерала, — именно: сложность и скачкообразность процесса приспособления политической надстройки к перерождению хозяйства. Чтобы пояснить обе эти ошибки Р—кова, достаточно указать на пример Пруссии, где до сих пор, несмотря на гораздо более высокую ступень развития капитализма вообще и перерождения старопомещичьего хозяйства в буржуазное в частности, Ольденбурги и Гейдебранды остаются всесильными, держат в руках государственную власть — наполняют своим, так сказать, социальным содержанием всю прусскую монархию, всю прусскую бюрократию! В Пруссии до сих пор, 63 года спустя после 1848 года, несмотря на беспримерно быстрое развитие капитализма, избирательное право в ландтаг остается таким, что обеспечивается всесилие прусских Пуришкевичей. А Р—ков для России шесть лет спустя после 1905 г.

рисует аркадскую идиллию «бессилия» Пуришкевичей!

Но дело именно в том, что рисование аркадской идиллии — относительно «неуклонности» пуришкевического перерождения и «торжества весьма умеренного буржуазного прогрессизма» — есть основной мотив *всех* рассуждений Р—кова. Возьмите его рассуждение о современной аграрной политике. «Нет более яркой и широкой иллюстрации» перерождения (крепостнического хозяйства в буржуазное), чем эта политика, заявляет Р—ков. Устраняется чересполосица, а «устранение малоземелья в 20-ти черноземных земледельческих губерниях не представляет больших трудностей и составляет одну из ближайших очередных задач времени, которая и будет разрешена, по всей видимости, путем компромисса между разными группами буржуазии».

«Этот рисующийся впереди неизбежный компромисс по аграрному вопросу имеет уже теперь ряд прецедентов...»

Вот вам полный образчик метода политических рассуждений Р—кова. Он начинает с того, что отсекает крайности — без всяких данных, просто на основании своего либерального благодушия! Он продолжает тем, что компромисс между разными группами буржуазии не труден и вероятен. Он кончает тем, что подобный компромисс «неизбежен». Подобным методом можно было бы доказать невероятность и не необходимость «бурь» и во Франции 1788 и в Китае 1910 года. Конечно, компромисс между разными группами буржуазии нетруден, *если принять,* что Марков 2-ой отсечен не в одной только благодушной фантазии Р—кова. Но принимать это и значит переходить на точку зрения либерала, который боится обойтись без Марковых 2-ых и думает, что все всегда будут бояться.

Конечно, компромисс «неизбежен», если (первое «если») нет Марковых; если (второе «если») непробудным политическим сном спят рабочие и разоряемые крестьяне. Но опять-таки сделать такое предпо-

ложение, принять второе «если», не значит ли это принять желаемое (для либерала) за действительное?

II

Не имея склонности принимать либеральных пожеланий или либеральных предположений за действительность, мы сделали иной вывод: несомненно, что современная аграрная политика носит буржуазный характер. Но именно потому, что направляют эту буржуазную политику Пуришкевичи, оставаясь господами положения, именно поэтому получается такое громадное обострение противоречий, что вероятность компромисса на ближайшее, по крайней мере, время надо признать прямо исключенной.

Другой важный социальный процесс — продолжает свой анализ Р—ков — есть процесс консолидации крупной промышленной и торговой буржуазии. Правильно указывая на «взаимные уступки» к.-д. и октябристов, автор делает вывод: «Не надо делать себе иллюзий: готовится торжество весьма умеренного буржуазного «прогрессизма»».

Торжество где? над кем? На выборах в IV Думу, о которых только что говорил Р—ков? Если да, то это будет «торжество» в тех узких рамках, которыми является избирательный закон 3-го июня 1907 г. А отсюда неизбежно вытекает одно из двух: либо это «торжество», не создав никакой волны, ровнехонько ничего не изменит в фактическом господстве Пуришкевичей, либо это «торжество» косвенно выразит демократический подъем, который не может не прийти в резкое столкновение с указанными «узкими рамками» и с господством Пуришкевичей.

В обоих случаях от торжества умеренности на поставленных в умеренные рамки выборах не получается ни малейшего торжества умеренности в жизни. Но в том-то и дело, что Р—ков уже впал в такой «парламентский кретинизм», который позволяет ему смешивать третьеиюньские выборы и жизнь! Чтобы доказать читателю

этот невероятный факт, приходится цитировать Р—кова полностью:

«И это торжество тем вероятнее, что масса городской мелкой буржуазии, по-обывательски унывающая в созерцании призрака «разбитого корыта», беспомощно потянется за умеренным прогрессизмом. Крестьянство же слишком слабо на выборах, в силу особенностей нашей избирательной системы, дающей возможность преобладающим в коллегии губернских выборщиков землевладельцам выбирать в депутаты от крестьян — «правых». Такова картина социальных перемен, совершающихся в настоящее время в России, если оставить пока в сторопе рабочий класс. Она далека от застоя, или попятного движения. Новая буржуазная Россия, несомненно, крепнет и идет вперед. Политической санкцией грядущего господства умеренно-прогрессивной промышленной и торговой буржуазии рядом с консервативной сельскохозяйственной буржуазией (Англия, да и только!) служит Государственная дума, основанная на избирательных нормах, установленных 3 июня 1907 г. (Опускаем сравнение с Францией и Пруссией, о чем ниже.) Резюмируя, таким образом, все сейчас сказанное, приходится признать, что имеются налицо все предпосылки медленного, крайне болезненного для масс, но все же несомненного движения вперед буржуазного общественного и государственного строя в России. Возможность бурь и потрясений, разумеется, не исключена, но она не переходит в необходимость, неизбежность, как то было до революции».

Философия премудрая, нечего сказать. Если крестьянство оставить в стороне, потому что оно «слабо на выборах», а рабочий класс просто «пока оставить в стороне», то, разумеется, возможность бурь совсем исключена! Но это сводится к тому, что если по-либеральному смотреть на Россию, то кроме либерального «прогрессизма» ничего и увидеть нельзя. Снимите либеральные очки, и картина будет иная. Так как крестьянство в жизни играет совсем не ту роль, что в системе выборов 3-го июня, то «слабость на выборах» обостряет противоречие между всем крестьянством и всей системой, а вовсе не открывает ворота «умеренному прогрессизму». Так как рабочий класс *нельзя* «оставить в стороне» ни в капиталистической стране вообще, ни в России, пережившей первые 10 лет XX века, в особенности, то рассуждение Р—кова никуда не годится. Так как у нас господствует (и в III Думе и над

нею) пуришкевичевщина, умеряемая воркотней Гучковых и Милюковых, то фразы о «грядущем господстве» умеренно-прогрессивной буржуазии есть просто либеральное баюшки-баю. Так как Гучковы и Милюковы в силу их классового положения не в состоянии противопоставить господству Пуришкевичей ничего, кроме воркотни, то конфликт новой буржуазной России с Пуришкевичами неизбежен, а его движущими силами являются те, кого Р—ков, вслед за либералами, «оставил в стороне». Именно потому, что Милюковы и Гучковы «делают взаимные уступки» в деле угодничества перед Пуришкевичами, на рабочих все резче падает задача отграничения демократии от либерализма. Н. Р—ков не понял ни условий возникновения бурь в России, ни сейчас указанной задачи, обязательной и при заведомом отсутствии бури.

Вульгарный демократ способен все дело сводить к тому, буря или нет. Для марксиста в первую голову ставится вопрос о той линии политической размежевки классов, которая *одинакова* и при буре и без бури. Если Р—ков заявляет, что «рабочие должны взять на себя задачу политической гегемонии в борьбе за демократический строй», то это прямой курьез после всего написанного им в его манифесте. Это значит: Р—ков берет от буржуазии расписку о признании за рабочими гегемонии, а сам дает буржуазии расписку, что рабочие отказываются от задач, составляющих содержание гегемонии! Р—ков выпотрошил дочиста это содержание, а потом наивно повторяет пустое слово. Р—ков сначала дает оценку момента, из которой видно, что для него гегемония либералов — факт совершившийся, бесповоротный и непреоборимый, а потом уверяет нас в своем признании гегемонии рабочего класса!

«Реально» значение Думы, — рассуждает Р—ков, — «не меньше, чем значение французского Законодательного корпуса в последние годы второй империи, или значение того среднего пропорционального между германским рейхстагом и прусским ландтагом, которое характерно для Пруссии 80-х годов прошлого века».

Подобное сравнение есть образчик игры в исторические параллели, настолько оно несерьезно. Во Франции 60-х годов была давно уже закончена вполне эпоха буржуазных революций, в дверь стучалась уже прямая схватка пролетариата с буржуазией, бонапартизм выражал собой лавирование власти между этими двумя классами. Смешно сравнивать это с современной Россией. III Дума больше похожа на Chambre introuvable[150] 1815 года! В Пруссии 80-х годов мы видим тоже эпоху полного завершения буржуазной революции, закончившей свое дело к 1870 году: буржуазия вся, вплоть до мелкой городской и крестьянской, удовлетворена и реакционна.

Может быть, Р—кову мерещилось сравнение роли депутатов от демократии и от пролетариата в Законодательном корпусе и в рейхстаге с ролью соответствующих депутатов в III Думе? Такое сравнение возможно, но оно как раз говорит против Р—кова, ибо поведение Гегечкори, а отчасти также Петрова 3-го[*], свидетельствует о такой силе, уверенности в себе и готовности к борьбе тех классов, которые они представляют, что «компромисс» с Пуришкевичами рисуется не только невероятным, но прямо исключенным.

III

На оценке роли классов у Р—кова надо было остановиться особенно подробно, ибо именно здесь идейные корни нашего безусловного расхождения. Практические выводы, которые Р—ков делает — надо отдать ему справедливость — с редкой безбоязненностью и прямотой, интересны более всего как доведение до абсурда «теории» автора. Р—ков тысячу раз прав, конечно, когда он ставит в связь вопрос о возможности открытой политической организации рабочих с оценкой момента, с оценкой коренных изменений политического строя. Но

[*] В сборнике «Марксизм и ликвидаторство» слова «Гегечкори, а отчасти также Петрова 3-го» заменены словами «с.-д. депутатов, а отчасти также и трудовиков». *Ред.*

в том-то и беда, что вместо таковых изменений *в жизни* он нам может преподнести лишь прекраснодушные профессорские силлогизмы: переход к «культурному капитализму» «предполагает» необходимость открытой политической организации рабочих. На бумаге написать подобную вещь легко, но в жизни русский политический строй ни на йоту не станет от этого «культурным».

«Прогрессизм, хотя бы и самый умеренный, несомненно, должен будет расширить существующие слишком узкие рамки». Прогрессизм кадетов в IV Думе — ответим мы на это — ничего не должен будет и не сможет «расширить», пока не пошевелятся далеко не по-думски далеко не кадетские элементы«

«Без такой организации, — говорит Р—ков об открытой и широкой политической организации рабочих, — борьба неизбежно приняла бы анархический характер, вредный не только для рабочего класса, но и для культурной буржуазии».

На последней части фразы мы не будем останавливаться, чтобы не ослаблять «перла» комментариями. Первая же часть исторически неверна: в Германии 1878—1890 годов не было анархизма, хотя не было «открытой и широкой» политической организации.

Р—ков тысячу раз прав, далее, когда выдвигает конкретный план открытой рабочей политической «организации» и предлагает начать с основания «политического общества защиты интересов рабочего класса», — прав в том смысле, что болтать месяцы и годы о возможности «*открытой*» партии, не делая простого и естественного шага к ее открытию, могут лишь пустые говоруны. Р—ков начинает с начала и доходит до конца как человек дела, а не фразы.

Но «дело»-то его есть *либеральное* дело, «знамя», которое он «развертывает» (стр. 35 цитируемой статьи), есть знамя либеральной рабочей политики. Нужды нет, что в программе основываемого Р—ковым общества значится «установление нового общества на основе общественной собственности на средства производства»

и т. д. На деле признание этого великого принципа не мешало части немецких с.-д. в 60-х годах вести «королевско-прусскую рабочую политику», не мешает Рамсею Макдональду (вождю английской «независимой» от социализма рабочей партии) вести либеральную рабочую политику. А Р—ков, говоря о политических задачах ближайшей, нашей, данной эпохи, дал как раз систематическое изложение либеральных принципов. «Знамя», которое Р—ков «развертывает», уже давно развернуто гг. Прокоповичами, Потресовыми, Лариными и т. д., и чем больше это знамя «развертывается», тем яснее становится всем и каждому, что перед нами истасканная, грязная либеральная тряпочка.

«Тут нет ни грана утопии», — уговаривает Р—ков. Приходится ответить автору перефразировкой известного изречения: большой ты утопист, да утопия у тебя маленькая. В самом деле, отвечать иначе, как шуткой, на явно несерьезную вещь было бы, пожалуй, несерьезно. В эпоху, когда закрывают абсолютно мирные, чинные, не политические профессиональные союзы, считать не утопичным основание открытого политического рабочего общества! Писать от «а» до «зет» либеральную оценку роли классов — и уверять, что тут нет вползания в режим обновленной толмачевщины! «Здесь не продоведуется никакое насилие, — усердствует добрый Р—ков, — нет ни слова, ни мысли о необходимости насильственного переворота, так как и в действительности этой необходимости может и не быть. Если бы кто-либо, в ослеплении реакционным безумием, вздумал обвинить членов такого «общества» в стремлении к насильственному перевороту, вся тяжесть подобного бессмысленного, неосновательного, юридически ничтожного обвинения пала бы на голову обвинителя»!

Красноречиво пишет Н. Р—ков! Совсем как г. П. Б. Струве в 1901 году обрушивал столь же страшные громы «на голову» гонителей земства[151]. Картина: Н. Р—ков доказывает обвиняющим его Думбадзе, что так как у него нет теперь никаких «мыслей»,

то тяжесть юридически ничтожных обвинений падет на голову самих Думбадзе. Да, да, парламента у нас еще нет, а парламентского кретинизма сколько угодно. Очевидно, что из нового общества таких членов, как марксист Гегечкори* или даже не марксист, но честный демократ Петров 3-й, исключили бы немедленно на первом же общем собрании... если бы собравшихся не разослали по ошибке в разные прохладные места раньше, чем они открыли собрание.

«Ликвидаторы» «Нашей Зари» обрадовались, что Р—ков пришел к ним. Восторгающиеся ликвидаторы недооценили горячности тех объятий, с которыми адресуется к ним ставший ликвидатором Н. Р—ков. А объятия эти так горячи и так могучи, что можно ручаться: ликвидаторство будет задушено горячими объятиями Р—кова, как рабочий съезд был задушен горячими объятиями Ю. Ларина. Ю. Ларин произвел это бескровное убийство посредством задушения просто тем, что после его брошюры люди стали — собственно из боязни конфуза — остерегаться защищать идею рабочего съезда. После нового «манифеста» ликвидаторства, опубликованного в «Нашей Заре» Р—ковым, люди станут остерегаться — собственно из боязни конфуза — защищать идею открытой ликвидаторской партии.

А в идее этой — надо же под конец хоть в чем-нибудь согласиться с Р—ковым! — есть «гран» неутопии. Снимите-ка с себя профессорские очки, любезный, и вы увидите, что «общество», которое вы собираетесь «фактически осуществить» (после того, как тяжесть ваших увещаний «падет на голову» Мымрецовых[152]), уже *два года как осуществлено.* И вы в нем уже находитесь! Это «общество защиты интересов рабочего класса» и есть журнал (как идейный коллектив, а не как типографское сборное понятие) *«Наша Заря».* Утопична открытая и широкая организация рабочих, но отнюдь

* В сборнике «Марксизм и ликвидаторство» слова «марксист Гегечкори» заменены словами «марксисты Покровский и Гегечкори». *Ред.*

не утопичны, отнюдь, отнюдь не утопичны «открытые» и откровенные журналы оппортунистических интеллигентов. Что они по-своему защищают интересы рабочего класса, это неоспоримо, но всякий, кто не перестал быть марксистом, видит воочию, что их «общество» есть общество либеральной защиты по-либеральному понимаемых интересов рабочего класса.

«Звезда» № 32, 3 декабря 1911 г.
Подпись: Вл. Ильин

Печатается по тексту газеты «Звезда», сверенному с текстом сборника «Марксизм и ликвидаторство», 1914 г.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

ПЛАН ЛЕКЦИИ ПО КУРСУ «НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ»

ЛЕКЦИЯ IV

1. Сущность капиталистического способа производства по сравнению с другими способами производства, исторически предшествующими ему.

2. Сходство в наличности классового угнетения и различия в формах и условиях классовой борьбы.

3. Борьба рабочего с капиталистом из-за длины рабочего дня. Условия продажи товара «рабочая сила». Производство абсолютной и относительной прибавочной стоимости.

4. «Нормальные» условия потребления товара «рабочая сила» определяются борьбой рабочего с капиталистом.

5. Стачечная борьба, профессиональные союзы и фабричное законодательство в истории борьбы за сокращение рабочего дня.

6. Некоторые итоги полувекового периода новейшей истории (XIX—XX век) в деле сокращения рабочего дня. «Сводка» Каутского[153]. Ничтожность «социального прогресса».

Написано ранее 27 января (9 февраля) 1911 г.

Напечатано в 1911 г. в Париже на стеклографе листовкой, изданной Организационной комиссией Курсов социальных наук

Печатается по тексту листовки

ПЛАН РЕФЕРАТА «МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ»

1. Почему статья Н. Рожкова в № 9—10 «Нашей Зари» заслуживает такого названия и самого внимательного разбора? Возможность разобрать вопрос о двух линиях рабочего движения и «двух партиях» вне *всякого* «конфликтного» материала, *вне* «склоки».

2. Тип «социал-демократа дней свободы». Буржуазные демократы в марксистском наряде. Рожков как образец; в его статье *сплошная* подмена марксизма либерализмом.

3. Роль крепостников в современной России с точки зрения либералов (Рожков) и марксистов. «Декабрьские резолюции» (1908 г.) РСДРП.

4. Отношение демократии к решению (столыпинскому) аграрной проблемы «путем компромисса между разными группами буржуазии».

5. Предстоит ли России «торжество весьма умеренного буржуазного прогрессизма»?

6. Сравнение современной России и III Думы с Францией 60-х годов XIX века с Законодательным корпусом и с Пруссией 80 годов.

7. Превратились ли «старые лозунги» в «мертвые слова»?

8. Почему основываемое Рожковым «Общество защиты интересов рабочего класса» есть общество *либеральной* защиты *по-либеральному* понимаемых интересов рабочего класса?

9. Пропорция: Ю. Ларин относится к рабочему съезду, как Н. Рожков относится к легальной ликвидаторской партии.

Написано в ноябре, ранее 14 (27), 1911 г.

Напечатано в ноябре 1911 г. в объявлении о реферате, изданном кружком «Рабочей Газеты»

Печатается по тексту объявления

СПИСОК НЕРАЗЫСКАННЫХ РАБОТ В. И. ЛЕНИНА

ПРИМЕЧАНИЯ

УКАЗАТЕЛИ

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. И. ЛЕНИНА

СПИСОК РАБОТ В. И. ЛЕНИНА, ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ НЕ РАЗЫСКАННЫХ

(Ноябрь 1910 — ноябрь 1911)

1910 г.

ДВА ПИСЬМА СЕКРЕТАРЮ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО БЮРО К. ГЮИСМАНСУ

Сведения об одном из писем К. Гюисмансу имеются в письме В. И. Ленина Г. В. Плеханову от 9 (22) ноября 1910 года: «Из Международного социалистического бюро я имел всего одну бумажку *исключительно* о деньгах — т. е. о взносах нашей партии на содержание Международного социалистического бюро. Передал ее кассиру Заграничного бюро ЦК и ответил Гюисмансу, что сообщил о взносе в ЦК» (Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 141).

Второе письмо было написано 5 (18) декабря 1910 года. 21 января (3 февраля) 1911 года Ленин писал Г. В. Плеханову: «18 декабря я послал Вам письмо Гюисманса и мой проект ответа» (Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 142). Письмо Ленина являлось, по-видимому, ответом на полученное им 4 (17) декабря 1910 года циркулярное письмо МСБ от 15 декабря 1910 года партиям II Интернационала, на котором Ленин сделал пометки (см. Ленинский сборник XXV, стр. 258—261).

СТАТЬЯ, ПОСЛАННАЯ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «СОВРЕМЕННЫЙ МИР»

Об этой статье В. И. Ленин писал М. Т. Елизарову 21 декабря 1910 года (3 января 1911): «Статью послал в «Современный Мир», но, видимо, и там есть трудности; ответа нет несколько недель» (Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 387). В предисловии к письмам В. И. Ленина к родным, опубликованном в «Пролетарской Революции» № 4 за 1930 год А. И. Ульянова-Елизарова упоминает об этом факте: «Как известно, никакой статьи В. И. в 1911 году в «Современном Мире» напечатано не было, но что в этом году статья его обсуждалась редакцией журнала, это подтверждает определенно В. Д. Бонч-Бруевич. Только он не может вспомнить, каково было ее заглавие и что сталось с нею» (стр. 128).

1911 г.

ПИСЬМА М. А. УЛЬЯНОВОЙ

Сведения о переписке имеются в письме В. И. Ленина матери, М. А. Ульяновой, от 6 (19) января 1911 года: «Я писал, что не устраивается ни книга, ни статья — в одном из последних писем. Но в последнем письме я уже писал, что статью, говорят, принимают» (Сочинения, 4 изд., том 37, стр. 389).

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МЫСЛЬ»

Сведения об этих письмах имеются в письме редакции журнала «Мысль» В. И. Ленину от 11 (24) января 1911 года (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Переписка касалась вопросов, связанных с выпуском журнала и содержанием номеров.

ПИСЬМО Н. А. РОЖКОВУ

Об этом письме известно из письма Г. Е. Зиновьева Н. А. Рожкову от 21 апреля (4 мая) 1911 года (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Письмо Ленина было написано в связи со статьей Рожкова «Необходимый почин», присланной в редакцию «Социал-Демократа», в которой автор развивал ликвидаторский план построения широкой легальной рабочей партии в условиях столыпинского режима.

ПИСЬМО М. В. ОЗОЛИНУ

Письмо написано между 17 и 20 мая (30 мая и 2 июня) 1911 года. Сведения о нем имеются в письме М. В. Озолина Г. Е. Зиновьеву от 20 мая (2 июня) (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). Письмо Ленина касалось вопросов, связанных с подготовкой июньского совещания членов ЦК РСДРП в Париже и участием в нем Озолина как представителя латышской социал-демократии.

ДОКЛАД О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ

Доклад написан В. И. Лениным между 19 и 23 мая (1 и 5 июня) 1911 года в связи с предстоящим совещанием членов ЦК РСДРП (июньское совещание). В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится копия этого доклада, написанная рукой Ф. Э. Дзержинского (см. настоящий том, стр. 262—266).

ПИСЬМО В ЗАГРАНИЧНУЮ ОРГАНИЗАЦИОННУЮ КОМИССИЮ

В связи с разногласиями по вопросу о составе Заграничной организационной комиссии, возникшими после июньского совещания членов ЦК РСДРП, был произведен опрос участников совещания. В протоколе заседания ЗОК от 6 (19) июня 1911 года имеется следующая запись: «Читается ответ т. Ленина на опрос ОК» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ЗВЕЗДЫ»

Сведения об этом письме содержатся в письме члена редакции газеты «Звезда» И. Гладнева (С. М. Закса) в редакцию газеты «Социал-Демократ» 11 (24) июня 1911 года. Письмо Ленина касалось вопроса о финансовых делах газеты «Звезда» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ПИСЬМО НЕИЗВЕСТНОМУ АДРЕСАТУ

Письмо написано между июлем и декабрем 1911 года. В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится 26-я страница этого письма со следующим текстом: «... ЦО партии. Я написал это, надеясь, что успею сообщить письмо всему составу редакции. К сожалению, оказалось, что времени уже нет для сообщения отсутствующему члену редакции поляку, который находится в отъезде. Поэтому письмо это, не проведенное формально через редакцию ЦО, следует считать лишь выражающим взгляды *большинства* редакции ЦО, именно 2-х членов ее из трех: Ленина и Зиновьева».

ПИСЬМО СЪЕЗДУ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ ЛАТЫШСКОГО КРАЯ

Из письма члена редакции газеты «Социал-Демократ» В. Л. Ледера в Главное правление СДКПиЛ от 30 августа (12 сентября) 1911 года известно, что Ленин от имени редакции ЦО послал письмо предстоящему съезду Социал-демократии Латышского края. В этом письме Ленин обратил особое внимание съезда на борьбу с ликвидаторством (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

ТЕЛЕГРАММА Г. Л. ШКЛОВСКОМУ

Об этой телеграмме, посланной в Берн, Ленин упоминает в письме Г. Л. Шкловскому, написанном между 13 и 15 (26 и 28) сентября 1911 года: «Получил Ваше письмо и ответил телеграммой» (Сочинения, 4 изд., том 36, стр. 152). В телеграмме шла речь, по-видимому, о предстоящем реферате В. И. Ленина в Берне на тему «Столыпин и революция».

ПИСЬМО И. А. ПЯТНИЦКОМУ

Письмо было написано 19 октября (1 ноября) 1911 года. Сведения об этом письме, в котором Ленин предлагал Пятницкому поехать в Прагу для подготовки партийной конференции, содержатся в воспоминаниях Пятницкого: «В начале ноября я получил от Ильича спешное письмо, в котором мне предлагалось немедленно поехать в Прагу и там все приготовить для партконференции. В этом же письме была записка к чешскому социал-демократу Немецу от Ильича» (О. Пятницкий. Записки большевика. М., 1956, стр. 157).

СТАТЬЯ О ПОЛОЖЕНИИ КРЕСТЬЯНСТВА В ШВЕЦИИ

О существовании такой статьи упоминает А. Ю. Финн-Енотаевский в письме в редакцию «Социал-Демократа» 30 октября (12 ноября) 1911 года. В письме сообщается о намерении издавать журнал, первый номер которого должен был выйти 10 (23) декабря 1911 года. «Если согласны, готовьте немедленно статьи, — говорится в письме. — У Ильича есть о крестьянстве в Швеции... Пусть даст» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

СПИСОК ИЗДАНИЙ И РАБОТ, В РЕДАКТИРОВАНИИ КОТОРЫХ ПРИНИМАЛ УЧАСТИЕ В. И. ЛЕНИН

ГАЗЕТА «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ»

№ 18 — 16 (29) ноября 1910 г.

№ 19 — 20 — 13 (26) января 1911 г.

№ 21 — 22 — 19 марта (1 апреля) 1911 г.

№ 23 — 14 (1) сентября 1911 г.

№ 24 — 18 (31) октября 1911 г.

«РАБОЧАЯ ГАЗЕТА»

№ 2 — 18 (31) декабря 1910 г.

№ 3 — 8 (21) февраля 1911 г.

№ 4 — 5 — 15 (28) апреля 1911 г.

№ 6 — 22 сентября (5 октября) 1911 г.

ЖУРНАЛ «МЫСЛЬ»

№ 1 — декабрь 1910 г.

№ 2 — январь 1911 г.

№ 3 — февраль 1911 г.

№ 4 — март 1911 г.

№ 5 — апрель 1911 г.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ПИСЬМА ЧЛЕНАМ ЦК, НАХОДЯЩИМСЯ ЗА ГРАНИЦЕЙ

В этом документе, написанном 12 (25) апреля 1911 года в связи с подготовкой совещания членов ЦК РСДРП, имеются поправки В. И. Ленина (см. Ленинский сборник XXV, стр. 78—79).

СПИСОК РАБОТ, ВОЗМОЖНО ПРИНАДЛЕЖАЩИХ В. И. ЛЕНИНУ

«НЕУРОЖАЙ И СТОЛЫПИНСКИЙ РЕЖИМ»

Статья была опубликована в качестве передовой, без подписи, 1 (14) сентября 1911 года в газете «Социал-Демократ» № 23.

В письме от 11 (24) августа в Главное правление СДКПиЛ В. Л. Ледер сообщает о трех статьях В. И. Ленина, предназначенных к опубликованию в № 23 Центрального Органа. Две статьи «Реформизм в русской социал-демократии» и «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»)» известны как принадлежащие Ленину (см. настоящий том, стр. 305—318, 319—321). О третьей статье Ледер пишет: «... хотят поместить 1) в качестве передовой статью Ленина об общем положении в России (в связи с неурожаем и приближающимися выборами)» (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

Возможно, что в письме Ледера речь идет о статье «Неурожай и столыпинский режим».

ПЕРЕДОВАЯ СТАТЬЯ В № 26 ГАЗЕТЫ «ЗВЕЗДА»

23 октября 1911 года

Статья написана в связи со смертью Столыпина и посвящена анализу краха третьеиюньской системы. Постановка ряда вопросов в этой статье — о поправении буржуазии и укреплении сил демократии, о «веховстве», о задачах рабочего класса и его партии — совпадает по содержанию со статьями В. И. Ленина, написанными в этот период: «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», «Реформизм в русской социал-демократии», «Столыпин и революция», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии» (см. настоящий том, стр. 114—133, 305—318, 324—333, 364—368). Это дает основание предполагать, что статья была написана Лениным.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речь идет о Центральном Органе РСДРП — нелегальной газете *«Социал-Демократ»*. Газета издавалась с февраля 1908 по январь 1917 года. Первый номер, подготовленный большевиками и частично уже отпечатанный в Вильно в частной типографии, был конфискован царской охранкой. Вскоре в Петербурге была сделана вторая попытка выпустить газету. Большая часть напечатанного тиража также попала в руки жандармов. В дальнейшем издание газеты было перенесено за границу: №№ 2—32 (февраль 1909 — декабрь 1913) вышли в Париже, №№ 33—58 (ноябрь 1914 — январь 1917) — в Женеве. Всего вышло 58 номеров, из них 5 имели приложения.

Редакция «Социал-Демократа» была составлена согласно решению ЦК РСДРП, избранного на V (Лондонском) съезде, из представителей большевиков, меньшевиков и польских социал-демократов. Фактически руководителем газеты был В. И. Ленин. Его статьи занимали в «Социал-Демократе» центральное место. В газете было опубликовано более 80 статей и заметок В. И. Ленина.

Внутри редакции «Социал-Демократа» В. И. Ленин вел борьбу за последовательную большевистскую линию против меньшевиков-ликвидаторов. Часть редакции (Каменев и Зиновьев) примиренчески относилась к ликвидаторам, пытаясь сорвать проведение ленинской линии. Члены редакции меньшевики Мартов и Дан, саботируя работу в редакции Центрального Органа, в то же время открыто защищали ликвидаторство в «Голосе Социал-Демократа»; они препятствовали участию в ЦО меньшевиков-партийцев. Непримиримая борьба Ленина против ликвидаторов привела к уходу Мартова и Дана из состава редакции в июне 1911 года. С декабря 1911 года «Социал-Демократ» редактировался В. И. Лениным.

В тяжелые годы реакции и в период нового подъема революционного движения «Социал-Демократ» имел огромное

значение в борьбе большевиков против ликвидаторов, троцкистов, отзовистов за сохранение нелегальной марксистской партии, укрепление ее единства, усиление ее связей с массами.

В годы первой мировой войны «Социал-Демократ», являясь Центральным Органом большевистской партии, сыграл исключительно важную роль в деле пропаганды большевистских лозунгов по вопросам войны, мира и революции.

На страницах газеты была опубликована статья В. И. Ленина «О лозунге Соединенных Штатов Европы», в которой он впервые сформулировал вывод о возможности победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране. Распространение «Социал-Демократа» в России, перепечатка его важнейших статей в местных большевистских газетах способствовали политическому просвещению, интернациональному воспитанию российского пролетариата, подготовке масс к революции.

Высоко оценивая заслуги «Социал-Демократа» в период первой мировой войны, В. И. Ленин позднее писал, что без изучения напечатанных в нем статей «не обойдется ни один сознательный рабочий, желающий *понять* развитие идей международной социалистической революции и ее первой победы 25 октября 1917 года» (Сочинения, 4 изд., том 27, стр. 194). — *1.*

[2] *«Русские Ведомости»* — газета; выходила в Москве с 1863 года, выражала взгляды умеренно-либеральной интеллигенции. В 80—90-х годах в газете принимали участие писатели демократического лагеря В. Г. Короленко, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. И. Успенский и др., печатались произведения либеральных народников. С 1905 года газета являлась органом правого крыла кадетов. Ленин указывал, что «Русские Ведомости» своеобразно сочетали *«правый* кадетизм с народническим налетом» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 111). В 1918 году «Русские Ведомости» были закрыты вместе с другими контрреволюционными газетами. — *1.*

[3] *Трудовики* (Трудовая группа) — группа мелкобуржуазных демократов в Государственных думах, состоявшая из крестьян и интеллигентов народнического толка. Фракция трудовиков образовалась в апреле 1906 года из крестьянских депутатов I Государственной думы.

Трудовики выдвигали требования отмены всех сословных и национальных ограничений, демократизации земского и городского самоуправления, осуществления всеобщего избирательного права для выборов в Государственную думу. Аграрная программа трудовиков исходила из народнических принципов «уравнительности» землепользования:

образование общенародного фонда из казенных, удельных, кабинетских, монастырских земель, а также частновладельческих, если размер владения превышал установленную трудовую норму; за отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось вознаграждение. В. И. Ленин отмечал, что типичный трудовик — крестьянин, которому «не чужды стремления к сделке с монархией, к успокоению на *своем* клочке земли в рамках буржуазного строя, но в настоящее время его главная сила идет на борьбу с помещиками за землю, на борьбу с крепостническим государством за демократию» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 25).

В Государственной думе трудовики колебались между кадетами и социал-демократами. Эти колебания обусловливались самой классовой природой мелких хозяев — крестьян. Ввиду того, что трудовики в какой-то мере представляли крестьянские массы, большевики в Думе проводили тактику соглашений с ними по отдельным вопросам для общей борьбы с царизмом и кадетами. В 1917 году Трудовая группа слилась с партией «народных социалистов», активно поддерживала буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции трудовики выступали на стороне буржуазной контрреволюции. — *2.*

[4] *«Голос Москвы»* — ежедневная газета, орган октябристов; выходила в Москве с 1906 по 1915 год. — *2.*

[5] *Кадеты* — члены конституционно-демократической партии, ведущей партии либерально-монархической буржуазии в России. Партия кадетов была создана в октябре 1905 года; в состав ее входили представители буржуазии, земские деятели из помещиков и буржуазные интеллигенты. Видными деятелями кадетов были: П. Н. Милюков, С. А. Муромцев, В. А. Маклаков, А. И. Шингарев, П. Б. Струве, Ф. И. Родичев и др. Для обмана трудящихся масс кадеты присвоили себе фальшивое название «партия народной свободы», на самом деле они не шли дальше требования конституционной монархии. Своей главной целью кадеты считали борьбу с революционным движением и стремились поделить власть с царем и помещиками-крепостниками. В годы первой мировой войны кадеты активно поддерживали захватническую внешнюю политику царского правительства. В период Февральской буржуазно-демократической революции они старались спасти монархию. Занимая руководящее положение в буржуазном Временном правительстве, кадеты проводили антинародную, контрреволюционную политику, угодную американо-англо-французским империалистам. После победы Октябрьской социалистической революции кадеты выступали непримиримыми врагами Советской власти, принимали активное участие во всех вооруженных контрреволюционных выступлениях и походах интервентов. Находясь

после разгрома интервентов и белогвардейцев в эмиграции, члены партии кадетов не прекращали своей антисоветской контрреволюционной деятельности. — *2.*

[6] «*Речь*» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов; выходила в Петербурге с 23 февраля (8 марта) 1906 года под фактической редакцией П. Н. Милюкова и И. В. Гессена, при ближайшем участии М. М. Винавера, П. Д. Долгорукова, П. Б. Струве и других. Газета была закрыта Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. До августа 1918 года продолжала выходить под разными названиями: «Наша Речь», «Свободная Речь», «Век», «Новая Речь», «Наш Век». — *2.*

[7] *«Россия»* — ежедневная газета реакционного, черносотенного характера; выходила в Петербурге с ноября 1905 по апрель 1914 года. С 1906 года — орган министерства внутренних дел. Газета субсидировалась из секретного («рептильного») фонда правительства, отпущенного в распоряжение министра внутренних дел. В. И. Ленин называл «Россию» «полицейски-продажной газеткой». — *2.*

[8] Речь идет о *III Государственной думе* (официальное название — Государственная дума третьего созыва). III Дума работала о 1 (14) ноября 1907 по 9 (22) июня 1912 года (всего было пять сессий). Избранная на основе третьеиюньского избирательного закона, III Дума была черносотенно-октябристской по своей классовой природе и партийному составу; она являлась послушным орудием царского правительства в проведении его контрреволюционной политики насилия и репрессий по отношению к революционным силам России.

В начале первой сессии в Думе было представлено 11 политических партий и групп, в том числе: правых (крайних правых, националистов и умеренно правых) — 147 депутатов, октябристов — 154, польско-литовско-белорусской группы — 7, Польского коло — 11, прогрессивной группы — 28, мусульманской группы — 8, кадетов — 54, Трудовой группы — 14, социал-демократов — 19.

Ни одна из партий не имела в Думе абсолютного большинства, что соответствовало целям царского правительства, проводившего бонапартистскую политику лавирования между помещиками и буржуазией. В III Думе сложилось два контрреволюционных большинства — черносотенно-октябристское и октябристско-кадетское. Первое обеспечивало Столыпину проведение политики царского правительства в рабочем, аграрном и национальном вопросах. Второе большинство создавало видимость парламентских норм жизни в России, способствовало отвлечению масс от революции путем мелких уступок — реформ.

Давая общую характеристику III Думы, В. И. Ленин писал: «Самодержавие хотели прикрыть, приодеть, принарядить посредством Думы; на деле черносотенно-октябристская Дума с каждым днем своего существования все более раскрывает, разоблачает, обнажает истинный характер нашей государственной власти, ее настоящие классовые опоры и ее бонапартизм» (Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 276).

III Государственная дума полностью поддерживала реакционный третьеиюньский режим по всем вопросам внешней и внутренней политики, щедро ассигнуя деньги на полицию, жандармов, земских начальников, на суды, тюрьмы, святейший синод.

Реакционная роль III Думы особенно выявилась на примере рабочего законодательства. Три года реакционное большинство Думы держало под спудом несколько законопроектов о рабочем страховании. Лишь в 1911 году под воздействием нового подъема революционного движения Дума утвердила эти законопроекты. Но они были так урезаны, что не улучшили, а ухудшили условия страхования по сравнению с законом 1903 года, распространив страхование лишь на 2,5 млн. рабочих из 13 млн. лиц наемного труда.

Рабочая комиссия Думы провалила 5 (18) марта 1912 года законопроект о свободе стачек, не допустив даже его обсуждения на заседаниях Думы.

Реакционное большинство III Думы поддерживало русификаторскую политику царского правительства, разжигало национальную рознь. В области внешней политики III Дума стояла за активное вмешательство в дела балканских государств, поддерживая реакционные, панславистские настроения, добивалась увеличения военных кредитов. Дума полностью поддерживала столыпинское аграрное законодательство, одобрив в 1910 году аграрный закон, в основе которого лежал указ от 9 (22) ноября 1906 года. Она отвергла все проекты крестьянских депутатов о наделении землей безземельных и малоземельных крестьян, не допустив их обсуждения на своих заседаниях.

Социал-демократическая фракция в III Государственной думе, несмотря на очень тяжелые условия работы, немногочисленный состав и ряд допущенных ошибок, проделала благодаря наличию большевистских депутатов в ней большую работу по разоблачению антинародной политики III Думы, политическому воспитанию российского пролетариата и крестьянства как путем использования думской трибуны, так и путем внедумской работы. — *2.*

[9] *Октябристы* — члены партии «Союз 17 октября», образовавшейся в России после опубликования царского манифеста 17 октября 1905 года. Это была контрреволюционная партия, представлявшая и защищавшая интересы крупной

буржуазии и помещиков, хозяйничавших по-капиталистически; возглавляли ее известный промышленник и московский домовладелец А. И. Гучков и крупный помещик М. В. Родзянко. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства. — *2.*

[10] *Прогрессисты* — политическая группировка русской либерально-монархической буржуазии, которая на выборах в Государственные думы и в Думах пыталась объединить под флагом «беспартийности» элементы из разных буржуазно-помещичьих партий и групп.

В III Государственной думе прогрессисты образовали фракцию, куда вошли представители партий «мирного обновления» и «демократических реформ». Боязнь нового революционного взрыва толкала прогрессистов на критику «крайностей» царского правительства, которое, по их мнению, своей неуступчивостью создавало почву для деятельности левых, революционных сил. В 1912 году при выборах в IV Государственную думу прогрессисты выступали в блоке с кадетами, помогая им своей мнимой беспартийностью улавливать голоса «буржуазного третьеиюньского избирателя» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 63).

В ноябре 1912 года прогрессисты оформились в самостоятельную политическую партию со следующей программой: умеренная узкоцензовая конституция, мелкие реформы, ответственное министерство, т. е. правительство, ответственное перед Думой, подавление революционного движения. В. И. Ленин указывал, что по своему составу и по своей идеологии прогрессисты — *«помесь октябристов с кадетами»,* и характеризовал программу партии прогрессистов как национал-либеральную. «Это будет, — писал он, — партия «настоящей» капиталистической буржуазии, какую мы видим и в Германии» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 469, 412).

В годы первой мировой войны партия прогрессистов активизировала свою деятельность, требуя смены военного руководства, мобилизации промышленности на нужды фронта и «ответственного министерства» с участием представителей от русской буржуазии. После Февральской буржуазно-демократической революции некоторые лидеры партии участвовали во Временном буржуазном правительстве. После победы Великой Октябрьской социалистической революции партия прогрессистов вела активную борьбу против Советской власти.

Среди лидеров прогрессистов были известные московские фабриканты П. П. Рябушинский и А. И. Коновалов, помещик И. Н. Ефремов. Прогрессисты в разное время издавали свои политические органы: журнал «Московский Еженедельник», газеты «Слово», «Русская Молва» и «Утро России». — *4.*

[11] *Польское коло* — объединение польских депутатов в Государственных думах. Основное ядро в этом объединении составляли народовцы — члены реакционной, националистической партии польских помещиков и буржуазии. По всем основным вопросам думской тактики Польское коло поддерживало октябристов, — *4*.

[12] *I Государственная дума* (так называемая виттевская Дума) была созвана 27 апреля (10 мая) 1906 года по положению, разработанному председателем Совета министров С. Ю. Витте.

Всероссийская октябрьская стачка (1905) вынудила царя издать 17 (30) октября манифест, в котором, в отличие от сметенной революцией совещательной булыгинской Думы, объявлялось о созыве Государственной думы с законодательными функциями. Царское правительство рассчитывало путем созыва новой Думы расколоть и ослабить революционное движение, перевести развитие страны на мирный конституционно-монархический путь. Давая конституционные обещания, правительство в то же время изыскивало такие формы организации Государственной думы, которые обеспечили бы угодный ему состав. На это были направлены закон по выборам в Думу от 11 (24) декабря 1905 года и закон от 20 февраля (5 марта) 1906 года. Выборы в I Государственную думу проходили в феврале — марте 1906 года. Большевики объявили бойкот выборам. Бойкот значительно подорвал авторитет Государственной думы и ослабил веру в нее части населения, однако сорвать выборы не удалось. Основная причина неудачи бойкота заключалась в отсутствии массового революционного подъема, который мог сорвать созыв Думы. Неудаче бойкота способствовали также дезорганизаторские установки меньшевиков и наличие сильных конституционных иллюзий у крестьянства. Когда Дума все же собралась, Ленин выдвинул задачу использовать ее в целях революционной агитации и пропаганды, в целях разоблачения Думы как грубой подделки народного представительства.

В I Государственную думу было избрано 478 депутатов, из них: кадетов — 179, автономистов — 63 (сюда входили члены Польского коло, украинской, эстонской, латышской, литовской и других буржуазно-национальных групп), октябристов — 16, беспартийных — 105, трудовиков — 97 и социал-демократов — 18. Таким образом, более одной трети мест в Думе принадлежало кадетам.

В числе вопросов, обсуждаемых на заседаниях Государственной думы, были вопросы о неприкосновенности личности, об отмене смертной казни, о свободе совести и собраний, о равноправии граждан и др. Однако законопроекты по этим вопросам, внесенные преимущественно кадетами, представляли собой по существу «каторжные законопроекты

и *против* свободы слова, и *против* свободы собраний, и против других хороших вещей» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 285).

Центральное место в Государственной думе занимал аграрный вопрос. В Думе были выдвинуты две основные аграрные программы: законопроект кадетов, подписанный 42 депутатами, и законопроект трудовиков, известный под названием «проекта 104-х». В противоположность трудовикам кадеты стремились сохранить помещичье землевладение, допуская отчуждение за выкуп, «по справедливой оценке», лишь тех помещичьих земель, которые обрабатывались преимущественно крестьянским инвентарем или сдавались в аренду.

8 (21) июля 1906 года I Государственная дума была распущена царским правительством. — *5*.

[13] *Магдебургский съезд Германской социал-демократической партии* состоялся 18—24 сентября 1910 года. В центре внимания работы съезда были два вопроса: 1) о нарушении партийной дисциплины социал-демократическими депутатами Баденского ландтага и 2) о борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии.

Суть первого вопроса состояла в следующем: социал-демократическая фракция Баденского ландтага голосовала за правительственный бюджет вопреки решениям предыдущих партейтагов, запрещавших социал-демократическим депутатам голосовать за бюджет буржуазного правительства. Съезд подавляющим большинством голосов (289 против 80) осудил оппортунистическую тактику баденских социал-демократов. После этого баденцы заявили, что они и впредь оставляют за собой право не подчиняться решениям съездов. В ответ на такое заявление большинство съезда приняло особую резолюцию о немедленном исключении из партии всякого, кто нарушит постановление партейтага о голосовании бюджета. Перед принятием этой резолюции баденские депутаты демонстративно покинули съезд.

Обсуждение вопроса о борьбе за всеобщее избирательное право в Пруссии на съезде было продолжением полемики, которая велась между левыми в германской социал-демократии во главе с Р. Люксембург, К. Либкнехтом, К. Цеткин и др., с одной стороны, и центристами во главе с К. Каутским, с другой. В связи с подъемом весной 1910 года массового движения за введение всеобщего избирательного права в Пруссии перед германской социал-демократией встал вопрос о тактике борьбы и возможности объявления массовой забастовки. Люксембург высказалась за наступательную тактику пролетариата, считая его достаточно созревшим для проведения массовой политической стачки. Каутский выступал против рекомендуемой левыми тактики, предлагая ориентироваться не на развертывание

массового движения, а на избирательную борьбу в предстоявших выборах в рейхстаг и на парламентскую деятельность партии. Съезд принял дополнение к резолюции Правления партии, внесенное Люксембург, о признании всеобщей политической стачки средством борьбы за избирательную реформу в Пруссии. — *10.*

[14] *Исключительный закон против социалистов* был введен в Германии в 1878 году правительством Бисмарка в целях борьбы с рабочим и социалистическим движением. Этим законом были запрещены все организации социал-демократической партии, массовые рабочие организации, рабочая печать, конфисковывалась социалистическая литература; за годы действия исключительного закона было распущено около 350 социал-демократических организаций, около 900 социал-демократов было выслано из Германии и 1500 брошено в тюрьмы, сотни газет, журналов и непериодических изданий были запрещены. Однако преследования и репрессии не сломили социал-демократическую партию, деятельность которой была перестроена применительно к условиям нелегального существования: за границей издавался центральный орган партии газета «Социал-Демократ» и регулярно собирались партийные съезды (1880, 1883 и 1887); в Германии, в подполье, быстро возрождались социал-демократические организации и группы, во главе которых стоял нелегальный ЦК. Работая в подполье, партия широко использовала легальные возможности для укрепления связи с массами, и ее влияние непрерывно росло: число голосов, поданных за социал-демократов на выборах в рейхстаг, увеличилось с 1878 по 1890 год более чем в три раза. Огромную помощь немецким социал-демократам оказывали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1890 году под напором массового и все усиливавшегося рабочего движения исключительный закон против социалистов был отменен. — *12.*

[15] *Национал-либералы* — партия немецкой, в первую очередь прусской, буржуазии, образовавшаяся осенью 1866 года в результате раскола буржуазной партии прогрессистов. Национал-либералы ставили своей основной целью объединение немецких государств под главенством Пруссии; их политика отражала капитуляцию немецкой либеральной буржуазии перед Бисмарком. В 1878 году они голосовали за введение исключительного закона против социалистов. В дальнейшем национал-либералы стали партией германского монополистического капитала. Они были сторонниками империалистической внешней политики Германии, выступали за увеличение вооружений и расширение колониальных захватов. После Ноябрьской революции 1918 года большая часть национально-либеральной партии приняла новое

название — «Народная партия». В 1933 году «Народная партия» способствовала захвату власти фашистами. — *13.*

[16] *«Социалистический Ежемесячник»* («Sozialistische Monatshefte») — журнал, главный орган немецких оппортунистов и один из органов международного ревизионизма. Выходил в Берлине с 1897 по 1933 год. Во время первой мировой войны (1914—1918) занимал социал-шовинистскую позицию. — *13.*

[17] См. работу Ф. Энгельса «Социализм в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 245). Эту же мысль Энгельс повторил в «Введении» к брошюре К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 108—109). — *17.*

[18] *«Голос Социал-Демократа»* — газета, заграничный орган меньшевиков; выходила с февраля 1908 по декабрь 1911 года сначала в Женеве, затем в Париже. Редакторами ее были П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. Мартынов и Г. В. Плеханов. С первого номера «Голос Социал-Демократа» встал на защиту ликвидаторов, оправдывая их антипартийную деятельность. После выхода из редакции Плеханова, осудившего ликвидаторскую позицию газеты, «Голос Социал-Демократа» окончательно определился как идейный центр ликвидаторов.

«Жизнь» — легальный общественно-политический журнал, орган меньшевиков-ликвидаторов, издававшийся в августе и сентябре 1910 года в Москве. Вышло всего 2 номера.

«Возрождение» — легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Москве с декабря 1908 по июль 1910 года. В журнале сотрудничали Ф. И. Дан, Л. Мартов, А. Мартынов и другие. — *18.*

[19] *«Die Neue Zeit»* («Новое Время») — теоретический журнал Германской социал-демократической партии; выходил в Штутгарте с 1883 по 1923 год. До октября 1917 года редактировался К. Каутским, затем — Г. Куновым. В «Die Neue Zeit» были впервые опубликованы некоторые произведения основоположников марксизма: «Критика Готской программы» К. Маркса, «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» Ф. Энгельса и др. Энгельс помогал своими советами редакции журнала и нередко критиковал ее за допускавшиеся в журнале отступления от марксизма. В «Die Neue Zeit» сотрудничали видные деятели германского и международного рабочего движения конца XIX — начала XX века: А. Бебель, В. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Г. В. Плеханов, П. Лафарг и др. Со второй

половины 90-х годов, после смерти Ф. Энгельса, в журнале стали систематически печататься статьи ревизионистов, в том числе серия статей Э. Бернштейна «Проблемы социализма», открывшая поход ревизионистов против марксизма. В годы первой мировой войны журнал занимал центристскую позицию, поддерживая фактически социал-шовинистов. — *18.*

[20] *«Господин Купон»* — образное выражение, принятое в литературе 80-х и 90-х годов XIX в. для обозначения капитала и капиталистов. Выражение «господин Купон» пустил в ход писатель Глеб Успенский в очерках «Грехи тяжкие» (впервые напечатаны в журнале «Русская Мысль», 1888, книга 12, стр. 174). См. также очерк Глеба Успенского «На Кавказе». — *21.*

[21] *Веховцы* — видные кадетские публицисты, представители контрреволюционной либеральной буржуазии Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, А. С. Изгоев, Б. А. Кистяковский, П. Б. Струве и С. Л. Франк, выпустившие весной 1909 года в Москве сборник своих статей под названием «Вехи». В этих статьях, посвященных русской интеллигенции, «веховцы» пытались опорочить революционно-демократические традиции освободительного движения в России, взгляды и деятельность В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева; они оплевывали революционное движение 1905 года, благодарили царское правительство за то, что оно «своими штыками и тюрьмами» спасло буржуазию «от ярости народной». Критический разбор и политическую оценку сборника кадетских черносотенцев В. И. Ленин дал в статье «О «Вехах»» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 167—175). Сравнивая программу «Вех» в философии и в публицистике с программой черносотенной газеты «Московские Ведомости», Ленин называл сборник *«энциклопедией либерального ренегатства»,* «сплошным потоком реакционных помоев, вылитых на демократию». В Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС хранится экземпляр сборника «Вехи» с многочисленными пометками Ленина. — *23.*

[22] *«Новое Время»* — ежедневная газета; выходила в Петербурге с 1868 по 1917 год; принадлежала разным издателям и неоднократно меняла свое политическое направление. Вначале умеренно-либеральная, газета, после того как ее издателем в 1876 году стал А. С. Суворин, превратилась в орган реакционных дворянских и чиновно-бюрократических кругов. С 1905 года — орган черносотенцев. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года газета поддерживала контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства и вела бешеную травлю большевиков. Закрыта Военно-революционным комитетом при

Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 года. В. И. Ленин называл «Новое Время» образцом продажных газет. ««Нововременство», — писал он, — стало выражением, однозначащим с понятиями: отступничество, ренегатство, подхалимство» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 251). — *23.*

[23] *Пленум ЦК РСДРП,* известный под названием «объединительного», состоялся 2—23 января (15 января — 5 февраля) 1910 года в Париже.

Вопрос о путях и методах укрепления партии и ее единства особенно остро встал осенью 1909 года. В ноябре 1909 года В. И. Ленин в соответствии с решением Совещания расширенной редакции «Пролетария» выдвинул план сближения, блокирования большевиков с меньшевиками-партийцами для совместной борьбы против ликвидаторов и отзовистов. В противовес ленинскому плану примиренцы Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев и А. И. Рыков добивались объединения большевиков с меньшевиками-голосовцами (ликвидаторами) и троцкистами, что означало на деле ликвидацию большевистской партии. Примиренческие колебания проявляли также члены ЦК И. Ф. Дубровинский и В. П. Ногин. Поскольку сложившаяся в партии и в России обстановка настоятельно требовала решения вопросов, связанных с объединением партийных сил, большевики 1 (14) ноября 1909 года направили в Заграничное бюро ЦК заявление о необходимости созыва в ближайшее же время пленума Центрального Комитета партии.

В работе Январского пленума ЦК приняли участие представители всех фракций и группировок, а также представители национальных социал-демократических организаций. Большинство на пленуме принадлежало примиренцам.

Ленин вел на пленуме упорную борьбу против оппортунистов и примиренцев, добиваясь решительного осуждения ликвидаторства и отзовизма, проводя линию на сближение большевиков с меньшевиками-партийцами. Характеризуя обстановку на пленуме, Ленин позднее писал А. М. Горькому: «Три недели маета была, издергали все нервы, сто тысяч чертей!» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 367).

В повестке дня пленума стояли вопросы: 1) Отчет Русского бюро ЦК; 2) Отчет Заграничного бюро ЦК; 3) Отчет редакции Центрального Органа; 4) Отчеты центральных комитетов национальных социал-демократических партий; 5) Положение дел в партии; 6) О созыве очередной партийной конференции; 7) Устав ЦК РСДРП и другие вопросы.

При обсуждении основного вопроса — о положении дел в партии меньшевики-голосовцы, выступавшие на пленуме в блоке с впередовцами и при поддержке троцкистов, стремились защитить ликвидаторство и отзовизм. Несмотря на то, что примиренцы и представители национальных организаций под давлением меньшевиков-голосовцев, впередовцев

и троцкистов согласились не называть в резолюции «О положении дел в партии» ликвидаторов и отзовистов своими именами, пленум по настоянию Ленина осудил ликвидаторство и отзовизм, признал опасность этих течений и необходимость борьбы с ними. Решения пленума, направленные против ликвидаторства и отзовизма, явились таким образом «прямым и непосредственным выводом, естественным продолжением и завершением декабрьских резолюций 1908 года, осуждающих ликвидаторство и безусловно требующих признания думской работы с.-д., а также использования легальных возможностей» (настоящий том, стр. 291).

Впоследствии Ленин, оценивая значение Январского пленума, указывал, что он окончательно определил тактическую линию партии в период контрреволюции, постановив, в развитие резолюций V конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.), что ликвидаторство и отзовизм есть проявление буржуазного влияния на пролетариат. Пленум поставил также вопрос о необходимости создания действительного единства партии в связь с идейно-политическими задачами партии в данный исторический период.

Вместе с тем Ленин резко осуждал примиренческие решения пленума. Вопреки Ленину примиренцы в союзе с Троцким провели в центральные партийные учреждения не меньшевиков-партийцев, а меньшевиков-голосовцев (ликвидаторов). Пленум постановил субсидировать газету Троцкого — венскую «Правду» и ввести в ее редакцию представителя ЦК. Группа «Вперед» была признана партийной издательской группой. Распускался Большевистский центр и прекращалось издание газеты «Пролетарий»; часть своего имущества большевики передавали в ЦК, а остальная часть передавалась ими третьим лицам, так называемым держателям (К. Каутский, Ф. Меринг, К. Цеткин) с тем, чтобы последние в течение двух лет передали их ЦК, при условии, что меньшевики-голосовцы ликвидируют свой фракционный центр и прекратят издание своего фракционного органа. В решении «О фракционных центрах» пленум отметил, что «интересы партии и партийного единства требуют закрытия в ближайшем будущем газеты *«Голос Социал-Демократа»»*. Однако, как писал Ленин, пленум ограничился лишь словесными обещаниями голосовцев (ликвидаторов) и впередовцев распустить свои фракции и прекратить фракционные издания. Примиренческие решения пленума сыграли на руку ликвидаторам и отзовистам и нанесли большой вред партии.

Меньшевики-голосовцы, впередовцы и троцкисты отказались подчиняться решениям пленума. «Голос Социал-Демократа» не был закрыт. Ликвидаторы стали легально издавать в России свой орган «Наша Заря», в котором сотрудничали голосовцы. Не прекратила своей раскольнической деятельности группа «Вперед». Редакция троцкистской «Правды» отказалась подчиниться контролю Централь-

ного Комитета. Проникнув в центральные партийные учреждения, меньшевики-ликвидаторы срывали налаживание их деятельности и работу местных партийных организаций.

В связи с этим осенью 1910 года большевики заявили, что они не считают себя связанными соглашением, принятым фракциями на Январском пленуме. Большевики начали выпускать свой орган — «Рабочую Газету». Они стали добиваться созыва нового пленума и потребовали возврата своего имущества и денежных средств, переданных ими условно в распоряжение ЦК.

Протоколы Январского пленума не разысканы. Работа пленума, борьба на нем с ликвидаторами, впередовцами, троцкистами и примиренцами подробно освещена в статье В. И. Ленина «Заметки публициста» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 239—304). — *25.*

[24] *Отзовизм* — оппортунистическое течение, возникшее среди большевиков. Прикрываясь революционными фразами, отзовисты (А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Соколов (С. Вольский), А. В. Луначарский, М. Н. Лядов и другие) требовали отзыва социал-демократических депутатов из III Государственной думы и прекращения работы в легальных организациях. Заявляя, что в условиях реакции партия должна вести только нелегальную работу, отзовисты отказывались от участия в Думе, в рабочих профессиональных союзах, кооперативных и других массовых легальных и полулегальных организациях и считали необходимым сосредоточить всю партийную работу в рамках нелегальной организации. Разновидностью отзовизма являлся ультиматизм. Ультиматисты отличались от отзовистов лишь по форме. Они предлагали предъявить социал-демократической думской фракции ультиматум о беспрекословном подчинении фракции решениям Центрального Комитета партии и в случае невыполнения его отозвать социал-демократических депутатов из Думы. Ультиматизм фактически был прикрытым, замаскированным отзовизмом. Ленин называл ультиматистов «стыдливыми отзовистами».

Отзовисты причиняли огромный вред партии. Их политика вела к отрыву партии от масс, к превращению ее в сектантскую организацию, неспособную собрать силы для нового революционного подъема. Ленин разоблачил отзовистов как «ликвидаторов наизнанку» и объявил отзовизму непримиримую войну. «Отзовизм — *не* большевизм, а худшая политическая карикатура на него, которую только мог бы придумать злейший его политический противник», — писал Ленин (Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 368).

Борьба с отзовистами началась с весны 1908 года. При обсуждении итогов пятимесячной деятельности думской социал-демократической фракции III Государственной думы в марте — апреле 1908 года в некоторых районах Москвы

были приняты отзовистские резолюции. В мае на Московской общегородской конференции резолюция отзовистов была отвергнута 18 голосами против 14. Материалы Московской партийной конференции были опубликованы 4 (17) июня 1908 года в № 31 газеты «Пролетарий». С этого номера по предложению Ленина в газете была начата дискуссия по вопросу об отношении к Думе и думской соц.-дем. фракции. Одновременно с дискуссией в печати шла борьба с отзовистами в партийных организациях. Осенью 1908 года при выборах делегатов на V Общероссийскую конференцию в петербургской организации отзовисты-ультиматисты выработали особую платформу, которую предложили в виде резолюции расширенному заседанию Петербургского комитета. Резолюция не нашла широкой поддержки среди партийных организаций. На конференции отзовисты не решились открыто выступить со своей платформой; они смогли образовать лишь незначительную группу своих сторонников.

После конференции, по настоянию Ленина, платформа отзовистов была напечатана в газете «Пролетарий». С развернутой критикой этой платформы Ленин выступил в статье «Карикатура на большевизм», опубликованной в том же номере газеты. Ленин вскрыл всю непоследовательность, беспринципность, враждебность марксизму взглядов отзовистов. Критике отзовизма посвящены также статьи Ленина «По поводу двух писем», «По поводу статьи «К очередным вопросам»», «Ликвидация ликвидаторства», «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» и другие.

Часть отзовистских лидеров (Богданов, Луначарский) вместе с меньшевиками-ликвидаторами (Валентинов, Юшкевич) выступали в печати с нападками на теоретические основы марксизма — диалектический и исторический материализм. Луначарский стал проповедовать богостроительство — необходимость создания новой религии, соединение социализма с религией.

Весной 1909, года отзовисты, ультиматисты и богостроители создали инициативную группу по организации антипартийной школы на острове Капри (Богданов, Алексинский, Луначарский и др.). Фактически эта школа являлась центром антипартийной фракции. В июне 1909 года Совещание расширенной редакции «Пролетария» приняло решение, что «большевизм, как определенное течение в РСДРП, ничего общего не имеет с отзовизмом и ультиматизмом», и призвало большевиков вести самую решительную борьбу с этими уклонениями от революционного марксизма. Вдохновитель отзовизма Богданов был исключен из рядов большевиков.

Позднее в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» Ленин писал, что большевики сумели после поражения революции правильно отступить, сохранив свои ряды благодаря тому, что «беспощадно разоблачили и выгнали вон революционеров фразы, которые не хотели понять, что

надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных парламентах, в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях» (Сочинения, 4 изд., том 31, стр. 12). — *25.*

[25] *Впередовцы, группа «Вперед»* — антипартийная группа отзовистов, ультиматистов и богостроителей; организована по инициативе А. Богданова и Г. А. Алексинского в декабре 1909 года, после развала отзовистско-ультиматистского фракционного центра — школы на Капри; имела печатный орган того же названия.

Борьба впередовцев против большевиков отличалась крайней беспринципностью и неразборчивостью в средствах. На Январском пленуме 1910 года впередовцы выступали в тесном контакте с ликвидаторами-голосовцами и троцкистами. Добившись от пленума признания своей группы в качестве «партийной издательской группы» и получив от ЦК субсидию на ее издание, впередовцы после пленума выступили с отзовистски-ультиматистских позиций с резкой критикой его решений и отказались подчиниться им. После Пражской партийной конференции впередовцы объединились с меньшевиками-ликвидаторами и троцкистами в борьбе против ее решений.

Беспринципные антипартийные и антимарксистские выступления группы «Вперед» отталкивали от нее рабочих. «Влияние этой группы, — писал Ленин, — всегда было очень незначительно, и она влачила свое существование исключительно благодаря соглашательству с всевозможными оторвавшимися от России и бессильными заграничными группами» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 485). Не имея опоры в рабочем движении, группа «Вперед» фактически распалась в 1913—1914 гг.; формально она прекратила свое существование после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. — *25.*

[26] *«Рабочая Газета»* — нелегальный популярный орган большевиков; издавалась непериодически в Париже с 30 октября (12 ноября) 1910 года по 30 июля (12 августа) 1912 года; вышло 9 номеров. Инициатором создания «Рабочей Газеты» был В. И. Ленин. Официально вопрос об ее издании был решен на совещании представителей РСДРП — большевиков, меньшевиков-партийцев, представителей социал-демократической думской фракции и др. — во время международного социалистического конгресса в Копенгагене (август 1910). В совещании участвовали: В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, Н. Г. Полетаев, И. П. Покровский и другие.

Ленин руководил «Рабочей Газетой» и редактировал ее. В газете сотрудничали большевики: С. И. Гопнер, П. А. Джа-

паридзе, Н. А. Семашко, С. Г. Шаумян и др., а также меньшевики-партийцы. Секретарем редакции была Н. К. Крупская. Большую материальную помощь газете оказывал А. М. Горький. В заграничных большевистских группах были созданы кружки содействия «Рабочей Газете», оказывавшие ей значительную материальную поддержку и помощь в пересылке в Россию. «Рабочая Газета» боролась за сохранение и укрепление марксистской нелегальной партии против меньшевиков-ликвидаторов, отзовистов и троцкистов, отстаивала революционную тактику, идейно готовила рабочий класс России к новой революции. Она широко освещала вопросы партийной жизни в России и международного социалистического движения. В «Рабочей Газете» было напечатано 14 статей Ленина, в том числе «Уроки революции», «Начало демонстраций», «Толстой и пролетарская борьба», «Иван Васильевич Бабушкин», «Пятидесятилетие падения крепостного права», «Накануне выборов в IV Думу». Газета пользовалась большой популярностью среди рабочих в России; тираж ее доходил до 6 тысяч экземпляров. Рабочие материально поддерживали газету денежными сборами и активно сотрудничали в ней. В отделах «Партийная жизнь», «Письма с мест» газета регулярно печатала письма и корреспонденции рабочих, местных партийных организаций.

«Рабочая Газета» выполнила большую работу по подготовке VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП (январь 1912). Конференция, отметив, что «Рабочая Газета» решительно и последовательно отстаивала партию и партийность, объявила ее официальным органом ЦК РСДРП. — *25.*

[27] Имеются в виду резолюции *V Общероссийской конференции РСДРП,* которая состоялась в Париже 21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909). На конференции присутствовало 16 делегатов с решающим голосом, из них 5 большевиков (2 от Центрально-промышленной области, 2 — от петербургской организации, 1 — от уральской), 3 меньшевика по мандатам от Кавказского областного комитета, 5 польских социал-демократов и 3 бундовца. Делегаты-большевики, непосредственно работавшие в России, представляли крупнейшие партийные организации РСДРП. Меньшевистская делегация, получившая мандаты путем различных фальсификаций, состояла из лиц, живших за границей и не связанных с партийной работой в России. Делегация польской социал-демократии поддерживала на конференции большевиков. Бундовцы по многим вопросам шли за меньшевиками-ликвидаторами.

В порядке дня конференции стояли следующие вопросы: 1) Отчеты ЦК РСДРП, ЦК польской социал-демократии, ЦК Бунда, петербургской организации, московской и центрально-промышленной областной, уральской, кавказской; 2) Современное политическое положение и задачи

партии; 3) О думской с.-д. фракции; 4) Организационные вопросы в связи с изменившимися политическими условиями; 5) Объединение на местах с национальными организациями; 6) Заграничные дела.

По всем вопросам большевики вели на конференции непримиримую борьбу с меньшевиками-ликвидаторами и их сторонниками. В резолюции «По отчетам» конференция резко осудила ликвидаторство как оппортунистическое течение и призвала к самой решительной идейной и организационной борьбе против попыток ликвидировать партию.

Центральное место в работе конференции занял доклад Ленина «О современном моменте и задачах партии». Большевики придавали этому вопросу большое значение, так как конференция должна была определить тактическую линию, соответствующую тяжелым условиям работы партии в годы реакции. Меньшевики предприняли попытку снять этот вопрос с повестки дня конференции, но это им не удалось. Конференция приняла с незначительными изменениями предложенную Лениным резолюцию (см. Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 325—328).

В резолюции «О думской с.-д. фракции», внесенной большевиками, была дана критика деятельности фракции и указаны ее конкретные задачи. Меньшевики возражали против указания в решениях конференции на ошибки думской фракции и выступали против права вето Центрального Комитета партии по отношению к фракции. При этом они ссылались на опыт западноевропейских социалистических партий, которые не включали в решения съездов и конференций критику ошибок своих парламентских фракций. Тактика меньшевиков в вопросе о парламентской деятельности социал-демократии полностью совпадала с позицией оппортунистических лидеров II Интернационала, рассматривавших партию как придаток парламентской фракции.

Против ленинской линии по отношению к думской фракции выступили и отзовисты. С. Вольский (А. В. Соколов), заявив, что в России нет условий для деятельности социал-демократической думской фракции, возражал и против указания в резолюции на ее ошибки, считая их вызванными «объективными обстоятельствами».

В своей речи Ленин заклеймил отзовистов, как «ликвидаторов наизнанку», и показал, что при всем различии выводов в отношении к думской фракции и у ликвидаторов и у отзовистов общая оппортунистическая основа. Конференция приняла большевистскую резолюцию. В текст этой резолюции частично вошел написанный Лениным второй вариант «Практических указаний по вопросу о бюджетных голосованиях социал-демократической думской фракции» а полностью было включено ленинское «Добавление к резолюции «О думской социал-демократической фракции»» (см. Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 332—333, 334).

При обсуждении организационного вопроса большевики в своем проекте резолюции указывали, что партия должна обратить особое внимание на создание и укрепление нелегальных партийных организаций, используя для работы среди масс широкую сеть разнообразных легальных обществ. Меньшевики фактически добивались ликвидации нелегальной партии и прекращения всякой революционной работы.

В речи по организационному вопросу Ленин подверг резкой критике резолюцию меньшевиков-ликвидаторов и их попытки всячески оправдать лиц, дезертировавших из партии в годы реакции.

Конференцией были приняты внесенные Лениным «Директивы для комиссии по организационному вопросу» (Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 329) и создана комиссия для выработки резолюции. Комиссия, а затем и конференция приняли большевистский проект резолюции.

В принятой Пятой конференцией РСДРП резолюции об объединении национальных организаций на местах был решительно отвергнут принцип федерализма, который защищали бундовцы, отстаивавшие разделение рабочих в партии по национальному признаку. При обсуждении вопроса о работе Центрального Комитета меньшевики предлагали перенести местопребывание ЦК в Россию и упразднить Заграничное бюро ЦК. Ликвидаторские проекты резолюции были отклонены. Конференция приняла резолюцию о работе ЦК, в которой признавалось «полезным и необходимым существование за границей общепартийного представительства в форме Заграничного бюро Центрального Комитета». По вопросу о Центральном Органе была принята резолюция большевиков; предложение меньшевиков о перенесении издания ЦО в Россию было отвергнуто.

Большевики одержали на конференции большую победу в борьбе против меньшевиков-ликвидаторов. Вместе с тем решения конференции наносили удар и отзовистам. Принятыми на конференции решениями партия руководствовалась в годы реакции. Оценивая значение конференции, Ленин писал: «Недавно состоявшаяся Всероссийская конференция РСДРП выводит партию на дорогу и представляет из себя, видимо, поворотный пункт в развитии русского рабочего движения после победы контрреволюции» (Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 354). — *26.*

28 Имеется в виду группа литераторов-отзовистов, сторонников махизма.

Махизм — реакционное субъективно-идеалистическое философское течение, получило широкое распространение в Западной Европе в конце XIX — начале XX века. Основоположниками его были австрийский физик и философ Э. Мах и немецкий философ Р. Авенариус. Махизм являлся особенно

опасным для рабочего класса направлением буржуазной идеалистической философии, поскольку на словах он выступал против идеализма, апеллировал к современному естествознанию, что придавало ему видимость «научности». В России в годы реакции под влияние махизма попала часть социал-демократической интеллигенции. Наиболее широкое распространение махизм получил среди меньшевиков-интеллигентов (Н. Валентинов, П. С. Юшкевич и другие). На позиции махизма встала и некоторая часть литераторов из большевиков (В. Базаров, А. Богданов, А. В. Луначарский и другие). Прикрываясь лицемерными заявлениями о развитии марксизма, русские махисты на деле подвергали ревизии основы марксистской философии. В. И. Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» раскрыл реакционную сущность махизма, отстоял марксистскую философию от покушений ревизионистов, всесторонне развил в новых исторических условиях диалектический и исторический материализм. Разгром махизма нанес сильнейший удар по идейным позициям меньшевизма, отзовизма и богостроительства. — *28.*

[29] Имеется в виду школа, организованная в 1909 году на острове Капри (Италия) отзовистами, ультиматистами и богостроителями («школа в NN»).

После Пятой конференции РСДРП (Общероссийской 1908 года) отзовисты, ультиматисты и богостроители приступили к созданию своего фракционного центра под видом «партийной школы для рабочих». Весной 1909 года лидеры отзовистов, ультиматистов и богостроителей А. Богданов, Г. А. Алексинский и А. В. Луначарский организовали инициативную группу по созданию школы; прикрываясь ссылками на указание конференции о необходимости подготовки «практических и идейных руководителей с.-д. движения из среды самих рабочих», они вовлекли в группу А. М. Горького и Н. Е. Вилонова — видного революционера-рабочего. Совещание расширенной редакции «Пролетария» разоблачило фракционный антибольшевистский характер организуемой отзовистами школы, указало, что ее организаторы преследуют «не цели большевистской фракции, как идейного течения в партии, а свои особые, групповые идейно-политические цели». Школа на Капри была решительно осуждена как «новый центр откалывающейся от большевиков фракции» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 42, 41).

Несмотря на это, богдановцы, спекулируя на усилившейся в те годы тяге рабочих к партийному образованию, связались через голову партийных центров с некоторыми местными социал-демократическими организациями в России и при содействии отзовистов, в частности их московского лидера А. В. Соколова (С. Вольского), добились присылки в школу 13 слушателей.

Школа начала функционировать в августе 1909 года; лекции в ней читали А. Богданов, Г. А. Алексинский, А. В. Луначарский, А. М. Горький, М. Н. Лядов, М. Н. Покровский и В. А. Десницкий. В. И. Ленин на формальное предложение организаторов школы приехать на Капри в качестве лектора ответил отказом. В письме слушателям школы, настаивавшим на том, чтобы он прочитал для них цикл лекций, Ленин разъяснял, что не может этого сделать, поскольку эта «школа, *нарочно спрятанная от партии»* в «эмигрантском захолустье», носит фракционный характер. Ленин предложил ученикам школы приехать в Париж для того, чтобы «учиться действительно социал-демократизму», а не *«особой* фракционной *«науке»»* отзовистов и богостроителей (см. Сочинения, 4 изд., том 15, стр. 435—441).

В ноябре 1909 года в школе произошел раскол: несколько слушателей во главе с Н. Е. Вилоновым — членом Совета школы, решительно отмежевались от богдановцев и направили в редакцию газеты «Пролетарий» протест против антипартийного поведения лекторов и были исключены за это из школы. По приглашению Ленина они в конце ноября приехали в Париж, где прослушали цикл лекций, в том числе и лекции Ленина «Современный момент и наши задачи» и «Аграрная политика Столыпина».

В декабре 1909 года лекторы школы совместно с оставшимися на Капри слушателями организовали антибольшевистскую группу «Вперед».

Подробную историю школы и ее характеристику В. И. Ленин дает в статьях «О фракции сторонников отзовизма и богостроительства» и «Позорный провал» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 74—108 и 131—133).

Продолжением каприйской школы явилась антипартийная школа в Болонье (ноябрь 1910 — март 1911 года). Лекторами школы были Богданов, Луначарский, Троцкий, Лядов, Маслов, Соколов и др. Приглашение читать лекции в Болонской школе было послано В. И. Ленину. В ответном письме «Товарищам-слушателям школы в Болонье» Ленин отказался от чтения лекций ввиду антипартийного направления и раскольнических действий организаторов этой школы и пригласил слушателей приехать в Париж, где обещал прочесть им ряд лекций по вопросу о тактике, внутрипартийном положении и аграрному вопросу (см. Сочинения, 4 изд., том 16, стр. 298—299). Занятия в Париже не состоялись. — *29.*

[30] *Группа 16-ти* — группа меньшевиков-ликвидаторов, подписавших открытое письмо в ответ на выступление Г. В. Плеханова в № 9 «Дневника Социал-Демократа» (август 1909 года) против ликвидаторов и их лидера А. Н. Потресова. Письмо 16-ти было опубликовано в «Голосе Социал-Демократа»

№ 19—20 (январь — февраль 1910). Ленин называл это письмо «геростратовски знаменитым» документом.

Группа Михаила, Романа и Юрия — меньшевики-ликвидаторы в России — И. А. Исув (Михаил), К. М. Ермолаев (Роман) и П. А. Бронштейн (Юрий) — кандидаты и члены ЦК РСДРП, избранные V (Лондонским) съездом РСДРП. В начале 1910 года большевики — члены Русского бюро ЦК обратились к ним с предложением принять участие в работе бюро, но они не только отказались явиться на заседание бюро, по заявили, что считают вредным существование ЦК РСДРП. — *29.*

[31] *Плехановцы* — меньшевики-партийцы, во главе с Г. В. Плехановым выступившие в годы реакции против ликвидаторов. В декабре 1908 г. Плеханов вышел из редакции ликвидаторской газеты «Голос Социал-Демократа» и в 1909 г. возобновил издание «Дневника Социал-Демократа» для борьбы против ликвидаторов. Оставаясь на позициях меньшевизма, плехановцы в то же время стояли за сохранение и укрепление нелегальной партийной организации и шли с этой целью на блок с большевиками. В 1909 году группы меньшевиков-партийцев образовались в Париже, Женеве, Сан-Ремо, Ниццей др. городах. В Петербурге, Москве, Екатеринославе, Харькове, Киеве, Баку многие рабочие-меньшевики выступили против ликвидаторов, за возрождение нелегальной РСДРП.

Ленин, призывая большевиков к сближению с меньшевиками-партийцами, указывал, что соглашение с ними возможно на основе борьбы за партию, против ликвидаторства, «без всяких идейных компромиссов, без всякого замазывания тактических и иных разногласий *в пределах* партийной линии» (Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 148). Меньшевики-партийцы вместе с большевиками участвовали в местных партийных комитетах, сотрудничали в большевистских изданиях: «Рабочей Газете», «Звезде», в Центральном Органе партии «Социал-Демократе». Ленинская тактика сближения с плехановцами, за которыми шло большинство рабочих-меньшевиков в России, помогла расширить влияние большевиков в легальных рабочих организациях и вытеснить из них ликвидаторов.

В конце 1911 года Плеханов разорвал блок с большевиками. Под видом борьбы с «фракционностью» и расколом в РСДРП он пытался примирить большевиков с оппортунистами. В 1912 году плехановцы вместе с троцкистами, бундовцами и ликвидаторами выступили против решений Пражской конференции РСДРП. — *29.*

[32] *Заграничное бюро Центрального Комитета РСДРП* (ЗБЦК) было учреждено пленумом ЦК РСДРП в августе 1908 года

в качестве общепартийного представительства за границей (в составе трех человек), подчиненного Русскому бюро ЦК. В обязанности ЗБЦК входило поддержание постоянной связи с действующим в России Центральным Комитетом и членами ЦК, работающими за границей, наблюдение за деятельностью заграничных групп содействия РСДРП и их Центрального бюро, прием денежных отчислений заграничных организаций в кассу ЦК и организация денежных сборов в пользу Центрального Комитета. С целью объединения всех заграничных групп содействия РСДРП и подчинения их единому общепартийному руководству августовский пленум ЦК (1908) поручил ЗБЦК провести специальный съезд этих групп. Но в течение 1909 года ЗБЦК не удалось созвать съезд вследствие упорного сопротивления Центрального бюро заграничных групп, захваченного меньшевиками-ликвидаторами.

Январский пленум ЦК 1910 года реорганизовал ЗБЦК и ограничил его роль в руководстве общими делами партии, соответственно усилив полномочия Русского бюро ЦК. Состав ЗБЦК был определен в количестве пяти человек, из них три являлись представителями центральных комитетов национальных организаций. В Заграничное бюро ЦК вошли: от большевиков — А. И. Любимов, от меньшевиков — Б. И. Горев (Гольдман), от польских социал-демократов — Я. Тышка. (Лео Иогихес), от бундовцев — Ионов (Ф. М. Койген) и от латышских социал-демократов — Я. А. Берзин. Вскоре состав ЗБЦК изменился: от большевиков в него вошел Н. А. Семашко (Александров), от бундовцев — М. И. Либер и от латышских социал-демократов — Шварц (Ю. Элиас); последние два — ликвидаторы. Таким образом в Заграничном бюро ЦК сложилось устойчивое ликвидаторское большинство, которое всячески пыталось дезорганизовать работу центральных партийных учреждений. Особенно ярко проявилась антипартийная позиция ЗБЦК в систематическом срыве созыва пленума ЦК, которого настойчиво добивались большевики в связи с невыполнением ликвидаторами решений Январского пленума ЦК. Ликвидаторская тактика ЗБЦК привела к тому, что представитель большевиков Семашко в мае 1911 года вынужден был подать заявление о выходе из состава ЗБЦК.

Созванное в июне 1911 года в Париже совещание членов ЦК РСДРП вынесло решение, осуждавшее политическую линию ЗБЦК. В резолюции совещания говорилось, что ЗБЦК в целом ряде случаев, как, например, по вопросу об объединении заграничных групп РСДРП, о созыве пленума ЦК, в вопросе о поддержке легальных социал-демократических изданий в России и по многим другим вопросам, стало на путь антипартийной, фракционной политики, нарушая постановления пленума 1910 года. Совещание, осудив антипартийные действия ЗБЦК, передало вопрос

о дальнейшем существовании его на разрешение ближайшего пленума ЦК РСДРП.

В ноябре 1911 года из ЗБЦК был отозван представитель польской социал-демократии, а затем и представитель латышской социал-демократии. В январе 1912 года ЗБЦК самоликвидировалось. — *30.*

[33] Статья «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» была напечатана в газете «Наш Путь».

«Наш Путь» — полулегальная газета, руководимая большевиками, издавалась в Москве с 30 мая (12 июня) 1910 года по 9 (22) января 1911 года; всего вышло 8 номеров. Издание газеты было организовано при участии Московского Центрального бюро профсоюзов как продолжение газеты «Вестник Труда», издававшейся в 1909 году. Фактическим редактором газеты был И. И. Скворцов-Степанов.

Газета освещала вопросы о деятельности профсоюзов, помещала материалы о положении рабочих на фабриках и заводах, о забастовочном движении в России, печатала статьи о Государственной думе, о профсоюзном движении и борьбе рабочих за границей и другие.

Все номера газеты подвергались конфискации, но фактически распространение газеты не приостанавливалось, так как весь тираж выносился из типографии одновременно с посылкой контрольного номера в цензуру. На 7 номеров газеты был наложен штраф в сумме 1900 рублей. Газета прекратила свое существование вследствие провала основного ядра сотрудников, выданных провокаторами, и запрещения ее судебной палатой. — *38.*

[34] Речь идет о телеграмме, посланной социал-демократическими депутатами III Думы в Астапово на имя В. Г. Черткова — близкого друга и последователя Л. Н. Толстого. В ней говорилось: «Социал-демократическая фракция Государственной думы, выражая чувства российского и всего международного пролетариата, глубоко скорбит об утрате гениального художника, непримиримого, непобежденного борца с официальной церковностью, врага произвола и порабощения, громко возвысившего свой голос против смертной казни, друга гонимых». — *38.*

[35] *Российская коллегия ЦК* — действовавшая в России коллегия членов и кандидатов ЦК, выбранных на V (Лондонском) съезде РСДРП (1907); первоначально сформирована на пленуме ЦК РСДРП в августе 1908 года в составе пяти членов (1 меньшевик, 1 большевик и 3 представителя национальных организаций). Согласно уставу Центрального Комитета, принятому Январским пленумом ЦК 1910 года, Российская коллегия должна была состоять из 7 членов (4 члена ЦК и 3 представителя национальных организаций).

Коллегии, в случае выбытия кого-либо из ее членов, предоставлялось право кооптации. Однако после Январского пленума ЦК организовать работу Российской коллегии не удалось. Всю общепартийную работу в России (подбор агентов, объезд организаций, связь с думской социал-демократической фракцией и др.) вели члены и кандидаты ЦК — большевики; вначале И. П. Гольденберг (Мешковский), И. Ф. Дубровинский (Иннокентий), потом после их ареста В. П. Ногин (Макар) и Г. Д. Лейтейзен (Линдов), которые составляли в 1910—1911 годах Русское бюро ЦК. Меньшевики-ликвидаторы — члены и кандидаты ЦК устранились от работы, а И. А. Исув (Михаил), П. А. Бронштейн (Юрий) и К. М. Ермолаев (Роман) не только отказались участвовать в работе, но и заявили, что считают само существование ЦК вредным. Все попытки бюро созвать Российскую коллегию не увенчались успехом.

В марте 1911 года, после ареста Ногина и Лейтейзена, Русское бюро ЦК прекратило свое существование.

Ленин, положительно оценивая попытки Русского бюро ЦК наладить работу в России и созвать Российскую коллегию ЦК, в то же время подвергал резкой критике примиренческую позицию членов бюро (см. настоящий том, стр. 346—347). — *42.*

[36] Имеются в виду члены ЗБЦК — представители польской социал-демократии.

Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ) — революционная партия польского рабочего класса, возникла в 1893 году сначала как Социал-демократия Королевства Польского, а с августа 1900 года, после съезда социал-демократических организаций Королевства Польского и Литвы, где произошло слияние польских и части литовских социал-демократов, стала называться Социал-демократией Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). Заслугой партии являлось то, что она направляла польское рабочее движение к союзу с русским рабочим движением и боролась с национализмом.

В период революции 1905—1907 годов СДКПиЛ боролась под лозунгами, близкими к лозунгам большевистской партии, занимала непримиримую позицию по отношению к либеральной буржуазии. В то же время у СДКПиЛ был ряд ошибок: она не поняла ленинской теории социалистической революции, не понимала руководящей роли партии в демократической революции, недооценивала роль крестьянства как союзника рабочего класса и значение национально-освободительного движения. В. И. Ленин, подвергая критике ошибочные взгляды СДКПиЛ, одновременно указывал и на ее заслуги перед революционным движением Польши. Он отмечал, что польские социал-демократы «создали

впервые чисто пролетарскую партию в Польше, провозгласили величайшей важности принцип теснейшего союза польского и русского рабочего в их классовой борьбе» (Сочинения, 4 изд., том 20, стр. 404). На IV (Объединительном) съезде РСДРП в 1906 году СДКПиЛ была принята в состав РСДРП в качестве территориальной организации. СДКПиЛ приветствовала Великую Октябрьскую социалистическую революцию и развернула борьбу за победу пролетарской революции в Польше. В декабре 1918 года на Объединительном съезде СДКПиЛ и ППС-«левицы» обе партии объединились и образовали Коммунистическую рабочую партию Польши. — *43.*

[37] Имеются в виду члены ЗБЦК — представители Социал-демократии Латышского края и Бунда.

Социал-демократия Латышского края (до 1906 года — Латышская социал-демократическая рабочая партия) была создана в июне 1904 года на I съезде партии. На II съезде ЛСДРП в июне 1905 года была принята программа партии. В 1905—1907 гг. Латышская социал-демократическая рабочая партия руководила революционными выступлениями рабочих. Ленин указывал, что «во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя» (Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 305).

На IV (Объединительном) съезде РСДРП в 1906 году ЛСДРП вошла в состав РСДРП как территориальная организация. После съезда стала называться Социал-демократией Латышского края.

Бунд («Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России») был организован в 1897 году на учредительном съезде еврейских социал-демократических групп в Вильно; объединял преимущественно полупролетарские элементы еврейских ремесленников западных областей России. На I съезде РСДРП (1898) Бунд вошел в состав РСДРП «как автономная организация, самостоятельная лишь в вопросах, касающихся специально еврейского пролетариата» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 14).

Бунд являлся носителем национализма и сепаратизма в рабочем движении России. В апреле 1901 года IV съезд Бунда постановил изменить организационные отношения с РСДРП, установленные I съездом РСДРП. Съезд заявил в своей резолюции, что он рассматривает РСДРП как федеративное соединение национальных организаций и что Бунд должеп входить в нее как федеративная часть.

На II съезде РСДРП, после того как съезд отверг требование Бунда признать его единственным представителем

еврейского пролетариата, Бунд вышел из партии. В1906 году, на основании решения IV (Объединительного) съезда партии, Бунд вновь вошел в состав РСДРП.

Внутри РСДРП бундовцы постоянно поддерживали оппортунистическое крыло партии («экономистов», меньшевиков, ликвидаторов), вели борьбу против большевиков и большевизма. Программному требованию большевиков о праве наций на самоопределение Бунд противопоставлял требование культурно-национальной автономии. В годы столыпинской реакции Бунд занимал ликвидаторскую позицию, активно участвовал в создании Августовского антипартийного блока. Во время первой мировой войны 1914—1918 гг. бундовцы стояли на позициях социал-шовинизма. В 1917 году Бунд поддерживал буржуазное Временное правительство, боролся на стороне врагов Октябрьской социалистической революции. В годы иностранной военной интервенции и: гражданской войны руководители Бунда окончательно сомкнулись с силами контрреволюции. Одновременно с этим среди рядовых членов Бунда наметился перелом в пользу сотрудничества с Советской властью. В марте 1921 года Бунд самоликвидировался, часть его членов была принята в РКП(б) на общих основаниях. — *43.*

[38] Имеется в виду представитель большевиков в Заграничном бюро ЦК РСДРП Н. А. Семашко. — *43.*

[39] Имеется в виду *международный социалистический конгресс в Копенгагене* (VIII конгресс II Интернационала), который происходил с 28 августа по 3 сентября 1910 года. На конгрессе присутствовало 896 делегатов, которые представляли страны Европы, Северной и Южной Америки, Южной Африки и Австралии. Россия наравне с Австрией, Англией, Германией и Францией располагала на конгрессе 20 голосами: из них социал-демократы (включая литовскую и армянскую с.-д.) имели 10 голосов, эсеры — 7, профсоюзы — 3 голоса. РСДРП на конгрессе представляли В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский и другие.

Для предварительного обсуждения и выработки резолюций по отдельным вопросам было образовано пять комиссий: кооперативная; о профсоюзах, международной солидарности и о единстве профдвижения в Австрии; о борьбе против войны; рабочее законодательство и вопрос о безработице; по выработке различных резолюций, в том числе о социалистическом единстве, о смертной казни, о Финляндии, Аргентине, Персии и др.

Ленин вошел в одну из основных комиссий конгресса — кооперативную. После развернувшейся на конгрессе борьбы по вопросу о роли и задачах кооперативов в революционной

борьбе пролетариата и о взаимоотношениях между кооперативами и социалистическими партиями была принята резолюция, в которой, как указывал Ленин, «Интернационал дал правильное в основных чертах определение задач пролетарских кооперативов» (Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 353).

В резолюции по вопросу о борьбе с войной «Третейские суды и разоружение» конгресс подтвердил резолюцию Штутгартского конгресса (1907) «Милитаризм и международные конфликты», которая включала предложенные В. И. Лениным и Р. Люксембург поправки, требовавшие от социалистов всех стран использовать вызванный войной экономический и политический кризис для свержения буржуазии. Резолюция Копенгагенского конгресса обязывала также социалистические партии и их представителей в парламентах требовать от своих правительств сокращения вооружений, разрешения конфликтов между государствами посредством третейского суда, призывала рабочих всех стран к организации протестов против угрозы войны.

В целях сплочения революционных марксистов на международной арене Ленин во время конгресса провел совещание с левыми социал-демократами, присутствовавшими на конгрессе. В плане брошюры «Европейская война и европейский социализм» (брошюра не была написана) Ленин перечисляет участников совещания: от Франции присутствовали Ж. Гед и Ш. Раппопорт; от Бельгии — де Брукер; от Германии — Р. Люксембург и Э. Вурм; от Польши — Ю. Мархлевский (Карский); от Испании — П. Иглесиас; от Австрии — А. Браун; от России — В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и др. (см. Ленинский сборник XIV, стр. *22).*

Во время работы конгресса состоялось также совещание представителей РСДРП — большевиков и меньшевиков-партийцев и представителей думской с.-д. фракции, в котором приняли участие В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Н. Г. Полетаев и др. На совещании было достигнуто соглашение об издании легальных и нелегальных органов и сотрудничестве в них меньшевиков-партийцев.

В связи с появлением в центральном органе Германской социал-демократической партии, газете «Vorwärts», статьи Троцкого (анонимной) с клеветническими выпадами против РСДРП члены русской делегации В. И. Ленин, Г. В. Плеханов и представитель польской социал-демократии А. Барский (А. С. Варшавский) направили протест в ЦК Германской социал-демократической партии. — *44.*

[40] *«Правда»* (венская) — фракционная газета троцкистов; издавалась в 1908—1912 годах. Первые три номера напечатаны во Львове, затем издание было перенесено в Вену (Австрия); всего вышло 25 номеров. Газета, кроме двух первых номеров, вышедших в качестве органа украинского союза «Спилка», не представляла какой-либо партийной организации России

и являлась, по выражению В. И. Ленина, «частным предприятием». Редактором газеты был Л. Д. Троцкий.

Прикрываясь маской «нефракционности», газета с первых же номеров выступила против большевизма, в защиту ликвидаторства и отзовизма; проповедовала центристскую «теорию» сотрудничества революционеров и оппортунистов в одной партии. После Январского пленума ЦК 1910 года газета заняла откровенно ликвидаторские позиции, выступала с поддержкой антипартийной отзовистско-ультиматистской группы «Вперед».

В 1912 году Троцкий и его газета явились инициаторами и главными организаторами антипартийного Августовского блока. — *45.*

[41] *«Молодые»* — мелкобуржуазная полуанархистская оппозиция в германской социал-демократии; возникла в 1890 году. Основное ядро ее составляли молодые литераторы и студенты (отсюда и название), претендовавшие на роль теоретиков и руководителей партии. Эта оппозиция, не понимая изменившихся после отмены исключительного закона против социалистов (1878—1890) условий деятельности партии, отрицала необходимость использования легальных форм борьбы, выступала против участия социал-демократии в парламенте, обвиняла партию в защите интересов мелкой буржуазии, в оппортунизме. Ф. Энгельс вел борьбу против оппозиции «молодых». Когда «Саксонская Рабочая Газета» — орган «молодых» — попыталась объявить Энгельса солидарным с оппозицией, он дал решительный отпор этому, по его словам, «колоссальному бесстыдству» и подверг взгляды и тактику «молодых» уничтожающей критике.

Теоретические взгляды и тактика оппозиции представляли собой, по словам Энгельса, «безобразно искаженный «марксизм»». Оторванная от реальной действительности, авантюристическая тактика «молодых» могла бы, писал Энгельс, «похоронить даже самую сильную, насчитывающую миллионы партию под вполне заслуженный хохот всего враждебного ей мира». Энгельс высмеял самомнение и иллюзии «молодых» насчет их удельного веса и значения в партии. «Пусть же они поймут, что их «академическое образование», требующее к тому же основательной критической самопроверки, — отмечал Энгельс, — вовсе не дает им офицерского чина с правом на соответствующий пост в партии; что в нашей партии каждый должен начинать службу с рядового; что для занятия ответственных постов в партии недостаточно только литературного таланта и теоретических знаний, даже когда и то и другое бесспорно налицо, но что для этого требуется также хорошее знакомство с условиями партийной борьбы и полное усвоение ее форм, испытанная личная верность и сила характера и, наконец, добровольное включение себя в ряды борцов; одним словом, что им, этим

«академически образованным» людям, в общем и целом гораздо больше надо учиться у рабочих, чем рабочим у них» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 62—63). В октябре 1891 года Эрфуртский съезд германской социал-демократии исключил часть руководителей «молодых» из партии. — *68,*

[42] *II Государственная дума* собралась 20 февраля (5 марта) 1907 года. Выборы в Думу были непрямые, неравные и проходили в обстановке военно-полевых судов и репрессий. Несмотря на это, вторая Дума оказалась по составу левее первой. Причиной этого явилось более ясное и резкое, чем в период первой Думы, размежевание партий, рост классового сознания масс, а также участие большевиков в выборах.

Состав Думы свидетельствовал об усилении, с одной стороны, левых партий — социал-демократов и народнических групп, с другой — правых, за счет кадетов. Распределение членов II Государственной думы по политическим группировкам было следующим: правых, т. е. монархистов и октябристов — 54, кадетов и близких к ним — 99, националов — 76, беспартийных — 50, казачьей группы — 17, народных социалистов — 16, эсеров — 37, трудовиков — 104, социал-демократов — 65. Однако более левая по составу вторая Дума, ввиду того что революция шла на убыль, была слабее первой.

Правые партии во II Государственной думе выступали с безоговорочной поддержкой политики самодержавного правительства по всем вопросам. Кадеты, ко времени второй Думы окончательно показавшие свою контрреволюционность, занимали позицию сделки с самодержавием.

В социал-демократической фракции II Государственной думы преобладали меньшевики. На ее деятельности сказалась оппортунистическая тактика меньшевиков, выступавших за блоки с кадетами и поддерживавших в народе конституционные иллюзии. Ленин резко критиковал ошибки социал-демократической думской фракции, указывал на несоответствие взглядов большинства российской социал-демократии и ее думского представительства. Большевики использовали Думу как трибуну для разоблачения царизма и предательской роли контрреволюционной буржуазии, для провозглашения и пропаганды революционной программы партии, для высвобождения крестьянства из-под влияния либералов и создания в Думе революционного блока представителей рабочего класса и крестьянства. Линия большевиков была новой, революционно-марксистской линией поведения представителей пролетариата в парламентских учреждениях. Меньшевики же вели в Думе оппортунистическую тактику поддержки кадетов. «Борьба либералов с крестьянами и социал-демократами, — писал впоследствии

Ленин, — наполняет собой *всю* историю I и II Думы. Борьба большевизма и меньшевизма *неразрывно* связана с этой историей, как борьба из-за поддержки либералов, из-за свержения гегемонии либералов над крестьянством» (Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 362).

Центральным вопросом, обсуждавшимся во второй Государственной думе, как и в первой, был аграрный. В числе других вопросов Дума на своих заседаниях обсуждала бюджет, вопросы помощи голодающим и безработным, вопрос об амнистии.

К середине 1907 года стало очевидно, что у рабочих и крестьян не хватило сил для победы над царизмом. 3 (16) июня царское правительство разогнало II Государственную думу; социал-демократическая думская фракция была арестована. Одновременно был издан новый избирательный закон, обеспечивший в III Думе безраздельное большинство помещикам и крупной буржуазии. 3 июня 1907 года вошло в историю страны как день контрреволюционного переворота. Разгон II Государственной думы знаменовал начало периода злейшей реакции. — *77.*

[43] *«Союз борьбы за освобождение рабочего класса»,* организованный В. И. Лениным осенью 1895 года, объединял около двадцати марксистских кружков Петербурга. Вся работа «Союза борьбы» была построена на принципах централизма и строгой дисциплины. Во главе «Союза борьбы» стояла Центральная группа, в которую входили В. И. Ленин, А. А. Ванеев, П. К. Запорожец, Г. М. Кржижановский, Н. К. Крупская, Л. Мартов, М. А. Сильвин, В. В. Старков и др. Непосредственное руководство было сосредоточено в руках пяти членов группы во главе с Лениным. Организация была разделена на районные группы. Передовые, сознательные рабочие (И. В. Бабушкин, В. А. Шелгунов и др.) связывали эти группы с фабриками и заводами. На заводах имелись организаторы по сбору информации и распространению литературы; на крупных предприятиях были созданы рабочие кружки.

«Союз борьбы» впервые в России стал осуществлять соединение социализма с рабочим движением, переход от пропаганды марксизма среди небольшого круга передовых рабочих в кружках к политической агитации среди широких масс пролетариата. «Союз» руководил рабочим движением, соединяя борьбу рабочих за экономические требования с политической борьбой против царизма. В ноябре 1895 года «Союз борьбы» организовал стачку на суконной фабрике Торнтона. Летом 1896 года под руководством «Союза» проходила знаменитая стачка петербургских текстильщиков, в которой приняло участие более 30 тысяч рабочих. «Союз борьбы» выпускал листовки и брошюры для рабочих. Редактором изданий «Союза» был Ленин, под его руководством

подготовлялось издание политической рабочей газеты «Рабочее Дело». «Союз борьбы» распространил свое влияние за пределы Петербурга. По его почину произошло объединение рабочих кружков в «Союзы борьбы» в Москве, Киеве, Екатеринославе и других городах и областях России.

В декабре 1895 года царское правительство нанесло «Союзу борьбы» серьезный удар: в ночь с 8 на 9 (с 20 на 21) декабря 1895 года была арестована значительная часть деятелей «Союза» во главе с Лениным; захвачен был и подготовленный к набору первый номер газеты «Рабочее Дело».

Через несколько дней на первом после арестов собрании группы было принято решение назвать организацию петербургских социал-демократов «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». 15 (27) декабря 1895 года, в ответ на арест Ленина и других членов «Союза борьбы», оставшиеся на воле члены «Союза» выпустили листок на политическую тему, написанный рабочими.

Ленин, находясь в тюрьме, руководил деятельностью «Союза», помогал своими советами, пересылал на волю зашифрованные письма и листовки, написал брошюру «О стачках» (до сих пор не разыскана), «Проект и объяснение программы социал-демократической партии» (см. Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 81—110).

Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», по выражению Ленина, представлял собой зачаток революционной партии, которая опирается на рабочее движение, руководит классовой борьбой пролетариата.

Уцелевшие от арестов старые члены «Союза» приняли участие в подготовке и проведении I съезда РСДРП и в выработке изданного от имени съезда «Манифеста». Однако длительное отсутствие основателей «Союза борьбы», отбывавших ссылку в Сибири, и в первую очередь В. И. Ленина, облегчило проведение оппортунистической политики «молодым», «экономистам», насаждавшим с 1897 года через газету «Рабочая Мысль» идеи тред-юнионизма и бернштейнианства на русской почве. Со второй половины 1898 года к руководству «Союзом» пришли наиболее откровенные «экономисты» — «рабочемысленцы». — *79.*

[44] *«Искра»* — первая общерусская нелегальная марксистская газета, основанная В. И. Лениным в 1900 году и сыгравшая решающую роль в создании революционной марксистской партии рабочего класса России.

Первый номер ленинской «Искры», датированный декабрем 1900 года, вышел в Лейпциге; последующие номера выходили в Мюнхене, с июля 1902 года — в Лондоне и с весны 1903 года — в Женеве. Большую помощь в постановке газеты (организации тайной типографии, приобретении русского шрифта и т. п.) оказали германские социал-демократы К. Цеткин, А. Браун и др., живший в те годы в Мюн-

хене польский революционер Ю. Мархлевский и Г. Квелч — один из руководителей английской Социал-демократической федерации.

В редакцию «Искры» входили В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, Л. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. Н. Потресов и В. И. Засулич. Секретарем редакции сначала была И. Г. Смидович-Леман, а затем с весны 1901 года — Н. К. Крупская, ведавшая также всей перепиской «Искры» с русскими социал-демократическими организациями. В центре внимания «Искры» стояли вопросы революционной борьбы пролетариата и всех трудящихся России против царского самодержавия, большое внимание уделялось важнейшим событиям международной жизни, главным образом международного рабочего движения. Ленин был фактически главным редактором и руководителем «Искры», выступал со статьями по всем основным вопросам строительства партии и классовой борьбы пролетариата России.

«Искра» стала центром объединения партийных сил, собирания и воспитания партийных кадров. В ряде городов России (Петербург, Москва, Самара и др.) были созданы группы и комитеты РСДРП ленинско-искровского направления, а в январе 1902 года на съезде искровцев в Самаре была основана русская организация «Искры». Искровские организации возникали и работали под непосредственным руководством учеников и соратников В. И. Ленина — Н. Э. Баумана, И. В. Бабушкина, С. И. Гусева, М. И. Калинина, П. А. Красикова, Г. М. Кржижановского, Ф. В. Ленгника, П. Н. Лепешинского, И. И. Радченко и др.

По инициативе Ленина и при его непосредственном участии редакция «Искры» разработала проект программы партии (опубликован в № 21 «Искры») и подготовила II съезд РСДРП. Ко времени созыва съезда большинство местных социал-демократических организаций России присоединилось к «Искре», одобрило ее тактику, программу и организационный план, признало ее своим руководящим органом. В специальном постановлении съезд отметил исключительную роль «Искры» в борьбе за партию и объявил ее Центральным Органом РСДРП.

Вскоре после II съезда партии меньшевики при поддержке Плеханова захватили «Искру» в свои руки. С пятьдесят второго номера «Искра» перестала быть органом революционного марксизма. — *80.*

[45] *«Наша Заря»* — ежемесячный легальный журнал меньшевиков-ликвидаторов; выходил в Петербурге с января 1910 по сентябрь 1914 года. Руководил журналом А. Н. Потресов, сотрудничали в нем Ф. И. Дан, С. О. Цедербаум (В. Ежов) и другие. Вокруг «Нашей Зари» сложился центр ликвидаторов в России. В резолюции VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП 1912 года отмечалось, что «часть

с.-д., группирующаяся вокруг журналов «Наша Заря» и «Дело Жизни», открыто стала на защиту течения, признанного всей партией продуктом буржуазного влияния на пролетариат» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 283). — *90.*

[46] *«Vorwärts»* («Вперед») — ежедневная газета, центральный орган Германской социал-демократической партии; выходила в Берлине с 1891 года по постановлению Галльского съезда партии как продолжение издававшейся с 1884 года газеты «Berliner Volksblatt» («Берлинская Народная Газета») под названием «Vorwärts. Berliner Volksblatt». На страницах газеты Ф. Энгельс вел борьбу против всяческих проявлений оппортунизма. Со второй половины 90-х годов, после смерти Энгельса, редакция «Vorwärts» оказалась в руках правого крыла партии и систематически печатала статьи оппортунистов. Тенденциозно освещая борьбу против оппортунизма и ревизионизма в РСДРП, «Vorwärts» поддерживал «экономистов», а затем, после раскола партии, — меньшевиков. В годы реакции «Vorwärts» печатал клеветнические статьи Троцкого, не давая Ленину, большевикам выступать с опровержениями и объективной оценкой положения дел в партии. В период первой мировой войны «Vorwärts» стоял на позициях социал-шовинизма; после Великой Октябрьской социалистической революции вел антисоветскую пропаганду. Выходил в Берлине до 1933 года. — *96.*

[47] Имеется в виду Школьная комиссия (Школьный комитет), назначенная Январским пленумом ЦК РСДРП 1910 года для организации партийной школы за границей в составе девяти человек: двух большевиков, двух меньшевиков, двух впередовцев и по одному представителю от национальных организаций — Бунда, латышской и польской социал-демократии. — *96.*

[48] *Социалисты-революционеры* (эсеры) — мелкобуржуазная партия в России; возникла в конце 1901 — начале 1902 года в результате объединения различных народнических групп и кружков («Союз социалистов-революционеров», Партия социалистов-революционеров и др.). Ее официальными органами стали газета «Революционная Россия» (1900—1905) и журнал «Вестник Русской Революции» (1901—1905). Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелкими собственниками, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, отвергали руководящую роль пролетариата в революции. Взгляды эсеров представляли собой эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма; эсеры пытались, по выражению Ленина, «прорехи народничества» исправлять «заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма» (Сочине-

ния, 5 изд., том 11, стр. 285). Тактика индивидуального террора, которую эсеры проповедовали как основной метод борьбы с самодержавием, наносила большой вред революционному движению, затрудняла дело организации масс для революционной борьбы.

Аграрная программа эсеров предусматривала уничтожение частной собственности на землю и переход ее в распоряжение общин, проведение «трудового начала» и «уравнительности» землепользования, а также развитие кооперации. В этой программе, которую эсеры именовали «социализацией земли», в действительности не было ничего социалистического. Анализируя эсеровскую программу, В. И. Ленин показал, что сохранение товарного производства и частного хозяйства на общей земле не устраняет господства капитала, не избавляет трудящихся крестьян от эксплуатации и разорения; не может быть спасительным средством для мелких крестьян и кооперация в условиях капитализма, ибо она служит обогащению сельской буржуазии. В то же время Ленин отмечал, что требования уравнительного землепользования, не будучи социалистическими, имели исторически прогрессивный революционно-демократический характер, поскольку они были направлены против реакционного помещичьего землевладения.

Партия большевиков разоблачала попытки эсеров маскироваться под социалистов, вела упорную борьбу с эсерами за влияние на крестьянство, вскрывала вред их тактики индивидуального террора для рабочего движения. В то же время большевики шли, при определенных условиях, на временные соглашения с эсерами в борьбе против царизма.

Классовая неоднородность крестьянства обусловила политическую и идейную неустойчивость и организационный разброд в партии эсеров, их постоянные колебания между либеральной буржуазией и пролетариатом. Уже в годы первой русской революции от партии эсеров откололось правое крыло, образовавшее легальную Трудовую народно-социалистическую партию (энесы), близкую по своим взглядам к кадетам, и левое крыло, оформившееся в полуанархистский союз «максималистов». В период столыпинской реакции партия эсеров переживала полный идейный и организационный развал. В годы первой мировой войны большинство эсеров стояло на позициях социал-шовинизма.

После победы Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года эсеры вместе с меньшевиками и кадетами были главной опорой контрреволюционного буржуазно-помещичьего Временного правительства, а лидеры партии (Керенский, Авксентьев, Чернов) входили в его состав. Партия эсеров отказалась от поддержки крестьянского требования ликвидации помещичьего землевладения, выступила за сохранение помещичьей собственности на землю; эсеровские министры Временного правительства посылали

карательные отряды против крестьян, захватывавших помещичьи земли.

В конце ноября 1917 года левое крыло эсеров образовало самостоятельную партию левых эсеров. Стремясь сохранить свое влияние в крестьянских массах, левые эсеры формально признали Советскую власть и вступили в соглашение с большевиками, но вскоре встали на путь борьбы против Советской власти.

В годы иностранной военной интервенции и гражданской войны эсеры вели контрреволюционную подрывную работу, активно поддерживали интервентов и белогвардейцев, участвовали в контрреволюционных заговорах, организовывали террористические акты против деятелей Советского государства и Коммунистической партии. После окончания гражданской войны эсеры продолжали враждебную деятельность против Советского государства внутри страны и в стане белогвардейской эмиграции. — *97.*

49 *«L'Humanité»* («Человечество») — ежедневная газета, основанная в 1904 году Ж. Жоресом как орган Французской социалистической партии. В 1905 году газета приветствовала начавшуюся революцию в России, выражая солидарность французского народа «с русской нацией, творящей свой 89 год». Редакция газеты организовала сбор средств в пользу русской революции. В годы первой мировой войны (1914—1918) газета, находясь в руках крайне правого крыла Французской социалистической партии, занимала шовинистскую позицию.

В 1918 году во главе газеты, ее политическим директором стал выдающийся деятель французского и международного рабочего движения Марсель Кашен. В 1918—1920 годах газета выступала, против империалистической политики французского правительства, направившего свои вооруженные силы для борьбы против Советской республики. С декабря 1920 года, после раскола Французской социалистической партии и образования Коммунистической партии Франции, газета стала ее Центральным органом. В начале второй мировой войны, в августе 1939 года, газета была запрещена французским правительством и перешла на нелегальное положение. В период оккупации Франции гитлеровскими войсками (1940—1944) газета выходила нелегально. Она сыграла огромную роль в борьбе за освобождение Франции от фашистских захватчиков.

В послевоенный период газета ведет неустанную борьбу за укрепление национальной независимости страны, за единство действий рабочего класса, за укрепление мира и дружбы между народами, за демократию и социальный прогресс. — *97.*

50 *«Народная воля»* — тайная политическая организация народников-террористов, возникшая в августе 1879 года в резуль-

тате раскола народнической организации «Земля и воля». Во главе «Народной воли» стоял Исполнительный комитет, в состав которого входили А. И. Желябов, А. А. Квятковский, А. Д. Михайлов, Н. А. Морозов, С. Л. Перовская, В. Н. Фигнер, М. Ф. Фроленко и др. Оставаясь на позициях народнического утопического социализма, народовольцы встали на путь политической борьбы, считая важнейшей задачей свержение самодержавия и завоевание политической свободы. Их программа предусматривала организацию «постоянного народного представительства», избранного на основе всеобщего избирательного права, провозглашение демократических свобод, передачу земли народу и разработку мер по переходу в руки рабочих заводов и фабрик. «Народовольцы, — писал В. И. Ленин, — сделали шаг вперед, перейдя к политической борьбе, но связать ее с социализмом им не удалось» (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 179).

Народовольцы вели героическую борьбу против царского самодержавия, но исходя из ошибочной теории об «активных» героях и «пассивной» толпе, они рассчитывали добиться переустройства общества без участия народа, своими силами, путем индивидуального террора, устрашения и дезорганизации правительства. После 1 марта 1881 года (убийство Александра II) правительство путем жестоких преследований, казней и провокаций разгромило организацию «Народная воля». Неоднократные попытки возродить «Народную волю», предпринимавшиеся народовольцами на протяжении 80-х годов, были безрезультатны. Так, в 1886 году возникла группа во главе с А. И. Ульяновым (братом В. И. Ленина) и П. Я. Шевыревым, разделявшая традиции «Народной воли». После неудачной попытки организовать покушение на Александра III в 1887 году группа была раскрыта и активные участники ее казнены.

Критикуя ошибочную, утопическую программу народовольцев, В. И. Ленин с большим уважением отзывался о самоотверженной борьбе членов «Народной воли» с царизмом, высоко оценивал их конспиративную технику и строго централизованную организацию. — *97.*

[51] *«Вестник Народной Воли»* — заграничный орган партии «Народная воля», выходил в Женеве с 1883 по 1886 год; всего вышло 5 номеров. В состав редакции входили: П. Л. Лавров, М. Н. Оловенникова (Полонская), Л. А. Тихомиров. — *97.*

[52] *«Биржевые Ведомости»* — буржуазная газета; основана в 1880 году в коммерческих целях. Издавалась в Петербурге вначале три раза в неделю, потом четыре, а затем ежедневно. С ноября 1902 года выходила два раза в день: утром и вечером. Приспособленчество, продажность, беспринципность сделали название газеты нарицательным («биржевка»).

«Биржевые Ведомости» были закрыты Военно-революционным комитетом при Петроградском Совете в конце октября 1917 года. — *98.*

[53] Здесь и ниже Ленин имеет в виду и цитирует «Манифест Коммунистической партии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 4, стр. 448—449, 456). — *103.*

[54] Имеются в виду члены и кандидаты ЦК РСДРП, выбранные на V (Лондонском) съезде РСДРП, который происходил 30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907 года. — *105.*

[55] *«Дело Жизни»* — легальный журнал, орган меньшевиков-ликвидаторов; издавался в Петербурге в январе — октябре 1911 года. Вышло 9 номеров. — *106.*

[56] Статья *«Марксизм и «Наша Заря»»* была напечатана в № 3 журнала «Современная Жизнь». Статья была написана В. И. Лениным по просьбе С. Г. Шаумяна.

«Современная Жизнь» — легальный еженедельный общественно-политический журнал, орган объединенной бакинской организации РСДРП, в которую входили большевики и меньшевики-партийцы; издавался в Баку с 26 марта (8 апреля) по 22 апреля (5 мая) 1911 года под редакцией С. Г. Шаумяна. Вышло три номера. Третий номер был конфискован и журнал был закрыт по распоряжению градоначальника. Во втором и третьем номерах «Современной Жизни» под рубрикой «Научные беседы» печатались статьи, излагавшие учение К. Маркса. В «Современной Жизни» был опубликован ряд статей Шаумяна. — *108.*

[57] *«Звезда»* — большевистская легальная газета; издавалась в Петербурге с 16 (29) декабря 1910 по 22 апреля (5 мая) 1912 года. Первоначально газета выпускалась еженедельно; с 21 января (3 февраля) 1912 года стала выходить 2 раза в неделю, а с 8 (21) марта 1912 года — 3 раза в неделю. Прямым продолжением «Звезды» была газета «Невская Звезда», издание которой было предпринято в связи с частыми конфискациями «Звезды». Первый номер «Невской Звезды» вышел 26 февраля (10 марта) 1912 года, когда «Звезда» еще не была закрыта, последний №, 27-ой, — 5 (18) октября 1912 года.

Тираж «Звезды» в начале выпуска составлял 7—10 тысяч экземпляров. В ленские дни 1912 года тираж газеты достигал 50—60 тысяч экземпляров.

Вопрос о возрождении легальной марксистской печати остро встал в связи с начавшимся оживлением революционного движения в России. Осенью 1910 года во время работы Международного социалистического конгресса в Копенгагене состоялось совещание, в котором принимали участие

В. И. Ленин, Г. В. Плеханов, член социал-демократической фракции III Государственной думы большевик Н. Г. Полетаев и др. На совещании было достигнуто соглашение об издании легального органа в России и сотрудничестве в нем меньшевиков-партийцев. На основе этой договоренности в состав редакции «Звезды» вошли В. Д. Бонч-Бруевич (от большевиков), Н. И. Иорданский (от меньшевиков-партийцев) и И. П. Покровский (от социал-демократической фракции III Государственной думы). Большую роль в постановке издания газеты сыграл Н. Г. Полетаев. «Звезда» в этот период считалась органом думской социал-демократической фракции. 11 (24) июня 1911 года на № 25 выпуск газеты временно приостановился. В октябре 1911 года «Звезда» выходит вновь с измененным составом редакции, без участия меньшевиков-партийцев.

Идейное руководство «Звездой» осуществлял В. И. Ленин; он вел переписку с членами редакции, направлял их работу, критиковал ошибки, особенно в первый период существования «Звезды», боролся за выдержанное марксистское направление газеты.

В «Звезде» и «Невской Звезде» было опубликовано около 50 статей В. И. Ленина за подписями: В. Ильин, В. Ф., Вильям Фрей, Ф. Л—ко, К. Т., Т., Б. К., М. Ш., П. П., Р. Силин, Р. С, Б. Г., Нелиберальный скептик, К. Ф., Ф. Ф., М. М. и др.

Большую редакционную и организационную работу в «Звезде» вели Н. Н. Батурин, Н. Г. Полетаев, К. С. Еремеев, М. С. Ольминский, Активное участие в газете принимали В. Д. Бонч-Бруевич, Демьян Бедный и др. В «Звезде» был помещен ряд статей Г. В. Плеханова. К участию в «Звезде» Ленин привлек А. М. Горького.

Под руководством Ленина «Звезда» превратилась в боевую марксистскую газету. Она отстаивала и пропагандировала принципы революционного марксизма, боролась с ликвидаторством и отзовизмом за укрепление марксистской партии, за революционный союз рабочего класса и крестьянства, защищала избирательную платформу большевиков на выборах в IV Государственную думу. «Звезда» печатала выступления членов социал-демократической думской фракции и запросы, вносимые фракцией в Думе. Газета активно боролась за проведение в жизнь решений VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП.

«Звезда» установила постоянные тесные связи с рабочими фабрик и заводов; в отделе рабочего движения газета откликалась на самые насущные нужды рабочих. «Звезда» пользовалась большим авторитетом среди рабочего класса и трудящихся России.

Весной 1912 года в связи с подъемом рабочего движения роль «Звезды» чрезвычайно выросла. Особенно расширился отдел рабочей хроники, в котором печатались отклики на

ленские события. В газете помещались многочисленные сообщения из различных городов России о забастовках, демонстрациях и митингах, печатались письма рабочих в «Звезду», резолюции протеста против ленского расстрела, принятые на собраниях рабочих.

Редакции газеты приходилось работать в условиях постоянных репрессий со стороны царского правительства: конфискаций номеров, штрафов, запрещения газеты, арестов редакторов.

В ленские дни 1912 года каждый номер «Звезды» конфисковывался, но часть тиража успевали распространить до конфискации среди рабочих.

Газета «Звезда» выходила неежедневно и была рассчитана на передовые слои пролетариата. Необходимо было создать большевистскую ежедневную массовую газету. «Звезда» сыграла большую роль в пропаганде идеи создания такого органа. Сбор отчислений в фонд ежедневной рабочей газеты, открытый редакцией «Звезды», нашел горячую поддержку среди рабочих масс. «Звезда» регулярно информировала своих читателей об откликах рабочих и публиковала отчеты о суммах, поступивших в фонд издания нового печатного органа. Газета «Звезда» подготовила создание массовой легальной большевистской газеты «Правда». — *108.*

[58] Речь идет о тезисе, выдвинутом Э. Бернштейном, наиболее открытым выразителем ревизионизма, родоначальником враждебного марксизму оппортунистического течения в международной социал-демократии — бернштейнианства, возникшего в конце XIX века в Германии.

В 1896—1898 годах Бернштейн выступил в теоретическом органе германской социал-демократии журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время») с серией статей «Проблемы социализма», в которых подверг ревизии философские, экономические и политические основы революционного марксизма. «Отрицалась возможность научно обосновать социализм и доказать, с точки зрения материалистического понимания истории, его необходимость и неизбежность; отрицался факт растущей нищеты, пролетаризации и обострения капиталистических противоречий; объявлялось несостоятельным самое понятие о *«конечной цели»* и безусловно отвергалась идея диктатуры пролетариата; отрицалась принципиальная противоположность либерализма и социализма; отрицалась *теория классовой борьбы...»* (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 7). Ревизия марксизма бернштейнианцами была направлена к тому, чтобы превратить социал-демократию из партии социальной революции в партию социальных реформ.

Левые элементы германской социал-демократии начали борьбу против Бернштейна на страницах своих газет. В защиту бернштейнианства выступило правое, оппортуни-

стическое крыло. Центральный комитет партии занимал примиренческую позицию по отношению к бернштейнианству и не давал ему отпора. В журнале «Die Neue Zeit» полемика по поводу статей Бернштейна была открыта в июле 1898 года статьей Г. В. Плеханова «Бернштейн и материализм», направленной против ревизионизма.

В 1899 году статьи Бернштейна вышли отдельной книгой под заглавием «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии».

На съездах Германской социал-демократической партии — Штутгартском (октябрь 1898), Ганноверском (октябрь 1899) и Любекском (сентябрь 1901) — бернштейнианство было осуждено, но, ввиду примиренческой позиции большинства лидеров, партия не отмежевалась от Бернштейна. Бернштейнианцы продолжали открыто пропагандировать ревизионистские идеи в журнале «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник») и в партийных организациях.

Бернштейнианство встретило поддержку оппортунистических элементов других партий II Интернационала. В России бернштейнианские теории были поддержаны «легальными марксистами» и «экономистами». Царская цензура пропустила три издания книги Бернштейна, переведенной на русский язык, а начальник московского охранного отделения Зубатов включил ее в число книг, рекомендованных для чтения рабочим.

Только революционные марксисты России, большевики во главе с Лениным, вели решительную и последовательную борьбу против бернштейнианства и его сторонников. Ленин уже в 1899 году выступил против бернштейнианцев в «Протесте российских социал-демократов» и в статье «Наша программа»; развернутой критике бернштейнианство подвергнуто в книге Ленина «Что делать?» и в его статьях «Марксизм и ревизионизм», «Разногласия в европейском рабочем движении» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176, 182—186; том 6, стр. 1—192; том 17, стр. 15—26; настоящий том, стр. 62—69). — *111.*

[59] Речь идет о тезисе «экономистов», выдвинутом в их программном документе — так называемом «Credo», написанном в 1899 году Е. Д. Кусковой.

«Экономизм» — оппортунистическое течение в российской социал-демократии конца XIX — начала XX века, одна из разновидностей международного оппортунизма. Печатными органами «экономистов» являлись газета «Рабочая Мысль» (1897—1902) и журнал «Рабочее Дело» (1899—1902).

«Экономисты» ограничивали задачи рабочего класса экономической борьбой за повышение заработной платы, улучшение условий труда и т. д., утверждая, что политическая

борьба является делом либеральной буржуазии. Они отрицали руководящую роль партии рабочего класса, считая, что партия должна лишь созерцать стихийный процесс движения, быть регистратором событий. Преклоняясь перед стихийностью рабочего движения, «экономисты» принижали значение революционной теории, сознательности, утверждали, что социалистическая идеология может возникнуть из стихийного рабочего движения; они отрицали необходимость внесения в рабочее движение социалистического сознания извне, марксистской партией, и тем самым расчищали дорогу буржуазной идеологии. «Экономисты» защищали разрозненность и кустарничество в социал-демократическом движении, выступая против необходимости создания централизованной партии рабочего класса. «Экономизм» грозил совлечь рабочий класс с классового революционного пути и превратить его в политический придаток буржуазии. Развернутой критике взглядов «экономистов» посвящены произведения Ленина: «Протест российских социал-демократов» (направлен против «Credo», написан в сибирской ссылке в 1899 году и подписан семнадцатью ссыльными марксистами), «Попятное направление в русской социал-демократии», «По поводу «Profession de foi»», «Беседа с защитниками экономизма» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 163—176, 240—273, 310—321 ; том 5, стр. 360—367). Идейный разгром «экономизма» Ленин завершил в книге «Что делать?» (см. Сочинения, 5 изд., том 6, стр. 1—192). Большую роль в борьбе с «экономизмом» сыграла ленинская «Искра». — *111.*

[60] Ленин имеет в виду взгляды немецкого буржуазного экономиста Луйо Брентано (1844—1931) — основоположника разновидности буржуазного извращения марксизма — «брентанизма». Брентано проповедовал «социальный мир» в капиталистическом обществе, возможность преодоления социальных противоречий капитализма без классовой борьбы, утверждал, будто путем организации реформистских профсоюзов и фабричного законодательства можно решить рабочий вопрос, примирить интересы рабочих и капиталистов.

В России аналогичную брентанизму теорию насаждал главный представитель «легального марксизма» П. Б. Струве, пытавшийся использовать марксизм в интересах буржуазии. Ленин указывал, что «струвизм» берет «из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии» и отбрасывает «живую душу марксизма» — его революционность. Струве во всем солидаризировался с представителями зарубежной вульгарной политической экономии, приписывал капитализму несвойственную ему цель — удовлетворение всех человеческих потребностей с наибольшей полнотой, призывал «пойти на выучку к капитализму», открыто проповедовал мальтузианство. «Великий мастер ренегатства», по определению Ленина, Струве «начал с оппортунизма, с «критики

Маркса», а докатился в несколько лет до контрреволюционного буржуазного национал-либерализма».

Одним из последователей Струве был буржуазный публицист А. С. Изгоев, которого, так же как и Струве, Ленин называл публицистическим приказчиком класса землевладельцев-помещиков и капиталистов. — *111.*

[61] Имеются в виду решения V Общероссийской конференции РСДРП, состоявшейся 21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909) (см. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1,1954, стр. 195—205). — *112.*

[62] Ленин имеет в виду брошюру Н. Череванина «Лондонский съезд РСДРП 1907 г.», в последней главе которой автор критиковал с позиций ликвидаторства решение съезда по вопросу о рабочем съезде и беспартийных рабочих организациях. — *112.*

[63] *«Освобождение»* — двухнедельный журнал, издававшийся за границей с 18 июня (1 июля) 1902 по 5 (18) октября 1905 года под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся органом русской либеральной буржуазии и последовательно проводил идеи умеренно-монархического либерализма. В 1903 году вокруг журнала сложился (и в январе 1904 года оформился) «Союз освобождения», просуществовавший до октября 1905 года. Наряду с земцами-конституционалистами «освобожденцы» составили ядро образовавшейся в октябре 1905 года конституционно-демократической партии (кадетов). — *115.*

[64] Ленин имеет в виду свою работу «Победа кадетов и задачи рабочей партии», написанную в марте и вышедшую в свет отдельной брошюрой в апреле 1906 года (см. Сочинения, 5 изд., том 12, стр. 271—352). — *116.*

[65] Ленин имеет в виду указ «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования», подготовленный Столыпиным и изданный царским правительством 9 (22) ноября 1906 года. Этот указ после прохождения его через Государственную думу и Государственный совет стал называться законом 14 июня 1910 года. 15 (28) ноября 1906 года был издан также указ «О выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель». По этим указам крестьянам было предоставлено право закрепления их наделов в личную собственность и право выхода из общины на отруба и хутора. Хуторяне или отрубники могли получать на приобретение земли субсидии через Крестьянский банк. Целью столыпинских аграрных законов было создание в лице кулачества новой социальной опоры царского самодержавия в деревне, при сохранении помещичьей собственности на землю и насильственном разрушении общины.

Столыпинская аграрная политика ускорила капиталистическую эволюцию сельского хозяйства наиболее мучительным, «прусским» путем, при сохранении власти, собственности и привилегий крепостников-помещиков, усилила насильственную экспроприацию основных масс крестьянства, ускорила развитие крестьянской буржуазии, которая получила возможность скупать за бесценок наделы бедняков.

Ленин называл етолыпинское аграрное законодательство 1906 года (и изданный 14 (27) июня 1910 года закон) вторым, после реформы 1861 года, шагом по пути превращения крепостнического самодержавия в буржуазную монархию. ««Отсрочка» старому порядку и старому крепостническому земледелию, данная Столыпиным, — писал Ленин, — состоит в том, что открыт еще один и притом *последний* клапан, который можно было открыть, не экспроприируя всего помещичьего землевладения» (Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 226). Несмотря на то, что правительство усиленно пропагандировало выделение крестьян из общин, в Европейской России за 9 лет (с 1907 по 1915) в общем вышло из общин только около $2^1/_2$ миллионов крестьянских дворов. Право выделения из общины использовала прежде всего сельская буржуазия, получившая возможность таким образом укрепить свое хозяйство. Выходила из общины и часть бедняков с тем, чтобы продать свой надел и окончательно порвать с деревней. Придавленное нуждой мелкое крестьянское хозяйство оставалось по-прежнему нищенским и отсталым.

Столыпинская аграрная политика, не уничтожив основного противоречия между всем крестьянством и помещиками, привела к дальнейшему разорению масс крестьянства, к обострению классовых противоречий между кулачеством и деревенской беднотой. — *118.*

[66] *Платформа 104-х* — аграрный законопроект за подписью 104-х членов I Государственной думы; внесен трудовиками 23 мая (5 июня) 1906 года на 13-м заседании Думы. Законопроект ставил целью земельного законодательства «стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами принадлежала бы всему народу, причем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отдаваться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом» («Государственная дума в России в документах и материалах». М., 1957, стр. 172). Для этого выдвигалось требование создания «общенародного земельного фонда», в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и прочие частновладельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышали уста-

новленную для данной местности трудовую норму. За отчуждаемые частновладельческие земли предусматривалось некоторое вознаграждение. Надельные и мелкие частновладельческие земли должны были на время сохраняться за их владельцами; в то же время законопроект предусматривал в дальнейшем постепенный переход и этих земель в общенародную собственность. Аграрную реформу должны были проводить местные комитеты, избранные путем всеобщего голосования. Эти требования выражали интересы зажиточных крестьян, боявшихся немедленной и полной отмены частной собственности на землю и допускавших выкуп отчуждаемых земель. В. И. Ленин отмечал, что «проект 104-х» «проникнут *боязнью* мелкого собственника произвести слишком крутой переворот, втянуть в движение слишком большие и слишком бедные массы народа» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 287). Несмотря на непоследовательность и утопичность, «проект 104-х», как указывал Ленин, являлся платформой борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное фермерство. — *119.*

[67] *«Русская Мысль»* — ежемесячный литературно-политический журнал; выходил в Москве с 1880 по 1918 год; до 1905 года — либерально-народнического направления (до 1885 года — редактор В. М. Лавров). В 90-х годах, во время борьбы марксистов с либеральными народниками, иногда печатал на своих страницах статьи марксистов. В это время в «Русской Мысли» печатались прогрессивные писатели — А. М. Горький, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский, А. П. Чехов и др. После революции 1905 года — орган правого крыла кадетской партии, выходил под редакцией П. Б. Струве. Выступал с проповедью национализма, «веховства», поповщины, с защитой помещичьей собственности. — *124.*

[68] Ленин цитирует лирическую комедию Н. А. Некрасова «Медвежья охота». — *124.*

[69] Ленин приводит слова Базарова из произведения И. С. Тургенева «Отцы и дети». — *124.*

[70] *Макиавеллистический план* — план в духе политики Макиавелли (итальянского политического деятеля конца XV — начала XVI века), который в борьбе за достижение поставленной цели не пренебрегал никакими средствами, в том числе вероломством, предательством, обманом, убийством и т. п. — *125.*

[71] Ленин имеет в виду книгу Ф. Энгельса «Анти-Дюринг» (см. Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом», 1957). — *126.*

[72] Ленин имеет в виду книгу Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», вышедшую в 1895 году под псевдонимом «Н. Бельтов». — *126.*

[73] *«Общественное движение в России в начале XX-го века»* — меньшевистский пятитомник (вышло четыре тома) под редакцией Л. Мартова, П. П. Маслова, А. Н. Потресова. Г. В. Плеханов, входивший в первоначальный состав редакции, вышел из нее осенью 1908 года, не согласившись на включение в первый том этого издания ликвидаторской статьи Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху». — *130.*

[74] *Совет объединенного дворянства* — контрреволюционная организация крепостников-помещиков, оформившаяся в мае 1906 года на первом съезде уполномоченных губернских дворянских обществ и существовавшая до октября 1917 года. Основной целью организации была защита самодержавного строя, крупного помещичьего землевладения и дворянских привилегий. Во главе Совета объединенного дворянства стояли граф А. А. Бобринский, князь Н. Ф. Касаткин-Ростовский, граф Д. А. Олсуфьев, В. М. Пуришкевич и др. Ленин называл Совет объединенного дворянства «советом объединенных крепостников». Совет объединенного дворянства фактически превратился в полуправительственный орган, диктовавший правительству законодательные мероприятия, направленные к защите интересов крепостников. Значительное число членов Совета объединенного дворянства входило в Государственный совет и руководящие центры черносотенных организаций. — *137.*

[75] «Колупаевский» капитализм — этот термин Ленин производит от фамилии кулака Колупаеаа, выведенного М. Е. Салтыковым-Щедриным в произведении «Убежище Монрепо».

Характеристику «колупаевского» капитализма Ленин дает в работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» (см. Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 404). — *138.*

[76] Имеется в виду война между Россией и коалицией Англии, Франции, Турции и Сардинии в 1853—1856 годах. — *140.*

[77] Ленин имеет в виду заявление 66 представителей московского торгово-промышленного капитала, напечатанное в газете «Русские Ведомости» № 33, 11 (24) февраля 1911 года. Признавая необходимой борьбу со студенческими забастовками, авторы заявления в то же время считали, что меры, применяемые правительством по отношению к участникам студенческих волнений, ставят под угрозу само существование высшей школы, и осуждали действия правительства. — *147.*

[78] *«Земщина»* — ежедневная черносотенная газета, выходившая в Петербурге с июня 1909 по февраль 1917 года. — *151.*

[79] Далее следуют подписи Ленина, Каменева и Зиновьева. — *160.*

[80] *«Вестник Европы»* — ежемесячный историко-политический и литературный журнал буржуазно-либерального направления; выходил в Петербурге с 1866 по 1918 год. В журнале печатались статьи против революционных марксистов. Редактором-издателем журнала до 1908 года был М. М. Стасюлевич. — *171.*

[81] Ленин приводит слова Волгина — одного из героев романа Н. Г. Чернышевского «Пролог». — *175.*

[82] Имеется в виду резолюция «О современном моменте и задачах партии», принятая V Общероссийской конференцией РСДРП (21—27 декабря 1908 года (3—9 января 1909)). — *180.*

[83] Имеется *в* виду член Русского бюро ЦК РСДРП В. П. Ногин. — *182.*

[84] *«Заря»* — марксистский научно-политический журнал; издавался легально в 1901—1902 годах в Штутгарте редакцией «Искры». Всего вышло четыре номера (три книги) «Зари»: № 1 — в апреле 1901 года (фактически вышел 10 (23) марта), № 2—3 — в декабре 1901 года, № 4 — в августе 1902 года. Задачи журнала были определены в «Проекте заявления редакции «Искры» и «Зари»», написанном В. И. Лениным в России (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 322—333). В 1902 году во время возникших внутри редакции «Искры» и «Зари» разногласий и конфликтов Плеханов выдвинул проект отделения журнала от газеты (с тем, чтобы оставить за собой редактирование «Зари»), но это предложение не было принято, и редакция этих органов оставалась все время общей.

Журнал «Заря» выступал с критикой международного и русского ревизионизма, в защиту теоретических основ марксизма. В «Заре» были напечатаны работы Ленина: «Случайные заметки», «Гонители земства и Аннибалы либерализма», «Гг. «критики» в аграрном вопросе» (первые четыре главы работы «Аграрный вопрос и «критики Маркса»»), «Внутреннее обозрение», «Аграрная программа русской социал-демократии», а также работы Г. В. Плеханова «Критика наших критиков. Ч. I. Г-н П. Струве в роли критика марксовой теории социального развития», «Cant против Канта или духовное завещание г. Бернштейна» и др. — *183.*

[85] Речь идет о И. Ф. Дубровинском. В беседе с Д. Ф. Сверчковым он заявил, что ни один цекист-большевик ни одного ликвидатора не допустит в члены ЦК при голосовании

вопроса о кооптации (см. настоящий том, стр. 260). В то время, когда Ленин писал данную статью, Дубровинский находился в ссылке. — *184.*

86 Имеется в виду *«Мысль»* — большевистский легальный ежемесячный философский и общественно-экономический журнал; издавался в Москве с декабря 1910 по апрель 1911 года; всего вышло 5 номеров. Первый номер журнала был издан тиражом 3 тысячи экземпляров. Журнал был создан по инициативе В. И. Ленина для усиления борьбы с ликвидаторскими легальными органами и воспитания передовых рабочих и интеллигентов в духе марксизма. Ленин руководил журналом из-за границы, регулярно переписывался с редакцией. Получив первый номер «Мысли», Ленин писал А. М. Горькому 21 декабря 1910 года (3 января 1911): «Поздравьте — *наш* журнальчик в Москве, марксистский. То-то радости сегодня у нас было» (Сочинения, 4 изд., том 34, стр. 383). В первых четырех номерах «Мысли» были напечатаны статьи В. И. Ленина «О статистике стачек в России», «Герои «оговорочки»», «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)», «По поводу юбилея», «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» и «Полемические заметки» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 377—406, и настоящий том, стр. 90—95, 114—133, 161—170, 186—207, 208—211). Ближайшее участие в журнале принимали В. В. Воровский, М. С. Ольминский и И. И. Скворцов-Степанов. В нем сотрудничали также меньшевики-партийцы — Г. В. Плеханов, Ш. Раппопорт и другие. Последний, 5-й, номер «Мысли» был конфискован и журнал был закрыт. Вскоре в Петербурге стал выходить журнал «Просвещение», явившийся фактически продолжением «Мысли». — *187.*

87 Ленин имеет в виду I Всероссийский съезд по борьбе с пьянством, состоявшийся в Петербурге 28 декабря 1909 года — 6 января 1910 года (10—19 января 1910) и I Всероссийский съезд фабрично-заводских врачей и представителей фабрично-заводской промышленности, происходивший в Москве 1—6 (14—19) апреля 1909 года. — *189.*

88 Ленин приводит слова меньшевика-ликвидатора Дана из выступления на V конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.) по вопросу «О современном моменте и задачах партии». — *191.*

89 *«Буренинская или меньшиковская ловкость»* — недобросовестный метод полемики, свойственный Буренину и Меньшикову, сотрудникам черносотенно-монархической газеты «Новое Время». — *194.*

[90] *Виттевские реформы* — реформы в области финансов, таможенной политики, железнодорожного строительства, фабричного законодательства, которые проводил С. Ю. Витте в 1892—1906 годах, будучи министром путей сообщения, а затем министром финансов и председателем Совета министров.

Реформы 60-х годов — имеются в виду буржуазные реформы, проведенные в 60—70-х годах XIX века царским правительством. Важнейшими из них были: финансовые реформы (1860—1864); отмена телесных наказаний (1863); реформы в области народного образования (1862—1864); земская реформа (1864); судебная реформа (1864); реформа в области печати и цензуры (1865); городская реформа (1870); военная реформа (1874). — *197.*

[91] *Бланкисты* — сторонники течения во французском социалистическом движении, возглавлявшегося выдающимся революционером, видным представителем французского утопического коммунизма — Луи Огюстом Бланки (1805— 1881). Бланкисты ожидали «избавления человечества от наемного рабства не путем классовой борьбы пролетариата, а путем заговора небольшого интеллигентного меньшинства» (В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 13, стр. 76). Подменяя деятельность революционной партии выступлениями тайной кучки заговорщиков, они не учитывали конкретной обстановки, необходимой для победы восстания, и пренебрегали связью с массами. — *201.*

[92] *Эрфуртская profession de foi* — программа Германской социал-демократической партии, принятая в октябре 1891 года на съезде в Эрфурте. Эрфуртская программа была шагом вперед по сравнению с Готской программой (1875); в основу программы было положено учение марксизма о неизбежности гибели капиталистического способа производства и замены его социалистическим; в ней подчеркивалась необходимость для рабочего класса вести политическую борьбу, указывалось на роль партии как руководителя этой борьбы и т. п.; но и в Эрфуртской программе содержались серьезные уступки оппортунизму. Развернутую критику проекта Эрфуртской программы дал Ф. Энгельс в работе «К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. II, 1936, стр. 101—116); это была, по существу, критика оппортунизма всего II Интернационала, для партий которого Эрфуртская программа была своего рода образцом. Однако руководство германской социал-демократии скрыло от партийных масс критику Энгельса, а его важнейшие замечания не были учтены при выработке окончательного текста программы. В. И. Ленин и Г. В. Плеханов считали, что главным

недостатком, трусливой уступкой оппортунизму является умолчание Эрфуртской программы о диктатуре пролетариата. — *204.*

[93] Имеются в виду решения V (Общероссийской 1908 г.) конференции РСДРП, в которых объявлялась борьба с ликвидаторством. — *205.*

[94] *Энесы* («народные социалисты») — члены мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии, выделившейся из правого крыла партии социалистов-революционеров (эсеров) в 1906 году. Энесы выступали за блок с кадетами. Ленин называл их «социал-кадетами», «мещанскими оппортунистами», «эсеровскими меньшевиками», колеблющимися между кадетами и эсерами, подчеркивая, что эта партия «очень мало отличается от кадетов, ибо устраняет из программы и республику и требование всей земли» (Сочинения, 5 изд., том 14, стр. 24). Во главе партии стояли А. В. Пешехонов, Н. Ф. Анненский, В. А. Мякотин и др. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года партия «народных социалистов» слилась с трудовиками, активно поддерживала деятельность буржуазного Временного правительства, послав в его состав своих представителей. После Октябрьской социалистической революции энесы участвовали в контрреволюционных заговорах и вооруженных выступлениях против Советской власти. Партия прекратила свое существование в период иностранной военной интервенции и гражданской войны. — *206.*

[95] *«Русское Богатство»* — ежемесячный журнал, выходивший с 1876 по 1918 год в Петербурге. С начала 90-х годов перешел в руки либеральных народников во главе с Н. К. Михайловским; главный народнический орган, открывший в 1893 году поход против российских социал-демократов. Искажая и фальсифицируя марксизм, «Русское Богатство» опиралось на западноевропейских ревизионистов. Вокруг «Русского Богатства» группировались публицисты, впоследствии ставшие видными членами партий эсеров, «народных социалистов» и трудовых групп в Государственных думах. В литературном отделе журнала печатались прогрессивные писатели — В. В. Вересаев, В. М. Гаршин, А. М. Горький, В. Г. Короленко, А. И. Куприн, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Г. И. Успенский и др.

С 1906 года «Русское Богатство» становится органом полукадетской партии энесов («народных социалистов»). «Русское Богатство» несколько раз меняло название («Современные Записки», «Современность», «Русские Записки»; с апреля 1917 года снова — «Русское Богатство»). — *210.*

[96] Ленин имеет в виду события в III Думе, развернувшиеся в марте 1911 года в связи с тем, что Государственный со-

вет отклонил законопроект о введении земства в западных губерниях, внесенный председателем Совета министров П. А. Столыпиным. В ответ на это Столыпин подал в отставку, но отставка была отклонена Николаем II. Столыпин добился роспуска на три дня (с 12 (25) по 14 (27) марта) Государственной думы и Государственного совета и провел закон о земстве в западных губерниях в порядке 87-й статьи, предоставлявшей правительству право издавать законы помимо законодательных органов во время прекращения их занятий, «если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость в такой мере». 14 (27) марта 1911 года Закон о распространении положения о земских учреждениях на западные губернии был подписан Николаем II и опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений правительства».

Применение 87-й статьи в целях обхода законодательных учреждений вызвало демонстративный уход с поста председателя Государственной думы А. И. Гучкова. Председателем Думы был избран правый октябрист М. В. Родзянко. — *212.*

[97] Речь идет о *I Интернационале* (Международном Товариществе Рабочих) — первой международной массовой организации пролетариата, основанной 28 сентября 1864 года на международном рабочем собрании в Лондоне, созванном английскими и французскими рабочими. Создание I Интернационала — результат упорной многолетней борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса за революционную партию рабочего класса. К. Маркс был организатором и руководителем I Интернационала, автором его «Учредительного манифеста», Устава и других программных и тактических документов. Как отмечал В. И. Ленин, I Интернационал «заложил фундамент международной организации рабочих для подготовки их революционного натиска на капитал», «заложил фундамент пролетарской, международной борьбы за социализм» (Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 280, 281).

Центральным руководящим органом I Интернационала был Генеральный Совет Международного Товарищества Рабочих, бессменным членом которого являлся К. Маркс. Преодолевая мелкобуржуазные влияния и сектантские тенденции, преобладавшие тогда в рабочем движении (тред-юнионизм в Англии, прудонизм и анархизм в романских странах, лассальянство в Германии), Маркс сплачивал вокруг принципов научного социализма передовых рабочих Европы и Америки. I Интернационал руководил экономической и политической борьбой рабочих различных стран и укреплял их международную солидарность. Огромна роль I Интернационала в деле распространения марксизма, в соединении социализма с рабочим движением.

После поражения Парижской Коммуны перед рабочим классом встала задача создания массовых национальных партий на основе принципов, выдвинутых I Интернационалом. «Принимая во внимание положение дел в Европе, — писал в 1873 году К. Маркс, — я считаю безусловно полезным временно отодвинуть на задний план формальную организацию Интернационала» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 288). В 1876 году на Филадельфийской конференции I Интернационал был официально распущен. — *218.*

[98] *Английская социал-демократическая партия* — первоначально называлась Социал-демократическая федерация Англии (основана в 1884 году). Наряду с реформистами (Гайндман и др.) в Социал-демократическую федерацию входила группа революционных социал-демократов, стоявших на позициях марксизма (Г. Квелч, Т. Манн, Э. Эвелинг, Элеонора Маркс и др.), которые составляли левое крыло социалистического движения Англии. Ф. Энгельс критиковал руководство Социал-демократической федерации за догматизм и сектантство, за оторванность от массового рабочего движения Англии и игнорирование его особенностей. В 1907 году Социал-демократическая федерация была названа Социал-демократической партией; последняя в 1911 году совместно с левыми элементами Независимой рабочей партии образовала Британскую социалистическую партию; в 1920 году эта партия вместе с Группой коммунистического единства сыграла главную роль в образовании Коммунистической партии Великобритании.

Независимая рабочая партия Англии (Independent Labour Party) — реформистская организация, основанная руководителями «новых тред-юнионов» в 1893 году в условиях оживления стачечной борьбы и усиления движения за независимость рабочего класса Англии от буржуазных партий. В НРП вошли члены «новых тред-юнионов» и ряда старых профсоюзов, представители интеллигенции и мелкой буржуазии, находившиеся под влиянием фабианцев. Во главе партии стоял Кейр Гарди. Своей программой партия выдвинула борьбу за коллективное владение всеми средствами производства, распределения и обмена, введение восьмичасового рабочего дня, запрещение детского труда, введение социального страхования и пособий по безработице.

НРП с самого начала своего возникновения заняла буржуазно-реформистские позиции, уделяя основное внимание парламентской форме борьбы и парламентским сделкам с либеральной партией. Характеризуя Независимую рабочую партию, Ленин писал, что «на деле это всегда зависевшая от буржуазии оппортунистическая партия», что она ««независима» только от социализма, а от либерализма очень

зависима» (Сочинения, 4 изд., том 29, стр. 456; том 18, стр. 331). — *228.*

[99] *«Justice»* («Справедливость») — еженедельная газета, издававшаяся в Лондоне с января 1884 до начала 1925 года; орган Социал-демократической федерации, с 1911 года — орган Британской социалистической партии. С февраля 1925 по декабрь 1933 года выходила под названием «Social-Demokrat» («Социал-Демократ»). — *229.*

[100] См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, 1940, стр. 320—321; т. XXIX, 1946, стр. 210, 306; К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 476. — *231.*

[101] *«Labour Leader»* («Рабочий Вождь») — еженедельная газета, издается с 1891 года; с 1893 года — орган Независимой рабочей партии Англии. С 1922 года газета выходила под названием «New Leader» («Новый Вождь»); с 1946 года — под названием «Socialist Leader» («Социалистический Вождь»). — *231.*

[102] *«Daily Mail»* («Ежедневная Почта») — английская ежедневная газета, основана в 1896 году, издается в Лондоне большим тиражом; выражает настроения крайне правого крыла империалистической буржуазии Великобритании. — *231.*

[103] Статья *«Разговор легалиста с противником ликвидаторства»* написана В. И. Лениным в связи со статьей Н. А. Рожкова «Необходимый почин», присланной в редакцию «Социал-Демократа». В этой статье Рожков развивал свой ликвидаторский проект создания легальной рабочей партии в условиях столыпинского режима. Ленин сделал попытку убедить Рожкова в неправильности его взглядов. «... Горячо прошу отложить, отказаться, обдумать, списаться», — писал он Рожкову 23 февраля (8 марта) 1911 года (Ленинский сборник XXV, стр. 66). Когда выяснилось, что Рожков настаивает на публикации статьи, Ленин выступил в Приложении к «Социал-Демократу» — «Дискуссионном листке» № 3 от 29 апреля (12 мая) со статьей «Разговор легалиста с противником ликвидаторства». — *234.*

[104] После поражения революции 1848—1849 годов, основной задачей которой было воссоединение Германии в единую демократическую республику, реакционное прусское юнкерство во главе с Бисмарком проводило политику объединения Германии «кровью и железом». Его целью было создание единого монархического государства с прусским королем в качестве монарха. При осуществлении этой «революции сверху» прусское юнкерство опиралось на поддержку крупной немецкой буржуазии. — *243.*

[105] *Совещание членов ЦК РСДРП, находящихся за границей,* состоялось 28 мая — 4 июня (10—17 июня) 1911 года в Париже. Совещание было подготовлено и созвано под руководством В. И. Ленина помимо Заграничного бюро ЦК, так как его ликвидаторское большинство систематически срывало созыв пленума ЦК. Подготовка к совещанию началась в апреле 1911 года. Совещание должно было принять меры к созыву пленума ЦК, к ликвидации тяжелого кризиса, в котором находилась партия, оказавшаяся фактически без руководящих центральных учреждений. В первой половине мая 1911 года большевики через своего представителя в ЗБЦК Н. А. Семашко поставили еще раз перед ЗБЦК вопрос о необходимости немедленного созыва пленума ЦК за границей. Несмотря на то, что в уставе ЦК, принятом Январским пленумом ЦК 1910 года, был пункт, прямо обязывающий в случае провала более половины членов Русского бюро созвать пленум ЦК, ЗБЦК снова отклонило предложение большевиков. 14 (27) мая 1911 года Семашко вышел из состава ЗБЦК. В этот же день от имени большевиков и польских социал-демократов — членов и кандидатов ЦК — цекистам, находящимся за границей, было направлено приглашение принять участие в совещании.

Совещание открылось 28 мая (10 июня) 1911 года. На нем присутствовали большевики, представители польской и латышской социал-демократии, один голосовец и один бундовец. Представитель латышской социал-демократии М. В. Озолин заявил, что он согласно постановлению своего ЦК примет участие в совещании с совещательным голосом. Бундовец М. И. Либер заявил, что он не имеет полномочий от ЦК Бунда представлять его на совещании.

На первом же заседании завязалась острая борьба по вопросу о конституировании совещания. В своем выступлении Ленин предложил признать, что совещание в связи с создавшимся в партии положением имеет право не только вынести пожелания по тем или иным вопросам, но и принять обязательные для партии решения. Голосовец Б. И. Горев (Гольдман) и бундовец Либер пытались доказать неправомочность совещания принимать какие-либо практические меры по созыву пленума ЦК и подготовке общепартийной конференции. После того как совещание приняло резолюцию о конституировании, согласно которой совещание ставило в порядок дня вопрос о воссоздании ЦК, Горев ушел с совещания, обвинив его участников в «захвате власти».

Совещание обсудило вопрос о созыве пленума ЦК. При обсуждении вопроса о персональном составе имеющих право участвовать в пленуме Ленин заявил, что меньшевики И. А. Исув (Михаил), К. М. Ермолаев (Роман) и П. А. Бронштейн (Юрий), как организаторы столыпинской «рабочей» партии, не имеют права участвовать в пленуме, а бундовец

Либер, выступивший в их защиту, тем самым является их помощником. В знак протеста против заявления Ленина Либер покинул совещание. Состав совещания Ленин характеризовал как «блок трех групп, большевиков, поляков и «примиренцев»» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 309).

Совещание приняло решение созвать в самый ближайший срок пленум ЦК за границей и выделило для этой цели комиссию.

В связи с предстоящими выборами в IV Государственную думу совещание наметило меры для разработки тактики партии в избирательной кампании и выработки проекта избирательной платформы.

Основным в повестке дня совещания был вопрос о созыве партийной конференции. В решении, принятом по этому вопросу, было указано, что приближение выборов в IV Думу и оживление в рабочем движении, а также внутрипартийное положение делают созыв конференции неотложным. В связи с невозможностью немедленно созвать пленум ЦК совещание взяло на себя инициативу созыва конференции и создало Организационную комиссию по подготовке конференции. Совещание приняло предложение Ленина о создании русской коллегии для проведения практической работы по подготовке конференции (см. настоящий том, стр. 272). Решение совещания предусматривало приглашение для совместной работы в ОК заграничных партийных организаций. Ленин, голосовавший за резолюцию в целом, вместе с тем внес заявление-протест против приглашения в Организационную комиссию представителей антипартийных групп — голосовцев и впередовцев (см. настоящий том, стр. 273).

Совещание осудило антипартийную, фракционную политику Заграничного бюро ЦК и постановило передать вопрос о его существовании на решение пленума ЦК. При голосовании последней части резолюции Ленин воздержался, так как он настаивал на немедленной реорганизации ЗБЦК. Для технических функций (обслуживание партийного издательства, организация транспорта и т. д.) совещание создало Техническую комиссию, подчиненную группе членов и кандидатов ЦК — участников совещания.

В особом листке, выпущенном после совещания под заголовком «Извещение», были изложены обстоятельства созыва совещания, его состав и цели. В этом же листке были напечатаны резолюции совещания.

Июньское совещание членов ЦК 1911 года явилось важным шагом в собирании партийных сил, в их объединении для борьбы против ликвидаторов-голосовцев, впередовцев и троцкистов, за укрепление партии. Решения совещания способствовали сплочению и укреплению местных партийных организаций. Для подготовки общепартийной конференции

в Россию Лениным были направлены опытные партийные работники — большевики Г. К. Орджоникидзе (Серго), Б. А. Бреслав (Захар), И. И. Шварц (Семен). Решения совещания к сентябрю 1911 года были одобрены Киевским, Екатеринославским, Бакинским и Ростовским комитетами и Тифлисским выборным руководящим кружком РСДРП, собранием представителей групп городского района петербургской организации РСДРП, социал-демократическими организациями ряда городов Урала и др. В сентябре 1911 года сконструировалась Российская организационная комиссия (РОК), в которую вошли представители ряда социал-демократических организаций. Российская организационная комиссия подготовила созыв в январе 1912 года VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. — *251.*

[106] Имеются в виду попытки И. Ф. Дубровинского (Инока) и В. П. Ногина (Макара) наладить работу Русского бюро ЦК, которые закончились провалом всех большевиков — членов и кандидатов ЦК, работавших в России.

О разоблачениях Ольгина (меньшевика-партийца В. Г. Фомина) см. настоящий том, стр. 159. — *254.*

[107] Документ печатается по копии, сделанной рукой Ф. Э. Дзержинского. Подлинник доклада, написанный В. И. Лениным, не найден.

В протоколах июньского совещания членов ЦК нет указаний на то, что доклад был сделан Лениным на совещании. По-видимому, он был представлен участникам совещания до его открытия. — *262.*

[108] В уставе Центрального Комитета, принятом Январским пленумом ЦК РСДРП 1910 года, говорилось: «В пленум (из 15 членов) привлекаются: 1) члены действующей в России коллегии; 2) члены Заграничного бюро ЦК, за исключением тех его членов, которые не состоят членами ЦК; 3) если то и другие не дают числа 15, то привлекаются к работам пленума и остальные кандидаты в следующем порядке: а) кандидаты Лондонского съезда, выполняющие какую-либо партийную работу в России; б) члены ЦК и их кандидаты, живущие за границей и занятые на работе, порученной им Центральным Комитетом» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 239). — *263.*

[109] «*Дискуссионный Листок*» — приложение к Центральному Органу РСДРП «Социал-Демократ»; выходил по постановлению Январского пленума ЦК РСДРП с 6 (19) марта 1910 по 29 апреля (12 мая) 1911 года в Париже. Вышло три номера

В состав редакции входили представители от большевиков, меньшевиков, ультиматистов, бундовцев, плехановцев, польской социал-демократии и Социал-демократии Латышского края. В «Дискуссионном Листке» были опубликованы статьи В. И. Ленина «Заметки публициста», «Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России», «Разговор легалиста с противником ликвидаторства» (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 239—304, 358—376; настоящий том, стр. 234— 244). — *264.*

[110] Выступление связано со следующими обстоятельствами: меньшевик-голосовец Б. И. Горев (Гольдман) выступил на совещании с возражением против присутствия на нем представителей национальных организаций — М. И. Либера от Бунда и М. В. Озолина от Социал-демократии Латышского края — без полномочий со стороны соответствующих центральных комитетов. Либер заявил, что представители национальных организаций не успели снестись со своими центрами и что, хотя он и присутствует на совещании, но Бунда не представляет. — *267.*

[111] Ленин имеет в виду выступления Горева (Гольдмана) и Либера, утверждавших, что в России есть члены Русского бюро, с которыми необходимо снестись, прежде чем созывать пленум ЦК за границей. — *267.*

[112] В заявлении бундовца Ионова (Ф. М. Койгена) говорилось, что он, не имея полномочий от ЦК Бунда, не может явиться на совещание и что при первой возможности он перешлет полученное им приглашение на совещание Центральному Комитету Бунда. — *267.*

[113] Ленин имеет в виду выступление Либера (Бера), в котором он заявил, что нет необходимости решать вопрос о пленуме ЦК путем экстренного созыва совещания членов ЦК, а надо искать «легального выхода» через ЗБЦК. — *268.*

[114] Выступление вызвано заявлением Либера о том, что большинство ЗБЦК высказывается за созыв пленума и готово принять официальное постановление по этому вопросу. — *270.*

[115] Имеется в виду предложение ликвидаторского большинства ЗБЦК созвать пленум ЦК в России. — *270.*

[116] Настоящее выступление, как и следующее, связано с обсуждением вопроса о персональном составе лиц, имеющих право участвовать в пленуме ЦК. — *270.*

[117] *Организационная комиссия* (Заграничная организационная комиссия, ЗОК) по созыву общепартийной конференции

была создана июньским совещанием членов ЦК 1 (14) июня 1911 года из представителей большевиков, примиренцев и польских социал-демократов. Другие заграничные организации и группы, приглашенные участвовать в комиссии, своих представителей не прислали. Организационная комиссия направила в Россию в качестве своего уполномоченного Г. К. Орджоникидзе для работы по подготовке общепартийной конференции и выпустила обращение «Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам» с призывом приступить к выборам в Российскую организационную комиссию (РОК). Однако большинство в ЗОК с момента ее организации получили примиренцы и поддерживавшие их представители польской социал-демократии. Примиренческое большинство повело беспринципную линию на продолжение переговоров с впередовцами и Троцким, отказавшимися послать представителей в ЗОК. В своих печатных изданиях примиренцы выступали с обвинением большевиков во фракционности. Используя свое преобладание в ЗОК, они задерживали пересылку партийных денег в Россию и тормозили подготовку конференции. Ленин впоследствии так характеризовал сложившееся положение: «Вопрос встал так: и деньги и посылка агентов в руках Тышки и Марка (вожак парижских примиренцев); большевикам обеспечено лишь то, что и их соглашаются отправлять на работу. Разногласия, порожденные пленумом, свелись к последнему пункту, которого обойти было невозможно: работать ли вовсю, никого не «дожидаясь», никого не «приглашая» ... или продолжать торги и переторжки с Троцким, «Впередом» и т. п. Большевики выбрали первый путь, о чем и заявили прямо и ясно уже на совещании цекистов в Париже. Тышко с $К^0$ выбрал (и навязал и Технической комиссии и Заграничной организационной комиссии) второй путь, объективно сводившийся ... к пустому и жалкому интриганству» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 309—310).

В результате работы, развернутой большевиками, была создана Российская организационная комиссия. В конце октября в Заграничной организационной комиссии обсуждались принятые РОК «Извещение» о ее конституировании и резолюции, согласно которым она брала на себя полностью все полномочия по созыву конференции, а Организационная и Техническая комиссии должны быть подчинены РОК. После того как примиренческое большинство ЗОК отказалось подчиниться этим решениям, представители большевиков ушли из ЗОК. 30 октября (12 ноября) на заседании Заграничной организационной комиссии с докладом о деятельности Российской организационной комиссии выступил приехавший в Париж Орджоникидзе, после чего ЗОК была вынуждена признать руководящую роль РОК. Однако вскоре Заграничная организационная комиссия встала на путь открытой борьбы с РОК. 20 ноября (3 декабря) она выпустила

листовку «Открытое письмо в Российскую организационную комиссию», в которой обвиняла РОК во фракционности. Антипартийные действия ЗОК были разоблачены Орджоникидзе в «Письме в редакцию», напечатанном 8 (21) декабря 1911 года в № 25 газеты «Социал-Демократ». Вся работа по созыву общепартийной конференции, которая состоялась в январе 1912 года, была проведена Российской организационной комиссией, сплотившей вокруг себя нелегальные партийные организации в России. — *272*.

118 Кроме подписи В. И. Ленина под заявлением имеется подпись Г. Е. Зиновьева. — *273*.

119 Речь идет о резолюции июньского совещания членов ЦК «О созыве партийной конференции». — *273*.

120 *Булыгинская дума* — совещательная Государственная дума, проект закона о созыве которой был составлен по поручению царя министром внутренних дел А. Г. Булыгиным. 6 (19) августа 1905 года были опубликованы царский манифест, закон об учреждении Государственной думы и положение о выборах в нее. Избирательные права для выборов в Думу были предоставлены только помещикам, капиталистам и небольшому количеству крестьян-домохозяев. Из установленных законом 412 депутатских мест крестьянам предоставлялось всего 51 место. Большинство населения — рабочие, крестьяне-бедняки, батраки, демократическая интеллигенция были лишены избирательных прав; от участия в выборах устранялись женщины, военнослужащие, учащиеся, лица, не достигшие двадцатипятилетнего возраста, и ряд угнетенных национальностей царской России. Государственная дума не имела права принимать никаких законов, а могла лишь обсуждать некоторые вопросы в качестве совещательного органа при царе. Характеризуя булыгинскую Думу, Ленин писал, что она представляет собой «самое наглое издевательство над «народным представительством»» (Сочинения, 5 изд., том 11, стр. 182).

Большевики призвали рабочих и крестьян к активному бойкоту булыгинской Думы, сосредоточив всю агитационную кампанию вокруг лозунгов: вооруженное восстание, революционная армия, временное революционное правительство. Меньшевики считали возможным принять участие в выборах в Думу и выступали за сотрудничество с либеральной буржуазией.

Кампания бойкота булыгинской Думы была использована большевиками для мобилизации всех революционных сил, для проведения массовых политических стачек и подготовки вооруженного восстания. Выборы в булыгинскую Думу не производились, и правительству не удалось созвать ее; нарастающий подъем революции и Всероссийская октябрьская

политическая стачка 1905 года смели Думу. По вопросу о булыгинской Думе см. статьи В. И. Ленина «Конституционный базар», «Бойкот булыгинской Думы и восстание», ««Единение царя с народом и народа с царем»», «В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства?» и др. (Сочинения, 5 изд., том 10, стр. 67—71; том 11, стр. 166—174, 179—188, 196—208). — *276.*

[121] Речь идет об арестах 13 (26) апреля 1911 года, накануне открытия II Всероссийского съезда фабрично-заводских врачей и представителей фабричной промышленности, среди рабочих делегатов, прибывших на съезд. — *279.*

[122] *II Парижская группа содействия РСДРП* образовалась 5 (18) ноября 1908 года. Она выделилась из общей с меньшевиками Парижской группы; объединяла большевиков, в том числе членов Большевистского центра.

В 1911 году во II Парижскую группу входили: большевики В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Н. А. Семашко, М. Ф. Владимирский, И. Ф. Арманд, Л. Н. Сталь, С. И. Гопнер, В. К. Таратута, Н. В. Кузнецов, А. С. Шаповалов и др.; примиренцы А. И. Любимов, М. К. Владимиров и другие, а также некоторые впередовцы. Всего группа насчитывала свыше 40 человек. Она была связана с партийными организациями в России, помогала им в работе, вела борьбу с ликвидаторами и троцкистами, проводила работу среди русских рабочих-эмигрантов.

Собрание II Парижской группы содействия РСДРП, на котором обсуждался вопрос о положении дел в партии, состоялось 18 июня (1 июля) под председательством М. Ф. Владимирского. Большинством в 27 голосов группа приняла резолюцию, написанную Лениным (см. настоящий том, стр. 286—293). За примиренческую резолюцию, предложенную меньшинством группы, было подано 10 голосов. Примиренческие выступления Любимова и Владимирова на собрании Ленин назвал «худшим повторением худших речей «экономистов»» (Ленинский сборник XXV, стр. 95). — *285.*

[123] Речь идет о легальной большевистской газете «Звезда». — *289.*

[124] *«Дневник Социал-Демократа»* — непериодический орган, издававшийся Г. В. Плехановым в Женеве с марта 1905 по апрель 1912 года (с большими перерывами). Вышло 16 номеров. Издание его было возобновлено в 1916 году в Петрограде, но вышел всего один номер.

В первых восьми номерах (1905—1906) Плеханов проводил крайне правые меньшевистские, оппортунистические взгляды, выступал с защитой блока социал-демократии с либеральной буржуазией, отрицал союз пролетариата с крестьянством, осуждал декабрьское вооруженное восстание.

В 1909—1912 годах в №№ 9—16 «Дневника Социал-Демократа» Плеханов выступал против меньшевиков-ликвидаторов в защиту нелегальных партийных организаций. Однако по основным вопросам тактики он оставался на меньшевистских позициях. В вышедшем в 1916 году № 1 «Дневника Социал-Демократа» были ярко выражены социал-шовинистские взгляды Плеханова. — *290.*

[125] Имеется в виду «Письмо к партийным организациям», опубликованное 13 (26) февраля 1910 года в № 11 «Социал-Демократа». — *292.*

[126] *V (Лондонский) съезд РСДРП* (30 апреля — 19 мая (13 мая — 1 июня) 1907) в резолюции по вопросу «Об отношении к непролетарским партиям» указал, что совместные действия с народническими партиями «должны исключать всякую возможность каких бы то ни было отступлений от с.-д. программы и тактики, служа лишь целям общего натиска как против реакции, так и против предательской тактики либеральной буржуазии» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 165).

Третья конференция РСДРП («Вторая общероссийская») (21—23 июля (3—5 августа) 1907) приняла следующий проект избирательных соглашений с другими партиями:

«1. Социал-демократия выступает на выборах самостоятельно, не вступая ни в какие избирательные соглашения на первых выборах.

2. При перебаллотировке допускается соглашение со всеми партиями левее к.-д.

3. На второй стадии и дальнейших допускаются соглашения со всеми революционными и оппозиционными партиями до к.-д. (и родственных им групп, как мусульманская, казачья и т. п.) включительно.

4. При соглашениях с.-д. должна руководиться распределением несоциалистических партий по степени их демократизма в следующем порядке: 1) с.-р., 2) н.-с., 3) трудовики, 4) к.-д.

5. В рабочей курии никакие соглашения с другими партиями и организациями не допускаются, за исключением не входящих в РСДРП национальных с.-д. организаций и ППС.

6. Соглашения допускаются только технического характера» («КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, 1954, стр. 177—178). — *293.*

[127] Кроме подписи В. И. Ленина под заявлением имеется подпись Г. Е. Зиновьева. — *294.*

[128] *Техническая комиссия* (Заграничная техническая комиссия, ТК) была создана июньским совещанием членов ЦК РСДРП на заседании 1 (14) июня 1911 года для выполнения технических функций в связи с партийным издательством, транспортом и т. д. Как временный орган впредь до пленума ЦК Техническая комиссия подчинялась группе членов ЦК, принимавших участие в июньском совещании. В комиссию вошли по одному представителю от большевиков, примиренцев и польской социал-демократии. Примиренческое большинство комиссии — М. К. Владимиров и поддерживавший его В. Л. Ледер — задерживало выдачу денег для Заграничной организационной комиссии, предназначенных в фонд созыва партийной конференции, а также ассигнования на издание большевистской газеты «Звезда», пыталось задержать выпуск Центрального Органа партии — газеты «Социал-Демократ». В своем печатном органе — «Информационном Бюллетене» Техническая комиссия выступала с нападками на Ленина и большевиков. На заседании комиссии 19 октября (1 ноября) при обсуждении «Извещения» и резолюций Российской организационной комиссии представитель большевиков М. Ф. Владимирский внес предложение подчиниться решениям РОК. Предложение было отклонено, в связи с чем Владимирский вышел из комиссии и большевики порвали с ней всякую связь. — *294.*

[129] Имеется в виду *партийная школа в Лонжюмо* (местечко в нескольких километрах от Парижа), которая была организована большевиками под руководством В. И. Ленина весной 1911 года для работников партийных организаций крупных пролетарских центров России. Значительную работу по организации школы провел Школьный комитет, созданный по решению Январского пленума ЦК РСДРП (1910). Слушатели школы были выбраны местными партийными организациями и утверждены мандатной комиссией и общим собранием Школьного комитета. Всего в школе было 13 слушателей — рабочих, представителей из Москвы, Петербурга, Баку, Иваново-Вознесенска, Николаева, Тифлиса, Сормова, Екатеринославской губернии, Домбровского района (Польша) и 5 вольнослушателей. В числе учеников школы были: И. С Белостоцкий, Б. А. Бреслав, А. И. Догадов, Я. Д. Зевин, А. И. Иванова, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Присягин, Э. Прухняк, И. И. Шварц, И. Д. Чугурин и другие. Большинство учеников школы составляли большевики, в составе учеников были также меньшевики-партийцы и один впередовец. Список лекторов был выработан Школьным комитетом вместе со слушателями. Приглашения читать лекции в школе были посланы Школьным комитетом представителям различных течений в РСДРП. Меньшевики Л. Мартов, Ф. И. Дан и др. отказались от чтения лекций. В основном преподавание в школе вели большевики.

Слушатели прибыли в школу неодновременно. До начала систематических занятий были организованы предварительные занятия и дополнительные курсы для менее подготовленных.

Идейным руководителем школы и ее основным лектором был В. И. Ленин. Когда съехалось две трети учеников, Ленин провел со слушателями занятия о «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Лениным было прочитано в школе 29 лекций по политической экономии (43 часа), 12 лекций (18 часов) он посвятил аграрному вопросу. В отчете Школьного комитета указывалось, что Ленин в этом курсе лекций познакомил слушателей «как с теорией аграрного вопроса, так и с аграрным законодательством правительства за последние годы». 12 лекций Ленин прочитал по теории и практике социализма в России. «В этом курсе тов. Ленин дал разбор основных тактических течений в нашей партии, а также главнейших наших партийных решений», — говорилось в отчете Школьного комитета (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС). По первоначальному плану лекции по философии должен был читать Г. В. Плеханов. Когда к концу занятий выяснилось, что он не приедет, то по просьбе слушателей Ленин прочитал три лекции о материалистическом понимании истории. Кроме того, также по просьбе слушателей, Лениным был прочитан реферат о текущем моменте и положении дел в партии.

В школе читались следующие курсы: рабочее законодательство (Н. А. Семашко — 7 лекций); парламентаризм и думская социал-демократическая фракция (Н. А. Семашко — 3 лекции); профессиональное движение в России и на Западе (Д. Б. Рязанов — 11 лекций); история социалистического движения во Франции (Ш. Раппопорт — 8 лекций); история социалистического движения в Бельгии (И. Ф. Арманд — 4 лекции); история социалистического движения в Германии (Ш. Раппопорт и В. Л. Ледер — 11 лекций); история литературы и искусства (А. В. Луначарский). Были прочитаны также лекции по государственному праву, национальному вопросу, о политических партиях в Польше и польском социализме, о латышской социал-демократии и другие. Кроме лекций в школе проводились семинарские занятия, на которых слушатели учились вести конспекты, писать статьи и корреспонденции в газеты, выступали с рефератами и т. д.

После окончания занятий в школе 17 (30) августа слушатели разъехались на нелегальную партийную работу в Россию. Они приняли активное участие в подготовке и проведении VI (Пражской) Всероссийской конференции РСДРП. Многие из окончивших партийную школу в Лонжюмо впоследствии стали крупными партийными и советскими работниками. — *294.*

[130] *«Пролетарий»* — большевистская нелегальная газета. Выходила с 21 августа (3 сентября) 1906 года по 28 ноября (11 декабря) 1909 года под редакцией В. И. Ленина; вышло 50 номеров. В работе редакции активное участие принимали М. Ф. Владимирский, В. В. Воровский, И. Ф. Дубровинский, А. В. Луначарский; техническую работу по изданию газеты проводили А. Г. Шлихтер, Е. С. Шлихтер и др. Первые двадцать номеров газеты были подготовлены к печати и набраны в Выборге (печатание с присылаемых матриц было организовано в Петербурге; в конспиративных целях в газете было указано, что она выходит в Москве). Затем, вследствие крайнего ухудшения условий издания нелегального органа в России редакция «Пролетария», согласно решению Петербургского и Московского комитетов РСДРП, перенесла издание газеты за границу (№№ 21—40 вышли в Женеве, №№ 41—50 — в Париже).

Фактически «Пролетарий» являлся Центральным Органом большевиков. Вся основная работа в редакции «Пролетария» проводилась Лениным. Большинство номеров газеты имеет по нескольку его статей. В «Пролетарии» было опубликовано свыше 100 статей и заметок Ленина по важнейшим вопросам революционной борьбы рабочего класса. В газете широко освещались тактические и общеполитические вопросы, в ней публиковались отчеты о деятельности ЦК РСДРП, решения конференций и пленумов ЦК, письма ЦК по различным вопросам партийной деятельности и ряд других документов. В приложении к № 46 газеты были напечатаны извещение о Совещании расширенной редакции «Пролетария», состоявшемся в Париже 8—17 (21—30) июня 1909 года, а также резолюции этого Совещания. Газета была тесно связана с местными партийными организациями.

В годы столыпинской реакции «Пролетарий» сыграл выдающуюся роль в сохранении и укреплении большевистских организаций, в борьбе против ликвидаторов, отзовистов, ультиматистов и богостроителей. В соответствии с решениями Январского пленума ЦК РСДРП 1910 года издание газеты было прекращено. — *295.*

[131] Имеется в виду письмо большевика В. К. Таратуты «К партии», написанное в связи с распространившимися в 1906 году слухами о причастности его к провокации. Следственная комиссия, назначенная Январским пленумом ЦК РСДРП 1910 года, расследовав это дело, единогласно постановила ввиду отсутствия каких бы то ни было данных для обвинения прекратить дело и восстановить Таратуту в правах члена партии. — *296.*

[132] Имеется в виду раздел работы В. И. Ленина «Заметки публициста», посвященный критике позиции примиренцев на

Январском пленуме ЦК РСДРП 1910 года (см. Сочинения, 5 изд., том 19, стр. 271—276). — *303.*

[133] *Гора и Жиронда* — название двух политических группировок буржуазии периода французской буржуазной революции конца XVIII века. Горой — якобинцами — называли наиболее решительных представителей революционного класса своего времени — буржуазии, отстаивавших необходимость уничтожения абсолютизма и феодализма. Жирондисты, в отличие от якобинцев, колебались между революцией и контрреволюцией и шли по пути сделок с монархией.

«Социалистической Жирондой» Ленин называл оппортунистическое течение в социал-демократии; пролетарскими якобинцами, «Горой» — революционных социал-демократов. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Ленин часто подчеркивал, что меньшевики представляют собой жирондистское течение в рабочем движении. — *306.*

[134] В упоминаемой Лениным корреспонденции, напечатанной в № 23 «Социал-Демократа» 1 (14) сентября 1911 года, сообщалось о том, что видный петербургский литератор-ликвидатор выступил на собрании рабочих социал-демократов Выборгского района с предложением вместо восстановления партийной организации создавать «инициативные группы» для легальной просветительной работы. Это выступление встретило дружный отпор со стороны собрания, в том числе и присутствовавших на нем меньшевиков-партийцев, и за предложение ликвидатора не голосовал ни один человек, — *319.*

[135] *«Рабочее Дело»* — журнал, орган «Союза русских социал-демократов за границей». Выходил в Женеве с апреля 1899 по февраль 1902 года под редакцией Б. Н. Кричевского, П. Ф. Теплова (Сибиряка), В. П. Иваншина, а затем и А. С. Мартынова; вышло 12 номеров (девять книг). Редакция «Рабочего Дела» являлась заграничным центром «экономистов»; «Рабочее Дело» поддерживало бернштейнианский лозунг «свободы критики» марксизма, стояло на оппортунистических позициях в вопросах тактики и организационных задач русской социал-демократии, отрицало революционные возможности крестьянства и т. п. Рабочедельцы пропагандировали оппортунистические идеи подчинения политической борьбы пролетариата экономической борьбе, преклонялись перед стихийностью рабочего движения и отрицали руководящую роль партии. Один из редакторов «Рабочего Дела» В. И. Иваншин принимал участие в редактирований «Рабочей Мысли» — органа откровенных «экономистов», которому «Рабочее Дело» оказывало поддержку. На II съезде РСДРП рабочедельцы представляли крайне правое, оппортунистическое крыло партии. — *320.*

[136] *«Рабочая Мысль»* — газета, орган «экономистов»; выходила с октября 1897 по декабрь 1902 года. Вышло 16 номеров. Первые два номера печатались на мимеографе в Петербурге, №№ 3—11 вышли за границей, в Берлине; печатание №№ 12, 13, 14 и 15 было перенесено в Варшаву; последний, № 16, вышел за границей. Газета редактировалась К. М. Тахтаревым и др.

Критику взглядов «Рабочей Мысли» как русской разновидности международного оппортунизма Ленин дал в статье «Попятное направление в русской социал-демократии» (см. Сочинения, 5 изд., том 4, стр. 240—273), в статьях, опубликованных в газете «Искра», и в книге «Что делать?». — *320.*

[137] Примечание было написано Лениным к заявлению комиссии, назначенной совещанием членов ЦК РСДРП в июне 1911 года для подготовки созыва пленума ЦК. В заявлении комиссии приводились факты дезорганизаторской деятельности ликвидаторов в ЗБЦК, направленной на срыв пленума ЦК. — *322.*

[138] *«Информационный Бюллетень»* — издание Заграничной технической комиссии (выходил в Париже); фракционный орган примиренцев, в котором они вели борьбу против большевиков. Вышло два номера — 11 августа и 28 октября н. ст. 1911 года. — *334.*

[139] Ленин имеет в виду резолюцию «О ликвидаторстве», принятую конференцией закавказских ликвидаторов весной 1911 года. Антипартийный характер конференции был разоблачен в корреспонденции «Письмо с Кавказа», напечатанной в № 24 газеты «Социал-Демократ» 18 (31) октября 1911 года. — *345.*

[140] *«Рабочая Жизнь»* — ежемесячная газета, орган меньшевиков-голосовцев и примиренцев. Выходила в Париже с 21 февраля (6 марта) по 18 апреля (1 мая) 1911 года; всего вышло три номера. — *347.*

[141] Имеется в виду подавление революционного движения в Персии в 1908 году войсками под командованием полковника царской армии В. П. Ляхова. — *359.*

[142] Лидер партии кадетов П. Н. Милюков в речи на завтраке у лорд-мэра Лондона 19 июня (2 июля) 1909 года заявил: «... пока в России существует законодательная палата, контролирующая бюджет, русская оппозиция останется оппозицией его величества, а не его величеству» («Речь» № 167, 21 июня (4 июля) 1909 года). — *368.*

[143] *«Мирнообновленцы»* — члены партии «мирного обновления», конституционно-монархической организации крупной бур-

жуазии и помещиков, окончательно оформившейся в 1906 году после роспуска I Государственной думы. Партия объединяла «левых» октябристов и правых кадетов. Лидерами мирнообновленцев были П. А. Гейден, Н. Н. Львов, П. П. Рябушинский, М. А. Стахович, Е. Н. и Г. Н. Трубецкие, Д. Н. Шипов и др. По своей программе партия близко примыкала к октябристам; защищала интересы торгово-промышленной буржуазии и помещиков, ведущих хозяйство по-капиталистически. Ленин называл партию «мирного обновления» «партией мирного ограбления», ибо ее деятельность была направлена на то, «как бы понадежнее, похитрее, поискуснее, прочнее извнутри, незаметнее снаружи, защитить *права* благородного российского дворянства на кровь и пот миллионов «мужичья»...» (Сочинения, 5 изд., том 16, стр. 42—43). В III Государственной думе партия «мирного обновления» объединилась с так называемой партией «демократических реформ» во фракцию «прогрессистов». — *372.*

[144] Статья (доклад) *«О социал-демократической фракции II Думы»* была напечатана Исполнительным комитетом Международного социалистического бюро вместе с материалами о деле социал-демократических депутатов II Думы на немецком, французском и английском языках в «Bulletin périodique du Bureau Socialiste International» («Периодический Бюллетень Международного Социалистического Бюро») № 8 как приложение к циркуляру № 21. После опубликования статьи В. И. Ленина агитационная кампания за границей за освобождение социал-демократических депутатов II Государственной думы усилилась. В редакционной заметке в № 8 «Рабочей Газеты» от 17 (30) марта 1912 года сообщалось: «Иностранные с.-д. партии после призыва Международного социалистического бюро, разославшего всем партиям доклад по этому делу представителя нашей партии в МСБ т. Ленина, развили усиленную агитацию. Выступили с протестом все с.-д. депутаты Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Финляндии, Австрии и т. д.». — *381.*

[145] «*Будущее» («L'Avenir»)* — либерально-буржуазная газета; выходила в Париже с *22* октября 1911 года по 4 января 1914 года (н. ст.) под редакцией В. Л. Бурцева на русском языке (некоторые материалы печатались на французском языке). В газете сотрудничали меньшевики и эсеры. — *382.*

[146] *Лассальянцы* — сторонники и последователи немецкого мелкобуржуазного социалиста Ф. Лассаля, члены Всеобщего германского рабочего союза, который был основан в 1863 году на съезде рабочих обществ в Лейпциге в противовес буржуазным прогрессистам, стремившимся подчинить рабочий класс своему влиянию. Первым президентом Союза был Лассаль, сформулировавший его программу и основы тактики. Борьба за всеобщее избирательное право была провозглашена

политической программой Союза, создание производительных рабочих ассоциаций, субсидируемых государством, — его экономической программой. В своей практической деятельности Лассаль, его сторонники и преемники, приспособлявшиеся к гегемонии Пруссии, поддерживали великодержавническую политику Бисмарка; «объективно, — писал Ф. Энгельс К. Марксу 27 января 1865 года, — это было подлостью и предательством в пользу пруссаков всего рабочего движения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, 1932, стр. 232). К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно и резко критиковали теорию, тактику и организационные принципы лассальянства как оппортунистического течения в германском рабочем движении. — *393.*

147 Речь идет о цитируемых В. И. Лениным ниже письмах К. Маркса к Ф. А. Зорге от 20 июня и 15 декабря 1881 года (см. К. Маркс и Ф, Энгельс. Избранные письма, 1953, стр. 349—351 и К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 171—173). — *393.*

148 См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 101—102. — *394.*

149 На тему «Манифест либеральной рабочей партии» Ленин прочитал в Париже 14 (27) ноября 1911 года публичный реферат. План этого реферата см. в настоящем томе, стр. 414. — *396.*

150 *Chambre introuvable* (бесподобная, несравненная палата) — так назвал Людовик XVIII контрреволюционную французскую палату депутатов, выбранную после реставрации Бурбонов в августе 1815 года. Состав палаты был настолько реакционен, что Людовик, опасаясь нового революционного взрыва, вынужден был распустить ее. — *406.*

151 Ленин имеет в виду предисловие П. Б. Струве (за подписью Р. Н. С.) к записке С. Ю. Витте «Самодержавие и земство». Предисловие было подвергнуто критике в статье В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» (см. Сочинения, 5 изд., том 5, стр. 21—72). — *408.*

152 *Мымрецов* — персонаж из рассказа Г. И. Успенского «Будка», тип грубого и невежественного городового, олицетворявшего самодержавно-полицейский режим царской России. — *409.*

153 Данные об ограничении рабочего дня в разных странах приведены в работах К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса» и «Законодательная охрана труда и 8-часовой рабочий день». — *413.*

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ РАБОТ И ИСТОЧНИКОВ, ЦИТИРУЕМЫХ И УПОМИНАЕМЫХ В. И. ЛЕНИНЫМ

Азра. В. А. Караулов. — «Биржевые Ведомости», Спб., 1910, № 12084, 21 декабря (8 января 1911), стр. 2. — *97—98.*

[Аксельрод, П. Б.] Источники разногласий между так наз. партийцами и так назыв. ликвидаторами. (Рефераты П. Б. Аксельрода). — «Голос Социал-Демократа», [Париж], 1910, № 23, ноябрь, стр. 13—14. — *48.*

— *Объединение российской социал-демократии и ее задачи.* Итоги ликвидации кустарничества. — «Искра», [Женева], 1903, № 55, 15 декабря, стр. 2—5; 1904, № 57, 15 января, стр. 2—4. — *120.*

Антоний Волынский. Открытое письмо авторам сборника «Вехи». 1 мая 1909 г. — «Слово», Спб., 1909, № 791, 10 (23) мая, стр. 3. — *23.*

Армавирский погром. — «Речь», Спб., 1911, № 291 (1885), 23 октября (5 ноября), стр. 7. — *377.*

Арсеньев, К. Приближающаяся годовщина. — «Вестник Европы», Спб., 1911, кн. 1, стр. 273—284. — *171.*

Базаров, В. О том, почему важные вещи кажутся иногда пустяками. — «Наша Заря», Спб., 1910, *N*° 4, стр. 80—89. — *109— 110, 113, 114, 129—132, 133.*

— *Толстой и русская интеллигенция.* — «Наша Заря», Спб., 1910, № 10, стр. 43—52. — *90—93, 94, 95.*

«Биржевые Ведомости», Спб., 1910, № 12084, 21 декабря (8 января 1911), стр. 2. — *97—98.*

Бобрищев-Пушкин, А. В. Необходимое предостережение. — «Голос Москвы», 1911, № 38, 17 февраля (2 марта), стр. 2. Подпись: Громобой. — *149—150, 153, 156.*

— *Разрытый муравейник.* — «Голос Москвы», 1911, № 72, 30 марта (12 апреля), стр. 2. Подпись: Громобой. — *223—224, 226—227.*

Богданов, Б. Итоги ремесленного съезда. — «Наша Заря», Спб., 1911, № 2, стр. 62—75. — *208—211.*

«Будущее» — см. «L'Avenir».

В кулуарах Гос. думы. — «Голос Москвы», 1910, № 261, 12 ноября, стр. 3. Под общ. загл.: Студенческие манифестации. — *2—3.*

В Петербурге на улице. — «Русские Ведомости», М., 1910, № 261, 12 ноября, стр. 2. Под общ. загл.: Сходки и манифестации. — *1.*

Верните их с каторги! — «L'Avenir» («Будущее»), Paris, 1911, № 1, 22 octobre, p. 2. — *382.*

«Вестник Европы», Спб., 1911, кн. 1, стр. 273—284. — *171.*

«Вестник Народной Воли», Женева. — *97.*

*[*] *Вехи.* Сборник статей о русской интеллигенции. М., [тип. Саблина, март] 1909. II, 209 стр. — *120, 150—152, 224, 277, 368, 372—373.*

[Витте, С. Ю. Письмо в редакцию]. — «Новое Время», Спб., 1911, № 12765, 25 сентября (8 октября), стр. 3. — *327, 369, 371.*

Воззвание депутатов к студентам. — «Речь», Спб., 1910, № 310 (1548), 11 (24) ноября, стр. 4. — *2.*

«Возрождение», М. — *18, 106, 111, 188—189, 206, 209, 286.*

— 1910, № 4, 15 марта, стлб. 39—50, 49—58. — *192.*

— 1910, № 5, 30 марта, стлб. 17—30, 47—52. — *109, 192.*

— 1910, № 7, 30 апреля, стлб. 47—56. — *192.*

— 1910, № 8, 15 мая, стлб. 9—22. — *192.*

*— 1910, № 9—10, 15 июня, стлб. 17—32. — *192, 193, 199, 309, 311, 314—315.*

*— 1910, № 11, 7 июля, стлб. 1—22. — *192—193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 204, 311, 314—315.*

Вопрос о студенческой манифестации. — «Русские Ведомости», М., 1910, № 261, 12 ноября, стр. 2—3. Под общ. загл.: Около Думы. — *1—2.*

[87 статья основных государственных законов]. — В кн.: Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. I. Свод основных

[*] Звездочкой отмечены книги, газеты, статьи и документы с пометками В. И. Ленина, которые хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

государственных законов. Изд. 1906 г. Спб., гос. тип., б. г., стр. 20. — *213, 278, 359.*

Вперед. Сборник статей по очередным вопросам. Изд. гр. «Вперед». [Paris, кооп. тип. «Союз»], июль 1910. 64 стлб. — *42.*

Вперед. Сборник статей по очередным вопросам. № 3. Изд. гр. «Вперед». [Paris], кооп. тип. «Союз», май 1911. 78 стлб. — *349, 355.*

Всероссийская конференция Росс. соц.-дем. рабочей партии. (В декабре 1908 года). Изд. газ. «Пролетарий». [Paris, 1909]. 47 стр. (РСДРП). — *190—191, 309—310.*

Гейне, Г. Лирическое интермеццо. Юноша девушку любит, а ей полюбился другой... — *150.*

Глинка, С. 65 пустозвонов. — «Земщина», Спб., 1911, № 558, 12 февраля, стр. 2. — *151—152.*

Гоголь, Н. В. Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем. — 248, 250.

«Голос Москвы». — 148.

— 1910, № 260, 11 ноября, стр. 1, 4. — *2.*

— 1910, № 261, 12 ноября, стр. 3. — *2—3.*

— 1911, № 38, 17 февраля (2 марта), стр. 2. — *149—150, 153, 156.*

— 1911, № 72, 30 марта (12 апреля), стр. 2. — *223—224, 226— 227.*

«Голос Социал-Д емократа», [Женева — Париж]. — *18, 25, 30, 31, 36—37, 48, 49, 50, 56, 58, 106, 181, 182, 185, 260, 286, 287, 288, 292—293, 302, 303, 310, 338, 344, 345.*

— 1910, № 19—20, январь — февраль, стр. 17—19, 23—24. — *48, 336.*

— 1910, № 22, июль. Приложение к № 22 «Голоса Социал-Демократа», стр. 2. — *183.*

— 1910, № 23, ноябрь, стр. 9—14. — *42, 47, 48, 49, 51, 53, 182.*

— 1911, № 24, февраль. Приложение к № 24 «Голоса Социал-Демократа». 8 стр. — *182—185, 322, 351.*

Голоса рабочих о положении в партии. — «Правда», [Вена], 1910, № 13, 15 (28) мая, стр. 2—3. — *319, 347.*

[Горев, Б. И. Письмо в редакцию]. — «Голос Социал-Демократа», [Париж], 1910, № 22, июль. Приложение к № 22 «Голоса Социал-Демократа», стр. 2. Под общ. загл.: Письма в редакцию. Подпись: И. — *183.*

[Гучков, А. И.] Ответ А. И. Гучкова гр. Витте. — «Русские Ведомости», М., 1911, № 222, 28 сентября, стр. 4. — *369.*

Гучков, А. И. Письмо в редакцию. — «Новое Время», Спб., 1911, № 12767, 27 сентября (10 октября), стр. 2. — *327, 369, 371.*

Дан, Ф. К постановке избирательной кампании. (Организационные и тактические штрихи). — «Наша Заря», Спб., 1911, № 7—8, стр. 55—65. — *364, 367.*

[Данишевский, К. X. и Калинин, Ф. И.] Письмо в редакцию «Правды». — «Правда», [Вена], 1911, № 20, 16 (29) апреля, стр. 5—6. Подписи: Герман, Аркадий. — *350.*

Декларация большевиков, [принятая на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г.]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 11, в резолюции: О фракционных центрах, в отд.: Из партии. — *25, 26, 34—35, 43, 50—51, 105, 107, 157, 160, 302.*

«Дело Жизни», Спб. — *106, 111, 188—189, 206, 209, 260, 265, 286, 292—293, 319, 320, 328—329, 358, 365.*

— 1911, № 2, 2 марта, стлб. 9—20. — *205—206, 309, 311, 312, 316—317, 318.*

— 1911, № 5, 31 мая, стлб. 13—20. — *309.*

— 1911, № 8, 3 сентября, стлб. 1—4. — *324.*

«Дискуссионный Листок», [Париж]. — *264, 345.*

— 1910, № 2, 25 мая (7 июня), стр. 4—14. На газ. дата: 24/7 июня. — *303, 334, 335, 336, 337, 341, 343, 344.*

*— 1911, № 3, 29 апреля (12 мая), стр. 3—8, 9—17. — *290, 315, 335.*

«Дневник Социал-Демократа», [Женева]. — *302, 351.*

— 1910, № 11, март, стр. 1—20, 22—24. — *183, 287, 303, 344, 351.*

— 1910, № 12, июнь, стр. 1—26, 30—32. — *183, 287, 290.*

**Дневницкий, П. Н. В самом деле, что же такое ликвидаторство?* — «Дискуссионный Листок», [Париж], 1911, № 3, 29 апреля (12 мая), стр. 9—17. — *290, 315.*

«Дума», Спб. — *331.*

Елишев, А. И. Московские подстрекательства. — «Земщина», Спб., 1911, № 559, 13 февраля, стр. 4. — *151—152.*

Ермолов, А. С. Современная пожарная эпидемия в России. Спб., 1910. 211 стр. — *76, 77.*

«Жить», М. — *18, 123, 130, 188—189, 209.*

— 1910, № 1, 30 августа, стлб. 1—12. — *122, 193—202, 203— 205, 206, 314—315, 317.*

Жилкин, И. Живой символ. — «Речь», Спб., 1910, № 273 (1511), 5 (18) октября, стр. 3. — *7.*

За неделю. [Передовая]. — «Речь», Спб., 1911, № 78 (1674), 21 марта (3 апреля), стр. 2. — *212—213.*

[Заметка о земском собрании в Холмском уезде, Псковской губернии]. — «Речь», Спб., 1911, № 293 (1889), 25 октября (7 ноября), стр. 5. Под общ. загл.: В уездных земских собраниях. — *378.*

Заседание 101 [Государственной думы]. 27 апреля [1911 г.]. — «Речь», Спб., 1911, № 114 (1710), 28 апреля (11 мая), стр. 3— 6. Под общ. загл.: Государственная дума. Подпись: Л. Неманов. — *246—250.*

«Звезда», Спб. — *266, 289.*

— 1911, № 4, 6 января, стр. 3. — *108, 109.*

— 1911, № 15, 25 марта, стр. 1, 3. — *212.*

— 1911, № 27, 29 октября. 4 стр. — *385—386.*

Земельный вопрос в Кубани. Из Армавира. — «Речь», Спб., 1911, № 291 (1885), 23 октября (5 ноября), стр. 7. — *378.*

«Земщина», Спб., 1911, № 558, 12 февраля, стр. 2; № 559, 13 февраля, стр. 4; № 560, 14 февраля, стр. 3. — *151— 152.*

Извещение [совещания членов ЦК РСДРП. 1911 г.]. [Листовка]. Б. м., [1911]. 2 стр. (РСДРП). Подпись: Совещание членов ЦК РСДРП. — *288.*

Изгоев, А. С. На перевале. VII. «Вехист» среди марксистов. — «Русская Мысль», М., 1910, кн. VIII, стр. 63—72. — *93, 124.*

*— *Об интеллигентной молодежи.* (Заметки об ее быте и настроениях). — В кн.: Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., [тип. Саблина, март] 1909, стр. 182—209. — *150, 151—152, 277.*

— *Сопоставление.* — «Речь», Спб., 1911, № 44 (1640), 14 (27) февраля, стр. 2—3. — *150, 151, 153—154, 156.*

Иков, В. К. Журнальное обозрение. — «Возрождение», М., 1910, № 5, 30 марта, стлб. 47—52. — *109.*

*— *Политические заметки.* Еще о перспективах нашего политического развития. — «Возрождение», М., 1910, № 11, 7 июля, стлб. 13—22. Подпись: В. Миров. — *193, 197.*

«Информационный Бюллетень», [Париж], 1911, № l, 11 августа. 6 стр. — *334, 339, 340, 345, 349, 351.*

— 1911, № 2, 28 октября. 6 стр. — *354.*

[Ионов]. Фракции против партии. — «Отклики Бунда», [Женева], 1910, № 4, апрель, стр. 19—23. Подпись: И—ов. — *341.*

«Искра» (старая, ленинская), [Мюнхен — Лейпциг — Лондон — Женева]. — *80, 353.*

— [Лейпциг — Мюнхен], декабрь 1900 — 1 мая 1902, №№ 1 — 20. — *80.*

«Искра» (новая, меньшевистская), [Женева], 1903, № 55, 15 декабря, стр. 2—5; 1904, № 57, 15 января, стр. 2—4. — *120.*

[Каменев, Л. Б.] Две партии. С предисл. Н. Ленина и прилож. писем и заявлений тт. В. Вильямова, Ал. Власова, Иннокентиева, Э. и группы рабочих. Изд. ред. «Рабочей Газеты». [Paris], 1911. XII, 155, XXIII стр. (РСДРП). Перед загл. авт.: Ю. Каменев. — *295—298, 299.*

Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам. 1 августа 1911 г. [Листовка]. [Paris], 1911. 4 стр. (РСДРП). Подпись: Организационная комиссия по созыву партийной конференции. — *296.*

Ко всем членам партии. — «Листок Заграничного Бюро Центрального Комитета», [Париж], 1911, № 1, 8 сентября, стр. 1—3. Подпись: Совещание при Загр. бюро ЦК. — *321.*

Ко всем членам партии. (О положении дел в партии и созыве партийной конференции). [Листовка]. Paris, кооп. тип. «Союз», [1911]. 2 стр. Подпись: Группа «Вперед». — *96.*

Ко всем членам партии от собрания меньшевиков в Париже. [Листовка]. Paris, кооп. тип. «Союз», [1911]. 2 стр. — *159, 184, 185.*

**Ко всем членам Российской социал-демократической рабочей партии.* [Листовка]. Paris, кооп. тип. «Союз», [1911]. 2 стр. Подпись: Группа большевиков-партийцев. — *334— 335, 336—337, 338, 339, 340—342, 344, 345—346, 348, 349, 351.*

Коган, В. О чем говорит действительность. — «Образование», Спб., 1907, № 8, стр. 49—66; № 9, стр. 26—43; № 10, стр. 24— 45. — *198, 199.*

Кондурушкин, С. Письма о голоде. Правительство и общество. — «Речь», Спб., 1911, № 291 (1885), 23 октября (5 ноября), стр. 2. — *378—380.*

[Крестовников]. Письмо г. Крестовникова. — «Земщина», Спб., 1911, № 560, 14 февраля, стр. 3. — *151—152.*

Кричевский, В. Н. Принципы, тактика и борьба. — «Рабочие Дело», Женева, 1901, № 10, сентябрь, стр. 1— 36. — *204.*

Крылов, И. А. Лисица и Виноград. — 211.

[Credo]. — В кн.: [Ленин, В. И.] Протест российских социал-демократов. С послесл. от ред. «Рабочего Дела». Изд. Союза русских социал-демократов. Женева, тип. «Союза», 1899, стр. 1—6. (РСДРП. Оттиск из № 4—5 «Рабочего Дела»). — *111, 295—296.*

**Ларин, Ю. К вопросу о перспективах нашего социально-политического развития.* (Ответ редакции «Возрождения»). — «Возрождение», М., 1910, № 11, 7 июля, стлб. 1—14. — *192—193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 204, 311, 314—315.*

— *Кооперативные силуэты.* — «Возрождение», М., 1910, № 7, 30 апреля, стлб. 47—56. — *192.*

— *Направо — и кругом.* (К современному положению). — «Дело Жизни», Спб., 1911, № 2, 2 марта, стлб. 9—20. — *205—206, 309, 311, 312, 316—317, 318.*

— *Перспективы южнорусского сельского хозяйства.* — «Возрождение», М., 1910, № 4, 15 марта, стлб. 39—50; № 5, 30 марта, стлб. 17—30. — *192.*

* — *Подъем русского земледелия и его общественно-политические последствия.* — «Возрождение», М., 1910, № 9—10, 15 июня, стлб. 17—28. — *192, 193, 199, 309, 311, 314—315.*

— *Приток средств в русское земледелие.* — «Возрождение», М., 1910, № 8, 15 мая, стлб. 9—22. — *192.*

— *Пути созидания.* — «Дело Жизни», Спб., 1911, № 5, 31 мая, стлб. 13—20. — *309.*

— *Широкая рабочая партия и рабочий съезд.* [М.], «Новый Мир», [1907]. 95 стр. — *192, 409, 414.*

Левицкий, В. Ликвидация или возрождение? — «Наша Заря», Спб., 1910, № 7, стр. 91—103. Под общ. загл.: На темы дня. — *110 — 111, 112, 113, 205, 283—284, 308—309, 366.*

— *Пробуждение буржуазной оппозиции.* — «Наша Заря», Спб., 1911, № 3, стр. 54—63. — *281—284.*

[Ленин, В. И.] «Голос» ликвидаторов против партии. (Ответ «Голосу Социал-Демократа»). [Листовка]. [Париж, 1910]. 2 стр. (РСДРП. Отд. оттиск из № 12 «Социал-Демократа»). — *106.*

— *«Голос» ликвидаторов против партии.* (Ответ «Голосу Соц.-Демократа») — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 12, 23 марта (5 апреля), стр. 5—6. На газ. дата: 23/5 апреля. — *106.*

— *Заметки публициста.* II. «Объединительный кризис» в нашей партии. — «Дискуссионный Листок», [Париж], 1910, № 2, 25 мая (7 июня), стр. 4—14. Подпись: Н. Ленин. На газ. дата: 24/7 июня. — *303, 334—335, 336, 337, 341, 343, 344.*

* *[Ленин, В. И.] Исторический смысл внутрипартийной борьбы в России.* — «Дискуссионный Листок», [Париж], 1911, № 3, 29 апреля (12 мая), стр. 3—8. Подпись: Н. Ленин. — *335.*

— *Наши упразднители.* (О г. Потресове и В. Базарове). — «Мысль», М., 1911, № 2, январь, стр. 37—49. Подпись: В. Ильин. — *187.*

— *О положении дел в партии.* [Листовка]. [Париж, 1910]. 4 стр. (РСДРП. Оттиск из № 19 «Социал-Демократа», ЦО РСДРП). — *61, 322.*

— *Об избирательной кампании и избирательной платформе.* — «Социал-Демократ», [Париж], 1911, № 24, 18 (31) октября, стр. 2—3. — *368.*

— *Победа кадетов и задачи рабочей партии.* Спб., [«Наша Мысль», 1906]. 79 стр. Перед загл. авт.: Н. Ленин. — *116.*

— *Резолюция II Парижской группы РСДРП.* [Листовка]. [Париж, июль 1911]. 2 стр. (РСДРП). — *285, 339.*

«Листок «Голоса Социал-Демократам, [Париж], 1911, № 1, 25 июня, стр. 1—3. — *289.*

«Листок Заграничного Бюро Центрального Комитета», [Париж], 1911, № 1, 8 сентября, стр. 1—5. — *321.*

Листок группы «Вперед» о созыве конференции — см. Ко всем членам партии. (О положении дел в партии и созыве партийной конференции).

Листок Организационной комиссии — см. Ко всем соц.-дем. партийным организациям, группам и кружкам.

Листок 58-ми — см. Ко всем членам партии от собрания меньшевиков в Париже.

Литовцев, С. В парламентских кругах. Впечатления. — «Речь», Спб., 1911, № 80 (1676), 23 марта (5 апреля), стр. 2. — *214— 215.*

Маевский, Е. Что такое «ликвидаторство»? (Кое-что из истории возникновения вопроса). — «Наша Заря», Спб., 1910, № 11 — 12, стр. 46—59. — *108, 111—112.*

Манифест [об учреждении Государственной думы. 6 (19) августа 1905 г.]. — *«Правительственный Вестник»,* Спб., 1905, № 169, 6 (19) августа, стр. 1. — *276.*

Манифест 3 (16) июня 1907 г. — см. О роспуске Государственной думы...

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Манифест Коммунистической партии. Декабрь 1847 г. — январь 1848 г. — *103—104.*

Маркс, К. Письмо Ф. А. Зорге. 20 июня 1881 г. — *393, 395.*

— *Письмо Ф. А. Зорге.* 15 декабря 1881 г. — *393, 394.*

Мартов, Л. Заметки публициста. «Ликвидаторство» и «перспективы». — «Жизнь», М., 1910, № 1, 30 августа, стлб. 1 — 12. — *122, 193—202, 203—205, 206, 314—315, 317.*

— *Куда пришли?* — «Голос Социал-Демократа», [Париж], 1910, № 23, ноябрь, стр. 9—13. — *42, 47, 48, 49, 51, 53, 182.*

— *Основные положения платформы.* — «Наша Заря», Спб., 1911, № 7—8, стр. 42—54. — *364, 365—367.*

— *Спасители или упразднители?* (Кто и как разрушал РСДРП). Изд. «Голоса Социал-Демократа». Париж, imp. Gnatovsky, 1911. 47 стр. (РСДРП). — *288, 301.*

Мартов, Л. и Дан, Ф. Для членов партии. 9 января 1911 г. [Листовка. Париж, 1911]. 1 стр. — *61.*

Мартынов, А. Обличительная литература и пролетарская борьба («Искра», №№ 1—5). — «Рабочее Дело», Женева, 1901, № 10, стр. 37—64. — *204.*

— *Положение дел в партии.* (Итоги пленума ЦК). — «Голос Социал-Демократа», [Париж], 1910, № 19—20, январь — февраль, стр. 17—19. — *336.*

Маслов, П. П. Экономические заметки. — «Наша Заря», Спб., 1910, № 10, стр. 13—28. — *94.*

Меньшиков, М. Голоса студентов. — «Новое Время», Спб., 1911, № 12549, 17 февраля (2 марта), стр. 5. — *147—148, 149, 150, 153, 156.*

— *Ненужный юбилей.* — «Новое Бремя», Спб., 1911, № 12512, 11 (24) января, стр. 3. — *142, 167, 178—179.*

— *Террор в деревне.* — «Новое Время», Спб., 1910, № 12404, 23 сентября (6 октября), стр. 2. — *76.*

Милюков, П. П. Интеллигенция и историческая традиция. — В кн.: Интеллигенция в России. Сборник статей. Спб., «Земля», 1910, стр. 89—191. — *49.*

Москва, 11-го ноября. В дни скорби. — «Голос Москвы», 1910, № 260, 11 ноября, стр. 1. — *2.*

Москва, 16 января. [Передовая]. — «Русские Ведомости», М., 1911, № 12, 16 января, стр. 2. — *134, 135, 136, 223.*

Москва, 28 сентября. [Передовая]. — «Русские Ведомости», М., 1911, № 222, 28 сентября, стр. 1—2. — *328, 369.*

Московский, А. Письмо в редакцию. — «Социал-Демократ», [Париж], 1909, № 10, 24 декабря (6 января 1910), стр. 3—4. На газ. дата: 24/6 января. — *183.*

«Мы требуем пересмотра». — «Звезда», Снб., 1911, № 27, 29 октября, стр. 1. — *385—386.*

«Мысль», М., 1911, № 2, январь, стр. 37—49. — *187.*

Наказ Государственной дума. Спб., гос. тип.,1909. [1], 81 стр.— *7.*

«Наша Заря», Спб. — *90, 94, 96, 106, 111, 112, 123, 130, 188— 189, 191, 206, 209, 260, 265, 286, 292—293, 319, 320, 337— 338, 358, 365, 409.*

— 1910, №№ 1—12. — *108.*

— 1910, № 2, стр. 50—62. — *108—110, 113, 114—130, 337, 344.*

— 1910, № 4, стр. 80—89, 89—98. — *109—110, 113, 114, 129— 132, 133.*

— 1910, № 7, стр. 22—34, 91 — 103. — *94, 110—111, 112, 113, 205, 283—284, 308—309, 366.*

— 1910, № 8—9, стр. 66—78. — *93, 94.*

— 1910, № 10. 100 стр. — *90—94, 95, 113.*

— 1910, № 11 — 12. 136 стр. — *94, 108, 111—112, 113.*

— 1911, № 2, стр. 62—75. — *208—211.*

— 1911, № 3, стр. 54—63. — *281—284.*

— 1911, № 6, стр. 39—54. — *364—365, 367.*

— 1911, № 7—8, стр. 42—54, 55—65. — *364, 365—367.*

— 1911, № 9—10, стр. 31—35. — *396—410, 414.*

Неведомский, М. Смерть Льва Толстого. — «Наша Заря», Спб., 1910, № 10, стр. 5—12. — *93—94, 95.*

Некрасов, Н. А. Сцены из лирической комедии «Медвежья охота». — 124.

«Новое Время», Спб. — *23, 90, 208.*

— 1910, № 12404, 23 сентября (6 октября), стр. 2. — *76.*

— 1911, № 12512, 11 (24) января, стр. 3. — *142, 167, 178—179.*

— 1911, № 12549, 17 февраля (2 марта), стр. 5. — *147—148, 149, 150, 153, 156.*

— 1911, № 12765, 25 сентября (8 октября), стр. 3. — *327, 369, 371.*

— 1911, № 12767, 27 сентября (10 октября), стр. 2. — *327, 369, 371.*

[Ногин, В. П. Письмо в ЗБЦК]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 12, 23 марта (5 апреля), стр. 6, в ст.: Ленин, В. И. ««Голос» ликвидаторов против партии. Ответ «Голосу Социал-Демократа»». На газ. дата: 23/5 апреля. — *183, 184, 288.*

О газете «Правда». [Резолюция, принятая на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г.]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 10, в отд.: Из партии. — *54.*

О Заграничном бюро ЦК. [Резолюция, принятая на совещании членов ЦК РСДРП. 1911 г.]. — В листовке: Извещение [совещания членов ЦК РСДРП. 1911 г.]. Б. м., [1911], стр. 2. (РСДРП). — *288.*

О ликвидаторстве. [Резолюция, принятая на конференция Закавказских соц.-дем. организаций]. — «Правда», [Вена], 1911, № 20, 16 (29) апреля, стр. 1. Под общ. загл.: К возрождению партии! Конференция Закавказских соц.-дем. организаций. — *345.*

О роспуске Государственной думы, о времени созыва новой Думы и об изменении порядка выборов в Государственную думу. Манифест [3 (16) июня 1907 г.]. — «Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате», Спб., 1907, № 94, 3 июня. Отд. I, ст. 845, стр. 1299—1302. — *383—384.*

О российских настроениях. (Путевые впечатления). — «Правда», [Вена], 1910, № 17, 20 ноября (3 декабря), стр. 2—3. Подпись: В. К. — *45.*

О современном моменте и задачах партии. [Резолюция, принятая на Пятой конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.)]. — В кн.: Извещение Центрального Комитета Российской с.-д. рабочей партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции. [Изд. ЦК РСДРП. Paris, 1909], стр. 4—5. (РСДРП). — *178, 180, 195, 196, 198, 204— 205, 235, 295, 309—310, 312, 363, 366—367.*

О созыве очередной общепартийной конференции. [Резолюция, принятая на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г.]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 10, в отд.: Из партии. — *183, 292.*

О созыве партийной конференции. [Резолюция, принятая на совещании членов ЦК РСДРП. 1911 г.]. — В листовке: Извещение [совещания членов ЦК РСДРП. 1911 г.]. Б. м., [1911], стр. 2. (РСДРП). — *288—289.*

О фракционных центрах. [Резолюция, принятая на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г.]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 11, в отд.: Из партии. — *26, 33—35, 50—51, 159.*

[Об избирательных соглашениях с другими партиями. Резолюция, принятая на Третьей конференции РСДРП («Второй общероссийской»)]. — В листовке: Извещение о партийной конференции 21, 22 и 23 июля 1907 года. Изд. ЦК РСДРП. Б. м., [1907], стр. 3. (РСДРП). — *293.*

«Образование», Спб., 1907, № 8, стр. 49—66; № 9, стр. 26—43; № 10, стр. 24—45. — *198, 199.*

Общественное движение в России в начале XX-го века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I—IV. Спб., тип. «Общественная Польза», 1909—1914. 5 т. — *130, 191, 400.*

— Т. I. *Предвестники и основные причины движения.* Спб., тип. «Общественная Польза», 1909. [5], 676 стр. — *205, 282.*

Ольгин, В. Ко всем членам Российской соц.-дем. рабочей партии. «В бессильной злобе!» 18 мая 1911 г. [Листовка]. Париж, 1911. 2 стр. — *254.*

— *Ко всем членам Росс. соц.-дем. рабочей партии.* К вопросу об оздоровлении партии. 26 апреля, (н. ст.) 1911 г. [Листовка]. Париж, 1911. 1 стр. — *254.*

Организационный вопрос. [Резолюция, принятая на Пятой конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.)]. — В кн.: Извещение Центрального Комитета Российской с.-д. рабочей партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции. [Изд. ЦК РСДРП. Paris, 1909], стр. 4—5. (РСДРП). — *292.*

«Освобождение», Париж. — *115.*

[От редакции]. — «Информационный Бюллетень», [Париж], 1911, № 1, 11 августа, стр. 1. — *339, 340, 345, 349, 351.*

* *[От редакции].* Нечто о перспективах. — «Возрождение», М., 1910, № 9—10,15 июня, стлб. 29—32. Подпись: Редакция. — *193.*

[От редакции. Примечание к заявлению Женевского идейного кружка большевиков]. — В кн.: Вперед. Сборник статей по очередным вопросам. № 3. Изд. гр. «Вперед». [Paris], кооп. тип. «Союз», май 1911, стлб. 78. — *349, 355.*

[От редакции. Примечание к статье В. Базарова «О том, почему важные вещи кажутся иногда пустяками»]. — «Наша Заря», Спб., 1910, № 4, стр: 80. Подпись: Редакция. — *131.*

От редакции. [Примечание к статье Н. А. Рожкова «Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент»]. — «Наша Заря», Спб., 1911, № 9—10, стр. 31—32. — *409.*

«Отклики Бунда», [Женева], 1910, № 4, апрель, стр. 19—23. — *341.*

Открытое письмо [16-ти русских меньшевиков-ликвидаторов]. — «Голос Социал-Демократа», [Париж], 1910, № 19—20, январь — февраль, стр. 23—24. — *48.*

Отношение к памяти С. А. Муромцева. — «Речь», Спб., 1910, № 284 (1522), 16 (29) октября, стр. 5. Под общ. загл.:

Государственная дума. Сессия IV. Заседание 1-е. — *4, 5— 6, 7.*

Отчет Второй Высшей социал-демократической пропагандистско-агитаторской школы для рабочих. (Ноябрь 1910 — март 1911 г.). Изд. гр, «Вперед». [Paris, кооп. тип. «Союз»], 1911. 31 стр. (РСДРП). — *350.*

П. А. Столыпин. — «Речь», Спб., 1911, № 244 (1840), 6 (19) сентября, стр. 2. — *330—331, 371.*

Петербург. — «Русские Ведомости», М., 1910, № 260, 11 ноября, стр. 4, в отд.: Последние известия. — *1—2.*

Петербург, 25 марта. [Передовая]. — «Звезда», Спб., 1911, № 15, 25 марта, стр. 1. — *212.*

Печать. — «Речь», Спб., 1911, № 266 (1862), 28 сентября (11 октября), стр. 2. — *328, 369, 370.*

Печать. — «Речь», Спб., 1911, № 268 (1864), 30 сентября (13 октября), стр. 2. — *373.*

Пилецкий, Я. Беглые заметки. — «Возрождение», М., 1910, № 4, 15 марта, стлб. 49—58. — *192.*

Письмо в редакцию [66 московских промышленников]. — «Русские Ведомости», М., 1911, № 33, 11 февраля, стр. 3. — *147, 148, 149, 150, 156.*

Письмо к партийным организациям. (Об очередной партийной конференции). — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 11—12. Подпись: Центральный Комитет РСДРП. — *272, 292.*

Письмо к товарищам. [Листовка]. Paris, imp. Gnatovsky, [1911]. 2 стр. (РСДРП). Подпись: Редакция «Голоса Социал-Демократа». — *184, 185.*

[Письмо Русского бюро ЦК к Заграничному бюро ЦК]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 12, 23 марта (5 апреля), стр. 6, в ст.: Ленин, В. И. ««Голос» ликвидаторов против партии. (Ответ «Голосу Социал-Демократа»)». На газ. дата: 23/5 апреля. — *181, 182—183, 288.*

[Письмо Русского бюро ЦК к Заграничному бюро ЦК]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1911, № 21—22, 19 марта (1 апреля), стр. 11, в ст.: Ленин, В. И. «Разрушители партии в роли «разрушителей легенд»». — *288.*

Платформа 104-х в I Государственной думе — см. Проект основных положений земельного закона, внесенный 104 членами Государственной думы.

Платформа 104-х во II Государственной думе — см. Проект основных положений земельной реформы, внесенный во

II Государственную думу от имени Трудовой группы и Крестьянского союза.

Плеханов, Г. В. Вниманию Центрального Комитета. — «Дневник Социал-Демократа», [Женева], 1910, № 12, июнь, стр. 30—32. — *183, 287.*

— *Запутанное объяснение.* (К истории нашего ликвидаторства). — «Дневник Социал-Демократа», [Женева], 1911, № 11, март, стр. 22—24. — *183, 287.*

— *К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.* Ответ гг. Михайловскому, Карееву и коми. Спб., 1895. 287 стр. Перед загл. авт.: Н. Бельтов. — *126.*

— *Легальные рабочие организации и Российская социал-демократическая рабочая партия.* — «Дневник Социал-Демократа». [Женева], 1910, № 12, июль, стр. 1—26. — *290.*

— *Последнее пленарное собрание нашего Центрального Комитета.* — «Дневник Социал-Демократа», [Женева], 1910, № 11, март, стр. 1—20. — *303, 344, 351.*

Покушение на П. А. Столыпина. — «Дело Жизни», Спб., 1911, № 8, 3 сентября, стлб. 1—4. Подпись: Пс. — *324.*

Положение дел в партии. [Резолюция, принятая на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г.]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 10, в отд.: Из партии. — *25, 26, 50, 59, 60, 157, 160, 260, 265, 286, 303, 320, 337, 340, 343, 350.*

Положение о выборах в Государственную думу. 6 (19) августа 1905 г. — «Правительственный Вестник», Спб., 1905, № 169, 6 (19) августа, стр. 2—4. — *276.*

Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. 19 февраля 1861 г. Спб., 1861. 362 стр. — *161.*

Потресов, А. Н. Критические наброски. О том, почему пустяки одолели. — «Наша Заря», Спб., 1910, № 2, стр. 50—62. — *108—110, 113, 114—130, 337, 344.*

— *Критические наброски.* По поводу одного выступления одного юркого человека. — «Наша Заря», Спб., 1910, № 8—9, стр. 66—78. — *93, 94.*

— *Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху.* — В кн.: Общественное движение в России в начале XX-го века. Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. Т. I. Предвестники и основные причины движения. Спб., тип. «Общественная Польза», 1909, стр. 538— 640. — *205, 282.*

«Правда», [Вена]. — *45, 54, 57, 96, 289.*

— 1910, № 12, 3 (16) апреля, стр. 2—3. — *337, 338, 341.*

— 1910, № 13, 15 (28) мая, стр. 2—3. — *319, 347.*

— 1910, № 17, 20 ноября (3 декабря), стр. 2—3. — *45.*

— 1911, № 20, 16 (29) апреля, стр. 1, 5—6. — *345, 350.*

— 1911, № 21, 25 июня (8 июля), стр. 6. — *347, 348.*

Председательский кризис. — «Звезда», Спб., 1911, № 15, 25 марта, стр. 3. Под общ. загл.: Государственная дума. — *212.*

[Примечание к статье «От редакции»]. — «Информационный Бюллетень», [Париж], 1911, № 1, 11 августа, стр. 1. — *339.*

Примечание от редакции [к статье В. Базарова «Толстой и русская интеллигенция»]. — «Наша Заря», Спб., 1910, № 10, стр. 43. — *90, 93, 94.*

Программа Российской социал-демократической рабочей партии. — В кн.: Лондонский съезд Российской соц.-демокр. раб. партии (состоявшийся в 1907 г.). Полный текст протоколов. Изд. ЦК. Paris, 1909, стр. 12—16. (РСДРП). — *238, 290, 362—363.*

Программа Российской соц.-дем. рабочей партии, принятая на Втором съезде партии. — В кн.: Второй очередной съезд Росс. соц.-дем. рабочей партии. Полный текст протоколов. Изд. ЦК. Женева, тип. партии, [1904], стр. 1—6. (РСДРП). — *238.*

Проект основных положений [земельного закона, внесенный 104 членами Государственной думы]. — В кн.: Стенографические отчеты [Государственной думы]. 1906 год. Сессия первая. Т. I. Заседания 1—18 (с 27 апреля по 30 мая). Спб., гос. тип., 1906, стр. 560—562. (Государственная дума). — *119.*

Проект основных положений [земельной реформы, внесенный во II Государственную думу от имени Трудовой группы и Крестьянского союза]. — В кн.: [Материалы, поступившие в общее собрание Государственной думы 2-го созыва]. Б. м., [1907], л. 17—19, 37. — *119.*

«Пролетарий», [Выборг — Женева — Париж]. — *295.*

Противоречие. — «Звезда», Спб., 1911, № 4, 6 января, стр. 3. — *108, 109.*

«Рабочая Газета», Париж. — *25, 33, 36, 37, 44, 53—54, 289, 345, 347, 351.*

«Рабочая Жизнь», [Париж]. — *347, 348.*

«Рабочая Мысль», [Спб. — Берлин — Варшава — Женева]. — *320.*

«Рабочее Дело», Женева. — *320.*

— 1901, № 10, стр. 1—36, 37—64. — *204.*

Разрушенная легенда. («Дело» тт. М., Ю. и Р.). — «Голос Социал-Демократа», [Париж], 1911, № 24, февраль. Приложение к № 24 «Голоса Социал-Демократа», стр. 3—4. — *182—185, 322, 351.*

Резолюции, предложенные меньшевиками-партийцами собранию I и II групп РСДРП и группы Бунда, состоявшемуся в Женеве 30 июня 1911 г. [Листовка]. Б. м., [1911]. 4 стр. (РСДРП), Подпись: Женевские меньшевики-партийцы. Гект. — *301.*

[Резолюции, принятые на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г.]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 10—11, в отд.: Из партии. — *27, 28, 56, 182—183, 260, 264, 265, 270, 271, 272, 287, 288, 291, 341, 343, 349, 351, 363.*

Резолюции, [принятые на Пятой конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.)]. — В кн.: Извещение Центрального Комитета Российской с.-д. рабочей партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции. [Изд. ЦК РСДРП. Paris, 1909], стр. 4—7. (РСДРП). — *26, 111—112, 235, 291, 363, 414.*

[Резолюции, принятые на совещании членов ЦК РСДРП. 1911 г.]. — В листовке: Извещение [совещания членов ЦК РСДРП. 1911 г.]. Б. м., [1911], стр. 2. (РСДРП). — *288.*

Резолюции Совещания [при Заграничном бюро ЦК РСДРП]. — «Листок Заграничного Бюро Центрального Комитета»,; [Париж], 1911, №1,8 сентября, стр. 4—5. — *321.*

Резолюция Женевского идейного кружка соц.-дем. большевиков. — «Голос Социал-Демократа», [Париж], 1911, № 24, февраль. Приложение к № 24 «Голоса Социал-Демократа», стр. 7, — *185.*

[Резолюция Заграничного бюро ЦК РСДРП по вопросу о созыве заграничного пленума ЦК, принятая в ответ на заявку большевиков от 5 декабря (22 ноября) 1910 г. 27 января 1911 г.]. — В листовке: Ко всем членам партии. 27 июня 1911 г. Paris, кооп. тин. «Союз», 1911, стр. 1. (РСДРП. ЗБЦК). — *287—288, 322—323.*

Резолюция ко всем партийным товарищам. [Листовка]. [Paris, 1911]. 2 стр. (РСДРП). Подпись: Парижские партийцы-меньшевики. — *158.*

Резолюция об отношении к непролетарским партиям, [принятая на V (Лондонском) съезде РСДРП]. — В кн.: Лондонский съезд Российской соц.-демокр. рабочей партии (состоявшийся в 1907 г.). Полный текст протоколов. Изд. ЦК. Paris, 1909, стр. 454—455. (РСДРП). — *293, 367—368.*

Резолюция по отчетам, [принятая на Пятой конференции РСДРП (Общероссийской 1908 г.)]. — В кн.: Извещение

Центрального Комитета Российской с.-д. рабочей партии о состоявшейся очередной общепартийной конференции. [Изд. ЦК РСДРП. Paris, 1909], стр. 4. (РСДРП). — *111.*

Резолюция, принятая Венским партийным социал-демократическим клубом 17 апреля 1910 г. [Листовка]. Б. м., [1910]. 1 стр. — *337, 338, 341.*

Резолюция, принятая на общем собрании партийного социал-демократического клуба в Вене 26 ноября 1910 года. [Листовка]. Б. м., [1910J. 2 стр. — *44—46, 47, 52, 53—54, 55— 56, 57, 58, 59, 158.*

Рескрипт [Николая II], данный на имя председателя совета министров, министра внутренних дел... П. А. Столыпина. 19 февраля 1911 г. — «Речь», Спб., 1911, № 49 (1645), 19 февраля (4 марта), стр. 10. — *171.*

«Речь», Спб. — *59, 115, 138, 152, 331.*

— 1909, № 167 (1045), 21 июня (4 июля), стр. 3. — *329, 330, 368, 372—373.*

— 1910, № 273 (1511), 5 (18) октября, стр. 3. — *7.*

— 1910, № 284 (1522), 16 (29) октября, стр. 5. — *4, 5—6, 7.*

— 1910, № 307 (1545), 8 (21) ноября, стр. 4. — *38.*

— 1910, № 310 (1548), 11 (24) ноября, стр. 1—2, 4. — *2.*

— 1911, № 19 (1615), 20 января (2 февраля), стр. 2. — *137—138.*

— 1911, № 20 (1616), 21 января (3 февраля), стр. 1—2. — *134, 135, 136, 138, 201—202, 223.*

— 1911, № 44 (1640), 14 (27) февраля, стр. 2—3. — *150, 151, 153—154, 156.*

— 1911, № 49 (1645), 19 февраля (4 марта), стр. 1, 10. — *171.*

— 1911, № 78 (1674), 21 марта (3 апреля), стр. 2. — *212—213.*

— 1911, № 80 (1676), 23 марта (5 апреля), стр. 2. — *214—215.*

— 1911, № 100 (1696), 14 (27) апреля, стр. 1—2. — *279, 280, 281.*

— 1911, № 114 (1710), 28 апреля (И мая), стр. 1, 3—6. — *246— 250.*

— 1911, № 244 (1840), 6 (19) сентября, стр. 2. — *330—331, 371.*

— 1911, № 266 (1862), 28 сентября (11 октября), стр. 2. — *328, 369, 370.*

— 1911, № 268 (1864), 30 сентября (13 октября), стр. 2. — *373.*

— 1911, № 291 (1885), 23 октября (5 ноября), стр. 2, 4, 6, 7. — *377—380.*

«Речь», Спб., 1911, № 293 (1889), 25 октября (7 ноября), стр. 1—2, 3, 5. — *374, 375, 376, 377—378.*

[Рожков, Н. А.] Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент. — «Наша Заря», Спб., 1911, № 9—10, стр. 31—35. Подпись: Н. Р—ков. — *396—410, 414.*

«Россия», Спб. — *49, 151—152.*

— 1910, № 1530, 12 (25) ноября, стр. 1. — *2.*

— 1911, № 1587, 20 января (2 февраля), стр. 1. — *134, 135, 138.*

— 1911, № 1611, 17 февраля (2 марта), стр. 2. — *148.*

«Русская Мысль», М. — *172.*

— 1910, кн. VIII, стр. 63—72. — *93, 124.*

Русская печать. — «Россия», Спб., 1911, № 1611, 17 февраля (2 марта), стр. 2. — *148.*

«Русские Ведомости», М. — *138, 152.*

— 1910, № 260, 11 ноября, стр. 4. — *1—2.*

— 1910, № 261, 12 ноября, стр. 2—3. — *1—2.*

— 1911, № 12, 16 января, стр. 2. — *134, 135, 136, 223.*

— 1911, № 33, 11 февраля, стр. 3. — *147, 148, 149, 150, 156.*

— 1911, № 222, 28 сентября, стр. 1—2, 4. — *328, 369.*

— 1911, № 236, 14 октября, стр. 2. — *389, 393.*

Русские депутаты в Англии. Речи на завтраке у лорд-мэра. Лондон, 19 июня (2 июля). — «Речь», Спб., 1909, № 167 (1045), 21 июня (4 июля), стр. 3. — *329, 330, 368, 372—373.*

«Русское Богатство», Спб. — *210.*

Самосуд. — «Речь», Спб., 1911, № 293 (1889), 25 октября (7 ноября), стр. 3. — *378.*

С.-Петербург. — «Социал-Демократ», [Париж], 1911, № 23, 14 (1) сентября, стр. 7. Под общ. загл.: Из лагеря столыпинской «рабочей» партии. (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»). Подпись: К. — *319.*

С.-Петербург, 11 ноября. [Передовая]. — «Речь», Спб., 1910, № 310 (1548), 11 (24) ноября, стр. 1—2. — *2.*

С.-Петербург, 11 ноября. [Передовая]. — «Россия», Спб., 1910, № 1530, 12 (25) ноября, стр. 1. — *2.*

С.-Петербург, 19 января. [Передовая]. — «Россия», Спб., 1911, № 1587, 20 января (2 февраля), стр. 1. — *134, 135, 138.*

С.-Петербург, 20 января. [Передовая]. — «Речь», Спб., 1911, № 19 (1615), 20 января (2 февраля), стр. 2. — *137—138.*

С.-Петербург, 21 января. [Передовая]. — «Речь», Спб., 1911, № 20 (1616), 21 января (3 февраля), стр. 1—2. — *134, 135, 136, 138, 201—202, 223.*

С.-Петербург, 14 апреля. [Передовая]. — «Речь», Спб., 1911, № 100 (1696), 14 (27) апреля, стр. 1—2. — *279, 280, 281.*

С.-Петербург, 28 апреля. [Передовая]. — «Речь», Спб., 1911, № 114 (1710), 28 апреля (11 мая), стр. 1. — *246.*

С.-Петербург, 25 октября. [Передовая]. — «Речь», Спб., 1911, № 293 (1889), 25 октября (7 ноября), стр. 1—2. — *374, 375, 376.*

«Слово», Спб., 1909, № 791, 10 (23) мая, стр. 3. — *23.*

Совещание деятелей легальных рабочих организаций. — «Листок «Голоса Социал-Демократа»», [Париж], 1911, № 1, 25 июня, стр. 1—3. — *289.*

Совещание при Заграничном бюро ЦК. — «Листок Заграничного Бюро Центрального Комитета», [Париж], 1911, № 1, 8 сентября, стр. 1. — *321.*

**Современное положение и задачи партии.* Платформа, выработанная группой большевиков. Изд. гр. «Вперед». Paris, кооп. тип. «Союз», [1909]. 32 стр. (РСДРП). — *31, 44, 45, 56—57.*

«Социал-Демократ», [Вильно — Спб. — Париж — Женева]. — *29— 30, 31, 44, 47, 48, 49, 52, 54—55, 56, 158, 253, 262, 263, 267, 286, 289, 295, 346, 348.*

— 1909, № 10, 24 декабря (6 января 1910), стр. 3—4. На газ. дата: 24/6 января. — *183.*

— 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 10—12. — *25, 26, 27, 28, 33—35, 43, 50—51, 52, 53, 54, 55, 56, 59, 60, 105, 107, 157, 159, 160, 182—183, 260, 264, 265, 270, 271, 272, 286, 287, 288, 291, 292, 302, 303, 320, 337, 340, 341, 343, 349, 350, 351, 363.*

— 1910, № 12, 23 марта (5 апреля), стр. 5—6. На газ. дата: 23/5 апреля. — *106, 181, 182—183, 184, 288.*

— 1910, № 18, 16 (29) ноября. 12 стр. — *1.*

— 1911, № 21—22, 19 марта (1 апреля), стр. 11. — *288.*

— 1911, № 23, 14 (1) сентября, стр. 7. — *319.*

— 1911, № 24, 18 (31) октября, стр. 2—3. — *368.*

Стенографические отчеты, [Государственной думы,]. 1908 г. Сессия вторая. Ч. I. Заседания 1—35 (с 15 октября по

20 декабря 1908 г.). Спб., гос. тип., 1908. XIV стр., 3152 стлб. (Государственная дума. Третий созыв). — *155—156, 372— 373.*

Стенографические отчеты, [Государственной думы]. 1910 г. Сессия третья. Ч. IV. Заседания 95—131 (с 26 апреля по 17 июня 1910 г.). Спб., гос. тип., 1910. XXX стр., 3790 стлб. (Государственная дума. Третий созыв). — *98.*

Стенографические отчеты [Государственной думы]. 1910 г. Сессия четвертая. Ч. I—III. Спб., гос. тип., 1910—1911. 3 т. (Государственная дума. Третий созыв).

— Ч. I. Заседания 1—38 (с 15 октября по 17 декабря 1910 г.). XV стр., 3368 стлб. —*129.*

— Ч. II. Заседания 39—73 (с 17 января по 5 марта 1911 г.). XIX стр., 3722 стлб. — *178.*

— Ч. III. Заседания 74—113 (с 7 марта по 13 мая 1911 г.). XL стр., 4828 стлб., 8 стр. — *215—216, 274—275, 276.*

Стенографические отчеты [Государственной думы]. 1911 г. Сессия пятая. 4. I. Заседания 1—41 (с 15 октября по 10 декабря 1911 г.). Спб., гос. тип., 1911. XX стр., 3830 стлб. (Государственная дума. Третий созыв). — *376, 384—385.*

[Струве, П. Б.] Предисловие [к книге С. Ю. Витте «Самодержавие и земство»]. — В кн.: [Витте, С. Ю.] Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). С предисл. й примеч. Р. Н. С. Печ. «Зарей». Stuttgart, Dietz, 1901, стр. V — XLIV. Подпись: Р. Н. С. — *408.*

[Таратута, В. К.] К партии. — В кн.: [Каменев, Л. В.] Две партии. С предисл. Н. Ленина и прилож. писем и заявлений тт. В. Вильямова, Ал. Власова, Иннокентиева, Э. и группы рабочих. Изд. ред. «Рабочей Газеты». [Paris], 1911, стр. I — XVI, в отд.: Документы. I. (РСДРП). Подпись: Виктор Вильямов-Сергеев. Перед загл. кн. авт.: Ю. Каменев. — *296.*

[Телеграмма социал-демократической фракции III Государственной думы на имя В. Г. Черткова]. — «Речь», Спб., 1910, № 307 (1545), 8 (21) ноября, стр. 4. Под общ. загл.: В Государственной думе. — *38.*

Товарищам слушателям школы группы «Вперед». [Листовка]. Б. м., [1911]. 3 стр. Подпись: Комитет общепарт. школы при ЦК. Гект. — *96, 159.*

Толстой, Л. Н. Анна Каренина. Т. II. — В кн.: [Толстой, Л. Н.]. Сочинения графа Л. Н. Толстого. Ч. 10. Анна Каренина. Т. II. Изд. 5-ое. М., тип. Волчанинова, 1886. 462 стр. — *100—101, 102.*

— *Воспитание и образование.* — В кн.: [Толстой, Л. Н.] Сочинения графа Л. Н. Толстого. Ч. 4. Педагогические статьи. Изд. 5-ое. М., тип. Волчанинова, 1886, стр. 104—150. — *102.*

— *Из записок князя Д. Нехлюдова. Люцерн.* — В кн.: [Толстой, Л. Н.] Сочинения графа Л. Н. Толстого. Ч. 2. Повести и рассказы. Изд. 5-ое. М., тип. Мамонтова, 1886, стр. 95—126. — *101.*

— *Крейцерова соната.* М., 1889. 103 стр. Литогр. изд. — *102.*

— *О смысле жизни.* Мысли Л. Н. Толстого, собранные В. Чертковым. Изд. «Свободного Слова». № 56. Christchurch, Hants, Tchertkoff, 1901. 54 стр. — *102.*

— *Предисловие к альбому «Русские мужики» Н. Орлова.* — В кн.: Орлов, Н. Русские мужики. Картины художника Н. Орлова. С предисл. Л. Н. Толстого. Спб., Голике и Вильборг, 1909, стр. 3—8. — *362.*

— *Прогресс и определение образования.* (Ответ г-ну Маркову. «Русский Вестник», 1862 г., № 5). — В кн.: [Толстой, Л. Н.] Сочинения графа Л. Н. Толстого. Ч. 4. Педагогические статьи. Изд. 5-ое. М., тип. Волчашшова, 1886, стр. 151 — 190. — *102, 103.*

— Рабство нашего времени. Изд. «Свободного Слова». № 43. Purleigh, Maldon, Essex, Tchertkoff, 1900. 79 стр. — *101— 102.*

Тревожное настроение. — «Голос Москвы», 1910, № 260, 11 ноября, стр. 4. — *2.*

[Троцкий, Л. Д.] Европейская рабочая газета на русском языке. — «Правда», [Вена], 1911, № 21, 25 июня (8 июля), стр. 6. — *347, 348.*

— *К единству — через все препятствия!* — «Правда», [Вена], 1910, № 12, 3 (16) апреля, стр. 2—3. — *337, 338, 341.*

Тургенев, И. С. Отцы и дети. — 124.

Устав ЦК, [принятый на пленуме ЦК РСДРП в январе 1910 г.]. — «Социал-Демократ», [Париж], 1910, № 11, 26 (13) февраля, стр. 10, в отд.: Из партии. — *52, 53, 260, 287.*

Учреждение Государственной думы. [6 (19) августа 1905 г.]. — «Правительственный Вестник», Спб., 1905, № 169, 6 (19) августа, стр. 1—2. — *276.*

[Фракция «Народной свободы» постановила голосовать за М. М. Алексеенко...]. — «Речь», Спб., 1911, № 78 (1674), 21 марта (3 апреля), стр. 2, в отд.: Хроника. — *212.*

Царицын, 22 октября. — «Речь», Спб., 1911, № 291 (1885), 23 октября (5 ноября), стр. 4. Под общ. загл.: Телеграммы. От наших корреспондентов. — *378.*

Чацкий, Ю. Пора начать! — «Наша Заря», Спб., 1911, № 6, стр. 39—54. — *364—365, 367.*

**Череванин, Н. Лондонский съезд РСДРП.* 1907 г. С прилож. принятых резолюций и их проектов. [Спб.], «Борьба», [1907]. 102 стр. — *112.*

— *Несколько основных вопросов марксизма.* — «Наша Заря», Спб., 1910, № 7, стр. 22—34. — *94.*

— *Ответ П. Маслову.* — «Наша Заря», Спб., 1910, № 11 —12, стр. 26—35. — *94.*

Чернышевский, Н. Г. Пролог. — *175.*

[Шкловский, И. В.] Записки Хайндмана. — «Русские Ведомости», М., 1911, № 236, 14 октября, стр. 2. — *389, 393.*

Эльф. Борьба с голодом. Из Чистопольского уезда, Казанской губ. — «Речь», Спб., 1911, № 291 (1885), 23 октября (5 ноября), стр. 6. — *377—378.*

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. 1876—1878 гг. — *125—126.*

— *Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 г. по 1850 г.».* 6 марта 1895 г. — *16—17.*

— *Письмо Ф. А. Зорге.* 29 ноября 1886 г. — *84.*

— *Письмо Ф. А. Зорге.* 7 декабря 1889 г. — *84.*

— *Письмо Ф. А. Зорге.* 10 июня 1891 г. — *84, 230—231.*

— *Письмо Ф. А. Зорге.* 18 марта 1893 г. — *230—231.*

— *Письмо Ф. А. Зорге.* 12 мая 1894 г. — *230—231.*

— *Письмо Ф. А. Зорге.* 10 ноября 1894 г. — *230—231.*

— *Письмо Ф. Келли-Вишневецкой.* 28 декабря 1887 г. — *84.*

— *Социализм в Германии.* Около 24 октября и конец декабря 1891 г. — *16—17.*

«L'Avenir» («Будущее»), Paris, 1911, N 1, 22 octobre, p. 2. — *382.*

— 1911, N 5, 19 novembre, p. 3. — *386.*

Bebel, A. Aus meinem Leben. 1. T. Stuttgart, Dietz, 1910. VIII, 221 S. — *312—314.*

Bernstein, E. Die Voraussetzungen des Sozialismus und die Aufgaben der Sozialdemokratie. Stuttgart, Dietz, 1899. X, 188 S. — *111, 114, 308.*

The Birmingham conference. Annual gathering of the Independent Labour Party. — «The Labour Leader», London, 1911, N 16, April 21, p. 244—247, 252. —*231—233.*

«Daily Mail», London, 1911, April. — *231—233.*

Dumas, Ch. Préface à la Revision. — «L'Avenir» («Будущее»), Paris, 1911, N 5, 19 novembre, p. 3. — *386.*

«L'Humanité», Paris, 1911, N 2459, 10 janvier, p. 2. — *97, 98.*

Hyndman, H. M. England for all. Dedicated to the democratic and working men's clubs of Great Britain and Ireland. London, Gilbert et Rivington, 1881. VI, 194 p. — *394, 395.*

— *The Record of an Adventurous Life.* London, Macmillan, 1911. X, 460 p. — *389—395.*

«Justice», London, 1911, N 1, 423, April 22, p. 5—6. — *229—230.*

«Der Kampf», [Wien], 1909, Jg. 2, 10. Hft., 1. Juli, S. 452. — *126—127, 129.*

Karski, J. Ein Mißverständnis. — «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1910—1911, 29. Jg., Bd. 1, N 4, 28. Oktober, S. 100—107. — *18.*

Kautsky, K. Ein Brief über Marx und Mach. Berlin — Friedenau, den 26. März 1909. — «Der Kampf», [Wien], 1909, Jg. 2, 10. Hft., 1. Juli, S. 452. — *126—127, 129.*

«The Labour Leader», London, 1911, N 16, April 21, p. 243, 244— 247, 252. — *231—233.*

[Luxemburg, R. u. andere. Der Resolutionsentwurf zur Wahlrechtsfrage, eingebracht auf dem Parteitag der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands in Magdeburg]. — In: Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Magdeburg vom 18. bis 24. September 1910. Berlin, Buchh. «Vorwärts», 1910, S. 181—182. — *18.*

Man, H., de u. Brouckère, L., de. Die Arbeiterbewegung in Belgien. Stuttgart, Singer, [1911]. 72 S. (Ergänzungshefte zur «Neuen Zeit», N 9, 1910/1911. Ausgegeben am 10. März 1911). — *206.*

Martoff, L. Die preußische Diskussion und die russische Erfahrung. — «Die Neue Zeit», Stuttgart, 1910, 28. Jg., Bd. 2, N 51, 16. September, S. 907—919. — *18.*

Marx, K. Le capital. Trad, de M. J. Roy, entièrement revisée par l'auteur. Paris, Lachatre, [1872—1875]. 352 p. — *390, 394.*

[Marx, K. The letter at Hyndman. December 8, 1880]. — in: Hyndman, H. M. The Record of an Adventurous Life. London, Macmillan, 1911, p. 284—285. — *394.*

Mills, J. F. The case against. — «The Labour Leader», London, 1911, N 16, April 21, p. 243. Под общ. загл.: Arms and the worker. — *231.*

«Die Neue Zeit», Stuttgart, 1910, 28. Jg., Bd. 2, N 51, 16. September, S. 907—919. — *18.*

— 1910—1911, 29. Jg., Bd. 1, N 4, 28. Oktober, S. 100—107. — *18.*

Panneckoek, A. Die taktischen Differenzen in der Arbeiterbewegung. Hamburg, Dubber, 1909. 132 S. — *64—65, 68—69.*

Programm der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands, beschlossen auf dem Parteitag zu Erfurt 1891. — In: Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Erfurt vom 14. bis 20. Oktober 1891. Berlin, «Vorwärts», 1891, S. 3—6. — *204, 239.*

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten zu Hannover vom 9. bis 14. Oktober 1899. Berlin, «Vorwärts», 1899. 304 S. — *204.*

Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands. Abgehalten in Magdeburg vom 18. bis 24. September 1910. Berlin, Buchh. «Vorwärts», 1910. 507 S. — *10—15, 17, 18.*

Roubanovitch, E. Mort du député Vassili Karaouloff. La carrière d'un terroriste russe. — «L'Humanité», Paris, 1911, N 2459, 10 janvier, p. 2. — *97, 98.*

Die S. D. P. und Kriegsrüstungen. — «Vorwärts», Berlin, 1911, N 94, 22. April, S. 1. — *231.*

«Sozialistische Monatshefte», Berlin. — *13—14, 18.*

The Thirty-first annual conference. — «Justice», London, 1911, N 1, 423, April 22, p. 5—6. — *229*è*230.*

«Vorwärts», Berlin. — *96.*

— 1911, N 94, 22. April, S. 1. — *231.*

Wake, E. P. The case for. — «The Labour Leader», London, 1911, N 16, April 21, p. 243, Под общ. загл.: Arms and the worker. — *231.*

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Адрианов — меньшевик-ликвидатор, в 1910—1911 годах находился за границей. — *268.*

Айзенштадт, И. Л. (Юдин) (1867—1937) — один из лидеров Бунда. С 1902 года — член ЦК Бунда, работал в Минске и Одессе. После II съезда РСДРП — активный меньшевик. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно. В 1922 году эмигрировал в Германию, где возглавлял бундовскую группу, которая вела клеветническую кампанию против СССР. — *253—254, 262, 263.*

Аксельрод, П. Б. (1850—1928) — один из лидеров меньшевизма; в 1883 году принимал участие в создании группы «Освобождение труда». С 1900 года — член редакции «Искры» и «Зари». После II съезда РСДРП — активный меньшевик. В 1905 году выдвинул оппортунистическую идею созыва «рабочего съезда», который он противопоставлял партии пролетариата. В годы реакции и нового революционного подъема — один из руководителей ликвидаторов, входил в редакцию газеты меньшевиков-ликвидаторов «Голос Социал-Демократа»; в 1912 году участвовал в антипартийном Августовском блоке. В годы первой мировой войны — центрист. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — член Исполкома Петроградского Совета, поддерживал буржуазное Временное правительство. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно; находясь в эмиграции, пропагандировал вооруженную интервенцию против Советской России. — *48, 120, 188—189, 296.*

Александр II (Романов) (1818—1881) — русский император (1855—1881). — *173.*

Александр III (Романов) (1845—1894) — русский император (1881—1894). — *329.*

Александров — см. Семашко, Н. А.

Алексеенко, М. М. (род. в 1848 г.) — октябрист, крупный землевладелец. С 1879 года — профессор финансового права Харьковского университета, в 1891—1899 годах — ректор Харьковского университета. В 1901—1906 годах — попечитель Харьковского учебного округа. Депутат III и IV Государственных дум от Екатеринославской губернии; в Думах был председателем бюджетной комиссии. — *212—213, 214.*

Антоний Волынский (Храповицкий, А. П.[*]*)* (1863—1936) — ярый черносотенец, глава крайне правого направления в русской православной церкви, один из виднейших проводников реакционной политики царизма. С 1902 года был волынским епископом, позднее — архиепископ харьковский. Во время гражданской войны и иностранной военной интервенции сотрудничал с Деникиным. После разгрома контрреволюции бежал за границу, где стал одним из лидеров монархической эмиграции. — *23, 330.*

Аркадий — см. Калинин, Ф. И.

Ауэр (Auer), *Игнац* (1846—1907) — немецкий социал-демократ, по профессии рабочий-шорник. С 1874 года был секретарем партии эйзенахцев, а после объединения их с лассальянцами в 1875 году — секретарем Социалистической рабочей партии Германии. В 1877—1878 годах редактировал социал-демократическую газету «Berliner Freie Presse» («Берлинская Свободная Пресса»); неоднократно избирался депутатом рейхстага. Позднее перешел на позиции реформизма, стал одним из лидеров оппортунистического крыла германской социал-демократии. — *204.*

Б

Бабушкин, И. В. (1873—1906) — рабочий, затем профессиональный революционер, большевик (см. настоящий том, стр. 79— 83). — *79—83.*

Базаров (Руднев), В. А. (1874—1939) — экономист и философ, принимал участие в социал-демократическом движении с 1896 года. В 1905—1907 годах Базаров участвовал в ряде большевистских изданий, в период реакции отошел от большевизма, был одним из ревизионистов марксистской философии. В. И. Ленин назвал его «полуберклианцем, полуюмистом махистской секты» (Сочинения, 5 изд., том 18, стр. 111). В 1917 году — меньшевик-интернационалист, один из редакторов полуменьшевистской газеты «Новая Жизнь); выступал против Октябрьской социалистической революции. С 1921 года Базаров работал в Госплане СССР.

[*] В скобках курсивом указываются подлинные фамилии.

В 1931 году был осужден по делу контрреволюционной меньшевистской организации, в 1932 году был освобожден. — *90, 91, 92, 93, 94, 109—110, 111, 114, 121—122, 129—130, 131—132, 133.*

Бебель (Bebel), *Август* (1840—1913) — один из виднейших деятелей германской социал-демократии и международного рабочего движения. Политическую деятельность начал в первой половине 60-х годов; был членом I Интернационала. В 1869 году вместе с В. Либкнехтом основал немецкую Социал-демократическую рабочую партию («эйзенахцы»); неоднократно избирался депутатом рейхстага. В 90-е годы и в начале 900-х годов выступал против реформизма и ревизионизма в рядах германской социал-демократии. В. И. Ленин считал его речи против бернштейнианцев «образцом отстаивания марксистских взглядов и борьбы за истинно-социалистический характер рабочей партии» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 268). В последний период своей деятельности Бебель допустил ряд ошибок центристского характера. — *11, 12, 13, 14—16, 17, 145, 312—314.*

Белоусов, Т. О. (род. в 1875 г.) — меньшевик-ликвидатор, депутат III Государственной думы от Иркутской губернии. В феврале 1912 года вышел из состава социал-демократической фракции Думы, но не сложил с себя депутатских полномочий. В. И. Ленин резко осудил поведение Белоусова в статье «По поводу ухода депутата Т. О. Белоусова из с.-д. думской фракции» (Сочинения, 4 изд., том 17, стр. 467—471). — *129.*

Бельтов — см. Плеханов, Г. В.

Бер — см. Либер, М. И.

Бердяев, Н. А. (1874—1948) — реакционный философ-идеалист и мистик. В первых литературных работах стоял на позициях «легального марксизма», затем стал открытым врагом марксизма. В 1905 году вступил в партию кадетов; в годы реакции являлся одним из представителей религиозно-философского течения богоискательства, участвовал в контрреволюционном сборнике «Вехи». После Октябрьской социалистической революции выступил апологетом феодализма и средневековой схоластики, видя в них единственное спасение от растущего коммунизма. В 1922 году за контрреволюционную деятельность был выслан за границу, где являлся одним из идеологов белой эмиграции. — *249.*

Березовский, А. Е. (Березовский 1-й) (род. в 1868 г.) — помещик, кадет, земский деятель, по профессии агроном. Депутат III Государственной думы от Симбирской губернии. В Думе входил в состав продовольственной, земельной и других комиссий. С 1918 года работал по своей специальности. — *155—156, 373.*

Бёрнс (Burns), *Джон Эллиот* (1858—1943) — английский политический деятель. В 80-е годы — один из руководителей тред-юнионов. Был членом английской Социал-демократической федерации, однако вскоре из нее вышел. В 1892 году был избран в парламент, где выступал против интересов рабочего класса, за сотрудничество с капиталистами. В 1905—1914 годах — министр местного самоуправления, а затем — министр торговли (1914). В. И. Ленин характеризовал Бёрнса как одного из «прямых предателей рабочего класса, продавшихся буржуазии за министерское местечко» (Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 239). В 1914 году вышел в отставку. — *280.*

Бернштейн (Bernstein), *Эдуард* (1850—1932) — лидер крайнего оппортунистического крыла германской социал-демократии и II Интернационала, теоретик ревизионизма и реформизма. В социал-демократическом движении участвовал с середины 70-х годов. С 1881 по 1889 год — редактор центрального органа социал-демократической партии Германии «Der Sozialdemokrat» («Социал-Демократ»). В 1896—1898 годах опубликовал в журнале «Die Neue Zeit» («Новое Время») серию статей под названием «Проблемы социализма», изданных затем книгой «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии», где открыто выступил с ревизией философских, экономических и политических основ революционного марксизма. «О революции пролетариата оппортунист разучился и думать», — писал В. И. Ленин, имея в виду Бернштейна (Сочинения, 4 изд., том 25, стр. 400). Единственной задачей рабочего движения Бернштейн объявил борьбу за реформы, направленные на «улучшение» экономического положения рабочих при капитализме, выдвинул оппортунистическую формулу: «движение — все, конечная цель — ничто». В период первой мировой войны стоял на социал-шовинистских позициях. В последующие годы Бернштейн продолжал борьбу против марксизма, поддерживал политику империалистической буржуазии, выступал против Октябрьской социалистической революции и Советского государства. — *114, 199, 204, 297, 308.*

Бисмарк (Bismarck), *Отто Эдуард Леопольд* (1815—1898) — государственный деятель и дипломат Пруссии и Германии. Основной целью Бисмарка было объединение «кровью и железом» мелких разрозненных немецких государств и создание единой Германской империи под гегемонией юнкерской Пруссии. В январе 1871 года Бисмарк занял пост рейхсканцлера Германской империи и в течение 20 лет руководил всей внешней и внутренней политикой Германии, направляя ее в интересах помещиков-юнкеров, стараясь в то же время обеспечить союз юнкерства с крупной буржуазией. Не добившись удушения рабочего движения с помощью проведенного им в 1878 году исключительного закона против социалистов, Бисмарк выступил с демагогической программой социального законодательства, введя законы об обязательном страховании некоторых категорий рабочих. Од-

нако попытка разложить рабочее движение жалкими подачками не увенчалась успехом. В 1890 году получил отставку. — *144, 219, 312.*

Блох (Bloch), *Иосиф* (1871—1936) — немецкий социал-демократ, ревизионист, литератор. В 1897—1933 годах был редактором и издателем главного органа немецких оппортунистов журнала «Sozialistische Monatshefte» («Социалистический Ежемесячник»). В 1933 году, после захвата власти фашистами, эмигрировал в Чехословакию. — *13.*

Бобрищев-Пушкин, А. В. (Громобой) (род. в 1875 г.) — адвокат, сначала входил в партию правового порядка, затем в «Союз 17 октября», в котором являлся членом Центрального комитета. Сотрудничал в октябристских органах — газетах «Голос Москвы» и «Голос Правды». После Октябрьской социалистической революции принимал участие в контрреволюционном походе генерала Деникина, затем эмигрировал за границу. В эмиграции участвовал в сборнике «Смена Вех», сотрудничал в журнале того же названия. В 1923 году, после того как Советское правительство удовлетворило просьбу Бобрищева-Пушкина об амнистии, он вернулся в Советский Союз и занимался адвокатской практикой. — *147, 149—150, 153, 156, 223—224, 226— 227.*

Богданов, А. (Малиновский, А. А., Максимов, Н.) (1873— 1928) — социал-демократ, философ, социолог, экономист, по образованию врач. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. В годы реакции и нового революционного подъема возглавлял отзовистов, был лидером антипартийной группы «Вперед». В вопросах философии пытался создать собственную сиетему — «эмпириомонизм» (разновидность субъективно-идеалистической махистской философии), резкую критику которой Ленин дал в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм». На Совещании расширенной редакции газеты «Пролетарий» в июне 1909 года Богданов был исключен из рядов большевиков. После Октябрьской социалистической революции являлся одним из организаторов и руководителей «Пролеткульта». С 1926 года — директор основанного им Института переливания крови. — *45—46, 271.*

Богданов, Б. О. (род. в 1884 г.) — меньшевик-ликвидатор, член «инициативной» группы, созданной ликвидаторами в Петербурге в конце 1910 года. Сотрудничал в ликвидаторских журналах «Новое Печатное Дело», «Наша Заря», «Дело Жизни». Во время первой мировой войны — оборонец, один из организаторов Военно-промышленных комитетов. — *208—211.*

Бодман (Bodman), *Иоганн Генрих* (1851—1929) — немецкий буржуазный государственный деятель, барон. В 1907—1917 годах — министр внутренних дел, а с декабря 1917 года — глава

правительства в Баденском великом герцогстве, опирался на национал-либеральные круги. После Ноябрьской революции в Германии в 1918 году вышел в отставку. — *11, 12.*

Брентано (Brentano), *Луйо* (1844—1931) — немецкий буржуазный экономист, с 1896 года профессор политической экономии в Мюнхенском университете; сторонник «катедер-социализма», проповедовавшего отказ от классовой борьбы и возможность путем организации реформистских профсоюзов и фабричного законодательства разрешить социальные противоречия в капиталистическом обществе и примирить интересы рабочих и капиталистов. В аграрном вопросе отстаивал реакционную «теорию» устойчивости мелкого хозяйства в земледелии и лженаучный буржуазный «закон убывающего плодородия почвы». Защищал интересы капиталистических монополий. — *111.*

Бриан (Briand), *Аристид* (1862—1932) — французский государственный деятель и дипломат. Некоторое время примыкал к левому крылу социалистов. В 1902 году прошел в парламент и стал открыто враждебным рабочему классу реакционным буржуазным политиком. Будучи исключенным из социалистической партии, он примкнул к группе «независимых социалистов», которая в 1911 году приняла наименование «республиканской социалистической партии». В 1909 году Бриан стал премьером «кабинета трех ренегатов» (Бриан — Мильеран — Вивиани). В 1913, 1915—1917, 1921—1922 годах — премьер-министр; в 1924 году был представителем Франции в Лиге наций. В 1925 году принял участие в заключении Локарнских соглашений, направленных против СССР. В 1926—1931 годах руководил французской внешней политикой. — *280.*

Бродский, Б. Б. (род. в 1889 г.) — был членом РСДРП, с 1904 года состоял секретным сотрудником варшавского, а затем петербургского охранного отделения. — *381, 382—383, 385.*

Бронштейн, П. А. (Юрий, Чацкий, Ю.) (род. в 1881 г.) — социал-демократ, меньшевик. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор; был редактором ликвидаторского журнала «Дело Жизни», сотрудничал в газетах «Невский Голос», «Луч» и других органах меньшевиков-ликвидаторов. В. И. Ленин называл Бронштейна «открытым ренегатом». В 1917 году — один из руководителей меньшевиков в Петрограде, входил в редакцию центрального органа меньшевиков «Рабочая Газета». После Октябрьской социалистической революции вел контрреволюционную работу на юге страны, позднее эмигрировал за границу. — *29, 30, 42, 48, 53, 181, 182—183, 184, 256, 259, 262, 263—264, 271, 288, 301, 322, 344, 345, 351, 364, 365, 367, 368.*

Брукер (Brouckére), *Луи, де* (род. в 1870 г.) — один из лидеров и теоретиков Бельгийской рабочей партии; до первой мировой

войны возглавлял ее левое крыло. Во время первой мировой войны — ярый социал-шовинист. По окончании войны — член бюро Генерального совета партии и член Исполкома II Интернационала. Позднее входил в правительство, был сенатором, представителем Бельгии в Лиге наций. С 1919 года — профессор Брюссельского университета, с 1926 года — член Бельгийской Академии. Выступал против Советского государства и партии большевиков. — *206.*

Булат (Булота), А. А. (1872—1941) — литовский общественный деятель, депутат II и III Государственных дум от Сувалкской губернии. В Думах входил во фракцию трудовиков; в III Государственной думе был лидером этой фракции. В 1912— 1915 годах — адвокат в Вильнюсе, с 1915 по 1917 год находился в США. По возвращении в Петроград был кооптирован в соглашательский ЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов от партии эсеров.

В 1940 году, после свержения фашистского режима в Литве, был членом республиканской избирательной комиссии по выборам в Народный сейм. В 1940—1941 годах — заведующий юридическим отделом Президиума Верховного Совета Литовской ССР. В 1941 году расстрелян немецкими оккупантами. — *215.*

Булыгин, А. Г. (1851—1919) — государственный деятель царской России, крупный помещик. В 1900—1904 годах — помощник московского генерал-губернатора; активно способствовал деятельности зубатовской охранки. В 1905 году — министр внутренних дел, руководил подготовкой проекта закона о созыве совещательной Государственной думы с целью ослабления нараставшего в стране революционного подъема. Однако эта Дума не была созвана, будучи сметена революцией. После царского манифеста 17 октября 1905 года Булыгин получил отставку, оставаясь членом Государственного совета, и фактически сошел с политической сцены. — *276.*

Буренин, В. П. (1841 — 1926) — реакционный публицист и литератор. С 1876 года входил в редакцию газеты «Новое Время», возглавлял продажную литературную клику «нововременцев». В. И. Ленин часто употреблял имя Буренина для обозначения бесчестных методов полемики. — *195, 196.*

Бурцев, В. Л. (1862—1936) — участвовал в революционном движении 80-х годов, был близок к народовольцам. После ареста бежал за границу, где занялся собиранием и публикацией документов революционного движения. Издавал газеты «Свободная Россия», «Будущее» и журнал «Былое», занимался разоблачением секретных дел департамента полиции. Перед первой русской революцией был близок к эсерам, после поражения революции поддерживал кадетов. Во время первой мировой войны — ярый шовинист, отказался от всякой оппозиции царизму, вернулся

в Россию, выступал на стороне контрреволюции против большевиков. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу, участвовал в создании белогвардейско-монархических организаций для борьбы против СССР. — *382.*

В

В. В. — *см.* Воронцов, В. П.

Виктор — *см.* Таратута, В. К.

Виллих (Willich), *Август* (1810—1878) — участник революционного движения в Германии. В 1847 году вступил в Союз коммунистов. В период революции 1848—1849 годов в Германия участвовал в ряде вооруженных выступлений южногерманских республиканцев. После поражения восстания эмигрировал в Швейцарию, а затем в Англию. Был одним из лидеров сектантско-авантюристской фракции, отколовшейся от Союза коммунистов в 1850 году. К. Маркс и Ф. Энгельс выступили против тактики Виллиха и его сторонников. В 1853 году уехал в США, где принимал активное участие в гражданской войне (1861—1865), занимая различные командные должности в армии северян. — *200—201.*

Вильгельм I (Гогенцоллерн) (1797—1888) — прусский король (с 1861); германский император (1871—1888). — *312.*

Вильгельм II (Гогенцоллерн) (1859—1941) — германский император и король Пруссии (1888—1918). — *229.*

Витте, С. Ю. (1849—1915) — государственный деятель, выражавший интересы «военно-феодального империализма» царской России, убежденный сторонник самодержавия, стремившийся сохранить монархию путем незначительных уступок либеральной буржуазии и жестоких репрессий по отношению к народу; один из организаторов подавления революции 1905—1907 годов. Будучи министром путей сообщения (февраль — август 1892), министром финансов (1892—1903), председателем Совета министров (октябрь 1905 — апрель 1906), Витте своими мероприятиями в области финансов, таможенной политики, железнодорожного строительства, фабричного законодательства, всемерным поощрением иностранных капиталовложений способствовал развитию капитализма в России и усилению ее зависимости от империалистических держав. «Министр-маклер», «агент биржи» — так охарактеризовал его В. И. Ленин. — *98, 277, 327, 369, 371, 375.*

Войлошников, А. А. (1877—1930) — член III Государственной думы от войскового населения забайкальского казачьего войска, входил в социал-демократическую фракцию, примыкал к боль-

шевикам. За речи об уставе о воинской повинности Войлошников был исключен председателем Думы на 15 заседаний. В 1911 — 1912 годах сотрудничал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда». С 1913 года — председатель правления Забайкальского губернского союза кооперативов. После Октябрьской социалистической революции находился на хозяйственной работе в Новосибирске, Саратове, Казани и Москве. — *215.*

Волконский, В. М. (род. в 1868 г.) — князь, крупный помещик. Член III и IV Государственных дум от Тамбовской губернии, товарищ председателя Думы. В 1915—1916 годах — товарищ министра внутренних дел. После Октябрьской социалистической революции был одним из организаторов контрреволюционного похода генерала Юденича на Петроград, затем белоэмигрант. — *215.*

Воронцов, В. П. (В. В.) (1847—1918) — экономист и публицист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов, автор книг «Судьбы капитализма в России» (1882), «Наши направления» (1893), «Очерки теоретической экономии» (1895) и других, в которых отрицал развитие капитализма в России, восхвалял мелкое товарное производство, идеализировал крестьянскую общину. Проповедовал примирение с царским правительством и выступал против марксизма. Взгляды Воронцова подверглись резкой критике во многих работах В. И. Ленина. — *161.*

Вяземский — см. Лейтейзен, Г. Д.

Г

Гайндман (Hyndman), *Генри Майерс* (1842—1921) — английский социалист, реформист. В 1881 году основал Демократическую федерацию, преобразованную в 1884 году в Социал-демократическую федерацию. В 1900—1910 годах — член Международного социалистического бюро. В 1916 году был исключен из Британской социалистической партии за пропаганду в пользу империалистической войны. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно, выступал за интервенцию против Советской России. — *229—230, 231, 389—395.*

Гайндман (Hyndman), *Розалинда Каролина* (ум. в 1923 г.) — жена английского социалиста Г. М. Гайндмана. Автор книги «The last years of H. M. Hyndman» («Последние годы Г. М. Гайндмана»). — *393.*

Гегель (Hegel), *Георг Вильгельм Фридрих* (1770—1831) — крупнейший немецкий философ — объективный идеалист, идеолог

немецкой буржуазии. Философия Гегеля явилась вершиной немецкого идеализма конца XVIII — начала XIX века. Исторической заслугой Гегеля является глубокая и всесторонняя разработка диалектики, которая послужила одним из теоретических источников диалектического материализма К. Маркса и Ф. Энгельса. Однако объективный мир, действительность Гегель рассматривал как порождение «абсолютного духа», «абсолютной идеи».

Главные произведения Гегеля: «Феноменология духа» (1806), «Наука логики» (1812—1816), «Энциклопедия философских наук» (1817), «Философия права» (1821). Посмертные издания: «Лекции по истории философии» (1833—1836) и «Лекции по эстетике, или философия искусства» (1836—1838). — *128.*

Гегечкори, Е. П. (род. в 1879 г.) — меньшевик. Депутат III Государственной думы от Кутаисской губернии, один из лидеров социал-демократической фракции в Думе. С ноября 1917 года — председатель контрреволюционного правительства Закавказья (Закавказского комиссариата), затем министр иностранных дел и заместитель председателя меньшевистского правительства Грузии. После установления в 1921 году Советской власти в Грузии — белоэмигрант. — *248, 376, 406, 409.*

Гейден, П. А. (1840—1907) — граф, крупный помещик, земский деятель, октябрист. Прикрываясь либерализмом, стремился объединить буржуазию и помещиков в борьбе с нарастающим революционным движением. После царского манифеста 17 октября 1905 года открыто перешел в лагерь контрреволюции. В I Государственной думе возглавлял группу правых депутатов. После роспуска Думы был одним из организаторов конституционно-монархической партии «мирного обновления». — *332— 333, 370, 371, 372, 373.*

Герасимов, А. В. (род. в 1861 г.) — генерал-майор. В 1905— 1909 годах — начальник Петербургского охранного отделения, в 1909—1914 годах — генерал для поручений при министре внутренних дел. — *382, 383.*

Герман — см. Данишевский, К. Х.

Гирш (Hirsch), *Карл* (1841—1900) — немецкий социал-демократ, журналист; вместе с В. Либкнехтом редактировал в Лейпциге «Demokratische Wochenblatt» («Демократический Еженедельник»). После ареста А. Бебеля и В. Либкнехта редактировал социал-демократическую газету «Der Volksstaat» («Народное Государство»). В период действия исключительного закона против социалистов был в эмиграции, жил во Франции, Бельгии и Англии, пропагандировал идеи научного социализма; был связан с К. Марксом и Ф. Энгельсом. В 1896 году вернулся в Германию. — *390.*

Гольденберг, И. П. (Мешковский) (1873—1922) — социал-демократ. Во время революции 1905—1907 годов входил в состав редакции всех большевистских изданий. В 1907 году участвовал в работе V (Лондонского) съезда РСДРП, на котором был избран от большевиков в члены ЦК. В 1910 году входил в состав Русского бюро ЦК, проявлял примиренческие колебания по отношению к ликвидаторам. Во время первой мировой войны примкнул к оборонцам, сторонникам Плеханова. В 1917—1919 годах примыкал к группе «Новая жизнь». В 1920 году был вновь принят в партию большевиков. — *105, 107, 157, 160, 254, 263, 264.*

Гольдман, Б. И. — см. Горев, Б. И.

Гольдман, М. И. — см. Либер, М. И.

Горев (Гольдман, Игорев, Игорь), *Б. И.* (род. в 1874 г.) — социал-демократ. В 1905 году — член Петербургского комитета РСДРП, большевик. В 1907 году примкнул к меньшевикам. На V (Лондонском) съезде (1907) был избран от меньшевиков кандидатом в члены ЦК РСДРП. Сотрудничал в органах меньшевиков-ликвидаторов — газете «Голос Социал-Демократа» и журнале «Наша Заря». В 1912 году участвовал в антипартийной августовской конференции в Вене. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — оборонец, член меньшевистского ЦК. В августе 1920 года заявил о своем выходе из меньшевистской организации. Впоследствии находился на преподавательской работе в ряде вузов. — *43, 51, 52, 53, 183, 253, 254, 256—259, 287, 297, 323.*

Громобой — см. Бобрищев-Пушкин, А. В.

Гуревич, Э. Л. (Смирнов, Е.) (род. в 1865 г.) — публицист, до 1890 года — народоволец, затем примкнул к социал-демократам; после II съезда РСДРП — меньшевик. В годы реакции — ликвидатор, сотрудничал в газете левых кадетов «Товарищ». — *337.*

Гурко, В. И. (1863—1927) — реакционный деятель царской России. В 1906 году — товарищ министра внутренних дел. Играл видную роль в правительстве Горемыкина, оказался замешан в казнокрадстве и растратах и по приговору Сената был отстранен от должности. В 1912 году избран членом Государственного совета. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советской власти, белоэмигрант. — *359—360.*

Гутовский, В. А. — см. Маевский, Е.

Гучков, А. И. (1862—1936) — крупный капиталист, организатор и лидер партии октябристов. В период революции 1905— 1907 годов выступал против революционного движения, поддерживая правительственную политику беспощадных репрессий по

отношению к рабочему классу и крестьянству. В 1910—1911 годах — председатель III Государственной думы. Во время первой мировой войны был председателем Центрального военно-промышленного комитета и членом Особого совещания по обороне. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — военный и морской министр первого состава буржуазного Временного правительства. В августе 1917 года участвовал в организации корниловского мятежа. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти, белоэмигрант. — *116, 136, 327—328, 332—333, 369, 371, 372, 373, 375, 404—405.*

Д

Дан (Гурвич), Ф. И. (1871—1947) — один из лидеров меньшевиков. Был участником IV (Объединительного), V (Лондонского) съездов РСДРП и ряда конференций. В годы реакции и нового революционного подъема возглавлял за границей группу ликвидаторов, редактировал ликвидаторскую газету «Голос Социал-Демократа». Во время первой мировой войны — оборонец. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — член Исполкома Петроградского Совета и Президиума ЦИК первого созыва, поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советской власти. В начале 1922 года был выслан за границу как непримиримый враг Советского государства. — *61, 159, 181, 182, 183, 188—189, 265, 296, 297, 300, 309, 320, 351, 367.*

Даниельсон, Н. Ф. (Ник. —он, Николай —он) (1844—1918) — писатель-экономист, один из идеологов либерального народничества 80—90-х годов. Завершил начатый Г. А. Лопатиным первый перевод «Капитала» К. Маркса на русский язык, в связи с чем имел переписку с К. Марксом и Ф. Энгельсом. Однако существа марксизма Даниельсон не понял и впоследствии выступал против него. В 1893 году издал книгу «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», которая вместе с работами В. П. Воронцова служила теоретическим обоснованием либерального народничества. В. И. Ленин в ряде своих работ резко критиковал взгляды Даниельсона. — *161, 162, 163.*

Данишевский, К. X. (Герман) (1884—1941) — член РСДРП с 1900 года, большевик. С конца 1906 года входил в ЦК РСДРП от Социал-демократии Латышского края, на V (Лондонском) съезде был избран в ЦК РСДРП. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — член Московского комитета РСДРП (б) и Московского Совета рабочих и солдатских депутатов. С мая 1917 года — один из редакторов Центрального органа Латышской социал-демократии газеты «Zihņa» («Борьба») и большевистской газеты «Окопная Правда». После Октябрьской

социалистической революции — член Реввоенсовета Республики и Реввоенсовета Восточного фронта, председатель Реввоентрибунала Республики. После установления Советской власти в Латвии — председатель Реввоенсовета Латвии. С 1921 года секретарь Сибирского бюро ЦК РСДРП (б), затем был на руководящей хозяйственной работе. — *350.*

Джордж (George), *Генри* (1839—1897) — американский мелкобуржуазный экономист и публицист. Характеристику Джорджа см. в письме Маркса к Зорге от 20 июня 1881 года и в предисловии Ф. Энгельса к американскому изданию работы «Положение рабочего класса в Англии» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVII, 1935, стр. 137—140; т. XVI, ч. I, 1937, стр. 286— 288). — *395.*

Дионео — см. Шкловский, И. В.

Дневницкий, П. Н. (Цедербаум, Ф. О.) (род. в 1883 г.) — социал-демократ, меньшевик, публицист. С 1909 года жил за границей, примыкал к меньшевикам-партийцам, сотрудничал в плехановском «Дневнике Социал-Демократа», участвовал в большевистских газетах «Звезда» и «Правда».

После Октябрьской социалистической революции выступал против Советской власти. — *315.*

Дубровинский, И. Ф. (Иннокентиев, Иннокентий, Инок) (1877—1913) — один из видных деятелей партии большевиков, профессиональный революционер. Был одним из руководителей «Московского рабочего союза». С 1902 года — агент «Искры». После II съезда РСДРП был кооптирован в ЦК. В 1905 году — один из организаторов и руководителей вооруженного восстания в Москве. На V (Лондонском) съезде РСДРП был избран членом ЦК. Находясь за границей, работал в редакции «Пролетария». В годы реакции проявлял примиренческие колебания по отношению к меньшевикам-ликвидаторам. Неоднократно подвергался репрессиям, в 1913 году погиб в Туруханской ссылке. В. И. Ленин, отмечая примиренческие ошибки Дубровинского, в то же время высоко ценил его как одного из крупнейших организаторов партии, беззаветно преданного делу рабочего класса. — *158, 253, 254, 260, 262, 263, 264, 270, 271, 348.*

Думбадзе, И. А. (1851—1916) — генерал царской армии, черносотенец, сторонник русификаторской политики на Кавказе. В 1906 году был назначен главноначальствующим города Ялты, превратил его в свою вотчину, терроризировал население, вмешивался в судебные дела. В 1910 году был уволен, но вскоре снова был назначен градоначальником Ялты. — *359—360, 408—409.*

Дурново, П. Н. (1844—1915) — один из реакционнейших государственных деятелей царской России. В 1884—1893 годах

был директором департамента полиции; в 1900—1905 годах — товарищ министра внутренних дел. В октябре 1905 года был назначен министром внутренних дел, применял жестокие меры для подавления первой русской революции, вдохновлял черносотенные организации на погромы. С 1906 года — член Государственного совета. — *327, 328, 369.*

Дюма (Dumas), *Шарль* (род. в 1883 г.) — журналист и публицист, член Социалистической партии Франции, депутат парламента. Сотрудничал в ряде французских и иностранных социалистических органов печати. — *386.*

Дюринг (Dühring), *Евгений* (1833—1921) — немецкий философ и экономист, мелкобуржуазный идеолог. Философские взгляды Дюринга представляли собой эклектическую смесь позитивизма, метафизического материализма и идеализма. Взгляды Дюринга, нашедшие поддержку среди части германской социал-демократии, были подвергнуты критике Энгельсом в книге «Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом». Ленин в своей книге «Материализм и эмпириокритицизм» и в ряде других произведений неоднократно критиковал эклектические воззрения Дюринга.

Основные работы Дюринга: «Критическая история национальной экономии и социализма», «Курс национальной и социальной экономии», «Курс философии». — *125, 126.*

Е

Ермолаев, К. М. (Роман) (1884—1919) — социал-демократ, меньшевик. В 1904—1905 годах работал в Петербурге и Донецком бассейне. Делегат V (Лондонского) съезда РСДРП; был избран в состав ЦК от меньшевиков. В годы реакции стал ликвидатором; в 1910 году в числе 16 меньшевиков подписал «Открытое письмо» о ликвидации партии. В 1917 году был избран членом ЦК партии меньшевиков, входил в состав ВЦИК первого созыва. — *29, 30, 42, 48, 53, 181, 182—183, 184, 256, 259, 262, 263—264, 271, 288, 301, 322, 344, 345, 351.*

Ермолов, А. С. (1846—1917) — чиновник царского правительства. С 1894 по 1905 год — министр земледелия и государственных имуществ, затем член Государственного совета. Написал ряд работ по вопросам сельского хозяйства, в которых выступал как выразитель интересов помещиков-крепостников. — *76.*

Ж

Жилкин, И. В. (1874—1958) — журналист, один из лидеров мелкобуржуазной партии трудовиков. В 1906 году был избран в I Государственную думу как крестьянский депутат от Саратов-

ской губернии. После Октябрьской социалистической революции работал в различных советских учреждениях, с 1925 года занимался журналистикой. — *7.*

Жордания, Н. Н. (Костров) (1870—1953) — социал-демократ, меньшевик. В 1905 году редактировал меньшевистскую газету «Социал-Демократи» (на грузинском языке). В 1906 году был членом I Государственной думы. На V (Лондонском) съезде партии был избран членом ЦК РСДРП от меньшевиков. В годы реакции и нового революционного подъема Жордания, формально примыкая к меньшевикам-партийцам, фактически поддерживал ликвидаторов. В 1914 году сотрудничал в журнале Троцкого «Борьба»; во время первой мировой войны — социал-шовинист. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года был председателем Тифлисского Совета рабочих депутатов, в 1918—1921 годах возглавлял контрреволюционное меньшевистское правительство Грузии; с 1921 года — белоэмигрант. — *253—254, 256, 263, 264, 271.*

Жорес (Jaurès), *Жан* (1859—1914) — видный деятель французского и международного социалистического движения, историк. В 1902 году Жорес и его сторонники создали французскую социалистическую партию, которая в 1905 году, слившись о Социалистической партией Франции, получила название Объединенной французской социалистической партии. Член парламента в 1885—1889, 1893—1898, 1902—1914 годах; один из лидеров парламентской социалистической фракции. В 1904 году основал и редактировал до конца жизни газету «L'Humanité» («Человечество»), ставшую в 1920 году центральным органом Французской коммунистической партии. Во время революции 1905—1907 годов в России приветствовал борьбу русского народа. Жорес неустанно выступал в защиту демократии, народных свобод, за мир, против империалистического гнета и захватнических войн. Он был убежден, что только социализм окончательно покончит с войнами и колониальным гнетом. Однако Жорес считал, что социализм победит не путем классовой борьбы пролетариата с буржуазией, а в результате «расцвета демократической идеи». Ленин резко критиковал реформистские взгляды Жореса, которые толкали его на путь оппортунизма.

Борьба Жореса за мир, против надвигающейся угрозы войны вызвала ненависть к нему империалистической буржуазии. Накануне первой мировой войны Жорес был убит ставленником реакции. — *199.*

З

Зингер (Singer), *Пауль* (1844—1911) — один из вождей германской социал-демократии, соратник А. Бебеля, В. Либкнехта, видный деятель марксистского крыла во II Интернационале.

С 1887 года — член правления Германской социал-демократической партии, а с 1890 года — председатель правления партии. С 1884 по 1911 год — член рейхстага и председатель социал-демократической фракции. С 1900 года являлся членом Международного социалистического бюро. Зингер боролся с оппортунизмом в рядах немецкой рабочей партии и до конца своей жизни оставался последовательным проводником революционной социал-демократической политики. Ленин высоко ценил Зингера, как непримиримого борца за дело пролетариата. — *143—146.*

Зомбарт (Sombart), *Вернер* (1863—1941) — немецкий вульгарный буржуазный экономист, видный идеолог германского империализма. Профессор Бреславльского, а затем Берлинского университетов. В начале своей деятельности Зомбарт был одним из типичных идеологов «слегка подкрашенного в марксистский цвет социал-либерализма» (В. И. Ленин. Сочинения, 4 изд., том 18, стр. 51). В дальнейшем он превратился в открытого врага марксизма, изображал капитализм как гармоничную хозяйственную систему. В последние годы жизни перешел на позиции фашизма и восхвалял гитлеровский режим. Основные работы Зомбарта: «Социализм и социальное движение в XIX веке» (1896), «Современный капитализм» (1902) и др. — *111.*

Зорге (Sorge), *Фридрих Адольф* (1828—1906) — немецкий социалист, видный деятель международного рабочего и социалистического движения, друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. Участник революции 1848—1849 годов в Германии. После поражения революции эмигрировал в Швейцарию, а затем — в Америку. Организатор секций I Интернационала в Америке, секретарь Генерального Совета I Интернационала (1872—1874). Принимал активное участие в основании Социалистической рабочей партии США и Интернационального рабочего союза. Зорге подготовил к печати свою переписку с К. Марксом, Ф. Энгельсом и другими лицами. Ленин высоко оценивал деятельность Зорге, отзываясь о нем как о ветеране I Интернационала. — *393, 394, 395.*

И

Игорев — см. Горев, Б. И.

Игорь — см. Горев, Б. И.

Изгоев (Ланде), А. С. (род. в 1872 г.) — буржуазный публицист, один из идеологов партии кадетов. Первоначально был «легальным марксистом», одно время примыкал к социал-демократам, в 1905 году перебежал в партию кадетов. Выступал с яростными нападками на большевиков в кадетских органах: газете «Речь», журналах «Южные Записки» и «Русская Мысль», участвовал в контрреволюционном сборнике «Вехи», После

Октябрьской социалистической революции сотрудничал в журнале декадентствующей группы интеллигентов — «Вестник Литературы». За контрреволюционную публицистическую деятельность в 1922 году выслан за границу. — *93, 94, 117, 124, 147, 150, 151, 152, 153, 154, 156, 277, 307, 366.*

Иков, В. К. (Миров, В.) (род. в 1882 г.) — социал-демократ, меньшевик. Сотрудничал в журнале «Возрождение», газете «Голос Социал-Демократа» и других органах меньшевиков-ликвидаторов. Во время первой мировой войны — оборонец. После Октябрьской социалистической революции работал в системе кооперации. В 1931 году осужден по делу контрреволюционной меньшевистской организации «Союзное бюро РСДРП». — *193, 197.*

Илиодор (Труфанов, С. М.) (род. в 1880 г.) — иеромонах, один из вожаков черносотенцев, создал «Союз православного русского народа». После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу. — *359—360.*

Иннокентиев — см. Дубровинский, И. Ф.

Иннокентий — см. Дубровинский, И. Ф.

Инок — см. Дубровинский, И. Ф.

Ионов (Койген, Ф. М.) (1870—1923) — социал-демократ, один из лидеров Бунда, впоследствии — член Коммунистической партии. С 1893 года работал в социал-демократических кружках Одессы. В 1903 году избран в члены ЦК Бунда. Делегат V (Лондонского) съезда партии. В декабре 1908 года участвовал в работе V конференции РСДРП, по основным вопросам стоял на платформе меньшевиков-партийцев; позднее занимал примиренческую позицию по отношению к ликвидаторам. Во время первой мировой войны входил в интернационалистское крыло Бунда. После Октябрьской социалистической революции вступил в РКП (б), работал в Вотском обкоме партии. — *267, 338, 341, 348.*

Исув, И. А. (Михаил) (1878—1920) — социал-демократ, меньшевик. В 1907 году вошел в состав ЦК РСДРП от меньшевиков. В годы реакции стал ликвидатором, сотрудничал в журнале «Наша Заря» и других ликвидаторских изданиях. В годы первой мировой войны — оборонец. В 1917 году был членом Московского комитета меньшевиков, входил в Исполком Моссовета и в состав ВЦИК первого созыва. После Октябрьской социалистической революции работал в Музее труда. — *29, 30, 42, 48, 53, 181, 182—183, 184, 256, 259, 262, 263—264, 271, 288, 301, 322, 344, 345, 351.*

К

Кавелин, К. Д. (1818—1885) — историк и юрист, профессор Московского (1844—1848) и Петербургского (1857—1861) университетов, представитель дворянско-буржуазного либерализма. Сотрудничал в «Современнике», «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы». В период подготовки и проведения реформы 19 февраля 1861 года выступал против революционно-демократического движения, одобрял реакционную политику самодержавия. Ленин называл его одним «из отвратительнейших типов либерального хамства». — *165.*

Каган, Зельда — см. Каган-Коутс, Зельда.

Каган-Коутс (Kahan-Coates), *Зельда* (род. в 1883 г.) — будучи членом английской Социал-демократической федерации, примыкала к ее левому крылу, выступала против оппортунистической политики Гайндмана. В качестве гостя присутствовала на V (Лондонском) съезде РСДРП. В 1912 году была избрана членом Исполкома Британской социалистической партии, вела активную борьбу против милитаризма, империалистической агрессии и политики капиталистических государств.

В 1925 году совершила продолжительную поездку по Советскому Союзу. В последующие годы вместе с мужем — секретарем Англо-Русского парламентского комитета — неоднократно посещала СССР. Совместно с мужем написала ряд книг, в которых содержится правдивая информация о СССР. Активный сторонник англо-советской дружбы. — *229, 230.*

Калинин, Ф. И. (Аркадий) (1882—1920) — рабочий-ткач, член РСДРП с 1903 года. В 1905 году руководил вооруженным восстанием в городе Александрове Владимирской губернии, позднее работал в Московском комитете РСДРП. В годы реакции и нового революционного подъема был участником фракционных школ на Капри и в Болонье (Италия), входил в антипартийную группу «Вперед». С 1912 года жил в Париже. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года вернулся в Россию, работал в Петроградском профессиональном союза металлистов. После Октябрьской социалистической революции — член коллегии Наркомпроса и один из руководителей «Пролеткульта». — *350.*

Каменев (Розенфельд), Л. Б. (1883—1936) — состоял в партии с 1901 года. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам. В годы реакции занимал примиренческую позицию по отношению к ликвидаторам, отзовистам и троцкистам. В 1915 году, будучи арестован, перед царским судом отрекся от большевистского лозунга поражения царского правительства в империалистической войне. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года выступал против курса партии на социали-

стическую революцию и Апрельских тезисов В. И. Ленина. В октябре 1917 года вместе с Зиновьевым совершил предательство, опубликовав в полуменьшевистской газете «Новая Жизнь» заявление о своем несогласии с решением ЦК о вооруженном восстании и выдав тем самым Временному правительству планы партии.

После Октябрьской социалистической революции — председатель ВЦИК, председатель Московского Совета, заместитель председателя СНК; был членом Политбюро ЦК. Неоднократно выступал против ленинской политики партии: в ноября 1917 года был сторонником создания коалиционного правительства с участием меньшевиков и эсеров, в 1925 году — один из организаторов «новой оппозиции», в 1926 году — один из лидеров антипартийного троцкистско-зиновьевского блока. В 1927 году XV съездом ВКП(б) был исключен из партии как активный деятель троцкистской оппозиции. В 1928 году заявил о признании своих ошибок и был восстановлен в партии, однако антипартийной деятельности не прекратил и в 1932 году был снова исключен из ВКП(б). Вновь восстановлен в партии в 1933 году. В 1934 году за антипартийную деятельность был в третий раз исключен из партии. — *295, 296.*

Кант (Kant), *Иммануил* (1724—1804) — немецкий философ, основоположник классического немецкого идеализма, с 1770 года профессор Кёнигсбергского университета. Философия Канта есть разновидность субъективного идеализма и агностицизма, но вместе с тем она имеет известную материалистическую тенденцию, выраженную в учении о «вещах в себе» и в признании опытного характера наших знаний. Кантианство сыграло огромную роль в истории философии, под его влиянием сформировались более поздние представители классического немецкого идеализма (Фихте, Шеллинг, Гегель), возникли такие направления буржуазной философской мысли как неокантианство, позитивизм и другие. Стремление вернуться к Канту или примирить марксизм с кантианством всегда было характерно для ревизионистов.

Противоречивость и непоследовательный характер философия Канта вызвал критику как «справа» (более последовательными субъективными идеалистами), так и «слева» (Фейербахом, Чернышевским, диалектическими материалистами) (см. В. И. Ленин. Сочинения, 5 изд., том 18, стр. 202—214, 381—384).

Основные произведения Канта: «Всеобщая естественная история и теория неба» (1755), «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790) и другие. — *128.*

Караулов, В. А. (1854—1910) — кадет, дворянин, по профессии юрист. Депутат III Государственной думы от Енисейской губернии; в Думе занимал, как писал Ленин, «одно из первых

мест среди самых подлых, контрреволюционных кадетов с вечной ханжеской фразой на устах» (настоящий том, стр. 98). — *97—99, 153, 277, 307, 373.*

Карский — см. Мархлевский, Ю. Ю.

Каутский (Kautsky), *Карл* (1854—1938) — один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала, вначале марксист, позднее ренегат марксизма, идеолог наиболее опасной и вредной разновидности оппортунизма — центризма (каутскианства). Редактор теоретического журнала германской социал-демократии «Die Neue Zeit» («Новое Время»).

В социалистическом движении начал участвовать с 1874 года. Его воззрения в то время представляли смесь лассальянства, неомальтузианства и анархизма. В 1881 году познакомился с К. Марксом и Ф. Энгельсом и под их влиянием перешел к марксизму, однако уже в этот период проявлял колебания в сторону оппортунизма, за что его резко критиковали К. Маркс и Ф. Энгельс. В 80—90-е годы написал ряд работ по вопросам марксистской теории: «Экономическое учение Карла Маркса», «Аграрный вопрос» и др., которые, несмотря на ошибки, допущенные в них, сыграли положительную роль в пропаганде марксизма. Позднее, в период широко развернувшегося революционного движения, перешел на позиции оппортунизма. Во время первой мировой войны Каутский стоял на позициях социал-шовинизма, прикрывая его фразами об интернационализме. Автор теории ультраимпериализма. После Октябрьской социалистической революции открыто выступил против пролетарской революции и диктатуры пролетариата, против Советской власти.

В. И. Ленин в своих произведениях «Крах II Интернационала», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», «Пролетарская революция и ренегат Каутский» и ряде других подверг каутскианство уничтожающей критике. — *18, 94, 126—127, 129, 296, 301.*

Кацап — см. Поляков, А. А.

Квелч (Quelch), *Гарри* (1858—1913) — видный деятель английского и международного рабочего движения. Квелч возглавлял революционные элементы английской Социал-демократической федерации, пропагандировал идеи марксизма, с 1886 года редактировал центральный орган английских социал-демократов газету «Justice» («Справедливость») и ежемесячник «Социал-Демократ». Являлся делегатом ряда международных конгрессов II Интернационала и членом Международного социалистического бюро. Принимал активное участие в деятельности английских профессиональных союзов. В период издания в Лондоне ленинской «Искры» (1902—1903) активно содействовал организации печатания газеты.

В. И. Ленин указывал, что несмотря на отдельные ошибки сектантского характера «Квелч был в первых рядах тех, кто

боролся стойко и убежденно против оппортунизма и либеральной рабочей политики в английском рабочем движении» (Сочинения, 4 изд., том 19, стр. 332—333). — *229—230, 231.*

Коган, В. Л. — социал-демократ, меньшевик, публицист, в 1906—1908 годах сотрудничал в журнале «Образование». — *198, 199.*

Кондурушкин, С. С. (1874—1919) — писатель и журналист. В 1898—1903 годах работал учителем при Палестинском обществе в Сирии, затем вернулся в Россию. Сотрудничал в журналах «Русское Богатство», «Мир Божий», в сборнике «Знамя» и других. — *378—379.*

Костров — см. Жордания, Н. Н.

Красин, Л. Б. (Никита) (1870—1926) — профессиональный революционер, впоследствии видный советский государственный деятель. В социал-демократическом движении принимал участие с 90-х годов. После II съезда РСДРП примкнул к большевикам, был кооптирован в ЦК партии, где некоторое время занимал примиренческую позицию по отношению к меньшевикам. Активный участник первой русской революции. На III и IV съездах РСДРП избирался членом ЦК, на V съезде — кандидатом в члены ЦК РСДРП. В 1908 году эмигрировал за границу. Некоторое время входил в антипартийную группу «Вперед»; позднее отошел от политической деятельности, работал инженером за границей и в России. После Октябрьской социалистической революции — один из организаторов снабжения Красной Армии, затем член Президиума ВСНХ, нарком торговли и промышленности, путей сообщения. С 1919 года находился на дипломатической работе. С 1920 года — наркомом внешней торговли и одновременно в 1921—1923 годах работал полпредом в Лондоне. С 1924 года — полномочный представитель СССР во Франции, с 1925 года — полпред в Англии. — *271.*

Кричевский, Б. Н. (1866—1919) — социал-демократ, один из лидеров «экономизма». С конца 80-х годов участвовал в работе социал-демократических кружков в России; в начале 90-х годов эмигрировал за границу. Некоторое время примыкал к группе «Освобождение труда», принимал участие в ее изданиях. В конце 90-х годов стал одним из руководителей «Союза русских социал-демократов за границей», в 1899 году — редактор органа «Союза» журнала «Рабочее Дело», на страницах которого пропагандировались бернштейнианские взгляды. Вскоре после II съезда РСДРП отошел от социал-демократического движения. — *204.*

Л

Лавров, П. Л. (1823—1900) — видный идеолог народничества, представитель субъективной школы в социологии; автор книги «Исторические письма» (1868—1869). Являлся родоначальником

реакционной народнической теории «героев» и «толпы», отрицавшей объективные закономерности развития общества и рассматривавшей прогресс человечества как результат деятельности «критически мыслящих личностей»..

Лавров был членом общества «Земля и воля», позднее партии «Народная воля». Находясь с 4870 года в эмиграции, издавал журнал «Вперед!» (Цюрих — Лондон, 1873—1876), был редактором «Вестника Народной Воли» (1883—1886), участвовал в редактировании народовольческих сборников «Материалы для истории русского социально-революционного движения» (1893—1896); состоял членом I Интернационала, был знаком с К. Марксом и Ф. Энгельсом и вел с ними переписку. — *126.*

Ларин, Ю. (Лурье, М. А.) (1882—1932) — социал-демократ, меньшевик. После поражения революции 1905—1907 годов — один из активных проповедников ликвидаторства. Принимал активное участие в антипартийном Августовском блоке, созданном в 1912 году Троцким. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года возглавил группу меньшевиков-интернационалистов, издававших журнал «Интернационал». В августе 1917 года был принят в большевистскую партию. После Октябрьской социалистической революции работал в советских и хозяйственных организациях. — *191—200, 203, 204, 205, 295, 309, 311, 312, 313, 314—315, 316—317, 320—321, 337, 350—351, 353, 360, 366, 408, 409.*

Лассаль (Lassalle), *Фердинанд* (1825—1864) — немецкий мелкобуржуазный социалист, родоначальник одной из разновидностей оппортунизма в немецком рабочем движении — лассальянства. Лассаль являлся одним из основателей Всеобщего германского рабочего союза (1863). Создание Союза имело положительное значение для рабочего движения, однако Лассаль, избранный президентом Союза, повел его по оппортунистическому пути. Лассальянцы рассчитывали путем легальной агитации за всеобщее избирательное право, путем создания производственных ассоциаций, субсидируемых юнкерским государством, добиться построения «свободного народного государства». Лассаль поддерживал политику объединения Германии «сверху» под гегемонией реакционной Пруссии. Оппортунистическая политика лассальянцев была помехой в деятельности I Интернационала и в создании подлинной рабочей партии в Германии, препятствовала выработке у рабочих классового сознания.

Теоретические и политические взгляды лассальянцев были подвергнуты резкой критике классиками марксизма-ленинизма (см. К. Маркс. «Критика Готской программы»; В. И. Ленин. «Государство и революция» и другие произведения). — *393.*

Лафарг (Lafargue), *Лаура* (1845—1911) — деятель рабочего движения Франции, дочь К. Маркса, жена Поля Лафарга. Много сделала для распространения марксизма во Франции;

совместно с мужем перевела на французский язык «Манифест Коммунистической партии», ей принадлежат переводы на французский язык «К критике политической экономии» К. Маркса, «Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии» Ф. Энгельса и других работ основоположников научного коммунизма. — *387—388.*

Лафарг (Lafargue), *Поль* (1842—1911) — выдающийся деятель французского и международного рабочего движения, талантливый публицист, один из первых последователей научного коммунизма во Франции, близкий друг и соратник К. Маркса и Ф. Энгельса. Был членом I Интернационала. Вместе с Ж. Гедом основал Рабочую партию Франции, был редактором ее органа — газеты «L'Égalité» («Равенство»). Лафарг активно боролся против оппортунизма во II Интернационале, он приветствовал первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда», позднее с симпатией относился к большевикам. В своих многочисленных работах Лафарг выступал с пропагандой и защитой идей марксизма в области политической экономии, философии, истории, языкознания; боролся против реформизма и ревизионизма. Однако работы Лафарга не свободны от ошибочных теоретических положений, в частности, по крестьянскому и национальному вопросам, по вопросу о задачах социалистической революции.

Считая, что в старости человек становится бесполезным для революционной борьбы, Лафарг и его жена Лаура (дочь К. Маркса) покончили с собой. На их похоронах от РСДРП выступил с речью В. И. Ленин. — *387—388.*

Левицкий (Цедербаум), В. О. (род. в 1883 г.) — социал-демократ, меньшевик. В годы реакции и нового революционного подъема — один из лидеров ликвидаторства; входил в меньшевистский центр, был в числе меньшевиков, подписавших «Открытое письмо» о ликвидации партии; редактировал журнал «Наша Заря», сотрудничал в «Голосе Социал-Демократа», «Возрождении» и в других меньшевистско-ликвидаторских периодических изданиях. В годы первой мировой войны — социал-шовинист, поддерживал крайне правую группу оборонцев. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно, активно боролся против Советской власти; в 1920 году привлекался по делу контрреволюционного «Тактического центра». Позднее занимался литературной работой. — *48—49, 94, 110—111, 121—122, 133, 181, 182, 187, 188—189, 191, 203, 205, 209, 210, 211, 282, 283, 295, 308, 316—317, 320—321, 337, 350—351, 353, 366, 368.*

Лейтейзен, Г. Д. (Вяземский, Линдов, Г.) (1874—1919) — социал-демократ. Революционную деятельность начал в 90-х годах. После II съезда РСДРП — большевик; сотрудничал в газетах «Вперед», «Пролетарий» и в других большевистских органах.

В годы реакции и нового революционного подъема вел партийную работу в Туле. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года некоторое время стоял на позициях меньшевиков-интернационалистов, примыкал к группе «Новая жизнь». В 1918 году Лейтейзен возвратился в ряды большевистской партии; в январе 1919 года погиб на Восточном фронте. — *253, 254, 262, 263, 267.*

Ленин, В. И. (Ульянов, В. И., Ленин, Н.) (1870—1924) — биографические данные. — *187, 303, 334, 336, 337, 351.*

Ленсбери (Lansbury), *Джордж* (1859—1940) — один из лидеров английской лейбористской партии. В 1892 году вступил в Социал-демократическую федерацию, в 1906 году примкнул к лейбористам. В 1910—1912 и 1922—1940 годах состоял членом парламента. В 1912—1922 годах издавал и редактировал ежедневную газету «The Daily Herald» («Ежедневный Вестник»). В 1929— 1931 годах — министр общественных работ. В 1931—1935 годах — председатель лейбористской партии. — *232—233.*

*Либер, М. И. (Гольдман, М. И., Б*ер) (1880—1937) — один из лидеров Бунда. В годы реакции — ликвидатор, в 1912 году — активный деятель антипартийного Августовского блока. В период первой мировой войны — социал-шовинист. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — член Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Президиума ЦИК первого созыва; занимал контрреволюционную меньшевистскую позицию, был сторонником коалиционного правительства. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно, был активным врагом Советской власти. Позже отошел от политической деятельности, находился на хозяйственной работе. — *267, 268, 287, 297, 321, 323.*

Либкнехт (Liebknecht), *Вильгельм* (1826—1900) — видный деятель немецкого и международного рабочего движения, один из основателей и вождей Германской социал-демократической партии. С 1875 года и до конца жизни Либкнехт являлся членом ЦК Германской социал-демократической партии и ответственным редактором ее центрального органа «Vorwärts» («Вперед»), С 1867 по 1870 год — депутат Северогерманского рейхстага, а с 1874 года неоднократно избирался депутатом германского рейхстага; умело использовал парламентскую трибуну для разоблачения реакционной внешней и внутренней политики прусского юнкерства. За революционную деятельность неоднократно подвергался тюремному заключению. Принимал активное участие в деятельности I и организации II Интернационала. К. Маркс и Ф. Энгельс высоко ценили Либкнехта. В то же время они критиковали отдельные ошибки Либкнехта примиренческого характера, помогая ему занять правильную позицию. — *145, 313—314.*

Линдов, Г. — см. Лейтейзен, Г, Д.

Литовцев, С. — см. Поляков, С. Л.

Лопатин, Г. А. (1845—1918) — известный русский революционер-народник. В 70-х годах, проживая за границей, находился в дружеских отношениях с К. Марксом и Ф. Энгельсом, был избран в Генеральный совет I Интернационала. «Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его», — писал К. Маркс о Лопатине (Сочинения, т. XXVI, 1935, стр. 260). Совместно с Н. Ф. Даниельсоном перевел на русский язык 1-й том «Капитала». Неоднократно подвергался арестам за революционную деятельность. В 1887 году был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, отбывал наказание в одиночной камере Шлиссельбургской крепости. В 1905 году был освобожден по амнистии, впоследствии отошел от политической деятельности. — *97.*

Лурье, М. А. — см. Ларин, Ю.

Львов, Н. Н. (Львов 1-й) (1867—1944) — помещик; по определению В. И. Ленина — «контрреволюционный дворянчик», «образец предателя кадета». Один из учредителей партии «мирного обновления». Член I, II, III и IV Государственных дум. В III и IV Думах выступал как лидер «прогрессистов». В 1917 году — один из руководителей союза помещиков. После Октябрьской социалистической революции — белогвардейский журналист, позднее — белоэмигрант. — *248, 249, 250, 332—333, 371, 373.*

Любич — см. Саммер, И. А.

Люксембург (Luxemburg), *Роза* (1871—1919) — выдающийся деятель международного рабочего движения, один из лидеров левого крыла II Интернационала. Революционную деятельность начала во второй половине 80-х годов, была в числе основателей и руководителей социал-демократической партии Польши, выступала против национализма в рядах польского рабочего движения. С 1897 года принимала активное участив в германском социал-демократическом движении, вела борьбу против бернштейнианства и мильеранизма. Люксембург была участницей первой русской революции (в Варшаве), в 1907 году участвовала в работе V (Лондонского) съезда РСДРП, где поддерживала большевиков. С самого начала первой мировой войны заняла интернационалистскую позицию. Являлась одним из инициаторов создания в Германии группы «Интернационал», впоследствии переименованной в группу «Спартак», а затем в «Союз Спартака». После Ноябрьской революции 1918 года в Германии принимала руководящее участие в Учредительном съезде Коммунистической партии Германии. В январе 1919 года была арестована и убита

по приказу шейдемановского правительства. Ленин, высоко ценивший Р. Люксембург, выступал неоднократно с критикой ее ошибок по ряду вопросов, помогая ей тем самым занять правильную позицию. — *18.*

М

Мадзини (Mazzini), *Джузеппе* (1805—1872) — видный итальянский революционер, буржуазный демократ, один из вождей и идеологов итальянского национально-освободительного движения. Мадзини выдвинул программу воссоединения Италии «снизу» как независимой буржуазной республики, основным средством борьбы он считал восстание. Однако Мадзини были присущи заговорщическая тактика и игнорирование интересов крестьянства. Мадзини пропагандировал утопический мелкобуржуазный план разрешения рабочего вопроса путем «сотрудничества труда и капитала». В. И. Ленин относил его к представителям непролетарского, домарксистского социализма (см. Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 33). — *390.*

Маевский, Е. (Гутовский, В. А.) (1875—1918) — социал-демократ, меньшевик. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, сотрудничал в журнале «Наша Заря», газете «Луч» и других органах меньшевиков-ликвидаторов. В период первой мировой войны — оборонец. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советской власти. — *111—112.*

Макар — см. Ногин, В. П.

Макдональд (MacDonald), *Джеймс Рамсей* (1866—1937) — английский политический деятель, один из основателей и лидеров лейбористской партии. Проводил крайне оппортунистическую политику в партии и во II Интернационале. Проповедовал реакционную теорию классового сотрудничества и постепенного врастания капитализма в социализм («конструктивный социализм»). В начале первой мировой войны занял пацифистскую позицию, затем стал на путь открытой поддержки империалистической буржуазии. В 1918—1920 годах пытался помешать борьбе английских рабочих, выступавших против антисоветской интервенции; проводил политику раскола рабочего класса. В 1924 и в 1929—1931 годах Макдональд был премьер-министром. Лейбористское правительство Макдональда жестоко подавляло национально-освободительное движение в английских колониях, проводило антирабочую политику. В 1931—1935 годах Макдональд возглавлял так называемое «национальное правительство», политику которого определяли консерваторы. — *199, 231—232, 233, 408.*

Маклаков, В. А. (1870—1957) — правый кадет, помещик, по профессии адвокат, выступал на многих политических процессах. Депутат II, III и IV Государственных дум от Москвы, член ЦК партии кадетов. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — посол буржуазного Временного правительства в Париже, затем белоэмигрант. — *153, 178, 246—247, 249.*

Максимов — см. Богданов, А.

Малиновский, А. А. — см. Богданов, А.

Ман (Man), *Гендрик, де* (1885—1953) — бельгийский социалист, с 1939 года председатель Бельгийской социалистической партии. С 1911 года участвовал в деятельности рабочих просветительных организаций. В период первой мировой войны — социал-шовинист. В 1935 году — министр труда, в 1936—1940 годах — министр финансов. Во время оккупации Бельгии гитлеровскими войсками сотрудничал с фашистами, после освобождения Бельгии эмигрировал в Швейцарию, в 1946 году бельгийским судом был заочно приговорен к 20 годам тюремного заключения. — *206.*

Марков, Н. Е. (Марков 2-й) (род. в 1876 г.) — реакционный политический деятель царской России, один из руководителей черносотенно-погромных организаций «Союза русского народа» и «Палаты Михаила Архангела», крупный помещик. Депутат III и IV Государственных дум от Курской губернии. В Думе — один из лидеров правого крыла. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. — *213, 333, 375, 402.*

Маркс (фон Вестфален) (Marx; von Westphalen), *Женни* (1814—1881) — жена Карла Маркса, его верный друг и помощник. — *393.*

Маркс (Marx), *Карл* (1818—1883) — основоположник научного коммунизма, гениальный мыслитель, вождь и учитель международного пролетариата (см. статью В. И. Ленина «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма)», Сочинения, 4 изд., том 21, стр. 27—74). — *84, 103, 128, 162— 163, 200—201, 389, 390, 392—393, 394, 395.*

Мартов, Л. (Цедербаум, Ю. О.) (1873 — 1923) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, редактировал газету «Голос Социал-Демократа», участвовал в антипартийной августовской конференции (1912). В период первой мировой войны занимал центристскую позицию. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года возглавлял группу меньшевиков-интернационалистов. После Октябрьской социалистической революции перешел в лагерь открытых врагов Советской власти.

В 1920 году эмигрировал в Германию, издавал в Берлине контрреволюционный меньшевистский «Социалистический Вестник». — 18, 42, 43, 47, 48—49, 51, 53, 61, 94, 122, 181, 182, 183, 188— 189, 193—195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203—204, 205, 206, 210, 265, 288, 295, 296, 297, 300, 301, 309, 314—315, 316, 317, 320, 347, 351, 365, 366—367, 368.

Мартынов, А. (Пикер, А. С.) (1865—1935) — один из лидеров «экономистов», видный меньшевик; впоследствии член Коммунистической партии. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, входил в редакцию органа ликвидаторов газеты «Голос Социал-Демократа». Во время первой мировой войны занимал центристскую позицию, после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — меньшевик-интернационалист. После Октябрьской социалистической революции отошел от меньшевиков. В 1923 году на XII съезде РКП(б) был принят в партию, работал в Институте К. Маркса и Ф. Энгельса; с 1924 года — член редакции журнала «Коммунистический Интернационал». — *18, 188, 189, 204, 271, 296.*

Мархлевский (Marchlewski), *Юлиан* (Карский) (1866—1925) — видный деятель польского и международного рабочего движения. Был одним из организаторов и руководителей Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. Принимал активное участие в революции 1905—1907 годов. На V (Лондонском) съезде РСДРП был избран кандидатом в члены ЦК РСДРП. Делегат Цюрихского и Штутгартского конгрессов II Интернационала. С 1909 года вел работу преимущественно в германской социал-демократии. В годы первой мировой войны вместе с К. Либкнехтом и Р. Люксембург вел борьбу против социал-шовинистов, участвовал в создании «Союза Спартака». За революционную деятельность неоднократно подвергался репрессиям.

По настоянию Советского правительства в 1918 году был освобожден из германского концентрационного лагеря и приехал в Советскую Россию; был избран во ВЦИК, членом которого оставался до конца жизни. В 1919 году был введен в ЦК Коммунистической партии Германии. Участвовал в создании Коммунистического Интернационала. С 1923 года являлся председателем ЦК МОПР (Международная организация помощи борцам революции). Автор ряда работ по экономическим вопросам, истории Польши и международных отношений. — *18.*

Маслов, П. П. (1867—1946) — экономист, социал-демократ, автор ряда работ по аграрному вопросу, в которых пытался ревизовать марксизм. После II съезда РСДРП примкнул к меньшевикам; выдвинул меньшевистскую программу муниципализации земли. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, в период первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции отошел от политической деятельности, занимался педагогической и научной

работой. С 1929 года — действительный член Академии наук СССР. — *94.*

Меллер-Закомельский, А. Н. (род. в 1844 г.) — барон, генерал царской армии, крайний реакционер. В 1906 году вместе с генералом Ренненкампфом возглавлял карательные экспедиции по подавлению революционного движения в Сибири. В октябре 1906 года был назначен прибалтийским генерал-губернатором; подавлял революционное движение латышских и эстонских рабочих и крестьян. В 1909—1917 годах — член Государственного совета. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. — *81, 221.*

Меньшиков, М. О. (1859—1919) — реакционный публицист, сотрудник черносотенной газеты «Новое Время». В. И. Ленин назвал Меньшикова «верным сторожевым псом царской черной сотни» (настоящий том, стр. 142). После Октябрьской социалистической революции вел активную борьбу против Советской власти, в 1919 году расстрелян за контрреволюционную деятельность. — *142, 147, 148, 149, 150, 153, 156, 167, 178—179, 195, 378—379.*

Меринг (Mehring), *Франц* (1846—1919) — выдающийся деятель рабочего движения Германии, один из лидеров и теоретиков левого крыла германской социал-демократии. Был одним из редакторов теоретического органа партии — журнала «Die Neue Zeit» («Новое Время»); позже редактировал «Leipziger Volkszeitimg» («Лейпцигская Народная Газета»). Меринг активно выступал против оппортунизма и ревизионизма в рядах II Интернационала, осуждал каутскианство, но разделял при этом ошибки германских левых, боявшихся организационно порвать с оппортунистами. Последовательно защищал интернационализм, приветствовал Октябрьскую социалистическую революцию. Был одним из руководителей революционного «Союза Спартака», сыграл видную роль в создании Коммунистической партии Германии. — *296, 301.*

Мешковский — см. Гольденберг, И. П.

Милюков, П. Н. (1859—1943) — лидер партии кадетов, видный идеолог русской империалистической буржуазии, историк и публицист. С 1902 года активно сотрудничал в издававшемся за границей журнале либералов «Освобождение». В октябре 1905 года — один из основателей партии кадетов, затем председатель ее ЦК и редактор центрального органа — газеты «Речь». Депутат III и IV Государственных дум. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — министр иностранных дел в первом составе буржуазного Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции стал одним из организаторов иностранной военной интервенции против Советской России; активный деятель белой эмиграции. — *49, 115, 136, 151, 152, 153, 155, 189, 330, 332, 333, 368, 372, 373, 375, 404—405.*

Милютин, В. П. (1884—1938) — в социал-демократическом движении участвовал с 1903 года, вначале примыкал к меньшевикам, с 1910 года — большевик. Партийную работу вел в Курске, Москве, Орле, Петербурге и Туле, неоднократно подвергался репрессиям. После Октябрьской социалистической революции был назначен наркомом земледелия. В 1918—1921 годах — заместитель председателя ВСНХ, затем — на ответственной советской и хозяйственной работе; избирался кандидатом в члены и членом ЦК партии. Автор ряда трудов по экономическим вопросам. — *2,53.*

Миров, В. — см. Иков, В. К.

Михаил — см. Исув, И. А.

Михайловский, Н. К. (1842—1904) — виднейший теоретик либерального народничества, публицист, литературный критик, философ-позитивист, один из представителей субъективной школы в социологии. В 1892 году возглавил журнал «Русское Богатство», на страницах которого вел ожесточенную борьбу с марксистами. Критика взглядов Михайловского дана в работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» и в других произведениях. — *126.*

Морли (Morley), *Джон* (1838—1923) — английский буржуазный политический деятель и писатель. С 1883 года — член парламента. В 1905—1910 годах — статс-секретарь по делам Индии, проводил политику подавления национально-освободительного движения; позднее — лорд-председатель совета. В 1914 году вышел в отставку. — *230, 390.*

Московский, А. — см. Хундадзе, Г. И.

Мост (Most), *Иоганн Иосиф* (1846—1906) — немецкий социал-демократ, затем анархист. В 1874—1878 годах избирался депутатом рейхстага. После издания в 1878 году исключительного закона против социалистов Мост эмигрировал в Лондон, где издавал анархистскую газету «Freiheit» («Свобода»), призывал рабочих к индивидуальному террору, в котором он видел самое эффективное средство революционной борьбы. Маркс писал: «Мы ставим в вину Мосту не то, что его «Freiheit» *слишком революционна.* Мы обвиняем его в том, что в ней нет никакого *революционного содержания,* а одни *революционные фразы»* (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, том XXVII, 1935, стр. 63). В 1882 году Мост эмигрировал в США, где продолжал издание «Freiheit». В последующие годы отошел от рабочего движения. — *68.*

Муромцев, С. А. (1850—1910) — видный деятель партии кадетов, член ее ЦК, юрист, профессор Московского университета. В 1906 году — депутат I Государственной думы и ее председатель. В 1908—1910 годах занимался публицистической деятельностью. — *4—9, 74, 82, 117, 332, 372, 375.*

Н

Неведомский, М. (Миклашевский, М. П.) (1866—1943) — социал-демократ, меньшевик, литературный критик и публицист. В годы реакции — ликвидатор, солидаризировался с авторами контрреволюционного сборника «Вехи», выступал против партийности литературы. После Октябрьской социалистической революции занимался публицистической деятельностью. — *93—94.*

Никита — см. Красин, Л. Б.

Николай II (Романов) (1868—1918) — последний русский император, царствовал с 1894 года до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года. 17 июля 1918 года был расстрелян в Екатеринбурге (Свердловск) по постановлению Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов. — *77, 171—172, 325, 329, 331, 332, 333, 359—360.*

Николай —он — см. Даниельсон, Н. Ф.

Ногин, В. П. (Макар) (1878—1924) — профессиональный революционер, впоследствии видный советский партийный и государственный деятель. В РСДРП вступил в 1898 году, вел партийную работу в России и за границей, был агентом «Искры». После II съезда РСДРП — большевик. Активный участник революции 1905—1907 годов. На V (Лондонском) съезде РСДРП был избран членом ЦК. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. В годы реакции проявлял примиренческие колебания по отношению к меньшевикам-ликвидаторам. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — товарищ председателя, а затем председатель Московского Совета рабочих депутатов. После Октябрьской социалистической революции был избран наркомом по делам торговли и промышленности. С 1918 года на ответственной советской и хозяйственной работе. — *253—254, 260, 262, 263, 267, 270.*

О

Оболенский, А. Д. (род. в 1855 г.) — князь, в 1898—1899 годах — товарищ министра внутренних дел, с 1902 года — член Правительствующего сената, в 1902—1905 годах — товарищ министра финансов, в 1906 году был обер-прокурором Святейшего синода, в 1905—1917 годах — член Государственного совета. — *327.*

Ольгин — см. Фомин, В. П.

П

Паннекук (Panneckoek), *Антоны* (1873—1960) — голландский социал-демократ, профессор астрономии Амстердамского университета. В 1907 году был одним из основателей газеты «De Tribune» («Трибуна») — органа левого крыла голландской Социал-демократической рабочей партии. С 1910 года был тесно связан с германскими левыми социал-демократами, активно сотрудничал в их органах. В годы первой мировой войны — интернационалист, участвовал в издании журнала «Vorbote» («Предвестник») — теоретического органа Циммервальдской левой. В 1918—1921 годах входил в Коммунистическую партию Голландии и принимал участие в работе Коминтерна. Занимал ультралевую, сектантскую позицию. В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» подверг резкой критике взгляды Паннекука и других «ультралевых». В 1921 году Паннекук вышел из компартии и вскоре отошел от активной политической деятельности. — *62—65, 67, 68—69.*

Петр — *см.* Рамишвили, Н. В.

Петров, К. М. (Петров 3-й) (род. в 1877 г.) — трудовик, секретарь фракции Трудовой группы; по профессии наборщик. Депутат III Государственной думы от Пермской губернии; в Думе был избран в комиссии: городскую, по рабочему вопросу, бюджетную и др. — *406, 409.*

Пешехонов, А. В. (1867—1933) — буржуазный общественный деятель и публицист. В 90-х годах — либеральный народник; сотрудник, а с 1904 года — член редакции журнала «Русское Богатство»; сотрудничал в либерально-монархическом журнале «Освобождение» и газете эсеров «Революционная Россия». С 1906 года — один из руководителей мелкобуржуазной партии «народных социалистов» (энесов). После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — министр продовольствия буржуазного Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советской власти; с 1922 года — белоэмигрант. — *210.*

Пикер, А. С. — *см.* Мартынов, А. С.

Пилецкий, Я. А. (П—ий, Я.) (род. в 1876 г.) — социал-демократ. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор, сотрудничал в журналах меньшевиков-ликвидаторов «Возрождение» и «Наша Заря». В 1917 году принимал участие в агитационной работе в связи с выборами в Учредительное собрание, выступая на стороне меньшевиков. Позднее примкнул к большевикам. — *192, 193, 194.*

Плеве, В. К. (1846—1904) — реакционный государственный деятель царской России. С 1902 года — министр внутренних

дел. При нем были жестоко подавлены крестьянские движения в Полтавской и Харьковской губерниях, разгромлен ряд земств; Плеве поощрял реакционную русификаторскую политику на окраинах России. Чтобы отвлечь массы от борьбы с самодержавием, организовал еврейские погромы, поощрял «зубатовщину». Своей политикой вызвал ненависть к себе в широких слоях русского общества. 15 июля 1904 года был убит эсером Е. С. Сазоновым. — *325.*

Плеханов, Г. В. (1856—1918) — выдающийся деятель русского и международного рабочего движения, первый пропагандист марксизма в России. В 1883 году создал в Женеве первую русскую марксистскую организацию — группу «Освобождение труда». Плеханов боролся с народничеством, выступал против ревизионизма в международном рабочем движении. В начале 900-х годов он вместе с В. И. Лениным редактировал газету «Искра» и журнал «Заря».

С 1883 по 1903 год Плеханов написал ряд работ, сыгравших большую роль в защите и пропаганде материалистического мировоззрения: «Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия», «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», «Очерки по истории материализма», «К вопросу о роли личности в истории» и др.

Однако уже в то время у него были серьезные ошибки, которые явились зародышем его будущих меньшевистских взглядов. После II съезда РСДРП Плеханов стал на позиции примиренчества с оппортунизмом, а затем примкнул к меньшевикам. В период революции 1905—1907 годов по всем основным вопросам стоял на меньшевистских позициях. Осуждал декабрьское вооруженное восстание 1905 года. В годы реакции и нового революционного подъема выступал против махистской ревизии марксизма и ликвидаторства, возглавлял группу меньшевиков-партийцев. Во время первой мировой войны стал на позиции социал-шовинизма, защищал меньшевистскую тактику оборончества. Вернувшись после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года в Россию, возглавил крайне правую группу меньшевиков-оборонцев «Единство», активно выступал против большевиков, против социалистической революции, считая, что Россия не созрела для перехода к социализму. К Октябрьской социалистической революции отнесся отрицательно, но в борьбе против Советской власти не участвовал.

Ленин высоко оценивал философские работы Плеханова и его роль в распространении марксизма в России; в то же время он резко критиковал Плеханова за отступление от марксизма и крупные ошибки в политической деятельности. — *29, 33, 44, 94—95, 124—125, 126, 127, 133, 183, 205, 282, 286, 287, 290, 301, 303, 344, 351.*

Покровский, И. П. (1872—1963) — социал-демократ. Депутат III Государственной думы от Кубанской и Терской

областей и Черноморской губернии, примыкал к большевистской части социал-демократической фракции. В 1910 году в качестве представителя социал-демократической фракции III Думы вошел в редакцию большевистской легальной газеты «Звезда». — *376.*

Поляков, А. А. (Кацап) (род. в 1884 г.) — социал-демократ. В 1909 году — секретарь Областного бюро РСДРП Центрально-Промышленной области. В июне 1911 года на совещании членов ЦК РСДРП в Париже был выдвинут кандидатом от большевиков в Заграничную организационную комиссию по созыву пленума ЦК. Впоследствии выяснилось, что Поляков в 1911—1915 годах состоял секретным сотрудником московского охранного отделения. — *253.*

Поляков, С. Л. (Литовцев, С.) (1875—1945) — буржуазный писатель и журналист. Сотрудничал в кадетских газетах «Речь», «Русское Слово», «Современное Слово». После Октябрьской социалистической революции эмигрировал за границу, принимал активное участие в белоэмигрантских изданиях. — *214.*

Потресов, А. Н. (1869—1934) — один из лидеров меньшевизма. В годы реакции и нового революционного подъема — идеолог ликвидаторства, играл руководящую роль в журналах «Возрождение», «Наша Заря» и других органах меньшевиков-ликвидаторов. Во время первой мировой войны — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции эмигрировал, за границей сотрудничал в еженедельнике Керенского «Дни», выступал с нападками на Советскую Россию. — *28, 29, 30, 31, 35—36, 42, 43, 44, 45—46, 48, 49, 51, 52—53, 56, 57—58, 59, 60, 90, 91, 93, 94, 106, 107, 108—109, 110, 111, 112, 114—115, 116—117, 118, 119, 120—122, 123, 124—125, 126, 127, 128—130, 131, 132, 133, 181, 182, 187, 188—189, 203, 205, 209, 210, 211, 282, 285, 287, 295, 297, 301, 316—317, 320—321, 322, 337, 344, 350—351, 353, 366, 408.*

Прокопович, С. Н. (1871—1955) — буржуазный экономист и публицист. В конце 90-х годов — видный представитель «экономизма», один из первых проповедников бернштейнианства в России. Позднее активный член либерально-монархического «Союза освобождения». В 1906 году — член ЦК партии кадетов. Редактор-издатель полукадетского, полуменьшевистского журнала «Без Заглавия». В 1917 году — министр продовольствия буржуазного Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции выслан из СССР за антисоветскую деятельность.— *366, 408.*

Пуришкевич, В. М. (1870—1920) — крупный помещик, ярый реакционер-черносотенец, монархист. Был одним из инициаторов создания черносотенного «Союза русского народа»; в 1907 году вышел из этого союза и образовал новую монархическую

контрреволюционную организацию — «Палата Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственных дум от Бессарабской губернии; приобрел широкую известность своими погромными, антисемитскими выступлениями в Думе. После Октябрьской социалистической революции активно боролся против Советской власти. — *49, 129, 213, 333, 359—360, 362, 375, 376, 401, 403, 405, 406.*

Р

Р—ков, Н. — см. Рожков, Н. А.

Рамишвили, Н. В. (Петр) (род. в 1881 г.) — один из лидеров грузинских меньшевиков. На V (Лондонском) съезде РСДРП был избран в ЦК от меньшевиков. В годы реакции — ликвидатор. Во время первой мировой войны — оборонец. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — член ЦК грузинской партии меньшевиков, редактор газеты «Эртоба» («Единство»). В 1918—1920 годах Рамишвили был министром внутренних дел в грузинском меньшевистском правительстве, выступал за отделение Грузии от России, боролся против Советской власти. В 1923 году, находясь за границей, руководил группой меньшевиков, пытавшейся организовать восстание против Советской власти в Грузии. — *254, 255, 256, 263—264, 271.*

Рейнбот (Резвой), А. А. (1868—1918) — генерал царской армии. В 1906—1907 годах, будучи московским градоначальником, жестоко подавлял революционное движение в Москве, занимался взяточничеством, вымогательством, присваивал казенные деньги. Административно-полицейский произвол Рейнбота и чинимые им беззакония вызвали возмущение в широких общественных кругах. Царское правительство было вынуждено его уволить и отдать под суд. Следствие по делу Рейнбота длилось несколько лет, только в 1911 году состоялся суд, приговоривший Рейнбота к лишению прав, состояния и к одному году отбывания в исправительном арестантском отделении. Но даже этот легкий приговор не был осуществлен, Рейнбота вскоре освободили из-под ареста. В годы первой мировой войны он командовал дивизией. — *359—360.*

Ренненкампф, П. К. (1854—1918) — царский генерал, один из палачей и душителей революционного движения. В 1900— 1901 годах проявил крайнюю жестокость при подавлении восстания «боксеров» в Китае. В 1906 году вместе с генералом Меллер-Закомельским возглавлял карательные экспедиции по подавлению революционного движения в Сибири. Во время первой мировой войны, командуя 1 русской армией, проявил преступную халатность, граничащую с изменой, что явилось одной из основных причин поражения русских войск в Восточной Пруссии;

в 1915 году отстранен от должности. В 1918 году был расстрелян за контрреволюционную деятельность. *— 79, 81, 221.*

Родзянко, М. В. (1859—1924) — крупный помещик, один из лидеров партии октябристов, монархист. Председатель III, а затем IV Государственной думы; поддерживал царское правительство в борьбе с революционным движением. В период Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года организовал контрреволюционный центр «Временный комитет» Государственной думы, затем «Частное совещание» членов Государственной думы. Был одним из главарей корниловщины. После Октябрьской социалистической революции бежал к Деникину, пытался объединить все контрреволюционные силы для борьбы против Советской власти, затем эмигрировал. *— 214— 216.*

Родичев, Ф. И. (род. в 1856 г.) — тверской помещик и земский деятель, один из лидеров партии кадетов, член ее ЦК. Депутат I, II, III и IV Государственных дум. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года был комиссаром буржуазного Временного правительства по делам Финляндии. После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. *— 376.*

Рожков, Н. А. (Р—ков, Н.) (1868—1927) — историк и публицист. В начале 1905 года вступил в РСДРП, некоторое время примыкал к большевикам. После поражения революции 1905— 1907 годов стал одним из идейных руководителей ликвидаторства; сотрудничал в журнале «Наша Заря», редактировал газету «Новая Сибирь» меньшевистско-ликвидаторского направления. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года Рожков входил в состав ЦК меньшевиков, несколько месяцев был товарищем министра почт и телеграфа в буржуазном Временном правительстве. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно. В период иностранной военной интервенции и гражданской войны боролся против Советской власти. В 1922 году порвал с меньшевиками. В последующие годы находился на научно-педагогической и административной работе в различных учреждениях. Автор ряда работ по истории России. *— 264, 396—409.*

Роман — см. Ермолаев, К. М.

Романовы — династия русских царей и императоров, царствовавших с 1613 по 1917 год. *— 99, 326— 327, 330.*

Руане (Rouanet), *Густав* (род. в 1855 г.) — член Французской социалистической партии, примыкал к ее правому крылу, по профессии журналист. С 1893 по 1914 год — депутат парламента. Сотрудничал в газете социалистов «L'Humanité» («Человечество»),

был редактором «La Revue Socialiste» («Социалистическое Обозрение»). — *203.*

Рубанович, И. А. (1860—1920) — один из лидеров партии эсеров. Представитель партии эсеров на международных социалистических конгрессах в Амстердаме (1904) и Штутгарте (1907). Член Международного социалистического бюро. Во время первой мировой войны (1914—1918) — социал-шовинист. После Октябрьской социалистической революции — противник Советской власти. — *97, 98.*

Руднев, В. А. — см. Базаров, В. А.

С

Саммер, И. А. (Любич) (1870—1921) — социал-демократ, большевик. В революционное движение вступил в 1897 году. Партийную работу вел в Киеве и Казани, активно участвовал в революции 1905—1907 годов. Неоднократно подвергался репрессиям царского правительства. После Октябрьской социалистической революции — на хозяйственной работе в Вологде, с 1919 года — работал в Центросоюзе. Позднее — председатель Украинского союза потребительских обществ (Вукоспилки) и уполномоченный Укрвнешторга. — *264, 271.*

Сверчков, Д. Ф. (1882—1938) — состоял в РСДРП с 1899 года, в 1903—1905 годах — большевик, затем — меньшевик. В 1905 году входил в Петербургский Совет рабочих депутатов. В 1909— 1910 годах — член ЦК РСДРП от меньшевиков. В 1917 году — комиссар Временного правительства. После Октябрьской социалистической революции боролся против Советской власти. В 1920 году публично отрекся от меньшевизма, подал заявление о вступлении в партию большевиков и был принят в члены РКП(б). Работал в НКПС, был членом Верховного Суда СССР, затем — заместитель директора Государственного литературного музея в Москве. — *260.*

Семашко, Н. А. (Александров) (1874—1949) — профессиональный революционер, большевик, впоследствии видный деятель Советского государства. Член РСДРП с 1893 года. В 1905 году принимал участие в вооруженном восстании в Нижнем Новгороде, был арестован, после освобождения эмигрировал за границу. Являлся секретарем и казначеем Заграничного бюро ЦК РСДРП. В начале первой мировой войны был интернирован в Болгарии. Возвратился в Россию в сентябре 1917 года. Принимал активное участие в вооруженном восстании в Москве в октябре 1917 года. После Октябрьской социалистической революции — заведующий медико-санитарным отделом Московского Совета. В 1918— 1930 годах — народный комиссар здравоохранения РСФСР.

В 1931 году переходит на работу во ВЦИК, был членом Президиума ВЦИК. Действительный член Академии медицинских наук СССР и Академии педагогических наук РСФСР. В 1947— 1949 годах — директор Института организации здравоохранения и истории медицины Академии медицинских наук СССР. Автор большого количества научных трудов в области социальной гигиены и организации здравоохранения. — *296.*

Смирнов, Е. — см. Гуревич, Э. Л.

Стахович, М. А. (1861—1923) — помещик, в 1895—1907 годах — предводитель дворянства Орловской губернии; играл видную роль в земском движении. Сначала примыкал к партии кадетов, затем — один из организаторов партии октябристов. Депутат I и II Государственных дум, член Государственного совета. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — генерал-губернатор Финляндии, затем представитель Временного правительства за границей. — *327, 369, 371, 372.*

Столыпин, П. А. (1862—1911) — государственный деятель царской России, крупный помещик. В 1906—1911 годах — председатель Совета министров и министр внутренних дел России. С его именем связана полоса жесточайшей политической реакции с широким применением смертной казни в целях подавления революционного движения (столыпинская реакция 1907— 1910 гг.). Столыпин провел аграрную реформу с целью создать в лице кулачества опору царского самодержавия в деревне. Однако его попытка упрочить самодержавие путем проведения некоторых реформ сверху в интересах буржуазии и помещиков потерпела провал. В 1911 году Столыпин был убит в Киеве эсером Богровым. — *7, 49, 51, 77, 96, 138, 171, 213, 223, 224, 225, 227, 246, 247, 248, 254, 260, 267, 274, 275, 276, 277, 278, 287, 314, 316, 324—333, 359, 362, 370, 371—372, 373, 375.*

Струве, П. Б. (1870—1944) — буржуазный экономист и публицист, один из лидеров партии кадетов. В 90-х годах — виднейший представитель «легального марксизма», выступал с «дополнениями» и «критикой» экономического и философского учения К. Маркса, стремился приспособить марксизм и рабочее движение к интересам буржуазии. Струве был одним из теоретиков и организаторов либерально-монархического «Союза освобождения» (1903—1905) и редактором его нелегального органа — журнала «Освобождение» (1902—1905). С образованием в 1905 году партии кадетов — член ее ЦК. Один из идеологов российского империализма. После Октябрьской социалистической революции — ярый враг Советской власти, член контрреволюционного правительства Врангеля, белоэмигрант. — *115, 117, 163, 189, 208, 211, 249, 277, 296, 307, 330, 408.*

Сухомлин, В. И. (род. в 1860 г.) — в революционном движении принимал участие с 1879 года, с 1882 года — член партии «Народная воля». В 1884 году арестован и в 1887 году был приговорен к смертной казни, замененной 15-ю годами каторги. В 1903 году, отбыв каторгу, вступил в партию социалистов-революционеров, являлся членом боевой организации эсеров; несколько раз арестовывался, был в эмиграции, в 1910 году вернулся в Россию. — *97.*

Т

Т. Л. — *см.* Адрианов.

Таратута, В. К. (Виктор) (1881—1926) — член РСДРП с 1898 года, большевик. Революционную работу вел в Закавказье (1904—1905) и в Москве (1905—1907), где являлся секретарем Московского комитета РСДРП. Делегат IV и V съездов РСДРП. Неоднократно подвергался арестам и ссылке, в 1909 году эмигрировал за границу. В 1919 году вернулся в Советскую Россию, был на ответственной хозяйственной работе. — *271, 296.*

Тесленко, Н. В. (род. в 1870 г.) — адвокат, с момента образования партии кадетов — бессменный член ее Центрального комитета. Депутат II Государственной думы от Москвы, сотрудничал в газете «Русские Ведомости». После Октябрьской социалистической революции — белоэмигрант. — *274, 275, 276, 277, 384.*

Тихомиров, Л. А. (1852—1923) — один из видных деятелей революционного движения 70-х и 80-х годов, впоследствии ренегат. Был членом партии «Земля и воля». С 1879 года — член Исполнительного комитета партии «Народная воля». В 1883 году эмигрировал за границу, издавал «Вестник Народной Воли». В 1888 году в Париже издал брошюру «Почему я перестал быть революционером», в которой отрекался от прежних революционных взглядов. В 1889 году после покаянного письма царю вернулся в Россию, стал монархистом и реакционером, сотрудничал в «Московских Ведомостях», «Новом Времени», «Русском Обозрении». С 1917 года отошел от политической деятельности. — *97.*

Толмачев, И. Н. (род. в 1863 г.) — генерал царской армии, активный деятель черносотенной организации «Союз русского народа». В 1907—1911 годах — одесский градоначальник, жестоко преследовал рабочие организации, прогрессивную печать, поощрял убийства революционеров и еврейские погромы. Допускавшийся Толмачевым административный произвол и беззакония приняли настолько скандальный характер, что вынудили

царское правительство в 1911 году отстранить его от должности. — *138, 249, 333, 359—360.*

Толстой, Л. Н. (1828—1910) — гениальный русский писатель, один из величайших писателей мира, оказавший огромное влияние на развитие русской и мировой литературы. О Толстом см. статьи Ленина «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «Л. Н. Толстой», «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение», «Толстой и пролетарская борьба», «Л. Н. Толстой и его эпоха» и др. (Сочинения, 5 изд., том 17, стр. 206—213; настоящий том, стр. 19—24, 38—41, 70—71, 100—104). — *19—24, 32, 38—41, 70—71, 74, 90, 91—92, 93, 94, 100—104, 362.*

Трепов, Д. Ф. (1855—1906) — в 1896—1905 годах — московский обер-полицмейстер; по определению В. И. Ленина — «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма, прославившийся в Москве своей свирепостью, грубостью и участием в зубатовских попытках развращения рабочих» (Сочинения, 5 изд., том 9, стр. 238). С 11 января 1905 года — петербургский генерал-губернатор, затем — товарищ министра внутренних дел; автор пресловутого приказа в октябре 1905 года: «холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Вдохновитель черносотенных погромов. — *8, 375.*

Троцкий (Бронштейн), Л. Д. (1879—1940) — злейший враг ленинизма. В годы реакции и нового революционного подъема, прикрываясь маской «нефракционности», фактически стоял на позициях ликвидаторов, в 1912 году был организатором антипартийного Августовского блока. В период первой мировой войны занимал центристскую позицию, вел борьбу против В. И. Ленина по вопросам войны, мира и революции. Вернувшись после Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года из эмиграции, вошел в группу «межрайонцев» и вместе с ними на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. После Октябрьской социалистической революции занимал ряд государственных постов. В 1918 году был противником Брестского мира, в 1920—1921 годах возглавлял оппозицию в профсоюзной дискуссии, с 1923 года вел ожесточенную фракционную борьбу против генеральной линии партии, против ленинской программы построения социализма, проповедовал невозможность победы социализма в СССР. Коммунистическая партия, разоблачив троцкизм как мелкобуржуазный уклон в партии, разгромила его идейно и организационно. В 1927 году Троцкий был исключен из партии, в 1929 году за антисоветскую деятельность выслан из СССР и в 1932 году лишен советского гражданства. Находясь за границей, продолжал борьбу против Советского государства и Коммунистической партии, против международного коммунистического движения. — *31, 33—34, 44, 45—46, 47, 52, 53—58, 59, 60, 96, 105, 106, 157, 158, 159— 160, 285, 289, 299, 301—302, 303—304, 319, 320, 321, 335, 336, 337, 338, 341, 342, 345, 347, 348.*

Трубецкой, Е. Н. (1863—1920) — князь, один из идеологов русского буржуазного либерализма, философ-идеалист. Был профессором философии права в Киевском, а затем в Московском университете. До 1906 года — кадет. С 1906 года — один из организаторов конституционно-монархической партии «мирного обновления». Играл видную роль в расправе царизма с революцией 1905—1907 годов, в создании в стране столыпинского режима. Во время первой мировой войны (1914—1918) — один из идеологов русского империализма. После Октябрьской социалистической революции — злейший враг Советской власти, активный деникинец. — *327, 369, 375.*

Туган-Барановский, М. И. (1865—1919) — русский буржуазный экономист, в 90-х годах — видный представитель «легального марксизма». В период революции 1905—1907 годов — член партии кадетов. После Октябрьской социалистической революции — активный деятель контрреволюции на Украине, министр финансов буржуазной Украинской центральной рады. Основные работы Туган-Барановского 90-х годов: «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (1894), «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898) и др. — *163.*

Тьер (Thiers), *Адольф* (1797—1877) — французский буржуазный реакционный политический деятель. После падения Второй империи (4 сентября 1870 года) — один из фактических руководителей реакционного правительства, 17 февраля 1871 года возглавил его. Был одним из главных организаторов гражданской войны и подавления Парижской Коммуны. Роль Тьера в истории Франции подробно охарактеризовал К. Маркс в работе «Гражданская война во Франции» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах, т. I, 1955, стр. 461—467). — *218, 221.*

У

Урусов, С. Д. (род. в 1862 г.) — князь, крупный помещик. В 1903 и 1904 годах — генерал-губернатор Бессарабии. В 1905 году был некоторое время товарищем министра внутренних дел в кабинете Витте. В 1906 году избран в I Государственную думу от Калужской губернии. Член партии «демократических реформ», стоявшей правее кадетов. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года, с марта по июнь, Урусов был товарищем министра внутренних дел во Временном правительстве. После Октябрьской социалистической революции работал в особой комиссии при Президиуме ВСНХ по исследованию Курской магнитной аномалии, с 1921 по 1929 год работал в Госбанке. — *327, 328, 369, 372, 373, 375.*

Ф

Фейербах (Feuerbach), *Людвиг Андреас* (1804—1872) — выдающийся немецкий философ-материалист и атеист, один из предшественников марксизма. Фейербах подверг критике идеалистическую философию Гегеля, показал связь идеализма с религией, однако в понимании общественных явлений Фейербах остался идеалистом. Материализм его был метафизическим и созерцательным. Он не смог осознать роль практики в процессе познания и общественного развития. В последние годы жизни Фейербах интересовался социалистической литературой, читал «Капитал» Маркса и в 1870 году вступил в социал-демократическую партию Германии.

Всесторонний анализ философии Фейербаха дан в «Тезисах о Фейербахе» К. Маркса, в «Немецкой идеологии» К. Маркса я Ф. Энгельса, в работе Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, 2 изд., т. 3, стр. 1—4, 7—544; Избранные произведения в двух томах, т. II, 1955, стр. 339—382), а также в работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (Сочинения, 5 изд., том 18). — *91, 92, 128.*

Фольмар (Vollmar), *Георг Генрих* (1850—1922) — один из лидеров оппортунистического крыла социал-демократической партии Германии, журналист. В 1879—1880 годах редактировал выходивший нелегально в Цюрихе орган партии «Der Sozialdemokrat» («Социал-Демократ»); неоднократно избирался депутатом рейхстага и баварского ландтага. Один из идеологов реформизма и ревизионизма. Он выступал против обострения классовой борьбы, доказывал преимущество «государственного социализма», призывал социал-демократию к союзу с либералами; при разработке аграрной программы партии защищал интересы мелких земельных собственников. Во время первой мировой войны (1914—1918) стоял на позициях социал-шовинизма. В последние годы жизни отошел от активной политической деятельности. — *204.*

Фомин, В. П. (Ольгин) — социал-демократ, после II съезда РСДРП — меньшевик, с 1909 года — меньшевик-партиец — сторонник Г. В. Плеханова; жил за границей. В 1909—1910 годах — сотрудничал в «Голосе Социал-Демократа»; в 1912— 1914 годах — в листке меньшевиков-партийцев «За Партию». — *159, 254.*

Франк (Frank), *Людвиг* (1874—1914) — немецкий социал-демократ, один из лидеров ревизионистов, социал-шовинист, по профессии адвокат. С 1907 года — член рейхстага. На Магдебургском партейтаге (1910) выступал за голосование военных кредитов. В начале первой мировой войны пошел добровольцем в армию, погиб на фронте. — *11—12, 14, 117.*

Х

Холл (Hall), *Леонард* (1866—1916) — английский социалист, член Социалистической лиги, руководил ее отделением в Манчестере. Являлся одним из основателей Независимой рабочей партии и с 1894 года членом ее Исполкома. — *232, 233.*

Хомяков, Н. А. (1850—1925) — крупный помещик, октябрист. С 1896 по 1902 год — директор департамента земледелия в министерстве земледелия и государственных имуществ. Депутат II, III и IV Государственных дум; был председателем III Государственной думы до марта 1910 года. — *213.*

Хундадзе, Г. И. (Московский, А.) (род. в 1877 г.) — в социал-демократическом движении участвовал с 1898 года, после II съезда РСДРП — меньшевик. С ноября 1906 по октябрь 1907 года член Московского комитета РСДРП, делегат V (Лондонского) съезда партии. В 1909—1913 годах — меньшевик-партиец, сотрудничал в Центральном Органе РСДРП газете «Социал-Демократ». Во время первой мировой войны — меньшевик-интернационалист. В 1917 году примыкал к группе «Новая жизнь». С 1918 по 1920 год — представитель меньшевистского правительства Грузии в Москве. Впоследствии отошел от политической деятельности. — *183.*

Ц

Цедербаум, В. О. — см. Левицкий, В. О.

Цедербаум, Ю. О. — см. Мартов, Л.

Цеткин (Zetkin), *Клара* (1857—1933) — выдающийся деятель германского и международного рабочего движения, одна из основателей Коммунистической партия Германии, талантливая писательница, пламенный оратор и трибун. Находясь на левом крыле германской социал-демократии, Цеткин вместе с Р. Люксембург, Ф. Мерингом и К. Либкнехтом принимала активное участие в борьбе с Бернштейном и другими оппортунистами. В годы первой мировой войны стояла на позициях революционного интернационализма, выступала против социал-шовинизма. В 1916 году вошла в группу «Интернационал», а затем в «Союз Спартака». С 1919 года — член Коммунистической партии Германии; была избрана в ЦК партии. На III конгрессе Коммунистического Интернационала выбрана в Исполком Коминтерна, возглавляла его международный женский секретариат. С 1924 года — бессменный председатель Исполкома Международной организации помощи борцам революции (МОПР). — *296, 301.*

Ч

Чацкий, Ю. — см. Бронштейн, П. А.

Череванин, Н. (Липкин, Ф. А.) (1868—1938) — один из лидеров меньшевизма, крайний ликвидатор. Сотрудник ликвидаторских изданий; в числе 16 меньшевиков подписал «Открытое письмо» о ликвидации партии (1910); после августовской антипартийной конференции 1912 года — член меньшевистского центра (ОК). Во время первой мировой войны — социал-шовинист. В 1917 году — один из редакторов «Рабочей Газеты» — центрального органа меньшевиков и член меньшевистского ЦК. К Октябрьской социалистической революции отнесся враждебно. — *94, 112.*

Чернышевский, Н. Г. (1828—1889) — великий русский революционный демократ и социалист-утопист, ученый, писатель, литературный критик; один из выдающихся предшественников русской социал-демократии. Чернышевский был идейным вдохновителем и вождем революционно-демократического движения 60-х годов в России. Редактируемый им журнал «Современник» был голосом революционных сил России. Чернышевский выступал с гневным разоблачением крепостнического характера «крестьянской реформы» 1861 года, призывал крестьян к восстанию. В 1862 году он был арестован царским правительством и заключен в Петропавловскую крепость, где пробыл около двух лет, а затем был приговорен к семи годам каторжных работ и к вечному поселению в Сибирь. Только на склоне лет Чернышевский был освобожден из ссылки. До конца своих дней он оставался страстным борцом против социального неравенства, против всех проявлений политического и экономического гнета.

Перу Чернышевского принадлежит ряд блестящих произведений в области политической экономии, истории, этики, эстетики. Его литературно-критические произведения оказали огромное влияние на развитие русской литературы и искусства. На романе Чернышевского «Что делать?» воспитывалось не одно поколение революционеров в России и за границей. — *165, 174—175.*

Чуковский, К. И. (род. в 1882 г.) — известный литературовед, переводчик и писатель. В 1905 году — редактор-издатель сатирического журнала «Сигнал»; в годы реакции — критик-фельетонист. Выражал взгляды либеральной интеллигенции, сотрудничал в кадетской газете «Речь» и журналах «Русская Мысль», «Нива», «Весы» и др.

Чуковский — автор популярных стихотворных детских сказок. Издал книгу «От двух до пяти», посвященную изучению детской психологии, написал воспоминания о В. Я. Брюсове, А. М. Горьком, В. В. Маяковском, И. Е. Репине и др., исследование о жизни и творчестве Н. А. Некрасова, перевел на русский язык ряд произведений английских и американских писателей. — *131, 132, 133.*

Ш

Шварц — см. Элиас, К. Я.

Шипов, Д. Н. (1851—1920) — крупный помещик, видный деятель земского движения, умеренный либерал. Один из организаторов партии октябристов и председатель ее ЦК. В 1906 году вышел из «Союза 17 октября» и стал одним из лидеров партии «мирного обновления»; в том же году был избран членом Государственного совета. В 1911 году отошел от политической деятельности. Октябрьскую социалистическую революцию встретил враждебно, был одним из руководителей контрреволюционной белогвардейской организации «Национальный центр». — *116, 327.*

Шкловский, И. В. (Дионео) (1865—1935) — журналист, умеренный либерал; в 70-х годах принимал участие в народническом движении, был выслан в Сибирь, позже уехал за границу и поселился в Лондоне. Сотрудничал в «Русском Богатстве» и «Русских Ведомостях». Во время первой мировой войны (1914— 1918) был сторонником Антанты. После Октябрьской социалистической революции — враг пролетарской диктатуры. — *389, 393.*

Шульгин, В. В. (род. в 1878 г.) — помещик, депутат II, III и IV Государственных дум от Волынской губернии. Ярый монархист и националист, редактор «Киевлянина» — органа русских националистов. В 1917 году активно поддерживал буржуазное Временное правительство. После Октябрьской социалистической революции был одним из основателей белогвардейской Добровольческой армии, помогал контрреволюционным генералам Алексееву, Деникину, Врангелю; позднее эмигрировал за границу, где продолжал вести борьбу против Советской власти. В 20-х годах от политической деятельности отошел. В 1944 году был препровожден в Советский Союз и осужден за контрреволюционную деятельность; освобожден в 1956 году. — *2.*

Э

Элиас, К. Я. (Шварц) (1886—1963) — латышский социал-демократ, меньшевик. В годы реакции и нового революционного подъема — ликвидатор. В 1909—1913 годах — член Заграничного комитета СДЛК, с 1911 года был представителем ликвидаторского ЦК ЛСД в Заграничном бюро ЦК РСДРП. В 1910—1914 годах входил в редакцию газеты «Zihņa» («Борьба»), участвовал в антипартийной августовской конференции (1912). После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года — член Исполкома Совета рабочих, солдатских и безземельных депутатов. Был членом буржуазного Народного Совета (1918— 1920), Учредительного собрания, депутат I, II и III сеймов. —. *321, 323.*

Энгельс (Engels), *Фридрих* (1820—1895) — один из основоположников научного коммунизма, вождь и учитель международного пролетариата, друг и соратник К. Маркса (см. статью В. И. Ленина «Фридрих Энгельс». Сочинения, 5 изд., том 2, стр. 1—14). — *16—17, 84, 125—126, 145, 201, 230—231, 392— 393, 394, 395.*

Ю

Юдин — см. Айзенштадт, И. Л.

Юрий — см. Бронштейн, П. А.

Я

Яковлев — в 1911 году был управляющим на фабрике Хорвата в Ижоре под Петербургом. — *378.*

ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В. И. ЛЕНИНА

(Ноябрь 1910 — ноябрь 1911)

1910

Ноябрь 1910 — ноябрь 1911 года.	Ленин живет в Париже.
Ноябрь, 1 (14).	Ленин посылает А. М. Горькому на о. Капри № 1 «Рабочей Газеты», сообщает о подготовке к изданию легального журнала «Мысль».
Ноябрь, 3 (16).	Ленин принимает участие в заседании редакции ЦО РСДРП — газеты «Социал-Демократ», где обсуждается его статья «Два мира».
Ноябрь, ранее 9 (22).	Ленин в письме секретарю Международного социалистического бюро К. Гюисмансу сообщает, что его запрос о взносах РСДРП на содержание МСБ передан в Заграничное бюро ЦК.
Ноябрь, 9 (22).	Ленин в письме Г. В. Плеханову сообщает о получении письма Международного социалистического бюро по поводу взносов РСДРП на содержание бюро; интересуется его мнением о первом номере «Рабочей Газеты». Ленин в письме А. М. Горькому выражает отрицательное отношение к его сотрудничеству в журнале «Современник» и резко критикует журнал.
Ноябрь, 15 (28).	Ленин пишет статью «Не начало ли поворота?». Статья опубликована 16 (29) ноября в газете «Социал-Демократ» № 18.
Ноябрь, 16 (29).	Статьи Ленина «Два мира», «О демонстрации по поводу смерти Муромцева», «Л. Н. Толстой»

публикуются в газете «Социал-Демократ» № 18.

Ноябрь, 20 (декабрь, 3). Ленин в письме к «Товарищам — слушателям школы в Болонье» отказывается от полученного им приглашения читать лекции ввиду антипартийного направления и раскольнических действий организаторов этой школы, приглашает слушателей приехать в Париж, сообщает о своей готовности прочесть им ряд лекций по вопросу о тактике, внутрипартийном положении и аграрному вопросу.

Ноябрь, 21 (декабрь, 4). Ленин в письме Н. Г. Полетаеву в Петербург сообщает о посылке ряда статей для легальной большевистской газеты «Звезда», просит написать, устранены ли трения в редакции газеты.

Ноябрь, 22 (декабрь, 5). Ленин в письме в Заграничное бюро Центрального Комитета РСДРП предлагает немедленно выслать тысячу рублей для издания газеты «Звезда».
Ленин вместе с другими большевиками подает заявление в ЗБЦК с требованием немедленного созыва пленума ЦК.

Ноябрь, позднее 22 (5 декабря). Ленин от имени редакции «Рабочей Газеты» пишет «Открытое письмо ко всем социал-демократам партийцам» о положении дел в партии.

Ноябрь, 24 (декабрь, 7). Ленин в письме Н. Г. Полетаеву сообщает о посылке денег на издание «Звезды», решительно высказывается против участия ликвидаторов в газете.

Ранее 25 ноября (8 декабря). Ленин работает над статьей «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)».

Ноябрь, 26 (декабрь, 9). Ленин в письме В. Д. Бонч-Бруевичу в Петербург просит ускорить выпуск «Звезды» и регулярно информировать его о ходе работы.

Ноябрь, 28 (декабрь, 11). Статья Ленина «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» публикуется в № 7 газеты «Наш Путь».

Декабрь, 4 (17). Ленин делает пометки на циркулярном письме Международного социалистического бюро от 15 декабря 1910 года партиям II Интернационала, в котором содержалась просьба рассмотреть одну из поправок к резолюции Копенгагенского конгресса (1910) по вопросу о третейских судах и разоружении, переданную конгрессом в МСБ для разработки. В связи с тем, что в поправке шла речь о стачках рабочих военной промышленности как целесообразном средстве воспрепятствовать войне, МСБ предлагало всем партиям обратиться в соответствующие профсоюзы и представить доклад в МСБ.

Направляя письмо МСБ в редакцию «Социал-Демократа» для публикации, Ленин предлагал сопроводить его заявлением о том, что большевики считают возможным предотвратить войну только революционным натиском масс пролетариата, а не стачкой как изолированным актом сопротивления.

Декабрь, 5 (18). Ленин пишет письмо секретарю МСБ К. Гюисмансу в связи с получением циркулярного письма МСБ от 15 декабря 1910 года партиям II Интернационала.

Декабрь, ранее 13 (26). Ленин участвует в заседании редакции газеты «Социал-Демократ», на котором ему поручается написать ответ на статью Мартова «Куда пришли?», опубликованную в ноябре 1910 года в газете «Голос Социал-Демократа» № 23.

Декабрь, не позднее 15 (28). Ленин пишет письмо в Российскую коллегию ЦК РСДРП о положении дел в партии.

Ленин пишет статью «О положении дел в партии».

Декабрь, 15 (28). Ленин участвует в заседании редакции газеты «Социал-Демократ», на котором обсуждается его статья «О положении дел в партии».

Декабрь, 16 (29). В Петербурге выходит № 1 большевистской легальной газеты «Звезда», в которой публикуется статья Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении».

Декабрь, 18 (31).	Статьи Ленина «Толстой и пролетарская борьба», «Начало демонстраций», «Что делается в деревне?», «Иван Васильевич Бабушкин (Некролог)» публикуются в «Рабочей Газете» № 2.
Декабрь, 21 (3 января 1911 г.).	Ленин в письме М. Т. Елизарову в Саратов сообщает о получении его письма, об отсутствии издателя для своей книги по аграрному вопросу, о получении первых номеров газеты «Звезда» и журнала «Мысль». Ленин в письме А. М. Горькому сообщает о причинах задержки ответа на его письмо, о своем отрицательном отношении к журналу «Современник», о неправильной оценке Л. Н. Толстого в меньшевистском журнале «Наша Заря», излагает взгляды революционной социал-демократии по вопросу о капитализме и его колониальной политике, просит помочь найти издателя для своей книги по аграрному вопросу, дает оценку газете «Звезда» и журналу «Мысль».
Декабрь, 23 (5 января 1911 г.).	Статья Ленина «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» публикуется в газете «Звезда» № 2.
Декабрь.	В Москве выходит № 1 большевистского легального журнала «Мысль» со статьями Ленина «Герои «оговорочки»» и «О статистике стачек в России» (гл. I).
Не ранее 1910 года.	В письме В. А. Карпинскому в Женеву Ленин просит помочь разыскать принадлежащую ему книгу по американской статистике «Abstract of the twelfth Census of the United States. 1900». Washington, 1902 («Выписки из двенадцатой переписи Соединенных Штатов. 1900». Вашингтон, 1902).

1911

Январь, позднее 2 (15).	Ленин пишет заметку «О краске стыда у Иудушки Троцкого».
Январь, 5 (18).	Ленин в Париже читает реферат о Л. Н. Толстом.
Январь, 6 (19).	Ленин в письме матери, М. А. Ульяновой, в Саратов сообщает о своем письме А. М. Горь-

кому относительно издания книги по аграрному вопросу, о прочитанном в Париже реферате о Л. Н. Толстом и о предполагающейся поездке с этим рефератом по Швейцарии.

Между 11 (24) января и 8 (21) февраля.	Ленин пишет статью «Пятидесятилетие падения крепостного права». Статья опубликована 8 (21) февраля в «Рабочей Газете» № 3.
Январь, 13 (26).	Статья Ленина «Карьера русского террориста» публикуется в газете «Социал-Демократ» № 19—20.
Январь, 18 (31).	Ленин встречается с приехавшим в Париж Г. К. Орджоникидзе, беседует с ним о социал-демократической работе на Кавказе. Ленин подписывает письмо в ЗБЦК, в котором выражается протест против политики ЗБЦК, направленной к срыву созыва пленума ЦК.
Январь, 21 (февраль, 3).	Ленин в письме Г. В. Плеханову в Сан-Ремо сообщает о получении его письма с известием о смерти П. Зингера, о посылке Плеханову 5 (18) декабря 1910 года письма К. Гюисманса и проекта своего ответа; о новом натиске ликвидаторов в связи с заметкой Н. И. Иорданского «Противоречие» в № 4 газеты «Звезда» и об их поражении.
Между 21 января и 5 февраля (3 и 18 февраля).	Ленин пишет статью «Кадеты о «двух лагерях» и о «разумном компромиссе»». Статья опубликована 5 (18) февраля в газете «Звезда» № 8.
Январь, 22 (февраль, 4).	Статья Ленина «Л. Н. Толстой и его эпоха» публикуется в газете «Звезда» № 6.
Позднее 22 января (4 февраля).	Ленин пишет статью «Марксизм и «Наша Заря»». Статья опубликована 22 апреля (5 мая) в № 3 легального журнала «Современная Жизнь» (Баку). Ленин пишет письмо в Центральный Комитет о фракционной, вредной для партии деятельности голосовцев, впередовцев, троцкистов, о нарушении ими договора, заключенного на Январском пленуме ЦК 1910 года о распущении фракций; заявляет о том, что большевики

	будут продолжать беспощадную борьбу с блоком голосовцев, впередовцев и Троцкого.
Между 23 января и 8 февраля (5 и 21 февраля).	Ленин пишет статью-некролог «Павел Зингер». Статья опубликована 8 (21) февраля в «Рабочей Газете» № 3.
Ранее 27 января (9 февраля).	Ленин пишет план четвертой лекции по курсу «Начала политической экономии», прочитанной им на Курсах социальных наук в Париже.
Январь.	Ленин беседует с приехавшим в Париж В. В. Адоратским; просматривает рукопись его работы о государстве. Выходит № журнала «Мысль» со статьями Ленина «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)» и «О статистике стачек в России» (гл. II).
Январь — февраль.	Ленин ведет переписку с А. И. Рыковым по вопросам восстановления центральных учреждений партии, созыва пленума ЦК РСДРП за границей в целях подготовки общепартийной конференции; резко критикует Рыкова за примиренчество, за пассивность в подготовке пленума ЦК.
Между 17 и 26 февраля (2 и 11 марта).	Ленин пишет статью «Заметки. Меньшиков, Громобой, Изгоев». Статья опубликована 26 февраля (11 марта) в газете «Звезда» № 11.
Февраль, 22 или 23 (март, 7 или 8).	Ленин в письме Н. Г. Полетаеву разоблачает шантажистскую тактику ликвидаторов, указывает на необходимость решительной и последовательной борьбы с ними, просит сообщить о положении дел в редакции газеты «Звезда», а также немедленно прислать текст платформы думской социал-демократической фракции для дополнительных выборов в Москве в Государственную думу.
Между 25 февраля и 19 марта (10 марта и 1 апреля).	Ленин пишет статью ««Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция». Статья опубликована 19 марта (1 апреля) в газете «Социал_демократ» № 21—22.
Февраль.	Ленин пишет письмо в Российскую коллегию ЦК о раскольнических действиях голосовцев, впередовцев и Троцкого.

Выходит № 3 журнала «Мысль» со статьей Ленина «По поводу юбилея» и окончанием статьи «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)».

Март, 5 (18). Ленин выступает в Париже на митинге, посвященном сорокалетию со дня провозглашения Парижской Коммуны.

Март, не позднее 13 (26). Ленин выезжает в Берлин для переговоров с «держателями» партийных средств (К. Каутским, К. Цеткин и Ф. Мерингом) об ассигновании денег на газету «Звезда». В переговорах участвует член редакции «Звезды» Н. Г. Полетаев.

Март, 19 (апрель, 1). Статья Ленина «Разрушители партии в роли «разрушителей легенд»» публикуется в газете «Социал-Демократ» № 21—22.

Между 22 марта и 6 апреля (4 и 19 апреля). Ленин и Горький встречаются в Париже.

Между 23 марта и 2 апреля (5 и 15 апреля), Ленин пишет статью «Кадеты и октябристы». Статья опубликована 2 (15) апреля в газете «Звезда» № 16.

Между 30 марта и 16 апреля (12 и 29 апреля). Ленин пишет статью «О значении кризиса». Статья опубликована 16 (29) апреля в газете «Звезда» № 18.

Март. Ленин в письме А. И. Рыкову сообщает о получении его письма, расценивает угрозу Рыкова выйти из ЦК, как предательство большевизма в трудный момент; предлагает вызвать из России В. П. Ногина и И. А. Саммера для обеспечения большевикам большинства на пленуме ЦК РСДРП.

Выходит № 4 журнала «Мысль» со статьями Ленина «О социальной структуре власти, перспективах и ликвидаторстве» и «Полемические заметки».

Ранее 6 (19) апреля. В письме социал-демократической фракции III Государственной думы Ленин одобряет составленный фракцией план издания отчета о ее работе, сообщает о составе редакционной комиссии и ее обязательствах.

Между 8 и 16 (21 и 29) апреля. Ленин пишет статью «Конгресс английской социал-демократической партии». Статья опубликована 16 (29) апреля в газете «Звезда» № 18.

Апрель, 12 (25). Ленин принимает участие в составлении и подписывает первоначальный вариант письма членам ЦК РСДРП, находящимся за границей, с предложением принять участие в совещании нленов ЦК для решения вопроса о немедленном созыве пленума ЦК.

Апрель, 15 (28). Статья Ленина «Памяти Коммуны» публикуется в «Рабочей Газете» № 4—5.

Апрель, 17 (30). Ленин в письме в ЗБЦК сообщает о завершении переговоров по вопросу об издании отчета социал-демократической фракции III Государственной думы, которые велись в Берлине Лениным, по поручению думской фракции, с Н. Г. Полетаевым, о составе редакционной комиссии по изданию отчета, предлагает выдать редакционной комиссии средства из «держательских» сумм.

Апрель, ранее 21 (4 мая). Ленин пишет письмо Н. А. Рожкову в связи с его статьей «Необходимый почин», присланной в редакцию газеты «Социал-Демократ».

Между 28 апреля и 7 мая (11 и 20 мая). Ленин пишет статью ««Сожаление» и «стыд»». Статья опубликована 7 (20) мая в газете «Звезда» № 21.

Апрель, 29 (май, 12). Ленин выступает с речью на митинге в Париже, посвященном Первому мая.
Статья Ленина «Разговор легалиста с противником ликвидаторства» публикуется в № 3 «Дискуссионного Листка» (приложение к Центральному Органу «Социал-Демократ»).

Конец апреля. Ленин в письме А. М. Горькому сообщает об аресте № 5 журнала «Мысль» и запрещении его дальнейшего выхода, просит помочь в подыскании издателя для постановки нового журнала в Петербурге.

Не позднее апреля. Ленин пишет замечания на статью В. В. Адоратского «О неолиберализме (Заметки по

поводу книги П. Новгородцева «Кризис современного правосознания»)» для журнала «Мысль».

Май, 14 (27). Ленин в письме А. М. Горькому сообщает о своем отрицательном отношении к объединению большевиков, меньшевиков-партийцев и социал-демократической думской фракции вокруг какого-либо печатного органа, так как во фракции преобладают меньшевики; критикует редакцию «Звезды» за отсутствие твердой политической линии, сообщает о слухах по поводу циркуляра Столыпина о закрытии всех с.-д. органов печати; о необходимости усиления нелегальной работы.

Ленин подписывает письмо членам ЦК РСДРП, находящимся за границей, с приглашением принять участие в совещании членов ЦК.

Весна. Ленин и Н. К. Крупская переезжают в Лонжюмо (местечко в нескольких километрах от Парижа).

Ленин беседует с приехавшими из России рабочими — будущими слушателями партийной школы в Лонжюмо.

Весна и лето, не позднее 17 (30) августа. Ленин руководит организацией и работой партийной школы в Лонжюмо.

Ленин до открытия школы проводит со слушателями занятия о «Манифесте Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса.

Ленин читает в школе курс лекций по политической экономии (29 лекций — 43 часа), по аграрному вопросу (12 лекций — 18 часов), по теории и практике социализма в России (12 лекций).

По просьбе слушателей школы Ленин читает 3 лекции о материалистическом понимании истории и реферат о текущем моменте и положении дел в партии.

Между 17 и 20 мая (30 мая и 2 июня). Ленин пишет письмо М. В. Озолину по поводу предстоящего совещания членов ЦК РСДРП и участия в нем Озолина как представителя латышской социал-демократии.

Между 19 и 23 мая (1 и 5 июня).	Ленин пишет «Конспект (план) доклада трех цекистов беков частному совещанию девяти членов ЦК». Ленин пишет письмо совещанию членов ЦК РСДРП за границей, в котором разоблачает ликвидаторов, срывающих созыв пленума ЦК РСДРП. Ленин пишет доклад о положении дел в партии к предстоящему совещанию членов ЦК РСДРП.
Май, 26 (июнь, 8).	Ленин присутствует на предварительном заседании участников совещания членов ЦК, на котором было решено отложить начало совещания на два дня.
Май, 28 (июнь, 10).	Статья Ленина «К итогам думской сессии. «Вместе делали»» публикуется в газете «Звезда» № 24.
Май, 28 — июнь, 4 (июнь, 10—17).	Ленин руководит работой совещания членов ЦК РСДРП, созванного по его инициативе в Париже с целью выработки мер для скорейшего созыва пленума ЦК РСДРП и общепартийной конференции.
Май, 28 (июнъ, 10).	Ленин десять раз выступает на первом заседании совещания по вопросу о конституировании совещания. Ленин пишет проекты резолюций о конституировании совещания, об участии в нем представителей Бунда, об участии в совещании А. И. Рыкова.
Май, 29 (июнь, 11).	На частном совещании большевиков с представителями польской социал-демократии Ленин обменивается записками с Ф. Э. Дзержинским по вопросу о необходимости исключить голосовцев из партии.
Май, 30 (июнь, 12),	Ленин вносит на втором заседании совещания предложение принять к сведению заявление Н. А. Семашко о передаче совещанию партийных денег и документов в связи с его уходом из ЗБЦК. Ленин выступает девять раз на третьем заседании при обсуждении вопроса о созыве пленума ЦК РСДРП.

Июнь, 1 (14). Ленин воздерживается при голосовании второй части резолюции о ЗБЦК, в которой говорилось о передаче вопроса о существовании ЗБЦК на решение ближайшего пленума ЦК. Ленин настаивает на немедленной реорганизации ЗБЦК.

Ленин подписывает и вносит на совещание вместе с Зиновьевым особое мнение о непризнании ЗБЦК партийным учреждением.

Ленин пишет заявление о недопустимости приглашения представителей голосовцев и впередовцев в Организационную комиссию по созыву всероссийской партийной конференции. Заявление внесено при обсуждении проекта резолюции о созыве партийной конференции.

Ленин пишет предложение о создании Российской организационной комиссии и вносит его при обсуждении проекта резолюции о созыве партийной конференции.

Июнь, 2 (15). Ленин пишет заявление о своей солидарности с Н. А. Семашко по поводу его выхода из ЗБЦК.

Июнь, позднее 4 (17). Ленин делает доклад об июньском совещании нленов ЦК РСДРП на собрании большевиков с участием польских социал-демократов.

Июнь, не позднее 6 (19). Ленин пишет письмо в Заграничную организационную комиссию по вопросу о составе ЗОК.

Июнь, позднее 6 (19). Ленин подписывает письмо Главному правлению СДКПиЛ с протестом против действий Я. Тышки, направленных к срыву решений июньского совещания членов ЦК РСДРП, с просьбой к Правлению принять меры к прекращению подобных действий.

Июнь, 11 (24). Статья Ленина «О старых, но вечно новых истинах» публикуется в газете «Звезда» № 25.

Июнь, не позднее 14 (27). Ленин выезжает в Штутгарт для переговоров с К. Цеткин по поводу «держательских» денег.

Июнь, 18 (июль, 1). Ленин участвует на собрании II Парижской группы содействия РСДРП, вносит проект резолюции о положении дел в партии. Резолюция принимается группой и в июле 1911 года публикуется отдельным листком с предисловием Ленина.

Июнь, 20 (июль, 3). Ленин пишет письмо А. И. Любимову и М. К. Владимирову, в котором заявляет о невозможности единства действий большевиков с примиренцами вследствие блока их с голосовцами, Троцким и впередовцами, сообщает о намерении большевиков выйти из Технической и Организационной комиссий в случае продолжения примиренцами вредной для партии политики.

Ленин принимает участие в заседании редакции «Социал-Демократа», на котором обсуждается вопрос о составе очередного номера и заявление Мартова и Дана об их уходе из редакции ЦО. Ленин предлагает оповестить в «Социал-Демократе» о выходе из редакции Дана и Мартова и дать оценку их действиям в короткой заметке.

Июль, 4 (17). Ленин делает заметки, подчеркивания и отчеркивания на письме Международного социалистического бюро к генеральным секретарям и делегатам социалистических партий всех стран с запросом о целесообразности созыва совещания представителей социалистических партий в связи с решением правительства Германии послать военный крейсер в Марокко.

Первая половина июля. Ленин неоднократно встречается и беседует со слушателями партийной школы в Лонжюмо Г. К. Орджоникидзе, Б. А. Бреславом и И. И. Шварцем в связи с их отъездом в Россию для работы по подготовке партийной конференции.

Июль, 17 (30). Ленин пишет заявление от имени членов июньского совещания ЦК РСДРП с протестом против отказа Технической комиссии выдать деньги партийной школе в Лонжюмо; предлагает провести голосованием постановление о выдаче необходимой для школы суммы из наличных или «держательских» денег.

Июль, 20 (август, 2).	Ленин пишет предисловие к брошюре Л. Б. Каменева «Две партии».
Июль, позднее 20 (2 августа).	Ленин делает редакционные вставки в корректуре брошюры Каменева «Две партии»; в письме к нему сообщает о посылке корректуры брошюры и о необходимости внести ряд принципиальных исправлений в параграф «Две партии»; просит прислать корректуру исправленного параграфа о примиренцах.
Июль.	Ленин беседует с М. А. Савельевым об издании легального большевистского журнала «Просвещение» и своем участии в редактировании журнала. Ленин пишет статью «Положение дел в партии».
Август, 7 (20).	Ленин и Крупская приезжают на день в Фонтенбло (департамент Сены и Марны).
Ранее 11 (24) августа.	Ленин пишет статьи «Реформизм в русской социал-демократии», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии (Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»)». Статьи опубликованы 1 (14) сентября в газете «Социал-Демократ» № 23.
Ранее 30 августа (12 сентября).	Ленин от имени редакции ЦО «Социал-Демократ» пишет письмо предстоящему съезду Социал-демократии Латышского края, в котором обращает особое внимание съезда на необходимость борьбы с ликвидаторством.
Сентябрь, 1 (14).	В № 23 газеты «Социал-Демократ» публикуется написанное Лениным примечание «От редакции» «Социал-Демократа» к заявлению комиссии по созыву пленума ЦК РСДРП.
Сентябрь, 2 (15).	Ленин в письме А. М. Горькому одобряет его планы издания журнала, большой газеты и газеты-копейки, сообщает о намерении ликвидаторов также издавать в Петербурге газету-копейку и о необходимости организовать им отпор, просит Горького прислать статью в «Звезду» в связи с возобновлением ее издания, характеризует положение дел в партии, сообщает о резко отрицательном отзыве

К. Каутского и К. Цеткин о брошюре Л. Мартова «Спасители или упразднители?».

Сентябрь, 8 (21). Ленин и Крупская переезжают из Лонжюмо в Париж.

Сентябрь, 9 или 10 (22 или 23). Ленин выезжает в Швейцарию для участия в заседании МСБ в Цюрихе.

Сентябрь, 10—11 (23—24). Ленин в Цюрихе участвует в заседании Международного социалистического бюро, выступает в защиту позиции Розы Люксембург против оппортунизма германских социал-демократов.

Сентябрь, 12 (25). Ленин в письме Г. Л. Шкловскому сообщает о предстоящем чтении реферата в Цюрихе на тему «Столыпин и революция», о посещении им Женевы и Берна, запрашивает о возможности повидать в Берне членов большевистской группы.

Ленин в Цюрихе выступает на собрании местной группы РСДРП по вопросу о положении дел в партии.

Сентябрь, 13 (26). Ленин в Цюрихе читает реферат на тему «Столыпин и революция».

Между 13 и 15 (26 и 28) сентября. Ленин пишет письмо Г. Л. Шкловскому по поводу организации реферата в Женеве и Берне на тему «Столыпин и революция» в пользу «Рабочей Газеты», просит подобрать литературу для реферата, сообщает о своем согласии на собеседование с большевиками и меньшевиками-партийцами.

Сентябрь, 14—15 (27—28). По дороге в Берн Ленин заезжает в Люцерн, поднимается на гору Пилат.

Сентябрь, 15 (28), Ленин в письме М. А. Ульяновой из Люцерна сообщает о своем пребывании в Швейцарии в связи с заседанием Международного социалистического бюро в Цюрихе, о своей поездке по Швейцарии с рефератом «Столыпин и революция».

Ленин в Берне читает реферат на тему «Столыпин и революция».

Между 15 и 19 сентября (28 сентября и 2 октября).	Ленин в Берне беседует с членами местной группы РСДРП о положении дел в партии.
Сентябрь, 19 (октябрь, 2).	Ленин в Женеве читает реферат на тему «Столыпин и революция».
Между 28 сентября и 18 октября (11 и 31 октября).	Ленин пишет статью «Столыпин и революция». Статья опубликована 18 (31) октября в газете «Социал-Демократ» № 24.
Между 30 сентября и 23 октября (13 октября и 5 ноября).	Ленин пишет статью «Итог». Статья опубликована 23 октября (5 ноября) в газете «Звезда» № 26.
Октябрь, 18 (31).	Ленин в Париже читает реферат на тему «Столыпин и революция». Статьи Ленина «О новой фракции примиренцев или добродетельных», «Об избирательной кампании и избирательной платформе», «Из лагеря столыпинской «рабочей» партии» публикуются в газете «Социал-Демократ» № 24.
Октябрь, 19 (ноябрь, 1).	В письме И. А. Пятницкому в Лейпциг Ленин предлагает ему поехать в Прагу для подготовки партийной конференции. Ленин посылает письмо (на немецком языке) в Прагу представителю чешской социал-демократической партии в Международном социалистическом бюро А. Немецу, запрашивает его о возможности созыва конференции РСДРП в Праге и просит оказать помощь в ее организации.
Октябрь, 23 или 24 (ноябрь, 5 или 6).	Ленин выезжает в Бельгию и Лондон. Ленин приезжает в Брюссель и читает реферат на тему «Столыпин и революция».
Между 23 октября и 5 ноября (5 и 18 ноября).	Ленин пишет статью «Старое и новое (Из заметок газетного читателя)». Статья опубликована 5 (18) ноября в газете «Звезда» № 28.
Октябрь, 25 (ноябрь, 7).	Ленин в Антверпене читает реферат на тему «Столыпин и революция».

Между 25 октя-бря и 5 ноября (7 и 18 ноября).	Ленин пишет статью «Два центра». Статья опубликована 5 (18) ноября в газете «Звезда» № 28.
Октябрь, 29 (ноябрь, 11).	Ленин в Лондоне читает реферат на тему «Столыпин и революция».
Ранее 30 октября (12 ноября).	Ленин пишет статью о положении крестьянства в Швеции.
Ноябрь, позднее 6 (19).	Ленин пишет статью (доклад) «О социал-демократической фракции II Думы». Статья опубликована в декабре на немецком, французском и английском языках в «Периодическом бюллетене Международного социалистического бюро» № 8.
Ноябрь, 7 (20).	Ленин в Льеже читает реферат на тему «Столыпин и революция».
Ноябрь, 8 (21).	Ленин в Льеже беседует с членами местной группы РСДРП.
Ноябрь, ранее 14 (27).	Ленин пишет план реферата «Манифест либеральной рабочей партии».
Ноябрь, 14 (27).	Ленин в Париже читает реферат на тему «Манифест либеральной рабочей партии». Реферат был организован кружком содействия «Рабочей Газете».
Ноябрь, 20 (декабрь, 3).	Ленин произносит речь от имени РСДРП на похоронах Поля и Лауры Лафарг. Речь опубликована 8 (21) декабря в газете «Социал-Демократ» № 25.
Ноябрь, 24 (декабрь, 7).	Ленин направляет секретарю Международного социалистического бюро К. Гюисмансу телеграмму ЦК демократической партии Персии, полученную ЦК РСДРП, в которой выражался протест против вмешательства русского царизма и английского империализма во внутренние дела персидского народа. В сопроводительном письме К. Гюисмансу Ленин сообщает о том, что эта телеграмма будет опубликована в ЦО РСДРП «Социал-Демократе» и выражает надежду, что содержание телеграммы будет сообщено всем партиям, входящим во II Интернационал.

Ноябрь, 26 (декабрь, 9).	Статья Ленина «Гайндман о Марксе» публикуется в газете «Звезда» № 31.
Осень.	В. И. Ленин и Н. Г. Полетаев встречаются в Берлине с А. Бебелем и просят его оказать финансовую помощь газете «Звезда».
Декабрь, 3 (16).	Статья Ленина «Манифест либеральной рабочей партии» публикуется в газете «Звезда» № 32.

———

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие VII

1910 г.

НЕ НАЧАЛО ЛИ ПОВОРОТА? .... 1—3

О ДЕМОНСТРАЦИИ ПО ПОВОДУ СМЕРТИ МУРОМЦЕВА *(Заметка)* .... 4—9

ДВА МИРА .... 10—18

Л. Н. Толстой .... 19—24

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО КО ВСЕМ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТАМ ПАРТИЙЦАМ .... 25—37

Л. Н. ТОЛСТОЙ И СОВРЕМЕННОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ .... 38—41

*ПИСЬМО В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК РСДРП .... 42—46

О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ .... 47—61

РАЗНОГЛАСИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

I .... 62—69

ТОЛСТОЙ И ПРОЛЕТАРСКАЯ БОРЬБА .... 70—71

НАЧАЛО ДЕМОНСТРАЦИЙ .... 72—75

* Звездочкой отмечены заголовки, данные Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

ЧТО ДЕЛАЕТСЯ В ДЕРЕВНЕ?..76—78

ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ БАБУШКИН *(Некролог)*..79—83

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МАРКСИЗМА ....84—89

ГЕРОИ «ОГОВОРОЧКИ» ....90—95

1911 г.

О КРАСКЕ СТЫДА У ИУДУШКИ ТРОЦКОГО 96

КАРЬЕРА РУССКОГО ТЕРРОРИСТА..97—99

Л. Н. ТОЛСТОЙ И ЕГО ЭПОХА..100—104

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ..105—107

МАРКСИЗМ И «НАША ЗАРЯ» ....108—113

НАШИ УПРАЗДНИТЕЛИ *(о г. Потресове и В. Базарове)* ....114—133

I 114

II.. 118

III 120

IV 124

V.. 129

КАДЕТЫ О «ДВУХ ЛАГЕРЯХ» И О «РАЗУМНОМ КОМПРОМИССЕ» ....134—138

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ПАДЕНИЯ КРЕПОСТНОГО ПРАВА ....139—142

ПАВЕЛ ЗИНГЕР. *Умер 18 (31) января 1911 г*..143—146

ЗАМЕТКИ. *Меньшиков, Громобой, Изгоев* ....147—156

В РОССИЙСКУЮ КОЛЛЕГИЮ ЦК ....157—160

ПО ПОВОДУ ЮБИЛЕЯ..161—170

«КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕФОРМА» И ПРОЛЕТАРСКИ-КРЕСТЬЯНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ..171—180

РАЗРУШИТЕЛИ ПАРТИИ В РОЛИ «РАЗРУШИТЕЛЕЙ ЛЕГЕНД» ....181—185

О СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ, ПЕРСПЕКТИВАХ И ЛИКВИДАТОРСТВЕ .... 186—207

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ .... 208—211

КАДЕТЫ И ОКТЯБРИСТЫ .... 212—216

ПАМЯТИ КОММУНЫ .... 217—222

О ЗНАЧЕНИИ КРИЗИСА .... 223—227

КОНГРЕСС АНГЛИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ .... 228—233

РАЗГОВОР ЛЕГАЛИСТА С ПРОТИВНИКОМ ЛИКВИДАТОРСТВА .... 234—244

«СОЖАЛЕНИЕ» И «СТЫД» .... 245—250

* *СОВЕЩАНИЕ ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП 28 мая — 4 июня (10—17 июня) 1911 г.* .... 251—273

*1. ПИСЬМО СОВЕЩАНИЮ ЧЛЕНОВ ЦК РСДРП ЗА ГРАНИЦЕЙ 253

2. КОНСПЕКТ (ПЛАН) ДОКЛАДА ТРЕХ ЦЕКИСТОВ БЕКОВ ЧАСТНОМУ СОВЕЩАНИЮ ДЕВЯТИ ЧЛЕНОВ ЦК 256

*3. ДОКЛАД О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ 262

*4. ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О КОНСТИТУИРОВАНИИ СОВЕЩАНИЯ *28 мая (10 июня)* 267

1 267
2 267
3 268
4 268

*5. ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ О КОНСТИТУИРОВАНИИ 269

*6. ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О СОЗЫВЕ ПЛЕНУМА ЦК *30 мая (12 июня)* 270

1 270
2 270

3 270
4 271
*7. ПРЕДЛОЖЕНИЕ К РЕЗОЛЮЦИИ О СОЗЫВЕ ПАРТИЙНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 272
8. ЗАЯВЛЕНИЕ 273
К ИТОГАМ ДУМСКОЙ СЕССИИ. *«Вместе делали»* .... 274—278
О СТАРЫХ, НО ВЕЧНО НОВЫХ ИСТИНАХ .... 279—284
*РЕЗОЛЮЦИЯ II ПАРИЖСКОЙ ГРУППЫ РСДРП О ПОЛОЖЕНИИ ДЕЛ В ПАРТИИ .... 285—293
Предисловие 285
I 286
II 289
III 290
*ЗАЯВЛЕНИЕ 294
ПРЕДИСЛОВИЕ К БРОШЮРЕ «ДВЕ ПАРТИИ» .... 295—298
ВСТАВКА К БРОШЮРЕ «ДВЕ ПАРТИИ» 299
ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В ПАРТИИ .... 300—304
РЕФОРМИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ .... 305—318
ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ (*Посвящается нашим «примирителям» и «соглашателям»)* .... 319—321
*ПРИМЕЧАНИЕ ОТ РЕДАКЦИИ «СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТА» К ЗАЯВЛЕНИЮ КОМИССИИ ПО СОЗЫВУ ПЛЕНУМА ЦК РСДРП .... 322—323
СТОЛЫПИН И РЕВОЛЮЦИЯ .... 324—333
О НОВОЙ ФРАКЦИИ ПРИМИРЕНЦЕВ ИЛИ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ .... 334—354
ОБ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ И ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ ПЛАТФОРМЕ .... 355—363
ИЗ ЛАГЕРЯ СТОЛЫПИНСКОЙ «РАБОЧЕЙ» ПАРТИИ .... 364—368
ИТОГ .... 369—373

ДВА ЦЕНТРА .... 374—376

СТАРОЕ И НОВОЕ *(Из заметок газетного читателя)* .... 377—380

*О СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФРАКЦИИ II ДУМЫ. *Изложение всего дела* .... 381—386

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ ОТ ИМЕНИ РСДРП НА ПОХОРОНАХ ПОЛЯ И ЛАУРЫ ЛАФАРГ *20 ноября (3 декабря) 1911 г* .... 387—388

ГАЙНДМАН О МАРКСЕ .... 389—395

МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ .... 396—409

I 396

II 403

III 406

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

*ПЛАН ЛЕКЦИИ ПО КУРСУ «НАЧАЛА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ». *Лекция IV* 413

*ПЛАН РЕФЕРАТА «МАНИФЕСТ ЛИБЕРАЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ» 414

———

Список работ В. И. Ленина, до настоящего времени не разысканных *(Ноябрь 1910 — ноябрь 1911)* .... 417—420

Список изданий и работ, в редактировании которых принимал участие В. И. Ленин 421

Список работ, возможно принадлежащих В. И. Ленину 422

Примечания .... 423—490

Указатель литературных работ и источников, цитируемых и упоминаемых В. И. Лениным .... 491—514

Указатель имен .... 515—560

Даты жизни и деятельности В. И. Ленина .... 561—577

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Первая страница газеты «Звезда» № 1, 16 декабря 1910 г., в которой была напечатана статья В. И. Ленина «Разногласия в европейском рабочем движении» 63

Обложка журнала «Мысль» № 2, январь 1911 г., в котором были напечатаны вторая глава статьи В. И. Ленина «О статистике стачек в России» и начало статьи «Наши упразднители (О г. Потресове и В. Базарове)» .... 114—115

Первая страница рукописи В. И. Ленина «Конспект (план) доклада трех цекистов беков частному совещанию девяти членов ЦК». — 1911 г. 257

Объявление о реферате В. И. Ленина «Манифест либеральной рабочей партии», прочитанном 14 (27) ноября 1911 г. в Париже 397

Том подготовлен к печати
Н. Н. Суровцевой и *Р. З. Юницкой*

Указатель литературы подготовлен
Л. А. Кашницкой

Указатель имен подготовлен
М. М. Вассером

Редактор *М. Я. Панкратова*

*

Оформление художника *Н. Н. Симагина*

Технический редактор *Н. Н. Лебедева*

Корректоры *В. П. Аносова* и *А. М. Холина*

*

*Подписано к печати с матриц 2 февраля 1973 г.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Физ. печ. л. 19 + 1 вклейка $^{1}/_{16}$
печ. л. Условн. печ. л. 32,03. Уч.-изд. л. 29,05.
Тираж 198 тыс. экз. (330 001—528 000). Заказ
№ 713. Бумага № 1. Цена 65 коп.*

*

*Издательство политической литературы.
Москва, А-47, Миусская площадь, 7.*

*

*Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская
типография № 1 «Печатный Двор» имени
А. М. Горького Союзполиграфпрома при
Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.*